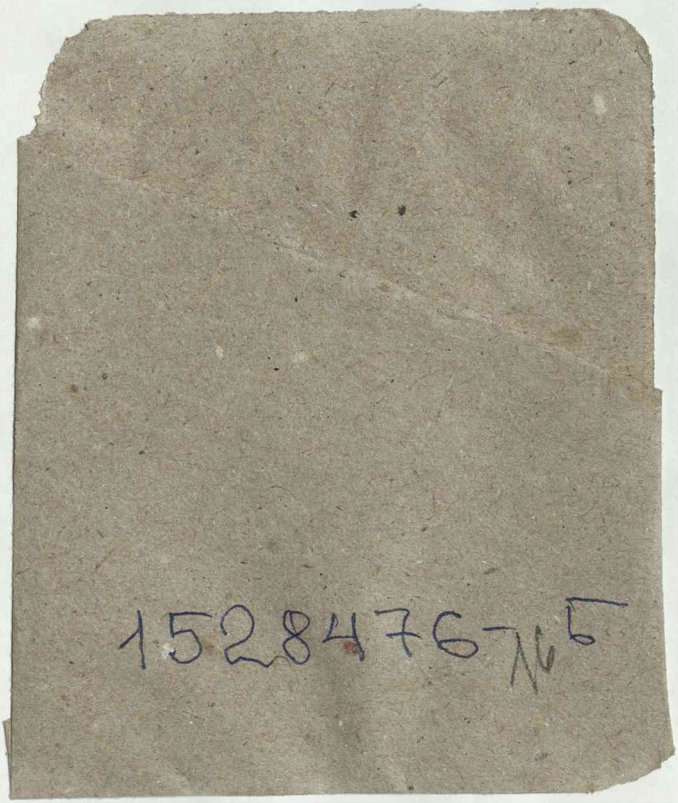
83.3(2=Рус) 7-8 (Кр)
Л 524

ЛЕТОПИСЬ

Жизни и творчества

С.А.ЕСЕНИНА

3


1528476-16

Российская академия наук

Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

ЛЕТОПИСЬ

жизни
и
творчества

С.А.ЕСЕНИНА

В пяти томах

Главный редактор А.Н.Захаров

Редакционная коллегия:

О.Е.Воронова, Л.Д.Громова, З.М.Дикун, Н.В.Есенина,
С.П.Есенина, Ф.Ф.Кузнецов, Ю.Л.Прокушев,
Т.К.Савченко, В.В.Сорокин, С.И.Субботин, А.М.Ушаков,
А.И.Чагин, Н.И.Шубникова-Гусева

Москва
ИМЛИ РАН
2008

83.3(2=Рус)7-8(Кр)
Л524

ЛЕТОПИСЬ

жизни

и

творчества

С.А.ЕСЕНИНА

Том третий
1921 – 1923

В двух книгах

Книга 2

10 мая 1922 – 2 августа 1923

1528476-Б

Москва
ИМЛИ РАН
2008

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

ББК 83.3 (Рос-Рус)

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект № 98-04-06310а
Издательский проект № 07-04-16224

Составление тома
А.Н.Захарова, С.И.Субботина

Составление разделов тома
М.В.Скороходова и Н.И.Шубниковой-Гусевой

Составление указателей
Н.В.Михаленко, М.В.Скороходова, С.И.Субботина

В работе над томом принимали участие:
Г.Маквей (Англия), М.Никё (Франция), Е.Шокальский (Польша),
Л.Г.Голубева, Т.К.Савченко, Н.М.Солобай,
А.П.Шишкин, Н.Г.Юсов

Ответственный редактор тома С.И.Субботин

Научная редакция тома Н.И.Шубниковой-Гусевой

Рецензенты: Н.Н.Воробьева, С.Н.Морозов

Вторая книга Третьего тома Летописи включает материалы о жизни и творчестве С.А.Есенина с 10 мая 1922 г. по 2 августа 1923 г., расположенные в хронологической последовательности.

Приложение к тому содержит документы, фотографии, факсимиле автографов и другие материалы из государственных архивов, музеев и частных собраний, относящиеся к указанному периоду жизни и творчества поэта.

ISBN 5-9208-0165-4
ISBN 978-5-9208-0308-5

© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2008
© Коллектив авторов, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина», охватывающий период 1921–1923 годов, состоит из двух книг. Вторая книга тома включает события, происходившие с 10 мая 1922 г. по 2 августа 1923 г., во время зарубежной поездки Есенина. Границы периода обусловлены тем, что эта поездка стала важным этапом жизни и творчества поэта. В автобиографии, написанной 20 июня 1924 г., он подчеркнул: «После заграницы я смотрю на страну свою и события по-другому».

В томе отражено и прокомментировано множество разнообразных событий творческой и личной жизни Есенина на протяжении его почти 15-месячного зарубежного турне по Европе и Америке: пребывание в Германии, Бельгии, Франции, Италии, США, работа над поэмами «Страна Негодяев», «Черный человек» и стихами цикла «Москва кабацкая», подготовка к публикации книг, участие в литературных вечерах, высказывания в печати и интервью, данные зарубежным журналистам, а также критические отзывы о поэте, в том числе в переводах с английского, немецкого, польского, французского и других языков.

Бóльшая часть материалов тома вводится в научный оборот впервые, так как указанный период жизни и творчества Есенина оказался наименее изученным.

В работе над составлением этой книги были использованы издания, где собраны и обобщены соответствующие документальные материалы, и прежде всего: 1) *Белоусов В.* Сергей Есенин: Лит. хроника. Ч. 2. М.: Сов. Россия, 1970; 2) Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. редактор А.Ю.Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Упомянутые справочники дали возможность датировать ряд событий, включая выход в свет журналов и книг с упоминанием имени Есенина.

Формирование корпуса летописных статей и их датировка, как и в предыдущих томах Летописи, во многом базировалось на:

— материалах и научном комментарии к ним, помещенных в девяти книгах семитомного Полного собрания сочинений С.А.Есенина (1995–2001) / Гл. редактор Ю.Л.Прокушев;

— текстах (и комментарии к ним) сборника «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи» / Вст. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993. Т. 1 и 2;

— материалах сборника «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др.; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995;

— материалах книги: *McVay G.* Isadora and Esenin. Ann Arbor and London, 1980;

— статье: *Маквей Г.* Московская школа Айседоры Дункан (1921–1949) // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2003 / Сост. Т.Б.Князевская; Науч. совет «История мировой культуры». М.: Наука, 2004.

Для отдельных групп летописных статей использовались материалы, содержащиеся в книгах:

— С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова, сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.<Шубниковой->Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историч. наследие, 1992;

— *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001;

— Русский имажинизм: история, теория, практика / Под ред. В.А.Дроздкова, А.Н.Захарова, Т.К.Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Для уточнения отдельных датировок выпуска авторских книг Есенина и коллективных сборников с его участием использовалась книга: *Юсов Н.Г.* Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиогр. справочник. М.: Златоцвет, 1994.

Были проанализированы освещающие этот период воспоминания и дневники современников, в основном иностранные: И.Дункан и А.-Р.Макдугалла, С.Юрока, Л.Кинел, М.Дести, А.Ярмолинского, Н.Набокова, И.Эренбурга, Р.Гуля, В.Левина и др.

В процессе подготовки данного тома Летописи важное место заняли архивные поиски. Положительные результаты дали разыскания в Государственном архиве Российской Федерации (Москва), отделе рукописных и изобразительных фондов Государственного литературного музея (Москва), отделе рукописных и книжных фондов Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва), рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург), Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), Российском государственном архиве социально-политической истории (Москва), научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Поиски распространялись не только на отечественные хранилища, но и на зарубежные. В этом большую помощь оказали составителям зарубежные коллеги. Наиболее полно представлены в томе материалы о рецепции поэзии Есенина во французской и польской печати, и прежде всего — во франкоязычной печати Бельгии.

Воспоминания бельгийского писателя и переводчика Франца Элленса, опубликованные в 1958 г. и ранее не использованные российскими исследователями, позволили Мишелю Никё установить обстоятельства встречи Ф.Элленса с Есениным и выхода первого поэтического сборника Есенина на иностранном языке — «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана», Париж, 1922). Учтен целый ряд не известных ранее публикаций переводов стихотворений Есенина на французский язык в бельгийских журналах, а также опубликованные в них материалы о поэте. Среди них — специальный выпуск журнала «Lumière» (1922, № 9–10, июнь–июль), издававшегося в Антверпене, целиком посвященный России, где опубликован отрывок из «Кобыльих кораблей» Есенина в переводе Ф.Элленса; статья Ф.Элленса о Есенине в № 4 «Le Disque Vert» за август 1922 г. с большими отрывками из «Исповеди хулигана» и с третьей частью «Сорокоуста»; целиком приведена «Песнь о собаке», там же полностью — «Кобыльи корабли» в переводе Ф.Элленса и М.Милославской; стихотворение «Устал я жить в родном краю...» в переводе Ф.Элленса и М.Милославской (журнал «La Bataille littéraire», Брюссель, 1922, № VII–VIII, июль–август). Из публикаций во Франции можно отметить обзорную статью Н.Брянчанинова «Молодые "москви-

тяне"» («La Nouvelle Revue» от 15 мая 1923), где Есенин именуется «несомненно известнейшим, если не крупнейшим поэтом России» после смерти Блока и приводятся отрывки из «Пугачева» и из «Исповеди хулигана» (в переводе Л.Савицкой); стихотворение Есенина «Разбуди меня завтра рано...» в переводе М.Милославской и с гравюрами на дереве Жоржа Жимеля в журнале «Tentatives» (№ 1 от 1 июня 1923), который выходил в Гренобле, и др.

С целью просмотра публикаций и дополнительного поиска информации Н.И. Шубникова-Гусева в 2006 и 2007 годах выезжала (в рамках эквивалентного обмена между Российской и Польской академиями наук) в Варшаву, где ею были обследованы de visu все доступные польские газеты и журналы 1922–1923 годов и выявлены не известные ранее отклики о Есенине и о его творчестве. Оказалось, в частности, что в польской прессе в то время публиковались не только переводы стихов Есенина; имя поэта нередко появлялось и в литературной хронике.

Из есенинских произведений, переведенных на польский язык, в Летописи учтены (и представлены в виде иллюстраций) такие, как первая часть поэмы «Преображение» и стихотворение «Табун» в переводе В.Денгоф-Чарноцкого, а также стихотворения «Нивы сжаты, рощи голы...» и «Отвори мне, страж заоблачный...» в переводе Л.Подгорского-Околува (сборник «Nowa Poezyja Rosyiska», Варшава, 1923; книга вышла в конце ноября 1922), «Лисица» (переводчик Л.Подгорский-Околув, варшавский журнал «Skamander», апрель 1923) и др. Для Летописи впервые переведены Ежи Шокальским на русский язык отклик Я.Ивашкевича на московское издание книги Есенина «Пугачев» (журнал «Skamander», май–июнь 1922), а также фрагменты книги С.Жеромского «Snobizm i postęp» («Снобизм и прогресс»; вышла в декабре 1922), где идет речь о Есенине. Оба автора дают высокую оценку его дарованию: например, С.Жеромский пишет о «чарующей речи настоящего поэта, одного из самых гениальных».

Впервые, благодаря профессиональному переводчику с японского А.В.Хачояну, который любезно откликнулся на просьбу одного из составителей Летописи, С.И.Субботина, удалось по трем плохо сохранившимся (в Тетр. ГЛМ) вырезкам с японским текстом перевести его (к сожалению, лишь частично) на русский язык. Этот текст оказался статьей из неустановленного периодического издания, написанной Кэйси Осэ. Приведенные в этой статье переводы отрывков из «Преображения» и «Инонии» и переложение стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» являются первыми из переводов стихов Есенина на японский язык, выявленных к настоящему времени.

С привлечением доступной на сегодняшний день информации оказалось возможным установить и датировать многие не известные ранее события, касающиеся Есенина, а для известных — провести уточнение датировок.

Наиболее сложным было выявление событий, связанных с поездками Есенина и А.Дункан в различные города Западной Европы и Америки, поскольку зачастую свидетельства самого Есенина и его современников о передвижениях поэта, а также о литературных вечерах с его участием противоречивы и неконкретны. Тем не менее, путем обследования доступных в отечественных хранилищах на период подготовки Летописи газет, журналов и непериодических изданий того времени ряд моментов удалось прояснить.

Были просмотрены газеты, выходившие не только на территории европейской России, но и на Дальнем Востоке, а также эмигрантские и иностранные. Бóльшая часть сведений о газетных материалах с упоминанием имени Есенина на страницах научного издания появляется впервые.

Важная новая информация обнаружена в следующих газетах: «Время» (Берлин), «Голос России» (Берлин), «Дальне-Восточный путь» (Чита), «Дни» (Берлин), «Заря» (Харбин), «За свободу!» (Варшава), «Коммунист» (Харьков), «Красная газета» (Пг.), «Литературный листок» (приложение к газ. «Известия ТатарЦИК»), «Накануне» (Берлин), «Наша неделя» (приложение к газ. «Пролетарий», Харьков), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Русский голос» (Нью-Йорк), «Русское дело» (Белград), «Свет» (Харбин), «Свободная Россия» (Чикаго), «8-Uhr Abendblatt» (Берлин), «Comoedia» и «Le Figaro» (Париж). Большим подспорьем стали материалы из американских газет «Chicago Tribune», «Cleveland News», «New York Globe», «New York Herald Tribune», «New York Times», «New York Tribune», «New York World», «Toledo Blade» и др., процитированные Г. Маквеем в его книге «Isadora and Esenin» (1980), но до сих не опубликованные в русском переводе.

Аналогичные находки были и в журналах, таких как «Авангард» (Москва), «Воля России» (Прага), «Железный путь» (Воронеж), «Казанский библиофил», «Корабль» (Калуга), «Литературный еженедельник» (Пг.), «Мисао» (Белград), «Новая русская книга» и «Новости литературы» (Берлин), «Новый быт» (Иваново-Вознесенск), «Пролетарские побеги» (Новониколаевск), «Рупор» (Москва), «Современные записки» (Париж), «Сполохи» (Берлин), «Таежные зори» (Новониколаевск), «Утренники» (Пг.), «Художественный Саратов», «Clarté» и «La Nouvelle Revue» (Париж), «Kultura Robotnicza» и «Przegląd Warszawski» (Варшава), «Tentatives» (Гренобль), «Zenit» (Загреб) и др.

Новизна материала Летописи обусловлена не только включением в нее забытых печатных источников и неизвестных архивных документов, но и обращением к эпистолярию поэта и его современников. Благодаря анализу зарубежных писем Есенина, писем к нему, а также писем его современников друг к другу оказалось возможным выявить не известные ранее факты жизни и творчества поэта. К сожалению, с частью этих материалов ознакомиться не удалось. Так, осталась недоступной записка А.Дункан (предположительно мая 1922) дипломату и меценату графу Г.Кеслеру, где стоит также подпись Есенина. По имеющимся сведениям, этот документ хранится в архиве адресата (г. Марбах, Германия).

В связи с неудовлетворительным комплектованием или плохой сохранностью зарубежной периодики в отечественных хранилищах некоторые ее материалы также не попали в поле зрения составителей. К примеру, не установлено, в какой из бельгийских газет, вышедших до 7 августа 1922 г., была опубликована беседа А.Дункан с журналистом Ж.Фламаном, где говорилось о Есенине. В таких случаях в летописной статье фиксировалось название и предположительное время выхода издания, а сам материал излагался в русском переводе, исходя из информации в эмигрантских газетах. Составители надеются, что впоследствии удастся обнаружить сведения, проливающие свет на подобные эпизоды.

Определенную трудность при составлении Летописи представляют случаи, когда не удается определить точную дату события. Временны́е границы таких событий нередко сопровождаются вопросительными знаками. Летописная статья с приблизительной или неоднозначной датой обязательно сопровождается развернутым комментарием, содержащим обоснование выбора датировки.

Несмотря на недоступность отдельных источников, проведенная составителями работа позволила на новом фактическом материале впервые с достаточной полнотой представить панораму событий заграничной поездки Есенина.

* * *

В начале 1920-х годов партия усиливает свое воздействие на литературный процесс в Советской России. Возникает идея сплочения советски настроенных писателей в единое ядро, выдвинутая Л.Д.Троцким (30 июня 1922 г.) и одобренная И.В.Сталиным (3 июля 1922 г.). В заключении заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) Я.Яковлева, приложенном к письму Сталина, среди конкретных имен «сочувствующих» значится Есенин.

С 8 июня по 7 августа 1922 г. в Москве идет судебный процесс над членами ЦК и некоторыми активистами партии эсеров. В августе происходят аресты, а в сентябре-октябре 1922 г. — высылка в Германию представителей гуманитарной и технической интеллигенции, в том числе знакомых Есенина — Ю.Айхенвальда, Ф.Степуна и М.Осоргина.

3 августа 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними». Под него подпадает и «Ассоциация вольнодумцев», главой которой был Есенин. Наконец, 17–24 апреля 1923 г. проходит XII съезд РКП(б), где принимается резолюция, в которой вопрос о руководстве литературой ставится «на очередь дня».

Находясь за границей, Есенин и А.Дункан ощущают результаты «общего твердого руководства» и на себе. 31 мая 1922 г. на заседании президиума Коллегии Наркомпроса в Москве (председатель А.В.Луначарский) отклоняется просьба А.Дункан организовать в Париже ее спектакли с 20-ю русскими детьми (с предложением об организации этих спектаклей выступило французское правительство). 21 июля того же года президиум Коллегии Наркомпроса (вновь под председательством А.В.Луначарского) отказывает школе А.Дункан и ее руководителю И.Дункан в поездке за границу.

В письме к А.Б.Кусикову от 7 февраля 1923 г. Есенин пишет о своем отношении к происходящему на родине: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. <...> Тошно мне, *законному* сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. <...> Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь».

Как показывают заграничные письма Есенина, вдали от родины его волнуют пути национального развития России и русского искусства. Поэт постоянно пишет своим друзьям и близким о наступлении «ужаснейшего царства мещанства», где «в страшной моде господин доллар», и о судьбах искусства в современном обществе. Эти две темы «разойдутся» по двум поэмам, над которыми поэт работал во время зарубежной поездки. В «Стране Негодяев» отразится проникший в Россию мир бизнеса, не имеющий национальных границ и объединяющий «подлецов всех стран», а в «Черном человеке» — взгляды на жизнь и искусство.

Материалы настоящей книги Летописи опровергают традиционное представление о том, что Есенин почти ничего не писал во время зарубежной поездки. На самом деле в это время создано самое большое произведение поэта — драматическая поэма «Страна Негодяев» (сюжет которой в процессе работы трижды менялся), первый вариант «Черного человека» и восемь лирических шедевров, вошедших впоследствии в книгу «Москва кабацкая».

В Летописи прослеживаются этапы работы Есенина над этими произведениями, в т. ч. над «Страной Негодяев»: работа над ранним вариантом и черновиком будущей поэмы; процесс формирования ее сюжета; изменение сюжета, связанное с темой курса Советского правительства на новую экономическую политику и введение нового главного персонажа — Никандра Рассветова.

В этот период Есенин занят изданием своих новых книг. За границей в 1922–1923 гг. выходят книги «Пугачев», «Собрание стихов и поэм: Т. 1» и «Стихи скандалиста», куда включен цикл «Москва кабацкая» (все три в Берлине), два парижских издания книги на французском языке «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана») в переводе Ф.Элленса и М.Милославской. Не всем планам поэта удалось осуществиться. В апреле-июне 1923 г., будучи в Париже, Есенин задумал издание цикла «Москва кабацкая» отдельной книгой. Но книга вышла только в июле 1924 г. в Ленинграде.

И в России, и за рубежом интерес к есенинскому «Пугачеву», возникший еще во время работы автора над поэмой (начатой в феврале 1921 г.), всё более возрастает. За границей Есенин неоднократно читает главы из «Пугачева» как друзьям, так и широкой публике. Одно из наиболее ярких впечатлений от авторского чтения поэмы (Брюссель, середина июля 1922 г.) содержится в воспоминаниях Лолы Кинел: «Я была ошеломлена. Есенинский голос — голос южнорусского крестьянина, мягкий и слегка певучий — передавал изумительный диапазон переживаний. От нежной ласкающей напевности он возносился до диких, то хриплых, то пронзительных выкриков. Есенин был Пугачевым — измученным крестьянином… долго страдавшим, терпеливым, обманутым, а потом — неистовым, хитрым, страшным в своем гневе и требующим свободы и мщения… и потом, в конце, когда его предали, — покорным, покинутым… Есенин-Пугачев выражал недовольство шепотом, вел неторопливый рассказ, будто пел песню. Он же орал, плевался, богохульствовал. Его тело раскачивалось в ритме декламации, и вся комната словно вибрировала от его эмоций. Потом, в конце, побежденный, он — Есенин-Пугачев — съежился и зарыдал.

Мы сидели молча… Долгое время никто из нас не мог поднять рук для аплодисментов, потом они разразились вместе с диким шумом и криком… Только я одна знала русский и могла понять смысл, почувствовать мелодичность его слов, но все остальные восприняли силу переживаний и были потрясены до глубины души…».

Читатель встретит в тексте Летописи широкий спектр мнений о поэзии Есенина. Наиболее высоко творчество поэта ценили во Франции, где называли его «одним из лучших современных русских поэтов по жизненности вдохновения и формы» («L'Humanité», 17 августа 1922 г.), сравнивали по «необычайной мощи» с Шекспиром и Данте.

Но зачастую одним и тем же есенинским произведениям давались противоположные оценки (см., например, в тексте тома характеристики одного из наиболее популярных стихотворений Есенина «Не жалею, не зову, не плачу…»). Противоречивое отношение было и к поэме «Пугачев», которая принесла автору европейскую известность. Неоднозначно расценивалась литературной критикой и имажинистская поэзия, включая есенинскую. Именно поэтому составители Летописи при освещении критических работ старались отобразить всю их палитру.

Вместе с тем, как бы ни отличались между собой оценки творчества Есенина, почти все критики, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали, признавали его мощный талант.

Есенин посетил целый ряд городов Европы и Америки. В одном из писем И.И.Шнейдеру (21 июня 1922 г.) он пишет, что А.Дункан «как ни в чем не бывало

скачет на автомобиле, то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерика». В Летописи уточнено время поездок Есенина и А.Дункан по городам Германии (Любек, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне, Веймар, Висбаден, Дюссельдорф, Кёльн), Бельгии (Остенде, Брюссель), Франции (Париж, Версаль), Италии (Венеция, Лидо), США (Чикаго, Канзас-сити, Сент-Луис, Мемфис, Детройт, Кливленд, Торонто).

Поездка оказалась для Есенина очень трудной, потребовала громадного нервного и физического напряжения. Выступления поэта перед эмигрантской публикой часто завершались политическими скандалами и были освещены в печати именно под этим углом зрения.

Материалы Летописи впервые в полной мере раскрывают трагедию разочарования Есенина как художника, который надеялся принести миру новое слово своей поэзии и пропагандировать поэзию своих товарищей-имажинистов, но убедился в безуспешности своих намерений.

Известная его фраза из письма к А.Мариенгофу («Никому наша поэзия здесь не нужна...») получает многочисленные подтверждения представленными в Летописи материалами из зарубежной прессы того времени. Русский поэт-крестьянин был для иностранных наблюдателей чем-то «вроде юного дикаря, вывезенного прихотливой принцессой» (Е.Лундберг). В России также искажали реальную картину пребывания Есенина за границей, изображая его «белокурым варваром», которого американская танцовщица вывезла с собой в Европу «в качестве ручной обезьянки» (см. статью Л.Гринберга «Нашла новую родину» в самарской газете «Коммуна» от 28 июля 1922 г.).

В томе впервые всесторонне освещено одно из наиболее трагических событий зарубежной поездки Есенина: скандал на вечеринке у еврейского поэта Мани-Лейба (Нью-Йорк, конец января 1923 г.), после чего возникло несправедливое обвинение поэта в антисемитизме, потянувшееся за ним в Россию.

Личные неурядицы, негативные впечатления от поездок по Западной Европе и Америке, а главное — ощущение трагедии, которая происходит с его родиной — Россией — и с ее народом, во многом изменили мировосприятие поэта. «Да, я вернулся не тем. Много дано мне, но и многое отнято. Перевешивает то, что дано», — напишет Есенин по возвращении в Москву в очерке «Железный Миргород».

* * *

В работе над второй книгой третьего тома «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» принимали активное участие все члены Есенинской группы ИМЛИ РАН.

Вместе с составителями книги А.Н.Захаровым и С.И.Субботиным над ее отдельными разделами работали:

— А.П.Шишкин, Н.И.Шубникова-Гусева — переводы произведений Есенина и литература о нем на иностранных языках;

— М.В.Скороходов, Н.М.Солобай — отечественная периодика;

— Н.М.Солобай, Н.Г.Юсов — эмигрантская периодика и материалы Приложения;

— Н.И.Шубникова-Гусева — критика и мемуарная литература эмиграции и произведения Есенина.

Большую помощь составителям оказали:

— Гордон Маквей (Бристоль, Англия), приславший ряд материалов об А.Дункан и ее совместной с Есениным поездке за рубеж и предоставивший ряд фотографий Есенина и фотокопий вырезок из иностранных газет;

— Мишель Никё (Кан, Франция), ознакомивший с труднодоступными для российских исследователей материалами о Есенине на французском языке и оказавший существенную помощь как в дальнейшем поиске новых материалов, так и в переводе подавляющей их части на русский язык;

— Ежи Шокальский (Варшава, Польша), осуществивший переводы с польского языка;

— Владислав Пиотровский (Краков, Польша), подаривший свою монографию «Сергей Есенин в польской междувоенной литературе» (1967), где содержательно охарактеризованы этапы рецепции творчества Есенина в Польше, в т. ч. при жизни поэта;

— А.В.Хачоян (Черноголовка, Московская обл.), выполнивший перевод с японского языка;

— Л.Г.Григорьева, ознакомившая с рукописью своей книги «Статьи о Есенине и переводы его произведений на иностранные языки»;

— В.А.Дроздков, предоставивший ряд неизвестных материалов по теме «Есенин и имажинизм»;

— Ю.А.Паркаев, познакомивший с ранее не известными материалами из своего личного архива;

— Т.К.Савченко, принимавшая участие в работе над томом;

— Н.В.Михаленко, участвовавшая в составлении указателей.

Составители весьма признательны всем, кто способствовал подготовке и выходу настоящей книги Летописи. Мы с благодарностью отмечаем неизменную поддержку нашей работы научными сотрудниками Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А.М.Горького РАН во главе с членом-корреспондентом РАН Н.В.Корниенко. Особая благодарность А.П.Зименкову, с чьей помощью получена для иллюстрации Летописи редкая фотография Есенина.

Составители благодарны хранителям есенинских материалов: Н.В.Есениной, С.П.Есениной; сотрудникам ГМЗЕ — Е.Н.Астаховой, О.Л.Аникиной, Н.Н.Бердяновой, К.П.Воронцову, А.В.Девятайкиной, Т.Я.Зотовой, В.И.Панкратовой; ИРЛИ — Л.Н.Ивановой, М.М.Павловой, Т.С.Царьковой; работникам других государственных хранилищ (ГЛМ, РГАЛИ, РНБ, ГАРФ), а также М.А.Айвазяну, А.Б.Базилевскому, А.Ю.Галушкину, М.А.Замшеву, Н.В.Злыдневой, С.Е.Зенкевичу, Н.В.Котрелёву, Е.Ю.Литвин, С.А.Серегиной, А.А.Федюхину (Москва), О.Е.Вороновой, З.М.Дикун (Рязань); Карен Вандемелебрук и Виму Куденису (Лувен, Бельгия), Бьёрну-Олаву Дозо (Льеж, Бельгия), Р.С.Саакян (Ереван, Армения), В.И.Евреинову (Черноголовка Московской обл.), М.А.Бурдуковскому, М.А.Екшурскому, Л.Ф.Карохину, Р.П.Хрулёвой (Санкт-Петербург), О.К.Переверзеву (Иваново) и др., оказавшим разнообразную помощь в работе.

ЛЕТОПИСЬ

1922

Май, 10, день. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3392) информирует:

«Москва. 9 мая. Известная французская <так!> танцовщица Айседора Дункан собирается в скором времени поехать в Америку, где предпримет балетное турне с группой 20-ти танцовщиц.

Весьма возможно, что в мае с ней отправится молодой русский поэт Ясенин <так!>, за которого Дункан недавно вышла замуж».

И.Дункан отправляет из Москвы телеграммы об отлете А.Дункан и Есенина:

«<Париж Hottois>. Айседора Сергей Есенин поженились отправились на аэроплане сегодня Берлин Отель Адлон = Ирма Дункан»;

«<Нью-Йорк Hurok>. Айседора Есенин поженились вылетели на аэроплане Берлин Отель Адлон = Ирма Дункан»;

«<Лондон Королевский театр Harle>. Айседора Сергей Есенин поженились вылетели на аэроплане сегодня Берлин Отель Адлон = Ирма Дункан».

Хроника, 2, 255 (пер. с фр. и с англ.).

Самолет с Есениным и А.Дункан совершает кратковременную посадку в Ковно (ныне Каунас), а затем продолжает полет.

«В тот же день <10 мая> <...> Айседора Дункан была уже в Кенигсберге, спустившись только один раз за весь путь в Ковно».

ТМ, 1922, 16–21 мая, № 40.

Ср., однако: 2 июня 1922, вторая запись.

Путешественники прибывают «из Москвы в снежную бурю <...> и у поэта С.Есенина не оказывается визы для проезда "Данцигского коридора".

Но энергия у Айседоры Дункан большая, а "коридор" маленький, и она так заполняет его протестующими криками, что пришлось распахнуть перед путешественниками дверь из "коридора" в Германию на Берлин. <...> И, по-видимому, благополучно».

Нак., 1922, 14 мая, № 40.

Май, 10, вечер. Прилетев в Кенигсберг, Есенин и А.Дункан на поезде отправляются в Берлин.

«В тот же день <10 мая>, в 8 час. веч., Айседора Дункан была уже в Кенигсберге <...> Из Кенигсберга ночным поездом Дункан приехала в четверг в 8 час<ов> утра в Берлин».

ТМ, 1922, 16–21 мая, № 40.

«За полет Москва — Берлин <так!> Айседора Дункан-Есенина уплатила сто миллионов рублей».

Газ. «Последние новости», Париж, 1922, 16 мая, № 638.

См. также: 12 мая 1922; 14 мая 1922, третья запись.

«Из России Айседора уехала лишь с одной мыслью: показать своему молодому поэту красоту мира. Она считала, что он прекрасный, исключительный поэт, и точно так же считало большинство в Москве, да, по-моему, и сейчас этого никто не оспаривает. Этот красивый, неуравновешенный двадцатисемилетний мальчик был из крестьян, и естественно, что писал он о земле, о простых крестьянах, которых знал, о собаке, лающей на луну, о плуге в поле и о других обычных и простых вещах. Но обо всем этом он писал с огромным талантом.

Айседора часто говорила, что будет его Вергилием и проведет по всему миру, открывая ему глаза на шедевры искусства <...>

Возможно, его <Есенина> помыслы при отъезде из России были не такими возвышенными, как у Айседоры, а ею руководил чистый альтруизм, и она думала только о его развитии и совершенствовании. Для осуществления этого путешествия ей пришлось много танцевать и зарабатывать много денег, чтобы их пребывание повсюду было обставлено с комфортом и доставило большое удовольствие».

Дести, 268–269.

Май, 11. Московская газета «Рабочий» (№ 56; подпись: Д. Бр.) помещает информацию Д.И.Бразуля «3-й воздушный рейс Россия — Германия»:

«Член нашей миссии в Берлине тов. Пошукайтис принимает почту, одевает теплый костюм летчика и садится в каюту. За ним следуют германский летчик Эди Петтерсен, чл<ен> президиума Герм<анского> О<бщест>ва воздухоплавания Вальтер Макентун и пассажиры — балерина-босоножка Айседора Дункан и поэт Сергей Есенин.

Мотор шумит, у механика Германа Тугуша пред глазами воздушная карта — и ровно в 9 часов утра аппарат поднимается в воздух. Куча детишек из школы Айседоры Дункан, приехавших ее провожать, машут платками и шляпчонками».

См.: 10 мая 1922, 9 часов утра; 16 мая 1922, первая запись.

Май, 11, 8 часов утра. Есенин и А.Дункан приезжают поездом из Кенигсберга в Берлин и останавливаются в гостинице «Адлон».

«Из Кенигсберга ночным поездом Дункан приехала в четверг, в 8 час. утра, в Берлин».

Нак., 1922, 12 мая, № 38.

«Одиннадцатого мая Айседора со своим поэтом приехали прямо с аэродрома <так!> Темпльхоф в Берлине в отель "Адлон". Там они отпраздновали: она — свое возвращение, а он — свое вступление в цивилизованную жизнь с ее роскошью, элегантностью и дорогостоящим комфортом. Корреспонденты различных американских и английских газет толпились в отеле, чтобы взять интервью у четы молодоженов, и вскоре воздух в их "свадебном номере" был вконец отравлен чадом от постоянных вспышек магниевых ламп».

И.Дункан и Макдугалл, 97.

М.Дести, подтверждая этот факт, приводит, в частности, одно из высказываний А.Дункан:

«Они сразу отправились в отель "Адлон", ее всегдашний любимый отель. Там она заявила многочисленным репортерам, собравшимся, как всегда, ее приветствовать:

"Я люблю русский народ и намереваюсь вернуться в Россию в будущем году. Тем не менее очень приятно приехать сюда, где тебя ждет горячая вода, салфетки, тепло и т. п. В России есть другое, но мы, бедные, слабые существа, так привыкли к комфорту, что очень трудно от него отказаться. И русские отнюдь не собираются отказываться от него. Наоборот. Но они считают, что в комфорте должны жить все, а если его не хватает, то не хватать его должно всем".

Сергей, не очень разбиравшийся в том, что принято носить за границей, но имея слабость к вещам, вырядился в синий костюм и белые парусиновые туфли, считая, что в них он очень наряден. Скажу, что с его золотой гривой, обрамлявшей голову, подобно ореолу, было все равно, что надеть. Лицо у него было всегда прекрасным, кроме тех моментов, когда наступали страшные припадки <...>.

Первое, что Айседора сделала в Берлине, это дала Есенину свободу действий в отношении портного. Результаты, мягко говоря, были оригинальными, и она была более чем поражена, когда обнаружила, что он заказал больше вещей, чем человек способен сносить за всю жизнь. Но Айседора просто сказала: "Он ведь такой ребенок, и у него никогда ничего в жизни не было, так что я не могла ругать его за это".

Сергей почувствовал себя в благах цивилизации, как рыба в воде, и требовал, чтобы ему каждый день мыли голову, чтобы у него была отдельная ванна, много одеколона, пудры, духов и т. п. ».

Дести, 269–270.

«Айседора и Есенин занимали две большие комнаты в отеле "Adlon" на Unter-den-Linden. Они жили широко, располагая, по-видимому, как раз тем количеством денег, какое дает возможность пренебрежительного к ним отношения. Дункан только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Париже».

Н.В.Крандиевская-Толстая — Восп., 2, 17.

Май, 11, около 12 ч. дня. Есенин приходит в один из берлинских банков, где встречается с писателем Г.В.Алексеевым.

Событие и его время устанавливаются по свидетельству Г.В.Алексеева (1922):

«Часов в 12 <...> в банк вошел человек в велосипедном шлюпике, насаженном на затылок, в широком английском пальто, обвисшем на нем как колокол, и в белых парусиновых, окаченных автомобильной грязью ботинках. Он в нерешительности остановился возле швейцара, снял шлюпик и, держа его в руке, пошел было ближе, но потом раздумал, сел на стул и внимательно осмотрелся вокруг. Его волосы, кружком скатившиеся на лоб, доставали почти до бровей, бесцветных и белесых, вокруг глаз набежали морщины и, набежав, затвердели радугой. Он в нерешительности мял картуз, вбок поглядывая на деловую толпу, сам ей чужой, будто испугавшийся ее планомерного бега, в котором каждому было свое место и не было лишь ему. Потом он достал папиросу, закурив — широким жестом отшвырнул спичку на колени сидевшей напротив дамы с птичьими крыльями на шляпе и, куря, стал выпускать дым в сторону — в желтое и лысое как бильярдный шар лицо соседа — крепкий саднящий дым махорки РСФСР, купленной только вчера в Москве. Казалось, что человек в шлюпике с интересом наблюдал, что произойдет дальше. Остановятся стрелки часов, люди выскочат из-за решеток, дама, которой спичка упала на колени, скользнет со стула в обмороке, а немец, зачихавший, в крепком дыму РСФСР, поднимет трость — человек в шлюпике улыбнулся, закладывая ногу на ногу, белым ботинком на колени. Но немец, учтиво сняв шляпу, пробормотал: "Verzeihung <Извините (*нем.*)>", — и пересел на другое место.

1528476-Б

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

Тогда рядом с человеком в шлюпике вырос сторож — в длиннополом мундире, прокрапленном начищенной медью пуговиц, посмотрел пристально на белые ботинки — и они сами скользнули к полу, в надлежащее положение. Человек в шлюпике застенчиво улыбнулся и, встав, подошел к кассе. Там он попробовал с помощью рук что-то растолковать кассиру, совал ему под нос билет и кипу каких-то удостоверений, потом устал и, махнув рукой, неловкой походкой пошел к выходу. Я узнал его и нагнал у дверей.

Он всё такой же — не вырос, маленький, как в Москве лет семь назад, всё так же удивляются его глаза и застенчива улыбка, сдвигающая к ресницам кольца обветренных морщин. Если бы снять с него пальто, да на ладный кружок кучерских, непослушных волос насадить картуз по брови — звонил бы он у Николы на Посадях, сам удивляясь, как из-под медных дылд, болтающихся в руках на веревках, слетают вниз согласные звуки малинового звона. Если б снять с него белые ботинки, да в опорках на босу ногу с длинным кнутом, обжигающим как выстрел, пустить по плотине в вечерний час, когда по-над рекой играет бубенцами стадо, а окна деревенских хат, что красный мак на солнце, — пел бы он песню, пастушонок, пел бы он звонкую, и бабы, возвращаясь с жнивов, разломавших бедра, и старики, поджидающие стадо у плетней, улыбнулись бы молодости, порадовались жизни, простой и понятной под крестьянским небом. Если б снять с него городской наряд, да в степь — на связку разбегающихся дорог, под ветер, шипящий растревоженным кустарником, выпустить с ножом в голенище — поджидал бы он купца на тройке, засвистал бы товарищам в четыре пальца, подраненного, в смертной муке свалившегося в кузовок, дорезал бы — из озорства. Такие — в бабки здорово играют, полкона снимают, хоть и махонькие, грозные атаманы и отрясатели чужих яблонь, и девкам на селе от них проходу нет. Прежде, когда тракты были, а на трактах водка, а на дорогах — вольная песня ямщичья, такие в ямщики шли. Душу вывернет седоку песней, степь заворожит, а на юрах да опушках побаивайся, за суму держись крепко — знает, что под тельником зашита, ножичек за голенищем щупает. Прежде такие вот сами к монастырям приходили, принимали на себя послух великий: год и два поет на клиросе, — женоподобный, юркий да щупленький, а к работе горяч, игрушечный монашек старцам на утешение, служка игумена самого, а в одно утро уйдет, только и найдут на несмятой постели островерхий с ямкой спереди монашеский наперсток. Да разве потом о. Паисий или о. Аристарх, собирающие по дорогам на построение нового храма в обители, поведают братии, что видели Сергуньку в портовом городе в кабаке, пьянствовал с матросами, на гармонике — чудо как хорошо играл и ругался словами самыми непотребными. Тесно таким вот тихоням в родном селе, оттого и шли по шляху да по степи разгуляться забубенные, ласковые певуны, а воры, щупленькие, а с ножичком — принимала их потом каторга — одна и по плечу, пестовала тайга непроходная — одна и по песне: во четыре пальца свист. И не раз крыли они Русь молодецким посвистом, по степу погуляли не раз — Стенькой ли Разиным, Пугачом Емелькой, Гришкой Отрепьевым, — тремя святителями подъяремной тишины.

Мы шли по улице большого города, торопящегося жить. Наседая один на другой, подвигались трамваи — вероятно, сверху они похожи на звенья перебираемых четок. Поспешали автомобили, автобусы, пролетки, вздувая щекочущие облака бензинной вони. По улицам, мимо окон, подъездов, телефонов, магазинов — стремилась толпа. Жизнь обратилась в бег, каждый шаг — деньги. Он шел медленной походкой, в развалку, как ходить умеют только еще в России. Размахивая шлюпиком и улыбаясь, рассказывал, как он шел завоевывать город. О! Как все они, эти тихонькие, его ненавидят! — и как в город принес песню — ведь его песня — дол да поле, да лес в ржавом золоте вечера, ну, а леса в городе не помнят. И вот грохоту вправленного в работу железа и

камня, сердцу большого города, изжившего единственную человеческую правду — правду земли, он рассказал, что электричество еще не убило солнца и зорь его, что автомобиль еще не обогнал лёта стрижа над лугом, что кроме трех засыхающих лип городского газона есть еще лес, а в нем заблудиться можно, есть еще песня граммофона, она плакать заставит, да есть еще свист соловьиный, разбойничий — эх, как улюлюкает он по лесам, если выйти из переулка, да тропою к Оке ли, к Днепру ли, на Волгу податься! А когда город, хоть и революционный, но не поверил, как не хочет и не может верить человек смерти, Есенин вымазал дегтем ворота Страстного монастыря, переколотил булыжником стекла магазина фальшивых бриллиантов и издал свой революционный приказ, чтобы "вся сволочь" собралась завтра на Театральную площадь послушать, какую он споет песню, и у песни этой поучиться любить жизнь. Его засадили в тюрьму, он обломал в ней пальцы, пробуя, крепка ли решетка, и понял, что камень в копьях колоколен и музеев сильнее пастушеской песни, если даже от нее плачут. И вот тихонький, как в монастыре когда-то, он притворился верующим, обрядился в городское пальто по последней моде — это ли не послух: белые ботинки к строгому смокингу.

— Вы придумали новую жизнь. Но вам скучно в сером камне — камень неплоден. И три тысячи лет минуя, в амфитеатрах дешевого гранита воскрешаете... Элладу. Ну, что ж! Хлопайте Айседоре Дункан, считайте за счастье "что-то пережить" на ее спектаклях, а я вот возьму да на этой Айседоре... женюсь.

— Вы смозговали аэроплан. Триста верст в час — это ли не гордость нашего времени. Ну, и ходите и смотрите, как трепыхаются неживые птицы над аэродромом. А я вот из Москвы в Берлин полечу. А из Берлина еще и в Америку.

На Айседоре Дункан он женился. Из Москвы в Берлин прилетел. Из Берлина полетит в Нью-Йорк. Если завтра придумают торпеду, чтобы достать Луну, — Есенин будет первым ее пассажиром. Для него это послух, он пока его и несет. С ножичком за голенищем, а ласковый: в глаза глядит всякому, как матери.

Но если завтра придут толпы и в ярости обнаженного гнева голыми кулаками разобьют Кремль и Лувр, по камушку по бревнышку растащат стены музеев и грязные ноги вместо портянок обернут Рафаэлем — он будет одним из первых, певец ярости восставшего дикаря и раба, и жертву, в смертной муке припавшую к облучку, дорежет — из озорства».

РЗЕ, 1, 178–180.

См. также: авг. 1922, третья запись.

См. Приложение.

Май, 11, с 1 ч. дня. Вместе с А.Дункан Есенин посещает редакцию газеты «Накануне», беседует с сотрудниками газеты и оставляет для публикации свои стихи.

Нак., 1922, 12 мая, № 38.

Событие и его время устанавливаются по примечанию редакции, сопровождающему газетную публикацию стихов:

«Печатаемые здесь 2 стихотворения <см.: 14 мая 1922, вторая запись> переданы сегодня, 11 мая, в 1 ч. дня автором, вылетевшим вчера в 9 час. утра из Москвы на аэроплане».

Нак., 1922, 14 мая, № 40 (Лит. прилож., № 3).

Есенин посещает «Книжный салон» Русского универсального издательства (Мартин-Лютерштрассе, 96), беседует с его редактором Г.Б.Забежинским — в частности, о поэме «Пугачев».

Событие и его время устанавливаются по свидетельству Г.Б.Забежинского (1960):

«...он <Есенин> явился к нам <в "Книжный салон"> вместе с Айседорой Дункан и с Кусиковым через несколько часов после приезда в Берлин и бурно меня приветствовал, рассказал, что они остановились в гостинице "Адлон" на Унтер ден Линден. Я очень удивился, потому что это была самая шикарная и самая дорогая гостиница в столице. На обычный вопрос издателей — "над чем вы теперь работаете?" — Есенин ответил, что заканчивает большую поэму "Пугачев"».

РЗЕ, 1, 75–76.

К тому времени поэма «Пугачев» уже вышла отдельными изданиями дважды — в Москве (см.: Летопись, 3(1), 235–236) и в Петрограде (см.: Летопись, 3(1), 259).

А.В.Бахрах позднее вспомнит:

«В "архаические" времена, точнее, в 1922-м году, существовал в Берлине книжный магазин под изысканной вывеской "Книжный салон". Владельцами его были три компаньона, добрые мои знакомцы, в прошлом — московские юристы. А что было тогда делать в германской столице безработным служителям правосудия, у которых в бумажниках еще уцелело некоторое, хоть и весьма скромное, количество зеленых американских ассигнаций? Тогда казалось вполне закономерным и логичным основать еще одно русское издательство, а при нем и книжное дело. В данном случае это было особенно к лицу основателям новой фирмы: их глава <Г.Б.Забежинский> носил ассирийскую бородку, придававшую ему весьма литераторскую внешность, а кроме того, переводил "Песни Билитис" <книгу французского поэта П. Луиса> и — увы! — "Часослов" Рильке».

«Новый журнал», Нью-Йорк, 1992, № 189, с. 341.

Май, 11 (?) или после 11 — Июнь, до 21. Есенин фотографируется с А.Дункан и А.Б.Кусиковым.

Есенин, VII (3), [162–164], фото № 61–65.

См. Приложение.

Май, 12. Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон (в связи с вынесением Московским ревтрибуналом определения о привлечении его к суду) вынужденно объявляет о передаче своих полномочий другому иерарху Православной Церкви.

Письмо Патриарха Тихона М.И.Калинину [от 12 мая (29 апреля) 1922 г.] // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. [В 2 кн.] / Изд. подготовили Н.Н.Покровский, С.Г.Петров. Новосибирск: Сибир. хронограф; М.: РОССПЭН, 1998, кн. 2, с. 237. См., кроме того, предисловие Н.Н.Покровского в первой книге этого издания (1997, с. 48–51).

О процессе над представителями духовенства и прихожанами церквей, протестовавшими против изъятия церковных ценностей, в Московском ревтрибунале см. также: 9 мая 1922, третья запись.

Свою позицию по этому вопросу Есенин излагал за рубежом и устно, и письменно.

Р.Б.Гуль в 1927 г. вспомнит:

«В редакции "Новой русской книги" кто-то сказал: "Сейчас Есенин прилетел на самолете с Дункан. Они – в «Накануне». Есенин спорит с Ключниковым об изъятии церковных ценностей". Вопрос тогда был моден. И Есенин был за "изъятие"».

Восп.-95, 337.

Из автобиографии Есенина (14 мая 1922):

«Очень не люблю патриарха Тихона и жалею, что активно не мог принять участия в отобрании церковных ценностей».

Есенин, VII (1), 352.

См. отклики русской эмигрантской печати на это заявление (ставшее достоянием прессы в другой огласовке – «Терпеть не могу патриарха Тихона...»): 5 ... 24 июня 1922, первая запись; 30 июля 1922; 2 авг. 1922.

Май, 12 ... 27. Русское универсальное издательство приобретает у Есенина право на издание поэмы «Пугачев».

Нижняя граница события устанавливается по времени первого посещения Есениным Русского универсального издательства (РУИ; см.: 11 мая 1922, с 1 ч. дня, вторая запись). Верхняя граница определяется с учетом газетной информации об этом событии; впрочем, первоначально предполагалось, что РУИ издаст антологию стихов Есенина, куда войдет и «Пугачев» (см.: 28 мая 1922, вторая запись). В воспоминаниях Г.Б.Забежинского (1960) об этом исходном проекте не говорится. Он пишет:

«Узнав, что поэт останется в Берлине на несколько недель, я предложил моим коллегам попробовать получить эту рукопись для нашего издательства. Предложение было сделано и, к моему удовольствию, принято под условием — вести переговоры с Кусиковым <...>

Для редакторов РУИ, только за год до того приехавших из Москвы, имя Есенина звучало не менее громко, чем имя Р.-М.Рильке, Стефана Георге и Гофмансталя, которых они издавали в серии "Всемирный Пантеон" тиражом в 5 000 экземпляров. Естественно, что они читали "Пугачева" только для очистки совести; никому из них и в голову не могло прийти возражать против издания этой поэмы. В спешном порядке ее набрали и напечатали отдельным изданием (вне серий)».

РЗЕ, 1, 76.

О выходе книги см.: 24 июля ... 12 авг. 1922.

Май, 12 (?) ... 15 (?). Есенин и А.Дункан встречаются на бульваре Курфюрстендамм с поэтессой Н.В.Крандиевской, женой А.Н.Толстого, и их сыном Никитой.

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.В.Крандиевской-Толстой (см. ниже), а его предполагаемые рамки — в соответствии со временем встречи Есенина с М.Горьким при участии четы Толстых (см.: 17 мая 1922, день и 17 мая 1922, вечер).

Н.В.Крандиевская-Толстая напишет в 1939 г.:

«...только через пять лет <см.: 27 (?) ... 29 апр. 1917> мы встретились снова, в Берлине, на тротуарах Курфюрстендамма.

На Есенине был смокинг, на затылке — цилиндр, в петлице — хризантема. И то, и другое, и третье, как будто бы безупречное, выглядело на нем по-маскарадному. Большая и великолепная Айседора Дункан, с театральным гримом на лице, шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол.

Ветер вздымал лиловато-красные волосы на ее голове. Люди шарахались в сторону.

— Есенин! — окликнула я.

Он не сразу узнал меня. Узнав, подбежал, схватил мою руку и крикнул:

— Ух ты... Вот встреча! Сидора, смотри кто...

— Qui est-ce? <Кто это? (*фр.*)> — спросила Айседора. Она еле скользнула по мне сиреневыми глазами и остановила их на Никите, которого я вела за руку.

Долго, пристально, как бы с ужасом, смотрела она на моего пятилетнего сына и постепенно расширенные атропином глаза ее ширились всё больше, наливаясь слезами.

— Сидора! — тормошил ее Есенин. — Сидора, что ты?

— Oh, — простонала она наконец, не отрывая глаз от Никиты. — Oh, oh!.. — и опустилась на колени перед ним, прямо на тротуар.

Перепуганный Никита волчонком глядел на нее. Я же поняла всё. Я старалась поднять ее. Есенин помогал мне. Любопытные столпились вокруг. Айседора встала и, отстранив меня от Есенина, закрыв голову шарфом, пошла по улицам, не оборачиваясь, не видя перед собой никого, — фигура из трагедий Софокла. Есенин бежал за нею в своем глупом цилиндре, растерянный.

— Сидора, — кричал он, — подожди! Сидора, что случилось?

Никита горько плакал, уткнувшись в мои колени.

Я знала трагедию Айседоры Дункан. Ее дети, мальчик и девочка, погибли в Париже, в автомобильной катастрофе, много лет тому назад. <...>

Мальчик был любимцем Айседоры. Его портрет на знаменитой рекламе английского мыла Pears'а известен всему миру. Белокурый голый младенец улыбается, весь в мыльной пене. Говорили, что он похож на Никиту, но в какой мере он был похож на Никиту, знать могла одна Айседора. И она это узнала, бедная».

Восп.-95, 332–333.

Май, с 12 на 13. Есенин и А.Дункан приходят в Дом искусств (Nollendorfplatz), где поэт выступает перед собравшимися.

Событие устанавливается по откликам на него (см.: 14 мая 1922).

Из очерка Г.В.Алексеева (1922):

«...в Доме искусств заблаговременно предупредили, что прилетевший из Москвы в Берлин Сергей Есенин с женой Айседорой Дункан "обещали быть" на очередном собрании в пятницу. И пятница эта была едва ли не самой многолюдной и шумной.

<...> оба вошли в зал. Женщина в фиолетовых волосах, в маске-лице — свидетеле отчаянной борьбы человека с жизнью. Слегка недоумевающая, чуть-чуть извиняющая — кого?, но ведь людям, так много давшим другим людям, прощается многое. И рядом мальчонка в вихорках, ловкий парнишка из московского трактира Палкина с чижами под потолком, увертливый и насторожившийся. Бабушка, отшумевшая большую жизнь, снисходительная к проказам, и внук — мальчишка-сорванец. Кто-то в прорвавшемся азарте крикнул: "Интернационал", — пять хриплых голосов неверно ухватили напев, и тогда свистки рванулись, а робкие... будто свистали пробуя. Склеенная жидким гумиарабиком "любви к искусству" толпа раскололась — намотавшиеся в кровь политические комья оказались сильнее крохотных шариков этого самого искусства, а ими жонглировать не умели. Еще какой-то армянин, сгибаясь к чужому лицу, сказал: "Сволочь", — потные лица дам, фиолетовые от пудры, и настороженные лица мужчин сдвинулись ближе к столу, за которым сидели Дункан и Есенин, белый, напряженный до звона в голове, готовый броситься — еще мгновение. И вот я видел, как он победил.

— Не понимаю, — сказал он громко, — чего они свистят... Вся Россия такая. А нас...

Он вскочил на стул.

— Не застращаете! Сам умею свистать в четыре пальца...

И толпа подалась, еще захлопали, у вешалки столпились недовольные, но Есенин уже успокоился: оставшиеся жадно били в ладоши, засматривая ему в глаза своими, рыбьими и тупыми, пытаясь приблизиться, пожать ему руку...».

РЗЕ, 1, 181.

Е.Лундберг напишет в 1923 г.:

«Сергей Есенин — в берлинском Доме искусств. Он, вместе с А. Дункан, прилетел из России на аэроплане.

Газетный отчет. Дом искусств — благонамереннейшее учреждение. Послушав речь писателей в Доме, Гейне сказал бы свое: "Всё суп да суп и никогда жаркое. И клёцок в супе тоже никогда". Роль этих клёцок в гастрономическом вареве Дома искусств играли Эренбург и Белый, однако и они очень часто теряли здесь свою относительную плотность, растворяясь в исконной стихии Минского — абсолютной текучести. Когда литературная Москва задумала несколько поперчить берлинское варево, она кинула в

него большой лавровый лист, Ремизова, и имажинистскую перчинку — Кусикова. Однако лавры пришлись не ко двору, а перчинка так и осталась не проваренной.

Вечер отходил. Ал. Толстой дочитывал превосходные свои воспоминания о Гумилеве. В них хорошее — приподнятость и отрешенность от обычных мерил, юмор, глаз художника — глядящего на художника же. И вдруг — аплодисменты. Минский радостно возвестил: пришел Есенин. Хотя следовало бы сказать: прилетел. Ибо на юношески дерзком лице и в растрепанных ветром кудрях нескрываемо сквозило выражение: "Вы ходите, а я вот летаю. Хотя бы на аэроплане". Температура поднялась мгновенно. Заходил по залу Минский, уплотнился Эренбург, засияли лица издателей, одного толстого и белокурого, и одного черного и худого. Черносотенный фон Д<ома> и<скусств> почернел еще пуще. Вошла Айседора Дункан, улыбнулась и села. Волоокая, спокойная, такая чужая здесь — в этих клубах эмигрантского дыма. "Интернационал!" — крикнул кто-то. — "Интернационал!" — сгрудились около Дункан белокурый Есенин, черный издатель, Кусиков и группа сочувствующих. А в ответ свистки. Благонамеренность была оскорблена. Благонамеренность отправилась свидетельствовать вешалки и пути отступления. И только Минский приветливо смеялся с выражением доброго старого кота, которого щекочут за ухом. Свистки нарастали, кто-то тупой и мрачный наступал на Кусикова, предлагая единоборство. И тут только проявилось, каким европейцем может быть этот черкес. Он не протянул руки вперед, а спрятал их за спину и мрачно промолвил: "Убери руки. Застрелю как щенка".

Есенин вскочил на стол и стал читать о скитальческой озорной душе. Свистки смолкли. Оправдан был ответ поэта свистунам. "Не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот — тут вам и конец. Лучше нас никто свистеть не умеет"».

РЗЕ, 1, 140–141.

В этот текст Е.Г.Лундберг почти без изменений включил собственный газетный отчет 1922 г. (В «Доме Искусств». — Нак., 1922, 14 мая, № 40; подпись: Старый хроникер).

Из впечатлений Р.Б.Гуля (1927):

«В Доме искусств ждали Есенина. Он приехал около часу ночи. Показался в дверях с Дункан и Кусиковым. Ему зааплодировали. Он вошел. Но Дункан войти не хотела. И Есенин вернулся к ней — уговаривать.

Вошли они вместе. Дункан в легком лиловом платье-хитоне. Есенин в светлом костюме и белых туфлях, поддерживая ее под руку. Белые туфли я заметил, когда он вскочил на стул и засвистал в три пальца. <...>

Но они шли неприятно. <...> Есенин неестественно вел Дункан. Неестественно улыбался. Дункан шла легкой, довольной походкой женщины, входившей и не в такие залы.

Умопомешанный эмигрант, увидав Дункан, почему-то закричал: "Vive L'International!" <"Да здравствует Интернационал! (*фр.*)">. Она кивнула ему головой и ответила: "Chantons la!" <Споем! (*фр.*)>. В зале были советские и эмигранты.

Одни запели, другие засвистали. Кто-то на кого-то бросился в драку. Скандал разразился. Во время него Есенин стоял на стуле.

Он кричал об Интернационале, о России, о том, что он русский поэт, о том, что он и не так умеет свистеть, а в три пальца. И засвистал.

Возле него волновался Н.М.Минский. Но всё стихло внезапно, когда Есенин начал стихи. Он читал лирику, стоя на стуле. Стихотворенья покрывались громовой овацией. И овацией кончился вечер».

Восп.-95, 337–338.

Писатель И.С.Соколов-Микитов, также присутствовавший на вечере, позднее вспомнит:

«Есенина и Айседору Дункан, уже немолодую, но молодящуюся женщину, с волосами, выкрашенными в табачно-красный цвет, встречали в "Доме искусств" — в не-

мецком второразрядном кафе, обычно пустовавшем. На сей раз кафе было переполнено народом. Здесь собрались люди всяческих толков и политических оттенков. Появление Есенина <...> встретили шумными аплодисментами. Кто-то запел "Интернационал". Молодчики из монархической газетки "Руль" ответили свистом. Возле Есенина в роли охраны возник проживавший в Берлине поэт-имажинист Кусиков с напудренным лицом и подкрашенными губами. К великому негодованию немецких кельнеров-официантов, Есенин взобрался на мраморный стол и начал читать стихи...».

Соколов-Микитов И.С. Давние встречи. Л.: Сов. писатель, 1976, с.73–74.

См. также: 14 мая 1922, третья, четвертая и шестая записи; 16 мая 1922, шестая запись; 17 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая и третья записи; авг. 1922, вторая запись.

Май, 13. Парижская газета «Последние новости» (№ 636) помещает заметку «Айседора... Есенина»:

«Лондон, 12 мая. По полученным из Москвы сведениям, Айседора Дункан на днях обвенчалась с поэтом Сергеем Есениным. Новобрачные выехали в Берлин».

См. также: день 10 мая 1922, вторая запись.

О регистрации брака Есенина и А.Дункан см.: 2 мая 1922.

В газете «Русский голос» (Нью-Йорк, № 1805) печатается анонимная заметка «Исидора Дункан "летит" в Берлин провести медовый месяц»:

«Москва. Исидора Дункан, только что вышедшая замуж за 27-летнего русского поэта Есенина, собирается провести медовый месяц в Берлине, куда молодожены отправляются из Москвы. Известная танцовщица сочеталась браком с Есениным в полицейском участке, где она заявила о своем желании сохранить американское гражданство».

Газета «Накануне» (№ 39; подпись: А. В.) помещает рецензию А.П.Вольского на книгу Н.Клюева «Четвертый Рим» (1922) с упоминанием Есенина:

«Пусть Есенин гордится цилиндром и лаковыми башмаками — не будет лаковым Клюев...».

Май, 13 (?). В «Доме искусств» Н.М.Минский знакомит молодого композитора Н.Д.Набокова с А.Дункан и Есениным.

Событие устанавливается по воспоминаниям Н.Д.Набокова, где тот отмечает, что это знакомство состоялось на одном из пятничных вечеров в «Доме искусств». Его предположительная датировка основывается на том, что Есенин был на единственной из майских «пятниц» (см.: ночь с 12 на 13 мая 1922). О его отсутствии на последней в сезоне «пятнице» см.: 19 мая 1922, первая запись.

Мемуарист пишет:

«С 1920 по 1925 год в Берлине существовал любопытный русский клуб. Назывался он Дом Искусства, находился в западной части города, на Ноллендорф-платц. Снаружи здание было ничем не примечательно — не особенно удачный образчик югендстиля, покрытый серой облупившейся штукатуркой. В Берлине много подобных домов. На нижних двух этажах Дома Искусства располагался кафе-ресторан, просторное, скудно освещенное помещение, насквозь пропитанное дымом немецких сигарет и сигар, ароматами кислой капусты, жареного лука и скверного кофе. С полдюжины угрюмых половых в длинных, похожих на юбки передниках обслуживали довольно многочисленных посетителей, почти исключительно русских.

Каждую пятницу по вечерам Дом Искусства наводняла толпа моих соотечественников — в основном литераторов, пришедших на чей-нибудь творческий вечер, на дис-

куссию или на лекцию какого-нибудь крупного — или не очень крупного — русского интеллектуала.

"Пятницы" эти устраивал обаятельнейший, добрейший Николай Максимович Минский — русский поэт, в прошлом символист. От его небольшой кругленькой фигурки буквально исходили волны дружелюбия и приветливости. Каждый, кто имел хоть малейшее притязание на принадлежность к русской интеллигенции (за исключением, разумеется, экстремистски настроенных представителей правого крыла), непременно посещал "пятницы" Минского и так или иначе принимали в них участие. <...>

В одну из пятниц, явившись в клуб и поднявшись по лестнице, я обнаружил, что зал набит до отказа. Люди стояли в дверях плечом к плечу. Ухитрившись заглянуть поверх голов, я различил лишь, что на сцене кто-то стоит и что-то декламирует. Минский сидел в первом ряду, и, сколько я ему ни махал, так и не взглянул в мою сторону. Без конца повторяя "pardon, pardon", я начал протискиваться сквозь толпу.

Наконец Минский меня заметил, вскочил и на цыпочках направился мне навстречу.

— Ах, как вы сегодня поздно, — прошептал он. — Мне удалось занять место прямо рядом с ними. Вон, видите? — и он указал на пустовавшее кресло в первом ряду. — Они оба немного пьяны, — вновь зажужжал Минский мне на ухо. — Уже успели устроить скандал. У нее синяк под глазом. Но, умоляю, делайте вид, что ничего не замечаете.

Я сразу узнал пепельно-белокурую голову Есенина. Отвернувшись от сцены, он говорил с кем-то, сидящим сзади. Мне он показался на удивление юным и очень миловидным — ни дать ни взять, веснушчатый крестьянский парень.

Рядом с ним восседала Дива, Айседора Дункан; два соседних кресла занимало ее меховое манто. Я знал, что Дункан немолода, но всё же внешность ее меня ошеломила. Она походила на пожилую римскую матрону после длительных возлияний. Одутловатое багрово-красное лицо лоснилось. Один глаз закрывала черная повязка. Губы и брови были щедро накрашены. На ней была мятая греческая туника с глубоким декольте, голову и шею покрывал столь же мятый лиловый шарф.

В противоположность Айседоре, Есенин блистал элегантностью: твидовый клетчатый костюм, белоснежный крахмальный воротничок, малиновый галстук, светлые гетры.

— Et voici, Madame, si vous permettez <Вот, мадам, позвольте вам представить (*фр.*)>, — заговорил Минский на своем старомодно-учтивом французском, обращаясь к мисс Дункан. — Это молодой композитор Николай Набоков. Он свободно изъясняется по-английски.

— О-о! — протянула Дива, наградив меня улыбкой.

— Садитесь между ними, — предложил Минский и снял с кресла манто Айседоры, освобождая для меня место.

Тут Есенин, наконец повернувшись, вперил в меня налитые кровью глаза и процедил:

— Вы кто? Какого черта вам здесь надо?

Тон его был откровенно груб и враждебен. К счастью, Минский незамедлительно за меня вступился:

— О, дорогой Сергей Александрович, — с добродушнейшей улыбкой произнес он. — Это тот самый молодой композитор, о котором я вам рассказывал.

— Ладно, ладно, — перебил Есенин. — Не бойтесь. Не съем я его.

И он по-детски улыбнулся.

Вечер тянулся бесконечно. Поэты — молодые, средних и преклонных лет — сменяли друг друга на сцене, выкрикивая свои творения или завывая нараспев. В зале стало невыносимо душно и жарко.

— Здесь что, всегда так? — прошептала Айседора Дункан. — Может, уйдем? Мне всё это надоело. И дышать нечем. Так что, идем?

Есенин, не отвечая, поднялся, не дослушав какую-то элегическую балладу, и, бормоча под нос ругательства, направился в бар. Минуту спустя на сцене появился Минский. Беспрестанно расплываясь в лучезарных улыбках, он возгласил:

— Господа, у меня чрезвычайно приятное сообщение. — Сказав это, он бросил взгляд на мисс Дункан. — Сегодня нам выпали честь и счастье принимать у себя великолепную мисс Айседору Дункан и ее неразлучного спутника, нашего великого русского поэта Сергея Есенина.

Громовые аплодисменты не дали Минскому договорить. Он вскинул руки, требуя тишины, и продолжал:

— Сергей Есенин любезно согласился прочесть нам несколько своих новых стихотворений.

За этим сообщением последовал новый шквал оваций. Мисс Дункан, что называется, и бровью не повела, а кресло Есенина по-прежнему пустовало. Он был в баре.

Минский с озабоченным видом спустился со сцены. Вдруг из бара донесся звон разбитой посуды и громкие проклятия.

— Начинается! — воскликнула мисс Дункан и, повернувшись ко мне, затараторила: — Послушайте, молодой человек! Проводите меня вниз и наймите такси. Я хочу вернуться в отель. С меня довольно! Прошу вас, идемте!

С этими словами она поднялась и направилась к выходу, провожаемая недоуменными взглядами публики. Минский бросился вдогонку.

— Non, non, Madame, — взволнованно повторял он. — Ne partez pas, ne partez pas! <Нет, нет, мадам. Не уходите, не уходите! (*фр.*)>

Почти силком остановив Айседору, он попросил меня сказать ей по-английски, что всё будет хорошо. Объяснить, что случилось глупое недоразумение. Официант с подносом, заставленным кружками с пивом, нечаянно налетел на Есенина, только и всего.

— C'est tout, c'est fini! <Вот и всё, это кончено (*фр.*)> — твердил Минский.

Но лицо Айседоры вспыхнуло от ярости.

— C'est fini, мой глаз! — взвизгнула она. — Убирайтесь к чертям, глупый вы человечишка, и дайте мне пройти. Я еду домой. — И, повернувшись ко мне, она крикнула: — Идемте же, мистер! Помогите мне выбраться отсюда.

Тут я заметил, что сквозь толпу к нам пробирается Есенин. Вид у него был расхристанный, костюм, рубашка, лицо — всё залито не то водой, не то пивом. Подойдя, он схватил Айседору за руку.

— Пусти! — истошно завопила она.

В ответ он разразился отборной русской бранью.

Я бросился вниз по лестнице, спасаясь от гостей Минского».

Набоков, 149–154.

Эти воспоминания, написанные спустя сорок лет после событий, о которых в них рассказывается, к тому же подчеркнуто беллетризованы, так что приводимая в них прямая речь героев (см. также след. запись) вряд ли достоверна.

Есенин, А.Дункан и Н.Д.Набоков посещают ночной клуб гомосексуалистов.

Происходит знакомство поэта и танцовщицы с дипломатом, художником, писателем и коллекционером графом Г.Кеслером.

События устанавливаются по воспоминаниям композитора:

«...мне пришлось ощупью искать дверь. В конце концов я нашел ее, но стоило мне взяться за ручку, как кто-то окликнул меня по фамилии, и на плечо мне легла чья-то рука.

— Простите, Набоков, — выпалил Есенин. — Я вовсе не хотел вас обидеть. Послушайте, поедем с нами <...>

Есенин утверждал, что вожделенный ночной клуб или кабаре находится прямо за углом, на Бюловштрассе. Названия клуба он не знал, помнил только, что оно состоит из двух слов, последнее из которых — Diele <здесь: зал (*нем.*)>. Но на Бюловштрассе оказалось множество "Diele".

Мы, Айседора, Есенин и я, долго шатались из одного сомнительного заведения в другое, обойдя их добрую дюжину, пока не наткнулись наконец на то, куда рвался Есенин.

Зал, шумный, тускло освещенный, состоял из трех частей. В первой, ближайшей к выходу, всё было как в самом обычном кафе — там стояли столики, за которыми сидели посетители. Дальше, отделенная стойкой бара, начиналась та часть, где танцевали, — оттуда доносились звуки популярного блюза. Там буквально яблоку было негде упасть. Всё вокруг пропахло египетскими сигаретами, пóтом, дешевой косметикой и духами «Лориган Коти».

— Воняет, как в борделе, — поморщилась мисс Дункан.

Я протолкался к бару, отыскал хмурого кельнера, объяснил, кто мы такие, и сказал, что нам нужен столик.

— Jawohl, jawohl! — пробурчал он. — Сейчас скажу метрдотелю. — Augenblick <Да, да. Минутку (*нем.*)>.

Я вернулся к своим спутникам; официант меж тем попросил нескольких посетителей освободить место. Метрдотель в визитке с гвоздикой в петлице лично вышел встретить Айседору Дункан и проводил ее к столику.

— Замечательно! Вандерфул! — восклицал Есенин. — Ни разу в жизни не видал столько теток сразу! Глядите! Глядите! Занавес поднимается. Мы как раз вовремя. Сейчас начнется потеха!

Мы уселись. Столик наш оказался на самом краю танцевального круга, где теснились пары.

— Набоков, нам с вами лучше не отрывать зад от стула, — во всеуслышание заявил Есенин. — Так будет безопаснее.

— Сергей, может, прекратишь? Довольно непристойностей! — оборвала его мисс Дункан.

Но Есенин даже не взглянул в ее сторону.

— Как вы думаете, они правда выйдут на сцену нагишом? — обратился он ко мне. — Мейерхольд уверял, будто они у всех на виду поимеют друг друга.

— Wollen Madame etwas trinken? <Мадам желает что-нибудь выпить? (*нем.*)> — осведомился метрдотель.

Есенин заказал шампанского и водки.

— По бутылке того и другого, — распорядился он, вытащив бумажник, сообщил: — Мир хаб валюта <У меня есть деньги (*искаж. нем.*)>.

Постепенно глаза мои привыкли к царившему вокруг полумраку. Я разглядел, что за столиками и у стойки сидели томного вида существа мужского пола, нарумяненные и напудренные, и такие же существа танцевали друг с другом, нежно прижавшись щека к щеке. Кельнеры, тоже густо напудренные и нарумяненные, в коротких юбках, белых фартучках и париках, украшенных розовыми ленточками, сновали между столов.

— Вас вирд комен ауф сцене? <Что будет происходить на сцене? (*искаж. нем.*)> — спросил Есенин у одного из них.

Тот рассмеялся и ответил пискливым баритоном:

— Wirst schon sehen, Liebling <Скоро увидишь, дорогуша (*нем.*)>

Внезапно, к великому своему ужасу, я заметил, что за ближайшим к нам столиком сидит Гарри Кеслер, а с ним еще двое.

Я был готов сквозь землю провалиться. Вплотную придвинув свой стул к стулу Айседоры, я повернулся к Кеслеру спиной, надеясь, что он не узнает меня в здешнем тусклом освещении. Однако мне мучительно хотелось выяснить, что привело его в подобный притон и кто его спутники. Наконец любопытство одержало верх, я повернулся и бросил взгляд на столик Кеслера. Из тех, кто сидел с ним, одна была девушка — или, по крайней мере, некто, выглядевшая как девушка. Наряд на ней был самый диковинный — сверкающий цилиндр и мужская сорочка с пышным жабо. <...>

Девушка посмотрела на меня, на Есенина с Айседорой и улыбнулась.

"Черт, — пронеслось у меня в голове. — Кажется, она узнала прославленную Диву".

К счастью, в этот момент официант принес нам шампанское и водку, а свет в зале потух. В дальнем его конце осветилась крошечная сцена, с задником, изображавшим горные вершины. Мы с Есениным приподнялись, чтобы увидеть представление.

На сцене появились две барышни — с первого взгляда было ясно, что это мужчины в баварских платьях. Им сопутствовал некто, напоминавший гнома в Lederhosen <кожаных штанах (*нем.*)>. Головы всех троих украшали баварские шляпы с перьями. Оркестр наяривал что есть мочи национальный танец.

Я опустился на стул, а Есенин остался стоять, ухмыляясь и не сводя глаз со сцены. Он беспрестанно брал со стола то бутылку с водкой, то бутылку с шампанским, отхлебывал прямо из горлышка и восклицал:

— Браво! Ура! <...>

Я не видел, что творится на сцене. От меня и от Айседоры происходящее было скрыто густой толпой, заполнившей площадку для танцев. <...>

Есенин наконец сел и, перемежая свою речь крепкими русскими выражениями, принялся объяснять нам, в чем состоял номер.

Насупленное лицо Айседоры всё больше багровело.

— Есть здесь дамская комната? — перебила она Есенина. — Меня сейчас вырвет.

<...> Вдруг я заметил, что девушка в цилиндре, сидевшая за столиком Кеслера, нагнулась к нему и что-то шепчет ему на ухо. Кеслер повернулся, взглянул прямо на нас с Есениным и покачал головой. Судя по всему, он меня не узнал.

Но Есенин заметил, что мы привлекли внимание Кеслера. Он обернулся к нему и закричал на своем ужасающем немецком:

— Что надо, алте танте? <Alte Tante — старая тетка (*нем.*)>

— Сергей Александрович, — взмолился я. — Прошу вас, успокойтесь. Я знаю этого человека. Не задирайте его.

— Вот дерьмо! — не унимался Есенин. — Если ты его знаешь, скажи, чтобы перестал строить мне глазки, а не то...

В этот момент в дверях появилась Айседора <...>. Она помахала мне, чтобы я помог ей пробраться сквозь толпу.

Мне пришлось оставить Есенина и направиться к Айседоре. Мы с ней шли к столику, когда я увидел, что к нам проталкивается Кеслер. Встреча была неизбежна — разумеется, он сразу узнал Диву. Она относилась к тем знаменитостям, чьи изображения были для него иконами.

Поздоровавшись со мной, Кеслер церемонно осведомился, не представлю ли я его "мисс Дункан".

Есенин пришел в ярость. Видно было, что он готов наброситься на Кеслера с кулаками. Но я успел тихонько толкнуть его локтем и прошептать:

— Оставьте его, Сергей Александрович. Это безобиднейший человек. Не надо устраивать скандала.

— Гарсон! — завопил Есенин. — Шампанское. Унд водка.

Вскоре компания Кеслера переместилась к нам, все перезнакомились, и за столиком воцарился мир. Даже Айседора улыбалась. <...>

Как только все уселись, Кеслер пустился в воспоминания. Он поведал, что впервые увидел танец Айседоры в Париже, перед самой войной. О, то было для него подлинным откровением. Он словно присутствовал при "возрождении античной Греции". Он сообщил также, что бредит Рейнхардтом и что чрезвычайно сожалеет, что не встретился с Айседорой, как только она прибыла в Берлин.

Официант принес шампанское, разлил его по бокалам, а перед Есениным поставил бутылку водки. Есенин немедленно принялся "укреплять" шампанское, подливая водки в каждый бокал. <...>

Ночь начала таять, разваливаться, превращаясь в череду бессвязных, обрывочных видений. Багровая от гнева Айседора пытается ударить Есенина бутылкой водки... Кеслер уводит ее прочь... Мы с Есениным <...> стоим на улице посреди слякоти и при помощи помады выводим огромными буквами русское ругательство на какой-то витрине. <...>

После есенинской сатурналии Гарри Кеслер переменил свое отношение ко мне. Он начал приглашать меня в театры, на концерты и в оперу».

Набоков, 154–160, 162.

«В г. Марбах (Германия) хранится архив дипломата и мецената графа Гарри Кеслера, где, по словам очевидца, находится записка А.Дункан и Есенина, написанная рукой Айседоры на французском языке, с подписью поэта».

Есенин, VII (3), 14.

Для составителей наст. тома этот документ остался недоступным.

Май, 13 (?) – Июнь, 20 (?). Есенин вторично регистрирует брак с А.Дункан.

Из письма Есенина И.И.Шнейдеру (21 июня 1922):

«Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина».

Есенин, VI, 138.

См.: 2 мая 1922.

Есенин пишет два письма А.Б.Мариенгофу (неизвестны).

Из письма Есенина к И.И.Шнейдеру (21 июня 1922):

«Передайте мой привет и все чувства любви моей Мариенгофу. Я послал ему два письма, на которые он почему-то мне не отвечает».

Есенин, VI, 138.

См. также: Есенин, VII (3), 43.

Есенин видится с И.Г.Эренбургом.

Это явствует из эренбурговских писем (см.: 14 мая 1922, седьмая запись; 15 мая 1922, вторая запись).

При одной из встреч Эренбург дает поэту брюссельский адрес Ф.Элленса.

Сведения об этом (со слов Есенина) содержатся в кн.: Hellens F, Documents secrets (1905–1956): Histoire sentimentale de mes livres et de quelques amities, Paris, 1958 (сообщено Мишелем Никё).

См. также: 12–14 (?) июля 1922; начало (?) сент. – до 24 (?) сент. 1922.

Чета Есениных оказывается в одном из берлинских кафе вместе с четой Толстых и супругами И.М.Василевским и Л.Е.Белозерской.

Из воспоминаний Л.Е.Белозерской:

«Очень скоро после их <Есенина и А.Дункан> приезда <в Берлин> мы очутились за одним столом в кафе. Мы — это чета Толстых — поэтесса Наталья Васильевна Крандиевская и Алексей Николаевич, мы с Пумой <семейное прозвище И.М.Василевского> и приезжие гости. (Кусикова — так мне помнится — в этот раз не было.)

Я сидела рядом с Дункан и любовалась ее руками. И вдруг, совершенно внезапно, она спросила меня по-французски:

— Sommes nous ridicules ensembles? ("Мы вместе смешная пара?").

Мне сразу показалось, что я ослышалась, до того вопрос в ее устах был невероятен. Я ответила: "О нет, наоборот..." Так иногда совершенно чужого легче спросить о чем-то интимном, чем самого близкого, тем более, если думаешь, что никогда с ним больше не встретишься».

Белозерская-Булгакова, 72.

Редактор газеты «Накануне» Ю.В.Ключников устраивает вечер, где Есенин читает отрывки из поэмы «Пугачев», в т. ч. монолог Хлопуши.

Среди слушателей — А.Дункан, Е.Г.Лундберг, Л.Е.Белозерская.

Из ретроспективной записи Е.Г.Лундберга (с авторской датой: 1923):

«Чтение "Пугачева" у проф. Ключникова. Есенин лицом к стене, хрипло читает; лицо нарочито искажено. Спокойное самодовольство А.Дункан. Французские парламентарии. Подчеркнутое уважение к Дункан, Есенин же для них вроде юного дикаря, вывезенного прихотливой принцессой.

У меня — вспышка ненависти к Дункан, к иностранцам, к корректным хозяевам.

Я тяну Есенина за рукав. Мы выходим в другую комнату и садимся в углу. Он полупьян. Мне тошно и страшно. Машина западной культуры и русское талантливое беспутство.

Разговор рвется.

— Мне скверно, — говорит Есенин.

Я и сам вижу, что скверно.

Дункан мешает нам разговаривать. Я слышу невероятный на фоне парижских смокингов и украшенного цветами стола диалог. Он произносится вполголоса; парламентарии его не слышат.

— Ты — сука, — говорит Есенин.

— А ты — собака, — отвечает Дункан.

Она ревнует — ко всякому и ко всякой. Она не отпускает его от себя ни на шаг. Есенин прогоняет ее — взглядом.

— Проклятая баба, — произносит он вполголоса.

Минуту спустя Дункан ласково отвлекает его от меня. Он уже беззлобен. Тих и кроток — да, печально кроток. Я ухожу».

Лундберг Е. Записки писателя: 1920–1924. [Л.:] Изд-во писателей в Ленинграде, [1930], т. II, с. 304–305.

О том, что этот фрагмент носит ретроспективный характер, можно судить по контексту всего раздела «Записок писателя» под заголовком «1923».

См. также: РЗЕ, 1, 141, 291.

У Л.Е.Белозерской сохранилось иное впечатление от А.Дункан, слушавшей тогда чтение Есенина:

«Вспоминаю вечер у Ю.В.Ключникова, где были Есенин и Дункан. Его попросили прочесть стихи. Он сорвался с места (всегда читал свои стихи стоя) и прочел монолог

Хлопуши из поэмы "Пугачев". Вряд ли Дункан понимала его, но надо было видеть, как менялось выражение ее лица по мере того, как менялись интонации голоса Есенина. Я смотрела на нее, а слушала его».

Белозерская-Булгакова, 73.

И.М.Василевский получает в подарок совместную фотографию Есенина и А.Кусикова.

Из воспоминаний Л.Е.Белозерской:

«К этому же периоду относится и фотография Есенина с Кусиковым, подаренная Василевскому с надписью (сделана Кусиковым): "От двух гениев современности"».

Белозерская-Булгакова, 74.

Возможно, это была фотография 1919 года (ее воспроизведение см.: Есенин, VII (3), [146], фото № 37).

О судьбе снимка мемуаристка напишет:

«Фото "слизнул" художник Николай Васильевич Ильин, оформлявший книги в Государственном издательстве художественной литературы, которое возглавлял П.И.Чагин. Фотографию Ильин не вернул».

Белозерская-Булгакова, 74.

Все события, перечисленные выше под общим заголовком «Май, 13 (?) – Июнь, 20 (?)», относятся ко времени пребывания четы Есениных в Берлине.

Май, 13 (?) – Август, 9. Есенин пишет три письма сестре – Е.А.Есениной (неизвестны).

Из письма Есенина к Е.А.Есениной от 10 авг. 1922:

«Послал тебе три письма, и никакого ответа».

Есенин, VI, 147.

Май, до 14. Берлинское издательство «Скифы» выпускает книгу Иванова-Разумника «Владимир Маяковский: "Мистерия" или "Буфф"», где говорится и о Есенине.

Событие и его граница устанавливаются по информации о выходе издания в свет (Нак., 1922, 14 мая, № 40, лит. прилож. № 3).

Из заключительного раздела книги:

«Правда футуризма в том, что он *увидел Машину*. Неправда его в том, что он, *кроме нее, ничего не может увидеть*.

И здесь творческим противовесом футуризму является другое течение современной русской поэзии, идущее не от Машины, а от Земли, не от Города, а от Деревни. <...> Не мистерию Машины, но мистерию Земли открывает оно всем, способным его почувствовать. <...>

Вспомните, например, как футуризм, в лице В. Маяковского, чувствует природу, мир, человека.

"На шершавом, потном небе околевает, вздрагивая, закат. Пришла ночь; пирует Мамаем, задом на город насев. Улица, провалившаяся, как нос сифилитика, заклубилась, визжа и ржа, а сады похабно развалились на берегу реки — сладострастья, растекшегося в слюни". <...>

Но вот другие образы поэта Земли; прислушайтесь <...>:

"Осень, рыжая кобыла, чешет гриву. Над речным покровом берегов слышен синий лязг ее подков". "Солнце, как кошка, с небесной вербы лапкою золотою трогает мои волоса". "Пляшет, сняв порты, златоколенный дождь". "Отелившееся небо лижет крас-

ного телка". "Изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины". "Пляшет сумрак в галочьей тревоге, согнув луну в пастушеский рожок" (*С. Есенин*).

А теперь — пусть откликнется ваша душа: где она? На берегу ли реки, "сладострастно растекшейся в слюни", или на берегу другой реки, где

Вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих ног...

Но не в том вопрос, с кем наша душа, вопрос в том — с кем Россия, с кем будущее. <...>

Две "мистерии" перед нами, и надо суметь приобщиться к обеим: за "адищем Города" увидеть рай Города, за раем Деревни — ад деревни. Две правды перед нами, и надо суметь принять обе: правду нерукотворенной Земли и правду сотворенной человеком Вещи, зная, что лишь через вторую перейдет человечество к первой. Но для этого надо не покориться машинной "вещи", а покорить ее: в этом — задача грядущей культуры».

См. также: 20 мая 1921.

Май, 14. Есенин пишет автобиографию «Сергей Есенин» для берлинского журнала «Новая русская книга».

Есенин, VII (1), 8–10, 351–352, 377–393.

Факсимильное воспроизведение полного текста автографа – в кн. «Сергей Есенин, двадцатые годы: американские находки / Сост. А.А.Севастьянова» (Рязань, 2006, с. [21–27]). К сожалению, оно не вполне адекватно оригиналу. Нижние восемь строк одного и того же рукописного текста, воспроизведенные на с. [24] и [25] книги под *авторской* нумерацией (л. 4 и 5), в оригинале отсутствуют. Эти строки ошибочно попали в факсимиле (очевидно, из исходных ксерокопий) со следующего листа (л. 6; см. с. [26] книги), по формату большего, чем л. 4 и 5.

Автобиография была написана, видимо, по просьбе редактора журнала А.С.Ященко. Р.Б.Гуль, который в 1922 г. был секретарем редакции журнала, вспомнит:

«Вскоре <после приезда в Берлин> Есенин — через Кусикова — передал свою автобиографию в "Новую русскую книгу". Она была написана рукой, на больших листах с отставленными друг от друга буквами и падающими вправо строками. <...>

Когда кончилась "Новая русская книга" <в 1923 г.>, я взял себе рукописи всех автобиографий: Маяковского, Есенина, Пильняка, А.Белого, Кусикова, Эренбурга и мн<огих> др<угих> и отдал переплести книгой. Книга вышла, действительно, литературно ценная и привела моего друга художника Н.В.Зарецкого в "расстройство нервов". Он стал ее выпрашивать: подари да подари, зачем тебе она, ты потеряешь, а я сохраню. Будучи человеком не архивным, я сдался и подарил ему рукописи автобиографий».

РЗЕ, 1, 200–201.

В конце концов бумаги Н.В.Зарецкого оказались в составе т. н. Бахметевского архива (библиотека Колумбийского университета, Нью-Йорк), где и хранится теперь подлинник автобиографии Есенина (первое указание на это см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923, Париж, YMCA-Press, 1983, с. 6), правда, уже не в составе конволюта, описанного Р.Гулем, а в своем первоначальном виде, т. е. на отдельных листах (сообщено В.Н.Терёхиной).

См. Приложение.

О публикации автобиографии см.: 5 ... 24 июня 1922.

В литературном приложении № 3 к газете «Накануне» (№ 40) публикуются стихотворения Есенина «Всё живое особой метой...» (впервые) и «Не жалею, не зову, не плачу...» (повторно).

См.: Летопись, 3 (1), 239, 278. См. также: до 20 апр. 1922.

Первое стихотворение в $Ст_{24}$ датируется февралем 1922 г., второе было написано в 1921 г.

Оба стихотворения не раз перепечатывались в 1922–1923 г. (см., напр.: 11 сент. 1922; до 10 июня 1923).

С.А.Толстая-Есенина вспомнит:

«Есенин рассказывал <...>, что это стихотворение <"Не жалею, не зову, не плачу..."> было написано под влиянием одного из лирических отступлений в "Мертвых душах" Гоголя. Иногда полушутя добавлял: "Вот меня хвалят за эти стихи, а не знают, что это не я, а Гоголь". Несомненно, что место в "Мертвых душах", о котором говорил Есенин, — это начало шестой главы, которое заканчивается словами: "...что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!"»

Восп., 2, 260.

См.: 30 мая 1922, первая запись.

См. также: Есенин, I, 155–156, 335, 574–576 и Есенин, I, 163–164, 337–338, 582–585.

В газете «Руль» (№ 453) публикуется анонимный материал «Скандал в "Доме Искусств"» с упоминанием Есенина:

«12 мая состоялось очередное собрание берлинского "Дома Искусств". Собрание было более многолюдным, чем обыкновенно, ибо ожидалось выступление советского гостя поэта Есенина, прилетевшего в Берлин на аэроплане из Советской России вместе со своей женой, "маститой" Айседорой Дункан.

До 12 часов продолжалась обычная программа: писатели и поэты читали свои произведения. Гр. Толстой нашел уместным в этом собрании читать свои воспоминания о поэте Гумилеве, зверски расстрелянном палачами, на которых он теперь в сменовеховской газете работает. Около 12 часов ночи в "Доме Искусств" появился Есенин в сопровождении Айседоры Дункан, поэта Кусикова и нескольких молодых людей. Прибывших встретили аплодисментами.

По требованию Айседоры Дункан небольшая группа присутствовавших затянула "Интернационал". Раздались свистки и крики "долой", между поющими и требующими прекращения пения "Интернационала" в "Доме Искусств", как в учреждении аполитичном, поднялся шумный спор. После того как скандал был улажен, на стул взобрался Есенин, указавший, "что нас свистками не запугаешь", мы привыкли у себя в России свистать в четыре пальца. А здесь я себя чувствую совсем как на родине.

После этого он прочел стихи, в которых говорил, что он "из страны негодяев", и что если бы он не был поэтом, то он был бы "хулиган и вор"...

Часть публики после скандала покинула зал».

См.: 14 мая 1922, шестая запись.

В газете «Накануне» (№ 40) — материалы о Есенине:

— статья Ю.Н.Потехина «Залетные гости» (подпись: Скиф):

«..."Айседора Дункан" — пережиток дореволюционного времени, десять месяцев назад этот пережиток приехал из-за границы в Россию и там исчез; теперь из России за границу прилетела "Айседора Есенина". И кажется... О чем ни спросишь ее — о жизни в Москве, о революционных массах, об искусстве, о голоде, разговор невольно вернется к С.Есенину.

— "Я так люблю Россию"... и неизменное заключение:

— "Я влюблена в Есенина".

Пожалуй, одно и не отделимо от другого: чтобы встретились в жизни и пошли вместе проталкиваться по ее "коридорам", где на голову сып<лю>тся штукатурка и визные

неожиданности, эта блестящая, яркая, мировой славой увенчанная артистка и этот тихий, как будто немного застенчивый, голубоглазый "последний поэт деревни", надо было действительно сначала полюбить Россию.

Надо было что-то понять, почувствовать в ней, надо было, чтобы в каком-то духовном плане Россия Революции стала близка тем людям Запада, которые в сытой благопристойности его жизни уже чуют дыхание тления; тем, кто интуитивно ощущает веяние возрождающегося Духа от пожинаемых смертью голодных просторов России.

И обратно — когда артистка "так влюбилась" в Есенина, она смогла взглянуть на Россию его голубыми глазами и лучше понять и глубже полюбить ее. А она многое сумела понять в России. В том подходе к задачам искусства, в том масштабе, с которым она эти задачи ставит, есть нечто от духа и масштаба России Великой Революции.

Айседора Дункан поехала в Россию, потому что видела, как негармонична, немузыкальна в существе своем культура пережившей войны и не дожившей до Революции Европы. И когда от зловещей тишины Запада ее повлекло к жуткому грохоту России, не было ли в этом влечении чего-то от интуиции, с которой Блок взывал в ледяной пустыне интеллигентского равнодушия:

— "Всей душой, всем сердцем, всем сознанием Вашим слушайте революцию!"

— "Народам нужны танцы", а "отсутствие вкуса у правительства Запада" заставило ее искать людей с иными вкусами, с иным сознанием, с другими горизонтами.

И она повезла свою "Веселую Науку" к мрачным зорям революции. <...> Теперь, после 10 месяцев жизни в голодной, истерзанной и нищей России, она уехала из нее с еще большей верой в нее, с еще большим ожиданием, с сознанием, что в нищей России творится новая народная душа, созвучная высшим мечтаниям всего мира — им близкая, понятная и нужная... как самой Айседоре Дункан стал приятен и близок "поэт деревни" Сергей Есенин.

Когда они через сутки после отлета из Москвы вошли в редакцию "Накануне" — это была победа и техники, связующей тысячеверстные пространства, и духа, сочетающего Запад с Востоком... чтобы сытый Запад побежден был духом Востока.

Разве не победа, что Айседора Дункан вернется в Россию... в голод и холод Москвы, где у ее мужа поэта на пере замерзали чернила и где она сама не имела возможности оказывать помощь всем тем, кто в помощи нуждался... А помогала она широко: и своим ученикам, и знакомым, и просто нуждавшимся в помощи.

Басни эмигрантской печати о колоссальных гонорарах и счетах "Ара" на выданное, за счет и по указаниям артистки, продовольствие! Таких счетов у нее два... и лишь по первому из них выдано на 3 с половиной миллиарда рублей (556 англ. фунтов).

Неудивительно, что кампания лжи вызывает негодование Айседоры Дункан... лжи и клеветы на нее и на Новую Россию, в которую она снова вернется...

— "Я всегда была принципиально против брака".

Но тут же рядом стоит законный муж... как живой символ победы "беспринципной" России над принципами Европы, хотя бы и самыми передовыми.

Если бы Айседора Дункан отняла от России поэта Сергея Есенина — это был бы действительно "колоссальный гонорар". Но Айседоры Дункан больше нет... есть Айседора Есенина...

И она вернется.

Дышать воздухом Новой России, жить ритмом ее гигантского лихорадочного пульса, который она сумела уловить».

Вырезка — Тетр. ГЛМ;

— заметка «Два мира» (подпись: Посторонний):

«Из Москвы в Берлин прилетели дорогие гости: Айседора Дункан и Сергей Александрович Есенин, одна из самых ярких звезд современной русской поэзии.

Их встреча с массовой русской эмиграцией произошла в "Доме Искусств".

Увы, — она запечатлелась скандалом, устроенным по сигналу хроникера из "Руля".

Хроникер и его единомышленники усиленно шикали, когда часть публики решила приветствовать гостей пением Интернационала, и гости приняли оживленное участие в исполнении пролетарского русского гимна.

Лицом к лицу, как на очной ставке, столкнулись два полюса русской мысли, два мироощущения, два мира.

Широко открытыми, недоумевающими и негодующими глазами смотрела гениальная артистка на непонятное зрелище, развернувшееся перед ней, и горячо вступился за революционную Россию ее вдохновенный певец, любимый и верный сын.

— Нас не застращаете! Мы сами — первые скандалисты в мире, — загремел он, и робко замолкли голоса протестантов.

— Чего они не понимают, — добавил С. А., — ведь — вся Россия такая.

Они не понимают. "Не видят и не слышат, живут в сем мире, как впотьмах", ибо ничто так не ослепляет, как тупая злоба и бессильная ненависть.

Но если до сих пор они думают, что там, в России, ничего не изменилось, а только притаилось и ждет черных освободителей на белых конях, — то со вчерашнего дня этим иллюзиям нанесен новый тяжкий удар.

Россия, прокаленная в страшном и очищающем пламени революции, устами одного из самых ярких художественных своих талантов говорит ясно, что она "вся такая", и кто этого не хочет или не может вместить, тот сам вычеркивает себя из русских списков.

Как странно, как трагично, что иностранка, знающая не больше десятка русских слов, видевшая Россию так недолго, — несравненно глубже и проникновенней понимает гигантский сдвиг русской психологии, чем "третья Россия", пребывающая на топких Вавилонских берегах эмиграции.

Но мы знаем, что истинную Русь, опаленную, вздыбленную, порвавшую вековые железные удила, ставшую новым светочем мира, способен выразить титанический взлет Есенина, а не презренное улюлюканье эмигрантского репортера».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Еще об одном материале на эту тему (с заголовком «В "Доме Искусств"»), автором которого был Е.Г.Лундберг, см.: с 12 на 13 мая 1922.

См. также: 14 мая 1922, шестая запись;

— объявление издательства «Скифы» о новых ценах (с 10 мая 1922) на выпущенные книги, в том числе:

«Андрей Белый и Сергей Есенин. Россия и Инония. М. 15. <...>

Сергей Есенин. Триптих. " 9».

В газете «Голос России» (№ 965) — материалы с упоминанием Есенина:

— анонимная заметка «Иванов-Разумник и футуризм» о выходе в свет книги критика о Маяковском и перепечатка ее заключительного раздела.

Текст этого фрагмента, где цитируется Есенин, см.: до 14 мая 1922;

— объявление издательства «Скифы».

Текст см. в предыд. записи.

Впечатлениями о вечере в Доме искусств в письме к лингвисту и философу Н.С.Трубецкому делится музыковед и философ П.П.Сувчинский:

«Дорогой Николай Сергеевич. <...> Вчера <с 12 на 13 мая> мы были свидетелями, до какой мрази и пошлости дошла в настоящее время "Русская революция". Прилетел на аэроплане вместе с Дункан поэт Есенин и остановился в лучшей гостинице. В "Доме искусств" был устроен в их честь вечер. Есенин долго не шел, наконец в 12 ч. ночи явился под ручку с Дункан в белых туфельках. Дункан уже 55 <45> лет, стерва! Живет с ним и очень афиширует это. Какой-то жиденок крикнул "интернационал". Публика начала свистать. Тогда Есенин, стоя на стуле, крикнул: "А мы в России в четыре кулака свистим эмиграции", и затем вместе с Дункан — "Интернационал". Одни поддерживали, другие скандалили...».

Письма, 327.

См. также: с 12 на 13 мая 1922; 14 мая 1922, третья и четвертая записи; 16 мая 1922, вторая запись; 17 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая и третья записи; авг. 1922, вторая запись.

И.Г.Эренбург пишет поэтессе М.М.Шкапской из Берлина в Москву:

«Прилетел на аэроплане Есенин с Дункан. Произвел большой "бум". Если бы не возраст (см. "Суждения Учителя о земной любви" <намек на заголовок и содержание одной из глав романа автора письма "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников..." (1921)>), всё было бы великолепно».

Эренбург. Хроника, 253.

Парижская газета «Последние новости» (№ 637) сообщает в заметке «Айседора Есенина»:

«Берлин, 12 мая. Айседора Дункан с мужем своим писателем С.Есениным прилетела сюда на аэроплане из Москвы».

Май, 14 – Декабрь. Есенин продолжает работу над драматической поэмой «Страна Негодяев».

Нижняя граница события устанавливается по словам поэта из автобиографии (14 мая 1922):

«Сейчас работаю над большой вещью под названием "Страна Негодяев"».

Есенин, VII (1), 10. Впрочем, в подлиннике автобиографии оба слова заглавия произведения начинаются с букв, которые трудно отличить от строчных (см. Приложение).

Рамки события в целом определяются совокупностью сведений, в т. ч.:

— тем, что Есенин публично читал в Берлине 1 июня 1922 (см.) монолог Номаха, героя поэмы, из ее четвертой части (текст см.: Есенин, III, 107–110);

— замечанием в статье А.Ветлугина «Нежная болезнь»:

«Теперь он <Есенин> заканчивает "Страну негодяев" — произведение огромное и подлинное...».

См.: 4 июня 1922, вторая запись;

— словами поэта и переводчика Ф. Элленса из его предисловия к книге Есенина «Confession d'un voyou» (1922), где «Страна Негодяев» упоминается как известное произведение:

«Два его главных произведения — "Страна Негодяев" и особенно "Исповедь хулигана" — показывают поэта таким, как есть, без самодовольства и без пощады».

См.: 23 сент. 1922, первая запись;

— авторским чтением диалога Чекистова с Замарашкиным из первой части поэмы на вечеринке у Мани-Лейба (см.: с 26 на 27 янв. 1923).

Работа над поэмой началась до отъезда Есенина за рубеж; см.: янв. — февр. 1922; март — май 1922 (Летопись, 3 (1), 259, 297).

См. также: Есенин, III, 52–115; 337–364; 539–548.

В 1940 г. С.А.Толстая-Есенина напишет:

«Замысел пьесы “Страна негодяев” все время менялся по ходу работы. Пьеса была задумана давно. Она выросла из неосуществленной драматической поэмы. С.А.Есенин намеревался создать широкое полотно, в котором <хотел> показать столкновение двух миров и двух начал в жизни человечества».

Восп., 2, 263.

В обозначенный период Есенин работает над первой редакцией поэмы «Страна Негодяев» с главным героем по имени Номах (Махно).

Сохранилась ранняя рукопись поэмы — черновой автограф заключительной части, начиная с ремарки «Тайный притон с паролем “Авдотья, подними подол”» (строки 667–1162); без заглавия, даты и подписи. Первоначально этот автограф состоял из двух частей (в окончательном тексте — третья и четвертая), каждая из которых имела цифровое обозначение и самостоятельную пагинацию. Строки третьей части были зафиксированы С.А.Толстой-Есениной в пятом пункте ее рукописного перечня «Разночтения и варианты», без даты, как первая рукопись (под вопросом) «Страны Негодяев». На одном из ранних этапов работы над рукописью сцена «Тайный притон с паролем “Авдотья, подними подол”» открывала третью часть поэмы. Четвертая часть композиционно несколько раз перестраивалась (первые три листа меняли пагинацию четыре раза, а остальные — три).

Анализ чернового автографа говорит о том, что Есенин сознательно отказался от последней сцены, которая, казалось бы, естественно завершала детективный сюжет. Пьеса заканчивалась арестом Номаха (*«Чекистов. Именем закона // Вы арестованы»*. — Есенин, III, 361), уверявшего Чекистова, что это ошибка. Последними словами поэмы были слова Чекистова:

После разберемся,
Ошибка это
Или не ошибка.

Есенин, III, 363.

Затем поэт на обороте последних листов рукописи дал новую концовку, в которой Номах обманывает сыщика Литза-Хуна, переодевается в костюм китайца и уходит от преследователей. В окончательном виде «Страна Негодяев» заканчивается следующими словами Чекистова:

А я... Если б был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-Хун,
За такое место...
Которое вслух не называется.

Есенин, III, 115.

Замысел с переодеванием Номаха в китайца возник у Есенина уже в первом варианте конца поэмы, в словах Номаха: «Мне нужно переодеться» (Есенин, III, 362), которые были затем зачеркнуты. Ряженье Барсука и Номаха и эффект незавершенности является художественно оправданным и прямо вытекает из слов Номаха о том, что он желает одурачить китайца.

См. также: Есенин, III, 547–549; Шубникова-Гусева, 208–212.

Есенин продолжит работу над поэмой на следующий год (см.: до 15 янв. 1923; после 15 (?) янв. — до 14 (?) февр. 1923) и закончит ее отделку уже на родине (в 1924).

Май, после 14 (?) или после 30 (?) ... 1923, не позднее июля. В трех номерах неустановленного японского периодического издания (газеты или журнала) публикуется статья Кэйси Осэ «Рабоче-крестьянский поэт Есенин».

Источник текста – три наклеенные друг за другом отдельные вырезки (Тетр. ГЛМ; текст местами полустерт).

См. Приложение.

Нижняя граница события определяется предположительно на основе того, что в статье содержится попытка перевода стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (о его зарубежных публикациях на русском языке см.: 14 мая 1922, вторая запись; 30 мая 1922, первая запись). Верхняя граница устанавливается по местонахождению вырезок (Тетр. ГЛМ, куда вклеивались отклики на путешествие поэта по Европе и Америке в иноязычной печати) с учетом свидетельства И.Н.Розанова:

«Из заграничной поездки он <Есенин> вывез целые ворохи газетных вырезок о себе, появлявшихся в иностранной прессе, даже из японских газет».

Восп., 1, 438.

Фрагменты статьи К.Осэ, поддающиеся прочтению, даются ниже в переводе А.Хачояна, сопровожденном такими пояснениями переводчика:

«Скорее всего, это три части в следующих друг за другом номерах одного и того же издания, так как в первой из них фамилия Есенина дважды (в заголовке и в тексте) напечатана неправильно (вместо "Е" стоит "Су", т. е. "Сусенин"), а в последней – принесены извинения за опечатку.

Старая иероглифика, несколько архаичная лексика, многие места просто нельзя разобрать из-за качества печати. Очень трудно найти соответствие между переводами из Есенина и оригинальными его текстами.

Не вполне понятно слово, записываемое транскрипцией "Фу-ру-и-су-то", вероятно, по смыслу оно означает "футурист"».

Начало статьи (первая вырезка):

«Происходящая сейчас в России революция осуществляется пролетариатом и крестьянством. Это эпохальное историческое событие приводит к изменениям, не имеющим аналогов в общественной и религиозной жизни общества. Одновременно оно ведет к сильной активизации поэзии, особенно в двух указанных направлениях – пролетарская и сельская поэзия, хотя сейчас различия между этими направлениями стираются.

Мы не будем говорить о пролетарской поэзии, а вот в сельской поэзии выделилось отдельное направление, получившее название крестьянской поэзии. Раньше произведения этих поэтов выделялись консервативностью и религиозным духом, однако <...> в сельском хозяйстве тоже происходит революция, и она противоречит традиционным консервативным и религиозным устоям.

Поэтому в произведениях крестьянских поэтов всё сильнее проявляются антиконсервативные, антипатриархальные и антирелигиозные мотивы. Поэты имеют дело с "футуристическими" понятиями и предметами, вследствие чего они называют себя "футуристами". В своих произведениях они часто активно выступают против духовенства, церкви и религиозных идей, а также часто умышленно пренебрегают общепринятыми нормами общественной жизни.

Среди этих поэтов выделяется Сергей Есенин <в тексте опечатка – Сусенин; см. выше. – *Примеч. переводчика*>, чей брак со знаменитой Айседорой Дункан вызвал много толков. "Крестьянским" поэтом Есенина часто называют в противоположность прекрасному пролетарскому поэту Владимиру Маяковскому. <...> Подобно жившему в Париже поэту Верхарну, Есенин начал с воспевания захолустья, сельских пейзажей с овцами и т. п. Однако затем он превратился в совершенно иного поэта и примкнул к московской группе поэтов, называющих себя "имажинистами", которая возникла среди поэтов, разобщенных большевистской <по-японски это слово пишется как "борисиюки". – *Примеч. переводчика*> революцией.

По словам переводчика, нижняя четверть текста первой вырезки далее очень неразборчива, читаются лишь отдельные слова (ритм... «Инония»... 1920 год... лирика... настроение).

Из следующей части текста (вторая вырезка):

«Есенин является прирожденным поэтом, любящим истинную землю, свои родные места и сельскую жизнь, которая резко отличается от рабоче-пролетарской. Он описывает холмы, реки и облака своей родины. Например:

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зёрна
Бросает в борозды.

<В обратном переводе с японского эта строфа из «Преображения» выглядит у переводчика так: “На новый посев я выхожу. / Забрасываю в поле новое зерно...”>.

Однако в современной жизни поэт не может ограничиваться старыми представлениями, так как понятия “новый посев” и “новое зерно” приобретают новое значение в России, получившей крещение революцией. В этой ситуации очень выделяется <последний год его творчества>. Именно в это время поэзия Есенина характеризуется, с одной стороны, эпитетами “милый”, “дорогой” и чувством жалости, а с другой – духом сопротивления и противоречия. Современный поэт сожалеет о разрушении привычного мирного образа жизни. Он пишет <следует буквальный перевод японского текста>:

Юного времени мои энергия и мужество,
Время буйства исчезло,
Всё мое буйство и мужество ушло куда-то
Изменилось лицо мое,
Кровь вытекает из меня...
Меня все поносят
Клена листья уже полностью опали,
Лепестки цветков совсем увяли
Но я навечно благословен...

Это произведение называется НОРОХИ <проклятие, заклинание. – *Примеч. переводчика*>, однако сразу видно, что оно противоречиво. С одной стороны, в нем дышит свободолюбие истинного крестьянства, с другой – выражена тяжесть его состояния, так как здесь явственно ощутим дух невежественных и религиозных ограничений крестьян».

Произведений с названиями «Проклятие» или «Заклинание» у Есенина нет. Но из вышеприведенного буквального перевода можно понять, что японский текст стихотворения является не чем иным, как вольным переложением есенинского «Не жалею, не зову, не плачу...» (ср.: «Всё мое буйство и мужество ушло куда-то...» и «О, моя утраченная свежесть, / Буйство глаз... »; ср. также: «Клена листья полностью опали <...> Но я навек благословен...» и «Тихо льется с кленов листьев медь. / Будь же ты вовек благословенно...»).

Из заключительной части текста (третья вырезка):

«Есенин является очевидным сторонником крестьянства, но в его отношении к нему появилось новое: он осознает, что крестьянская жизнь противоречит духу нового времени, так как связана с суевериями и невежеством. Поэтому возникло враждебное отношение поэта к религии, выражающееся в прямых угрозах “вырвать Богу волосы и зубы” <??>, в обещаниях из себя самого “родить агнца теленка” <??>, сделать Бога худым <??>».

Вопросы в ломаных скобках принадлежат переводчику, затруднившемуся найти эквивалентные места в произведениях Есенина. Скорее всего, автор статьи цитирует здесь – не вполне адекватно смыслу оригинала – «Инонию» («Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов», «...он иным отелится / Солнцем в наш русский кров», «Я иным <но не худым. – *Сост.*> тебя, Господи, сделаю»).

К.Осэ продолжает:

«В чем смысл таких религиозных кощунств? В соперничестве и вызове. В известной поэме “Инония” написано <следует большая цитата (согласно переводчику, со слов “Время мое приспело” до слова “Инония”, т. е. строки 4–47 поэмы)>.

Критик Иванов-Разумник полагает даже, что “Инония” не имеет географических границ и привязки, а является новой религиозной идеей общечеловеческого масштаба. Поэт Каменский считает, что распространение поэмы “Инония” может привести к созданию культа “крестьянского Христа” и дает понять, что сам Есенин является новым пророком. “На коне-жеребце скачет новый святой пророк, несущий новую веру”.

Приносим читателям извинения, что в заголовке первой части по вине корректора вместо "Есенин" было напечатано "Сусенин"».

Излагая суждение Иванова-Разумника, К.Осэ имеет в виду его статью «Россия и Инония», незадолго до этого изданную в Берлине в составе одноименного сборника (см.: до 21 нояб. 1920, вторая запись).

Высказывания об «Инонии», приписанные здесь В.В.Каменскому, в русскоязычной печати не выявлены. Следует, впрочем, отметить, что весной 1921 г. в гельсингфорсской газете «Путь» была опубликована статья об этой поэме под заголовком «Мессианство в новой русской поэзии: "Пророк Есенин Сергей"» со словами, лишенными и тени иронии: «Пророк Сергей Есенин пришел со всей свежестью нового человека...» (см.: 31 марта и 1 апр. 1921). Автором этой статьи был, однако, не В.В.Каменский, а А. Киселев.

Слова о «новом святом пророке», оформленные в статье как цитата, – это, скорее всего, перевод заключительного четверостишия «Инонии»: «Новый на кобыле / Едет к миру Спас. / Наша вера – в силе, / Наша правда – в нас!»

Перевод фрагментов «Инонии» и переложение стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» в статье К.Осэ являются первыми (из выявленных исследователями к настоящему моменту) попытками перевода стихов Есенина на японский язык.

Май, 15. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3397) помещает анонимную заметку «Айседора Дункан прилетела в Берлин»:

«*Берлин*. Из Москвы прилетела на аэроплане известная танцовщица Айседора Дункан. Ее сопровождал молодой русский поэт Есенин, за которого она недавно вышла замуж.

Молодожены проводят медовый месяц в воздушных полетах».

И.Г.Эренбург пишет из Берлина художнице Г.Издебской:

«...Прилетел Есенин с Дункан. (В России прозвана "Дунька-коммунистка"). Изумительный roman d'aventure <приключенческий роман (*фр.*)>. Лучше Стивенсона (15 лет тому назад он пас коров). Едет с ней в Америку — ангажемент ему 5000 в месяц. Объясняются друг с другом жестами».

Журн. «Russian Studies», СПб., 2000, т. 3, № 3, с. 246.

Май, 16. Журнал «Театральная Москва» (№ 40, за 16–21 мая) публикует анонимную заметку «Отлет Айседоры Дункан на аэроплане в Берлин» с упоминанием Есенина:

«В среду, 10 мая, в 9 час<ов> утра, Айседора Дункан вылетела с Ходынского аэродрома на аэроплане в Берлин, где объявлены ее спектакли.

Еще накануне из Наркоминодела сообщили в школу Дункан, что "Фоккер" отправляется в 9 утра и на аэродроме надо быть к 8 ½ часам. В 6 час<ов> утра погода резко изменилась. Часть неба покрылась мрачной сплошной тучей, и в 8 часов пошел дождь. Возникало предположение, что "Фоккер" не полетит.

Но к моменту отправления внезапно прояснилось. Выглянуло солнце.

"Фоккер" вышел из ангара. Около аппарата собрались представители Наркоминодела, отправлявшие дипломатического курьера, все дети школы Дункан, Ирма Дункан, иностранные журналисты и др.

Два объемистых чемодана быстро погружены в специальную кабинку. Дункан входит по лесенке в удобное 6-местное купе вагонного типа. Мужчины одевают специальные воздухоплавательные костюмы, превращающие их в нечто вроде водолазов. Дункан остается в обычном дорожном костюме.

Мощный "мотор" с невероятной силой кружит пропеллер. Дети из школы Дункан еле могут устоять на ногах. Ровно в 9 час<ов> дверцу каюты запирают извне. Дункан смотрит в окно на столпившуюся детвору, которая машет ей руками и платками.

Проводы готовятся и в воздухе: Ирма Дункан и заведующий школой Дункан И.Шнейдер должен лететь на русском аппарате, провожая некоторое время "Фоккер" с Дункан, но в последний момент поездка не может состояться, так как аппарат оказывается в неисправности.

Как полагается — "щелкает кодак"... Аэроплан мягко, но быстро катится по земле. В окне каюты показывается чье-то растерянное лицо. Забыли корзинку с провизией. Перед путниками перспектива пробыть 11 час<ов> в воздухе без еды. Т. Шнейдер хватает корзинку и бежит за аэропланом, который все еще катится по земле. Ему удается его настигнуть в конце поля, где аппарат немного замедляет ход. В открывшееся окно, на ходу, он просовывает в купе корзинку... В тот же момент "Фоккер" с огромной скоростью начинает нестись по земле, сейчас же от нее отрывается и через минуту не верится, что в середине этой небольшой стрекозы помещается целое купе с несколькими людьми, сидящими там, как у себя дома.

На довольно большой высоте "Фоккер" описывает круг над аэродромом, затем берет прямое направление к литовской границе и еще через момент превращается в едва видимую черточку, постепенно стирающуюся на основе серой тучи, сквозь которую уже брызнуло солнце.

Впечатление на провожающих и в особенности на детей от этих проводов громадное. Они, все возбужденные и в то же время какие-то потерянные, возвращаются к автомобилям и трамвайным вагонам, которые кажутся придавленными и прилепленными чем-то к земле. <...>

Вместе с А. Дункан вылетел в Берлин поэт Сергей Есенин, с которым она недавно вступила в брак по советским законам.

В школе Дункан уже получена телеграмма от Дункан из Берлина, в которой она сообщает, что, несмотря на сильный шторм, поездка закончена счастливо».

См.: 10 мая 1922, 9 часов утра; 11 мая 1922.

В Нью-Йорке выходит газета «Русский голос» (№ 1808) с материалами о Есенине:

— информацией:

«Известная танцовщица Айседора Дункан прилетела из Москвы в Берлин с Есениным — совершила «свадебное путешествие» на аэроплане.

— А еще говорят, что в России голод! Поди, врут, если там думают некоторые о "свадебных удовольствиях" на аэроплане, а не о хлебе для голодных»;

— заметкой:

«Б е р л и н . Прибывшая сюда Исидора Дункан со своим мужем молодым русским поэтом Есениным для проведения медового месяца заявила о своем намерении посетить осенью Америку, где она собирается выступить вместе с труппою 23-х русских детей, обученных ею танцам по ее системе».

Газета «Накануне» (№ 41; подпись: А. В.) помещает статью А.П.Вольского «У С.А.Есенина (Беседа)»:

«Моя беседа с Сергеем Александровичем Есениным была одним из самых оригинальных интервью, какие когда-либо приходились на долю журналиста. С. А. сердечно беседовал со своим ближайшим соратником и интимным другом А.Б.Кусиковым, вели-

кодушно позволяя мне записывать из этой беседы всё то, что могло представлять общественный интерес, и отрываясь от беседы всякий раз, когда я просил у него разъяснений.

С. А. о России вообще говорит кратко.

— Я люблю Россию. Она не признаёт никакой иной власти, кроме Советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства.

Зато охотно и много говорит талантливый поэт о русском искусстве, о его праздниках и буднях, о мельчайших и прозаических, на первый взгляд, подробностях его существования в России.

Есенин и Кусиков возглавляют, как известно, то литературное течение, которое обозначается не совсем отчетливым термином "имажинизм".

Имажинисты — выразители и дети своей эпохи. По словам Есенина, они "больные эпохой мальчики", по словам Луначарского — "аморальные типы".

В настоящее время имажинизм — преобладающее течение русской поэзии. В одной Москве группа имажинистов насчитывает около 100 человек; провинция тоже "работает под имажинистов". Появились имажинисты сарты, узбеки, татары и киргизы.

Из наиболее выдающихся последователей этой школы можно назвать Н.Эрдмана, Златого, Надежду Вольпин, Сусанну Мар и др.

В живописи и скульптуре имажинизм представлен худ<ожником> Г.Якуловым, скульптором С.Т.Конёнковым, Б.Эрдманом.

Был момент, когда имажинизму угрожал раскол вследствие разногласий, возникших между группами Есенина–Кусикова и Вадима Шершеневича. Раскол удалось предотвратить — Шершеневич сдался, что и засвидетельствовал в публичном выступлении в Доме Печати и в "Жму руку кому".

Имажинисты отрицательно относятся к футуристам, в частности, к Маяковскому: "поэт с ограниченным дарованием", нашедший свое полное выражение в плакатном творчестве. Образцом последнего, по мнению Есенина, может послужить стихотворение "Моя речь в Генуе", помещенное в "Известиях":

Спросили раз ханжу:
"Вы любите ли Неп?"
"Люблю, — он отвечал, —
Когда он не нелеп".

Много шуму наделала так называемая "чистка поэтов", предпринятая по инициативе Маяковского <...> <подробнее об этом см.: 15 февр. 1922>.

О судьбах и работах художников С. А. сообщил много интересных сведений. Крученых дает уроки, Хлебников — перебивается с хлеба на квас, Клюев голодает в Вытегре. В.Каменский пишет "Бульварный роман" в стихах (32 тысячи строк). С.Т.Конёнков закончил несколько гениальных работ: "Стенька Разин", "Пастух", "Три бабы", "Нища братья", скульптурные портреты Есенина и Дункан.

В живописи господствуют супрематисты (Попова, Родченко) и конструктивный метод. В театре отмечают выдающуюся постановку "Великодушного рогоносца" Кроммелинка под руководством Мейерхольда.

Вышли новые книги: "Серапионовы братья" (сборник произведений Зощенко, Никитина, Всеволода Иванова, Лунца, Слонимского), сборник "Конский сад" (Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич, Грузинов, Эрдман и др.).

Шершеневич написал пьесу "Одна сплошная нелепость", которая готовится к постановке в Сафоновском театре (режис<сер> Фердинандов), Мариенгоф закончил трагедию "Заговор дураков" из эпохи Анны Иоанновны.

В Госиздате вышел 3 изданием "Пугачев" — Есенина <ср., однако: 13 февр. 1922>, выходят его же "Избранные стихи" <см.: 11 сент. 1922>.

Любопытны материальные условия издательства в России. Гонорар за печатный лист составляет 60 миллионов рублей, издание книги в 5 печатных листов обходится в 5 ½ миллиардов. Книжка А.Кусикова "Искандар-Наме", стоившая 6 месяцев тому назад 50 тысяч рублей, стоит теперь 1 миллион 500 тысяч. "Пугачев" — Есенина, стоивший 25 тысяч, стоит 600 тысяч. Гонорар за строчку стихов колеблется между 200 тыс. и 1 миллионом. За последнее время Госиздат платит по 25 к. золотом за строчку стихов, переводя на советскую валюту по курсу.

С.А.Есенин пробудет в Европе до октября, посетит Париж и Лондон, откуда на аэроплане полетит с Айседорой Дункан-Есениной — в Америку. Он подписал контракт с американским импресарио Гурок<ом> — на ряд публичных выступлений».

См. также: Есенин, VII (1), 345–348, 552–555.

Газета «Руль» (№ 454; рубрика «Печать») откликается на публикации о Есенине и А.Дункан в газете «Накануне»:

«Сменовеховская газета чуть не весь номер посвящает крупнейшему событию дня — прилету пресловутой Айседоры Дункан и не менее знаменитого Есенина <см.: 14 мая 1922, четвертая запись>.

Прямо из Москвы они явились в редакцию сменовеховцев.

О чем ни спросишь ее — о жизни в Москве, о революционных массах, об искусстве, о голоде, разговор невольно вернется к С.Есенину.

— "Я так люблю Россию"... и неизменное заключение:

— "Я влюблена в Есенина".

И отсюда сменовеховская газета делает заключение:

"Как странно, как трагично, что иностранка, знающая не больше десятка русских слов, видевшая Россию так недолго, — несравненно глубже и проникновеннее понимает гигантский сдвиг русской психологии, чем «третья Россия», пребывающая на топких вавилонских берегах эмиграции". Что можно к этому добавить?»

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3398) дает информацию «В Америку приезжают 23 русских девочек — учениц Айседоры Дункан»:

«*Берлин*. Прибывшая сюда со своим молодым мужем Айседора Дункан сообщила, что намерена привезти с собой осенью в Соед<иненные> Штаты 23 русских девочек — учениц ее школы классических танцев, которые выступят здесь в пользу голодающих».

Орфография источника сохранена.

Парижская газета «Последние новости» (№ 638) публикует:

— заметку о вечере с 12 на 13 мая с участием Есенина:

«Берлин. 13 мая. (Соб. кор.).

Вчера в "Доме Искусств" разыгрался большой скандал, вызванный советскими поэтами Есениным, Кусиковым и неизвестными молодыми людьми, их сопровождавшими. До полуночи в "Доме" продолжалась обычная программа: работающий ныне на большевиков гр. А.Н.Толстой читал свои воспоминания о Гумилеве, зверски расстрелянном теми же большевиками, поэты читали свои произведения, а около 12 ночи началось сверхпрограммное: появился Сергей Есенин с женой Айседорой, Кусиков и "молодые люди" типа сотрудников "Накануне".

— Интернационал, — скомандовала Айседора — и "молодые люди" запели. Раздались свистки и крики "долой". Муж знаменитости, Есенин, влез на стул и крикнул в толпу:

— Нас свистками не удивишь, сам умею свистать в четыре пальца.

Часть публики, пораженная этими доводами, покинула "Дом", а оставшимся Есенин-Дункан прочел свои стихи. "Молодые люди" хлопали. Было очень весело...».

См. также: с 12 на 13 мая 1922; 14 мая 1922, третья, четвертая и шестая записи; 17 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая и третья записи; авг. 1922, вторая запись;

— информацию о А.Дункан:

«Берлинский корреспондент "Нью-Йорк Геральд" интервьюировал Айседору. Известная танцовщица заявила, что она очень привязалась к русскому народу, обязательно вернется в Россию в будущем году, но не может скрыть своей радости по поводу того, что очутилась в стране, где есть горячая вода и прочие "завоевания культуры"».

Май, 17, день. Есенин встречается с М.Горьким и делает ему дарственную надпись на книге «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина 1922 май 17 Берлин».

Есенин, VII (1), 207, 471. Факсимиле надписи — ЛН, 1963, т. 70, с. 341.

Встреча происходит в пансионе, где квартирует семья А.Н.Толстого.

Н.В.Крандиевская-Толстая позднее вспомнит:

«— Зовите меня на Есенина, — сказал он <М.Горький> однажды, — интересует меня этот человек.

Было решено устроить завтрак в пансионе Фишер, где мы снимали две большие меблированные комнаты. В угловой, с балконом на Курфюрстендамм, накрыли длинный стол по диагонали. Приглашены были Айседора Дункан, Есенин и Горький.

Айседора пришла обтекаемая многочисленными шарфами пепельных тонов, с огненным куском шифона, перекинутым через плечо, как знамя. В этот раз она была спокойна, казалась усталой. Грима было меньше, и увядающее лицо, полное женственной прелести, напоминало прежнюю Дункан.

Три вещи беспокоили меня как хозяйку завтрака.

Первое — это чтобы не выбежал из соседней комнаты Никита, запрятанный туда на целый день. Второе заключалось в том, что разговор у Есенина с Горьким, посаженными рядом, не налаживался. Я видела, Есенин робеет, как мальчик. Горький присматривался к нему. Третье беспокойство внушал хозяин завтрака, непредусмотрительно подливавший водку в стакан Айседоры (рюмок для этого напитка она не признавала). Следы этой хозяйской беспечности были налицо.

— За русски революсс! — шумела Айседора, протягивая Алексею Максимовичу свой стакан, — Écoutez <Слушайте (*фр.*)>, Горки! Я будет тансоват seulement <только (*фр.*)> для русски революсс. C'est beau <Это красиво (*фр.*)>, русски революсс!

Алексей Максимович чокался и хмурился. Я видела, что ему не по себе. Поглаживая усы, он нагнулся ко мне и сказал тихо:

— Эта пожилая барыня расхваливает революцию, как театрал — удачную премьеру. Это она — зря. — Помолчав, он добавил: — А глаза у барыни хороши. Талантливые глаза».

Восп.-95, 333.

Вскоре после гибели Есенина М.Горький напишет об этой встрече И.А.Груздеву (9 янв. 1926):

«...видел я его в Берлине у А.Н.Толстого, была с ним старая, пьяная Айседора Дункан, он великолепно прочитал монолог Хлопуши, а потом ударил Дункан ногою в ее интернациональный зад и сказал ей: "Стерва". Я человек сентиментальный, я бесстыдно заплакал при виде столь убийственного соединения подлинной русской поэзии с препрославленной европейской пошлостью. И вновь явилась та же угрюмая мысль: где и как жить ему, Есенину? Вы сообразите безумнейшую кривизну пути от Клюева к Дункан! Был в тот вечер Есенин судорожно, истерически пьян, но на ногах держался крепко, только глаза у него как-то странно дымились, и всё время его бросало в углы, где потемней. Да и пьян-то он был, кажется, не от вина, а от неизбывной тоски человека, который пришел в мир наш, сильно опоздав, или — преждевременно. И тогда же мне подумалось: какой удивительно ценный материал для повести о гибельной жизни русского поэта! Именно так: сам Сергей Есенин, со всем его хулиганством, художественное превосходное произведение, шутя и цинически созданное окаянной русской действительностью».

Письма, 379.

Есенин читает свои стихи — монологи Хлопуши и Пугачева из поэмы «Пугачев», а также «Песню о собаке».

Из очерка М.Горького «Сергей Есенин» (опубликован в 1927):

«Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!
Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренно, с невероятной силою прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

Я хочу видеть этого человека!

И великолепно был передан страх:

Где он? Где? Неужель его нет?

Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще всё: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза — всё было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час.

Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачева, трижды повторенный:

Вы с ума сошли? —

громко и гневно, затем тише, но еще горячей:

Вы с ума сошли?

И наконец совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

Вы с ума сошли?
Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

Неужель под душой так же падаешь, как под ношею?

И, после коротенькой паузы, вздохнул, безнадежно, прощально:

Дорогие мои...
Хор-рошие...

Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — думаю — и не нуждался в них.

Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов, — сказал он и недоверчиво спросил:

— А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверьё, — молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он "Рай животных" Клоделя, не ответил, пощупал голову обеими руками и начал читать "Песнь о собаке". И когда произнес последние строки:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег —

на его глазах тоже сверкнули слезы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой "печали полей" <слова С.Н.Сергеева-Ценского — *примеч. автора*>, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком. И еще более ощутима стала ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразно талантливого и законченно русского поэта».

Восп.-95, 328–329.

М.-Р.Вернер в 1932 г. изложит рассказ В.И.Серова, связанный с «Песней о собаке»:

«Айседора говорила мне, что он <Есенин> ночи напролет объяснял ей каждое слово в своих стихах. Одно стихотворение произвело на нее неизгладимое впечатление. В нем рассказывалось о страданиях суки, чьих щенков отняли и утопили. Есенин в порыве чувств всё повторял русские слова и рассказывал о собачьем горе, и как она скулила на берегу реки, и сам плакал, стремясь донести до Айседоры всю глубину этого горя. Вспомнив о своем горе, Айседора робко спросила, что он подумал бы о женщине, перенесшей такую же потерю. Есенин с отвращением вскочил с кровати:

"Женщина". — Он плевался и кричал: "Женщина! *Собака*! Это собака!" Он не хотел причинить ей боль и даже не понял, что сделал это, ибо он думал о своих стихах, а она о своих детях».

Werner M.-R. To Whom It May Concern: The Story of Victor Ilyitch Seroff. [London, 1932], p. 272–273 (цит. по: IE, 70; перевод А.П.Шишкина).

В книге самого В.И.Серова «The Real Isadora» (1971) слова А.Дункан пересказываются несколько по-иному:

«Я знаю это стихотворение... Оно о суке, чьих семерых щенков отнял и утопил ее хозяин... Я плакала, а когда он кончил читать, я спросила: "Сергей, а что бы ты сказал, если бы такое случилось с женщиной?" "С женщиной? — нахмурился он, пытаясь скрыть слезы, появившиеся в его глазах при чтении стихов. — С женщиной? — повторил он и вдруг плюнул. — Женщина дерьмо! *Собака*... это *собака*...", — повторил он и вышел из комнаты, выкрикивая что-то мне непонятное».

Цит. по: IE, 199 (перевод А.П.Шишкина).

По мнению Г.Маквея, смысл этих слов, «видимо, в том, что Есенину ближе была собака-самка (сука) в его стихах, чем женщина-самка в его жизни» (IE, 271, примеч. 25; перевод А.П.Шишкина).

Май, 17, вечер. Есенин, М.Горький, А.Н.Толстой и Н.В.Крандиевская-Толстая посещают Луна-парк.

Из очерка М.Горького «Сергей Есенин»:

«Решили: вечером ехать в Луна-парк.

Когда одевались в прихожей, Дункан стала нежно целовать мужчин.

— Очень хороши рошен, — растроганно говорила она. — Такой — ух! Не бывает...

Есенин грубо разыграл сцену ревности, шлепнул ее ладонью по спине, закричал:

— Не смей целовать чужих!

Мне подумалось, что он сделал это лишь для того, чтоб назвать окружающих людей чужими.

Безобразное великолепие Луна-парка оживило Есенина, он, посмеиваясь, бегал от одной диковины к другой, смотрел, как развлекаются почтенные немцы, стараясь попасть мячом в рот уродливой картонной маски, как упрямо они влезают по качающейся под ногами лестнице и тяжело падают на площадке, которая волнообразно вздымается. Было неисчислимо много столь же незатейливых развлечений, было много огней, и всюду усердно гремела честная немецкая музыка, которую можно бы назвать "музыкой для толстых".

— Настроили — много, а ведь ничего особенного не придумали, — сказал Есенин и сейчас же прибавил: — Я не хаю.

Затем, наскоро, заговорил, что глагол "хаять" лучше, чем "порицать".

— Короткие слова всегда лучше многосложных, — сказал он.

Торопливость, с которой Есенин осматривал увеселения, была подозрительна и внушала мысль: человек хочет всё видеть для того, чтоб поскорей забыть. Остановясь перед круглым киоском, в котором вертелось и гудело что-то пестрое, он спросил меня неожиданно и тоже торопливо:

— Вы думаете, мои стихи — нужны? И вообще искусство, то есть поэзия — нужна?

Вопрос был уместен как нельзя больше, — Луна-парк забавно живет и без Шиллера.

Но ответа на свой вопрос Есенин не стал ждать, предложив:

— Пойдемте вино пить.

На огромной террасе ресторана, густо усаженной веселыми людями, он снова заскучал, стал рассеянным, капризным. Вино ему не понравилось:

— Кислое и пахнет жженым пером. Спросите красного, французского.

Но и красное он пил неохотно, как бы по обязанности. Минуты три сосредоточенно смотрел вдаль; там, высоко в воздухе, на фоне черных туч, шла женщина по канату, натянутому через пруд. Ее освещали бенгальским огнем, над нею и будто вслед ей летели ракеты, угасая в тучах и отражаясь в воде пруда. Это было почти красиво, но Есенин пробормотал:

— Всё хотят как страшнее. Впрочем, я люблю цирк. А вы?

Он не вызывал впечатления человека забалованного, рисующегося, нет, казалось, что он попал в это сомнительно веселое место по обязанности или "из приличия", как неверующие посещают церковь. Пришел и нетерпеливо ждет, скоро ли кончится служба, ничем не задевающая его души, служба чужому богу».

Восп.-95, 330–331.

Из воспоминаний Н.В.Крандиевской-Толстой:

«Этот день решено было закончить где-нибудь на свежем воздухе. Кто-то предложил Луна-парк. Говорили, что в Берлине он особенно хорош.

Был воскресный вечер, и нарядная скука возглавляла процессию праздных, солидных людей на улицах города. Они выступали, бережно неся на себе, как знамя благополучия, свое Sonntagskleid <воскресное платье (*нем.*)>, свои новые, ни разу не бывавшие в употреблении зонтики и перчатки, солидные трости, сигары, сумки, мучительную, щегольскую обувь, воскресные котелки. Железные ставни были спущены на витрины магазинов, и от этого город казался просторнее и чище.

Компания наша разделилась по машинам. Голова Айседоры лежала на плече у Есенина, пока шофер мчал нас по широкому Курфюрстендамму.

— Mais dis-moi souka, dis-moi ster-r-rwa...<Скажи мне сука, скажи мне стерва (*смесь фр. с русск.*)> — лепетала Айседора, ребячась, протягивая губы для поцелуя.

— Любит, чтобы ругал ее по-русски, — не то объяснял, не то оправдывался Есенин, — нравится ей. И когда бью — нравится. Чудачка!

— А вы бьете? — спросила я.

— Она сама дерется, — засмеялся он уклончиво.

— Как вы объясняетесь, не зная языка?

— А вот так: моя — твоя, моя — твоя... — И он задвигал руками, как татарин на ярмарке.— Мы друг друга понимаем, правда, Сидора?

За столиком в ресторане Луна-парка Айседора сидела усталая, с бокалом шампанского в руке, глядя поверх людских голов с таким брезгливым прищуром и царственной скукой, как смотрит австралийская пума из клетки на толпу надоевших зевак.

Вокруг немецкие бюргеры пили свое законное воскресное пиво. Труба ресторанного джаза пронзительно-печально пела в вечернем небе. На деревянных скалах грохотали вагонетки, свергая визжащих людей в проверенные бездны. Есенин паясничал перед оптическим зеркалом вместе с Кусиковым. Зеркало то раздувало человека наподобие шара, то вытягивало унылым червем. Рядом грохотало знаменитое "железное море", — вздымая волнообразно железные ленты, перекатывая через них железные лодки на колесах. Несомненно, бредовая фантазия какого-то мрачного мизантропа изобрела этот железный аттракцион, гордость Берлина! В другом углу сада бешено крутящийся щит, усеянный цветными лампочками, слепил глаза до боли в висках. Странный садизм лежал в основе большинства развлечений. Горькому они, видимо, не очень нравились. Его узнали в толпе, и любопытные ходили за ним, как за аттракционом. Он простился с нами и уехал домой.

Вечеру этому не суждено было закончиться благополучно. Одушевление за нашим столиком падало, ресторан пустел. Айсёдора царственно скучала. Есенин был пьян, невесело, по-русски пьян, философствуя и скандаля. Что-то его задело и растеребило во встрече с Горьким.

— А ну их к собачьей матери, умников! — отводил он душу, чокаясь с Кусиковым. — Пушкин что сказал? "Поэзия, прости господи, должна быть глуповата". Она, брат, умных не любит! Пей, Сашка!

Это был для меня новый Есенин. Я чувствовала за его хулиганским наскоком что-то привычно наигранное, за чем пряталась не то разобиженность, не то отчаянье. Было жаль его и хотелось скорей кончить этот не к добру затянувшийся вечер».

Восп., 2, 15–17.

Май, 17. Вас. И. Немирович-Данченко, только что приехавший из Советской России, выступает в Обществе русских писателей с докладом «Как живут писатели в Петрограде», где упоминается Есенин.

Событие и его дата устанавливаются по корреспонденции П.Некашина из Берлина «Там, где нет цензуры»:

«Докладчик отмечает огромную энергию Кауфмана, Волынского и Волковыского, сумевших объединить в Доме литераторов и Доме искусства не только старых русских ученых и писателей, но и новых, только что выходящих среди сумрачной дали настоящего, писателей и поэтов. Можно отметить среди молодежи Ходасевича, Ахматову, Никитина, Клюева, Есенина и много, много других.

Поэзия вообще более бодро настроена, чем проза. Может быть, это объясняется тем, что поэт по природе своей более аполитичен и равнодушен к "злобе мира его <так!>", чем прозаик».

Газ. «Новое время», Белград, 1922, 18 мая, № 318.

См. также: 1 июля 1922, четвертая запись.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3399) печатает анонимную заметку «Айседора Дункан о России»:

«*Берлин. 16 мая*. Сюда прилетела на аэроплане из Москвы известная балетная артистка Айседора Дункан, основательница школы хореографического искусства в Москве. С ней прилетел и ее муж, поэт Есенин. С чувством горячей любви отзывается Дункан о русском народе и с глубоким уважением говорит о русской интеллигенции, героически продолжающей свою работу на благо страны, несмотря на ужасно тяжелые условия, в которых эта работа проходит, несмотря на ужасные лишения.

А.Дункан объявила, между прочим, о своем намерении совершить артистическое турне по Америке, куда она собирается привезти группу из 23 учениц московской школы в возрасте от 4 до 11 лет».

О Есенине редактору берлинской газеты «Накануне» пишет С.Платонов из Праги:

«М. Г. г-н Редактор. <...>

Я равнодушен к эмигрантской грызне — слишком мало за границей нелавочников (авантюристов — громко). Но и меня взбудоражила звонкая пощечина Есенина (Дому искусств), настоящая, здоровая, сочная, русская <см.: с 12 на 13 мая 1922>.

Мое имя ничего не скажет ни Вам, ни Есенину. Я просто хочу пожать здоровую, буйную руку поэта и Вашу <...>.

С совершенным уважением Сергей Платонов».

Письма, 327–328.

См. также: 14 мая 1922, третья, четвертая и шестая записи; 16 мая 1922, шестая запись; 18 мая 1922, вторая и третья записи; авг. 1922, вторая запись.

Май, до 18. Есенин заканчивает подготовку «Собрания стихов и поэм» к изданию.

О границе события см. след. запись.

См. также: 11 сент. 1922.

Май, 18. Есенин подписывает договор с З.И.Гржебиным об издании своего «Собрания стихов и поэм» и дает издателю расписку:

«20 тыс. герм<анских> марок получил, С. Есенин. 1922, 18 май».

Есенин, VII (2), 209, 318–319.

«Том свой продал Гржебину», — сообщит вскоре Есенин А.Мариенгофу (см.: 9 июля 1922).

О выходе книги см.: 25 сент. ... 18 нояб. 1922.

Газета «Голос России» (№ 968; рубрика «Печать и жизнь») помещает заметку без подписи «Есенин, Россия и Дункан»:

«Оказывается, не только Айседора Дункан любит Россию, но ее любит также и Есенин. Об этом наряду с другими интересными вещами поведала миру "Накануне".

"Я люблю Россию, — заявил Есенин, — она не признает никакой иной власти, кроме Советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велики заслуги русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства".

"Только за границей"... Но позвольте, это просияние ума Есенина произошло ровно через сутки после его появления за границей, на другой день после скандала, происшедшего в "Доме Искусств" в связи с его появлением!.. Какая изумительная быстрота соображения, какие проникновения в мировые осуществления большевизма...

Из массы сообщенных Есениным сотруднику "Накануне" сведений нам показалось наиболее интересным, что в настоящее время в России "появились имажинисты сарты, узбеки, татары и киргизы".

Очень бы хотелось их видеть живыми.

Газета сообщает, что Есенин из Лондона полетит на аэроплане с Айседорой Дункан-Есениной в Америку. Он подписал контракт с американским импресарио Гурок<ом> — на ряд публичных выступлений.

Судя по первому выступлению Есенина и Дункан в берлинском "Доме Искусств", американцы скучать не будут: Айседора Дункан будет декламировать (танцевать ей, вероятно, теперь уже не стоит): "Я так люблю Россию — я влюблена в Есенина", а Есенин, вскочив на стол, будет свистать "в четыре пальца".

Сборы, несомненно, будут полные».

См.: 18 мая 1922, третья запись.

Газета «Рижский курьер» (№ 413) помещает анонимную заметку «Хулиганство в "Доме Искусств"», где идет речь о Есенине и А.Дункан.

См.: с 12 на 13 мая 1922; 14 мая 1922, третья, четвертая и шестая записи; 16 мая 1922, шестая запись; 17 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая запись; авг. 1922, вторая запись.

Белградская газета «Новое время» (№ 318) печатает корреспонденцию П.Некашина из Берлина «Там, где нет цензуры», где говорится о Есенине.

Автор, в частности, пишет:

«В эти часы, когда мы слушали доклад В.И.Немировича-Данченко <см.: 17 мая 1922, первая запись>, сотрудники газеты "Накануне" с гр<афом> А.Толстым и Васил<евским> — Не-Буквой во главе, среди толпы каких-то юрких брюнетов и жгучих брюнеток, чествовали "товарищеской беседой" Айседору Дункан, прилетевшую из Москвы на аэроплане.

Эта престарелая муза, говорят, хорошо заработала, обучая танцам и светским манерам пролетарских девиц Москвы. Ее прелести были оценены по достоинству, и проле-

тарский поэт Есенин, бывший пастушок, как в идиллии Феокрита, предложил ей руку и сердце среди идиллии пролетарского пейзажа.

Айседора Дункан таким образом покорила и Русский Парнас, и отныне Пегас поэта Есенина к ее услугам».

Здесь к 17 мая (скорее всего, преднамеренно) отнесено событие, происшедшее несколькими днями ранее (см.: 11 мая 1922, с 1 час. дня, первая запись).

Май, 19. Собрание в «Доме Искусств», на котором ожидалось присутствие Есенина, проходит без его участия.

Из отчета:

«В пятницу состоялось "предканикулярное" собрание в "Доме искусств". <...> На пятничном заседании выступали А.Б.Кусиков и недавно приехавшая из России М.И.Цветаева. <...> Публика тщетно ожидала появления С.А.Есенина и разошлась с чувством легкого разочарования».

[Б. п.] В «Доме искусств». — Нак., 1922, 23 мая, № 47.

См. также: 20 мая 1922, первая запись; 21 мая 1922, четвертая запись.

В берлинской газете «Руль» (№ 457; рубрика «Печать») публикуется анонимная заметка:

«Замечательные выступления новоявленных знаменитостей, похваляющихся тем, что они ничему не учились сызмальства, были хулиганами, вызывает резкую отповедь со стороны "Посл<едних> нов<остей>".

У русской революции есть уже свои певцы. Это — новая "советская плеяда" поэтов и писателей, родившихся в грозе и в буре, получивших свое воспитание в смраде гражданской войны. У этой молодежи нет еще творческого лица. Некоторые из них, кроме автобиографий, еще ничего не сочинили. Но их торопятся объявлять гениями, противопоставляя старому литературному поколению — вчерашней гнилой России. "Они — цветы революции".

Каковы же эти молодые пророки "вздыбленной" России? Каков их умственный и моральный багаж? Что взяли они у революции? Чем живут, чем дышат? Почитайте их кокетливые автобиографии. Они все влюблены в себя, жеманничают, кичатся пьянством и разгулом, предательством и дезертирством. Они воспевают "улыбки ЧК", друг друга ласково похлопывают по плечу, величая "сентиментальными убийцами", "профессиональными дезертирами". И, быть может, ужаснее всего то, что этот цинизм — далеко не всегда подлинный, глубинный. Это — не обнаженность, не самооплевывание Розанова. Это — по преимуществу: поза, жест, игра под хулиганов — героев революции. Умственная и моральная стойкость — пережиток, атрибут дореволюционной "плесени". Они — жрецы революции, внуки Жордана и Теруань де Мерикур. И пусть некоторые из них — молодые краснощекие буржуа, любящие пить по утрам ароматный шоколад, они гримируются под санкюлотов. На это, значит, есть спрос. И находятся критики, которые их превозносят, и редактор, печатающий весь этот вздор, выдавая его за серьезные "человеческие документы". Вот — они, мол, "цветы революции"...

Это явление особенно опасно, когда в России гибнут последние остатки культуры.

Что же сказать о тех "писателях", которые бравируют подлостью и предательством, о тех ущербленных революцией критиках, которые канонизируют этих хулиганов от литературы, воспевая их как апостолов некой новой культуры?

Как же характеризовать тех стариков, которых седина не удерживает от того, чтобы вприпрыжку поспевать за этой молодежью?».

Московские «Известия ВЦИК» (№ 110) дают объявление о выходе из печати № 6 <2 (6)> журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См.: до 20 апр. 1922.

Московский еженедельник «Жизнь национальностей» (№ 10) помещает рецензию А.Гурштейна на книгу А.Кушнирова «Вент» («Стены»), вышедшую в Киевском отделении Госиздата РСФСР на еврейском языке (идиш). В отзыве идет речь о Есенине:

«Кушниров примыкает к "имажинизму", только лишенному и тени "литературного скандала" и использ<у>емому исключительно как ценный литературный метод, таящий в своей "сверхобразности" еще не изведанные до конца поэтические возможности. Нам хочется обозначить "имажинизм" Кушнирова еврейским трудно переводимым словом "zniesdiker" (скромный, добродетельный, с оттенком еврейской "кошерности").

Два влияния, главным образом, перемежаются в молодом творчестве Кушнирова. Одно идет от русского Есенина (особенно в стихах о России), другое, более сильное и глубокое, от еврейского мастерства Гофштейна».

Газета «Голос России» (№ 969) помещает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки "Книга для всех"», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922.

Май, 20. Газета «Накануне» (№ 45) с опозданием помещает анонс вечера в «Доме искусств» (19 мая 1922) с предполагаемым участием Есенина:

«В пятницу, 19 мая, состоится очередное заседание "Дома искусств" (Nollendorf kasino, Kleiststr., 41). Ожидается выступление С.А.Есенина, А.Б.Кусикова, И.Г.Эренбурга (вступительный доклад) и др.».

См.: 19 мая 1922, первая запись; 21 мая 1922, четвертая запись.

В газете «Руль» (№ 458) публикуются:

— «Европейские частушки» В.В.Клопотовского (подпись: Лери) с упоминанием Есенина:

Мой миленок в «Накануне»
Служил матушке-коммуне —
Здесь в Берлине этот грех
Называют сменой вех.

.....

Надоела Генуя —
В шелк себя одену я
И для развлеченья чувств
Прогуляюсь в «Дом Искусств».

Там всё пышно и богато,
Там есть красные ребята,
А меж ними — маков цвет —
Самый красный наш поэт.

Станет в позу среди зальца —
Сунет в рот четыре пальца —
Сразу Лиговкой пахнёт,
Испужается народ.

Наши парни — ежики,
Пустят в ход и ножики,
Потому они — стихия
И вздыбённая Россия...

.....

Прилетел аэроплан
Из столицы Ленина —
Вышла в нем мадам Дункан
Замуж за Есенина.

.....

Айседора с новым мужем
Привезла совдеп сюда...
Были времена и хуже,
Но подлее — никогда!

— объявление магазина «Книжный салон» о поступлении новой партии книг из России, в т. ч. сборников Есенина «Преображение» и «Радуница».

Московские «Известия ВЦИК» (№ 111) сообщают о бойкоте русскими эмигрантами «сменовеховцев»: А.Толстой, А.Ветлугин и И.Василевский (Не-Буква) за сотрудничество в газете «Накануне» исключены из союзов русских писателей (литераторов) и журналистов в Берлине и в Париже.

Этот эпизод обсуждался в эмигрантской прессе (апр. 1922). 19 апр. председатель правления Парижского союза русских литераторов и журналистов П.Н.Милюков направил письмо А.Толстому, А.Ветлугину и И.Василевскому с вопросом о совместимости их участия в просоветской газете с членством в Союзе. 25 апр. 1922 каждый из адресатов дал ответ: «...Не считая совместимым с достоинством русского литератора и мироощущением живого человека пребывание в такого рода парижских организациях, настоящим прошу не считать меня более членом возглавляемого Вами Союза...» (Нак., 1922, 27 апр., № 26).

Май, 21. В литературном приложении № 4 к газете «Накануне» (№ 46) впервые публикуется стихотворение Есенина «Сторона ты моя, сторона...» <«Сторона ль ты моя, сторона!..»>.

О времени его создания см.: Летопись, 3 (1), 196.

См. также: Есенин, I, 159–160, 579.

Сохранился черновой автограф этого стихотворения (РГАЛИ), имеющий заглавие «Уезд». Есть образ, как бы развивающий смысл заголовка: «Здесь, на этом разъезде косом». Вместо «дождевое» вначале было: «Травяное осеннее олово». Кроме «безгубой головы» есть образ «безгубого рта». Вместо последних двух строк окончательного текста («Друг мой, друг мой, прозревшие вежды Закрывает одна лишь смерть») в черновике — «И стою я, кривясь от корчи, Черных дум заглушая вой».

Есенин, I, 336–337.

Газета «Накануне» (№ 46) дает объявления:

— издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки “Книга для всех”», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 … 24 июня 1922;

— издательства «Скифы»:

«Андрей Белый и Сергей Есенин. Россия и Япония <так!>. Цен. 15 мар.

Александр Кусиков. Аль-Баррак. Цен. 12 мар.

Сергей Есенин. Триптих. Цен. 9 мар.

Печатается и на днях поступит в продажу

Александр Кусиков. Птица безымянная: Сборник стихов и поэм».

Газета «Руль» (№ 459; подпись: Lolo) печатает «Сырье (Экспромт)» Л.Г.Мунштейна:

Не придумаешь фарса нелепее! —
Вот он, вывоз сырья из Совдепии,
Вот мечта обездоленных стран:
С разрешения доброго Ленина
Привезла молодого Есенина
Не совсем молодая Дункан!

Газета «Голос России» (№ 971) помещает:

— анонимный отчет «В “Доме Искусств”» с упоминанием Есенина:

«На последнее заседание <см.: 19 мая 1922> народу пришло очень много. Вечер начался с речи Н.М.Минского, в которой он благодарил всех выступавших в этом сезоне, писателей, поэтов, публику и прессу. Одним недоволен Н. М. — это отчетами газет о вечере, когда выступали Есенин и Дункан. По мнению Н. М., — на этом вечере был не скандал, а праздник: прилетели пташки с родины — и нужно принимать их такими, какие они есть — без всяких протестов.

В заключение было предложено приветствовать приехавшую из Москвы и находившуюся в зале поэтессу Марину Цветаеву. Поэтесса читала стихи и приветливо была принята публикой.

Ожидаемый Есенин на вечер не явился, но вместо него выступил со своими стихами один из голых людей “Накануне”. В стихах, конечно, много “любви” к России — к моей России — и в последнем стихотворении неприличный эпитет родины (б… и, конечно, с прибавкой “святая”). Поэт очень хотел скандала, но получилось гадко и противно <…>

После нескольких минут недоумения Н.М.Минский заявил, что он первый нарушает свое пожелание — относиться к слушанию читаемого без протеста. Он заявляет, что выступление поэта “ничего общего не имеет с «Домом Искусств»”»;

— объявление издательства «Скифы» о наличии в продаже книг:

«Андрей Белый и Сергей Есенин. «Россия и Инония». Цена 15 мар.

Сергей Есенин. «Триптих». Цена 9 мар.».

В московских «Известиях ВЦИК» (№ 112) — рецензия Б.В.Гиммельфарба на № 2/3 журнала «Культура и жизнь» со стихотворением Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»> (подпись: Б. Гим-б):

«Особенно бледен первый отдел: слабые стихи С.Клычкова, Есенина и Радимова <...> первого отдела в журнале лучше бы не заводить...».

См.: 1 ... 15 марта 1922.

Май, 22. В Москве Г.А.Бениславская записывает в дневнике о себе и Есенине:

«Уехал. Вернее, улетел с А<йседорой>. Сначала, первые два дня, было легче — как зуб вырвали — болела только ранка, но не зуб. Но, видно, зуб очень больной — ранка не заживает <...> "Сильней, чем смерть, любовь" — есть потери не меньшие и не менее непоправимые, чем смерть. Страшно писать об этом, но это так: смерть Е. была бы легче для меня — я была бы вольна в своих действиях. Я не знала бы этого мучения — жить, когда есть только воля к смерти. <...> Ведь что бы ни случилось с Е. и А<йседорой>, но возврата нет. <...>

Если внешне Е. и будет около, то ведь после А<йседоры> — все пигмеи, и, несмотря на мою бесконечную преданность, — я ничто после нее (с его точки зрения, конечно). Я могла быть после Л<идии> К<ашиной>, З<инаиды> Н<иколаевны Райх>, но не после А<йседоры>. Здесь я теряю».

Материалы, 108.

Май, 22 ... Июль, 22. В издательстве «Скифы» выходит книга А.Б.Кусикова «Птица безымянная: Избранные стихи 1917–1921» (обложка работы Эль Лисицкого) со стихотворением «Есенину Сергею» («Кудри день. — Это ты в гранях города гость...»).

Нижняя граница события устанавливается по анонсу издательства (см.: 21 мая 1922, вторая запись), а верхняя — по объявлению о поступлении книги на центральный книжный склад «Образование» (Нак., 1922, 23 июля, № 88).

См.: до 16 окт. 1920; 7 окт. 1922.

См. также: 21 мая 1922, вторая запись.

См. Приложение.

Май, 24. Газета «Накануне» (№ 48) помещает объявление:

«Книгоиздательство "Россия".
Berlin SW 47, Yorkstr. 73. Tel. Lützow 83-02.

Печатаются и в ближайшее время поступят в продажу:

Сергей Есенин.	Ржаные кони, поэма <так!>,
его же	Хорошая книга стихов
его же	Голубень, стихотворения.

О выходе книг будет объявлено особо».

См. также: 24, 25 и 28 мая 1922; 24 и 27 мая 1922.

Далее этот анонс будет даваться с изменениями (см.: 28 мая 1922, 4 июня 1922, последняя часть первой записи).

Репродукцию одного из объявлений см.: РЗЕ, 2, 19.

Книги не выходили (см. также: Есенин, VII (3), 89).

В белградской газете «Новое время» (№ 323; подпись: Ренэ Санс) публикуется «маленький фельетон» К.Я.Шумлевича «Дунька Есенина»:

«“Все перевернулось в дому у Облонских”...

Знаменитая Айседора Дункан — какая славная старая английская фамилия! — блестящая артистка, пионер нового времени и, в то же время, древнего греческого поэтического течения в балете, тонкая ценительница красоты и пластики, изящная, строгая в своей наготе, очаровательная в своей смелости, — Айседора Дункан — большевичка! Дунька Есенина!

<...> Я знал Айседору Дункан лет пятнадцать тому назад. Она приехала на гастроли в Петербург и выступала в Малом театре. Успех ее был необыкновенный. “Весь Петербург” сошел с ума. Айседора Дункан была предметом всеобщего обожания. Ее фотографии продавались в фойе театров, она приглашалась в самые фешенебельные светские салоны, ее имитировали <...>

И вдруг... Большевизм, “чрезвычайка”, кровь, стоны, смерть... И посреди, среди всего этого ужаса, демонический танец безумной босоножки под звуки Интернационала.

Что произошло с этой безусловно одаренной, но всегда ненормально странной натурой? Лет восемь тому назад с ней случилось большое несчастье: автомобиль, в котором ехали ее дети, упал в Темзу <так!>, и дети погибли. Айседора Дункан была на пороге безумия.

Очевидно, большевизм ее доконал. Судя по всему, что она делает, Айседора Дункан окончательно сошла с ума. Глупее и пошлее всего — ее роман с большевистским “поэтом” (читай: шутом и жалким гаером) Сергеем Есениным.

Роман этот, как я себе представляю, протекал таким образом.

Они встретились в танцульке.

Дункан взглянула на Есенина. Есенин пронзил взглядом Дункан. Дункан почесала ногою за ухом (одно из ее любимых па). Есенин пришел в неописуемый восторг и сморкнулся “наизусть”, они тут же познакомились.

— Как я люблю Россию! — томно промурлыкала Айседора.

Есенин отвечал своими стихами:

Эй, россияне!
Ловцы вселенной.
Неводом зари зачерпнувшие небо —
Трубите в трубы.
Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Айседора (*закрывая глаза*): Как красиво то, что вы говорите. И как жаль, что я плохо понимаю по-русски.

Есенин (*в экстазе*):

Облаки лают,
Ревет златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!

Айседора (*кружась вокруг него на пуантах*): Как хорошо! Как красиво! Говори еще, говори еще, милый, милый...

Есенин (*окрыленный*):

С небес через красные сети
Дождит молоко.
Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря...

Айседора (*разомлев*): I love you! (Я люблю вас!)
Есенин (*возбужденно*):

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб.
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслит Девой,
Взойдет в корабль звезды.

Айседора (*не в силах сдержаться, бросается в объятия Есенина*): Я — твоя!
Есенин. Замётано! Ай, да Дунька! Чего там Айседора, Айседора... То ли дело по-нашему, по-рассейскому — Дунька Есенина! Садись на ероплан и вздыбимся на облак! (*Улетают в Берлин*)».

Май, 24, 25 и 28. Газета «Руль» (№ 461, 462 и 464) дает объявление книгоиздательства «Россия» о предстоящем выходе трех книг Есенина.

Текст см.: 24 мая 1922, первая запись.
Ср.: 28 мая 1922.
См. Приложение.
Книги не выходили.

Май, 24 и 27. Газета «Голос России» (№ 973 и 975) анонсирует выход трех книг Есенина в книгоиздательстве «Россия».

Текст см.: 24 мая 1922, первая запись.
Ср.: 28 мая 1922.
Книги не выходили.

Май, 24, 27, 28, 30 и 31. Газета «Руль» (№ 461, 463–466) дает объявление о предстоящем 1 июня вечере Есенина, А.Н.Толстого, А.Ветлугина и А.Б.Кусикова:

«“Нам хочется Вам нежно сказать” (из Серг. Есенина). Устроитель вечера: Из-во “Россия”, Yorkstr. 73. Blüthner-Saal, Лютцовштр. 76. В четверг 1 июня 1922 г. Сергей Есенин, гр. Ал. Ник. Толстой, Александр Кусиков, А.Ветлугин. Начало в 8 часов вечера. Граф Ал. Ник. Толстой скажет вступительное слово: “О трех каторжниках”. Крестьянин Сергей Есенин: трагедия “Пугачев” (полностью), “Страна негодяев” и “Нежное против шерсти”. Черкес Александр Кусиков: “То, чего нет в Коране” и “Привет эмиграции”. Кандидат прав А.Ветлугин выскажется о “Голых людях” и “о сентиментальных убийцах”».

См. также: 30 мая 1922, вторая запись.
См. Приложение.

Май, 25. Газета «Накануне» (№ 49; раздел «Хроника») анонсирует предстоящий вечер с участием Есенина:

«Литературный вечер с оригинальной программой устраивается 1 июня группой писателей, <среди которых Есенин>, в Блютнер-зал (Лютцовштр.)».

Петроградский журнал «Литературные записки» (№ 1) в разделе «Сведения о новых книгах. Изданные в России...» информирует о выходе книги Есенина «Пугачев» (Пг.: Эльзевир).

Май, 25, 27, 28, 30 и 31. Газеты «Накануне» (№ 49–53) и «Голос России» (№ 974–978) помещают объявление о вечере «Нам хочется Вам нежно сказать» с участием Есенина.

Текст см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922.

Май, 26. В Иваново-Вознесенске поэт и журналист А.Е.Ноздрин делает в дневнике запись о Есенине:

«Всё в цвету: сирени, яблони,
До последнего сучка.
И куда-то в свои гавани
Проплывают облачка.

Сложность и запутанность жизни, поиски из нее выходов создают новых Икаров, а <И.Ф.> Горбунов всё это очень метко высказал <в рассказе "Воздухоплаватель", 1874> в том, что "от хорошей жизни не полетишь".

Не это ли и Есенина заставило полететь на аэроплане в Берлин?

Оскар Уайльд когда-то в Америку ездил с подсолнечником, и Есенин собирается туда же <см.: 10 мая 1922, день, первая запись; 16 мая 1922, вторая запись>, но не с подсолнечником, а с Айседорой Дункан.

Много во всем этом буффонады, нарочитой пышности, божественного озорства и меньше всего того внимания, каким должен жить поэт, к последнему дню с его горями и радостями кроваво-мучительной и неизбежно великой революции.

Борис Пильняк — другое, он только что перебрался из Берлина снова в Коломну и скромно снизился до той работы, которая из-под его пера выходит с теми горями и радостями последнего дня, имя которому — Революция.

Пильняк возвратился к людоедам, где захлебываются слезами, а Есенин рвется, конечно, туда, где глотают устриц и запивают их шампанским».

Ноздрин А. Дневники: Двадцатые годы. Иваново: [Ивановский гос. ун-т], 1997, с. 36.

Характеристика поездки О.Уайльда в Америку «с подсолнечником» восходит к вышедшей незадолго перед этим книге К.Чуковского «Оскар Уайльд» (Пб.: Радуга, 1922, с. 38).

Май, 27. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1819) дает объявление о наличии в продаже книги «Справочник-альманах на 1922 год» с указанием содержания, где как один из авторов упоминается Есенин.

См.: 24 ... 28 янв. 1922.

Май, 28. Книгоиздательство «Россия» помещает в газете «Накануне» (№ 51) анонс:

«Печатаются и в ближайшее время поступят в продажу:

Сергей Есенин. Ржаные кони, поэма <так!>,
его же Голубень, стихотворения,
Сергей Есенин и Мариенгоф Хорошая книга стихов

О выходе книг будет объявлено особо».

По сравнению с предыдущими объявлениями того же издательства о книгах Есенина (см.: 24 мая 1922; 24, 25 и 28 мая 1922; 24 и 27 мая 1922) здесь дается уже другой текст – с фамилией Мариенгофа, ранее в анонсах отсутствовавшей.

Вскоре (см.: 9 июля 1922) Есенин известит А.Б.Мариенгофа:

«От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих».

Из этих слов явствует, что автором «Хорошей книги стихов», предложенной Есениным берлинским книгоиздателям, изначально был А.Б.Мариенгоф.

Ни одна из объявленных книг в свет не вышла.

См. также: 4 июня 1922, последняя часть первой записи.

В литературном приложении № 5 к газете «Накануне» (№ 51; раздел «Хроника») сообщается:

«Сергей Есенин продал «<Русскому> Универсальному издательству» в Берлине антологию его стихов за 1918–1922 годы. В состав антологии войдет трагедия “Пугачев”».

См.: 12 ... 27 мая 1922.

В Иваново-Вознесенске А.Е.Ноздрин делает в дневнике еще одну запись о Есенине:

«Чрез воздушный большой океан,
Там, где мчат облака белоснежные,
Укатил с Айседорой Дункан
Наш Есенин в края зарубежные.

А здесь вот баба из Пелгусова <село вблизи Иваново-Вознесенска>, обманутая низшим медицинским персоналом, мужу, больному тифом, лежащему без сознания, возит молоко четвертями. Это город доит деревню, и, не довольствуясь этим, требует он от бабы еще и хорошего вина, и баба решила его купить на последние.

Эта весть принесена из телячьего вагона, и говорилось это в то время, когда Есенин с Айседорой Дункан на аэроплане перелетал воздушный океан, переживая новую славу первого поэта голодной и измученной родины».

Ноздрин А. Дневники: Двадцатые годы. Иваново: [Ивановский гос. ун-т], 1997, с. 44, где ошибочно помещено среди записей 1923 г. (установлено О.К.Переверзевым).

См. также: 26 мая 1922.

На «Странице литературы и искусства» московской газеты «Известия ВЦИК» (№ 117) — информация:

«В издаваемую в Берлине русским издательством “Мысль” серию “Общедоступная библиотека” вошло несколько книжек — антологий современной поэзии: “Из русских поэтов” (Бальмонт, Брюсов, Блок, Сологуб, Мережковский); “Поэзия большевистских дней” (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)...».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая

1922; 5 ... 24 июня 1922; 10 и 15 окт. 1922; 29 окт. 1922, вторая запись; 2, 5, 22 и 26 нояб. 1922; 10, 24 и 31 дек. 1922.

Выходит № 2 «Литературной недели» — приложения к газете «Петроградская правда» (№ 117) — со статьей Г.Ф.Устинова «Крушение идеализма», где идет речь о Есенине:

«...на первом же году существования Советской Республики умерла подделывающаяся под революционность старая, народническая, идеалистическая поэзия Блока, Клюева и их последователей. Среди писателей и поэтов, как и всюду, начался раскол, пошло расслоение. Молодое и талантливое пошло с революцией. Первый же год выдвинул ряд имен из среды пролетарских поэтов — Вл. Кириллов, Гастев, В.Александровский, Бессалько, Маширов-Самобытник, Илья Садофьев, Пав. Арский и др. От левых эсеров отошли Сергей Есенин, С.Клычков, П.Орешин и др.».

Май, 29. Московская газета «Вечерние известия» (№ 16) помещает ряд материалов о Есенине:

— заметку «Еще о деревенском поэте: Алексей Толстой — о Есенине» (подпись: Б. Э.).

В ней излагается (с цитатами) рецензия А.Н.Толстого на книги Есенина «Исповедь хулигана» и «Трерядница» (см.: 1 ... 19 февр. 1922);

— информацию без подписи «Два мира: Есенин и Дункан в Берлине».

Дается большая цитата из статьи «Два мира» (Нак., 1922, № 40, подпись: Посторонний; см.: 14 мая 1923, четвертая запись);

— запоздавшее извещение (рубрика «Искусство и жизнь», заметка без подписи «За границей») о выпуске издательством «Скифы» книги Есенина «Триптих».

О выходе книги см.: до 21 нояб. 1920.

Май, 30. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» перепечатывает стихотворения Есенина «Всё живое особой метой...» и «Не жалею, не зову, не плачу...», предварив их предисловием «Стихи Сергея Есенина»:

«Печатаемые здесь 2 стихотворения Сергея Есенина позаимствованы нами из газеты "Накануне" <см.: 14 мая 1922, вторая запись>. Есенин — молодой русский поэт из народа, настоящий крестьянский сын. Несмотря на свою молодость (ему всего 27 лет), он пользуется широкой известностью, как поэт, в России и за пределами ее. Весть о женитьбе Есенина на знаменитой танцовщице Айседоре Дункан облетела весь мир. Сейчас Есенин находится в Берлине».

Варшавская газета «За свободу!» (№ 167) печатает анонимную реплику «Среди "сменовехнувшихся"»:

«В "Накануне" выкинут девиз: "после нас хоть потоп". Есенина Дунька, — как "потоварищески" окрещена Айседора Дункан, и вся редакция "Накануне" устраивают публично "смену" всех приличий и назначила на 1 июня на Лютцовштрассе "Экстра-гала"-представление по такой программе <текст см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922>.

Вот уж подлинно можно сказать: им и книги в руки. Кому же другому, как не сменовеховцам, говорить на такие темы, как о "негодяях", о каторжниках, о "голых людях" и т. д.

Значит, этот вечер — будет своего рода коллективной исповедью. Ну что же: "Спой, светик, не стыдись"».

Май, не позднее 31. В Париже выходит книга переводов «Cinq continentes» <«Пять континентов: Всемирная антология современной поэзии»> на французском языке (составитель Иван Голль) с фрагментом из поэмы Есенина «Инония» в переводе Е.А.Извольской под заголовком «Россия и Инония».

Событие устанавливается по информации в журнале «Вещь» (Берлин, 1922, № 3, май), а его граница — по времени выхода этого номера журнала (см.: 1 июня 1922).

Указанный перевод входит в «Славянский раздел» антологии, куда включены также переводы из других русских поэтов: «Скифы» А.Блока, отрывки из поэм В.Маяковского («Война и мир») и Андрея Белого («Христос Воскресе»), а также стихи В.Брюсова, А.Ахматовой, И.Эренбурга и В.Шершеневича.

Май, 31. Газета «Накануне» (№ 53; рубрика «Хроника») помещает статью «Московский вечер в Берлине» (подпись: W.):

«Назначенный на завтра, 1 июня, вечер Представителей Третьей России (выступление *крестьянина* Сергея Есенина, *черкеса* Александра Кусикова и *кандидата прав* А.Ветлугина с вступительным словом *графа* Алексея Н. Толстого о "трех каторжниках") идет в Берлине с девизом:

"Мне хочется Вам нежно сказать".

В Москве вечера такого рода в Политехническом Музее шли под гораздо более «крепкими» лозунгами: "*Явление народу* поэтов Есенина и Кусикова", "*Штурм Москвы* имажинистами и имажинятами", и т. п. вплоть до вечеров под названием "Скулящие кобели" или "Свинья верхом на месяце".

Есть, должно быть, какое-то странное знамение времени в этой необычной склонности к внешней грубости у этих поэтов революционной эпохи. Им во что бы то ни стало хочется слыть не поэтами, а буйными каторжниками и сентиментальными убийцами. Недаром же г.г. С.Есенин и А.Кусиков в одну прекрасную ночь умудрились не только переименовать в свою честь целый ряд московских улиц (все таблички по Кузнецкому мосту, Петровке и Камергерскому переулку оказались к утру переделаны в "Улицу Сергея Есенина" — "Улицу Александра Кусикова" — "Улицу Мариенгофа"), но даже, "рискуя расстрелом", расписали ночью все стены Страстного Монастыря огромными надписями в свою честь, а кстати уж расклеили "приказ о всеобщей мобилизации" от имени В.Ц.И.К. ордена имажинистов с предписанием публике явиться к 2 часам дня на Театральную площадь.

В Москве "номера" такого рода неизменно заканчивались срочной поездкой на автомобиле на Лубянку, в помещение че-ка.

В Берлине эта опасность не грозит, и хотя бы по одному этому поэтам лучше бы отказаться от крикливых выходок такого рода, имеющих целью "épater les bourgeois" <эпатировать мещанина (*фр.*)>. Поэты, в багаже которых есть такие произведения, как поэмы "Пугачев" или "То, чего нет в Коране", могли бы обойтись и без таких приемов, как усиление своих стихотворений так наз<ываемыми> непечатными словами.

Но и при наиболее отрицательном отношении к этой вот грубости, — нельзя не указать на то, что вопли по этому поводу "Руля" и "Голоса России" о "гибели" русской поэзии и русской литературы, — по меньшей мере односторонни.

Достоинства поэта далеко не всегда совпадают с достоинствами умеренного и аккуратного бухгалтера. Музыканты, "которые в рот хмельного не берут", недаром вызывают у баснописца горестный вздох:

— По мне уж лучше пей, да дело разумей.

Эта грубость не страшна. Это болезнь роста, болезнь того возраста, когда "силушка по жилкам переливается".

Крупными и настоящими людьми — сплошь и рядом оказываются вовсе не те, кто в юности были первыми учениками и пай-мальчиками, а именно те, кто в молодости вовсе не отличался хорошими отметками по поведению.

Надо только, кроме плохого поведения, — иметь еще и хорошие стихи».

Отклики см.: 1 июня 1922, первая и вторая записи.

Газета «Руль» (№ 466) помещает стихотворный фельетон Лери (В.В.Клопотовского) «Аполитичность» со строфой:

Да, вопрос сей несомненен.
За приятный этот хлеб
Мне начальством станет Ленин,
А поэтом — С. Есенин,
А отечеством — Совдеп.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3413) печатает заметку «Айседоре Дункан отказано в визе»:

«Британское правительство отказало в визе известной балетной артистке Айседоре Дункан на том основании, что, выйдя замуж за русского поэта Есенина, она утратила свои права американской подданной».

Президиум Коллегии Наркомпроса в Москве отклоняет просьбу А.Дункан о гастрольной поездке учениц ее московской школы во Францию.

Председательствующий на заседании президиума А.В.Луначарский доложил «сообщение Айседоры Дункан о предложении французского правительства организовать в Париже спектакли Дункан с 20 русскими детьми». После обсуждения (А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, В.Н.Максимовский) было вынесено постановление: «Данное предложение отклонить».

Есенин, VI, 541.

См. также: 16 июня 1922, вторая запись; 13 июля 1922; 16 июля 1922; 21 июля 1922, вторая запись.

Май, не ранее. Югославский журнал «Зенит=Zenit» (Загреб, № 14, за май) публикует поэму Есенина «Преображение» в переводе Л.Мицича (Љ.Мицић=L.Micić):

Облаци лају,
Небо са златним зубом урличе,
А ја зовем и вичем:
Блеји, о господе! <...>.

Время выхода номера сообщено Н.В.Злыдневой.

«Первое сообщение о советской поэзии и ее новых направлениях появилось в Югославии в 1921 г. <журн. "Зенит", [№] 5, с. 12>. Это была "Декларация" имажинистов. Перевел ее главный редактор журнала "Зенит" — сербский поэт Л.Мичич; среди подписей под "Декларацией" читатели впервые узнали новое имя — Сергей Есенин. Группа, собравшаяся вокруг журнала "Зенит", образовала авангардистское литературное течение "зенитизм". Это направление фактически выросло из экспрессионизма, хотя и отмежевывалось от него. <...> "Зенит" первым среди югославских журналов установил творче-

ские контакты со многими авангардистскими движениями и изданиями в разных странах. Он активно откликался на события в Советской России, на его страницах встречались имена Горького, Маяковского, Есенина, Луначарского, Кандинского, Татлина, Архипенко, Эренбурга и др. <...>.

Зенитисты восприняли Есенина как представителя имажинизма. В переводе Мицича было опубликовано также стихотворение Есенина "Мир таинственный, мир мой древний..." <см.: не ранее окт. 1922>. Мицич, по сути, был первым переводчиком Есенина на сербскохорватский язык; ему принадлежит и ряд статей о русском искусстве и революционной лирике <см.: журн. "Зенит", [№] 11, с. 7–8> <...>. Особый резонанс имела написанная Мицичем от имени всех зенитистов статья "Против югославского антирусизма" — решительный отпор антиреволюционным выступлениям на страницах югославской прессы <см.: журн. "Зенит", 1923. [№] 25>. <...>

Виднейшие югославские поэты и критики не раз заявляли, что Есенин — самый популярный зарубежный поэт у южных славян».

Конопелько Т.М. Русский имажинизм в сербской критике. — В кн. «Восприятие русской литературы за рубежом: XX век», Л.: Наука, 1990, с. 90, 91.

Май. Харьковский журнал «Зори грядущего» (№ 5; рубрика «Критика и библиография»; подпись: С.Радугин) помещает рецензию С.Н.Ражбы на книгу Есенина «Пугачев».

В ней, в частности, говорится:

«...По свидетельству Есенина, Пугачев принимает имя мертвого императора с болью, скрепя сердце, принимает его потому, что это необходимо. И в то же время личность Пугачева не заслоняется чуждым ему мертвым именем. Хлопуша — убийца и каторжник, впоследствии ближайший сподвижник Пугачева, говорит о нем, еще его не зная... "Пусть он даже не Петр, но чернь его любит за буйство и удаль"... Такова личность Пугачева в представлении Сергея Есенина. Интеллигентский налет московских имажинистов, слоем пыли лежащий на творчестве поэта из крестьянской среды, все же не помешал поэту правильно понять явление Пугачева в истории России... Пугачева постигает неудача... Пред Есениным стояла задача: объяснить факт выдачи Пугачева. И нельзя не признать, что поэт правильно подошел к разрешению этой задачи... Связанный Пугачев, пораженный неожиданным приближением конца, говорит: "Боже мой! Неужели пришла пора? Неужели под душой так же падаешь, как под ношей? А казалось... казалось еще вчера... дорогие мои... хор-рошие..." Так подходит Есенин к явлению в истории России, известному под именем пугачевщины. И в этом подходе нельзя не усмотреть удаление от интеллигентски-городского имажинизма Мариенгофа и Шершеневича, глубоко индивидуалистического, далекого от понимания глубин народной жизни и отдельных явлений, ее составляющих.

Стиль, которым написан "Пугачев", также свидетельствует об оздоровлении творчества Есенина. Поэма написана прекрасным языком, чуждым вычурности. Образы порою великолепны. Читателю может показаться странным, что и Пугачев и его сподвижники говорят, таким образом, языком, непохожим на обыденную речь».

Июнь, 1. Газета «Голос России» (№ 979) печатает статью М.Л.Слонима «Скандал для саморекламы» с упоминанием Есенина:

«Несколько писателей и поэтов, прибавив неизвестно для чего к своим именам самые разнообразные определения ("граф", "черкес", "крестьянин" и "кандидат прав"), устраивают в Берлине вечер саморекламы.

"Накануне" <см.: 31 мая 1922, первая запись> предупреждает неопытного читателя, что удивляться "девизу" или названию этого "литературного вечера" не приходится, ибо: в Москве вечера такого рода в Политехническом музее шли под гораздо более "крепкими" лозунгами: "Явление народу поэтов Есенина и Кусикова", "Штурм Москвы

имажинистами и имажинятами" и т. п. вплоть до вечеров под названием "Скулящие кобели" или "Свинья верхом на месяце".

Не довольствуясь цитированием столь звучных девизов, "Накануне" пытается найти в этом нелепом и ненужном гаерстве какой-то сокровенный смысл. Для сменовеховской газеты в "склонности к внешней грубости у этих поэтов революционной эпохи" — странное знамение времени. <...>

Но даже после якобы "осуждения" имажинят, "являющихся берлинскому народу", продолжая славные традиции "Скулящих кобелей", "Накануне" не преминуло ругнуть своих политических противников:

"Но и при наиболее отрицательном отношении к этой вот грубости нельзя не указать на то, что вопли по этому поводу «Руля» и «Голоса России» о «гибели» русской поэзии и русской литературы по меньшей мере односторонни".

Когда это "Накануне" пришлось слышать вопли "Гол<оса> России" о гибели русской литературы?

Мы не только твердо и глубоко верим в будущее русской литературы, но и сегодня, в ее нынешних достижениях, видим много радостного, яркого, жизненного.

Но "свинья верхом на месяце", но "приказ о всеобщей мобилизации ВЦИКа ордена имажинистов" — разве это имеет какое-нибудь отношение к литературе? Разве шум скандала, пьяные забавы, уличные подвиги хоть в малейшей степени связаны с поэзией?

Нам совершенно неинтересно, выворачивал ли один поэт тумбу в Москве, ездил ли другой к женщинам в 14 или 15 лет и был ли какой-нибудь "кандидат прав" спекулянтом или картежником. Важно, пишут ли они хорошие стихи, повести, рассказы, обладают ли они истинным даром творчества или нет.

Но когда — выйдя на площадь и неистово стуча в там-там скандала и беззастенчивой рекламы, разные писатели, талантливые и мало одаренные, много давшие или немного обещающие, постараются занять место в литературе фиглярством и кувырканием, — мы протестуем и во имя заушаемой литературы и во имя великого дара творчества, заглушенного всякими вывертами "скулящих кобелей".

Впрочем, соображения о литературе, о творчестве, о прочих "высоких вещах" одинаково чужды и "Накануне" и "наканунцам".

Самое существенное для них — поднять побольше шума вокруг самих себя, привлечь на свои вечера, доклады, конференции побольше публики. И так как любителей скандала всегда много — то "успех обеспечен". А только это и требуется».

В газете «Руль» (№ 467; рубрика «Печать») публикуется анонимная информация о предстоящем вечере с участием Есенина:

«Берлинские сменовеховцы устраивают вечер с выступлением графа, крестьянина, черкеса и кандидата прав. Все объявления об этом вечере так явно рассчитаны на скандал, что даже "Накануне" смутилось. Оно пытается оправдаться <см.: 31 мая 1922> тем, что в Москве еще не то было. Там дело дошло вплоть до вечеров под названием "Скулящие кобели" или "Свинья верхом на месяце".

Эти замечательные литературные выступления еще и с уличными скандалами».

Далее следует необозначенная цитата из статьи в газете «Накануне» от 31 мая (см. выше), где рассказывается о переименовании имажинистами в свою честь московских улиц и других подобных акциях.

После этого следует резюме:

«Очевидно, и здесь сменовеховцы добиваются того, чтобы привезли эмиграцию в полицейский участок».

Газеты «Голос России» (№ 979) и «Руль» (№ 467) дают объявление о вечере Есенина, А.Н.Толстого, А.Ветлугина и А.Б.Кусикова «“Нам хочется вам нежно сказать” (из Серг. Есенина)».

Текст см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922.

Есенин выступает на вечере «Нам хочется вам нежно сказать» (Блютнер-зал).

Впервые публично читает поэму «Страна Негодяев» (монолог Номаха).

Событие устанавливается по откликам на него: 3 июня 1922, первая и вторая записи; 4 июня 1922, первая и вторая записи; 10 июня 1922.

См. также: Шубникова-Гусева, 203.

Г.Д.Гребенщиков вспомнит (1926):

«В Берлине я слышал Сережу <Есенина>, читающим в компании с Ал. Толстым, Кусиковым и Ветлугиным. Вечер назывался, если я не ошибаюсь, “Вечер четырех негодяев”. Конечно, была публика, и все четыре “негодяя” показали свои отличные дарования. Ал. Толстой благородно аттестовал “негодяйство” каждого. Но мне было очень грустно. Все очень даровитые люди ломают дурака только для того, чтобы о них шумели. И когда стал читать Сережа, странно искажая лицо и сорванным от крика голосом, и когда он бросал какие-то нарочито ужасные слова о Руси, я опять подумал: нехорошо кончит этот большой талант...

А он, увидевши меня, тоном мудрого старца стал меня корить:

— Почему вы не в России? Что у вас, голубая кровь? Ведь вы же наш брат, Ерема!..

Он даже братски хлопнул меня по плечу и предложил пойти со всеми вместе в какой-то ресторан. Но я свои “негодяйские” заслуги считал для этой чести недостаточными и скромно отказался».

РЗЕ, 1, 99.

Г.Д.Гребенщиков не упоминает здесь об эпизоде, отраженном в след. записи.

Г.Д.Гребенщиков дарит Есенину свой роман «Чураевы».

Из статьи И.И.Ионова «Из берлинских впечатлений: Эмигранты»:

«...я хочу рассказать об одном эпизоде, о котором мне говорил Алексей Толстой. Когда туда <в Берлин> приехал поэт Сергей Есенин, он совместно с Алексеем Толстым, Ветлугиным и Кусиковым устроили литературный вечер в одном из больших зал<ов> Берлина. Публика, падкая на скандальные выступления, наполнила зал и с интересом выслушала всех выступавших писателей и поэтов. К удивлению и к ожиданию некоторых белогвардейских посетителей — скандала не произошло. Наших поэтов там тепло встретили. И вот тут-то приключился следующий казус: среди посетителей находился приехавший на короткое время в Берлин один довольно известный беллетрист Георгий Гребенщиков. В порыве ли симпатии к Толстому или Есенину или же под влиянием воспоминаний о “старой” России он подарил Толстому и Есенину свой недавно вышедший роман “Чураевы” с такими надписями: “На память о наших совместных выступлениях в России”».

Газ. «Петроградская правда», 1922, 21 июля, № 161.

См.: 2 июня 1922; после 2 июня 1922; 21 июля 1922.

Выходит № 3 журнала «Вещь» со стихотворением Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>.

Эренбург. Хроника, 258.

См. Приложение.

Здесь же — информация в рубрике «Поэзия»:

«В Париже вышла антология современной поэзии <«Cinq continents»>, составленная поэтом Голлем. <...> Из русских: Блок, В.Иванов, Сологуб, Брюсов, Белый, Кузмин, Ахматова, Мандельштам, Маяковский, Есенин, Клюев, Шершеневич, Цветаева, Эренбург».

См.: не позднее 31 мая 1922.

Московская «Правда» (№ 120) анонсирует выпуск № 3 (7) журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

См. до 17 июня 1922; 17 июня 1922; 18 июня 1922, вторая запись.

Июнь, после 1 (?). Есенин и А.Дункан проводят неделю (?) в Потсдаме.

Событие устанавливается предположительно по воспоминаниям М.Дести:

«Неделю они <Есенин и А.Дункан> прожили у Элизабет в Школе Элизабет Дункан, размещавшейся тогда во дворце бывшего кайзера в Потсдаме».

Дести, 270.

Июнь, первая половина (?). Есенин сопровождает А.Дункан в ее поездках по городам Германии (Любек, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне, Веймар).

События устанавливаются по свидетельству Есенина (см. ниже). Ни точное время посещения того или иного немецкого города, ни последовательность тогдашних перемещений четы Есениных по Германии не установлены.

21 июня 1922 Есенин напишет И.И.Шнейдеру из Висбадена о А.Дункан:

«Она <...> скачет на автомобиле, то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерика».

Есенин, VI, 137.

Июнь, 1 и **2.** Газета «Накануне» (№ 54 и 55) дает объявление о вечере Есенина, А.Н.Толстого, А.Ветлугина и А.Б.Кусикова «“Нам хочется вам нежно сказать” (из Серг. Есенина)».

Полный текст см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922.

Хотя 1 июня вечер состоялся, объявление о нем появилось в газете и на следующий день.

Июнь, 2. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3415) перепечатывает поэму Есенина «Русь».

В варшавской газете «За свободу!» (№ 170) — анонимная заметка «Полет Красного Гименея»:

«“Речпосполитая” сообщает: После сенсационной свадьбы 55-летней <так!> Айседоры Дункан с 27-летним поэтом Есениным “молодые” (наполовину) совершали свадебное путешествие аэропланом из Москвы в Берлин. В Гданьске их задержали ввиду того, что у них не оказалось виз. Однако польские власти в восточно-прусском коридоре разрешили им продолжать путешествие в Берлин без визы».

Ср., однако: день 10 мая 1922, третья запись.

Исходная информация в газете «Rzecpospolita» не выявлена.

Газета «Накануне» (№ 55; за подписью: А. В.) печатает рецензию А.П.Вольского на книгу А.Ильиной (Сеферянц) «Земляная литургия: Лирика 1921 года» (М.: [ГИЗ], 1922):

«Поэтический талант А.Ильиной — талант на "три с плюсом": то Есенин, то Кусиков, рассказанные "своими словами". Это чувствует отчасти сама поэтесса, которая в обращении к Есенину говорит: "Мы вышли от одних истоков, у нас с тобой одна купель... Поешь ты край ржаного хлеба, гречишный дух родных полей... Но в пестряди древесной сени другой любовью я горю: склоняю я свои колени лишь к земляному алтарю". В чем, собственно, тут разница, понять трудно. <...>

Несмотря на всё это, автор "Земл<яной> литургии" не лишен дарования и, может быть, прав, по-своему утверждая: "Мой искушенный змей, за твой полет надзвездный я не отдам овсяных стебельков".

Каждому свое».

Стихи, цитированные рецензентом, имеют заголовок «Сергею Есенину» и датированы: «21 июня 1921 г.»:

Мы вышли от одних истоков,
У нас с тобой одна купель.
У дремной рощи над осокой
Нашли мы вещую свирель.

Поёшь ты край ржаного хлеба,
Гречишный дух родных полей —
И в заводях ночного неба
Встречаешь древних рыбарей.

Нам на рязанских бездорожьях
Не выпало приветных встреч.
Поэт ты милостию божьей,
Ты новых зрелых слов предтеча.

А я апостолом смиренным
На орари струистых рек
Несу потир тоски Вселенной
И сердца колокольный крик.

Когда пред Русью бьешь поклоны
Иль пламенеешь в купине, —
Твои старинные иконы
И дороги, и близки мне.

Но в пестряди древесной сени
Другой любовью я горю:
Склоняю я свои колена
Лишь к земляному алтарю.

Ильина (Сеферянц) А. Земляная литургия: Лирика 1921 года. М.; [Н.-Новгород]: [ГИЗ], 1922, с. 12–13.

См. также: сент. 1922, первая запись; до 7 окт. 1922.

Самарская газета «Коммуна» (№ 1038; подпись: М.) помещает заметку «Среди белой эмиграции в Берлине» с информацией о посещении Есениным 11 марта «Дома искусств».

Источник — статья Постороннего в Нак. (см.: 14 мая 1922, четвертая запись).

Г.Д.Гребенщиков пишет Есенину письмо:

«Вчера, в порыве воспоминания о вас, о нашем знакомстве и дружбе, я подарил вам книгу и сделал на ней, по-моему, несколько неосторожную надпись. Прошу вас вы-

рвать эту страницу и прислать мне ее обратно, так как пока не получу ее назад, я не успокоюсь. Во имя нашего знакомства прошу вас это сделать».

Газ. «Петроградская правда», 1922, 21 июля, № 161, в статье И.И.Ионова «Из берлинских впечатлений: Эмигранты».

См. также: 1 июня 1922, пятая запись; после 2 июня 1922; 21 июля 1922.

Июнь, после 2. Есенин отвечает отказом на просьбу, изложенную Г.Д.Гребенщиковым в его письме.

По словам А.Н.Толстого в изложении И.И.Ионова, Есенин «в кратких и крепких русских словах ответил ему <Гребенщикову>, — что дареных вещей он обратно не дает. Толстой ответил в том же духе. Гребенщиков уехал на курорт с чувством глубочайшей вины перед своими "парижскими друзьями"».

См. предыд. запись, а также: 21 июля 1922.

Июнь, 2 или **3.** Выходит журнал «Новая русская книга» (№ 4, за апрель) со сведениями о Есенине.

Время события определяется по: 1) объявлению в № 4 НРК о выходе № 3 журнала «Вещь» (ср.: 1 июня 1922; шестая запись); 2) информации о поступлении в продажу указанного номера НРК (Нак., 1922, 4 июня, № 57).

Из журнального обозрения «Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг.»:

«Серг. Ал-дрович *Есенин*, поэт, женился на известной танцовщице Айседоре Дункан. 11 мая с. г. прилетел на аэроплане <однако см.: вечер 10 мая 1922; 8 ч. утра 11 мая 1922> в Берлин (адрес: Hotel Adlon). "Универсальным издательством" приобретена у него антология стихов за 1918–1922 гг., в которую полностью войдет трагедия "Пугачев" <см.: 12 ... 27 мая 1922; 28 мая 1922, вторая запись>. Заканчивает новую поэму "В стране негодяев". Подписал контракт на поездку в Америку».

В том же обозрении — информация о Н.А.Клюеве и А.Б.Мариенгофе, без сомнения, полученная от Есенина:

«Николай *Клюев*, поэт, живет в Вытегре. Сильно нуждается. В письме в Москву пишет, что "молит Бога о непостыдной смерти" <из клюевского письма к Есенину; см.: 28 янв. 1922>»;

«Анат. *Мариенгоф,* поэт, выехал в конце апреля с. г. <точнее, в начале мая; см.: 7 мая 1922> из Москвы в Персию собирать фольклор. Прислал <с Есениным — *Сост.*> в Берлин для издания две новых книги стихов».

В номере помещено также объявление издательства «Скифы»:

«Новые цены (с 15 мая 1922 г.).

<...> Андрей Белый и Сергей Есенин. "Россия и Инония". 15 мар<ок>.

<...> Сергей Есенин. Триптих. 9 мар<ок>».

Июнь, 3. Берлинская газета «Руль» (№ 469; рубрика «В Берлине») публикует статью «Голые люди» (подпись: А. Л-р):

«Вчера <точнее, позавчера> Берлин сподобился на короткое время переселиться в Москву с ее шумными литературными выступлениями доморощенных "гениев", поэтов-имажинистов и просто скандалистов. В Блютнер-зале под руководством графа Толстого ряд "каторжников" и "голых людей" обнажились перед берлинской публикой. Зало было почти переполнено, но публика в большинстве случаев была или "своя", или просто состояла из любителей сенсационных выступлений и скандалов. Однако ожидания их не оправдались. Вечер прошел сравнительно спокойно.

А.Толстой в своем вступительном слове указал на то, что перед публикой продефилируют сейчас хулиганы, каторжники, подлецы, бесшабашные люди и т. п. Ассортимент этих ласкательных эпитетов Толстого по адресу своих сотоварищей по выступлению мог бы быть еще значительно продолжен. Несмотря на это, Толстой, однако, указал, что их необходимо принимать такими, какие они есть, потому что они талантливые люди. Их дает нам такими современная Россия, в которой, по выражению Толстого, людям вспарывают живот, конец кишки прибивают к дереву, а затем гоняют вокруг этого дерева. Русские поэты, музыканты, художники не могут отделиться от современной русской жизни, а она — в достаточной мере безобразная.

Выступивший затем "кандидат прав" Ветлугин, который должен был говорить о голых людях, успел только сказать, что он голый. Шумный хохот собравшихся приостановил его излияния так, что публика не могла узнать дальнейший ход мыслей почтеннейшего кандидата в этом направлении. Он указал на то, что хотя у нас латыши и китайцы расстреливали под шум автомобилей, а у них негры пороли население на Молдаванке, несмотря на гнилую курфюрстендаммскую эмиграцию, несмотря на все эти препятствия, представители русской литературы и искусства, находящиеся в разных лагерях, протягивают друг другу руки для объединения, и этому объединению никто не сможет помешать.

С развязным видом, в расстегнутой шелковой рубахе и руки в карманах читал свои стихи новое светило "черкес" Кусиков. И поразил всех как своей сильной поэмой "Пугачев", так и покроем модного смокинга "крестьянин" Есенин.

Одинаковым с выступавшими вниманием публики пользовалась сидевшая в ложе Айседора Дункан.

Три четверти десятого г. Есенин заявил, что за поздним временем (?) их просят очистить зал, так что конец программы должен был быть смят.

Было скучно.

Таков первый "московский" литературный вечер в Берлине».

Газета «Голос России» (№ 981) помещает анонимную заметку «Вечер "накануне"»:

«Широковещательная реклама привлекла на вечер кроме своих — многих чужих. Свои — с почетными билетами — заполнили первые ряды, "разлагающаяся эмигрантщина" разместилась на задворках. Своих больше. В петличках пятиугольные звезды, красные флажки.

Большой зал на две трети пуст.

Сеанс открывается Толстым. Тихо читает он о разуме истории, о борьбе коллектива с личностью, о рождении через революцию новой личности, неразрывной с коллективом. В русской революции родилась новая мораль, новая литература и ее новые формы. Три талантливых, смелых, сильных этих самых новых личности — "три негодяя" и "литературных каторжанина" — и являются объектом внимания нынешнего вечера. Затем выступили и сами "каторжники".

В первых рядах хлопали. "Эмигрантщина" расходилась скучающая, разочарованная. Кое-кто ожидал шума, каких-то протестов и ничего, конечно, не случилось; вообще — "ничего особенного".

Если для русской жизни стали естественными расстрелы, вши, голод и пр. — почему же в русской литературе наших дней не явиться похабным словам и лирической поэме "Все говорят, что я сволочь"?».

В Москве Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Думала опять о нем <о Есенине>. Не отогнать мыслей. Вспомнила, что всё была "игра". Мы, как дети, искренне увлеклись игрой (оба: и я, и он), но его позвала мама, он игру бросил, а я одна и некого позвать, чтоб доиграть. Но всё же игру затеяла я, а не он. Правда, так делают дети — понравился мне, так вместо знакомства подойду и скажу: "Давайте играть вместе!"».

Материалы, 109.

Июнь, 3, 10 и 24. Газета «Голос России» (№ 981, 986 и 998) помещает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки "Книга для всех"», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922.

Июнь, 4. В газете «Накануне» (№ 57) публикуются:

— отчет А.П.Вольского о вечере 1 июня «Нам хочется Вам нежно сказать...» (подпись: А. В.):

«Под таким лозунгом выступили 1 июня граф А.Н.Толстой, крестьянин Сергей Есенин, черкес Александр Кусиков и кандидат прав А.Ветлугин.

Собирались говорить "о трех каторжниках", "Стране негодяев", "Голых людях", приветствовать эмиграцию.

Некоторые уверяли, что Ветлугин оголится на сцене в целях иллюстрации.

Это предвещало пикантную сенсацию; "Руль" и "Голос России" насторожились.

Были командированы самые борзые репортеры, уже по пути сочинявшие "впечатления очевидцев".

И вдруг — полное разочарование.

Граф Толстой, вместо того, чтобы живописать съедение представителя Ара, остановил свое внимание на судьбах русских писателей, прокаленных в огне революции, на этих "отъявленных негодяях", отмеченных к стыду своему, дарованием, которого "не заклюешь, как не заклюешь солнца".

Жестокая эпоха, жестокие, прямолинейные таланты. Ничего не поделаешь.

Но публика сообразила, что нужно сделать.

Она встречала и провожала всех "трех каторжников" шумными аплодисментами, восторженно приветствовала гениального крестьянина в дурно сшитом смокинге, и огненного черкеса, и едкого кандидата прав. <...>

Вы хотите свистнуть, но лица ваши складываются в кислую улыбку; руки, созданные для ударов из-за угла, — автоматически рукоплещут.

— Было скучно, — строчит лицемерно полуграмотное перо <см.: 3 июня 1922, первая запись>.

Еще бы, вам весело было в Филармонии. Но этого удовольствия вам никто не доставил.

Читались прекрасные, вдохновенные стихи, которым только мелкий тупица не простит их бестрепетной смелости. И говорились прекрасные слова о примирении личности с левиафаном революционного коллектива; о неотразимом стремлении к братскому объятию людей, трагически разъединенных жестокой нелепостью гражданской войны».

Вырезка — Тетр. ГЛМ;

— отклик С.С.Лукьянова «Земля и Солнце»:

«Вчера <см.: 1 июня 1922> я слушал Есенина. Слушал и видел, непосредственно осязал новую Россию, ее стихийный пафос новых озарений, ее боль в прошлом, ее святую ненависть в настоящем.

Слушал, и чудилось: на эстраде не странная фигура переодетого в европейца крестьянина Есенина, а вечный бунт, вольный скиф, пронесший через столетия свое обвеянное степными ветрами, запечатленное желтыми стрелами солнца, бурной волей души озаренное лицо.

То искаженное судорогой страдания и ненависти, то просветленное высшим знанием, даруемым Землею ее пророкам — лицо поэта преображалось в лик Революции. Не революции сегодняшнего дня, а той — извечной, что бросает свой вызов пустым, невнемлющим небесам, свои проклятия — опустошенным, глухим душам толстобрюхих.

"Митинговый поэт"...

"Поэт революции"...

Да, митинговый поэт революции, и именно поэтому — а не "несмотря на это" — великий поэт.

Великая творческая стихия русской революции своим крылом коснулась души поэта — и та вскричала криком проснувшейся от долгого сна земли, взревела ревом раненого зверя.

Но пролились во взметенное сердце горячие лучи мерного Солнца, крик оборвался и полилась охваченная неясными руками строгой нимфы ритмическая речь.

Родился поэт, сын Земли и Солнца».

Вырезка — Тетр. ГЛМ;

— анонс книгоиздательства «Россия» о выходе книг Есенина.

Текст см.: 28 мая 1922, первая запись.

Ср. также: 24 мая 1922; 24, 25 и 28 мая 1922; 24 и 27 мая 1922.

Литературное приложение № 6 к газете «Накануне» (№ 57) помещает статью А.Ветлугина о Есенине «Нежная болезнь»:

«За три года московского житья и российских шатаний Есенин так вырос, так изменился, что былые его книги "Радуница", "Голубень", "Сельский Часослов", "Преображение" кажутся (несмотря на их определенную яркость) случайными, тусклыми, написанными каким-то другим поэтом, двойником нынешнего автора "Пугачева", "Трерядницы", "Исповеди Хулигана". И кто знает — новая поэма, которую пишет сейчас Есенин ("В стране негодяев") — не победит ли она даже "Пугачева" чудовищной силой эмоции, библейской остротой образа, не родит ли она нового, третьего по счету Сергея Есенина.

Если от манеришки к манере, от манеры к личику, от личика к лицу, от лица к Большому Стилю — подымается художник и, смотря по силе его дарования, достигает высшей или низшей ступени, то Сергей Есенин уже приобрел лицо, уже очистился от шелухи и случайностей первоначального задора. Его нынешний задор вторичен, плодовит, носит в себе возможности гениальных завоеваний. Его сегодняшняя задача — путь к Большому Стилю. <...>

Маленькое "честолюбие" Есенина встречает крупные отпоры. Ему хочется быть "разбойником и хамом и по крови степным конокрадом", а друзья и враги, приятные и отталкивающие, единодушно мурлыкают: "Есенин — тихий, Есенин как цветущее болото, Есенин — скромный, скромный, Есенин (говорят и такое) — монах, Алеша Карамазов"!.. <...>

Да, он Карамазов, но только не Алеша. А если и Алеша, то не ошибся ли Достоевский и не перехитрила ли Кузьминская волость Рязанского уезда, Рязанской губернии, где возрос этот белокурый, деревянным маслом "гофрированный" паренек?

Да, он тихий, но только тишина его какая-то послегрозовая. От такой тишины и такого спокойствия шатаются материки и вверх тормашками летят благоустроенные общества...

И в "автобиографии" жестокое отчаянье прокричит мимоходом, но в лоб: "Мои единственные, понимающие меня читатели — проститутки и бандиты. С ними я очень дружен. Коммунисты меня не понимают по недоразумению"... Никакого желания растолковывать эту фразу Сергея Есенина. <...> Когда пройдет болезнь, останется нежность. Пока они вместе — роковые Сиамские близнецы. <...>

Теперь выяснилось, что Россия сильнее ненависти, выяснилось — и еще многое. Четырехлетие вымуштровало по обе стороны баррикады новых людей. Как их звать? Не знаю. По мнению одних: бандиты; по мнению других: голые люди; по мнению третьих: сентиментальные убийцы; по мнению четвертых: мальчики, "больные эпохой"; по мнению пятых: мальчики, заражающие эпоху и т. д. и т. д. <...>

Это <как встретил Есенина Курфюрстендамм> было лишним доказательством того, какого значительного поэта наша эпоха имеет в лице Есенина. Его творчество примиряло, сближало...

Если бы Есенин ничего не написал до "Пугачева", если бы ничего не вышло из-под его пера после "Пугачева", то и тогда б он занял почетное место в ряду крупнейших поэтов современности: недаром в России, в той маленькой ничтожной 150-миллионной России, он общепризнанный первый поэт.

Но Есенин многое и многое написал после "Пугачева". Теперь он заканчивает "Страну Негодяев", — произведение огромное и подлинное. Он уже начинает изживать свою нежную болезнь, он растет вглубь и ввысь. В судорогах, в бореньях, в муках смертных, словно сам<а> Россия».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См. Приложение.

Июнь, 5 ... 22. В Петрограде выходит № 2 журнала «Утренники» со статьей П.А.Сорокина «О псевдореволюционерах, приемлющих революцию» (подпись: Н.Чаадаев), где упоминается Есенин.

Рамки события устанавливаются по: а) дате письма Б.Пильняка (4 июня 1922), опубликованного в этом номере журнала; б) информации о его выпуске в свет (журн. «Литературные записки», Пг., 1922, № 2, 23 июня).

Автор пишет:

«Подлинно революционер — одно, псевдореволюционер — другое. <...>

Остановимся на минуту и вглядимся в черты некоторых типов этой породы в наши дни... Если взять только интеллигенцию, то среди "псевдореволюционеров", выдвинувшихся из ее среды, можно различить сейчас три отчетливых типа. Это, во-первых, *"эстето-садисты" революции*, во-вторых, *спекулянты и Тартюфы революции*, в-третьих, *Бобчинские и Добчинские революции*.

Первая разновидность представлена всего ярче рядом талантливых поэтов и писателей (напр<имер>, А.Белый, Маяковский, Есенин и др.), второстепенных же представителей этой породы многое множество в разнообразных "сорабисах", "наробразах" и "пролеткультах" и т. д. Относясь с полным уважением к ним как к личностям и высоко ценя художественное творчество многих из них, я тем не менее должен сказать, что их *основы* приятия революции (а не самый факт приятия последней) вызывают во мне глубочайшее отвращение своим *презрением к живому человеку, к реальному трудовому*

народу, к его жизни, горю и радости, развитию и процветанию. <...> Их рафинированный эстетический садизм, как и садизм Нерона, требует сильных ощущений, а потому не мирится с благополучным "мещанством" <...>, благо для созерцания сами они чаще всего могут занять безопасную позицию. <...> Было бы эффектно, была бы ширь размаха и экзотичность панорамы, а на остальное им наплевать... Остальное — "мещанство", "узость" или "контрреволюция", авторитетно скажут они и подкрасят зримую ими реальность каким-нибудь "венчиком из роз" <намек на «Двенадцать» А.Блока>.

<...> Не лучше их *"духовные спекулянты и Тартюфы революции"*. Это те, для которых <...> революция не самоцель и не природная стихия, а средство и повод *"играть роль"*, совершить духовную карьеру. <...> Ярким представителем этого типа псевдореволюционеров является у нас А.М.Горький».

Июнь, 5 ... 24. Выходит журнал «Новая русская книга» (№ 5, за май) с автобиографией «Сергей Есенин» (в разделе «Писатели — о себе») и другими материалами с упоминанием имени поэта.

Нижняя граница события устанавливается с учетом даты помещенного в журнале письма Б. Пильняка («4 VI 22 г.»), а его верхняя граница — по объявлению книжного магазина И.П.Ладыжникова:

«Вышел и поступил в продажу пятый номер ежемесячного критико-библиографического журнала "Новая русская книга"».

Нак., 1922, 25 июня, № 74.

Из редакционного предисловия к журнальному разделу «Писатели — о себе»:

«Во избежание всяких кривотолков и недоразумений, редакция считает нужным еще раз заявить, что она не берет на себя никакой ответственности за то, что каждый писатель пишет в этом отделе о себе. Наша задача — путем опроса русских писателей об их жизни за смутные годы и об их душевном состоянии выяснить подлинную картину психических и идейных течений в современной русской литературе, какова бы она, эта картина, ни была. В этой своей анкете редакция руководится лишь одним критерием: является ли данное лицо русским литератором, независимо от того, к какой политической партии или к какой литературной школе оно принадлежит. Мы полагаем, что писатель сам берет на себя ответственность за то, что он считает нужным и возможным сказать о себе самом».

Однако текст автобиографии Есенина, напечатанный в журнале, несколько отличается от ее ныне известного автографа: по сравнению с оригиналом в публикации отсутствуют два эпизода, а также есть небольшая стилистическая правка.

Еще до выхода автобиографии Есенина в свет в печати появляются сведения о редакционной правке, которой она подверглась, и о содержании купированных фрагментов.

Из статьи А.Ветлугина «Нежная болезнь»:

«В автобиографии (появится в "Новой русской книге" № 5) эпический рассказ о том, как в году 1920, в городе Москве, в день именин приятеля, не оказалось щепок для растопки самовара и пришлось изрубить две иконы. Гость — человек городской и атеист — не вместил в себя изготовленного таким образом чая; Есенин — "монах и Алеша Карамазов" — похлебывал стакан за стаканом и скромными тихими глазами омута недоуменно созерцал растерянность гостя...».

Нак., 1922, 4 июня, № 57, лит. прилож. № 6 (вырезка — Тетр. ГЛМ).

Открытое порицание редакционному вмешательству в текст Есенина высказал (после выхода номера в свет) и другой сотрудник «Накануне» — И.М.Василевский (Не-Буква), который, по его словам, ознакомился с подлинником автобиографии поэта (подробнее см.: 30 июля 1922). Однако того, что в редактуре материала перед его сдачей в печать участвовал сам автор, исключить нельзя.

К тому же обращает на себя внимание несовпадение некоторых деталей в пересказываемых А.Ветлугиным и И.М.Василевским эпизодах автобиографии с текстом сохранившегося автографа, где значится:

«[И] Однажды [зах< отели ?>], чтоб растопить самовар, мы на лучины разбили две иконы. Это было в день [моего] рождения одного из моих друзей, с которым мы часто вместо хлеба ели, разведя водою, простую муку. При всем этом мы, глядя друг на друга, заливались веселым хохотом»;

«Очень не люблю <И.М.Василевский цитирует: "Терпеть не могу"> патриарха Тихона...».

Есенин, VII (1), 352.

Эти разночтения могли возникнуть не только за счет ошибок памяти читателей есенинского текста. Вполне возможно, что существовал еще один вариант авторской рукописи автобиографии, с которым и ознакомились журналисты, потом написавшие о нем.

О перепечатках материала (как правило, с неоговоренными купюрами и с искажениями) см., напр.: 18 авг. 1922; до 4 дек. 1922.

Отклики см.: 4 июля 1922, четвертая запись; 6 июля 1922, первая запись; 14 июля 1922, первая запись; 30 июля 1922; 17 сент. 1922, первая запись.

См. также: 12 мая 1922; Есенин, VII (1), 8–10, 351–352, 377–393.

См. Приложение.

В этом же номере «Новой русской книги:

— рецензия Р.Б.Гуля на книгу Ф.В.Иванова «Красный Парнас» с упоминанием Есенина:

«Подход автора к творчеству разбираемых им поэтов и прозаиков не всегда обычен. Ф.Иванов часто берет их не в плоскости "литературы", а в плоскости живой жизни, как "человека" и поэтому, может быть, многие не согласятся с его характеристиками. <...> Не охарактеризованы полностью имажинисты — А.Куриков <так!>, С.Есенин».

См.: до 30 апр. 1922; 30 апр. 1922;

— информация (в рубрике «Книжные новинки Советской России») о выходе поэмы Есенина «Пугачев» с пометой: «Изд. Альциона».

Название издательства дано здесь ошибочно — книга «Пугачев» была выпущена издательствами «Имажинисты» (см.: Летопись, 3 (1), 235–236) и «Эльзевир» (см.: Летопись, 3 (1), 259);

— объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки "Книга для всех"», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 28 мая 1922, четвертая запись; 5 ... 24 июня 1922; 10 и 15 окт. 1922; 29 окт. 1922, вторая запись; 2, 5, 22 и 26 нояб. 1922; 10, 24 и 31 дек. 1922.

Июнь, 6. Советом народных комиссаров в Москве принято «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлит)».

Газ. «Известия ВЦИК», 1922, 23 июня, № 137.

Из «Положения»:

«Главное управление по делам литературы и издательств и его органы воспрещают издание и распространение произведений: а) содержащих агитацию против советской власти, б) разглашающих военные тайны Республики, в) возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений, г) носящих порнографический характер».

В «Инструкции Главлита его местным органам» этот список был дополнен: «недопущение всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, области искусства и т. д.)»; «недопущение бульварной прессы, порнографии, недобросовестной рекламы и т. д.»; «изъятие из статей наиболее острых мест (фактов, цифр, характеристик), компрометирующих Советскую власть и коммун<истическую> партию».

Цит. по: Галушкин-2005, 2, 445.

Из сборника Есенина «Избранное», сданного им в Госиздат перед отъездом за границу, перед выпуском книги в свет будет изъято (очевидно, по распоряжению Главлита) два стихотворения (см.: 11 сент. 1922).

Июнь, 7. В журнале «Театральная Москва» (№ 43, за 7–11 июня) публикуются:

— статья Э.М.Бескина «“Кофта” Маяковского и “скандалы” Есенина»:

«Представителей революционного искусства в лице его производственников и теоретиков часто спрашивают “весьма солидные” люди — почему к ним близки, почему они не отмежуются категорически “от этих скандалистов”, всяких там “имажинистов” и т. п.

— Ну что у вас общего с “желтой кофтой”?..

Эта “желтая кофта” Маяковского не дает им спать, она фигурирует неизменно. <...>

Дело, конечно, не в “желтой кофте”. <...>.

Но вот когда этот самый “скандалист” Маяковский, столь запомнившийся вам по “желтой кофте”, а по существу ненавистный вам за те подчас гениальные стихи-дубинки, которыми он бьет по устоям прошлого, когда этот Маяковский приехал в Ригу и хотел прочесть лекцию, ему напомнили хорошо знакомое:

— Осади!

— Почему?

— Вы футурист!

— Но позвольте!

— Не позволим! У нас футуризм отменен...

Так и не позволили. <...>

А вот другой “скандалист” — талантливый Есенин. Он осмелился, явившись в Берлине в русский “Дом Искусств”, потребовать исполнения “Интернационала”. Присутствовавшие были, конечно, страшно шокированы таким “скандалом” и выразили свой протест шиканьем “рабочему гимну”.

Шикали “страшно честные” и “культурные” поборники всяких “свобод” и “священных основ духа”...

— Ах, — скажут они нам, — разве мы против “Интернационала”, мы за свободу мнений, но ведь в “повестке дня” не было “Интернационала”... Поймите, не было в повестке...

“Повестка” виновата... Маяковский сунулся в Ригу, не спросив “повестки дня”, а Есенин — в берлинский “Дом Искусств”. О, скандалисты! Как же можно — парламентский режим, порядок, всяческая культура и вдруг без... повестки. <...>

В четырнадцатом году, когда “господа во фраках” из берлинского “Дома Искусств” разводили в столичных салонах Питера и Москвы “патриотическую сарабанку <так!>” — Маяковский уже ждал и верил в революцию 1916 года. И ошибся только на один год. <...>

Вот почему мы Маяковского и в "кофте" и без "кофты", и Есенина со всеми его "скандалами" не променяем на всю сумму "хорошо сшитых фраков" зарубежных и отечественных "эстетов", таких "корректных" и таких "солидных"»;

— статья В.Г.Шершеневича «Не слова, а факты», где идет речь о Есенине:

«Заграничные газеты принесли нам известия о грандиозном скандале, который разыгрался в берлинском "Доме Искусств" при благосклонном участии Сергея Есенина и Александра Кусикова, двух имажинистов, представителей "отрыжки буржуазной культуры", как их крестили в Москве те идеологи, которые почему-то имели смелость называться "пролетарскими критиками".

Скандал по существу был очень прост. Подоплека его была отнюдь не *поэтическая*, ибо стихи Есенина были приняты очень благосклонно, а *политическая*. Есенин и Кусиков, чуть ли не самые яркие представители "контрреволюционного искусства", "искусства, почему-то именующегося левым", явились в благонамеренный берлинский "Дом Искусств" и потребовали исполнения Интернационала, что весьма возмутило литературно-поэтическую братию.

Факт сам по себе не очень значительный, но те свистки, которыми было покрыто это требование, очень характерны. <...>

Те самые имажинисты, которые поливались грязью в России всеми критиками, начиная от т. Меньшого и кончая Луначарским, уклонившимся от литературного третейского турнира с имажинистами, клеймились как "выродки буржуазии", эти самые поэты выступают в Берлине с подлинным пением революции.

Может быть, здесь есть нечто, над чем надо бы было призадуматься тем, кто почему-то считает "думание" лишним занятием.

Новое искусство именует себя левым не только потому, что оно лево по отношению к иному искусству, а потому, что для него термин "левизна" совпадает с термином "современность" и в области творчества, и в области идеологии. <...>

Жизнь агитирует не словами, а *фактами*.

Искусство агитирует не идеями, а *пафосом* и мастерством. <...>

И изо всех русских поэтов, попавших за границу, заговорили фактами только имажинисты, те самые имажинисты, книги которых запрещались Госиздатом, книги которых конфисковывались.

Есть два рода созидателей ценностей в сегодня: одни *примирились* с новыми условиями жизни и *приемлют* их постольку, поскольку это "приемление" освобождает от неудобств; другие, протестуя против остатков старого в новом, сами *излучают* это новое и находят революцию в культуре, закрепляя ею революцию бытовую.

Не дело подлинно нового искусства фотографировать бытовую революцию — это значит терять время, ибо не в быте революции сущность ее.

Найти пафос сегодняшней революции идеологической — вот задача современного левого искусства».

Курсив автора.

См.: с 12 на 13 мая 1922.

Июнь, 8 – Август, 7. В Москве проходит суд над членами ЦК партии эсеров и некоторыми ее активистами. Среди обвиняемых – знакомые Есенина.

Галушкин-2005, 2, 434–436.

Судебный процесс широко освещается в советской и мировой печати, в т. ч. в русской эмигрантской периодике, находившейся в поле зрения поэта.

«Из 34 чел<овек>, подвергнутых суду Верховного трибунала ВЦИК, 12 чел<овек> приговариваются к расстрелу, остальные – к тюремному заключению от 2 до 10 лет (впоследствии президиум ВЦИК помиловал 10 чел<овек> и отложил исполнение смертного приговора, оговорив, что он будет приведен в исполнение, если эсеры вернутся к использованию вооруженных методов в борьбе против советской власти)» (Галушкин-2005, 2, 434).

Июнь, 10. Рижская газета «Сегодня» (№ 127) печатает статью Т.С.Варшер «Литературн<ая> кадриль накануневцев, или в гостях у "голых людей"».

С едкой издевкой, сквозь которую всё же «прочитывается» серьезная нравственная проблематика вечера, автор описывает выступление «представителей новой морали; трех отъявленных негодяев», а о выступлении «негодяя № 2» — Есенина — замечает:

«На нем смокинг — в нем он похож не на крестьянина, а на приказчика из Гостиного Двора. Да и манера декламировать у него приказчичья.

Говорил он о том, что приехал с пустыми руками, с полным сердцем и не с пустой головой, — и ему осталось лишь одно: "озорничать и хулиганить", — и что он теперь будет воспевать лишь преступников и бандитов. У самого у него лишь одно желание — "стать таким же негодяем"».

В отличие от корреспондента Нак. (см.: 4 июня 1922), который отмечал восторженный прием, оказанный выступавшим, Т.С.Варшер пишет о «скучающей публике» и «усердно аплодирующей руками в белых перчатках» А.Дункан.

Июнь, 11. Литературное приложение № 7 к газете «Накануне» (№ 62) публикует:

— стихотворение А.Б.Мариенгофа «Другу на прощанье» <«Какая тяжесть!..»>, обращенное к Есенину.

См. также: янв. 1922, первая запись; 7 мая 1922, первая запись;

— статью А.Н.Толстого «О новой литературе», где идет речь о Есенине:

«Новая литература — это новое сознание, новая личность. То, что появилось сейчас в России, в литературе, — прозаики и поэты: Всеволод Иванов, Н.Никитин, Лунц, Зощенко, Зейдлер <ошибка памяти автора; следует — Познер>, Груздев, Слонимский, Ирина Одоевцева (петербургская группа "Серапионовы Братья"), Яковлев, Тихонов, Плетнев, Герасимов, Обрадович, Казин, Филипченко и др. (московская группа), Баркова, Жижин, Дм. Семёновский, Александровский (иваново-вознесенская группа), Есенин, Кусиков, Мариенгоф (московская группа "Имажинисты"), Пильняк, К.Федин, Орешин и др. — всё это, прежде всего, оголенная, почти до схемы, новая личность, новое сознание мира. Всё это жестко, колюче, молодо, свирепо. Эти хриповатые, гортанные голоса, — крики орлят, перекликающихся на студеных вершинах:

— Ты видел, что там внизу?

— Ты понял?

— Внизу — кровь и смерть.

— Там наши гнезда.

— Летим!..

— Летим!..

<...> Мужественность, страстность, жестокость, чисто русская фантастика — быт молодого русского писателя.

Один человек недели ездит на крыше вагона за мукой. <...> третий летит в Европу на аэроплане и, глубоко уверенный, что он сам — разбойник, вор и конокрад, читает в берлинских залах поэму о Пугачеве <...>.

И так далее, — не люди, а обугленные черти из дыма и пламя <так!>.

Что ж поделаешь! Такова, видимо, судьба русской литературы — сменить лилею на кистень.

Цинизма тоже много. В этом — уже чисто русская черта: та́к наплевать на самого себя, чтобы самого от себя своротило. Видимо — это нравится. А может быть, это от честности. Вернее — от гадливого презрения ко лжи. Во лжи всегда есть мелкое и трусливое. Они же, новые писатели, — дети полей войны. А на полях войны — нет прикрас: грязно, кроваво, честно и мужественно.

И ругаются на полях войны военными, нечеловеческими словами»;

— редакционную реплику на письмо читателя по поводу стихотворений Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» и «Всё живое особой метой...»:

«*И.Меркурьеву (И.Финкельштейну)*. Лучшим ответом на Ваше письмо может служить выдержка из него, приводимая ниже:

"Случайно попалось мне в руки лит<ературное> приложение <к> № 40, где я прочитал «стихи» Сергея Есенина. Я был поражен этой бездарной блевотиной — диким набором слов. Уже ли у Вас нет никакого уважения к русскому языку, чтобы подобным зловоньем марать его истинную поэтическую красоту?.. Но согласитесь сами, разве это поэзия:

Не желаю <так!>, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охвачены <так!>
Я не буду больше молодым...

и т. д. Тьфу. Мерзость окаянная. Ни рифмы, ни слога, ни мысли. Одно испражнение безмозглой головы. Многие были до того озлоблены подобным издевательством над русским языком, что не ручаются за себя, если встретят эту поганую рожу".

Согласитесь сами, что Вам опасно иметь суждение об апельсинах».

См.: 14 мая 1922, вторая запись.

Выходит № 4 «Литературной недели» — приложения к газете «Петроградская правда» (№ 128) — со статьей Г.Ф.Устинова «Имажинизм», где идет речь о Есенине.

Статья является перепечаткой одноименного раздела статьи того же автора «Литература и революция» (см.: после 22 авг. 1921).

Перепечатке предшествовала определенная смысловая авторская правка: например, если в статье 1921 г. Есенин назван «первоклассным европейским поэтом», то здесь — уже «одним из первоклассных европейских поэтов».

Июнь, 12. Московская газета «Вечерние известия» (№ 19; рубрика «Новые книги») перепечатывает информацию из газеты «Накануне» о

приобретении у Есенина Универсальным издательством в Берлине антологии его стихов.

См.: 28 мая 1922, вторая запись.

Июнь, около 13 (?). Есенин без ведома А.Дункан покидает гостиницу «Адлон».

Вместе с А.Б.Кусиковым он поселяется в одном из берлинских пансионатов на Уландштрассе.

События устанавливаются по воспоминаниям Н.В.Крандиевской-Толстой:

«Однажды ночью к нам ворвался Кусиков, попросил взаймы сто марок и сообщил, что Есенин сбежал от Айседоры.

— Окопались в пансиончике на Уландштрассе, — сказал он весело, — Айседора не найдет. Тишина, уют. Выпиваем, стихи пишем. Вы смотрите, не выдавайте нас».

Восп., 2, 18.

Июнь, около 13 (?) ... около 17 (?) или 18 (?). Есенин и А.Б.Кусиков посещают пансион «Эвальд» (Байрейтерштрассе), где встречаются с Л.Е.Белозерской.

Событие устанавливается по воспоминаниям Л.Е.Белозерской, а его ориентировочные рамки определяются сопоставлением сведений, изложенных Л.Е.Белозерской и Н.В.Крандиевской-Толстой.

Л.Е.Белозерская вспомнит:

«С нами в пансионе “Эвальд” жила семья Вольских: он — сотрудник “Накануне” <...>. Как-то раз днем Есенин с неразлучным Кусиковым пришли к Вольским. <...> Есенин сидел спокойный, улыбчивый (может быть, это была передышка в их бурных отношениях с Айседорой, и он отдыхал?).

Сидели, болтали, пили чай, играли в какую-то фантастическую карточную игру, где ставки были по желанию: хочу — ставлю вон тот семиэтажный дом, хочу — универсальный магазин, хочу — Тиргартен. Важно было выиграть. Я выиграла у Есенина сердитого старичка-сапожника, портье нашего дома. Есенин потешался и, смеясь, спрашивал, что я с ним буду делать».

Белозерская-Булгакова, 74.

Июнь, до 14. В Москве выходит журнал «Печать и революция» (кн. 2 (5), за апрель–июнь) с материалами, в которых упоминается Есенин:

— рецензией С.П.Боброва (подпись: Э. П. Бик) на журнал «Петербург» (№ 1 и 2).

Оценивая помещенную в журнале статью М.С.Шагинян, рецензент, в частности, отмечает ее «сладенькие словечки о новоявленном гении Питера — Ходасевиче (с легкой руки Белого, внезапно зачуравшегося от Есенина, которого он так рекламировал, и усмотревшего истинного поэта в Ходасевиче)...»;

— информацией о выходе в Берлине журнала «Вещь» (№ 1), среди авторов которого — Есенин;

— анонимной заметкой «“Дом Печати”»:

«Домом Печати за два года было устроено <...> литературных вечеров — 86 <...>. Состоялись литературные вечера: Н.Асеева, А.Блока, А.Белого, В.Брюсова, В.Вересаева, В.Волькенштейна, П.Воеводина, Анри Гильбо, С.Городецкого, М.Герасимова,

Б.Зайцева, С.Есенина, В.Кириллова, В.Каменского, В.Карпинского, А.Крученых, С.Клычкова, А.Луначарского, В.Шершеневича, Н.Ляшко, В.Маяковского, П.Орешина, Б.Пастернака, Б.Пильняка, А.Соболя, Ф.Сологуба, И.Эренбурга, П.Романова и других»;

— анонсом в разделе «Хроника»:

«Книгоизд<ательство> «Альциона» А.М.Кожебаткина — печатаются и готовятся: два тома стихов Есенина «Ржаные кони»...»;

— объявлением о предстоящем выходе из печати № 3 (7) журнала «Красная новь» со стихами Есенина.

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 439.

Июнь, 15. На это число в Антверпене (Бельгия) планируется выпуск специального номера франкоязычного журнала «Lumière» (№ 9), посвященного России, со стихами Есенина.

Указанный номер и дата обозначены на первой странице журнала, однако на обложке проставлен иной номер (№ 9/10), а взамен первоначальной даты, скрытой черной краской (на это обстоятельство указано Мишелем Никё), — другая, двойная («15 juin — juillet 1922»). Это означает, что реально журнал вышел не ранее июля 1922 г. (подробнее о содержании номера см.: июль 1922, первая запись).

Июнь, 16. Харбинская газета «Русский голос» (№ 560) публикует стихотворный фельетон С.Маманди «Босоножка и поэт»:

1
Танцует усердно
Старушка Дункан
В Советской России
Свой босый канкан.

2
И, видя сей танец,
По младости лет
Увлекся плясуньей
Есенин-поэт!

3
Любовь, как известно,
Убийственно зла —
Влюбиться ведь можно
Порой и в козла.

4
Тем легче попасться
В любовный аркан
К босой танцовщице
«Известной» Дункан!

5
И стали совместно:
Старушка — плясать,
А милый Есенин
Стишонки писать.

6
Живут молодые
Недурно пока.
Дают им совдепы
Два спецо-пайка.

7

Поэтому смело
Сказать я решусь,
Что очень отраден
Подобный союз!

Парижская газета «Последние новости» (№ 663) в рубрике «Вести отовсюду» помещает статью «Айседора Дункан»:

«Айседора Дункан вместе с Сергеем Есениным собирается в непродолжительном времени на гастроли во Францию, Англию и Америку и ждет в Берлине необходимых виз. Сочетавшись браком с советским подданным, Айседора сама сейчас вынуждена испытать на себе все прелести "визного вопроса".

Английская виза уже получена <см., однако: 31 мая 1922, третья запись> — и "молодая" пара, прежде всего, отправляется в Лондон, где даст ряд гастролей. Там же она будет хлопотать о визе в Америку, куда Айседора с мужем получили ангажементы.

Свое заграничное турне знаменитая танцовщица предпринимает, как она заявила корреспонденту "Нью-Йорк Геральд", главным образом, для того, чтобы добыть средства на содержание ее московской школы, материальное положение которой печально».

Поездка Есенина и А.Дункан в Англию не состоялась.

Самарская газета «Коммуна» (№ 1049) помещает материалы, связанные с именем Есенина:

— статью Л.Гринберга «"Россия" № 2» (рубрика «Культура и искусство»; подпись: Г-14):

«Когда известный имажинист Сергей Есенин выкинул очередной трюк, женился на старой Айседоре Дункан и прилетел вместе с ней в Берлин, то берлинское "Накануне" посвятило ряд восторженных статей этому "историческому событию".

Чтобы никто не сомневался в его "историчности", на другой же день в берлинском литературном кабачке была устроена "история" с угрозами, мордобитием, со свистом в четыре пальца и с "черкесскими" заявлениями от имени якобы "Советской России":

— "Нас не перескандалите! Мы самые первые скандалисты в мире!"

В то же время накануние интеллигенты захлебывались от восторга:

— "Вот он, настоящий большевизм!"

Вот она, живая Россия, с богом, с мистическим национализмом, хулиганско-интеллигентская, точь-в-точь такая, какой хотелось бы видеть ее сменовеховцам!

Сейчас в Берлине устраиваются литературно-декларативные вечера, вероятно, с целью выявить, тоже символически, свое отношение к России.

"Символизм" этот проглядывает уже в анонсах о вечере, которые гласят <текст см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922>.

Если А.Н.Толстому, большому писателю, нравится еще титуловать себя графом, по крайней мере, пока он не вернется в Россию, — то никто с него и не спрашивает. Равно никто не оспаривает принадлежность Кусикова к черкесскому народу, если это так. Но к чему понадобилось это афишировать? Почему это Сергей Есенин, когда <он> потерял все крестьянское в своих стихах и перешел на вычурный имажинизм, вдруг стал титуловаться "крестьянином"?

Не потому ли, что в его "Пугачеве" нет ни одного героя, который говорил бы на ином языке, чем:

— О Емельян, Емельян, Емельян,
Что нового, что нового, что нового?
— Ничего особенного, ничего особенного, ничего особенного.

Не потому ли, что его "крестьянскую" поэму "Пугачев" в московских литературных кругах определяют как "разговор четырех истеричных имажинистов о луне"?

"Салонный крестьянин" Сергей Есенин, с каждым днем теряющий остатки своих подлинных связей с крестьянством, вынужден теперь писать себя "крестьянином"; это для него становится титулом, вроде графа. Это нравится левой эмиграции, которой кажется, что, обнимаясь с Есениным, она через него лобызается и с русским народом. Но это иллюзия — одна из многих интеллигентских иллюзий. <...> ...он <Есенин> более не представляет России. Подлинная Россия всё еще, увы, чужда и далека от России берлинской»;

— перепечатку (в рубрике «Литературный бюллетень») информации из газеты «Накануне» о продаже Есениным Русскому универсальному издательству в Берлине антологии его стихов.

См.: 12 ... 27 мая 1922; 28 мая 1922, вторая запись.

Июнь, до 17. В Москве выходит № 3 журнала «Красная новь» (за май-июнь) со стихотворением Есенина «Всё живое особой метой...» (повторная публикация) и статьей П.С.Когана «Литературные силуэты. С.Есенин».

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 440.
О первой публикации стихотворения см.: 14 мая 1922, вторая запись.
См. также: 17 июня 1922; 18 июня 1922, вторая запись
П.С.Коган пишет:

« I

С первого взгляда как-то непонятно, почему волнует поэзия Есенина, почему звенит звоном простора и дали без конца и предела, зовет к порывам таким же бескрайным и сказочным, как наше безумное и пьяное время.

Казалось бы, нет поэта более далекого тому, чем наполнен воздух современности, этим от промышленной Европы занесенным идеям, этой революции без народного лица, без Бога, интернациональной и материалистической, в цифрах и сроках рассчитанной.

Он пришел от беспредельной русской равнины. Он крепко связан с землей, где заросший пруд и хриплый звон ольхи, где бедный крестьянин, как сотни лет назад, боится Бога и болотных недр. В шумный город принес он поэзию народных верований и дедовских преданий, сельских храмов, коровьего запаха и пастушеских песен. Есенин завершает вереницу поэтов, обретших неисчерпаемый источник вдохновения в природе и мифологии крестьянской Руси, в ее своеобразной мудрости, в ее красочном и образном языке.

Что общего между вихрем, вырывающим из земли корни векового уклада, и душою, расцветшей из этих корней, душою, которая жаждет молиться старому Богу, поклониться придорожью, припасть на траву?

Он знает, что ему не уйти от пленительных чар этого мира:

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Горе и тяжесть; — против них верная защита — крест и молитва. От рождения поверил он в "Богородицын покров". Колыбель его охраняли Христос и святые, и до сих пор он продолжает их видеть среди родных лесов. Христос мерещится ему "Между сосен, между елок, меж берез кудрявых бус". А ласковый угодник Микола, как и встарь, в лаптях и с котомкой на плечах ходит мимо сел и деревень, ходит "милостник" неспешной стопою, наклонивши лик свой кроткий. В этом эпическом мире, откуда вышел Есенин, неведомы гордые пути организованной человеческой борьбы за свое счастье. Бесконечный край бессилия и невежества в рабской покорности ждет ограды от бедствий из тех далеких облаков, откуда светит и животворное солнце, откуда приходят и опустошительные грозы. Господь с престола посылает Миколу, своего верного раба, обойти русский край, защитить там "в черных бедах скорбью вытерзанный люд". Всюду, где злые скорби поражают человека, он, жилец страны нездешней, приходит исцелить печаль забот, он, слуга давнишний Бога, молится "в алых ризах кроткому Спасу" за православных христиан.

II

Вот эту смиренную Русь любит Есенин. К ней прилагает он эпитеты мирной и кроткой. Русь — "милая родина, сладкий отдых в шелку купырей". И даже тогда, когда грянул гром, и "повестили под окнами сотские ополченцам идти на войну", он постигает поэзию покорности в том, как "мирные пахари" собирались в поход — без печали, без жалоб, без слез.

Вместе с Тютчевым и Блоком он любит убогую Русь с ее однообразной природой, "край забытый, край родной", грустную песню — русскую боль, поля как святцы, рощи в венчиках иконных, дрожащую рябину, "край заброшенный, край-пустырь, сенокос некошеный, лес да монастырь", любит редкие забоченившиеся избы, их крыши, "запенившиеся в заревую гать", богомолок, идущих по дорогам.

Себя в своих грезах он видит убогим странником, "поющим о Боге с вечерней звездой". Он — светлый инок, бредущий в скуфейке степной дорогой к монастырям, с посохом и с сухим кошелем из хворостинок. Он странствует, как русский странник, в поисках вселенской правды, он хочет "концы земли измерить по отуманенной росе, и в счастье ближнего поверить на взборонённой полосе". Он "всё встречает, всё приемлет". <...>

III

Поэзия Есенина — хаотична и взрывчата, как наши дни. В его душе сталкиваются и бурлят разнородные чувства и настроения, возникшие в сердце деревенской Руси, перед лицом революции. В глубине России не только горят кроткие лампады и шепчутся тихие молитвы, но это одновременно и "буйственная Русь". И сам певец этой Руси не только смиренный инок. Его одолевают мятежные силы, душа жаждет битвы. И видя, как идут по дороге в Сибирь люди в кандалах, он чувствует в себе безудержную удаль и "нежит мечту", что и он кого-нибудь зарежет "под осенний свист".

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кажется, ему больше всех дано подслушать биение сердца современной деревни, перелить в ясные песни то, что загадочно и глухо звучит в ее неразгаданных глубинах. И прежде всего стон и рев, и ярость, и гибель, всё, чем отмечен путь торжества городской культуры и умирания деревни. <...>

"Пугачев" — быть может, лучшее из всего написанного Есениным. Потому, вероятно, что не сверху, сквозь очки историка, смотрит он на события, а видит простых людей прошлого, их будничные интересы, их повседневные заботы. И нет ничего исторического, большого в этих сценах, а есть обыкновенные люди. От малого начинается движение, сотрясающее империю. <...>

Исторические имена для него образы, вокруг которых он создает легенды, вплетая в них свои радости и обиды. Екатерина нарушила вековой уклад земли, и Петра воображение народное возвело в защитники этого уклада. Пугачев знает, что "люди все со звериной душой, тот медведь, тот лиса, тот волчица, а жизнь — это лес большой, где заря красным всадником мчится". Он умеет затронуть самые отзывчивые струны в душе народа-практика. Да и сам он никаких великих замыслов не питает и своего исторического значения не сознаёт. Он пришел только для того, чтобы сбросить узду, мешающую жить и работать. И если стал самозванцем, если принял имя Петра, то не потому, что поцарствовать захотелось, а для того, чтобы ускорить дело. Он рассчитал, что этим "кладбищенским планом" можно поднять монгольскую рать, привлечь калмыков и башкир. Ему самому дороже всего его воля и "больно, больно ему быть Петром, когда кровь и душа Емельянова, человек в этом мире не бревенчатый дом, не всегда перестроишь наново". Ведь каждый зверь "любит шкуру свою и имя".<...>

Есенин — один из немногих поэтов, душа которого бушует пафосом наших дней, который радостно кричит: "Да здравствует революция на земле и на небесах", жаждет битвы и знает, что враги всякого движения, это — "белое стадо горилл". Он чувствует бурную динамику революции, как редкие из наших поэтов. Но он по-своему протянул нити от крестьянской исконной воли к ее конечным целям».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См.: 23 июня 1922, третья запись.

См. Приложение.

Июнь, 17. В московских «Известиях ВЦИК» (№ 133) объявляется о выходе из печати № 3 журнала «Красная новь» со стихами Есенина и статьей П.С.Когана о поэте.

См.: до 17 июня 1922; 18 июня 1922, вторая запись.

Июнь, около 17 (?) или 18 (?). А. Дункан отыскивает местожительство Есенина.

Встреча супругов завершается инцидентом.

Время события устанавливается предположительно в соответствии с воспоминаниями Н.В.Крандиевской-Толстой и с учетом того, что 21 июня Есенин и А.Дункан будут уже в Висбадене (см.: 21 июня 1922).

Об инциденте (с некоторым запозданием) напишет газета «Руль» в заметке «Очередной скандал» (1922, 22 июня, № 484):

«Как нам сообщают, на днях г. Есенин и Айседора Дункан произвели в одном из пансионатов на Уландштрассе шумный скандал. Особенно бурным было "выступление" г-жи Дункан, чуть ли не побившей хозяйку пансиона».

См. также: 23 июня 1922, вторая запись; 24 июня 1922, первая и вторая записи.

Н.В.Крандиевская-Толстая вспомнит:

«...Айседора села в машину и объехала за три дня все пансионы Шарлоттенбурга и Курфюрстендамма. На четвертую ночь она ворвалась, как амазонка, с хлыстом в руке в тихий семейный пансион на Уландштрассе. Все спали. Только Есенин в пижаме, сидя за бутылкой пива в столовой, играл с Кусиковым в шашки. Вокруг них в темноте буфе-

тов на кронштейнах, убранных кружевами, мирно сияли кофейники и сервизы, громоздились хрустали, вазочки и пивные кружки. Висели деревянные утки вниз головами. Солидно тикали часы. Тишина и уют, вместе с ароматом сигар и кофе, обволакивали это буржуазное немецкое гнездо, как надежная дымовая завеса, от бурь и непогод за окном. Но буря ворвалась и сюда в образе Айседоры. Увидя ее, Есенин молча попятился и скрылся в темном коридоре. Кусиков побежал будить хозяйку, а в столовой начался погром.

Айседора носилась по комнатам в красном хитоне, как демон разрушения. Распахнув буфет, она вывалила на пол все, что было в нем. От ударов ее хлыста летели вазочки с кронштейнов, рушились полки с сервизами. Сорвались деревянные утки со стены, закачались, зазвенели хрустали на люстре. Айседора бушевала до тех пор, пока бить стало нечего. Тогда, перешагнув через груды черепков и осколков, она прошла в коридор и за гардеробом нашла Есенина.

— Quittez ce bordel immédiatement, — сказала она ему спокойно, — et suivez-moi <Покиньте немедленно этот бордель... и следуйте за мной (*фр.*)>.

Есенин надел цилиндр, накинул пальто поверх пижамы и молча пошел за ней. Кусиков остался в залог и для подписания пансионного счета.

<...> Было много шума и разговоров».

Восп., 2, 18–19.

Июнь, 18. Берлинская газета «Руль» (№ 481) публикует заметку Ю.В.Офросимова «Смердяков с гитарой», где говорится о Есенине:

«<...> ...О, Гавриил, спроси молитвой Бога,
Я одинок, не знаю ничего...
...Пою и взываю:
Господи, отелись!
...Ты кроткий в облаках, быть может, ты услышишь...

...Мужской голос запел сладенькой фистулой куплет, аккомпанируя себе на гитаре:

Непобедимой силой
Привержен я к милой.
Господи, помилуй
Ее и меня,
Ее и меня,
Ее и меня.

Лакейский тенор и выверт песни — лакейский, а пел ее — "Смердяков, разодетый, напомаженный и чуть ли не завитой, в лакированных ботинках".

<Как> запел во второй главе пятой книги "Карамазовых", так и не умолкал. А теперь особенно громко разливается сладенькая его подгитарная по кафе фистула, и называется она "имажинизмом". Слово мудреное потому, что Смердяков ко всему заграничному, как известно, имеет тяготение необычайное. Внешне они кое-чем отличаются. Когда показывал их в своей оранжерее Н.М.Минский, один был в цилиндре, в лакированных ботинках, в смокинге и в манто — герой кинодрамы, другой, на первый взгляд, будет под Грушницкого — черкес дикий, и стихи все "роковые", малеванная физиономия, накрашенные губы; нет, для Грушницкого так негоже, но маска Смердякова передана весьма искусно. И уж, конечно, никто бы не додумался, кроме Смердякова, прилететь в Берлин с бумом на аэроплане с молодой женой. И прямо в редакцию для интервью. Словно во время оно Макс Линдер к Зону.

Поэзия смердяковская? — "Они меня считают, что я бунтовать могу; это они ошибаются-с, была бы в кармане моем такая сумма — я, положим, хотя только бульонщик, но при счастии могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке. Потому что я готовлю специально..." — не было бы счастья, да несчастье помогло. Кафе-ресторан, заимствованное у блаженной памяти футуристов переименование в свою честь улиц, за что, как гордо недавно рекламировалось, попадали в участок; или тоже краденная у футуристов безопасная полемика с Богом. Но ведь еще Маяковский "вырывал у Бога бороду". Но у этих, новых, своеобразное "богоборчество" носит явно кощунственный характер:

Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта...
.....
...Божья мать, простодушная Маша,
Нас, конечно, запишет в расход...

Но зато всякий раз в отличие от прямодушного Маяковского спешно прибавляется смердяковское "Господи, помилуй". Это, видите ли, или —

Новый на кобыле
К миру едет Спас...

или...

Новый Содом
Сжигает Егудиил, —

или...

Близятся стены
Нового Иерусалима.

Всё это очень понятно объяснено Ивановым-Разумником. С одной стороны, конечно, всё позволено, но вдруг Он все-таки существует? Подрастающих Смердяковых этот вопрос, по-видимому, страшно мучает. Из-за "всё ли дозволено?" один из них даже в че-ка расстрельщиком был, а теперь по ночам плачет — держите, удавится! А всё же до бунта Смердякову не подняться. У карамазовского Смердякова была такая теория поэзии: "Кто же на свете в рифму говорит? И если бы мы стали все в рифму говорить, хотя бы даже по приказанию начальства, то много ли бы мы наговорили-с?", — начальство в рифму говорить не приказывает — совсем наоборот, — и теоретики нового Индикоплова толкуют Смердякова так: "аритмичность, аграмматичность и бессодержательность — три кита поэзии грядущего завтра, раскрывшего нам волосатую грудь", и если к этому прибавить еще достаточную арифмичность, то длинно расползшийся, неуклюжий стих очень близок к "аграмматичной и бессодержательной" прозе мартобря 37-го дня. Но неужели это и есть так образно предвещаемое завтра?

Всё же — причем имажинизм? А вот: "Сущность имажинизма заключается в провозглашении канона: не должно быть ни одной строчки, ни одной фразы, ни одного слова, где бы ни была скрыта тро́па <т. е. образ>". <...> "Каждая художественная тро́па обязательно должна быть нова и оригинальна" — но ведь недаром "бульонщик" хвастался, что он один говорит специально: "Ни один в Москве, кроме иностранцев, не может так подать специально". И "подают" у себя на Петровке!

Когда <так!> дачник, язык мой, шляется. <...>
...Обвяжите вокруг шеи белые руки галстухом... <...>

...Спинной позвоночник,
Как телеграфный столб, прям...

И еще что-то очень нехорошее с луной, с мерином... — очевидно, <...> желание особого рода "быть испанцем" <...>

Если футуристы изображали разрушительную эпоху Октября, то эти — подлинный оскал террора и че-ки. Но футуристы уже отошли <...>. Не замедлят, думается, и "бульонщики" из кафе; <...> потому что дальше своей Петровки и эстрадных столиков не видят.

<...> всё настойчивее подхватывается голос <...>, что "поэзия революции — поэзия классицизма", и в этом — определенная уверенность, ведь в самом построении стиха классического, стиха старых мастеров, есть связь с фазисом грядущего созидательного творчества.

И даже в творчестве иных имажинистов чувствуется, несмотря на окружающую смердяковщину, это провидение, потому что талант независим от среды».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

В том же номере «Руля» — анонимная информация «Официальное сообщение о болезни Ленина»:

«Опубликованное советским правительством сообщение о болезни Ленина гласит: Бывший председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин-Ульянов страдает тяжким переутомлением, последствия которого осложнились отравлением. Для восстановления своих сил товарищ Ленин должен на продолжительное время, во всяком случае, до осени, удалиться от государственных дел и отказаться от всякой деятельности. Его возвращение к политической работе представляется вероятным после продолжительного отдыха, так как, по мнению медицинских авторитетов, восстановление его сил возможно».

Эта заметка наверняка не прошла мимо внимания Есенина. Тем же летом, находясь в Венеции (см.: до 10 авг. — после 14 авг. 1922), он вернется к ленинской теме в разговоре с Л. Кинел. В 1936 г. та вспомнит:

«Он говорил о большевизме, и я спросила его, знал ли он Ленина.

— Ленин умер, — ответил он мне шепотом.

Я чуть не подпрыгнула от удивления. Шел 1922 год. Ленин был очень болен. Он был окружен известными немецкими врачами: время от времени в газетах можно было прочитать их официальные бюллетени.

— Зачем вы так шутите, Сергей Александрович?

Мы говорили шепотом, будто боялись, что кто-нибудь подслушивает.

— Я не шучу. Уже год, как он умер, — послышался ответный шепот. — Но мы не можем допустить, чтобы это стало известно, потому что большевизм сразу бы тогда потерял силу. Нет на его место достаточно сильного руководителя. Неужели вам это непонятно?

— Но, Сергей Александрович, такую вещь трудно скрыть. Даже невозможно. Можно это скрывать в течение нескольких дней, может быть, недель, но не больше.

— Нам это удалось. Пришлось скрыть. Никто об этом не знает. Только несколько надежных людей. — Он говорил голосом заговорщика, и только тут я начала понимать его подвох. Но вместо того, чтобы протестовать, я притворилась обманутой. Я хотела послушать дальше. Это казалось таким интригующим.

— Видите ли, — продолжал он тихим голосом, — если спустя некоторое время кто-нибудь попытается дознаться, врачи впустят его на минуту и покажут, что Ленин спит.

А он не спит. Он набальзамирован. Умер! Искусно набальзамирован. Это сделали немцы. На бальзамирование у них ушло несколько недель. И вот так откладывается извещение с недели на неделю, пока мы не сумеем найти сильного руководителя. Большевизм не может существовать без сильного человека. Тем временем они продолжают публиковать бюллетени о "постепенном ухудшении". Неужели вы этого не заметили? Неужели вы не обратили внимания, как мало людей допущено к нему? Что нет интервью?

Я была в восторге. Что за выдумка! Даже если это просто подвох, как здорово придумано! Он возбудил мое воображение.

Тихий голос продолжал:

— Но если вы хоть слово пророните — умрете! Известно, как это делается. У нас повсюду шпионы!

Я не сказала ни слова. По спине у меня побежали мурашки. Я была восхищена, и в то же время мне хотелось смеяться. Есенин сидел, не скрывая улыбки удовлетворения. <...>

В эту ночь я так и не смогла уснуть — рассказ, столь фантастический и вместе с тем вполне правдоподобный, волновал мое воображение. До сих пор мне это кажется вероятным. Какая интрига, будь это правдой!».

Кинел, 156.

В московской «Правде» (№ 134) объявляется о выходе из печати № 3 журнала «Красная новь» со стихами Есенина и статьей П.С.Когана о поэте.

См.: до 17 июня 1922, 17 июня 1922.

Июнь, после 18 ... Июль, до 16. В издательстве Е.А.Гутнова (серия «Библиотека Сполохи») выходит антология «Деревня в русской поэзии» (составитель, автор предисловия и вступительных заметок Г.В.Алексеев) со стихотворениями и фрагментами стихотворений и поэм Есенина: «Запели тесаные дроги...»; «Манит ночлег, недалеко до хаты...» (отрывок из стихотворения «Голубень», строки 25–40); «Черт бы взял тебя, скверный гость!..» (фрагмент из поэмы «Сорокоуст», строки 61–76); «Октоих» (строки 1–28); «Бедные, бедные крестьяне...» (отрывок из «Исповеди хулигана», строки 22–39); «Я — последний поэт деревни...».

Нижняя граница события определяется по анонсу издательства о печатании книги (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 18 июня, № 993), а верхняя — по объявлению книготоргового акционерного общества «Логос» о поступлении в продажу № 9 журн. «Сполохи» (Нак., 1922, 16 июля, № 82, лит. прилож. № 9), на третьей странице обложки которого помещен список вышедших книг, где значится и «Деревня в русской поэзии» с указанием цены.

Кроме стихов Есенина, в сборник вошли произведения А.В.Кольцова, И.С.Никитина, И.С.Аксакова, Н.А.Некрасова, А.Н.Майкова, И.З.Сурикова, С.Д.Дрожжина, И.А.Бунина, С.М.Городецкого, А.Н.Толстого, Н.А.Клюева и Вл. Пиотровского (В.Л.Корвин-Пиотровского).

Есенинская подборка предваряется заметкой Г.В.Алексеева «Сергей Есенин (1896 <так!>)»:

«В творчестве Есенина особенно любопытно проследить именно связь его с деревней. Крестьянский парнишка Рязанской губернии, неуч, но с типичной мужицкой хитрецой, застенчивый до заикания, но от застенчивости озорник — он за Клюевым понес было в литературу парное нутро избы, встревоженный войной и революцией быт села и хлесткий свист пастушьего кнута. Но в городе, куда он пришел, куда тянулась и офаб-

риченная деревня центральных русских губерний, — пришел не "последний поэт деревни", а поэт с годом, с каждым днем терявший связь со своими хатами, талантливый, но теперь не деревенский, а сшибленного с культурных устоев, развороченного гнильем революции города — поэт. Отсюда и его жалость к "бедным, бедным крестьянам", мечта о цилиндре, полет из Москвы в Берлин на аэроплане <ср.: 10 мая 1922, вечер>, женитьба на Айседоре Дункан. Отсюда и озорство, с которым крестьянский парнишка Рязанской губернии, неуч, но с типичной мужицкой хитрецой, принялся доказывать <так!> поваленному, но не задавленному революцией городу "град Инонию, где живет божество живых", сам не подозревая, что в нем "гулящая, хмельная, во Христе юродивая Русь" <слова из стихотворения М. Волошина "Святая Русь" (1917)> отмечает только один этап — своеобразное мужицкое хлыстовство, не раз на протяжении истории накатывавшееся на нашу родину исступленным кликушеским припадком».

Имя Есенина возникает и в других материалах Г.В.Алексеева, вошедших в сборник:

— в финале предисловия к книге:

«Поэты города (гр. А.Н.Толстой) впервые по-настоящему подходят к быту деревни. Поэты деревни — Н.Клюев, С.Есенин — впервые по-настоящему этот быт развертывают, первый — с верой в правду черного нутра земли, второй — с разбойничьим хлыстовским посвистом, прорвавшим тупую ложь покорного мужицкого отчаяния в подвернувшейся революции»;

— в заметке «Сергей Городецкий»:

«Городецкий — певец леших, приворотов, — а еще гармоники, хороводов, купальских венков и девичьей думы, подошел к деревне вплотную, и не как описатель ее быта и дум, а как выразитель, как поэт деревенской души. <...> Песни Городецкого о деревне положили начало возрождению в русской литературе национального эпоса, который с такой пышностью расцвел потом в поэтическом творчестве гр. А.Н.Толстого, С.Есенина и особенно Н.Клюева»;

— в начале заметки «Николай Клюев»:

«В стихотворении "Клюеву" <"Теперь любовь моя не та..."> Есенин очень точно и коротко определил сущность поэтического творчества этого единственного сейчас мужицкого поэта:

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

Но тот же Есенин в "Октоихе" <на самом деле, в стихотворении «О Русь, взмахни крылами...»> говорит о Клюеве:

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

Клюев — воистину весь в избе...».

Отклик см.: до 5 нояб. 1922, первая запись.

См. также: Юсов-94, 94–95.

Июнь, 19 (?) или 20. А.Дункан, оплатив имущественный ущерб, нанесенный ею владелице пансионата на Уландштрассе, выезжает из Берлина в Висбаден вместе с Есениным.

События и их время определяются сопоставлением воспоминаний Н.В.Крандиевской-Толстой с документальными данными (см.: 21 июня 1922).

Мемуаристка вспомнит:

«Дункан только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Париже. Путешествие по Европе в пятиместном “бьюике”, задуманное еще в Москве, совместно с Есениным, требовало денег <...> Автомобиль был единственным способом передвижения, который признавала Дункан. Железнодорожный вагон вызывал в ней брезгливое содрогание; говорят, что она никогда не ездила в поездах.

<...> счет <пансионата>, присланный через два дня в отель Айседоры, был страшен. <...> Расплатясь, Айседора погрузила свое трудное хозяйство на два многосильных “мерседеса” и отбыла в Париж, через Кельн и Страсбург, чтобы в пути познакомить поэта с готикой знаменитых соборов».

Восп., 2, 17, 19.

Указанный здесь маршрут пути А.Дункан и Есенина в Париж неверен — из Кельна, куда чета Есениных попала через Висбаден (см.: 20 (?) или 21 июня 1922; 21 июня 1922) и Дюссельдорф (см.: около 28 июня 1922; 29 июня 1922), супруги отправилась сначала в Бельгию (см.: 2 или 3 июля 1922; 4 июля 1922). Оттуда они выехали во Францию лишь после того, как получили разрешение французских властей на въезд в страну (см.: 18 июля 1922).

Июнь, 20. Газета «Голос России» (№ 994) дает объявление русского книжного магазина «Москва» в Берлине:

«Сегодня:

Есенин. Пугачев. М<ар.> 65.

Клюев. Четвертый Рим. М<ар.> 40».

Здесь идет речь об одном из изданий книги Есенина, пришедших в Берлин из Советской России (М., 1922 или Пг.,1922).

Ср.: 16 июля 1922, первая запись.

Июнь, 20 (?) или 21. Есенин и А.Дункан приезжают в Висбаден.

Время события устанавливается в соответствии с записями: 19 (?) или 20 июня 1922; 21 июня 1921, первая запись.

«Темпы их германской жизни оказались чрезмерными для Есениных, и они сбежали на фешенебельный водный курорт Висбаден».

И.Дункан и Макдугалл, 99.

«...она <А.Дункан> забрала Есенина в Висбаден отдохнуть и полечиться».

Кинел, 159.

Июнь, 21. Есенин пишет И.И.Шнейдеру из Висбадена в Москву:

«...берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать.

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал и денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс<яч> марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест.

Сейчас туда она отправила спешно одного ей близкого человека <М.Дести>. Знаменитый Поль Бонкур не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подпись для визы в Париж. Таковы ее дела... <...>

Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может».

Есенин, VI, 137–138, 527–531.

Г.А.Бениславская в Москве пишет А.Г.Назаровой:

«Что же!
И в доме, который выгорел,
Иногда живут бездомные бродяги!
В. Маяковский

Человек в этом мире — не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь заново.
С. Е.

Вот, Анечка, какая я глупая — всё время смотрю в этот выгоревший дом и думаю о том, что его не перестроишь заново. И так страшно, страшно. Знаешь, жизни страшно. Ведь в ней все так дорого стоит, берется большой ценой, а я сейчас — банкрот (и растратила всё в один год!). Ну, ладно, больше не буду».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 150.

Эпиграфы — из поэм В.Маяковского («Облако в штанах») и Есенина («Пугачев»).

Июнь, 21–28. Есенин и А.Дункан живут в Висбадене.

Рамки этого и последующих событий определяются по датам писем Есенина из Висбадена (см.: 21 июня 1922) и из Дюссельдорфа (см.: 29 июня 1922).

Отыскивая себе говорящего по-русски помощника в общении с Есениным, А.Дункан останавливает внимание на Н.Радван-Рыжинской.

Через пятьдесят с лишним лет (1976) Н.Радван-Рыжинская напишет:

«Никогда бы не решилась упоминать о нашей жизни в Висбадене, если бы не случай, который свел меня с нашим изумительным поэтом С.Есениным. Это было во время франко-английской оккупации, бельгийцы тоже участвовали в ней. Муж нашел маленькую службу у французов на железной дороге, а я, прочитав объявление Школы Берлица в газетах, смело решила туда поступить. Брали только опытных преподавателей, знакомых с этой методой, но я решила соврать, сказав, что я преподавала немецкий в такой школе в Петрограде. Дали мне книгу, и я по ночам изучала эту методу.

Как будто всё идет прекрасно, я зачислена в школу, немецкие марки за час урока составляют 50 сантимов на французские деньги. Зная, что я русская (а русский язык в то время ведь еще считался языком варварским), меня немного удивило, что кто-то желает изучать его в Германии. Условия были следующие: ходить на дом. Получаю адрес — первоклассная гостиница в центре города. Вхожу, на диване небрежно сидит дама уже не первой молодости. Здороваюсь и начинаю урок. Ученица немного вялая, как бы не проявляет особенной охоты. Я удивлена, но продолжаю. И вдруг выясняется, что

я знаю английский язык и что я имею перед собой знаменитую танцовщицу-босоножку Айседору Дункан. Русский язык моментально перестает ее интересовать, она оживляется и говорит мне, что познакомит меня с первым русским поэтом. Открывает дверь соседней комнаты, пропускает меня вперед и сейчас же за мной закрывает ее.

Я — в светлой комнате с опущенными белыми шторами, налево — кровать, кто-то лежит под белой простыней, видна голова, молодое лицо с несказанно красивыми, волнистыми, прямо цвета золота волосами. Он русский, начинает говорить, впечатленье такое, что он ухватился за меня. В действительности так и было: живя за границей, он не знал никакого иностранного языка, стал сообщать мне некоторые подробности своей совместной жизни. Через несколько минут открывается дверь и входит она, приглашая меня выпить с ними стакан вина. Вскоре в большой комнате появляется и он, как видно, одетый у одного из лучших английских портных, но как-то это выходит вразрез с типом его наружности.

Увидев коньяк и другие крепкие напитки на столе, я прихожу в тихий ужас: не имея привычки пить, я серьезно опасаюсь оказаться под столом. Беру стаканчик и несмело прошу приказать подать бисквитов, а в это время вижу, что по коридору шныряют полицейские агенты. Бисквитов в отеле не оказалось, пришлось послать за ними. Убрали со стола, и вот задается мне вопрос, могу ли я уделить им часа 2–3 для совместной прогулки. Я соглашаюсь.

Являюсь в назначенный день. У дверей гостиницы стоит нанятый автомобиль, и мы едем совершать прогулку, и тут выясняется, что, живя уже около двух лет <точнее — чуть более полугода> вместе, они еще никогда не разговаривали друг с другом за неимением общего языка. Я была переводчицей. Они забрасывали друг друга вопросами, рассказывали отдельные факты про себя. Через несколько часов вернулись с прогулки, и опять был назначен день встречи.

Это длилось недели две <ошибка памяти; общение мемуаристки с четой Есениных могло продолжаться всего несколько дней>, и при последней встрече они поссорились и заставляли меня переводить, крича мне с каждой стороны в ухо, что я должна сказать. По мере возможности я старалась всё смягчать, но тут раздавались возгласы: “Нет, вы переводите точно!” Пребывание их в Висбадене приближалось к концу. Дункан предложила мне ехать с ними в Париж, где у нее был дом, для того, чтобы переводить стихи Есенина на английский язык. К стихотворству у меня не было ни малейшей способности, да и жила я с семьей мужа. Всё это происходило, как я уверена, в 1922 году...».

Архив Мемуарной Библиотеки Русского Общественного Фонда Александра Солженицына, ф. 1, оп. 1, Е-46; СЕГС, 402–403 (без первой фразы).

Есенин проходит медицинский осмотр, после которого врач знакомит его и А.Дункан со своим заключением:

«...здесь <в Висбадене> врач, который осматривал Есенина, сообщил ей <А.Дункан>, что положение серьезное, что нужно прекратить пить по меньшей мере на два-три месяца, иначе у нее на попечении окажется маньяк. Есенин, который страдал неврозом и у которого как раз тогда было нервное расстройство, обещал выполнить требование врача <ср.: 21 июня 1922>.

Всё это я <Л.Кинел> узнала от Айседоры спустя несколько дней после того, как присоединилась к ним в Висбадене <см. ниже>».

Кинел, 159.

А.Дункан (вместе с Есениным) встречается с Лолой Кинел и делает ее своим секретарем.

Из книги Л.Кинел «Под пятью орлами: Моя жизнь в России, Польше, Австрии, Германии и Америке. 1916–1936» (Лондон, 1937):

«По берлинскому адресу <...> меня ожидала <...> не Айседора, а молодой американец <...>. Он представился как друг Айседоры <...>. Он сказал, что прочитал мое объявление, объяснил, что Айседора не может разговаривать со своим мужем — русским, и зная, как это тяготит ее, он подумал, не подойду ли я ей в качестве секретаря. <...> молодой человек экзаменовал меня на должность секретаря для Айседоры и Есенина... После получасовой беседы, касающейся широкого круга вопросов от большевизма до искусства, он воскликнул:

— Вы справитесь! Вы — как раз то, что надо... И все эти языки. <...>

На следующее утро я уже была в отеле «Роза» <в Висбадене> и, затаив дыхание, постучала в дверь номера Айседоры. <...>

Полная, средних лет женщина в неглиже <так!> цвета семги грациозно полулежала на кушетке. У нее была маленькая головка с тициановскими кудрями, красивый, но жестокий рот и сентиментальные глаза; при разговоре она проглатывала или комкала слова. Когда она поднялась и стала двигаться по комнате, я увидела, что она вовсе не полная и не средних лет: она была прекрасна, непостижимая природная грация сквозила в каждом ее движении... Это была Айседора...

Через некоторое время из соседней спальни вышел молодой человек в белой пижаме. Он выглядел как русский танцовщик из американского водевиля: тускло-золотые вьющиеся волосы, наивные глаза васильковой голубизны, сильное мускулистое тело... Это был Есенин. Позднее я обнаружила, что он отнюдь не наивен. Он был достаточно лукав, подозрителен и инстинктивно умен. Впечатлительный как ребенок, полный противоположностей, крестьянин и поэт — вместе».

Кинел, 150–151.

Впоследствии Л.Кинел будет сопровождать чету Есениных в поездках по Бельгии, Франции и Италии.

Июнь, 22. Самарская газета «Коммуна» (№ 1054; подпись: М. Д.) помещает статью «О “слове Гаражистов”», где упоминается Есенин.

Материал представляет собой отклик на «Слово учреждителей <так!> “Гаража поэтов” к секции литработников г. Самары» — манифест одноименного литературно-художественного кружка, оглашенный публично (там же).

Автор отклика пишет:

«Относительно этого “слова” “гаражистов” необходимо сделать некоторые замечания.

Прежде всего, их “слова” — действительно слова: никак не докопаешься, чего они хотят. Много треску, много вычурной путаницы, но нет логики и лица. Во многом они похожи на самовлюбленного соловья.

Об искусстве в рабочую массу. — Это симпатично сказано. Но какое качество? Если качество Шершеневичей, Кусиковых, Мариенгофов, — то рабочим такое искусство ничего не дает, и они от него отвернутся.

Не буду останавливаться на выкриках, перейду к главному.

Об объединении всех течений. Нигде, никогда при существовании классов никакого прочного объединения не было.

Тот, кто пытается объединить все течения, имеющие различные корни и физиономии, создает такую мешанину в литературе и голове литераторов, в которой и сам квартальный не разберется. Попытка такого объединения ведет к параличу классовой мысли.

Искусство, мораль, законы имеют лицо своего класса. Различные течения в литературе также есть — идеологические отражения различных общественных группировок: крестьяне, рабочие, интеллигенты, мелкая и крупная буржуазия, дворянство, аристократия и т. д.

Примеры: Есенин — это смесь: эстетизм, бунтарство и крестьянский мистицизм, разбавленные тремя годами городской жизни среди бывших самарских горчишников.

В этом классовая сущность крестьянина, оторвавшегося от деревни, потершегося — как самовар о тряпку с мелом — об интеллигенцию и не приставшего к рабочим.

Шершеневич и другие имажинисты — это городской уличный аристократизм с претензией и на революцию, и на проституцию, и на пропившуюся золотую молодежь, которая под утро после попойки "прилично" хулиганит по улицам спящего города.

В этом классовая сущность умирающей аристократии: экономическая связь уже порвана с своим классом, но психологически еще не совсем; экономически связана с пролетариатом, но психологически еще тяготеет к истрепанной аристократии.

Процесс разложения в силу экономических причин произошел, но идеология еще не оформилась. Отсюда — *классово-смешанная, путаная точка зрения.*

Пока на этом покончим. Как проявят себя "гаражисты" и что скажут — посмотрим».

Выделено автором.

Июнь, 22 — Июль, 12. Есенин пишет два письма И.И.Шнейдеру и посылает ему телеграмму (и письма, и телеграмма неизвестны).

Из письма Есенина к И.И.Шнейдеру (13 июля 1922):

«Милый Илья Ильич! Я довольно пространно описывал Вам о всех наших происшествиях и поездках в 3-х больших письмах. Не знаю, дошли ли они до вас. <...> О том, чтобы Вы выезжали, Вам послана телеграмма».

Есенин, VI, 144, 145.

Первое из этих трех писем было получено адресатом (см.: 21 июня 1922); два других, остающихся неизвестными, очевидно, были написаны до 13 июля 1922.

См. также: Есенин, VII (3), 44.

Июнь, 23. В петроградских «Литературных записках» (№ 2) публикуется статья Н.А.Павлович «Московские впечатления», где заходит речь о Есенине:

«Москва — проще, <чем Петербург,> и подлиннее. Москва шире и домашнее и в плохом и в хорошем смысле. Она держится на живых людях, а не на идее. <...>

Москва многим грешна, только не "умеренностью и аккуратностью" <...>

И Есенин недаром был связан с Москвой. Она дала ему ту боль, которая создала "Пугачева"».

Газета «Накануне» (Берлин, № 72; рубрика «По газетным столбцам») откликается на заметку о Есенине и А.Дункан в «Руле».

Текст этой заметки («Очередной скандал») см.: около 17 (?) или 18 (?) июня 1922. Ее воспроизведение в «Накануне» было предварено словами «Из политической хроники <...> "Руля"» и сопровождено комментарием:

«Через несколько дней в "Руле" будет, очевидно, под заглавием "Партийный раскол" сообщаться: "На днях г-жа К. устроила своему мужу сцену за позднее возвращение домой"».

Самарская газета «Коммуна» (№ 1055; рубрика «Среди книг и журналов») информирует о содержании вышедшего из печати журнала «Красная новь» (№ 3) с упоминанием Есенина как участника номера.

См.: до 17 июня 1922.

Июнь, 24. Парижская газета «Последние новости» (№ 670; рубрика «Вести отовсюду») перепечатывает заметку о Есенине и А.Дункан из «Руля».

См.: около 17 (?) или 18 (?) июня 1922; 23 июня 1922, вторая запись.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 187) помещает анонимную заметку «На лету»:

«Где не скучно, — так это в Берлине, особенно в русском Берлине.

У нас уже было помещено сообщение, что выгнанные из литературной среды сменовеховские писатели решили учредить свой "Дом".

Дом всяких смен...

С участием, конечно, г-жи Дункан и г. Есенина. Эти молодожены приехали не для того, чтобы скучать. И не скучают.

Еще до открытия своего "Дома" они учинили скандал, о котором берлинские газеты передают следующее...<см.: около 17 (?) или 18 (?) июня 1922; 23 июня 1922, вторая запись>.

У гр. Алексея Толстого (подлинного, не "Алексея", сменовеховского, а автора "Царя Федора Иоанновича" и пр.) есть такие стихи о Гришке Отрепьеве:

...сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

По-видимому, супруг престарелой босоножки, да и сама босоножка переживают именно такое состояние.

Что с них взять: люди переживают медовый месяц в русско-американском сочетании. Надо же как-то отметить его, чтобы немецкая буржуазия не забывалась...».

Пражский еженедельник «Воля России» (№ 23–24) публикует рецензию П.П.Потемкина на книгу Н.А.Клюева «Четвертый Рим» (подпись: П. П. П.), где говорится о Есенине:

«Давно уже сравнительно началась тяга к земле в русской поэзии последних лет — с появлением клюевской книги "Сосен перезвон", с появлением Есенина.

Оба эти поэта стали верховодами нового народничества в поэзии, певцами новой деревни и земли.

Теперь Есенин, по стихотворному самопризнанию, ходит:

...в цилиндре
И в лаковых башмаках.

И вот эти "лаковые башмаки" и "цилиндр" поносит Н.Клюев и свирепо отрицает их в книге своей "Четвертый Рим".

Хитрый мужик, он знает, что в земле сила, что:

Подарят саван заводским трубам
Великой Азии пески.

И сядет ворон на череп Стали –
Питомец праха, судьбы маяк.
Затмит ли колоб на звездном сале
Сосцы ковриги, — башмачный лак?

И он верен этому колобу, сам превратившись в подобие его <...>.

А Есенин, ушедший к лаковому сапогу комиссара, проиграет <...>.

Книга клюевская образна до корявости. <...>

Любовь к редким русским словам (уж не знаю, по Далю ли) делает книгу иногда непонятною даже для хорошего русского.

Н.Клюев в ней заметно мудрствует вопреки своему поэтическому дару.

Книга — по заданию манифест земли русской, гибнущей под лаковым башмаком коммунистического Есенина и спасаемой Клюевым, но, может быть, даже коммунистический лаковый сапог не так больно бьет Россию, как утрированное босячество Н.Клюева. <...>

Ископаемые во что бы то ни стало слова и образы пообразнее и почудней, поядреней, — такое же закапывание настоящей поэзии, как и топот лакированного башмака Есенина по лицу земли русской».

В газете «Саратовские известия» (№ 141) печатается статья М.А.Зенкевича «О газете "Накануне"» с упоминанием Есенина:

«Читая "Накануне", издающееся в Берлине и продающееся и у нас на улицах, невольно поражаешься бедностью ее содержания, идеологического и фактического. Руководящие статьи бледны и вялы, расплывчаты и неопределенны, хотя и сочувственны Советской России. Самое яркое и интересное — перепечатки и материалы из советской прессы. <...> Только в полемике с эмигрантской прессой "Накануне" становится живей, ярче и язвительней, но и здесь <...> сколько мелочного, лишнего, мещанского. Все мы помним яркое, полное достоинства письмо Ал. Толстого Чайковскому, и теперь тот же Толстой не стесняется фигурировать в роли свадебного генерала с титулом графа на вызывающем усмешку объявлении о литературном вечере: "Граф Алексей Толстой, крестьянин Сергей Есенин, черкес Кусиков и кандидат прав Ветлугин" <см.: 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922>. <...>

...колебания "Накануне" между национализмом и коммунизмом, между графством и крестьянством, между болотом эмигрантства и живой жизнью Советской России крайне характерны.

Они показывают, в какой нездоровой атмосфере живет даже лучшая часть эмиграции, как запоздала она в своем развитии и как еще много ей надо преодолеть, чтобы вполне слиться с новой пролетарской рабоче-крестьянской Россией».

Сообщено С.Е.Зенкевичем.

Июнь, 26. Юрисконсульт Московского губернского политического отдела ГПУ (фамилия неизвестна) составляет «Заключение по стихам гг. Ройзман<а> и Шершеневич<а>, помещенным в брошюрах "Красный алкоголь" и "Мы Чем Каемся"», где упоминается Есенин:

«Поэты Ройзман и Шершеневич принадлежат к литературной группе «имажинистов», наделавшей много шума своими эксцентрическими выходками и смелыми приемами поэтического творчества. В эту группу входят, между прочим, поэты Есенин, Кусиков, Мариенгоф.

По своему социальному уклону группа "имажинистов" может быть отнесена к левым эсерам, т. е. интеллигентам, приемлющим пролетарскую революцию как благодат-

ную грозу, но скорбящим о понижении культурности, о нарушении нормального жизненного уклада, о революционных жестокостях — словом, к интеллигентам, растерявшимся и сбитым с толку громом и молнией этой самой благодатной грозы <...>

В общем и целом поэзия имажинистов не представляет никакого поэтического интереса, являясь чисто обывательской лирикой со всякими жалобами на тяжелую (материально и морально) жизнь, но преклоняющейся перед грозным и непонятным ей ходом мировой революции».

Это официальное заключение было дано в рамках возбужденного против М.Д.Ройзмана и В.Г.Шершеневича уголовного дела в связи с выпуском книги «Мы Чем Каемся».

Цит. по: Дроздков В.А. «Достались нам в удел года совсем плохие»: (В.Г.Шершеневич в 1919 и 1922 годах). — Журн. «Новое литературное обозрение», № 30 (2 / 1998), с. 129–130.

Июнь, до 28. В научно-художественной секции Государственного ученого совета Академического центра Наркомпроса РСФСР составляется «Список писателей для получения дополнительного академического обеспечения», куда (по III разряду) включается и фамилия Есенина.

ГАРФ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 389, л. 3; заверенная машинописная копия.

Граница события устанавливается по помете на документе (см. след. запись).

Согласно выработанному положению, к третьему разряду относились «лица вполне зрелого яркого дарования с крупным художественным стажем».

Кроме Есенина, внесенного в этот перечень предпоследним по счету, там значатся фамилии В.Вересаева, Б.Зайцева, И.Новикова, И.Шмелева, А.Серафимовича, Г.Чулкова, В.Маяковского, В.Кириллова, Б.Пастернака, А.Гастева, М.Герасимова, О.Мандельштама.

Ср.: 1 сент. 1922; сент (?) — окт. (?) 1922; 22 февр. 1923.

Июнь, 28. В совместном заседании всех секций Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР проходит утверждение «Списка писателей для получения дополнительного академического обеспечения» с фамилией Есенина.

ГАРФ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 389, л. 3; помета на заверенной машинописной копии: «Утверждено 28.VI.1922 4-х секций <так!> ГУС'а».

См. предыд. запись.

Июнь, 28 и 30. Американская газета «Свободная Россия» (Чикаго, № 136 и 138) дает объявление своего книжного склада о наличии в продаже книг русских авторов, в т. ч. выпущенных в Берлине книг: Есенина «Пришествие. Октоих. Преображение», Есенина и др. «Товарищ. Инония (поэма) и др.», а также сборника «Поэзия большевистских дней» с его участием.

См. также: 1, 5, 17–21 июля 1922; 7–9, 11 и 14 авг. 1922.

Под указанной в объявлении книгой «Есенин и др. — Товарищ. Инония (поэма) и др.» на самом деле подразумевается коллективный сборник «Россия и Инония», составной частью которого были отмеченные поэмы Есенина. В этом сборнике участвовали также Андрей Белый и Иванов-Разумник (см.: до 21 нояб. 1920). Авторская же книга Есенина «Триптих» и ранее многократно анонсировалась и рекламировалась (еще в берлинской периодике) аналогичным образом, т. е. как «Пришествие. Октоих. Преображение» (см., напр.: 17, 20, 22, 24, 27 окт. 1920).

Июнь, около 28. Есенин и А.Дункан выезжают из Висбадена в Дюссельдорф.

Событие определяется и датируется по письму Есенина М.М.Литвинову (см. след. запись).

Июнь, 29. Есенин пишет (а А.Дункан подписывает) письмо из Дюссельдорфа в Гаагу М.М.Литвинову, заместителю народного комиссара по иностранным делам:

«Уважаемый т. Литвинов!

Будьте добры, если можете, то сделайте так, чтоб мы выбрались из Германии и попали в Гаагу, обещаю держать себя корректно и в публичных местах "Интернационал" не петь.

Уважающие Вас
С. Есенин
Isadora Duncan».

Есенин, VI, 139, 531–533; факсимиле — IE, илл. между с. 252 и 253 (л. [17]).

См. Приложение.

М.М.Литвинов был одним из тех членов Совнаркома, с которыми Есенин ранее встречался в Москве (см.: 21 февр. 1922). В то время М.М.Литвинов возглавлял советскую делегацию на Гаагской конференции, проходившей с 15 июня по 19 июля 1922 г.

Поездка супругов в Гаагу не состоялась.

Газета «Владиво-Ниппо» (Владивосток; № 590) печатает заметку без подписи «Скандал в "Доме искусств"».

Это пересказ материала о берлинском вечере в ночь с 12 на 13 мая 1922, опубликованного парижскими «Последними новостями» (см.: 16 мая 1922, шестая запись).

Июнь, 29 ... Июль, 3. Есенин фотографируется в Дюссельдорфе (единолично и с А.Дункан).

Есенин, VII (3), [164] и [165], фото № 66 и 67.

Датируется временем пребывания Есенина в этом городе.

См. Приложение.

Июнь, 30. В Москве Л.Д.Троцкий обращается с письмом в Политбюро ЦК РКП(б) с запиской «О молодых писателях, художниках и пр.»:

«Мы несомненно рискуем растерять молодых поэтов, художников и пр., тяготеющих к нам. Никакого или почти никакого внимания к ним нет, вернее сказать, внимание к отдельным лицам проявляется случайно отдельными советскими работниками или чисто кустарным путем. В материальном смысле мы даже наиболее даровитых и революционных толкаем к буржуазным или враждебным нам издательствам, где эти молодые поэты вынуждены равняться на форму, т. е. скрывать свои симпатии к нам. Необходимо поставить своей задачей внимательное, вполне индивидуализированное отношение к представителям молодого советского искусства. В этих целях необходимо:

1. Вести серьезный и внимательный учет поэтам, писателям, художникам и пр. Учет этот сосредоточить при Главном Цензурном Управлении в Москве и Петрограде. Каждый поэт должен иметь свое досье, где собраны биографические сведения о нем, его нынешние связи — литературные, политические и др.

2. Уже сейчас выделить небольшой список несомненно даровитых и несомненно сочувствующих нам писателей, которые борьбой за заработок толкаются в сторону буржуазии и могут завтра оказаться во враждебном или полувраждебном нам лагере, подобно Пильняку (как мне сообщил т. Ионов). Составление списка таких писателей и художников поручить в Москве тт. Мещерякову, Воронскому и Лебедеву-Полянскому

за тремя подписями, в Петербурге тт. Ионову, Быстрянскому (и, может быть, т. Зиновьев назовет кого-либо).

3. Дать редакциям важнейших партийных изданий (газет, журналов) указание в том смысле, чтобы отзывы об этих молодых писателях писались более "утилитарно", т. е. с целью добиться определенного воздействия и влияния на данного молодого литератора... Очень важно также установить (через посредство редакций или другими путями) личные связи между отдельными партийными товарищами, интересующимися вопросами литературы, и этими молодыми поэтами и пр.

4. Цензура наша также должна иметь указанный выше педагогический уклон <...>

5. Вопрос о форме поддержки молодых поэтов подлежит особому рассмотрению. Лучше всего, разумеется, если бы эта поддержка выражалась в форме гонорара (индивидуализированного), но для этого нужно, чтобы молодым авторам было где печататься. "Красная Новь" ввиду ее чисто партийного характера — недостаточное для них поле деятельности. Может быть, придется создать непартийный чисто художественный журнал под общим твердым руководством, но с достаточным простором для индивидуальных "уклонений".

6. Во всяком случае, на это придется, очевидно, ассигновать некоторую сумму денег...».

Цит. по: Галушкин-2005, 2, 455–456.

См.: 3 июля 1922; 6 июля 1922, вторая запись.

Июнь. Варшавский журнал «Skamander» (т. 3, тетрадь XX–XXI, за май–июнь; раздел «Varia») помещает отклик Я.Ивашкевича (подпись: *–ji–*) на книгу Есенина «Пугачев» (М.: Имажинисты, 1922):

«"Наивная прямолинейность психологии новых и новейших течений... должна уступить, наконец, прилежному изучению корней национальной мысли... мы чувствуем связь всех поколений, народ создающих".

Эти слова Антония Потоцкого не раз вспоминаются, когда листаешь страницы новой драмы Есенина ("П у г а ч е в", Москва, "Имажинисты", 80 стр.). Нынешний корифей русской литературы, король множества поэтов, пресловутый Есенин, против которого со стороны более умеренных еще недавно устраивались в Берлине бурные демонстрации, в своей удивительной, лирической, раздольной драме становится истинно великим поэтом великого народа. И как будто не было всех этих бурных и тяжелых десятилетий XIX века — над морем крови и морем поэзии он протягивает руки гениальному предшественнику — Пушкину. Вот какова эта "связь всех поколений, народ создающих". И подобно тому, как старик Державин, казалось бы, чуждый Пушкину, в гроб сходя, благословил его восход, как Пушкин был Бальмонту проводником в поисках всех его словесных "переливов и перезвонов" — так из пустого, по сути дела, надутого и все-таки роскошного таланта Бальмонта проистекают есенинские повторы, плеоназмы, эвритмия — вся красота формы.

В "Пугачеве" Есенина живет пушкинский дух. Вернее, нет — живет дух народный, который проявляется с одинаковой силой у "всех поколений, народ создающих".

А рядом с лирическим дыханием степной земли — формула "имагинизма" <так!>, требующая образа от каждой фразы, предлагающая огромное количество поэтических фигур (сравнений, уподоблений, тропов), то и дело поражающая изобилием и прихотливостью, точь-в-точь напоминая того же старика Державина. Между прочим, старик Державин был отнюдь не таким плохим поэтом, каким он представлялся ослепленным романтизмом писателям. <...>

По-настоящему глубоко связанный с чистейшим руслом народной русской поэзии, Есенин вливает в свое драматическое произведение столько свежести, столько мощи, столько лиричности, сколько ему по плечу. А по плечу ему очень многое».

Перевод Ежи Шокальского.

Эта заметка считается первым из выявленных в польской печати откликов, посвященных исключительно Есенину (Пиотровский, 9–10). Псевдоним Я.Ивашкевича (*–ji–*) раскрыт в статье Л.Подгорского-Околува «Довольно пошлости!» («Dość banalności!») — журн. «Skamander», Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXII–XXIV, июль–сент., с. 440, примеч.

См. Приложение.

В журнале «Przegląd Warszawski» (№ 9; подпись: K.W.Z.) публикуется статья К.-В. Заводзинского «О литературном движении в России» («Z ruchu literackiego w Rosji»), где немало места уделено творчеству Есенина.

После обсуждения и оценки некоторых сочинений Есенина и его соратников-имажинистов автор приходит к такому заключению:

«Образность, богатая и старательная, — это самый очевидный плюс в творчестве имажинистов, которые не напрасно гордятся Есениным. Вся эта группировка, несмотря на странности формы, вызванные то ли жаждой рекламы, то ли фанатическим применением (как всегда у истоков крупного литературного течения) мертвых теоретических формул, является ярким выразителем духа России в эпоху ее Великой Революции. Это дух бунта, кощунства и религиозного экстаза, жестокости и усталости, растворения города и государства (как целого) в деревне, в бескрайности полей, и в то же время в государственной экспансии — с отвернувшимся от Европы лицом».

Перевод Ежи Шокальского.

Изложение статьи см.: Пиотровский, 10–12.

См. о ней также: Зборовский З. Русская советская поэзия в Польше (1918–1939). — РЛ, 1978, № 3, с. 189.

З.Н.Гиппиус в Париже пишет стихотворение «Бродячая Собака» с упоминанием Есенина:

Не угнаться и драматургу
за тем, что выдумала жизнь сама.
Бродила Собака по Петербургу,
и сошла Собака с ума.

Долго выла в своем подвале,
ей противно, что пол нечист.
Прежних невинных нету в зале,
завсегдатаем стал че-кист.

.....

Бешенства всем известна картина,
было опасностей без числа.
Впрочем, Собака до Берлина
благополучно добрела.

«Здесь оснуюсь, — решила псица,—
будет вдоволь мягких помой;
народ знакомый, родные лица,
вот Есенин, а вот Толстой».

Увы, и родные не те уж ныне!
Нет невинных, грязен подвал,

и тот же дьявол-че-кист в Берлине
правит тот же красный бал.

Пришлось Собаке в Берлине круто.
Бредет, качаясь на худых ногах —
куда? не найдет ли она приюта
у нас на Сенских берегах?

Что ж? Здесь каждый — бродяга-собака,
и поглупел, скажу не в укор.
Конечно, позорна Собака, однако
это еще невинный позор.

Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В.Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999, с. 342–343.

Выходит московский журнал «Вестник искусств» (№ 5; подпись: Н. Л.) с информацией в разделе «Художественная летопись за апрель. Литература»:

«Новые пьесы выпущены издательством “Имажинисты”: “Пугачев” С.Есенина, “Заговор дураков” А.Мариенгофа и “Одна сплошная нелепость”, арлекиада В.Шершеневича».

О времени события см.: Галушкин-2005, 2, 456.

Ср. также: Юсов-94, 31.

Июнь (?). Новониколаевский журнал «Сибирские огни» (№ 2, за май-июнь; рубрика «Искусство и жизнь») публикует статью В.П.Правдухина «Письма о современной литературе: Письмо первое».

Автор пишет:

«Вокруг Маяковского по-прежнему группируются те, кто зовет себя “футуристами” <...>. Их антитеза — правда, искусственная и нарочитая, — это поэты, зовущие себя “имажинистами” — Есенин, Мариенгоф и Шершеневич. Они объединились и, объявив себя “аполитичными”, надрываются и кричат, щеголяя своими образами, как малявинские бабы своими сарафанами. Между ними, в сущности, кроме этого, нет ничего общего, разве еще то, что они для прославления себя сообща устраивают свои литературные скандалы.

Сам Есенин мало-помалу меняет свои деревенские одежды. Порой его не узнать. И хоть пишет он в “Исповеди хулигана” (его последней книжечке перед поэмой “Пугачев”):

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа на плечах, –

хоть он по-прежнему вещает:

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай, —

но ему уже не веришь. Чувствуется, что он безнадежно (быть может, благодетельно для его будущего?) ранен изломами и изысками города, и, пока еще внутренне неокрепший, он, не нащупав новых ценностей, лишь потерял свою наивную, первичную певучесть, которая чаровала и нежила нас раньше в нем.

А теперь хожу в цилиндре
И в лаковых башмаках, —

это уже звучит какой-то неуловимой драмой для него как поэта и для всей его деревенской белесой фигуры.

Недавно вышла его поэма "Пугачев".

Он не назвал ее "поэмой", да и трудно отнести ее к этому виду поэзии. Это не поэма, это тем более не трагедия, хотя есть к созданию ее попытки.

Это произведение лишь новый этап его исканий, признак перелома форм его творчества.

Пугачев
Ох, как устал и как болит нога.
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?

Сильный стих, порой сильные образы и даже целые удачные монологи, однако, не дают в конечном счете ни живых людей, ни картин. И веет от них, как от второй строки приведенного стиха, в новых формах воскрешаемой ложноклассикой: едва ли речушка Чаган могла слышать от Пугачева термин "пространство", это не приемлется даже в поэзии. И эта ложноклассика — порой сильная, ядреная — напитывает собой и всю "поэму", представляющую из себя лишь интересный этап поэта, но не законченное поэтическое завершение.

Есенин — на распутьи».

См. Приложение.

О перепечатке статьи см.: до 15 апр. ... до 2 мая 1923, вторая запись.

Полемику с автором см.: сент. 1922, вторая запись.

Июль, 1. Есенин пишет из Дюссельдорфа в Москву А.М.Сахарову: «Родные мои! Хорошие!...

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?

Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и ебал я их тоже с высокой лестницы. Если рынок книжный — Европа, а критик — Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу. Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа. Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией?

Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к ебенейшей матери и навострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. Еб их проеби в распроебу. Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но на кой хуй все это, когда их никто не читает.

Сейчас на столе у меня английский журнал со стихами Анатолия, который мне даже и посылать ему не хочется. Очень хорошее издание, а на обложке пометка: в колич<естве> 500 экз. Это здесь самый большой тираж! Взвейтесь, кони! Неси, мой ямщик..... Матушка! Пожалей своего бедного сына...».

Есенин, VI, 139–141, 533–535.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3444) помещает анонимную заметку «А.Дункан едет в Америку» с подзаголовком «С нею и ее муж, "крестьянский сын" Есенин»:

«*Берлин, 30 июня*. "Я хочу открыть школу танцев в каждой стране. Задача правильного воспитания детей лежит в развитии их духа, а не мозгов. Только в таком воспитании залог прочного мира на земле".

Так говорила жена русского поэта Сергея Есенина, всемирно известная Айседора Дункан.

А.Дункан намерена посетить Америку. Ее приезд тормозится паспортными затруднениями.

С выходом замуж за русского она утратила свои права американского гражданства. С ней направляется и ее муж, поэт и скульптор <так!>, "крестьянский сын" Есенин».

См. Приложение.

Ср. также: 10 марта 1923, первая и вторая записи; 12 марта 1923, вторая запись; 29 марта 1923, четвертая запись; 2 апр. 1923.

В Брюсселе выходит французско-бельгийский журнал «Le Disque Vert» (№ 3) со статьей И.Г.Эренбурга «Русская литература в 1922 году: Неизданное письмо» во французском переводе М.Милославской, где говорится о Есенине:

«К счастью, Есенин, единственно выдающийся из поэтов-имажинистов, всё больше и больше освобождается от этой догмы <культа образа>. Он чутьем идет к ясности и строгости. В его последних поэмах "Пугачев" и "Страна негодяев" — некий цельный и безусловный мир. Он словно определяет особый деревенский характер русской поэзии. Стало быть, и в XX веке есть страна, которая рождает во плоти, без стилизации или археологии, поэтов Средневековья... В Европе его стихи должны вызывать ощущение горожанина, жующего в ресторане хлеб и услышавшего последовательно запахи: земли, зерна, зелени. Земледельческая образность, задыхания и разливы ритма, широкость строк, обилие нестесненных слов — всё это убито во Франции еще "Плеядой". У него заметно стремление первобытного человека одушевлять неодушевленные вещи. Всё, от луны и до машины, передано путем "очеловечения". (На Западе, наоборот, ищут внешних образов для выявления живого и человеческого)».

Вариант этой статьи был опубликован автором по-русски в журнале «Вещь» (1922, № 1/2) от имени француза Жана Сало (см.: Летопись, 3 (1), 299). Его текст использован здесь при обратном переводе с французского, выполненном Мишелем Никё.

В харбинской газете «Новости жизни» (№ 145) печатается статья И.М.Василевского «Молодая душа», где заходит речь о Есенине.

Откликаясь на берлинское выступление Вас. И. Немировича-Данченко (см.: 17 мая 1922, первая запись), журналист резюмирует:

«Благородный и добрый тон старого писателя <...> ласково согревает душу в нынешней эмигрантской атмосфере злобного шипения и клеветы.

История делает свое суровое дело, не справляясь с тем, нравятся или не нравятся нам, современным, ее пути. Именно этой неделикатной манеры держалась История в дни собирания Руси, и в эпоху Французской революции, и во времена Великого Петра.

<...> Как ни сурова, ни неудобна для некоторых, ни мучительна для многих наша эпоха, но какое-то огромное и стихийное дело совершается в наши дни.

И если злобно, по-стариковски брюзжит Бурцев с Ив. Буниным и Д.Мережковским и пр., кто не имеет в лексиконе иных слов о России, кроме слов "хамы", "сволочь", "германское золото" и т. п. – то это только доказывает, что рядом с живыми, молодыми, несмотря на возраст, людьми есть много людей без будущего, бывших, мертвых духом людей.

Это не опасно. Хозяином положения в России будет только Россия. <...>

Только те, кто сумеют сохранить бодрое и благородное отношение к нынешней, перерождающейся в муках России, будут жить с Россией и в России.

И будет месяц плыть и плыть,
Бросая вёсла на озёра, –

говорит в чудесном стихотворении <«Устал я жить в родном краю...»; цит. по памяти > молодой подлинно-русский поэт (Есенин), только что прилетевший на аэроплане в Берлин:

А Русь, всё так же будет жить,
Плясать и плакать под забором».

Июль, 1, 5, 17–21. Американская газета «Свободная Россия» (Чикаго, № 139, 141, 151–155) дает объявление своего книжного склада о наличии в продаже книг русских авторов, в том числе выпущенных в Берлине книг: Есенина «Пришествие. Октоих. Преображение», Есенина и др. «Товарищ. Инония (поэма) и др.», а также сборника «Поэзия большевистских дней» с его участием.

См. также: 28 и 30 июня 1922; 7–9, 11 и 14 авг. 1922.

Июль, 1 ... Июль, конец (?). Есенин пишет письмо С.Д.Головачеву (неизвестно).

О намерении написать Златому (т. е. С.Д.Головачеву) и Д.С.Айзенштату Есенин сообщает А.М.Сахарову 1 июля 1922 («...скажи, что я пишу им особо»), а в письме к А.Б.Мариенгофу (см.: около 20 (?) июля 1922) отмечает: «...я <...> писал Златому...».

См. также: Есенин, VII (3), 43, 44.

Июль, 2 или **3.** Есенин и А.Дункан выезжают из Дюссельдорфа в Кёльн.

Время события определяется датой телеграммы № 34, разрешающей супругам выезд в Бельгию (1 июля 1922; сведения о ней см. ниже) и датой пересечения ими германо-бельгийской границы (см.: 4 июля 1922).

Консульство Бельгии в Кёльне выдает Есенину и А.Дункан пропуск на посещение страны (с 5 по 20 июля 1922):

«Пропуск для поездки в Бельгию. Консул Бельгии в Кёльне разрешает господину Есенину Сергею и госпоже Айседоре Дункан, урожденному <нет отметки> предъявителю удостоверения личности <нет отметки> по национальности русскому, проживающему в <нет отметки>, прибывшему из Германии, направиться в Брюссель по железной дороге <нет отметки> по маршруту через Chapelle — Herbesthal. Основание: *<1 сл. нрзб.>* телеграмма Департамента № 34 от 1 июля 1922. Срок годности: пятнадцать дней, начиная с 5 июля 1922. Консул <подпись>.

Владелец пропуска обязан вручить его <кому, нет отметки>».

К пропуску приложена круглая гербовая печать: «Консульство Бельгии в Кёльне».

Хроника, 2, 57 (пер. с франц.). Воспроизведение оригинала документа — там же, вкл. между с. 64 и 65, рис. 1.

О времени выдачи документа см.: предыд. запись.

Июль, 3. В Москве И.В.Сталин пишет письмо «Всем членам Политбюро», где с оговорками поддерживает предложение Л.Д.Троцкого:

«Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе — наша задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения была бы организация самостоятельного, скажем, "Общества развития русской культуры" или чего-нибудь в этом роде. Пытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или какому-нибудь "казенному" учреждению — значит оттолкнуть молодых поэтов от себя и расстроить дело. Было бы хорошо во главе такого общества поставить обязательно беспартийного, но советски настроенного, вроде, скажем, Всеволода Иванова. Материальная поддержка вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима».

Цит. по: Галушкин-2005, 2, 456.

О предложении Л.Д.Троцкого см.: 30 июня 1922; 6 июля 1922, вторая запись.

К этому письму приложено заключение заместителя заведующего АПО ЦК РКП(б) Я.Яковлева о состоянии дел в литературе за 1921–1922 гг., в т. ч. о конкретных именах литераторов — «сочувствующие»: С.Городецкий, В.Брюсов, М.Горький, «пролетарские писатели», «футуристы» В.Маяковский, Н.Асеев, С.Бобров, «имажинисты» А.Мариенгоф, С.Есенин, В.Шершеневич и др., «Серапионовы братья», «сменовеховцы» А.Толстой, И.Эренбург, А.Дроздов и др.

Галушкин-2005, 2, 456.

Июль, 4. Есенин и А.Дункан пересекают границу Германии и Бельгии.

Дата события определяется по штампу пограничного пункта на пропуске, выданном супругам в Кёльне (Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 1). См. также: Хроника, 2, 259.

Московская газета «Правда» (№ 146) публикует статью Н.Осинского «Побеги травы (Заметки читателя)», где идет речь о Есенине.

Из третьей части статьи, озаглавленной «Новая литература: поэзия»:

«... Мы упомянули о Есенине. Остановимся теперь на нем, точнее, на последнем значительном его произведении — поэме в драматической форме "Пугачев". Есенин именует себя имажинистом. <...> Мы не собираемся протестовать против того, что он берет себя за одну скобку с А.Мариенгофом и В.Шершеневичем, с которыми по существу имеет мало общего. Чем скорее этот своеобразный и крупный поэт отделается от уз литературной кружковщины, тем лучше. <...> А "Пугачев" (обязательно через "о", а не через "ё" <см. обложку этой книги Есенина в Приложении>) показывает, что он движется вперед, растет, крепнет. <...> "Пугачев" Есенина — во всяком случае высоко талантливый набросок, если и не законченная во всех отношениях совершенная картина. Сделана попытка выявить внешнее выражение и внутренний пафос мятежной сти-

хии, изобразить ее как непрерывное течение одной реки, докатившейся от пугачевских времен до нашего времени.

Основной недостаток Есенина, вероятно, останется за ним и в будущем: он состоит в том, что яркости изображения, самостоятельности и новизне приемов описания не соответствует достаточная внутренняя содержательность — можно бы сказать, что это не картина, а декорация. Но и при такой оговорке Есенина уже и сейчас можно назвать талантливым поэтом, если же он избавится от юношеской наклонности к художественным парадоксам и к намеренным вывертам, перестанет задавать читателю ребусы, вроде: "казак не ветла на прогоне, и в луны мешок травяной он башку недаром сронит" — его можно будет назвать поэтом замечательным...».

Здесь же рассматривается творчество В.Кириллова, В.Казина, И.Филипченко, Н.Тихонова, А.Ахматовой, Н.Асеева.

О перепечатке см.: 1–7 авг. 1922.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 194) печатает реплику «Откровения великих людей» (подпись: Эмигрант):

«Всемирно известный поэт Есенин поместил в "Новой русской книге" (№ 5) очень "скромную", как и полагается, автобиографию. Осторожная редакция поспешила снять с себя всякую ответственность за ее содержание.

Есенин, между прочим, пишет:

"В Р.К.П. я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее".

Если Есенин левее коммунистов, то что же сказать о его новой жене, престарелой босоножке Айседоре Дункан? Где предел ее левизны?»

См.: 5 ... 24 июня 1922, первая запись.

Парижская газета «Последние новости» (№ 678) помещает статью П.Я.Рысса «"Натуральный" человек»:

«Молодой и талантливый писатель Есенин (ему 27 лет) не проводит бессонных ночей, терзаясь стыдом за содеянное, раскаиваясь в том худом, что он сотворил. Нет, это — духовно голый человек, первобытное существо, вероятно, даже не сознающее творимого им зла. В только что пришедшем номере 5 "Новой русской книги" Есенин, говоря о себе, сообщает: "В России, когда там не было бумаги, я печатал свои стихи вместе с Кусиковым и Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал просто где-нибудь на бульваре. Самые лучшие поклонники нашей поэзии — проститутки и бандиты. С ними мы все в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению".

Не думаю, чтобы это было простое озорство или способ снискать себе известность: всё же Есенин достаточно известен и не нуждается в том, чтобы, подобно репортеру из "Общего дела", попасть путем саморекламы в "писатели". Нет, это — просто примитивный человек. Из глуши провинции он попал в столицу восемнадцати лет, накануне войны. А через три года — революция, разрушение и гибель цивилизации в России, водворение царства грубейшего материализма (по Бухарину и Ленину) и затем — какое-то морально-безвоздушное пространство, когда поэты пачкают заборы, а бандиты — рукоплещут поэтам. <...>

Есенин вне морали и ее законов ("условностей"). Воспитанный в буре всеразрушающей революции, он в отроческом возрасте — оказался в зверином логове. И, водя приятельство с проститутками и бандитами, он не руководствуется мечтой о спасении заблудших <как это делали, по мнению автора статьи, писатели XIX в.>. Он и не бравирует своей "популярностью" в мире падших. Он просто, по звериному откровению, утверждает факт, не стыдясь его, не хвастая им, не осознавая его.

Вероятно, тигр рассказывает так своим детенышам, что сегодня он съел одного негра и одного негритенка. Это просто "естественное" состояние Есенина и ему подобных российских молодых людей, выросших в обстановке отсутствия признания и отсутствия факта культуры.

Подъемные машины в петроградских домах превращены в уборные, это — не стыдно; чего "стыдиться" дружбы с бандитами и апробации поэзии падшими женщинами? Стыд исчез вместе с культурой. И в тот день, когда Есенины начнут "стыдиться" и прекратят писать "о себе" вещи вроде приведенной выше, — очевидно, в России начнет создаваться мораль, хотя бы новая, хотя бы и времен праотца Ноя, преподавшего вразумительный урок морали сыну своему Хаму».

См.: 5 ... 24 июня 1922; 6 июля 1922, первая запись; 14 июля 1922, первая запись; 30 июля 1922; 17 сент. 1922, первая запись.

Июль, 5 ... 8. Чета Есениных через столицу Бельгии Брюссель прибывает в курортный город Остенде.

Время события определяется в соответствии с имеющимися фактическими данными (см.: 4 июля 1922, первая запись; 9 июля 1922, первая запись).

Останавливались ли супруги в Брюсселе по пути на курорт, неизвестно. Точная дата их приезда в Остенде не установлена.

Июль, 6. Парижская газета «Последние новости» (№ 680; подпись: Антон Крайний) публикует статью З.Н.Гиппиус «Лундберг, Антонин, Есенин»:

«Три легких силуэта. Каждого из этих людей, — не замечательных, но типичных для нашего времени, — я помню у истока <их> карьеры. И, может быть, мои "ума холодные наблюдения" покажутся любопытными.

Лундберг — называл себя моим "крестником". <...> мало-помалу я убеждаюсь, что это человек, не лишенный, может быть, способности, но <...> его точит и ест червяк безнадежного честолюбия слабых. <...>

Прикончил Лундберга некий Иванов-Разумник.

Этого Иванова-Разумника долго называли "обольстителем недоносков". Он таким и был, сидя в подполье, до дней своего торжества, т. е. торжества большевиков. Литературный критик, создатель "Скифов", — он в сердцевине своей тот же Лундберг, только похитрее и посмелее, а потому по приемам, по самой материи своей — родной брат Петерсу и Дзержинскому. Выйдя на свет, он стал заглатывать уже не одних недоносков, а "гениальных детей": Ремизова, Белого, Блока. <...>

Но когда-нибудь о Разумнике, о его большевизме, который довелось мне наблюдать собственными глазами, я напишу особо. <...>

О маленьком Есенине — всего несколько слов.

Кто-то привел его на одно из моих воскресений, в 15 или 16 году <см.: 15 марта 1915>, во время войны. У меня тогда собиралось множество "поэтической" молодежи. Есенин только что, чуть ли за день до того, явился в Петербург. Обыкновенный неуклюжий парень лет 18-ти, в "спинжаке" поверх синей рубашки. Видно, что наивничает, однако прожженный: уж он со стихами, уж он и о Клюеве, давнем протеже Блока, этом

хитрейшем мужичонке... Есенин рассказывает, что он с вокзала, пешком, прямо и отправился к Блоку... И что первой этой встречей остался недоволен <ср.: 9 марта 1915; 28 марта 1915, вторая запись> — не помню, почему.

Однако он скромничал тогда, смекнув, должно быть, что так пока лучше. Стихи его нам всем показались мало интересными, и он перешел к частушкам своей губернии, которые довольно долго распевал.

Затем он исчез. Выплыл уже в компании Сергея Городецкого, у так называемых "пейзанистов". Это была кучка поэтов-стилизаторов, в то время, в 15–16 годах, настроенных сугубо лженароднически и военно-патриотично. Есенина одели по-"пейзански": в голубую шелковую рубашку, завили ему кудри длинные, подрумянили. Живо приобрел он и соответствующий апломб. В наш кружок больше не являлся. Голубую рубашку и завитые букли этого "добра молодца" и "самородка народного" мне воочию пришлось видеть лишь раз, чуть ли не в Рел<игиозно>-Фил<ософском> Обществе, со всей его дикой компанией.

Последующая судьба Есенина совершенно ясна, логически неизбежна. Материя и сердцевина у него та же, что у Лундбергов <...>. Но эти долго выли или пищали по ночам, ожидая своего времени, Есенин же почти сразу же к своему времени подоспел. О "foi" <стыде *(фр.)*> и "loi" <совести *(фр.)*> он, может быть, и не слышал, только инстинкты у него и были. У Лундберга <...> долго имелись задерживающие центры. Да и до сих пор Лундберг не говорит вслух, что он — "величайший русский писатель". Есенин говорит, и с таким подозрительным спокойствием, что почти видишь его полное удовольствие. Так же, впрочем, говорит, что он хулиган и вор.

Он интересен как явление очень наглядное. Продукт химически чистый. На Есенине можно наблюдать процесс разложения и конечной гибели человека; нормально в человеке происходит процесс обратный, — развития личности. Любопытно, что никакие отдельные способности, — умственные, художественные или волевые, — не спасают от разложения: бескостное существо, человек без спинного хребта (без веры и закона) гибнет вместе с ними. Пропадом пропадает всё.

Страдания Есенина несложны. Страдал немножко, зарвавшись на спекуляции, когда его недавно поймали с вагоном соли и засадили в кутузку <ср., однако: Летопись, 3 (1), 91–94>. Но выпустили (еще бы, ведь не Гумилев!) — и памяти нет, опять пошли удовольствия, подвернулась заграничная дива с любовью, старовата, да черт ли в этом: для честолюбия "величайшего поэта" такой брак — взлет на головокружительную высоту. Известно, что чем ниже огонек сознания, тем уже потребности и тем легче достигается удовлетворение. В приюте для идиотов — как счастлив порой сосущий тряпку!

Ежели Есенины, — а ими все пруды "советской" России ныне запружены, — счастливее Лундбергов <...>, то они также и невиннее. Пусть на взгляд человеческий это самые обыкновенные негодяи. Но разве они знают, что такое негодяйство, — знали когда-нибудь? По слуху повторяют какие-то слова: я — вор, я — поэт, я — хулиган, — и все они для них равно без смысла.

Но вот эта упоенная самоудовлетворенность да некоторая невинность одни только и отделяют Есениных от Разумников, Лундбергов, Введенских, Ключниковых, Рейснеров и т. д. Главная сущность у всех та же самая; и как следствие, тот же происходит в них процесс: разжижение костного состава, разложение, потеря лица человеческого. Иначе и быть не может: человек без внутреннего стержня, без "foi" и "loi", без веры и закона, уже не человек. В лучшем случае он лишь никуда не годное человекообразное существо».

См.: 5 ... 24 июня 1922; 4 июля, четвертая запись; 14 июля 1922, первая запись; 30 июля 1922; 17 сент. 1922, первая запись.

В Москве на заседании Политбюро ЦК РКП (б) при рассмотрении вопроса о молодых писателях с небольшими изменениями принимаются все предложения Л.Д.Троцкого:

«“В качестве формы организации и поддержки молодых поэтов наметить в предварительном порядке создание художественного издательства (при государственной субсидии), которое в общем и целом находилось бы под контролем Госиздата, но имело бы беспартийный характер и давало бы вполне достаточный простор для всяких художественных тенденций и школ, развивающихся в общесоветском направлении”. Также было решено создать Комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество (в составе И.Ионова, Я.Яковлева и Н.Мещерякова)».

Галушкин-2005, 2, 456.

См.: 30 июня 1922; 3 июля 1922.

В московских «Известиях ВЦИК» (№ 148; раздел «Критика и библиография») — анонс:

«Госиздатом выпускаются <...> С.Есенин. Избранные стихи».

См.: 11 сент. 1922.

Июль, 9. Есенин пишет А.Б.Мариенгофу из Остенде в Москву:

«Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая “северянинщина” жизни, что просто хочется послать это все к энтой матери.

Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Бель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев. От изобилия вин в сих краях я бросил пить и тяну только сельтер. Очень много думаю и не знаю, что придумать.

Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь всё прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрей ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут.

Из всего, что я намерен здесь сделать, это издать переводы двух книжек по 32 страницы двух несчастных авторов, о которых здесь знают весьма немного в литературных кругах.

Издам на английском и французском. К тебе у меня, конечно, много просьб, но самая главная — это то, чтобы ты позаботился о Екатерине, насколько можешь. <...>

В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор. Мне всё это весело и забавно. Том свой продал Гржебину.

От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих. Ну да черт с ними, ибо все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной. Если ты хочешь сюда пробраться, то потормоши Илью Ильича <Шнейдера>, я ему пишу об этом особо. Только после всего, что я здесь видел, мне не очень хочется, чтобы ты покинул Россию. Наше литературное поле другим сторожам доверять нельзя».

Есенин, VI, 141–143.

В казанском «Литературном листке» (бесплатном приложении к газете «Известия ТатарЦИК»; № 1) — сообщение «Творческого бюро имажинистов»:

«В понедельник 10 июля 1922 г. в 1-й аудитории университета будет прочтен литературно-критический устный журнал “Окончательная истина” № 3.

<Из содержания:> *Стихи*: М.Березина — «Утро дней», С.Полоцкого — “Семениада”, С.Есенина, А.Кусикова, В.Шершеневича. <...> *Критика*: проф. В.Т.Дитякин — “Слово рожденное” (об имажинизме). <...> *Полемика*: А.А.Федоров — “Имажинизм умер”, С.А.Полоцкий — “Да здравствует имажинизм!”. *Обзоры*: (Анти)художественная Москва».

Читались ли на самом деле стихи Есенина на этом вечере, не установлено.

См. также: Крусанов, 2, 168, 523.

Июль, до 10. Чета Есениных находится в Остенде.

См.: 9 июля 1922 (первая запись) и след. запись.

Июль, 10 или **11.** Есенин и А.Дункан отправляются из Остенде в Брюссель.

Время события устанавливается в соответствии со след. записью.

Июль, 11. Чета Есениных приезжает в Брюссель.

Дата — по сообщению лондонской газеты «The Times» (12 июля 1922):

«Мадам Айседора Дункан прибыла вчера из Берлина <в действительности — из Остенде> в Брюссель».

Цит. по: IE, 85, 275 (примеч. 3).

В Москве проходит заседание «Комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество» при ЦК РКП(б).

Из решения комиссии:

«При организации беспартийного общества использовать практически существующую группу при “Красной нови”. В общество привлечь: а) Старых писателей, примкнувших к нам в первый период революции (Брюсов, Городецкий, Горький и т. д.), б) Пролетарских писателей (Ассоциация пролетарских писателей, Петербургский и

Московский Пролеткульт), в) Футуристов (Маяковский, Асеев, Бобров и т. д.), г) Имажинистов (Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т. д.), д) Серапионовых братьев (Всеволод Иванов, Шагинян, Никитин, Тихонов, Полонская и т. д.), е) Группу колеблющихся, политически неоформленных из талантливой молодежи (Борис Пильняк, Зощенко и т. д.), ж) Сменовеховцев (А.Толстой, Адрианов и проч.)».

Галушкин-2005, 2, 462.

См.: 30 июня 1922; 3 июля 1922; 6 июля 1922, вторая запись.

Московская газета «Известия ВЦИК» (№ 152) помещает статью Х.Херсонского «Конец имажинизма» (подпись: Хрисанф):

«...неудачники-гувернеры русской литературы подвергли имажинизм общественному и издательскому остракизму. Большой слой якобы "государственной мудрости", благодаря усилиям каких-то попечителей о народной трезвости, обратил свое глубокомысленное внимание на безобидную шавку и даже вступил с ней в драку. Авторитет шавки из-за этого необыкновенно чудесно вырос. Вполне домашнее и, в сущности, ручное существо стало всем казаться африканским львом с темпераментом Аттилы и "крепости Адамантовой".

И "шавка" логично приняла этот вызов. "Нас мало, но мы станем рычать громко, подобно львам, так что все подумают, что нас много, и нас станет много". <...> Их казалось много. И они оказали временно более заметное влияние на окрестную литературу, чем мы могли бы, быть может, ожидать. <...>

Было изобретательное, чисто формальное, узкое по своей теме, литературное течение, втекло оно в общий поток литературы и перестало быть оригинальным самим собою, но изобретательски оплодотворило многие молодые поэтические направления и группы.

А теперь остались двое. Один, бесспорно, талантливый поэт С.Есенин, и другой талантливый и умный человек Вадим Шершеневич. Остроумный. Около них еще несколько малозаметных».

Июль, 11 (?) ... 18. Есенин и А.Дункан получают официальное уведомление об условиях их въезда во Францию.

О верхней границе события см.: 18 июля 1922, первая запись.

М.Дести напишет:

«В июле 1922 г. Айседора и ее русский муж получили официальное уведомление, что во Францию их впустят только в том случае, если они не будут проводить красной пропаганды, и что полиция получила предписание держать их во время визита под строгим надзором. Айседора снова заявила, что не имеет никакого отношения к политике, что она просто хочет организовать в "Трокадеро" выступления и заработать деньги на свою школу в Москве».

Дести, 272.

Июль, 12. Московская газета «Правда» (№ 153; рубрика «Литература и искусство») помещает статью В.И.Блюма «О спецах от литературы», в которой заходит речь о Есенине:

«Во-первых, за последнее время зарегистрировано несколько доказательств <аполитичности писателей> со стороны развязавших свои языки (неверно истолкован был, благодаря политическому невежеству, НЭП) "стариков", вызвавшей энергический от-

пор — случай с Ю.Айхенвальдом, К.Чуковским и (увы!) М.Горьким. А во-вторых, в гуще аполитичнейших братьев-писателей поднимается волна... нетерпимости. Сунулись было в аполитичнейший берлинский "Дом Искусства" Есенин и Дункан и попробовали пропеть официальный гимн русского государства "Интернационал" — им устроили скандал <см.: с 12 на 13 мая 1922; 14 мая 1922 и др.>. Берлинский союз журналистов исключил из своей среды "накануне". В Париже союз русских писателей и журналистов за ту же вину извергнул А.Н.Толстого, А.Ветлугина и И.Василевского <см.: 20 мая 1922, третья запись>».

Читинская газета «Дальне-Восточный путь» (№ 181) публикует статью С.Третьякова «Пролетарские поэты: В.Казин», где идет речь о Есенине:

«Когда читаешь пролетарских поэтов, обычно диву даешься — какие это все хорошие интеллигенты, такие же вдумчивые, но и такие же по существу бесформенные, вобравшие в себя от "лучших общественных традиций", но в то же время лишенные (пусть даже несколько ограниченной) ударности.

И повествовательно-резонирующий Александровский, и подвально-грустный, надсонический Полетаев, и пай-мальчик Санников, добросовестно в четвертый раз после Маяковского, Шершеневича и Есенина, страдающий что-то длинное на тему о собаке, и другие — все они несут в пригоршнях слов своих... не хлеб, но лишь невыразимую тоску о хлебе насущном того искусства, к которому продирается на дыбы вставший класс производителей.

И один лишь среди них напоминает корчагу с заквашенным в ней хорошим нужным хлебом. Это — Казин».

Июль 12–14 (?). Есенин посещает Ф.Элленса и М. Милославскую на их квартире (1385, Chaussée de Waterloo, Bruxelles-Uccle) с предложением перевести сборник его стихотворений на французский язык.

На следующий день они втроем встречаются в отеле «Metropole», где переводчики принимают предложение поэта и получают от него аванс в 1000 франков.

События, их время и место устанавливаются с учетом сведений из книги Ф. Элленса «Documents secrets (1905–1956): Histoire sentimentale de mes livres et de quelques amities», Paris, 1958 (выявлены и сообщены Мишелем Никё).

Нижняя граница определяется в соответствии с датой приезда четы Есениных в Брюссель (см.: 11 июля 1922).

Июль, 13. Есенин пишет И.И.Шнейдеру в Москву:

«Если бы Вы меня сейчас увидели, то Вы, вероятно, не поверили бы своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Всё далось мне через тяжелый неврит и неврастению, но теперь и это кончилось. Изадора в сильном беспокойстве о Вас. При всех возможностях послать Вам денег, как казалось из Москвы,— отсюда оказывается невозможно. В субботу 15 июля мы летим в Париж <об отъезде во Францию см.: 18 июля 1922; 19 ... 24 июля 1922>. Откуда через "Ара" сделать это легче.

В одном пакете, который был послан аэропланн<ым> сообщ<ением> через бюро Красина, были вложены Вам два чека по 10 фунт<ов>. Один Ирме, другой моей сестре.

Получили ли Вы их?

Это мы сделали для того, чтобы узнать, можно ли Вам так пересылать вообще что нужно.

Милый, милый Илья Ильич! Со школой, конечно, в Европе Вы произведете фурор. С нетерпением ждем Вашего приезда.

Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне оч<ень> больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая ее окружает. Когда приедете, воздух немного проветрится.

К Вам у меня оч<ень> и оч<ень> большая просьба: с одними и теми же словами, как и в старых письмах, когда поедете, дайте, ради Бога, денег моей сестре. Если нет у Вас, у отца Вашего или еще у кого-нибудь, то попросите Сашку и Мариенгофа, узнайте, сколько дают ей из магазина.

Это моя самая большая просьба. Потому что ей нужно учиться, а когда мы с вами зальемся в Америку, то оттуда совсем будет невозможно помочь ей.

Самые лучшие пожелания и тысячу приветов передайте Ирме. Нам кто-то здесь сбрехнул, что вы обкомиссариатились. — ?

Приезжайте. Отпразднуем. О том, чтобы Вы выезжали, Вам послана телеграмма. Ехать нужно в Берлин, а оттуда Вас доставят "заказным" в Париж или Остенд.

Вот и всё. Поговорим больше, когда увидимся.

Езжайте! Езжайте. Дайте денег сестре. Возьмите стихи у Мариенгофа, адреса и много новых книг. Здесь скучно дьявольски.

Любящий Вас
С. Есенин».

Есенин, VI, 144–145.

См. также: 31 мая 1922, четвертая запись; 16 июля 1922, вторая запись; 21 июля 1922, вторая запись.

Июль, 13–15. А.Дункан выступает в оперном театре Ла Монне. В зале — Есенин.

12 июля газета «The Times» сообщила о том, что А.Дункан «даст там <в Брюсселе> три представления» (цит. по: IE, 85).

Из воспоминаний М.Дести:

«Айседора переехала в Брюссель, где с колоссальным успехом танцевала три дня в "Ла Монне", Бельгийском оперном театре. <...>

Айседора танцевала в Брюсселе за год до отъезда в Москву, но, крепко обидевшись на какие-то замечания по поводу ее костюма, в последний вечер выступила с характерной для нее речью, заявив, что бельгийцы лишены художественного вкуса и нечего перед ними бисер метать, а вот она едет в Россию, где сможет свободно себя выразить. Речь ее произвела огромный фурор: считали, что она никогда не решится снова прие-

хать сюда. Даже ее менеджер отказался организовать ей гастроли в Бельгии, если не получит дополнительного вознаграждения, но, к всеобщему изумлению, Айседора танцевала здесь в переполненных театрах. Она не только приехала в Бельгию как советская гражданка, но и была горячо принята и получила много изъявлений любви».

Дести, 271.

Л.Кинел расскажет:

«Я пробыла с Айседорой и Есениным целый месяц <точнее — около 20 дней>, прежде чем увидела ее в танце. Это произошло в Брюсселе, куда она была приглашена на три дня. <...>

Когда я попала в театр, он был переполнен народом, и атмосфера его была заряжена тем напряжением, которое обычно при ожидании крупной сенсации.

Раскрылся занавес. Сцена была пуста: в правом углу — рояль, за ним — пианист, по бокам — знакомые всем голубые занавесы Айседоры...

Затихли неизбежные перешептывания и шум, заиграл пианист. В противоположном углу раздвинулись голубые драпировки, появилась Айседора. < ...>

Разве можно забыть неповторимую грацию ее прекрасных рук, когда она как будто укачивала ребенка, грацию тех несчастных рук, которые так долго оставались пустыми? А вальсы Брамса? В особенности один, где Айседора в образе богини радости усыпает все вокруг себя цветами. Я могла бы поклясться, что видела на сцене детей... Но здесь не было ничего, кроме ковра... улыбалась танцующая Айседора, склоняясь в порывах счастья направо и налево... Это было настоящее волшебство...».

Кинел, 151–152.

Июль, 14. Газета «Рижский курьер» (№ 456; рубрика «Библиография») помещает заметку «От поэта до хулигана. Нов. Рус. кн. № 5» (подпись: Б. и Н. С.) – отклик на автобиографию Есенина.

См.: 5 ... 24 июня 1922; 4 июля, четвертая запись; 6 июля 1922, первая запись; 30 июля 1922; 17 сент. 1922, первая запись.

Московская газета «Известия ВЦИК» (№ 155) помещает рецензию П. Логинова на книгу стихов П.И.Карпова «Звездь» (М.: Поморье, 1922) с упоминанием Есенина:

«Стихи Карпова — большей частью без заглавий. Их темы — самые разнообразные, но они не выходят за пределы интимных переживаний автора, который, по-видимому, сам о себе говорит: "Укрылся я листвою восторга и лесов, под грозный ропот хвои, под хохот звезд и сов".

Много у Пимена Карпова от Сергея Есенина, но по форме он проще гораздо, и бурные восторги перед землей и животворящей природой он воспевает в более скромных и нежных красках...».

Июль, 15. Есенин надписывает свою фотографию:
«С. Есенин 1922 Брюссель июл<ь> 15».

Воспроизведение снимка — IE, илл. между с. 252 и 253 (л. [18]).

См. также: 29 июня ... 3 июля 1922.

Есенин читает друзьям А.Дункан и Е.Дункан в отеле «Metropole» отрывки из «Пугачева», в частности, монолог Хлопуши.

Дата события устанавливается по сопоставлению воспоминаний Л.Кинел (см. ниже) с сообщением газеты «The Times» от 12 июля 1922 (см.: 13–15 июля 1922).

«Только в Брюсселе я поняла всё великолепие его декламации. После последнего выступления Айседоры у нас был неофициальный прием в отеле. На нем присутствовала сестра Айседоры — Елизавета, которая приехала с подругой из Берлина, чтобы посмотреть, как танцует Айседора, управляющий мистер Исайя, аккомпаниатор, несколько друзей, Есенин и я.

Айседора, одетая в одну из своих греческих туник, ужинала полулежа на кушетке. Она была красива и выглядела очень молодо. Это был восхитительный ужин, и у всех было задорное настроение. Даже Есенин, который не мог принять участия в общей беседе, улыбался, был любезен и весел.

После ужина он согласился по просьбе Айседоры почитать. Он ушел в дальний угол комнаты, повернулся к нам лицом и начал. Он взял отрывки из своей драматической поэмы "Пугачев" — этого рассказа о знаменитом казачьем мятежнике. <...> "Пугачев" считается наиболее важной работой Есенина и представляет собой законченную драму в восьми сценах.

Я была ошеломлена. Есенинский голос — голос южнорусского крестьянина, мягкий и слегка певучий, — передавал изумительный диапазон переживаний. От нежной ласкающей напевности он возносился до диких, то хриплых, то пронзительных выкриков. Есенин был Пугачевым — измученным крестьянином... долго страдавшим, терпеливым, обманутым, а потом — неистовым, хитрым, страшным в своем гневе и требующим свободы и мщения... и потом, в конце, когда его предали, — покорным, покинутым... Есенин-Пугачев выражал недовольство шепотом, вел неторопливый рассказ, будто пел песню. Он же орал, плевался, богохульствовал. Его тело раскачивалось в ритме декламации, и вся комната словно вибрировала от его эмоций. Потом, в конце, побежденный, он — Есенин-Пугачев — съежился и зарыдал.

Мы сидели молча... Долгое время никто из нас не мог поднять рук для аплодисментов, потом они разразились вместе с диким шумом и криком... Только я одна знала русский и могла понять смысл, почувствовать мелодичность его слов, но все остальные восприняли силу переживаний и были потрясены до глубины души...».

Кинел, 152.

См. также: Есенин, III, 474–475; IE, 87–88.

Парижский журнал «Clarté» (№ 17) помещает статью В. Сержа «Русские писатели и революция» («Les Écrivains Russes et la révolution»; помета: Kiev, mai 1922) с упоминанием «Инонии» Есенина.

Выявлено и сообщено Мишелем Никё.

Июль, до 16. В Берлине выходит журнал «Сполохи» (№ 9, за июль) со статьей А.М.Дроздова «Мысли о здоровом».

Граница события устанавливается по объявлению книготоргового акционерного общества «Логос» о поступлении номера в продажу (Нак., 1922, 16 июля, № 82, лит. прилож. № 9).

Автор пишет:

«... в те дни <в дни революции> <...> из поэтов от баррикад выдвинулся Герасимов; от деревни окреп Есенин, от города — ныне погасший Маяковский, от поэзии старой — Блок. <...>

Сегодняшний день отмечен в календаре русской словесности красною праздничною датой: началось братание двух русских литератур: литературы, живущей в шалашах родины, и литературы, бьющейся на мостовых иностранных столиц. <...>

Братание началось: из России приехали Белый, Ремизов, Амфитеатров, Есенин, приехал и уехал домой Пильняк <...>. Всё чаще на книжном рынке Берлина пестрят обложки с именами любимыми и именами новыми, которых нельзя не любить».

Июль, первая половина (?). Есенину из Москвы пишет А.Б.Мариенгоф:

«Милостивый государь

Сергей Александрович, честь имею довести до Вашего сведения, что Вы самая определенная сволочь. Так-так: без дураков (и никакого "заговора").

В самом деле — грамоте, что ли, ты, сукин сын, разучился. И как это тебя не прорвало: 3 месяца и ни одной-таки строчки.

Я уже и отпутешествовался (по Персии!), и собрал и подготовил к печати 12 томов персидских "песен и сказок" <Мариенгоф иронизирует над опубликованной в № 4 журнала «Новая русская книга» "информацией" о себе, присочиненной Есениным (см.: 2 или 3 июня 1922)> и еще тысячу тому подобных дел переделал.

Одним словом, жизнь наша не ключом, а фонтанищами бьет, чревата событиями и происшествиями. Ты, на сие, конечно, рассчитывая, решил, что письма мои много занятнее твоих и стал ожидать увлекательного повествования о моей персоне и о житье-бытье оной персоны. Так, что ли?

Шутки в сторону: с самого что ни на есть начала свинить ты стал основательно.

Кудластая твоя морда, неужели мне надо по "Накануне" или, скажем, по "Рулю" о "наших за границей" сведения выскрёпывать. Да и помимо литературки (не говорю: поэзии!) есть и другое, что меня премного занимает и трогает. Это "другое" — суть: милостивый государь Сергей Александрович Есенин. О нем желаю знать: всё и доподлинно. Так сказать, родную осину пересадили в землю африканскую, а мы и понятия не имеем — какое действие возымели: новые климаты на родную осину и родная осина на новые климаты?..».

Письма, 220–221, с неверной датой («Июнь 1922 г.»).

Время события корректируется по словам А.Мариенгофа из этого письма: «...3 месяца и ни одной-таки строчки» — с учетом ответного письма Есенина из Парижа (см.: около 20 (?) июля 1922).

Июль, 16. Берлинская газета «Руль» (№ 494) помещает объявление магазина «Русский книжный салон» о книгах, полученных из России, в том числе о «Пугачеве» Есенина.

Какое именно издание поэмы — московское или петроградское — пришло тогда в Берлин, в объявлении не указано.

В Москве И.И.Шнейдер сообщает А.В.Луначарскому о возможности поездки школы А.Дункан, включая И.Дункан и 20 детей, в Америку:

«Тов. А.Дункан шлет мне телеграмму за телеграммой, в которых сообщает подробности нашего маршрута, отъезда в Америку и пр., и запрашивает неоднократно список едущих детей, а также организовывает всё возможное, чтобы перевести нам как-нибудь две с половиной тысячи долларов, необходимых нам для выезда и для того, чтобы оставить какие-нибудь средства здесь Школе. В то же время, несмотря на посланное Вами письмо т. Яковлевой <В.Н.Яковлева возглавляла тогда Главное управление по профессионально-техническому образованию — Главпрофобр>, до сих пор ничего неизвестно об официальном отношении Коллегии Наркомпроса или Главпрофобра к данной поездке. <...> представител<ь> Главпрофобра <...> не удержался от того, чтобы в офи-

циальном разговоре, который вел, коснуться опять всех тех вздорных сплетен и слухов, распространявшихся одно время самой дурной частью так называемого общества вокруг имени Айседоры Дункан, к которой они относились по вполне понятным причинам враждебно. Не буду Вас затруднять перечислением архиглупых сплетен, отчасти известных Вам от самой А.Дункан, которая всегда с улыбкой выслушивала подобные вести, если ей кто-либо их передавал. Я утверждаю только, что "оргий", "выстрелов", "скандалов" (выражения предст<авителя> Главпрофобра) в Школе никогда не было и быть не могло, несмотря на то, что даже "в Главпрофобре известны такие факты". Стыдно за государственное учреждение, которое работу обывательских кумушек регистрирует у себя за "факты". Больно за великую артистку и женщину, гостью Советской России, где зарвавшиеся чиновники новейшей формации уже, так сказать, "официально" оскорбляют А.Дункан <...>.

Надо же наконец понять, что дело слишком серьезно, что нам придется наверстывать телеграфной перепиской каждый уходящий теперь день, надо же Главпрофобру или Коллегии Наркомпроса сказать сейчас: "да, пускаем", или "нет", если только требуется их разрешение на эту поездку, когда у А.Дункан есть Ваша личная санкция и согласие, а этого, кажется, слишком довольно при существующих теперь правилах выезда и согласия со стороны родителей детей.

<...> необходимо это решить сейчас, так как, согласно новому маршруту, который мне прислала Дункан (через Лондон), нам, может быть, придется выехать уже в первой половине августа, а с е й ч а с уже вторая половина июля».

Есенин, VI, 541–542; разрядка автора.

См. также: 31 мая 1922, вторая запись; 21 июля 1922, вторая запись.

Г.А.Бениславская в Москве записывает в дневнике:

«"Она вернется?" — "Через год, сейчас в Бельгии, детей на год везут за границу!" — так ответили по тел<ефону студии Дункан>. Значит, и он тоже. А год — иногда длиннее жизни. Как же ждать, когда внутри такая страшная засуха? Что же делать? Надо идти в школу авиации, это единственное, что может заполнить жизнь, иначе велик соблазн и мало сил для борьбы с ним; и в школу нельзя — не выдержу физически. Но что же, куда же, зачем — ничего не знаю. Страшно, очень страшно. О-чень!».

Материалы, 109.

Июль, 16 ... Август, 19. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 6) с материалами, где идет речь о Есенине:

— анонимным откликом на книгу Н.А.Клюева «Четвертый Рим»:

«Стихотворение Клюева (150 строф), почему-то удостоившееся издания отдельной книжечкой, всё построено на той теме, что Клюев не хочет быть Есениным. С.Есенин заявил: "А теперь хожу в цилиндре и в лаковых башмаках"; а Клюев настойчиво повторяет: "Не хочу быть знаменитым поэтом в цилиндре и лаковых башмаках". Ходит ли Есенин в лаковых башмаках, а Клюев в лаптях, это их дело семейное и, право, ни для кого, кроме разве неврастенических девиц из "поэтесс" и безусых снобов из "скифов", не интересное»;

— содержанием третьей книги журнала «Красная новь» (1922), среди авторов которой обозначен Есенин (рубрика «Книги, присланные в редакцию для отзыва»);

— объявлением РУИ о выпущенных им книгах, последней из которых названа книга Есенина «Пугачев» (цена — 40 марок).

Нижняя граница события устанавливается по имеющемуся в издании объявлению о поступлении в продажу июльского номера журнала «Сполохи» (№ 9), о выходе которого см.: до 16 июля 1922. Верхняя граница определена по объявлению о поступлении № 6 НРК в продажу (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 20 авг., № 1037).

Июль, 17. Московский журнал «Эрмитаж» (№ 9; за 17–20 июля) публикует статью А.Мариенгофа памяти поэта — «Велимир Хлебников», где упоминается Есенин:

«Весной 1920 года я и Есенин приехали в Харьков для устройства имажинистского вечера...».

Июль, 18. Консульство Франции в Брюсселе разрешает Есенину и А.Дункан въезд во Францию.

Сведения об этом разрешении содержатся в виде отметки на паспорте № 1028 для поездки в Америку, выданном Есенину русским консульством в Париже (13 сент. 1922):

«Удостоверяющие документы: пропуск, выданный Консульством Франции в Брюсселе 18 июля 1922 № 981».

Хроника, 2, 61 (пер. с фр.). Воспроизведение см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 5.

«Разрешение было получено при содействии ее близкой подруги, знаменитой актрисы и признанной красавицы Сесиль Сорель, а также министра просвещения Франции, который всегда был другом Айседоры».

Дести, 272.

Газета «Владиво-Ниппо» (Владивосток, № 605) в рубрике «В литературном мире Совроссии» печатает статью «Беседа с поэтом Есениным».

Это — перепечатка фрагментов интервью «У С.А.Есенина (Беседа)» (см.: 16 мая 1922, вторая запись).

Июль, 19 ... 24. Чета Есениных прибывает в Париж.

Нижняя граница события устанавливается в соответствии с первой записью от 18 июля 1922, а его верхняя граница — по сведениям об интервью А.Дункан парижской газете «Excelsior» (см.: до 25 июля 1922).

Июль, после 19 (или после 24) ... Август, до 1 (?); или Сентябрь, до 25. Есенин фотографируется в Париже.

Есенин, VII (3), [166], фото № 68.

На снимке — помета: «Zellot». Возможно, это название фотостудии.

Время события указывается ориентировочно в соответствии со сроками пребывания поэта в Париже. См. Приложение.

Известно несколько вариантов этой фотографии: анфас и поколенный снимок с опущенными на колени руками. Оригиналы двух вариантов (ГЛМ) были описаны в публикации Л.Алексеевой и Е.Филатовой «Чудесное наследство»:

«На парижской фотографии 1922 года он совсем другой: гордая, напоминающая пушкинскую на известном портрете Кипренского, поза (поворот головы, сложенные на груди руки).

Два портрета — два мига жизни поэта, запечатленные фотообъективом контрасты света и тени, радости и боли — удивительно емко и точно передают всю сложность поэтической индивидуальности Есенина».

Журн. «Советский музей», М., 1985, сент.-окт., № 5, с. 59.

Июль, около 20 (?). Есенин пишет А.Б.Мариенгофу:

«Дура моя — Ягодка!

ты тоже сволочь из сволочей. <...> Дюжину писем я изволил отправить Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу. Итак, начинаю. Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы!

Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью <...>.

Да, мой друг рыжий, да! Я писал Сашке, писал Златому, и вы "ни тебе, ни матери". <...>

О, я узнал теперь, что вы за канальи <...>

Ну, так вот единственно из-за того, что вы мне противны, за то, что вы не помните меня, я с особым злорадством перевел ваши скандальные поэмы на англи<йский> и франц<узский> яз<ыки> и выпускаю их в Париже и в Лондоне в кол<ичестве> 6000 экз. А чтоб вас больше оскандалить, подкупим газетных рецензентов. Уж они вам покажут е.... в... м.....

В сентябре всё это вам пришлю, как только выйдут книги. <...>

Адрес мой для того, чтобы ты не писал:

Paris, Rue de La Pompe, 103.

Где бы я ни был, твои письма меня не достанут».

Есенин, VI, 145–147, 543–546.

Является ответом на письмо А.Мариенгофа (см.: первая половина (?) июля 1922).

См. также: 25 июля 1922, вторая запись.

Июль, 21. Газета «Петроградская правда» (№ 161) помещает статью И.И.Ионова «Из берлинских впечатлений: Эмигранты», где излагаются события, происшедшие во время (и после) берлинского вечера с участием Есенина.

Подробнее см.: 1 июня 1922, четвертая и пятая записи; 2 июня 1922, пятая запись; после 2 июня 1922.

Через несколько месяцев без указания на источник рижская газета «Сегодня» (1922, 10 окт., № 228; рубрика «Пыль богемы: (Берлинские заметки)», без подписи) изложит содержание статьи И.И.Ионова, устранив при пересказе политические акценты автора:

«Сильное действие имажинизма: известный писатель Г.Гребенщиков перед публичным выступлением Есенина в Берлине преподнес ему свой роман "Чураевы" с трогательной надписью. Но после есенинского выступления Гребенщиков потребовал обратно книгу или, по крайней мере, страницу с надписью. Как известно, имажинистом Есенин стал только во времена большевизма, и новая его физиономия Гребенщикову была неизвестна.

На просьбу Гребенщикова Есенин ответил, что подарков он не возвращает».

См.: 1 июня 1922, четвертая запись; 2 июня 1922; после 2 июня 1922.

В Москве президиум Коллегии Наркомпроса отказывает школе А.Дункан и ее руководителю И.Дункан в поездке за границу.

Решение этого органа под председательством наркома А.В.Луначарского от 21 июля 1922 г. гласит: «Гастрольную поездку школы <А.> Дункан в Америку признать нежелательной».

Есенин, VI, 542.
См. также: 31 мая 1922, вторая запись; 13 июля 1922; 16 июля 1922, вторая запись.

Июль, 23. Берлинская газета «Руль» (№ 500) публикует рекламное объявление:

«Русское Универсальное Издательство»: «На днях поступят в продажу <...> С.Есенин. Пугачев. Поэма».

Чешская газета «Lidové listy» (Прага, № 165) помещает статью Ф.Фиалы (F.Fiala) «Русская литература при большевистской власти» (подпись: F.S.Horák), где идет речь о Есенине.
Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Июль, 24. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3467) помещает материал под шапкой «Айседора Дункан изобрела танец бровей и глаз. Этот танец будет ею исполнен в Париже в пользу ее московской школы танцев»:

«Известная танцовщица Айседора Дункан и ее супруг, русский поэт Есенин официально уведомлены французским правительством, что не имеется никаких препятствий к их пребыванию во Франции, если они не будут заниматься "красной" пропагандой, для каковой цели за ними будет установлен строжайший полицейский надзор.

Айседора Дункан собирается дать в парижском Трокадеро ряд гастролей в пользу школы танца, основанной ею в Москве.

Отличительной чертой этих гастролей будет исполнение Айседорой Дункан нового своеобразного танца, в котором все движения делаются только бровями и глазами. Тело танцовщицы, не считая некоторых ритмических жестов руками, во все время танца остается неподвижным».

Июль, 24 ... Август, 12. Русское универсальное издательство в Берлине выпускает книгу Есенина «Пугачев».
Юсов-94, 33.
См. Приложение.
Отклики см.: 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб. 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Июль, до 25. А.Дункан дает интервью парижской газете «Excelsior», в котором идет речь о Есенине.
Точная дата этого события не выявлена.
См. след. запись.

Июль, 25. Варшавская газета «За свободу!» (№ 212) помещает анонимную реплику «На лету»:

«М-me Есенина приехала в Париж и вновь превратилась в прежнюю Айседору Дункан. В беседе с корреспондентом "Эксцельсиора" красная босоножка поведала о своих разочарованиях.

Оказывается, что она поехала в Россию, ибо наскучила жизнью в Европе, и надеялась найти там новую правду. Но на поверку оказалось, что у большевиков очень ма-

ло оригинальности. А главное, большое неустройство. Она хотела, например, открыть школу пластики для 1000 детей, а вышло, что помещения и постелей не хватило и на 50.

И вообще, бедная босоножка убедилась, что большевики истребили буржуазию только для того, чтобы занять ее место. И теперь большевиствующая бюрократия усиленно копирует быт и манеры прежних владеющих классов.

О своем браке с молодым Есениным босоножка доверчиво поведала, что муж ее не знает никакого языка, кроме русского, а сама она — не знает ни слова по-русски; однако ж они ухитрились объясниться при помощи мимики, взглядов и — рисунков (!!).

Это, конечно, более чем оригинально. В оперетке "Гейша" поется:

По-японски не знал,
По-английски он врал,
Но любовный язык так понятен...

А тут, оказывается, понадобились — рисунки!..

Как бы то ни было, но Айседора "очень жалеет бедных русских крестьян и рабочих", существующих под властью большевиков, и теперь уже счастлива-пресчастлива, что вырвалась из этого "рая варваров" и нашла во Франции "истинное свое отечество".

Что-то будет говорить теперь Анатолий Луначарский?».

Журнал «Театральная Москва» (1922, № 50, за 25–30 июля; рубрика «Книга и пьеса») сообщает об участии Есенина в продвижении произведений своих друзей-имажинистов на международную сцену:

«Американская мелодрама Вадима Шершеневича "Дама в черной перчатке" и трагедия Анатолия Мариенгофа "Заговор дураков" переведены на английский язык и готовятся к постановке в Лондоне и Нью-Йорке. Договорные условия с антрепренерами подписаны, по доверенности авторов, находящимся в настоящее время за границей поэтом Сергеем Есениным».

Эти сведения, скорее всего, восходят к информации из письма Есенина А.Мариенгофу (см.: около 20 (?) июля 1922).

Сведения о постановке этих пьес в Европе и Америке не обнаружены.

Московский журнал «Эрмитаж» (№ 11, за 25–31 июля) публикует в извлечениях письмо Есенина к А.Мариенгофу из Остенде.

Текст см.: 9 июля 1922.

Харбинская газета «Новости жизни» (№ 140) с большим запозданием сообщает в рубрике «Последние известия»:

«Из Москвы в Берлин прилетели на аэроплане Айседора Дункан и С.Есенин. В тот же день они посетили редакцию "Накануне" и в оживленной беседе поделились своими интересными впечатлениями».

См.: 11 мая 1922, с 1 ч. дня, первая запись.

Июль, 27. Г.А.Бениславская пишет А.Г.Назаровой из Покровского-Стрешнева в Москву:

«Милая моя Анечка, здравствуй!

<...> Читали мы автобиографию ("Краткую" — действительно очень краткую) С.Есенина в "Новой русской книге" <см.: 5 ... 24 июня 1922>. Написана смешным дет-

ски-официальным языком (классное сочинение на тему: "Что вы лучше всего помните из своей жизни?"). Нового почти ничего. Но всё же прочесть было интересно».

РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 150.

Парижская газета «Последние новости» (№ 697; рубрика «Хроника») под заголовком «Айседора Дункан в Париже» с опозданием сообщает:

«Айседора Дункан с мужем, совет<ским> поэтом Есениным, прибыли в Париж».

Из воспоминаний М.Дести:

«...Айседора прибыла из Брюсселя в Париж. Она и Сергей провели <затем> два очень счастливых месяца в Париже, совершая поездки в Италию и другие места, и всё это для ознакомления Сергея с миром. Много времени и сил положила она на организацию перевода и публикацию стихов Есенина. Всюду в их честь устраивались приемы, и она была счастлива, как школьница. Сергей вел себя ангельски и интересовался только своими стихами и работой».

Дести, 272; IE, 276.

См. также: 18 июля 1922; 19 ... 24 июля 1922; до 25 июля 1922.

Июль, 28. Самарская газета «Коммуна» (№ 1085; подпись: Г-14) помещает статью Л.Гринберга «Нашла настоящую родину», посвященную Есенину и А.Дункан:

«Некоторое время назад мы отозвались на страницах нашей газеты на тот шум, который подняла эмигрантская, сменовеховская, а с нею и значительная часть русской печати вокруг "литературно-художественного" брака поэта Есенина и знаменитой босоножки Айседоры Дункан <см.: 16 июня 1922, третья запись>.

Этому союзу, протекавшему в условиях скандала или пикантной сплетни, приписывалось определенно символическое значение. Новая-де Россия обручается с лучшей передовой частью Запада, сумевшего понять ее идеалы, полюбить ее революционный, своеобразный лик.

Дункан — это свежая струя в западном искусстве, это воплощенная танцующая идея.

Сергей Есенин, крестьянский сын — это преображение революции в поэзии, это облагороженная Азия, это Пугачев, говорящий аллитерациями и ассонансами.

Вместе — это чуть ли не мост, по которому тоскующий зарубежный интеллигент перешагнет через пропасть непонимания, отделяющую ее от покинутой родины, и падет в объятья России.

Не "Советской" России, ни-ни, а той туманной, "единой и неделимой" России, где на одном конце темный, загадочный народ, по-животному борющийся за жизнь и кусок желудевого хлеба, а на другом — острый и пряный в своих "изысках" поэт, сумевший перелить элементы крестьянского быта в вычурные образы имажинистских стихов.

Первые интервью, которые давала эта парочка, прилетевшая в Берлин на аэроплане, дышали гордостью непосредственных очевидцев.

"Вот, дескать, мы сами все видели. Были в Москве, самой настоящей, и не умерли с голоду. У нас даже лучше, чем в Европе".

Это говорил Есенин, причем принимал воинственный вид и начинал свистать в четыре пальца, приговаривая: "Нас не пересвистишь! Мы, русские, первые хулиганы в мире".

А Айседора Дункан кивала головой с седеющими кудрями и томно ворковала по-английски:

— "I love him so much", что значило: "Ах, как я люблю Есенина!"

Эти разговоры и скандалы в берлинских кафе восторженно комментировались в "Накануне", причем даже воркованию увядающей дивы придавалось этакое международное значение.

Это, мол, Новая Англия любит Новую Россию!

Но вот парижское радио принесло нам новое интервью, самое последнее — журнала "Эксцельзиор" <см.: 25 июля 1922, первая запись>.

Это интервью так непохоже на берлинские разговоры Дункан о прелести холодной России.

Но зато оно так цельно и естественно, что ему гораздо больше верится.

"Айседора Дункан, — пишет корреспондент "Эксцельзиора", — наскучила европейской жизнью и отправилась в Россию в надежде найти там что-нибудь новое и истинное". "<...> В России она вышла замуж за одного молодого русского поэта, понимающего только по-русски. Она же говорит лишь на французском и английском языках. Супруги объясняются посредством мимики и знаков. Айседора описала страдания рабочих и крестьян под советским режимом. Она пришла к заключению, что Россия — страна дикости. Только в Париже она нашла настоящую родину".

Мы с самого начала справедливо сомневались, что Айседора имела хороших переводчиков в Берлине в лице "накануновской" эмиграции.

Они совершенно ложно понимали ее "мимику и жесты" как признание Советской России.

Она не могла приветствовать страну, "где царит такой ужасный режим", где нет сносных квартир, а эти "мизерабельные пейзаны и увиеры" (бедные рабочие и крестьяне) не могут попасть на концерт Дункан в Большом театре.

И только в Париже, на легком и богатом французском языке г-жа Дункан нашла, наконец, возможность высказаться и дать понять себя. Ну да, конечно, Россия — страна варваров! А то, что ей приглянулся молодой белокурый варвар, которого она увезла в качестве ручной обезьянки с собою в Европу, — то каждая парижанка, читательница "Эксцельзиора", особенно бальзаковских лет, поймет г-жу Дункан и простит ей...

Мы тоже понимаем г-жу Дункан и прощаем ей всё сказанное о Советской России.

Она не виновата, что не знает русского языка, а любезные переводчики из "Накануне" переусердствовали. Она нашла свою настоящую родину и настоящий язык.

Подождем еще немного, пока "крестьянский сын" и "лучший в России поэт" научится французскому языку. Может быть, он тоже тогда заговорит иначе».

Харбинская газета «Свет» (№ 950) помещает рецензию Б.Бродского на книгу Ф.В.Иванова «Красный Парнас» (Берлин, 1922):

«...Талантливая книжка Федора Иванова ставит задачей познакомить читателей с крупными литературными произведениями, появившимися в последние годы в России, с отношением отдельных писателей к темам, рожденным современностью, к современной стихии и в связи с нею — с судьбами России. <...>

Каждый писатель приемлет по-своему великую революцию. Темы ее стихийности выявляет Блок, духовную сущность потрясений пытается осознать Белый. Религиозное оправдание революций дают поэты "селянской Руси" — Есенин и Клюев — поэзия религии третьего Спаса».

Автор рецензии тогда жил в Берлине. Поэтому не исключено, что данная публикация есть не что иное, как перепечатка из какого-то берлинского издания, источник которой не выявлен.

См.: до 30 апр. 1922; 30 апр. 1922, вторая запись.

См. также: РЗЕ, 2, 153.

Июль, до 30. В петроградском издательстве «Колос» выходит книга Иванова-Разумника «Творчество и критика: Статьи критические 1908–1922», где идет речь о Есенине.

Галушкин-2005, 2, 475.

В сборник вошли статьи, содержащие размышления критика о творчестве Есенина:

— «Поэты и революция» (подробнее см.: 14 ... 20 дек. 1917);

— «"Три богатыря"» (подробнее см.: 1 февр. 1922);

— «"Мистерия" или "буфф" (О футуризме)» (подробнее об этой статье, вышедшей отдельной книгой под названием «Владимир Маяковский: "Мистерия" или "буфф"», см.: до 14 мая 1922).

Июль, 30. Литературное приложение № 11 к берлинской газете «Накануне» (№ 94) публикует статью И.М.Василевского (подпись: Не-Буква) «Писатели о себе (Человеческие документы революционной эпохи)» с оценкой автобиографии Есенина:

«1. Истерические голоса

Новые "человеческие документы" в отделе "Писатели о себе" в пятом номере "Н.Р.К." посвящены на этот раз двум крестьянам: Ивану Наживину и Сергею Есенину. <...> одна черта оказывается у них общая: это, как ни странно,– истеричность, повышенная, болезненная нервность. <...> один из них левый, другой правый, но истеричны они оба в равной степени. <...> вместо спокойной уверенности тона, вместо неторопливой истовой силы, оба эти представителя чернозема российского, один слева, другой справа, предъявляют читателю только интеллигентские выкрики и неврастенические возгласы <...> "Просят не стрелять!.." <и т. д.>. <...>

2. Автоимажинизм

Любопытны бытовые черточки автобиографии С.Есенина. <Далее приводятся выдержки из нее о детстве поэта — в частности, эпизод с просфорой; см.: Есенин, VII (1), 11>.

Черточка быта яркая и по-своему даже художественная. Но каким странным тоном рассказывает об этом С.Есенин!

Он любуется такого рода озорными номерами, кокетничает этим, как и описанием того, как он вместе с Кусиковым и Мейергофом <так!>, за отсутствием бумаги, "печатал свои стихи на стенах Страстного монастыря" <...>.

Быль молодцу не в укор. "Все мы в молодости птичьи гнезда разоряли", — как говорил в свое время Николаю II Григорий Распутин. Но если Есенину и впрямь удастся выработаться в большого поэта (надежды на это имеются, и очень серьезные!), — то произойдет это не п о т о м у, что он умел тибрить две копейки с просфоры или вести дружбу с проститутками и бандитами, а н е с м о т р я на все эти обстоятельства, о которых он неизвестно для чего так горделиво и кокетливо рассказывает. Хвастать здесь нечем, собственно говоря. <...>

Гораздо значительнее и интереснее в автобиографии С.Есенина те места, в которых он не касается ни проституток, ни бандитов. <...> Молодость русского поэта прошла ярко и содержательно. Дай Бог и дальше не хуже.

Странный тон кокетства тем, что касается "проституток и бандитов", отразившийся <...> в биографии Есенина, часто сказывается и в стихах поэта. "Беспокойная дерзкая сила" его стихов, "золотая словесная груда" его образов — всё это для него "прежняя удаль забияки и сорванца".

Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор.

Если не был бы я поэтом,
То наверно был бы <так!> мошенник и вор.

Он резко ошибается в этих утверждениях о себе. Поэтический дар — это вовсе не есть что-то случайное, что можно найти на улице. И если дар у Есенина окажется подлинно-творческим, если к этому крестьянину перейдет, как этого можно ожидать, великое и ответственное звание первого поэта России, ныне вакантное за смертью Блока, — то бесследно исчезнет вся эта шелуха кокетничанья мнимой близостью к хулиганам и ворам. Это — корь, болезнь роста, детская болезнь таланта. "Это к завтраму всё пройдет", и, быть может, очень скоро выросший поэт будет и сам жалеть о том озорном тоне, в каком выдержана его автобиография. Это озорство ничего не прибавляет, хочется надеяться, ничего и не отнимает от его дарования.

Пусть растет и цветет дарование поэта. Пусть скорее исчезнет и рассеется ненужная шелуха. Тому, у кого есть подлинная оригинальность, не нужно дешевое и утомительное оригинальничанье. <...>

4. Боязнь правды

<...> Мне доставлена в п о д л и н н и к е автобиография С.Есенина, и, сличая оригинал с напечатанным, я вижу, что так называемые "колючие" места в ней — безжалостно выпущены Редакцией.

Пропущена фраза Есенина: "Терпеть не могу патриарха Тихона", пропущено описание того, как к Есенину пришли гости, и так как не было щепок, то самовар поставили, расколов для этого две иконы, и "мой друг не мог пить этого чая".

Трудно спорить против того, что побуждения руководили Редакцией очень почтенные. Очень нехорошо ненавидеть Тихона, и еще хуже кощунственный поступок с иконами. Но какой же смысл имеют "человеческие документы", если их опубликовывать только в той части, какая нравится?

Как ни грустна бывает правда, — еще горестнее затушевывание и скрывание правды, закрывание глаз на нее и предварительная цензура в том или ином виде.

Нет, не этот путь нужен России и русской литературе в наши дни, в лето от Рождества Христова 1922-е».

Выделено автором.

См.: 5 ... 24 июня 1922; 4 июля, четвертая запись; 6 июля 1922, первая запись; 14 июля 1922, первая запись; 17 сент. 1922, первая запись.

Июль, 31. Московская газета «Вечерние известия» (№ 31; рубрика «Критика и библиография») печатает заметку А.Бел-Каменского «Русская поэзия в оценке француза»:

«Известный французский поэт Jean Salot, познакомившись с произведениями Маяковского, Есенина, Пастернака, Асеева и др<угих> поэтов, дает интересную оценку современной русской поэзии».

Далее цитируется помещенный под псевдонимом Жан Сало в № 1–2 берлинского журнала «Вещь» обзор И.Г.Эренбурга «Русская поэзия» (см.: до 2 апр. 1922, вторая запись).

Июль. В Антверпене (Бельгия) выходит № 9–10 журнала «Lumière», посвященный России, с заключительной частью поэмы Есенина «Кобыльи корабли» в переводе Ф.Элленса.

О первоначально планировавшейся дате выпуска номера см.: 15 июня 1922.

Стихи Есенина открывают раздел, названный «Пять голосов нынешней России», где помещены также пролог «Мистерии Буфф» В.Маяковского и стихотворения И.Эренбурга, О.Мандельштама, М.Цветаевой.

Номер содержит отзывы о русской литературе, принадлежащие Ш.Вильдраку, Р.Аркосу, П.-Ж.Жуву, Ф.Элленсу, Ж.Шеневьеру, Ж.-Р.Блоку, С.Цвейгу, Ж.Дюамелю и другим известным литераторам.

Первое сообщение о том, какое именно произведение Есенина появилось в этом номере, составители тома получили от В.Кудениса (Лувен, Бельгия).

См. Приложение (копии материалов из «Lumière» любезно предоставлены К.Вандемелебрук, Лувен, Бельгия).

См.: 15 июня 1922.

В журнале «Zwrotnica» (Краков, № 2) печатается рецензия С. Млодоженца на вышедшую отдельной книгой поэму Б.Ясенского «Песнь о голоде» («Pieśń o glodzie», 1922), где заходит речь о Есенине:

«Хотя в композиции этой поэмы есть довольно заметные недостатки, она неровна и написана под свежим впечатлением от русской поэзии (Маяковский — Есенин), в ней всё же ощущается широкое поэтическое дыхание и мощный талант».

Цит. по: Пиотровский, 56. Перевод Ежи Шокальского.

О поэме Б.Ясенского см. также: дек. 1922, вторая запись.

Одесский журнал «Зритель» (№ 2; подпись: Н.) дает информацию под заглавием «Дункан-Есенин»:

«В Берлин прилетели на аэроплане из Москвы знаменитая “босоножка” Айседора Дункан и ее муж Сергей Есенин. По приглашению импресарио Гуррок<а> они на аэроплане отправятся в Америку.

Дункан — одна из немногих западных жриц искусства, которая в наиболее трудное для России время приехала в Москву, чтобы у нас искать вдохновения.

— Я так люблю Россию... — говорит она берлинским интервьюерам. <...>».

Далее (без изменений в текстах и без ссылок на их источники) следуют друг за другом фрагменты двух статей из газеты «Накануне»: Ю.Н.Потехина (Скифа; см.: 14 мая 1922, четвертая запись) и А.П.Вольского (А. В.; см.: 16 мая 1922, третья запись).

Июль (?). В Новониколаевске выходит журнал «Таежные зори» (№ 1) со стихотворением В.Берникова «Ветер-ветер! рванул мне окно...» с посвящением «Есенину Сергею»:

Ветер-ветер! рванул мне окно,
Прилетев с косогоров, как птица,
По просторам лазурного ситца
Разметав облаков волокно.

Прибежал с косогоров, как конь,
Ветер; дрогнули стекла от ржанья;
Его диких просторов дыханья
Из-за туч солнца острый огонь.

Замотал гривой тучи свинцовой
Ветер — влаги застрельщик и вождь,
Задарил искрометной обновой
Землю в губы целующий дождь.

Просвистел свистом уха пастушьим,
Завертел под окошками хлам.

Ветер, ветер! Все окон души
В свой оплесканный влагами храм.

Время события определяется с учетом содержащейся в номере информации о том, что материалы для следующего номера «принимаются до 5 августа».

Отклик см.: сент. (?) 1922.

Август, 1. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3475) помещает анонимную заметку «Приезд Шаляпина и Дункан»:

«Федор Шаляпин прислал письмо здешнему известному музыкальному импресарио Юроку из Бадена (Германия), в котором он сообщил, что готовится к скорому приезду в Америку. <...>

Одновременно с Шаляпиным приедет в Нью-Йорк и знаменитая танцовщица Айседора Дункан, вместе с нею приезжает и ее муж, русский поэт Есенин, и 12 русских девочек-сироток, которых она вывезла из России и обучает танцам.

Выступление ее и ее учениц состоится 8-го октября в Карнеги Холл».

Перепечатку информации см.: газ. «Свободная Россия», Чикаго, 1922, 5 авг., № 167.

Август, 1–7. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3475–3481) перепечатывает (под заголовком «Новая литература: поэзия») из московской «Правды» статью Н.Осинского «Побеги травы (Заметки читателя)» с упоминанием Есенина.

Исходный текст см.: 4 июля 1922.

Август, 1 и **14.** Московская «Правда» (№ 173 и 182) дает объявление о подписке на журнал «Красная новь». В перечне авторов журнала — Есенин.

Август, 1 (?) ... 9. Есенин и А.Дункан выезжают из Парижа в Италию.

Верхняя граница события определяется в соответствии с датой письма Есенина (см.: 10 авг. 1922).

«Из Парижа танцовщица и ее муж поехали в Венецию и прожили там некоторое время в самом фешенебельном отеле на ультрафешенебельном Лидо».

И.Дункан и Макдугалл, 101.

Август, 2. Берлинская газета «Руль» (№ 508) публикует (как передовицу) анонимную статью «Голые люди», где говорится о Есенине:

«Среди многочисленных русских литературных предприятий в Берлине обратил на себя внимание своей эксцентричностью периодический библиографический журнал, значащийся под редакцией профессора. Эксцентричность заключалась в том, что господин профессор завел рубрику "Писатели о самих себе". Ну, разумеется, речь идет не о старых писателях, а о новых знаменитостях, в таком изобилии расплодившихся со времени революции. Эти знаменитости с исключительной готовностью сообщают изумленным читателям, как легко и просто они стали гениями и как мало труда и энергии для этого потребовалось с их стороны. Но оказывается, что эта готовность так далеко заходит, что даже господин профессор, водрузивший корыто литературное (по праву — было бы корыто), не решился разоблачить перед читателями тайны роста гения. За это на него обрушилась сменовеховская газета <см.: 30 июля 1922>, которая

удостоверяет, что, напр<имер>, из написанной самой крупной знаменитостью автобиографии выпущены едва ли не самые важные места, так, пропущена фраза Есенина: "Терпеть не могу патриарха Тихона", пропущено описание того, как к Есенину пришли гости и, так как не было щепок, то самовар поставили, расколов для этого две иконы, и "мой друг не мог пить этого чая". Брошенное прислужниками палачей господину профессору обвинение представляется весьма резонным. Ибо — что делаешь, делай скорее и — главное — делай открыто. И если господин профессор оробел перед неумеренной откровенностью протежируемых знаменитостей, то ясно лишь, что он и сам отлично понимает, что делает. Но вместе с тем эта оробелость кажется очень показательной. Литературные нэпманы невозбранно выступали под знаменем революции. Свое беспардонное хулиганство они выставляют как завоевание революции и в этом и черпают свою дерзость. Но мы уже неоднократно говорили, что в действительности они являются не завоеванием, а отбросами революции, грязной накипью, которая неизбежно всплывает при кипении и которую нужно снять и выбросить вон. Теперь, когда из России стали доходить журналы, нетрудно увериться, что наша оценка была совершенно правильной, что русская интеллигенция сравнивает этих господ с бесами. Вот что мы читаем о них в одном из петербургских журналов. "Тогда размножался и верховодил Шигалев, теперь плодится и царит Шершеневич. Тогда литератор Кармазинов лебезил перед Верховенским, теперь Ивановы-Разумники превозносят Есениных. Бесы" <цитируется статья Г.А.Шенгели; см.: до 19 апр. 1922>. Чрезвычайно удачна и ярка характеристика этих литературных нэпманов. Это "прежде всего люди, которых тошнит. Их тошнит от всего старого — от образов мировой истории, от памятников искусства и слова, от всех проблем, встающих перед духом; от философии, от точного знания, от политики, от религии, от быта — от всего. Они поэты мировой тошноты, и их икотные спазмы отзываются во всех их свершениях — в их образах и ритме, в их созвучиях, композиции"...

Разврат словесный ширится, укореняется, общественная мысль расшатывается, умение ясно выражаться, а значит, и ясно мыслить, умение и без того невеликое, испаряется.

Таким образом, в самой России оценка этих новых знаменитостей не вызывает сомнений. Всем ясно, что это просто голые люди. И когда петербургский журнал спрашивает: "Не пора ли приклеить голым королям фиговые листки общественного невнимания?" — то эмиграция еще решительнее, во имя самосохранения, должна ответить утвердительно: "Давно пора!"»

Август, 3. Пожар в Константинове, родном селе Есенина, уничтоживший дом, где жила семья поэта.

А.А.Есенина впоследствии напишет:

«10 мая 1922 года Сергей уехал за границу, а в августе этого же года сгорел наш дом. Часты и страшны были пожары в наших местах. <...>

С пожаром бороться было трудно: не хватало воды. Прудов у нас мало, а для того чтобы привезти воду из реки, нужно минут тридцать, а привезут — бочку в двадцать ведер. Поэтому главная сила — это люди. На каждом доме висели знаки: у кого топор, у кого багор, у кого лестница или ведро. Это указывало, с чем хозяин дома должен бежать на пожар. <...>

Пожар, произошедший 3 августа 1922 года, был одним из самых больших и страшных пожаров, которые мне приходилось видеть. Стояла жаркая солнечная погода.

Знойный ветер не приносил прохлады, а лишь поднимал волны сухого, горячего воздуха, выдувал остатки влаги из земли, палил растения, высушивал ручьи и пруды. <...>

Вот в такой знойный день 3 августа нерадивый хозяин, сгружая в ригу снопы, обронил искру от самосада.

За несколько минут его рига превратилась в гигантский костер. Огненные языки, колеблемые ветром, метались из стороны в сторону, злобно набрасываясь на все окружающее. Густой черный дым со снопами искр и пуками горящей соломы высоко поднимался к небу и, подхваченный порывом ветра, далеко разносился вдоль села. <...>

Даже в тихую погоду во время пожара поднимается ветер, а в ветреную поднимается буря, разбрасывающая огонь во все стороны. Такая буря поднялась и 3 августа.

Погасить огонь люди были не в силах, и за два-три часа, шагая в шесть рядов, он уничтожил около 200 построек. Горели дома, амбары, наполненные хлебом риги.

Непрерывные удары колоколов, вопли баб, крики детей, треск и грохот разваливающихся стен и крыш, беготня людей, пытающихся спасти свои вещи и бесцельно пытающихся остановить огонь, тучи дыма, выедающего глаза и застилающего солнце, нестерпимая жара, не дающая дышать, — всё это представлялось мне адом. <...>

А на следующее утро, когда ночная прохлада остудила раскаленную землю, с красными глазами от слез и едкого дыма, который еще просачивался из недогоревших и потрескивающих бревен, бродили по пожарищам измученные и похудевшие за одну ночь погорельцы, собирая оставшийся после пожара железный лом <...>

В это утро по своему пожарищу бродили и мы. Вместо нашего дома остался лишь битый кирпич, кучи золы и груды прогоревшего до дыр, исковерканного и ни на что не пригодного железа.

Мы также собирали и стаскивали в одну кучу оставшиеся вынесенные из дому и на улице обгоревшие от жары вещи, среди которых были книги и рукописи Сергея (часть их находится сейчас в Институте мировой литературы).

В этом доме были проведены самые благополучные и спокойные годы жизни нашей семьи. С этим домом у нас связаны лучшие воспоминания, и, вспоминая нашу прошлую жизнь, мы всегда представляем ее себе именно в этом доме».

Восп., 1, 84–86.

ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними», регулирующее деятельность, в частности, литературных организаций.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1922, № 49, стб. 622–623.

Все существующие в то время в Советской России организации должны были пройти перерегистрацию с утверждением Устава, списка руководящих членов и др. Под него подпадала и «Ассоциация вольнодумцев», главой которой был Есенин.

Август, 4. Московские «Известия ВЦИК» (№ 173) дают объявление о подписке на журнал «Красная новь». В перечне авторов журнала — Есенин.

Август, 5. Московские «Известия ВЦИК» (№ 174) в рамках специального приложения «Издательство», посвященного деятельности Госиздата, сообщают:

«Из вышедших, печатающихся и подготовленных к печати можно отметить книги: П.Орешина "Радуга", В.Брюсова "Дали" <...> С.Есенина "Избранное", полное собрание сочинений А.С.Пушкина...».

См.: 11 сент. 1922.

Август, до 7. Одна из бельгийских газет публикует беседу А.Дункан с журналистом Ж.Фламаном, где упоминается Есенин.

Граница события определяется по публикации первого из изложений беседы, появившихся на русском языке (см. след. запись).

Другое изложение см.: 11 авг. 1922.

Газета, где была напечатана эта беседа, не выявлена.

Август, 7. Берлинская газета «Время» (№ 212) печатает анонимную заметку «Разочарование Дункан», в которой идет речь о Есенине:

«Айсэдора Дункан, покинув Германию, оказавшуюся для нее негостеприимной, в беседе с сотрудником бельгийской газеты <см. предыд. запись> отзывается с большим разочарованием о своем пребывании в Москве. Она поехала в Россию не из корысти, а во имя осуществления своих идеалов. Ей сулили там самые заманчивые перспективы. В Москве ей отвели, правда, дворец, но нетопленый и лишенный всего необходимого для художественной культуры. О своих ученицах, пролетарских девочках, она отзывается с одобрением; некоторые из них были чрезвычайно даровиты. Брак с поэтом Есениным, в сущности, противоречил ее потребности в полной независимости. Она объясняет этот шаг намерением дать возможность Есенину выехать за границу, что иначе оказалось бы для него неосуществимым. Ее очень оскорбило то обстоятельство, что на выданном советскими властями заграничном паспорте имя Есенина красовалось крупными буквами впереди, тогда как ее собственное было занесено где-то на одной из последних страниц».

По-другому изложит эту же беседу софийская газета «Русь» (см.: 11 авг. 1922).

Газета «Московский понедельник» (№ 8) публикует статью Я.Брауна «Деревни последние песни: Этюд», где идет речь о Есенине:

«От древней "народной песни", которая, в сущности, была крестьянской песнью, чрез Кольцова, Никитина, Сурикова, Дрожжина, — песня деревни пришла к последним достижениям Клюева, Есенина, Орешина и многих других, родившихся уже на вулкане революции, пришедших в город, чтоб бросить гордо самоутверждающийся клич степных просторов о своем былинном "вчера", о своем революционном "сегодня" и безбрежно-свободном творческом "завтра".

Не со стороны, не в слащаво-тенденциозных повестях, не в снисходительно-дворянском отображении, не в барском ужасе пред мужиком, но и з в н у т р и, из разбойной пугачевой чащи, из избяных песен и степных вьюг глянул на нас нутряной быт, тайная дума крестьянина, которому, как траве,

...никуда... не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь... —

тайна мужицкого восстания, когда "вставай, подымайся" слышится селянину не только в окопах, но и в песне телеги, и в скрипе ворот, и даже ветер осенний в трубе "гадает о вещей народной судьбе" (Н. Клюев, "Песнь солнценосца")...

Человек, отразившийся в новых напевах деревни, слит душой с избяным бытом, с котом за печуркой, с лесными шорохами, с мерцанием луны и пожаром солнечным, с широкой исколесованной дорогой, которой примечталось, что недолго "ждать зимы седой осталось", и уже трудно сказать, где кончается клен у дороги и начинается степной человек,

Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож...

Этот своеобразный пантеизм сообщает своеобразие всем картинам природы в писаниях Есенина, Клюева и др.: изображение природы под их религиозно-вдохновенной кистью обращается в летопись б ы т а деревьев и птиц, в п с и х о л о г и ю луны и травы (да, это п с и х и к а живых существ, а не простое "оживотворение природы"), в историю п е р е ж и в а н и й проселочной дороги... В психологии Есенина страстно-религиозное слито с столь же окаянно-богохульским ("боженька, отелись!"), мощно-интернациональное с своеобразным патриотизмом, с влюбленностью в "голубую Русь", с революционно-мессианической верой в "свет с Востока"...

Это — тот самый человек деревни, которого показал в "Двенадцати" Блок под красногвардейской шинелью, человек, в душе которого революционная буря-"пурга" таинственным образом сочетается со Спасом, а "мировой пожар в крови" раздувается непременно с божьего благословения:

Мировой пожар в крови,
Господи, благослови!

Перед нами последнее (хронологически) слово трех основных современных крестьянских поэтов: Есенина, Клюева, Орешина. Как ни различны темы трех их последних книжек <С.Есенин — "Пугачев"; Н.Клюев — "Львиный хлеб"; П.Орешин — "Мы">, как ни далеко ушли друг от друга поэты в своих творческих исканиях, но охват их творчества один и тот же: охват крестьянской души, история мужицкого сознания.

На этот раз Есенин повествует о его прошлом, Клюев — о его настоящем, Орешин — о его будущем.

Не случайно избрал Есенин темой лирической драмы своей Пугачева и пугачевщину. Социальная стихия этого мужицкого прошлого, врываясь еще из былинного далека, гуляет по всем есенинским творениям. <...>

Есенинский Пугачев — первый революционер, сознательно избирающий "мертвое имя" Петра III, чтоб именем убитого царя вызвать в темном смиренно-косном крестьянстве "благовест бунтов".

С поразительным мастерством изображает поэт этот дикарский порыв к самосохранению какою угодно ценой, это чувство с о б с т в е н н и к а с в о е й жизни, с в о е г о дома, с в о е г о тополя. <...>

Вся перенасыщенная есенински-дерзкими и есенински-яркими образами, эта лирическая поэма лишена, однако, драматического нарастания, портреты героев начерчены крайне бегло, неопределенно, образы растекаются далеко в сторону от основной темы и часто создается такое впечатление, будто вся тема пугачевского бунта — лишь нитка, на которую поэт капризно нанизал жемчуга сравнений, метафор и образов...».

Выделено автором.

Парижская газета «Слово» (№ 7) сообщает в «Литературной хронике»:

«В литературном приложении к "Накануне" (№ 11) находим разоблачение редакторских строгостей в "Новой русской книге" <см.: 30 июля 1922> Г. Есенин, с цинизмом

обнажающий "правду" своей жизни, после учинения этого кощунственного хулиганства, прилетел в Западную Европу и здесь всячески стремится проявить свою "культурность". Но эта внешняя "культурность" — котелок и пробор, — это проявление парикмахерской цивилизации мало кого введет в обман в культурном Париже или Брюсселе. Человек, рубящий иконы на щепки и печатно в этом признающийся, будь он трижды "самородком", находится на столь низкой ступени культурного развития, что причислять его к числу истинно культурных людей — просто смешно».

См. также: 5 ... 24 июня 1922; 30 июля 1922; 15 авг. 1922.

Московские «Вечерние известия» (№ 32) помещают статью «К творчеству пролетарских поэтов: Михаил Герасимов» (подпись: Б. Э.), где заходит речь о Есенине:

«Менее самостоятельна и отточена <у Герасимова> форма стиха <...>. Многое от Есенина <...>. Но это менее важное, это еще придет».

Август, 7–9, 11 и 14. Американская газета «Свободная Россия» (Чикаго, № 168–170, 172 и 174) дает объявление своего книжного склада о наличии в продаже книг русских авторов, в том числе выпущенных в Берлине книг: Есенина «Пришествие. Октоих. Преображение», Есенина и др. «Товарищ. Инония (поэма) и др.», а также сборника «Поэзия большевистских дней» с его участием.

См. : 28 и 30 июня 1922; 1, 5, 17–21 июля 1922.

Август, до 10. Чета Есениных приезжает в Венецию.

О границе события см.: 10 авг. 1922.

Август, до 10 — Август, после 14. Есенин и А.Дункан живут в Лидо (Венеция).

О рамках события см.: 10 авг. 1922; 14 авг. 1922.

Из воспоминаний Л.Кинел:

«Была великолепная ночь, сияло множество звезд, и вода в лагуне казалась огромным блестящим куском металла.

Айседора сидела <в гондоле> под бархатным балдахином. <...> Есенин сидел на носу. Он рассказывал мне о своей жизни, рассказывал совершенно просто и беспристрастно, как будто говорил о другом человеке. <...>

Он рассказал о раннем детстве, когда был бедным, босоногим крестьянским мальчиком, рассказал о дне, когда в возрасте девяти лет написал свое первое стихотворение, рассказал о множестве написанных втайне от всех стихов и о том, как в семнадцать лет он выбрал из них несколько, а остальные сжег; рассказал о том, как родные хотели сделать из него попа, потому что он был умным и развитым, о том, как его пороли за побеги из школы, о своем дяде, человеке жестоком, который часто наказывал его; он рассказывал о красивых лицах, об одном необыкновенно красивом, простодушном и чистом лице молодой монахини из русского монастыря; рассказывал о росте своей популярности, о жизни в Петрограде, дезертирстве из армии, о женщинах, монастырях, о словах живых и словах умерших, о языке простого народа – крестьян, бродяг, воров — языке вечно живом. Рассказывал он и о многих других вещах.

Голос его был мягок. Глаза – мечтательные. И было во всем его облике что-то такое, отчего душа его представлялась душой ребенка, и в то же время душой непостижимо мудрой и необыкновенно чувствительной...

<...> По дороге домой мы с Есениным пели русские песни, и гондольер, изумленный соперничаньем в занятии, которое было его работой, всё же аплодировал от всего сердца».

Кинел, 155–156.

По просьбе Есенина Л.Кинел делает попытку перевести некоторые его стихотворения на английский язык:

«Мне не польстило предложение Есенина перевести что-нибудь из его стихов. Скорее это испугало меня, и я пребывала в какой-то растерянности, потому что даже тогда я понимала, что это было бы и кощунственно, и невозможно. Поэзия Есенина — почти одна лирика: это музыка, выраженная с помощью русских слов, русской фонетики и таким образом совершенно невоспроизводимая на другом языке. Даже по-русски его поэзия относится к той, что в сто раз красивее, когда ее читают вслух, нежели про себя. И вот меня просят изуродовать ее... Однако Есенину, по-видимому, так хотелось этого, что и Айседора стала просить меня попробовать, хотя бы для того, чтобы посмешить его, и даже предложила свою помощь. И, окончательно отчаявшись, я приступила. <...>

Есенин просто сказал мне: “Сделайте вот это стихотворение, то — тоже попробуйте”. И так он отобрал несколько самых лучших, самых известных, самых красивых стихотворений. Время от времени я восставала. Отлично помню наши безрезультатные разглагольствования, когда я еще и еще раз пыталась объяснить ему, что поэзию невозможно переводить. Он, знавший только один язык, никак не мог понять этого.

— Сергей Александрович, — говорила я, — возьмите вот вашу “Песнь о собаке”. У вас в первой строчке: “Утром в ржаном закуте...”. Вы даже по-русски-то выбрали особенное слово “закут”, хотя могли взять множество других синонимов. По-видимому, это слово лучше всего подходит для образа, который вы стремились создать, не нарушает ритма, к тому же тут ассонанс со словом “сука”. Не правда ли?

Он задумчиво слушал, хмуря брови, голубые глаза стали серьезными, как у ребенка.

— Да, — ответил он.

— Ну а тогда, если я дословно переведу на английский: Of a morning in a kennel of straw, я, возможно, и воссоздам похожую картину, но *музыки, которая поэтизирует эту картину на русском, не будет,* потому что по-английски для того, чтобы сделать фразу красивой и сохранить ваш ритм, понадобится другое сочетание слов, поскольку законы поэтической красоты тут иные. А если я изменю каждое или почти каждое слово, я, естественно, изменю и всё ваше стихотворение.

— Но если не учитывать рифму или ассонанс, — продолжал он настаивать, — вы могли бы сохранить фразы почти что без изменений, ведь так?

— Я могла бы пренебречь рифмой и использовать белый стих, но нужно сохранить хотя бы ритм. А чтобы сохранить его, необходимо подбирать слова с определенным количеством слогов, а дословный перевод не всегда дает возможность использовать такие слова.

— Хорошо, тогда не сохраняйте ни рифму, ни ритм, — заявил он в отчаянии. — Переводите просто дословно. В конце концов, — добавил он с тоской, — я изобразил красивые картины, у меня есть образы, у меня есть мысли, а это тоже чего-то стоит.

И я снова уходила в свою душную комнату. <...>

На следующее утро я приходила со стихотворением в комнату к Айседоре и читала ей перевод. Украдкой, жадным взором, Есенин следил за лицом Айседоры, а она, со свойственной ей добротой и деликатностью, улыбалась и делала вид, что ей понравилось. Иногда она пыталась помочь мне, потому что владела английским лучше и читала много поэзии. Я излагала стихи простыми прозаическими предложениями, а она пробовала зарифмовать их. И она всегда пыталась скрыть, если бывала разочарована. Есенин был очень раним, когда дело касалось его стихов, а задеть его было всё равно, что обидеть ребенка...

Однажды я спросила, с чем связано такое его желание перевести стихи на английский.

— Неужели вы не понимаете? — возмутился он, удивленный таким вопросом. — Сколько миллионов людей узнают обо мне, если мои стихи появятся на английском! Сколько людей прочтут меня по-русски? Двадцать, ну, может быть, тридцать миллионов... У нас все крестьяне неграмотные... А на английском! — он широко расставил руки, и глаза его заблестели. — Каково население Англии?

Мы начали считать по пальцам: Англия — сорок миллионов; Соединенные Штаты — 125; Канада — 10 миллионов, видимо, так, хоть я и не была уверена. А еще Австралия, Новая Зеландия, Индия!

Лицо Есенина светилось, глаза сверкали.

— Сергей Александрович, — осторожно сказала я, ведь вопрос был весьма серьезен, на чаше весов — целые миры! — Я бы предпочла, чтобы вас читало меньше людей в оригинале, чем весь мир в переводах. Перевод никогда не будет соответствовать вашим стихам, никогда не будет так красив и звучен. Это будет новое произведение: частично ваше, частично — переводчика.

Лицо его померкло, посерело. И глаза стали тусклыми. Я почувствовала себя убийцей...».

Кинел, 156–158; курсив автора.

Август, 10. Есенин пишет сестре Е.А.Есениной из Лидо в Москву:

«Завтра из Венеции еду в Рим <время отъезда было перенесено на более поздний срок; см.: после 14 авг. 1922>, а потом экспрессом в Париж. <...>

Шура пусть этот год будет дома, а ты поезжай учиться. Я тебе буду высылать пайки, ибо денег послать оч<ень> трудно. <...>

Слушай, что я тебе говорю: пайки эти исключительно тебе, чтоб ты могла жить. Зря не транжирь.

Относительно денег нажимай всегда на Мариенгофа или Сахарова. О посылках, что я тебе высылаю, не болтай. Они будут думать, что это для тебя достаточно, и потому ты тогда не выжмешь из них ни гроша. Мар<иенгоф> и Сах<аров> — люди оч<ень> хорошие, но в такое время им самим тяжело.

Живи и гляди в оба. Всё, что бы ты ни сделала плохого, будет исключительно плохо для тебя <...>. Ты только должна учиться, учиться и читать. Язык держи за зубами. На всё, исключительно на всё, когда тебя будут выпытывать, отвечай “не знаю”. <...>

Думаю, что ты не дура и поймешь, о чем я говорю. Обо мне, о семье, о жизни семьи, о всем и о всем, что оч<ень> интересно знать нашим врагам, — отмалчивайся, помни, что моя сила и мой вес — благополучие твое и Шуры. <...>

Отцу и матери тысячу приветов и добрых пожеланий».

Есенин, VI, 147–148, 546–548.

В Калужском театральном техникуме проходит «Вечер современной поэзии», где читаются стихи Есенина.

Крусанов, 2, 219.

Из отчета:

«В программной своей части вечер имел доклады о русской поэзии <...>, доклад поэта Влад. Королева о Провинциальной Камене и чтение стихов Есенина, Клюева, Шершеневича, Ахматовой и др.».

С. Б. Вечер современной поэзии. — Газ. «Коммуна», Калуга, 1922, 13 авг., № 182.

Август, 11. Софийская газета «Русь» (№ 17) печатает анонимную заметку «Разочарование Дункан»:

«Знаменитая босоножка переселилась из негостеприимного Берлина в Брюссель и в беседе с бельгийским журналистом Ж.Фламан<ом> <см.: до 7 авг. 1922> пожаловалась на немцев, которые ее кровно обидели, не пригласив выступить в Берлине. Во Францию же Дункан просто не пустили, не дав визы.

Дункан старалась заверить бельгийского журналиста в своей непричастности к большевикам, в которых она сильно разочаровалась в Москве. <...> "Ах, как мои 50 учениц просили меня взять их с собой за границу! Но это было невозможно. Мне удалось вывезти только моего мужа, очень талантливого поэта Есенина. Я была против свадьбы, т. к. стою за эмансипацию женщин. Но если бы мы не поженились, Есенин не смог бы уехать из России, где он себя чувствовал очень несчастным. Люди, которые меня считают большевичкой, уверяют, что и этот бедный молодой человек опасен. А его большевики три раза арестовывали и в течение восьми дней каждый вечер грозили расстрелять за то, что он обнародовал свои поэмы, сам их напечатав". <...>

При прощании Дункан не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: "Как я счастлива, что попала опять в цивилизованную Европу..."».

По-другому изложила эту же беседу парижская газета «Время» (см.: 7 авг. 1922, первая запись).

Август, 13. Литературное приложение № 13 к берлинской газете «Накануне» (№ 106; раздел «Литературная хроника») сообщает о подготовке к изданию в Москве сборника Есенина «Избранное».

Газета «New York Times» помещает фотографию Есенина и А.Дункан (Берлин).

См.: Есенин, VII (3), [164], фото № 65.

Август, 13 ... 26. В берлинском издательстве «Русское творчество» выходит книга А.Ветлугина «Записки мерзавца» с посвящением «Сергею Есенину и Александру Кусикову».

Нижняя граница события устанавливается по объявлению издательства, где книга фигурирует в перечне выходящих изданий (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 13 авг., № 1031), а верхняя — по отклику на книгу (см.: 27 авг. 1922).

Август, 13 и 27. Берлинская газета «Руль» (№ 518 и 530) публикует объявление Русского универсального издательства о выходе поэмы Есенина «Пугачев» отдельной книгой:

«Книги вне серий. Только что вышли в свет: <...> С.Есенин. Пугачев. Поэма. Цена мар. 50».

Август, 14. На пляже в Лидо делается серия фотоснимков Есенина и А.Дункан.

Событие устанавливается и датируется по надписи на одном из этих снимков:

«Isadora Duncan / S.Yessenin. / Lido, August 14, 1922».

Kinel L. Under Five Eagles: My Life in Russia, Poland, Austria, Germany and America: 1916–1936. London: Putnam, 1937, вкл. между тит. л. и форзацем.

Републикуя указанную фотографию, Г.Маквей писал в примечаниях: «Особый интерес представляет надпись, возможно, сделанная рукой Кинел, которая (если точна) дает возможность датировать всю серию фотографий Есенина и Изадоры на пляже в венецианском Лидо» (RLT, 1974, № 8, p. 454, илл. № 14; пер. сост.).

Впоследствии Г.Маквей воспроизвел всю серию из семи фотографий, снятых на пляже в Лидо (см.: IE, илл. между с. 252 и 253 (л. [19–21]). В этой публикации снимок с датой — пятый по счету: Есенин сидит на топчане, а А.Дункан полулежит в шезлонге.

См. также: Есенин, VII (3), [166] и [167], фото № 69 и 70.

См. Приложение.

Август, после 14. Есенин и А.Дункан выезжают из Венеции.

Этот отъезд (через Рим в Париж) планировался еще 10 авг. 1922 (см.), но, очевидно, состоялся по крайней мере после 14 авг. 1922 (см. предыд. запись).

Маршрут возвращения четы Есениных в Париж и точное время этого события не установлены.

Август, 15. Белградская газета «Новое время» (№ 390) под заголовком «Есенин» перепечатывает информацию из парижской газеты «Слово».

См.: 7 авг. 1922, третья запись.

См. также: 5 ... 24 июня 1922.

Август, до 17. В Брюсселе выходит французско-бельгийский журнал «Le Disque Vert» (№ 4, за август) с поэмой Есенина «Кобыльи корабли» (перевод Ф.Элленса и М.Милославской) и со статьей Ф.Элленса «Великий современный русский поэт: Сергей Есенин».

Граница события устанавливается по откликам на издание (см. след. запись).

Автор статьи пишет:

« I

Со времен Пушкина Россия не имела, наверное, более великого поэта, чем Есенин. Молодой (возраста Лермонтова, когда тот погиб), он воплощает исконные и вечные силы России, введенные в русло и воссозданные духом необычайной мощи.

Крестьянский сын, чья юность большей частью прошла среди полей, Есенин всей мощью своего инстинкта обратился в сторону природных сил. Он охотно рассказывает

о своих деревенских корнях и с любовью озирает дальние горизонты родины, жители которой — крестьяне — его больше не понимают:

Бедные, бедные крестьяне!
Вы так же боитесь Бога и болотных недр,
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт! —

поет он с прекрасной непринужденностью в своей *Исповеди хулигана.* Он не был обласкан ни людьми, ни действительностью. Трех лет отроду его вытолкнули в поля и степи, и, как молодой зверек, он бросился на завоевание жизни, выпутываясь из ловушек природы. Его дядя, с которым он жил бóльшую часть времени, поручал ему сторожить лошадей. Однажды он посадил мальчишку верхом на кобылу, сам взобрался на лошадь и пришпорил ее; первой верховой прогулкой поэта стал галоп. Вцепившись в гриву кобылы, он не ударил лицом в грязь. Юный Есенин сопровождал дядю в его дальние владения, ночуя в открытом поле. Рыбалка и охота были их любимыми занятиями. Если случалось, что не было собаки или что ее убили, мальчик ее заменял, бросаясь за подстреленной дичью в лес по снегу или же в воду. "От тебя никакого проку", — сказал как-то дядя и прямо в одежде окунул его в реку: так мальчик учился плавать.

Есенин не мог забыть это время своей жизни, когда разнообразные силы природы устремились к нему и вдохнули в его дикую душу их вихрь, порой неистовый. А теперь "он ходит в цилиндре и лаковых башмаках",

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминая запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

Встречаясь со странствующими поэтами из простого народа, он соприкасался с устной поэзией. Эти своего рода труверы, бродячие певцы проходят в дни праздников через деревни и сказывают песни своего сочинения или устные "старины" — монологи, передаваемые по преданию. В ночном, на охоте он впитывал все их слова и сам стал сочинять песни, которые он сначала пел для себя, для животных и для природных сил, а потом и для людей, которые с удовольствием слушали его по вечерам. Молва, возникшая о поэте-крестьянине, росла и, выйдя за пределы его родной деревни, достигла знатного и важного сановника, который сразу же взял мальчика под свое покровительство. Этот человек однажды повез юного Есенина на маленький вокзал, где была группа странников: Есенин стал читать им свои стихи и настолько потряс их простые души, что они прослезились; один старец отделился от группы и, в радостном трепете приблизившись к поэту, развязал платок, который служил ему котомкой, достал оттуда полтинник — всё свое имущество — и заставил принять его. Из посещений монастырей, где он часто бывал, Есенин сберег любовь к красочным и ярким иконам, к прекрасным картинам и к скульптурам, застывшим и вместе с тем одушевленным. Чуть позже тот же самый сановник представил поэта к царскому двору, где ему позволили прочесть свои стихи.

После одного из этих чтений, которое привело Императрицу в восхищение, она изумилась меланхолическому характеру его стихотворений и спросила у него: "Стало

быть, Россия в самом деле так грустна?" Юноша подтвердил ей это. Нет ничего удивительного в том, что один крестьянин смог таким образом дойти из отдаленной деревни до царского двора: поэзия в России способна на подобные чудеса. Когда впоследствии Есенин будет вести бродячую и кочевую жизнь, покровитель, который вывел его в люди, не пожалел ему своей помощи даже в самых критических обстоятельствах.

Эти подробности ранней молодости поэта *Инонии* помогут лучше понять его творчество, несколько аспектов которого я попытаюсь показать.

II

Одно из значительных явлений русской революционной эпохи — это, грубо говоря, упадок прозы и подъем поэзии. В Москве, в Петрограде почти ничего не читают, кроме стихов; буржуазия, ранее отвергавшая этот вид литературы, теперь не только пристрастилась к поэзии, но и требует ее и наслаждается ею даже в кафе.

Это любопытный признак возрождения, совершившегося в умах; признак, следовательно, жажды идеала, новых творений и, по-видимому, отрадная примета для будущности народа, пережившего так много потрясений. Поэт Илья Эренбург очень хорошо охарактеризовал современные тенденции русской поэзии в двух статьях, опубликованных в *Синьо*[*] и в *Диск вер*[**]; поэтому мне не нужно снова говорить об этом. Сергей Есенин, хотя и очень близко соприкасался с революцией, не кажется существенно затронутым ею, как другие поэты — например, Андрей Белый, Маяковский, Блок, Пастернак. Между тем он единственный сумел живописать в своих стихотворениях положение "современных русских деревень, одновременно богатых и бедных, — как пишет И.Эренбург, — которые потеряли веру в Христа и ничего не нашли взамен, которые завоевали свободу и не знают, что с ней делать" <из статьи И.Эренбурга "La poésie russe et la révolution. Lettre inédite" (журн. "Signaux de France et de Belgique", 1921, № 4, 1 août, p. 188; пер. с рус. М.Милославской); русский оригинал статьи не выявлен; ср. однако, у И.Эренбурга в "Портретах русских поэтов": "Деревня, захватившая всё и безмерно нищая, <...> взявшая в крепкий кулак свободу и не ведающая, что с ней, собственно, делать..." (Летопись, 3 (1), 289) или в его же рецензии на книги Есенина "Трерядница" и "Исповедь хулигана": "Русская деревня, похерившая Бога и хранящая, как зеницу ока, храм, схватившая свободу и спрятавшая ее <...> в сундучок..." (Летопись, 3 (1), 264)>.

Во многих своих стихотворениях он передает это нарушение равновесия, которое он предвидел еще до рокового времени. "Наступил момент революции, — пишет еще Эренбург <в той же статье в *Синьо*>, — который газеты стали именовать *столкновением интересов города и деревни*. Есенин не предал ни свои иконы, ни свои избы, ни своих коров. Он проклял «железного гостя» и остался, как он сам говорит, «последним поэтом деревни»".

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Итак, часть есенинского творчества вдохновляется прошлым, хотя по выражению она очень современна, нова, а по материалу совершенно индивидуальна. В одном из

---

[*] *Signaux*, 1er août 1921.

[**] *Disque vert*, 1er juillet 1922 <см. также: 1 июля 1922, третья запись>.

своих самых характерных стихотворений, *Исповедь хулигана*, он не преминет сказать об этом:

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.

Это длинное стихотворение резкой и в то же время нежной интонации, где поэт то бушует, как ураган, то шелестит, как утренний ветерок в молодой листве, является своего рода безотчетным проявлением основных черт его поэтической индивидуальности. Одновременно это концентрированное выражение его стилевых манер: он и поет, и провозглашает, и плюется, и вопит или мурлычет с силой или грацией зверя, которые хватают за сердце и обольщают.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки погреться
Присел наш клен перед костром зари.
Я всё такой же.
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.
Стеля стихов злаченые рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.
Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обоссать.
Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.

Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.
Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Я привел эти длинные отрывки только для того, чтобы как-то определить "розу ветров" этой многоликой поэтической индивидуальности.

III

Если надо искать на Западе что-то похожее на поэзию Есенина, я бы выбрал поэзию Верхарна. Параллель между обоими поэтами можно провести благодаря некоторому их

сродству. Как и Верхарн, Есенин, придя из деревни, испытал страшное воздействие города. "Есенин, — пишет г. Устинов, — пришел в город почти мальчиком. Его старое деревенское бытие в новой городской обстановке подверглось трагическим изломам до боли, до мучительного страданья. И Есенин возненавидел за эту боль «бездушный город», он почувствовал, что этот бездушный город оказался сильнее его души — души полной и организованной хотя бы в ее непримиримой анархичности. Эта битва продолжалась долго — несколько лет. <...>. И кончилась <...> победой города, которую признаёт и сам Есенин <...> в своей поэме «Сорокоуст» <у Элленса — «Requiem»>" <из статьи Г.Ф.Устинова «Литература и революция» (о ее источнике см.: Летопись, 3 (1), 173)>. Есенин, как и Верхарн, "болен вспоминаньем детства", и эта постоянная забота преследует его в самых вещих его стихах; это образы, взятые из природы, которые он использует охотнее всего, даже когда поет о железном городе, о его толпах или машинах:

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плёс,
И за тысчи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Но есть и большие различия между обоими поэтами. Поэзия Есенина намного менее рассудочна, чем стихи поэта "Буйных сил" <аллюзия на заглавие одной из книг Верхарна>; Есенин целиком подчинен более инстинкту, чем разуму; он буквально "одержим" своей землей, своей страной, что отражается во всей его поэзии. Ее форма также гармоничнее, естественнее, менее расхлябанна, чем у Верхарна. Переводы едва дают представление о ней. Что́ до образов, можно утверждать, что нигде — ни в английской "имажистской" поэзии, ни у Уолта Уитмена — ни у кого нет столь прекрасных, столь поразительных, столь завершенных образов, как у русского поэта, который воспитывался на прекраснейших образах мировой живописи — на иконах.

Г-н Устинов также пишет о нем: "Есенин, первый в России, принес богатый и полноценный образ в качестве поэтической основы. В отличие от декадентов, которые хотят создать звуковую гармонию, Есенин создал гармонию образов, образный ритм. Форма его стихов никогда не отшлифована; рифмы — простые, и часто только по созвучию. Его стих часто почти классический, как пушкинский или кольцовский. Но содержание намного богаче и шире, чем у этих поэтов. Уже сейчас можно сказать, что он создал целую литературную школу, которой суждено великое будущее".

Некоторая грубость, очень деревенская, но вовсе не утрированная, сочетается у Есенина с нежной и грустной чувствительностью. Я не простил бы себе, если бы не привел целиком это стихотворение, полное прелестной жалости <следует текст "Песни о собаке">.

IV

Если Маяковский — поэт, порожденный революцией, то Есенин — поэт, порожденный Россией в целом, старой и новой Россией. "Фамилия Есенин — русская-коренная, — пишет г. Алексей Толстой, — в ней звучат языческие корни <...>, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками. Сам Сергей Есенин, действительно, деревенский, русый кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщовую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком, и <...> плясать <у Элленса: chanter (петь)> с девками в березовой роще. Такие, должно быть, в давно минувшие времена девкам этим в саду слагали, пели от избытка, от радости <...>, от хитрости, от веселья, новые песни, слагали новые сказки. Есенину присущ этот стародавний дар, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в широких степях, этот певучий дар славянской души, безбрежной, сентиментальной, таинственно взволнованной голосами природы... Он пришел

Целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст
.....
Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол"

<из рецензии писателя на книги Есенина "Трерядница" и "Исповедь хулигана" (см.: Летопись, 3 (1), 262)>.

Г-н Толстой точно подметил одну из самых сильных характерных черт творчества русского поэта — великолепную жизненную силу вдохновения и формы. Именно это сближает Есенина с великими классическими поэтами всех времен. В одной из его самых прекрасных диалогических поэм — "Пугачев" — проходит как бы гомерический ветер, который не ослабевает до конца поэмы. "Страна негодяев" — другая поэма большого дыхания, в которой воплощаются устремления поэта, внешне самые противоречивые, на деле же — самые гармоничные. Есенин рассказывает, что отец мечтал сделать из него сельского учителя. Жизнь могла сделать из него и разбойника, но сделала величайшим современным поэтом России».

Вырезка — Тетр. ГЛМ. Перевод Мишеля Никё.

Купюры, сделанные Элленсом при переводе на французский язык цитат из русских авторов, им самим в печатном тексте не обозначены; здесь и ниже (см.: 23 сент. 1922, первая запись) это сделано составителями Летописи.

Автором последней из цитат раздела III Элленс называет Г.Ф.Устинова. Однако в статьях этого автора 1919–1922 г., где говорится о Есенине (см.: 3 февр. 1919, вторая запись; после 22 авг. 1921; 11 июня 1922, вторая запись; 6 сент. 1922; 23 сент. 1922, вторая запись) приводимый Элленсом фрагмент не обнаружен; его источник остается неизвестным.

В том же разделе III впервые появляется на французском языке третья часть маленькой поэмы Есенина «Сорокоуст» (у Элленса — «Requiem»). В оба издания сборника «Confession d'un voyou» (1922 и 1923) это произведение не входило. Полностью оно будет опубликовано во французской печати уже после гибели Есенина (журн. «La Revue européenne», Paris, 1926, № 40, 1 juin, p. 23–25; сообщено Мишелем Никё). Тогда же издательством «Editions des cahiers Libres» будет выпущена книга

Есенина «Requiem suivi d'autres poèmes» (Paris, 1926) в переводах М.Милославской и Ф.Элленса, название которой — это именование «Сорокоуста», включенного в нее.

См. Приложение.

Август, 17. Парижская газета «L'Humanité» (рубрика «Les Revues») публикует отклик на выпуск № 4 журнала «Le Disque Vert»:

«№ 4 "Le Disque Vert" (за август) содержит обширную и информативную статью Франца Элленса о Сергее Есенине, который является одним из лучших современных русских поэтов по жизненной силе вдохновения и формы. Вслед за статьей идет поэма Есенина "Кобыльи корабли", переложенная с русского Францем Элленсом и Марией Милославской, — вещь странной мощи, написанная четверостишиями; вот последнее из них <приводится заключительная строфа французского перевода "Кобыльих кораблей">».

Вырезка со штампом о ее источнике и дате — Тетр. ГЛМ.

Перевод Мишеля Никё.

См. Приложение.

Аналогичный отклик дает газета «L'Écho de Paris» (подпись: Le Coupe-Papier <букв.: «Разрезной нож»>):

«Мы недавно писали, что мы мало знаем иностранную литературу. Это факт, но надо все-таки признаться, что сейчас осуществляются похвальные попытки посвятить нас в русскую литературу. То и дело появляются переводы, критические статьи. Так, г. Франц Элленс посвящает в "Le Disque Vert" — молодом и полном живых соков французско-бельгийском журнале — важную статью поэту Сергею Есенину, "который воплощает, — как он говорит, — исконные и вечные силы России, введенные в русло духом необычайной мощи". Вот еще один поэт, с которым мы познакомимся».

Вырезка с рукописной пометой о ее источнике и дате — Тетр. ГЛМ.

Перевод Мишеля Никё.

См. Приложение.

Август, вторая половина (?) ... Сентябрь, начало (?). Есенин и А.Дункан возвращаются в Париж.

И.Дункан и А.-Р.Макдугалл напишут:

«Когда сезон там <в Лидо> закончился, они вернулись в Париж, чтобы готовиться к своей поездке в Америку. Выяснилось, что совершить ее им придется только вдвоем, так как летом пришло известие из школы в Москве, что не удалось получить разрешение вывезти группу учениц, которых Айседора рассчитывала показать в Америке <см.: 21 июля 1922, вторая запись>.

Вернувшись опять в Париж и посетив свой дом на улице де-ля-Помп, Айседора обнаружила, что ее русский арендатор сбежал, не заплатив и не оставив ключей от входной двери под ковриком. Но им надо было где-то жить до дня своего отплытия, к тому же Айседора могла бы пользоваться просторным Бетховенским залом в задней части здания для репетиций, которые ей были крайне необходимы. Со времени своего выступления в Петрограде она не танцевала перед публикой, и ей негде было готовиться к предстоящему ответственному турне по Америке».

И.Дункан и Макдугалл, 101–102.

С.Хаддлстон, свидетель взаимоотношений Есенина и А.Дункан в Париже (по его утверждению, он встречался там с супругами лишь до их отъезда в Америку, т. е. в 1922 году), вспомнит:

«Они приехали в Париж. Брак явно был несчастливым. Поскольку ничто в жизни Изадоры Дункан не могло оставаться тайным, поскольку она представала перед публикой в самом разном настроении, то любое обстоятельство, любой неприятный эпизод,

который мы видели или о котором нам рассказывали, оказывался непередаваемо грустным. Беды ее семейной жизни становились предметом пересудов всего Парижа — ссоры в отелях, уходы Есенина, сцены в ресторанах... Есенин вел себя отвратительно...

В Париже я видел его элегантно одетым, но отсутствие воспитания в нем проявлялось в грубости поведения, в хриплом голосе. Его чувство юмора было неопределенным и мрачным. Его съедало отчаяние, и это отчаяние быстро захватывало Изадору, которая страстно его любила, но при этом была уверена, что их союз проклят и приведет к трагической развязке».

Huddleston S. Bohemian Literary and Social Life in Paris: Salons, Cafés. Sludios, London: Harrap, 1928, p. 226–227 (цит. по: IE, 100–101; пер. сост.).

Август, 18. Харбинская газета «Русский голос» (№ 612) без ведома Есенина перепечатывает его автобиографию.

Исходный источник текста — НРК (1922, № 5). При перепечатке сделаны купюры и допущены неточности.

См.: 14 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 30 июля 1922; 17 сент. 1922; до 4 дек. 1922.

См. также: Есенин, VII (1), 8–10, 377–393.

Август, 19. Харбинская газета «Заря» печатает заметку «Скандал в Берлинском театре».

В этом материале с запозданием сообщается о посещении Есениным и А.Дункан «Дома искусств» в Берлине (см.: ночь с 12 на 13 мая 1922).

Белградская газета «Русское дело» (№ 146) публикует статью Е.В.Аничкова «Чрезвычайники» с упоминанием Есенина:

«...Есенин в автобиографии сообщает: “Самые лучшие поклонники нашей поэзии проститутки и бандиты” <...>

“Новая рус<ская> книга” печатает автобиографии молодых писателей: Соколов-Микитов, Борис Пильняк, Ветлугин, А.Дроздов, Замятин, Кусиков и сам Есенин, не только поэт, но и муж Айседоры Дункан — целая плеяда».

Август, до 20. В Берлине выходит журнал «Веретёныш» (№ 1; за август) со статьей Г.В.Алексеева «С рубежа», где идет речь о Есенине.

Граница события определяется по объявлению о поступлении номера в продажу (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 20 авг., № 1037).

Автор пишет:

«Первая революция — придушенная, дала Бунина, Андреева, Куприна, Горького, Сологуба, А.Белого, Блока, Шмелева, Сергеева-Ценского, гр. А.Н.Толстого, вдруг яростно вздевших флаг русского слова на умопомрачительную высоту. Каждый из них — веха в русской литературе, каждый был школой, вожаком, за которым пробивались десятки молодых.

Посмотрим, что дала вторая революция, загулявшая? “Стариков” она сбросила с закачавшегося борта раньше бури <...>. “Молодым” она распоясала души, сняла все путы со слова и сразу открыла тысячи путей. И, зачатые бытом революции, они по мере разумения своего, продолжали ее дело — разрушение. Там, в России, они — матерщина, увенчанная стихом; богохульство, продетое в догмат; свистопляска закусившего удила слова; Маяковские и Шершеневичи, сотворившие молитву заборной надписи; Есенины и Орешины — талантливое, но озорное мужичьё, заменяющее литературу зычным свистом; “армяне, черкесы, крестьяне” — поэты общественных уборных, и

дамы, дамы без конца, скрипящие о революции ласковым, воркующим язычком. Здесь — в русской эмиграции — это вывихнутые Эренбурги, клевещущие на Россию своими молитвами и проклятиями, на Россию, которой они никогда не знали и никогда не любили...».

Август, 20. Берлинская газета «Голос России» (№ 1037) помещает объявление «Русского книжного салона»:

«<...> *Последние новинки:* Есенин. Пугачев. 50 <марок>».

Август, 21 или 24. В парижской газете «L'Intransigeant» дается информация Ф.Дивуара (подпись: Les Treize) о выходе журнала «Le Disque Vert» (№ 4) со статьей Ф.Элленса о Есенине:

«Со времен Пушкина Россия, быть может, не имела более великого поэта, чем Есенин. Это говорит нам г-н Франц Элленс. Он сообщает нам также, что этот крестьянский сын, который провел большую часть своей юности среди полей, сразу стал известным. Один сановник представил его к царскому двору, где ему позволили прочесть свои стихи. После одного из этих чтений, которое привело Императрицу в восхищение, она спросила Есенина: "Стало быть, Россия и в самом деле так грустна?" И юноша подтвердил это. Нет ничего удивительного, добавляет г-н Франц Элленс в своей содержательной статье из *Disque Vert*, что один крестьянин смог таким образом дойти из отдаленной деревни до царского двора: поэзия в России способна на подобные чудеса».

Вырезка со штампом о ее источнике и дате — Тетр. ГЛМ. Вторая цифра числа выхода газеты, имеющегося в штампе, прочитывается неоднозначно.

Перевод Мишеля Никё.

См.: 17 авг. 1922.

См. Приложение.

Август, 23. Берлинская газета «Накануне» (№ 114) публикует статью М.Левидова «Организованное понижение культуры (Почти предсказание)», где идет речь о Есенине:

«Футуризма в России, конечно, никогда не было. Был Маяковский, единственный и громадный. Он был в октябре и с октябрем. Опять-таки единственный, но... не громадный. Напоенный духом ненависти и разрушения — был он с октябрем. За ним пошли — такие же, как он: изгои; как и он, пьяные пафосом ненависти и разрушения. Несколько художников, скульпторов, музыкантов, теоретиков. Создался на миг намек на союз «левого искусства» с революцией. <...>

На опыте вышло, что из левого искусства ничего не вышло, ибо потребитель его не захотел, да и вообще искусства не захотел. <...>

... первая попытка октября в искусстве, встреченная кисло-сладко государством и равнодушно потребителем, — распылилась! <...>

Вторая попытка. Родилась в марте 1919 года в Москве, в кафе "Домино". Имажинисты. Каюсь перед друзьями моими — Сергеем Есениным и Кусиковым. Они помнят, как ругались мы тогда до зари.

Но не подумайте, ради бога, что обвинял я имажинизм в "кощунственности и безнравственности", подобно православным христианам из "Руля" и кастратам из другой берлинской газеты. Мне казалось, что имажинизм — это так себе, случайное, что Есенин и Кусиков шалят, а для Мариенгофа с Шершеневичем — он только шпаргалка, чтоб лучше выдержать экзамен: Мариенгофу — на Шершеневича, Шершеневичу — на

Маяковского. Каюсь — я ошибался. Теперь на расстоянии я вижу: у этой четверки было какое-то общее теоретико-психологическое переживание. И, по-видимому, в противовес комфутуризму Маяковского, то не было переживание жертвенности, посвящения себя революции. Нет, колесницу этой четверки революция вытолкнула на большую дорогу, на оголенную дорогу, без огней и вех, без унавоженных колей. Тут безусловное было единство ощущения. Ощущения одинокости и одинаковости этой одинокости. Но колесница помчалась — без кучера, и разнесла ее бурная четверка — вдребезги. А теперь они мчатся — каждый по своему пути. Куда? Конечно, по орбите революции. И это всё. Они — не искусство революции. Только искусство во время революции. Вскормленные и вспоенные, но не благословенные ею. Одиночки, в революции прокладывающие свои пути. В ней более не нуждающиеся и ей не нужные. Имажинизм — не школа. Это общие ясли группы поэтов 1919 года. <...>

... поэзия наша "организуется". Сделается, так сказать, прикладным искусством. Жалко, конечно, Маяковского и Есенина, Кусикова и Пастернака, но их в лоск убьет Общество Изучения Поэтического Языка, оно же "*опояз*". И поистине выдающихся спецов для массового производства и потребления будет давать это общество».

Отклик см.: 2 сент. 1922, вторая запись.

Другую редакцию статьи (без упоминания имен Есенина и А.Кусикова) см.: журн. «Красная новь», 1923, № 1, янв.-февр., с. 306–318.

Август, 27. Берлинская газета «Руль» (№ 530):
— сообщает о выходе в «Русском универсальном издательстве» поэмы Есенина «Пугачев» (рубрика «Новые книги»);
— помещает объявление «Русского книжного салона»:
«<...> *Последние новинки:* Есенин. Пугачев. 50 <марок>».

В литературном приложении № 15 к берлинской газете «Накануне» (№ 118) публикуется посвященная книге А.Ветлугина «Записки мерзавца» статья И.М.Василевского (Не-Буквы) «Современники», где идет речь о Есенине:

« 1.

Принято думать, что русская литература не знает так наз<ываемых> "положительных типов" <...>

Быть может, более правильной и убедительной является мысль о том, что русская литература не знает именно отрицательных типов. <...>

Нарисовать подлеца в чистом виде, изобразить человека, имеющего право печатать на визитных карточках звание "мерзавец", — задача вовсе не простая.

Книга г. А.Ветлугина "Записки мерзавца" посвящается, как это значится на заглавном листе, гг. Сергею Есенину и Александру Кусикову.

Посвящать том лирических стихов златокудрой даме своего сердца, — это понятно. Но книга со звучным названием "Записки мерзавца" требует, казалось бы, большей осторожности. Неужели гг. С.Есенин и А.Кусиков не считают себя обиженными?

Впрочем, г. С.Есенин недаром же убеждал нас в своих стихах:

Если не был бы я поэтом,
То наверное был хулиган и вор <так!>.

И г. А.Кусиков с не меньшей определенностью на всех вечерах мрачно декламирует поэму, начинающуюся чем-то вроде "письма в редакцию", или в лучшем случае "стороннего сообщения":

Обо мне говорят, что я сволочь...

Перед нами какая-то эпидемия, поветрие. Образовалась странная мода на то, чтобы быть (или слыть?) мерзавцем и вором, хулиганом и сволочью. И когда вдумываешься в это поветрие, начинает казаться, что оно не случайно. "В этом безумии есть своя система".

Так хлопнуло по голове, так шваркнуло по затылку интеллигенцию всероссийскую, что закипела острая ненависть к былым позициям. Остро понадобился защитный цвет, особая военная маскировка в лето от Рождества Христова 1922-ое.

— Я вор и мерзавец, уверяю вас... Только не думайте, ради Бога, что я интеллигент, я, право же, хулиган и сволочь...

Вот уж, воистину, "Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник...".

<...> 5.

<...> Теперь стало модным объявлять себя хулиганом и мерзавцем (это не только у Ветлугина, Есенина, Кусикова, но и у Маяковского, у Мариенгофа, Шершеневича и многих-многих еще). Но и от этого жизнь не изменится к худшему. Разве только правдивее, искреннее станет <...>

Книга написана очень хорошим, сочным и свежим языком. Совершенно напрасно только А.Ветлугин любит неприличные слова <...>

Эта любовь к грубости у А.Ветлугина (как и у прочих современников от В.Маяковского до С.Есенина) не только внешняя черта. Это что-то основное, заветное».

Август, до 29. В Саранске выходит книга с титулом «Песенный частокол. Борис Сорокин (имажинист). 1922» и с посвящением на отдельном листе «Сергею Есенину с дружбою. Июнь — 1922».

Стихотворение сборника «Это я красногубый и смелый...» также предварено посвящением: «Сергею Есенину».

Граница события устанавливается в соответствии с датой публикации отклика на книгу (см.: 29 авг. 1922, вторая запись).

О встречах Б.А.Сорокина с Есениным в 1910-е гг. см.: Летопись, 1, 176–177, 192.

См. Приложение.

Август, 29. Белградская газета «Новое время» (№ 401) сообщает, что в ее редакцию поступила для отзыва книга Есенина «Пугачев» (Берлин).

Московские «Вечерние известия» (№ 35; рубрика «Критика и библиография»; подпись: Ма-Г) помещают рецензию на сборник Б.А.Сорокина «Песенный частокол»:

«Крестьянская поэзия последних лет шествует главным образом под знаменем Сер. Есенина. В революционные годины русская провинция выдвинула очень много поэтов, как рабочих, так и деревенских.

Крестьянская поэзия русской провинции, тем не менее, пока еще не дала ничего яркого. Они занимались перепеванием "центровиков": Есенина, Клычкова, Орешина.

Книжка "имажиниста" (так себя рекомендует поэт на обложке книги) Бориса Сорокина, изданная неизвестно кем и почему, в г. Саранске Пензенской губернии — одно из лучших доказательств, что провинция пока не дала ничего нового в области крестьянской поэзии.

Стихи Сорокина мы уже имели возможность читать, хотя в гораздо лучшем виде, в сборниках Есенина и Орешина. Образы Сорокина — старые, вошедшие в обиход образы имажинистской плеяды, плетущиеся в хвосте центральной группы имажинистов.

<...> Сорокин еще плохой поэт. Ибо нельзя назвать поэтом человека, живущего на чужой счет, занимающегося с видом девственной невинности безудержным плагиатом».

Август, 30. Харбинская газета «Свет» (№ 952) с опозданием публикует информацию «Айседора Дункан о Советской власти»:

«В интервью с берлинским сотрудником "Нью-Йорк Геральд" известная танцовщица заявила, что очень полюбила русский народ и через год думает вновь посетить Россию, но при этом не скрывает своей радости — очутиться вновь в культурном государстве, где можно иметь кипяток, полотенце и другие мелочи, без которых трудно обойтись культурному человеку».

Подобная информация была опубликована, например, в парижских «Последних новостях» (см.: вечер 10 мая 1922).

См. также: Николаев, 54–55.

Парижская газета «Последние новости» (№ 725) публикует заметку С.В.Познера «Литературная молодежь», где возникает имя Есенина.

По поводу того, что в некоторых кругах эмигрантской интеллигенции осуждают молодежь за «доблестные» подвиги в берлинском Доме искусств, автор замечает:

«Приехавшие из России Андрей Белый и А.М.Ремизов в безобразиях "Дома" не повинны. Кусиков и Есенин? Но разве представитель захиревшего в Москве имажинизма Кусиков и еще не определившийся окончательно Есенин — показательны, типичны для молодых литературных кругов?

Не думаю».

Август, конец. В Петрограде выходит журнал «Книга и революция» (№ 7) с материалами о Есенине.

Галушкин-2005, 2, 515.

В номере публикуются:

— рецензия Н.А.Павлович на книгу Есенина «Пугачев» (Пг.: Эльзевир; подпись: М. Павлов):

«"Пугачев" — самое значительное произведение Есенина. Многие его не примут, отпугнутые языком, на котором говорят герои этой драматической поэмы, ибо язык этот принадлежит нынешним дням, даже если не принимать в расчет многих выражений, принадлежащих только московским имажинистам. <...> Другие совершенно справедливо могут выразить недоумение, почему автор избрал форму драматическую, т. к. вещь эта лирична по существу. Но если вчитаться в эти дикие (пусть дикие) стихи, если отдаться тревоге этих ритмов, то начинаешь видеть чистые, печальные и строгие очертания художественного замысла, за ними — и лицо самого поэта.

Иванов-Разумник в своей статье "Три богатыря" <см.: 1 февр. 1922> прав, говоря о Есенине, что "имажинизм" — наносное в творчестве поэта.

Есенин больше "имажинизма". Есенин, пусть "в цилиндре и лаковых башмаках", связан с народной стихией. Когда-то он писал:

Небо, как колокол,
Месяц — язык...
Мать моя родина,
Я — большевик.

Таким же "большевиком" был и Пугачев.

"Большевиком" потому, что на малом не примирится, легкого пути не возьмет; в последнюю минуту, когда ему осталась пядь земли, и та из-под ног ускользает — потребует целой Азии.

"Большевик" (так верил Есенин, так верил Пугачев) — тот, кто большую идею поставил выше себя, свое малое "я" отдал большому.

В "Пугачеве" есть две замечательных сцены.

1. Разговор Бурнова, Чумакова и Творогова — предателей Пугачева.
2. Гибель Пугачева.

В первой — дьявольская диалектика. Предай, чтобы уцелеть самому, жить самому, ибо жизнь прекрасна до листьев тополя (не вспоминаются ли карамазовские "клейкие листочки"?). Предай потому, что "в Пензенской губернии" у тебя "есть свой дом!"

Предай потому, что "жалко солнышко, жалко месяц, жалко тополь под низким окном!"

Только для живых благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленя!

И последнее — "плевать мне на всю вселенную, если здесь завтра не будет меня".

И от этого "плевка" гибнет замысел Пугачева.

Люди предали великое дело.

Но ведь тревога ритмов поэта не случайна. Не случайны эти отчаянные повторения: "Слушайте, слушайте, слушайте", — пронизывающие всю вещь.

Может быть, они к чему-нибудь обязывают и читателя. Может быть, и у нас есть "дом в Пензенской губернии", а если дома нет, так заветный "тополь" наверное найдется у каждого...

И вот другая сцена:

Пугачев связан, Пугачев гибнет. И перед ним в смертном бреду встает видение юности, виденье тихой родины, тоже низенького дома.

Эти строки так прекрасны, что мне хочется привести их целиком:

Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.
И всё дальше, всё дальше, встревоживши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?

Виденье собственной жизни исчезает. Пугачев в самом начале своего пути отказался от себя, даже от имени своего. Поэт подчеркнул это: "Больно, больно мне быть Петром, когда кровь и душа Емельянова".

Слава была бы в случае удачи чужому имени, слава была бы делу: на долю Емельяна остались боль пораженья и боль личного страданья... но осталась и память о родине.

И от этой родины, любимой, как юность, идет тепло, отогревающее душу томящегося человека.

Ноша тяжела; душа тяжела... но озлобления нет; озлоблены всегда из-за личного.

У Емельяна всё личное растворилось в свете "теплого и широкого месяца", и потому последнее его слово о врагах своих: "Дорогие мои, хорошие".

Есенин сделал свое дело, дело поэта. Он не учит, он показывает и, показывая, "испытует сердца". <...>

Блок в своей речи о Пушкине говорил о гармонии, испытующей сердца, о поэзии <...>.

"Пугачев" Есенина поэтичен в этом большом смысле, и потому забываются поэту отдельные неудачные места, неприятная вычурность выражений, надуманность образов ("воском жалоб сердца не окапишь" и т. п.).

Самый стих, которым написана поэма, почти всюду чрезвычайно музыкален, носит на себе печать большого мастерства (изысканные ассонансы, ритмические переходы). Но самое важное в поэме — это внутренняя правдивость ее, которая волнует нас, современников, и которая будет волновать, может быть, многих поздних читателей, потому что "Пугачев" — поэма наших дней, нашего героизма и нашего предательства»;

— рецензия И.А.Груздева на коллективный сборник стихотворений «Звучащая раковина» (Пг., 1922):

«...один из наиболее интересных авторов — Константин Вагинов. По нескольким стихотворениям еще трудно говорить о его творчестве, можно отметить лишь некоторые элементы. У него есть подкупающая лиричность. В стихотворении "У милых ног венецианских статуй..." он еще усиливает ее приемом лирического повторения (которым так хорошо пользуется, между прочим, Сергей Есенин; напр<имер>: "Трубит, трубит погибельный рог, Как же быть, как же быть теперь нам"...).

У милых ног венецианских статуй
Проплакать ночь, проплакать до утра
И выйти на Неву в туман, туман косматый...»;

— объявление о выходе № 5 берлинского журнала «Новая русская книга».

Из содержания номера:

«Писатели о себе (С.Есенин, И.Наживин)».

Август. В Брюсселе выходит французско-бельгийский журнал «La Bataille Littéraire» (№ VII/VIII, за июль–август) со стихотворением Есенина «Устал я жить в родном краю...» (в переводе Ф.Элленса и М.Милославской) и с анонимным откликом на № 4 журнала «Le Disque Vert», где идет речь о Есенине:

«"Le Disque Vert" (№ 4) содержит очерк Франца Элленса о русском поэте Есенине. Эта статья должна послужить предисловием к переводу произведений Есенина, выходящему в издательстве Поволоцкого (стихотворение, которое мы публикуем в этом номере, взято из данного сборника; оно удачно переведено Францем Элленсом и Марией Милославской).

Процитируем отрывок из статьи "Disque Vert" <далее (со слов "Если Маяковский...") целиком приводится последний раздел очерка Элленса; см.: до 17 авг. 1922>».

Перевод Мишеля Никё.

В Тетр. ГЛМ — вырезка заметки с пометой о названии издания и месяце его выпуска (рукой неустановленного лица). Полные выходные данные номера и сведения о публикации в нем стихотворения Есенина, сообщенные Мишелем Никё, были предоставлены ему Бьёрном Олавом Дозо (Льеж, Бельгия).

Вопреки предположению автора вышеприведенной заметки, Ф.Элленс предпослал книге переводов из Есенина предисловие, композиционно и текстуально несколько отличающееся от журнальной статьи, хотя ряд общих моментов в этих двух материалах имеется (ср.: до 17 авг. 1922 и 23 сент. 1922).

См. Приложение (этим иллюстративным материалом составители обязаны Бьёрну Олаву Дозо).

Международный журнал искусств «Broom» (Рим, т. 3, № 1) публикует заметку Эль Лисицкого (?) «Русский Берлин» о майском посещении Есениным и А.Дункан берлинского «Дома Искусств» (подпись: L. L.):

«Немецкий Берлин трепещет.

Айседора Дункан прилетает из России. Но русский Берлин вибрирует еще больше.

Ибо Айседора Дункан прибывает не с пустыми руками; она везет с собой драгоценный груз, а именно:

Поэта

И супруга —

В одном лице, точнее, знаменитого русского имажиниста, крестьянского поэта Сергея Есенина.

Айседора Дункан и Сергей Есенин сначала остановятся в Берлине, затем летят в Париж и Лондон и в октябре стартуют в Америку, где известное концертное агентство организовало турне по стране. Бюро надежное. Успех гарантирован.

Но вернемся назад, в Берлин. Первое, что сделала пара, было, конечно, посещение русского "Дома Искусств" — учреждения, где встречаются (невзирая на расу, религию, былую социальную принадлежность) все великие, почти великие и избранные (Gern-Grossen); где разговоры и содовая изливаются бесконечными потоками; где в огромных количествах потребляются теории и табак (их ждет одинаковая участь).

Никто не хотел нарушать эту приятную атмосферу. Мероприятие началось необычно рано, точнее, в половине одиннадцатого, что, разумеется, не означало, что Есенин уже был там. Он заставлял аудиторию ждать. Долго, но не напрасно. Лишь только пробило полночь (психологически хорошо рассчитанный момент), Есенин появился рука об руку с Айседорой Дункан. Окна вздрогнули. Снаружи бури не было — было громовое рукоплескание внутри. Энтузиазм был безграничен. Не удивительно, что один молодой человек забылся (что было неплохо); он забыл, что "Дом Искусств" аполитичен (что было уже хуже) и громко закричал: "Да здравствует Интернационал!" (конечно, подразумевая организацию).

Не знавшая правил этого дома, Айседора Дункан поддержала его.

"Chantez là <споём (*фр.*)>", — сказала она (думая, конечно, о песне).

"Долой Интернационал!" — закричал белогвардейский офицер (конечно, имевший в виду и то, и другое).

И тогда началось. И белые (вернее: черные), и красные (вернее: розовые) были полны решимости сражаться до последнего. Это было самое бурное собрание в истории этого степенного, беззубого учреждения. Дело зашло так далеко, что друг Есенина по имажинизму, прекрасный кавказский поэт Кусиков, понюхавший пороху в Красной Армии, захотел непременно пристрелить белогвардейского офицера "как щенка", как выразился он в запальчивости.

Есенина, устроившего в своем московском клубе имажинистов столько скандалов, что их могло бы хватить полдюжине мужчин на целую жизнь, столь мелкий эпизод не мог вывести из себя. Во всяком случае, белые были разбиты наголову, а "Интернационал" прозвучал очень естественно, хотя и несколько нестройно, со слегка переиначенным текстом; но, тем не менее, спет он был во весь голос и с энтузиазмом. Затем Есенин встал на стул и продекламировал свои стихи. Только русские могут так читать, и только один из всех них — это Есенин. Слова <идут>, падая сверху вниз, <как бы> молотя кулаками, бичуя, врезаясь в плоть, ошеломляя.

Стихами Есенина говорит многоголосая крестьянская революция со всеми ее эксцессами и противоречиями. В его произведениях прослеживается двойственность. Поэт, заявляющий, что он такой безобидный, что не тронет и мухи, через минуту готов вонзить в кого-нибудь нож. Смиренно снимающий шляпу перед коровой на вывеске мясной лавки, поэт отваживается переделывать самого бога. Кротко, и сразу же:

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерок зари коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну....
("Исповедь хулигана")

Угнетенные не имеют опыта, они недостаточно обучены лицемерию цивилизации для того, чтобы прилично выражаться или контролировать свои инстинкты. У них — всепобеждающая любовь к звериному бытию. Поэтому они жестоко мстят преступлениям прошлого, упрямо обороняют преимущества настоящего и всё ставят на кон ради свободы будущего.

Есенин понимает угнетенных. Если верить ему, то его понимают только проститутки и бандиты. Следуя Ницше, это был бы комплимент всем, кто способен ценить поэзию Есенина, даже если они и не имеют счастья быть проститутками или бандитами. Без сомнения, потенциально они относятся именно к этой категории и лишь по чистой случайности избежали своей участи. (Объяснения этому можно было бы поискать у Фрейда — или у Маркса). В этом отношении им, как и Есенину, могут подойти слова: "Если не был бы я поэтом, я был бы мошенник и вор".

Во время беспримерного восстания в России события развивались в головокружительном темпе. Поэзия Есенина движется синхронно быстроте этих событий. Он нагромождает одну необычайную картину на другую; он творит новую мифологию; он изобретает новые ритмы. Революционный толчок никогда не повторится в том же виде вновь, но он уже схвачен, конкретно и надолго запечатлен в поэзии Есенина».

Цит. по: Mierau F. Sergej Jessenin. Leipzig: Reclam-Verlag, 1991, p. 252–256 (пер. с нем. Н.В.Михаленко под ред. С.И.Субботина).

См. также: с 12 на 13 мая 1922; 14 мая 1922, третья, четвертая и шестая записи; 16 мая 1922, шестая запись; 17 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая и третья записи.

Журнал «Сполохи» (Берлин, № 10) помещает:

— очерк Г.В.Алексеева «Живые встречи: (Русские писатели в революции): Сергей Есенин».

Фрагменты этого текста см.: около 12 ч. дня 11 мая 1922; с 12 на 13 мая 1922.

См. Приложение;

— рецензию на книгу Ф.В.Иванова «Красный Парнас» (подпись: А.Книголюб):

«Ф.Иванов поставил себе задачей дать ряд характеристик творчества поэтов, распевающих в революционной России: здесь Блок, Есенин, Эренбург, Шершеневич, Маяковский и др. Задачу эту он смял, выполнил наспех, вместо общей картины получился ряд мыслей, нанизанных одна на одну нехотя и зачастую лживо. Безусловно неверна оценка имажинизма как поэзии разрушения и неверия — только ли разрушает и не верит Есенин? <...> Со всем тем последняя глава книги: "Итоги" — содержит в себе очень четкие и верные мысли об оздоровлении русской литературы и о ее "обновленном повороте к старому, вечному, ценному". Федор Иванов обладает хорошим, не всегда точным, <но> красивым языком — это заставляет прощать книге его многое».

См.: до 30 апр. 1922; 30 апр. 1922, вторая запись.

В берлинском критико-библиографическом журнале «Новости литературы» (№ 1) печатаются материалы, связанные с именем Есенина и с выпуском его книг.

О конкретном содержании этих материалов см.: Летопись, 3 (1), 257, где информация о выходе этого номера в свет ошибочно помещена под датой: «<1922>. Январь».

Август, не ранее. Выходит журнал «Казанский библиофил» (№ 3) с материалами о Есенине.

Время события определяется в соответствии с датой, содержащейся в названии одной из статей номера: «Обзор издательской деятельности истпартов: (Октябрь 1920 — *июль 1922* <выделено сост.>)».

В номере публикуются:

— статья В.А.Летнева «Имажинистская драматургия. 1. Есенин Сергей. Пугачев. [М.,]: Имажинисты. 1922; 2. Мариенгоф Анатолий. Заговор дураков. Трагедия. [М.,]: Имажинисты, 1922»:

«Имажинисты в роли драматургов. Странно, но очень недурно, первый экзамен выдержан блестяще, правда, не забудем, что на сцене корифеи. Положительно хорошо, а некоторые страницы прямо-таки превосходны.

Есенин — безусловно крупный талант; нравятся или не нравятся вам его отдельные выверты, но он несомненный поэт, и поэт, достойный лучших страниц в книге русской поэзии XX века. Чем он захватывает? Прежде всего, поразительною напряженностью, уже затем красотой стиля. У него свой стиль, его стакан не космичен, но он и не мал, в его палитре много красок, от лирики до подлинной трагедии. И всё лучшее он вложил в Пугачева, в эту красивую сказку старого русского бунтарства. Об Есенине трудно писать, его надо переписывать целыми страницами, ибо он безмерно богат и швыряет сотнями стихов, каждый из которых сделает честь многим; у него тысячи образов, ярких, ярких до рези в глазах, если воспринимать их зрительно, отчетливых, мощных. А дерзание? Есенин весь в этом, в дерзании, оно — его стихия, и он купается в нем, он дразнит нас охапками (не скажешь, букетами) пряных, глубоких, сильных стихов. <...> Пугачева дух реет в этом бурном поэте, потому так экспрессивна эта трагедия»;

— рецензия Е.И.Шамурина на журнал «Художественное слово» (М., 1920, № 1; 1921, № 2).

Среди авторов журнала отмечен Есенин.

Август ... Сентябрь. В Москве выходит журнал «Рупор» (№ 3; рубрика «Блокнот Рупора») с анонимной заметкой о Есенине.

Границы события определяются по содержанию номера с учетом публикации обзора первых трех номеров журнала (газ. «Новости», М., 1922, 9 окт., № 1 (16); подпись: А. О.).

Автор пишет:

«Никто не пророк в своем отечестве, но зато, к счастью, существует Берлин: перебравшись туда, покинув Тверскую, имажинисты пожинают лавры. В газете "Накануне" москвичи читают: в Москве сто имажинистов — сообщает газета со слов Сергея Есенина <см.: 16 мая 1922, третья запись>. В Москве имажинистов на руках носят. Русские эмигранты — люди наивные: поверили и начали сами носить их.

"В России мы гениальными считаемся", — сказали Кусиков и Есенин. Они гениальны — стал уверять Ветлугин в "Накануне" <см.: 4 июня 1922, вторая запись>. Большой талант Сергей Есенин, талантливый человек и Кусиков, дай бог им обоим счастья, добра и лавров, но для чего подражать Ивану Александровичу Хлестакову и перетаскивать в Берлин тридцать тысяч курьеров?»

См. также: до 3 дек. 1922.

Сентябрь, начало (?) – до 24 (?). Есенин не раз встречается с Ф.Элленсом, к тому времени приехавшим из Брюсселя в Париж с переводами произведений поэта на французский язык.

Рамки событий определяются по сведениям из воспоминаний Ф.Элленса, изданным в 1958 г. (см. 13 (?) мая–20 (?) июня 1922; 12–14 (?) июля 1922) с учетом времени отъезда четы Есениных в Америку.

Переводчик вспомнит:

«Это было в то время, когда я вместе со своей женой переводил его стихи. Я видел его каждый день то в небольшом особняке Айседоры на улице Помп, то в отеле "Крийон", где супружеская чета спасалась от сложностей домашнего быта. Если в "Крийоне" Есенин производил впечатление человека светского, вполне соответствующего той обстановке, которая казалась столь мало для него подходящей, то в будничной обстановке маленького особняка он представал передо мной в своем более естественном облике, и, во всяком случае на мой взгляд, выглядел человеком более интересным и более располагающим к себе. Я имел также возможность с некоторым смущением наблюдать этот союз молодого русского поэта и уже клонившейся к закату танцовщицы, показавшийся мне сначала, как я уже говорил, почти чудовищным. Я думаю, что ни одна женщина на свете не понимала свою роль вдохновительницы более по-матерински, чем Айседора. Она увезла Есенина в Европу. Для того, чтобы вывезти его из России, она предложила ему брачный союз. Это был поистине самоотверженный поступок, ибо он был чреват для нее жертвой и болью. У нее не было никаких иллюзий, она знала, что время тревожного счастья будет недолгим, что ей предстоит пережить драматические потрясения, что рано или поздно маленький дикарь, которого она хотела воспитать, снова станет самим собой и сбросит с себя, быть может, жестоко и грубо тот род любовной опеки, которой ей так хотелось его окружить. Айседора страстно любила юношу поэта, и я понял, что эта любовь с самого начала была отчаянием.

Мне вспоминается вечер, когда одновременно раскрылись и драма этих двух людей, и подлинный характер Есенина.

Я пришел, когда они были еще за столом, и застал их в каком-то странном и мрачном расположении духа. Со мной едва поздоровались. Они были поглощены друг другом, как юные любовники, и нельзя было заметить, что они находятся в ссоре. Несколько мгновений спустя Айседора мне рассказала, что слуги отравляют им жизнь, что этим вечером здесь разыгрались отвратительные сцены, которые совершенно расстроили ее, Есенин, заметив, что его жена против обыкновения нервна и теряет то поразительное спокойствие и чувство меры, как бы ритма, которые были основой и ее ис-

кусства, и самой ее натуры, что по обыкновению так хорошо воздействовало на поэта, решил ее подпоить. Никаких дурных намерений у него не было. Он настаивал нежно и ласково, сам поднося бокал к губам жены. Но по мере того, как вино оказывало свое действие, я все яснее и яснее различал в чертах ее лица то отчаяние, которое она обычно умела скрывать под наружным спокойствием и улыбкой. Отчаяние выражалось также и в чисто физическом упадке ее сил.

Внезапно Айседора как бы пришла в себя и, сделав над собой усилие, пригласила нас перейти в ее студию — в тот огромный зал, где находилась эстрада и вдоль стен стояли диваны с подушками. Она попросила меня прочитать только что законченный мной французский перевод "Пугачева", строки которого — это и действующие лица, и толпы народа, ветер, земля и деревья. Я прочитал, хотя и неохотно, потому что боялся испортить своей робостью и неважной дикцией великолепную поэму, одновременно резкую и нежную. Айседора, очевидно, не была удовлетворена моей декламацией, потому что тотчас же обратилась к Есенину с просьбой прочитать поэму по-русски. Как же мне стало стыдно, когда я его услышал и увидел, как он читает! И я посмел прикоснуться к его поэзии! Есенин то неистовствовал, как буря, то шелестел, как молодая листва на заре. Это было словно раскрытие самих основ его поэтического темперамента. Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца. В его чтении ясно выражались его вкусы — то он как бы пел свои стихи, то провозглашал их, то извергал их, то выкрикивал, то точно мурлыкал со звериной силой и грацией, которые пронзали и околдовывали слушателя.

В тот вечер я понял, что эти два столь несхожих человека не смогут расстаться без трагедии».

Восп., 2, 21–23.

Сентябрь, 1. Главный художественный комитет Наркомпроса РСФСР утверждает список деятелей искусства для получения дополнительного академического обеспечения.

Есенин внесен в указанный список (подраздел «по литературе») по III разряду наряду с Д.Бедным, В.Вересаевым, В.Маяковским, Б.Зайцевым, Б.Пастернаком, И.Шмелевым, Б.Пильняком и М.Пришвиным.

ГАРФ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 389, л. 40; заверенная машинописная копия.

Ср: до 28 июня 1922; 28 июня 1922.

Окончательное решение о предоставлении этого обеспечения выносилось в заседании Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР. Соответствующие архивные документы выявить не удалось.

О сведениях по поводу решения ЦЕКУБУ в печати русской эмиграции см.: сент (?) — окт. (?) 1922; 22 февр. 1923.

Сентябрь, 2. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3507) перепечатывает стихотворение Есенина «Сторона ты моя, сторона...» <«Сторона ль ты моя, сторона!..»>.

Берлинская газета «Накануне» (№ 123) помещает статью К.Спасского «Что вы называете "понижением"? (Открытое письмо Мих. Левидову)», где говорится о Есенине:

«...скажите, Левидов, по совести, положа руку на сердце: разве у нас сейчас в России меньше (количественно) культуры, чем было в 1916 году?.. Конечно, нет... Может быть, культурности меньше, — это да, — но истинной-то культуры разве меньше?

Взглянем давайте на литературу. Что было в 1916 году? Андреев, Куприн, Бунин, Шмелев, Блок, Бальмонт, Сологуб. Что есть сейчас? Пастернак (помните, вы писали недавно, что, по вашему мнению, Пастернак во многих отношениях не ниже Блока), Маяковский, Кусиков, Есенин, Пильняк, Зощенко, Замятин, Александровский, Герасимов, Асеев. <...>

Помните, Левидов, в ноябре прошлого года вы читали доклад в Доме Печати в Москве, и вы жаловались, что "мы литературно вымерли".

Вам возражал Маяковский: он предсказывал, что очень скоро наступит литературное возрождение. И ведь Маяковский оказался прав. Ведь предсказание Маяковского сбывается. <...>

Русская литература ожила — не та литература, которая была раньше, а другая — качественно другая, но количественно — разве она ниже той?

Поэзия русская переживает период расцвета. Разве было у нас в 16 году столько больших, глубоких и сильных поэтов? Революция создала "Двенадцать" Блока, "150 000 000" Маяковского, "Пугачева" Есенина. Разве этого мало? <...>

Надобно сказать, Левидов, правду, хотя это может показаться самохвальством: наша революция отнеслась к культуре чрезвычайно бережно, необычайно внимательно, необычайно любовно. Нарком-интеллигент, плакавший вам в жилет, войдет в историю (да, Левидов, войдет в историю) прежде всего как охранитель, как оберегатель культурных ценностей... И рядом с его именем будет стоять в истории имя Максима Горького, тоже хранителя и оберегателя... <...> Много погибло, но еще больше спасено...».

Автор полемизирует со статьей М.Левидова (см.: 23 авг. 1922).

В рубрике «Новые книги, присланные в редакцию» варшавской газеты «За свободу!» (№ 245) — книга Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

Сентябрь, 2 ... 19. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 7, за июль) с рецензией И. Э. (И.Г.Эренбурга) на сборник Н.С.Тихонова «Орда: Стихи» (1922), в которой упоминается Есенин.

Нижняя граница события устанавливается по одному из объявлений (со словами: «Новые цены с 1 сентября»), помещенных в номере, а верхняя — по объявлению книжного магазина «Москва» о поступлении номера в продажу (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 20 сент., № 1063).

Из рецензии:

«...в Москве Маяковский, "Центрофуга", Есенин и др. создали немало вещей, полезных всякому туземцу».

Сентябрь, 3. Берлинская газета «Голос России» (№ 1049) публикует материалы с упоминанием Есенина:

— рецензию Е.Л.Шкляра на «Сборник самарских поэтов» (Самара, июнь 1922):

«Из 12 представленных сборником поэтов: Муран, А.Ширяевец, Я.Тисленко <...>, К.Яковчик, Сергей Спасский, Галина Владычина, Ив. Милютин, Ал. Королева, Влад. Королев, Мих. Герасимов <и др.> — бесспорно талантливы Михаил Герасимов и Галина Владычина. Первый поместил поэму "Песня утренних зорь", в которой, несмотря на нескромное влияние Есенина, всё же чувствуется нечто острое, свое, всамделишное. <...>

Совершенно плоские перепевы и подражания Есенину у другого самарского "имажиниста" — К.Яковчика, повествующего, как

Снова лысым теленком
Месяц щиплет траву...»;

— объявления магазина «Книжный салон» РУИ и книжного магазина И.П.Ладыжникова о последних новинках, среди которых «Пугачев» Есенина (Берлин) по цене 70 марок;

— объявление издательства «Скифы» о новых ценах на книги с 25 августа:

«Андрей Белый и Сергей Есенин. «Россия и Инония». 30.– <...>
Сергей Есенин. «Триптих». 20.–».

Московская газета «Труд» (№ 196) публикует статью С.А.Родова «Дело обстоит куда хуже», где говорится о Есенине:

«...до сих пор наша борьба была направлена против буржуазной идеологии преимущественно в области политических и экономических вопросов. В художественной литературе дело обстоит куда хуже: здесь мы наблюдаем явление как будто даже обратное. <...>

К пролетарской художественной литературе у части наших старших товарищей отношение не только равнодушное, более того — пренебрежительное. Пока это не изменится, нельзя серьезно говорить об успешной борьбе с буржуазной идеологией. <...>

Не пора ли поискать и привлечь к делу критики и рецензий людей, поближе стоящих к нашей идеологии? <...>

..."Красная Новь", редактором которой состоит тов. Воронский, перекликается <...> с помощью Есенина с центральным органом сменовеховцев — "Накануне", причем в своей литературной части эти два органа, очевидно, настолько созвучны, что напечатали одно и то же стихотворение пресловутого имажиниста <"Всё живое особой метой..."; см.: 14 мая 1922, вторая запись; до 17 июня 1922>».

Сентябрь, 6. Московская газета Известия ВЦИК» (№ 199; рубрика «Литература. Искусство. Критика») помещает статью Г.Ф.Устинова «Не с того конца», где идет речь о Есенине.

Сетуя на пессимизм, возникающий в творчестве пролетарских поэтов, автор цитирует соответствующего настроения стихотворение В.Д.Александровского, а затем продолжает:

«И не одного его <Александровского> занимают такие безнадежно пессимистические мотивы. Они <пролетарские поэты> отходят, отпугнутые странным, ничем не вызванным и ничем не оправданным отношением <к ним Советской власти>. И в их новом, становящемся чуждым революционному стиле чудится другая группа поэтов-меланхоликов, вождем которой был безнадежно погибший гениальный Есенин.

Я последний поэт деревни.
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час

Есенинский "двенадцатый час" пробил потому, что этот час пробил его деревне.

Но разве русскому революционному пролетариату пробил двенадцатый час, чтобы дать отставку по чистой поэтам?!»

Сентябрь, 8. Варшавская газета «За свободу!» (№ 250) публикует статью «Литературные "уголки" Москвы» (подпись: Senex).

В ней подробно описывается быт имажинизма и «Стойла Пегаса»:

«Развлечения в "Стойле" заключались в двух отделениях. С вечера часов до одиннадцати играл маленький оркестр из скрипача, виолончелиста и аккомпаниатора, пианиста. После этого начиналось "выступление" поэтов Стойла. Каждый день посвящался какому-нибудь одному поэту. Остальные, главным образом, "президиум" Стойла, вращались среди "публики" для придания особого блеска Стойлу. Наиболее чтимыми "хозяевами" там Шершеневич, Мариенгоф и... Есенин. Все три, нарумяненные, совершенно напоминали собой веселых "девиц". Совместное появление Мариенгофа и Есенина вызывало в публике специфически игривое настроение».

Сентябрь, 9. Белградская газета «Новое время» (№ 411; подпись: Ренэ Санс) помещает «маленький фельетон» К.Я.Шумлевича «Пугачев»:

«Ох, как устал и как болит нога!
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?

Так начинается новое творение отныне знаменитого мужа Дункан — большевистского поэта Сергея Есенина.

На 61-й странице, писанной, как свидетельствует дата, с марта по август 1921 г., вы не найдете ничего, кроме вышеприведенных шедевров. Образы — дикие ("дорога ржет"), рифм нет, какие-то сомнительные созвучия...

Есенин пытается рассказать большевистскими стихами "Историю пугачевского бунта" и в отдельных отрывках, ничем друг с другом не связанных, следит за Пугачевым от его появления в Яицком городке до "конца Пугачева".

С большим напряжением вы преодолеваете эту маленькую книжонку, наполненную какими-то хромыми строчками, выдуманными словами, нарочито сочиненными образами, невероятными рифмами — и в голове остается какая-то муть, как будто бы даже какая-то отрава. Впрочем, предоставлю читателю судить самому. Пугачев говорит после того, как он убедился, что "луна, как желтый медведь, в мокрой траве ворочается" (причем к "ворочается" рифма — "почва"):

Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн распалась.
Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.

"Здесь" всё хорошо. Но почему "парус"? Или Есенин представляет себе Пугачева какою-то шхуной? Успокоившись в том, что парус на месте, Пугачев продолжает:

Деревянные колокола.
Голос их ветер хмарью свел.
О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел.

Осведомившись затем у сторожа (?), —

Так же ль здесь, сломав зари застенок,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов? —

Есенин сбивается с футуристического тона и говорит нормальным языком:

Так же ль мирен труд домохозяек,
Слышен прялки мирный разговор?
Нет, прохожий! С этой жизнью Яик
Раздружился с самых древних пор.

Подобным образом товарищ Есенин ошибается в книжке несколько раз, доказывая, как трудно приучить себя к фальшивому и неестественному стихоплетению эпохи Луначарских.

Но вот —

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику (?) петух —

и... глава заканчивается.

Если ко всему этому прибавить образцы искусственных и совершенно негармоничных способов достижения фонетических эффектов, вроде:

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
А, Емельян, Емельян, Емельян,
Что нового в этом мире, Емельян?

прибавить, что в нескольких местах фигурируют самые грязные, площадные выражения, из которых одно, как полагается по режиму, направлено против Императрицы Екатерины, то разбор этой дрянной книжонки может считаться конченным.

По власти и искусство, по Сеньке и шапка...».

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Сентябрь, 10. Берлинская газета «Накануне» (№ 130) дает объявление «Русского универсального издательства» о выходе книги Есенина «Пугачев».

Сентябрь, 11. В Государственном издательстве РСФСР (Москва; тираж печатается в Петрограде) выходит книга Есенина «Избранное».

Субботин-2001, 164, 169.

Ср.: Юсов-94, 37.

Содержание:

Радуница: «Край любимый! Сердцу снятся...»; «Тихо в чаще можжевеля по обрыву...», с посвящением: «Р.В.Иванову»; В хате («Пахнет рыхлыми драченами...»); «Я пастух, мои палаты...»; «Гой ты, Русь моя родная...»; «Топи да болота...»; «Черная, пóтом пропахшая выть...»; «Край ты мой заброшенный...».

Голубень: «За темной прядью перелесиц...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Я снова здесь, в семье родной...»; «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «Нощь и поле, и крик петухов...»; «О край дождей и непогоды...»; Голубень («В прозрачном холоде заголубели долы...»); «Запели тесаные дроги...»; «Не напрасно дули ветры...»; Корова («Дряхлая, выпали зубы...»); Табун («В холмах зеленых табуны коней...»); «О товарищах веселых...».

Преображение: «Разбуди меня завтра рано...»; «Где ты, где ты, отчий дом...»; «Зеленая прическа...», с посвящением: «Л.И.Кашиной»; «Нивы сжаты, рощи голы...»; «Я по

первому снегу бреду...»; «О верю, верю: счастье есть!..»; «Вот оно, глупое счастье...»; «Песни, песни, о чем вы кричите?»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...».

Трерядница: «Я последний поэт деревни...», с посвящением: «Мариенгофу»; «Душа грустит о небесах...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Я покинул родимый дом...»; Песнь о собаке («Утром в ржаном закуте...»); «Хорошо под осеннюю свежесть...»; «Закружилась листва золотая...»; «Теперь любовь моя не та...», с посвящением: «Клюеву»; «По-осеннему кычет сова...».

Мреть: Песнь о хлебе («Вот она, суровая жестокость...»); «Дождик мокрыми метлами чистит...»; «Все живое особой метой...»; «Не жалею, не зову, не плачу...».

Поэмы: Русь («Потонула деревня в ухабинах...»); Пантократор («Славь, мой стих, кто ревет и бесится...»).

«Есенинское “Избранное” было выпущено 11 сентября 1922 г., когда поэт был за границей. В его отсутствие руководство Госиздата произвольно изменило условия договора с ним. Во-первых, книга вышла вдвое меньшим тиражом (1500 экз.). Во-вторых, вместо принятых от автора по договору 1124 строк в ней оказалось 1060 строк, т. е. на 64 строки меньше.

<...> обратим внимание на источник, которым пользовался Есенин, отбирая тексты для “Избранного”. Им оказался макет другой книги, которая появилась той же осенью 1922 года за границей под названием “Собрание стихов и поэм. Том 1” (Берлин; Пб.; М.: З.И.Гржебин).

В самом деле, сопоставление содержаний этих двух книг демонстрирует их композиционную идентичность. И в том, и в другом случае лирика распределена по пяти разделам, а первые четыре даже имеют в обоих сборниках одинаковые заголовки (“Радуница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница”). Более того, при переходе от “Собрания...” к “Избранному” порядок следования стихотворений внутри каждого из этих разделов остается, как правило, неизменным. Из всего этого можно заключить, что “Избранное” — не что иное, как сокращенный вариант “Собрания...”.

Как и первые четыре раздела “Избранного”, пятый его раздел — “Мреть” — представляет собой (в сокращении) аналогичный раздел “Собрания...” (правда, поименованный здесь по-другому — “Песни забулдыги”) <ср. с записью: 25 сент. ... 18 нояб. 1922>.

Можно было ожидать, что сокращение пятого раздела (как и четырех предыдущих) является авторским. И всё же возникает сомнение в этом — ведь Есенин, взяв заголовком раздела слово “мреть” из стихотворения “Сторона ль ты моя, сторона!..”, вряд ли бы затем убрал его текст из корпуса по своей воле. Это сомнение еще более укрепилось, когда выяснилось, что суммарный объем стихотворений “Мир таинственный, мир мой древний...” и “Сторона ль ты моя, сторона!..” составляет 64 строки, то есть в точности такое же число строк, что и выкинутое из “Избранного” в Госиздате. Скорее всего, именно эти стихи и были изъяты из есенинской рукописи перед ее сдачей в набор в Москве — разумеется, без ведома автора...».

Субботин-2001, 164–165.

Информацию о выходе книги и отклики см.: 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, вторая и третья записи; 13 окт. 1922, третья запись; 22 окт. 1922, первая запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт.–дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

См. также: 6 июня 1922.

См. Приложение.

Сентябрь, 11 и 17. Берлинская газета «Голос России» (№ 1056 и 1061) помещает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки “Книга для всех”», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922.

Сентябрь, 12. А.Б.Мариенгоф пишет из Москвы И.И.Старцеву:

«...Настроение неважное. Многое зачинается, и ничего пока реального не осуществляется. С кафе <"Стойло Пегаса"> дрянь. Стали закрывать в 11. Кончился наш Помгол <Всероссийский комитет помощи голодающим (1921–1922); здесь употреблено в переносном смысле>! Получаю я с Птицы <прозвище А.Д.Силина, владельца буфета в "Стойле Пегаса">, Ваня, в день 6 милл. — это почти весь бюджет наш. Вместо всех обедов платит он сей куш. Так что пока гарантировать ваш обед не могу. Тем более что Сергей <Есенин> из-за границы всё настойчивее пишет о сестре <Е.А.Есениной> — и от сих скромных благ мне придется выделять что-то ей. Если что-либо наладится и "Стойло <Пегаса>" перестанет играть первостепеннейшую роль нашего бюджета — сей час же напишу. Журнал <"Гостиница для путешествующих в прекрасном", 1922, № 1> будет в продаже 1 октября. С ним тоже возни немало, а доходов немного. Как только выйдет — вышлю.

Вчера был на прощальном вечере Ирмы Дункан. На днях уезжают <поездка не состоялась>. Изадора с ними поступила погано. Попросту: плюнула, ни денег, ни писем. А — выезжать — изволь».

Письма, 328.

В московских «Известиях ВЦИК» (№ 204; раздел «Критика и библиография») — запоздалая информация о готовящемся к выпуску в Берлине «Справочнике-альманахе» с участием Есенина.

Книга уже вышла несколькими месяцами ранее (см.: 24 ... 28 янв. 1922).

Сентябрь, 13. Российское генеральное консульство (Временного правительства) в Париже выдает Есенину паспорта на русском и французском языках для проезда в США.

Сохранившаяся часть русского текста:

«Во свидетельство чего и для свободного проезда дан ему от меня сей Паспорт, с приложением печати Российского Генерального Консульства. Париж, сего Августа 31 / Сентября 13 числа 1922. Генеральный Консул <подпись>».

Паспорт на французском языке:

«Российское Генеральное Консульство в Париже. Паспорт. Предъявитель настоящего паспорта господин Сергей Есенин, русский гражданин, отправляется в Соединенные Штаты Северной Америки. Во свидетельство чего и для свободного проезда дан ему от меня сей паспорт с приложением печати Российского Генерального Консульства. Париж, 13 сентября 1922. № 1028 (подписано). L. S. Подпись предъявителя <нет подписи>. Генеральный Консул <подпись>. № 3955. Удостоверяющие документы: Пропуск, выданный Консульством Франции в Брюсселе 18 июля 1922 № 981 <см.: 18 июля 1922>».

Хроника, 2, 60–61 (пер. с фр.); Есенин, VII (2), 506–507. Воспроизведение документов см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 3 и 5.

См. Приложение.

Есенин ставит подпись на своей фотографии в паспорте на русском языке: «Сергей Есенин».

Есенин, VII (2), 506.

Сентябрь, 16. Парижская газета «Последние новости» (№ 740; раздел «Новости литературы», рубрика «Туда и оттуда») публикует рецензию М.О.Цетлина на книгу Есенина «Пугачев» (Берлин):

«Когда кто-то из "эмигрантских" критиков позволил себе усомниться в таланте Есенина — "Накануне" возмутилось: как смеют развенчивать того, кто признан первым поэтом 150-ю миллионами населения России. А мы-то думали, что в России не существует всеобщего голосования. Вот идея, которую можно рекомендовать Луначарскому: советский режим ведь поощряет театр и изящные искусства, как это делали когда-то Николай I или Наполеон III. Только бы не занимались политикой. Почему же не устроить выборы первого русского поэта?

При таких выборах Есенин имеет шансы стать русским принцем поэтов. Недаром в нем есть некоторое сходство с "prince des poètes" <"принцем поэтов" (*фр.*)> Пол<ем> Фором: некоторая легкость однообразной манеры, неглубокая, но истинная певучесть. Лиризма больше у французского поэта, зато Есенин богаче образностью. Обязанности представительства его бы тоже не испугали, недаром он воспевает цилиндры и фрак к ужасу другого поэта из народа, Клюева:

Говорят, что я скоро буду
Знаменитый русский поэт.

Эти слова Есенина сбылись. Первый, не первый, но несомненно знаменитый!

И столь же несомненно талантливый. Из деревни, из своей крестьянской юности он вынес любовь к природе и много свежих образов. Как настоящий крестьянский мальчик, он влюблен в коров, в жеребят. О них его лучшие стихи, отсюда его метафизическое восклицание, вызвавшее много напрасного смеха:

Господи, отелись!

У него есть дар напевности, мягкой, как малороссийские песни. И добрая или злая фея положила ему в колыбель еще один дар, ценный и опасный, дар образности. Казалось бы, что выше этого дара?

Но образы хороши, только если строгий вкус вырывает в их богатом цветнике чертополох и сорную траву; когда лирическое чувство и творческая воля владеют ими. Иначе получается бешеная скачка троп<ов> и гипербол, порой захватывающих читателя, как в поэме "Инония", порой его просто раздражающих. Так было, когда поэт еще бессознательно следовал своей естественной склонности. Но когда он, не без помощи добрых людей, осознал свой дар и как "имажинист" стал его форсировать — получилось уродливое "jeu de société" <"салонная игра" (*фр.*)>, погоня за нарочитыми, пустыми, ненужными образами. Есть немецкое выражение: сделать из необходимости достоинство. Из недостатка Есенина (чрезмерной образности) несколько менее талантливых поэтов попытались создать крикливую школу имажинизма.

Интересна эта школа не сама по себе, а по ее успеху в России. Есть, по-видимому, сейчас там в некоторых кругах болезненная жажда новизны. "Удивили мир злодейством" в политической области, неужели же не удивим в области культуры? И как дети, как дикари, бросились на всё, что блестит. Блестела ярко и стекляшка имажинизма.

Та же жажда новизны заставила прокричать Есенина как создателя новой русской трагедии. Для этого достаточно было ему написать ряд сцен в стихах под названием "Пугачев". В этих сценах есть обычные качества и недостатки Есенина. Есть в "Пугачеве" и удачные сравнения: "грядки, пенные от капусты", в которых "ныряют челноки огурцов", "птицы, привязанные к нитке дождя", или

О, Азия, Азия, голубая страна,
Обсыпанная солью, песком, известкой,
Там так медленно по небу идет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.

Но плохо:

Воском жалоб сердце Каина
Состраданью не окапить.

Или о странниках (хотя образ, как всегда, ярок):

Кто их сослал на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

Или

Если Россия — пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.

Или Екатерина, разбившая "белый кувшин головы Павла <оговорка; следует — Петра>". Или весть, которую мужики сосут, "как большие коровьи сиськи"; или характерно выдуманное:

Кустов деревянных табун
Безлиственной ковкой звенит.

И таким языком, как настоящие имажинисты, говорят все герои трагедии. На это могут возразить, что и в трагедиях Корнеля или елизаветинцев все герои говорят одинаковым искусственным языком. Это верно. Мало того, у елизаветинцев есть даже некоторый имажинизм, avant la lettre <здесь: воистину (*фр.*)> чрезмерная пышность образов. Но беда Есенина не в этом, беда в том, что "Пугачев" не содержит никаких элементов трагедии и что Есенин всей сущностью своей чужд трагизму. Не трагический набат, а скорее "малиновый звон бубенцов под дугой" — характерен для этого поэта».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

См.: РЗЕ, 2, 21–23.

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Сентябрь, 17. Белградская газета «Русское дело» (№ 170) публикует фельетон М.К.Первухина «Их "писатели" о самих себе» — пародию на автобиографию Есенина:

«Вероятно, до совсем последнего времени зарубежная Русь не имела никаких сведений о народившихся в России новых писателях. Многие думали в простоте душевной, что таких "новых писателей" и быть не может в стране, где "разгуливает безмерный ужас". И вдруг русская эмиграция получила возможность узнать о существовании целого легиона молодых большевистских писателей. В этом — огромная заслуга издаваемого в Берлине профессором А.Ященко журнала "Новая русская книга". А.Ященко предоставил страницы своего журнала для тех большевистских писателей, у которых есть охота заявить о собственном существовании.

Писатели о самих себе... Разве это не интересно?

Пользуясь материалом А.Ященко и пополняя его кое-чем из других источников, — получаем целый ряд удивительно красочно и сочно написанных автобиографий плеяды молодых талантов, гордости и надежды новой России.

* * *

Сергей Есенин.

Я удивительно рано развился и жульничать стал в таком возрасте, в котором другие об этом еще и не помышляют. <...> Разумеется, я, уже в шесть лет поняв, что Бог — это идиотский буржуазный предрассудок, а религия — опиум для души, — богослужение пропускал. <...> Любимым моим занятием в детстве и отрочестве было — расквашивать носы и выдирать волосьё у ребятишек, которые оказывались слабее меня. <...> Высшее образование получил в церковно-приходской школе. Там же возымел страсть к писательству: исписывал стены и заборы очень уж полюбившимися мне крепкими словами. Лих был в этом отношении. Признаться, и теперь не могу видеть равнодушно чистой стены или забора. <...>

Рецепт спасения России я узнал в 1905 году: стал убежденным социалистом. Мне было тогда уже десять лет. <...>

Стихи я начал писать рано: двенадцати лет. Помню первое и удивительно удачное стихотворение моей музы:

Никогда тебя я, стерва,
Так жестоко не любил.

С идиотскими редакциями было плохо: буржуи оказывались органически неспособными понять всю глубину философской мысли. Кроме Блока и Городецкого, — никто не хотел признать моего таланта. Тогда я разыскал себе аудиторию, и высоко культурную, и умеющую тонко чувствовать: проститутки на бульваре и карманщики или форточники. <...>

В большевистской революции я принял самое горячее участие. Шапку бобровую купил за "спасибо" у одного буржуя. Пальто на меху. Часы золотые. <...>

Мое лучшее произведение? Я им считаю следующие строки:

О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб бревенчатый заход <так!>
Трясет стальная лихорадка.

Тут приехала в Москву знаменитая Айседора Дункан. Ну, та, "босоножка". Приехала обучать русских ребятишек ритмическим телодвижениям, и так далее. Произвела на меня агромадное впечатление: шкилет шкилетом, брюхо как у беременной воблы, лицо — масляничная харя, а по-английски так и зажаривает. Шестьдесят лет бабе, а душевной свежести — хоть отбавляй. Очень заинтересовалась моим поэтическим творчеством, а я ей сейчас "мост" и положил на лопатки. Очень уж то мое стихотворение помогло, в котором я про луну высказался:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обос...ть...

У них, в Англии, никто до такой мысли не додумался. Буржуи.

Ну, ей шестьдесят, мне двадцать. У меня и штанов нет, а она, Дункан, еще здорово деньгу чеканит. Ну, стали мужем и женою, сели на аэроплан и покатили мы в Берлин. Там — все свои люди: граф Алексей Толстой, Зинаида Гиппиус, Евгений Лундберг,

Фиц Патрик, чистокровный шотландец или ирландец из Белостока. Он под псевдонимом "Дворецкий-Кирдецов" политическим отделом в "Накануне" заведует. <...>

Пока — адью, мусью. Мы, то есть я и моя шестидесятилетняя босоножка, отправляемся на какой-то там раут, не то реферат. Непременно скандал будет».

О перепечатке материала см.: 18 нояб. 1922.

См. также: 5 ... 24 июня 1922; 4 июля, четвертая запись; 6 июля 1922, первая запись; 14 июля 1922, первая запись; 30 июля 1922.

Харьковская газета «Коммунист» (№ 213) публикует статью Н.Н.Асеева «О "тараканьих" тенденциях в современной литературе», где заходит речь о Есенине:

«Критик К.Чуковский в письме к А.Толстому, напечатанном последним в газ<ете> "Накануне" <лит. прилож. № 6, 4 июня 1922; см.: Галушкин-2005, 2, 428–429>, обмолвился чрезвычайно характерной фразой. Объясняя первые шаги этого "меняющего вехи" беллетриста в сторону Сов<етской> России, он характеризует общее положение в ней весьма подходящим для возвращения А.Толстого из заграничных скитаний к родным просторам, где, мол, крестьянство повернуло революцию лицом в свою сторону, так сказать, "национализировало" ее мировые размеры и, по точному выражению критика, "ни своих икон, ни своих тараканов ни за что не отдаст".

Мы бы не подчеркивали этой сорвавшейся с языка импрессионистического критика фразы, если бы в ней не отразилась известная тенденция, всё более расширяющаяся в литературе сегодняшнего дня. Эта иконно-тараканная тенденция направлена именно в сторону установления дореволюционного статус-кво путем усиленного одеревенщивания не столько по темам, сколько по идеологическим писательским группировкам, противопоставляющим себя городской, индустриальной идеологии и грозящим, количественно по крайней мере, вытоптать как в беллетристике, так и в поэзии те не укрепившиеся еще молодые побеги индустриальной лирики, которые так скупо и в таких муках родило революционное время.

В самом деле, кто радуется сейчас производству, фабрике, машине, трудовому усилию? Кто описывает его, старается подметить его медленное возрождение, его внутренний процесс восстановления? В беллетристике — один Н.Ляшко. В поэзии — Казин да еще два-три не "чисто" пролетарских поэта. Зато о "быте" чисто провинциальном, деревенском, "всероссийском" вновь разводят психологию все кому не лень. Здесь и Пильняк, и Всев. Иванов, и "Серапионовы братья", и Есенин, и Клюев, и Клычков, и десятки других менее талантливых, но не менее "земледельческих" глашатаев победы деревенской России над Россией пролетарской. "Крестьянствовать" на панелях столицы стало самым модным занятием. Наряду с группой пролетарских писателей, выделившись из нее, вырастает "союз крестьянских писателей"; имажинист С.Есенин зовет к "деревенскому орнаменту" <см., напр.: до 7 марта 1922, вторая запись>, т. е. к стилизации славянофильства, Б.Пильняку чудится "Китай-город" — та же азиатчина, тот же XVI век в современьи...

<...> нам могут возразить, что издания Госиздата в достаточной мере противопоставляют им свои выпуски, что всё же культура снова находится в руках государства, что читатель-рабочий мало интересуется "легким чтением". Всё это правильно, но неуклонно идет также распространение и "вольных" книг, а это свидетельствует о наличии оживления идеологии противоположной, о наличии тенденции, подрывающей работу Госиздата, одним словом, наконец, о необходимости определенного и созидательного отношения к выбору той или иной литературной тенденции, наиболее отвечающей за-

дачам новой литературы. Здесь, надо сказать, до сих пор у нас этого выбора сделано не было. Талантлив Ляшко, но ведь талантлив же и Есенин, а посему — он уже кандидат на "вакантное место", за смертью Блока, место первого поэта, как пишет один из критиков. Что же, однако, служит мерилом этой талантливости? Только ли наши эстетические запросы, подчас крайне неоформленные, или должна существовать некая объективная линия, разграничивающая и направляющая запас энергии во всех видах осуществления современности в желательную для нас сторону?..»

Берлинская газета «Голос России» (№ 1061) помещает объявление магазина «Книжный салон» Русского универсального издательства о новых книгах, среди которых — есенинский «Пугачев» (Берлин, 1922).

Сентябрь, 19. Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Я сейчас вспомнила, как тогда, подъезжая из "Ст<ойла>" на извозчике с <Есениным> (это было во второй раз — 25 октября <1921 г.>, в день именин), я подумала: "Ну вот, началось и уже повторилось, а дальше — опять видеться и... — как всегда и все — "любовница", и какое-то чувство скуки и неудовольствия промелькнуло". И это тогда, когда я была и чувствовала себя счастливой. И я знаю, что затянись это — скука выплыла бы даже при той любви, которая была. А вот не случилось, и я не могу примириться с мыслью, что всё прошло, мне недостаточно двух дней. А тогда странное было чувство — до сих пор не могу понять его: мелькнул образ его, подходящего ко мне не так, как в "Ст<ойле>" (с дружеским любопытством), а как к "любовнице", и образ меня самой, ожидание его ласки, и стало скучно и страшно, показалось, что в этом растворится то, самое ценное в его отношении. Была какая-то бессильная нежность и вместе с ней мысль: "А что я «с ним» буду делать, когда он придет ко мне?"; странное какое-то чувство, не то неловкости, не то скуки. Вот и сейчас никак не могу поймать: что же это было? Но что было — ясно помню».

Материалы, 109.

Сентябрь, 23. В издательстве «Я.Поволоцкий и К°» выходит книга Есенина на французском языке «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана») в переводе М.Милославской и Ф.Элленса с предисловием Ф.Элленса.

Событие устанавливается по информации в книге: «Печатание было закончено в типографии издательства «Унион» в Париже 23 сентября 1922 года» (см. также: Юсов-94, 64).

Содержание: Исповедь хулигана; Песнь о собаке; «Всё живое особой метой...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Закружилась листва золотая...»; Песнь о хлебе; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <Хулиган>; Кобыльи корабли; Пугачев.

Поэма «Пугачев» переведена и опубликована полностью.

Автор предисловия пишет:

« I

Революция, как и кризис души, социальный переворот, как и личная драма, порождают дистанцию, откуда виднее, делают заметными отрезки времени, на которые до этого не обращали внимания, выделяют личности, дотоле незначительные, и устраняют тех, кто не заслужил отличия. Два или три года революции значат больше в жизни народа, чем сто лет мирной жизни. Всё ускоряется, упрощается; подробности, случайности в счет больше не идут, и сама жизнь приобретает ценность лишь в соответствии с

ее продолжительностью и резонансом. Русская Революция открыла существование поэзии для тех, кто раньше о ней даже и не подозревал, высветила и как бы отразила в своем ореоле нескольких поэтов, которые без нее, быть может, не вышли бы из тени. Сейчас в России наблюдается неоспоримое и очень любопытное явление: подъем поэзии и упадок прозы. В Москве почти ничего не читают, кроме стихов; буржуазия, ранее отвергавшая этот вид литературы, теперь не только пристрастилась к поэзии, но и требует ее и наслаждается ею даже в кафе, где газеты заменились печатными или рукописными стихотворениями. Ведь в моменты внутреннего кризиса способность народа (как и способность отдельного человека) чувствовать, усиленная лишениями и страданием, без конца ищет связующее звено между собой и бесконечностью. И поэзия является, хотя бы на короткое время, наилучшим, если не единственным средством единения душ, измученных общим недугом и одинаково жаждущих возрождения. Прихоти нельзя удовлетворить одной и той же пищей, но все души питаются единым хлебом.

И среди поэтов, озаренных Революцией и проявивших себя, словно генератор той необыкновенной энергии, которая была так необходима людям для единения, среди этих поэтов — магнетизеров толпы, Сергей Есенин, без сомнения, является наиболее мощным, и именно в его творчестве — более всего и человеческой сути и типично русских сил. В отличие от тех поэтов, которые сформировались или перестроились под влиянием Революции и, делая вид, что порвали с прошлым, либо решительно плюют на него, как Маяковский, либо более или менее безропотно от него отказались, как Брюсов, Есенин в этой огромной социально-политической смуте остался тем же, что и прежде. Сам он определил это так: поэт деревни, последний из поэтов-крестьян, "больной прежними воспоминаниями".

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Крестьянский сын, чья юность большей частью прошла на природе, он всей мощью своего инстинкта обратился в сторону природных сил. Трех лет отроду его вытолкнули в поля и степи, и, как молодой зверек, он кинулся в жизнь, выпутываясь из ловушек природы. Проживая бóльшую часть времени с одним из своих дядей, он сторожил лошадей. Однажды дядя посадил мальчишку верхом на кобылу, сам взобрался на лошадь и пришпорил ее; первой верховой прогулкой поэта стал галоп. Вцепившись в гриву кобылы, он не ударил лицом в грязь. С дядей Есенин охотился и рыбачил; если случалось, что не было собаки или что ее убили, мальчик ее заменял, бросаясь за подстреленной дичью в лес по снегу или же в воду. "От тебя никакого проку", — сказал как-то дядя и прямо в одежде окунул его в реку! И так мальчик должен был учиться плавать.

II

Второе, что следует взять на заметку, говоря о юности Есенина (чтобы лучше уяснить, каким образом формировалось его творчество и почему оно так глубоко трогает множество, множество людских сердец), — его любовь к иконам и к песням. Эти песни он слышал в окрестностях своей деревни, где в дни праздников проходили бродячие певцы. Так он соприкоснулся с устной поэзией. Эти своего рода труверы, эти странствующие поэты сказывали песни своего сочинения или устные "стари́ны"-монологи, преображенные ими на свой лад. В ночном, на охоте он впитывал все их слова и, вполне естественно, стал сочинять песни, которые он сначала пел для себя, для животных и для природных сил, а потом и для людей. Молва, возникшая о поэте-

крестьянине, вышла за пределы его родной деревни и достигла знатного сановника, который сразу же взял юношу под свое покровительство. Этот человек довел его вплоть до царского двора, где он был допущен к чтению своих стихов перед государыней. После одного из таких чтений императрица, пришедшая в восторг, изумилась меланхолическому характеру стихотворений, продекламированных юным Есениным. "Стало быть, Россия в самом деле так грустна?" — спросила она у него. Юноша в молчании утвердительно покачал головой. Нет ничего удивительного в том, что один крестьянин смог таким образом дойти из отдаленной деревни до императорского двора. Поэзия в России способна на подобные чудеса. Этот же сановник разрешил юному поэту ходить в соборы вместе с множеством богомольцев, и в то время как другие молились, он любовался великолепием икон. Эти красочные и яркие образа́, эти скульптуры и барельефы, неподвижные и вместе с тем одушевленные, произвели на поэта неизгладимое впечатление. После одного из таких посещений церкви Есенин на одном маленьком вокзале в ожидании поезда читал стихи группе странников. Он настолько потряс их простые души, что они прослезились; один старец отделился от группы и, в радостном трепете приблизившись к поэту, развязал платок, который служил ему котомкой, достал оттуда полтинник — всё свое дорожное имущество — и заставил принять его.

Чтобы как следует определить "розу ветров" этой любопытной поэтической индивидуальности, нужно, наконец, добавить, что, участвуя в войне и Революции, Есенин вел бродячую и кочевую жизнь до тех пор, пока светоч, о котором я говорил, не высветил его.

III

Не забывая о своем происхождении и несмотря на утонченный вкус, который заставляет его сейчас ходить, как он сам пишет, "в цилиндре и лаковых башмаках", Есенин целиком остается в своем творчестве крестьянином, каким он был, крестьянином не по образу жизни, но по ви́дению, по природе и по здоровью. Два его главных произведения — "Страна Негодяев" и особенно "Исповедь хулигана" — показывают поэта таким, как есть, без самодовольства и без пощады. В последнем из них, имеющем резкую и в то же время нежную интонацию, поэт то бушует как ураган, то шелестит, как утренний ветерок в молодой листве. Здесь безотчетно проявляются основные черты его поэтической индивидуальности. Одновременно это и концентрированное выражение его стилевых манер: он и поет, и вопит, и плюется или мурлычет с силой или грацией зверя, что поочередно то хватает за сердце, то обольщает. Итак, часть есенинского творчества вдохновляется прошлым, хотя по выражению она очень современна, нова, а по материалу совершенно индивидуальна. У Есенина есть другая поэма, где он изобразил себя целиком, со своими исконными чаяниями. Она озаглавлена — "Пугачев", по имени знаменитого русского авантюриста, предводителя мятежных крестьян, преследуемых дворянами в правление Екатерины II. В этой обширной поэме, написанной в форме диалога, Есенин не опирается ни на предание, ни на историю, а выводит на сцену под именем Пугачева самого себя. И это — одна из самых благородных и самых волнующих исповедей поэта, которую есть возможность прочитать.

IV

Есенин создал в России школу "имажистов": несколько поэтов, увлеченных красотой и новизной его поэтических образов, объединились вокруг него и признали его своим руководителем. Так около мэтров создаются основательные школы. "Имажизм" Есенина вполне мог бы существовать без "имажизма" других стран: он ничем не обязан ни Уолту Уитмену, ни, например, Англии. Он не отражает ни одного из европей-

ских направлений, он гуманен и универсален. Нет ничего удивительного, что почти все образы этой поэзии взяты из природы. Впрочем, они большой строгости, неповторимого стиля и сводятся главным образом к нескольким символам, восходящим к такому малому количеству первоначал, как утро, вечер, времена года. Но все они беспрестанно обновляются, как сама природа.

А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником мчится, —

пишет он. Из сотни таких же поразительных стихов я приведу еще этот образ самого поэта:

Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Образы по сути своей народные в той же степени, что и образá соборов, такие же пышущие жизненной силой, поразительные и совершенные для духа и для взгляда. Кроме образности, стихи Есенина обладают другими чертами, которые делают их всеобщим достоянием и одушевляют их: это песенный характер, народный ритм и яркие неиспорченные краски самой жизни. А.Толстой писал: "...фамилия Есенин — русская-коренная, в ней звучат языческие корни <...>, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками. Сам Сергей Есенин, действительно, деревенский, русый кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщовую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком, и <...> плясать <у Элленса: chanter, т. е. петь> с девками в березовой роще. Такие, должно быть, в давно минувшие времена девкам этим в саду слагали, пели от избытка, от радости <...>, от хитрости, от веселья, новые песни, слагали новые сказки. Есенину присущ этот стародавний, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души, мечтательной, беспечной, таинственно-взволнованной голосами природы".

V

Революция не изменила поэта; однако, быть может, она помогла ему лучше уяснить прошлое, показав ему его же деревни в корчах гибели. Само зрелище города уже переворачивало душу поэта. По словам г-на Устинова, "Есенин пришел в город почти мальчиком. Его старое деревенское бытие в новой городской обстановке подверглось трагическим изломам до боли, до мучительного страданья. И Есенин возненавидел за эту боль «бездушный город», он почувствовал, что этот бездушный город оказался сильнее его души... Эта битва продолжалась долго — несколько лет. <...> И кончилась <...> победой города, которую признаёт и сам Есенин <...> в своей поэме «Сорокоуст» <в переводе Элленса — «Requiem»>". С самого начала город был для него "железным гостем", которого потом, во время Революции, он возненавидел. Теперь он единственный певец русских деревень — "одновременно богатых и бедных", как об этом писал г-н Илья Эренбург, "которые потеряли веру в Христа и ничего не нашли взамен; которые завоевали свободу и не знают, что с ней делать". С легкой (впрочем, сразу же позабытой) горечью поэт озирает дальние горизонты родины, жители которой — крестьяне — его больше не понимают:

Бедные, бедные крестьяне...
О, если бы вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!

Русская деревня, поведавшая свою эпическую песнь, замолчала навсегда <ср. со словами И.Эренбурга ("Портреты русских поэтов"): "Русская деревня, сказав старины, пропев песни свои, замолчала навек" (Летопись, 3 (1), 288)>. Есенин — единственный среди поэтов своего времени — смог вновь обрести интонацию этой угасшей песни без какой-либо фольклорной красочности, как Кольцов, и без какого-то принуждения или рассудочного предубеждения, как Верхарн. В стихах Есенина заключены все жалобы, ругань, мольбы, все вопли и все стоны русской деревни. Эти стихи сделаны из самой крестьянской плоти: надрежь их — и выступит кровь.

Молодой (возраста Лермонтова, когда тот погиб), он воплощает исконные и вечные силы России, введенные в русло и воссозданные необыкновенной поэтической индивидуальностью. Творчество Есенина возрождает великую пушкинскую драматическую традицию. Некоторая грубость, очень деревенская, но вовсе не утрированная, сочетается у поэта с нежной и грустной чувствительностью. Его творчество классично и по вдохновению (глубокие волны страстей и человеческих чувств), и с внешней стороны (образы свежие, всеобщие, великолепные и общечеловеческие), как в греческих трагедиях, в "Илиаде", у Данте или у Шекспира; ритмы неизменные и первичные, как будто ведомые ветром, молнией, сменой времен года и обновлением земли. Эта изумительная жизненная сила вдохновения и формы сближает Есенина с великими классическими поэтами всех времен. Его поэзия кажется возделанной, словно самые лучшие земли; но некоторые ее фрагменты, на первый взгляд выглядящие дикими, похожи на русские степи, в которых столько людских следов — добрых, ужасных и скорбных — следовало друг за другом. К тому же у Есенина собственный язык, где сошлись вместе сложное и простое, язык очень лаконичный, без ненужных прикрас, полный страсти и энергии. Его стих — как будто слепок с натуры, но зачастую он походит на классический и охотно развертывается вширь подобно александрийскому. Над восемью песнями "Пугачева" до конца поэмы словно веет дух Гомера. Есенин рассказывает, что отец мечтал сделать из него сельского учителя. Жизнь могла сделать из него и разбойника, но сделала величайшим современным поэтом России».

Перевод Мишеля Никё.

Имеющийся русский перевод этого текста, осуществленный Е.Н.Чистяковой (газ. «Русь Святая». Липецк, 1994, 14–27 апр., № 12–13; публ. Н.Г.Юсова) достаточно свободен — в нем есть пропуски, а кое-где неадекватно передан смысл.

В разделе IV Элленс цитирует рецензию А.Н.Толстого на книги Есенина "Трерядница" и "Исповедь хулигана" (см.: Летопись, 3 (1), 262), а в разделе V — статью Г.Ф.Устинова «Литература и революция» (см.: Летопись, 3 (1), 173) и статью И.Г.Эренбурга "La poésie russe et la révolution. Lettre inédite" (журн. "Signaux de France et de Belgique", 1921, № 4, 1 août, p. 188). См. также: до 17 авг. 1922.

Отклики см.: 7 окт. 1922, четвертая запись; 8 окт. 1922, вторая запись.

См. также: 12–14 (?) июля 1922; 17 нояб. 1922.

См. Приложение.

Московская газета «Известия ВЦИК» (№ 214; рубрика «Литература. Искусство. Критика») помещает статью Г.Ф.Устинова «Очерки новейшей русской литературы: I. Искусство и политика»:

«...имажинизм — я говорю о русском имажинизме — явление чисто классовое, характерное для России, глубоко свойственное ее анархо-самоедскому крестьянскому хозяйству. <...> Имажинизм <...> является прямым посланцем мелкой буржуазии, обиженной пролетарской революцией, — "крепкого" крестьянина и городского торгаша, типа полуинтеллигентного фармацевта. И этот самый имажинизм представлен не только всем уже достаточно надоевшей группой поэтов Есенина, Мариенгофа, Кусикова и Шершеневича. Нет, он пошел дальше и глубже. Вчера он, можно сказать, безраздельно

участвовал в области поэзии, а сегодня уже переселился в беллетристику и выступает под именами: Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Мих. Зощенко, Ник. Ляшко, Ник. Никитин и проч., и проч. подражателей имажинизму, которых достаточно и в среде пролетарских поэтов <...>

По имажинистскому идеологу Есенину, будущее должно предстать нам в таком виде:

"Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, <...> где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сычёною брагой".

Это написано Есениным в поэтическом откровении "Ключи Марии".

В дальнейшем в той же брошюрке "вождь имажинизма" сбился с панталыку и плюнул на социализм, и вдребезги разругался с городом (с пролетариатом).

Кто читает хоть что-нибудь, тот знает стихи Есенина, и ему не надо напоминать о его произведениях вроде:

Устал я жить в родном краю,
В тоске по гречневым просторам...

Но, кроме Есенина, и вся новейшая литература — Вс. Иванов, Б. Пильняк, Ник. Никитин — тоже глубоко тоскует по "гречневым просторам" "родной Руси"».

Сентябрь, до 24. В берлинском издательстве И.П.Ладыжникова выходит книга «Чтец-декламатор: Сборник русской поэзии» со стихотворениями Есенина «Я снова здесь, в семье родной...», «Пойду в скуфейке, светлый инок...» <«Пойду в скуфье смиренным иноком...»> и «Голубень».

Граница события определяется по объявлению книжного магазина И.П.Ладыжникова о поступлении книги в продажу (газ. «Голос России», Берлин, 1922, 24 сент., № 1067).

В это издание вошли произведения 89 поэтов, в том числе переводы из Э.-А.По и П.-Ж.Беранже.

Отклики см.: 27 окт. 1922, вторая запись; 28 окт. 1922, вторая запись.

См. также: Юсов-94, 96.

Сентябрь, 24. Газета «Саратовские известия» (№ 218) публикует информацию о поступлении в Россию зарубежных изданий, в том числе книг Есенина:

«В Москве и Петрограде заграничные книги стали появляться в продаже только весной с. г., а в провинции и до сих пор не появляются. Тем не менее, в Саратове заграничные издания на днях поступают в продажу в книжном магазине Госиздата. Получена первая партия книг из произведений А.Толстого, И.Эренбурга, С.Есенина и др., которые в первую очередь будут отпускаться для партийных и профсоюзных библиотек. Заграничные издания, между прочим, выделяются хорошей бумагой и четкой печатью».

Берлинская газета «Голос России» (№ 1067) печатает объявление издательства «Скифы» о новых ценах на книги с 25 сентября, в том числе на есенинский «Триптих» (30 марок).

Берлинские газеты «Накануне» (№ 167) и «Голос России» (№ 1067) помещают объявление издательства З.И.Гржебина:

«В ближайшее время поступят в продажу: <...> С. Есенин. Книга стихов и поэм».

Сентябрь, 25. Есенин и А.Дункан отплывают из Франции в США на океанском пароходе «Paris».

Дата устанавливается на основании слов Есенина в очерке «Железный Миргород» («На шестой день, около полудня, <...> глазам моим предстал Нью-Йорк») и времени прибытия парохода «Paris» к берегам Америки (см.: 1 окт. 1922, около 2 часов дня).

Из рекламного объявления:

«FRENCH LINE. <...> Пароход ПАРИЖ. Замечательные удобства, кабины 2-х, 4-х и шестиместные. Умывальники и проточная вода в каждой кабине. Курильная, столовая, бар, парикмахерская, открытые и закрытые палубы, превосходная французская кухня, вино и пиво подаются бесплатно. Музыка, танцы. Переводчик на пароходе. Особенный пароход».

Газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1922, 30 авг., № 1913.

См. Приложение.

Московская газета «Вечерние известия» (№ 39; рубрика «Критика и библиография»; подпись: П. Св.) помещает рецензию П.Свойского на сборник «Конский сад» (М., 1922), где заходит речь о Есенине:

«Группа поэтов, столько кричавшая о себе все последние годы, снова выступила в печати маленькой брошюрочкой стихов. На обложке громогласно написано: "вся банда". Но если это и так, то старшие, заматерелые "бандиты" вроде Шершеневича, Есенина и Мариенгофа участвуют в сборнике только маленькими отрывками из уже давно напечатанных поэм. Новые же стихи представила молодежь: Ройзман и Эрдман.

И в произведениях этой молодежи особенно ярко проступает вся никчемность и искусственность т<ак> н<азываемого> "имажинизма"».

Сентябрь, 25 — Октябрь, 1. Атлантический океан. Есенин и А.Дункан находятся в пути из Франции в США на пароходе «Paris».

IE, 103.

Из очерка Есенина «Железный Миргород» (1923):

«ВОТ "PARIS"

Если взять это с точки зрения океана, то все-таки и это ничтожно, особенно тогда, когда в водяных провалах эта громадина качается своей тушей, как поскользающийся... (Простите; что у меня нет образа для сравнения: я хотел сказать — как слон, но это превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз. Эта громадина сама — образ. Образ без всякого подобия. Вот тогда я очень ясно почувствовал, что проповедуемый мною и моими друзьями "имажинизм" иссякаем. Почувствовал, что дело не в сравнениях, а в самом органическом). Но если взглянуть на это с точки зрения того, на что способен человек, то можно развести руками и сказать: "Милый, да что ты наделал? Как тебе?.. Да как же это?.."

Когда я вошел в корабельный ресторан, который площадью немного побольше нашего Большого театра, ко мне подошел мой спутник и сказал, что меня просят в нашу кабину.

Я шел через громадные залы специальных библиотек, шел через комнаты для отдыха, где играют в карты, прошел через танцевальный зал, и минут через пять, через огромнейший коридор, спутник подвел меня к нашей кабине. Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ванные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше».

Есенин, V, 161–162.

Есенин и А.Ветлугин готовят заявление для американской печати.

«Ее <А.Дункан> молодой муж и его русский секретарь подготовили заявление, которое они по приезде собирались произнести в Америке».

Дести, 273.

См.: 2 окт. 1922, вторая запись.

Сентябрь, 25 ... Октябрь, 7. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 8).

Нижняя граница события устанавливается по помещенному в номере объявлению с указанием цен на 25 сент. 1922, а верхняя — по объявлению о поступлении номера в продажу (Нак., 1922, 8 окт., № 154).

Имя Есенина упоминается:

— в рубрике номера «Книжная летопись» (раздел А: «Русские книги, появившиеся вне Советской России» — и раздел Б: «Книги, присланные в редакцию для отзыва»), где значится книга Есенина «Пугачев» (Берлин, Русское универсальное издательство);

— в рекламном объявлении издательства З.И.Гржебина:

«В ближайшее время поступают в продажу: <...> С. Есенин. Собрание стихов и поэм, т. 1»;

— в объявлении издательства «Скифы» о новых ценах на книги:

«А.Белый, С.Есенин, Иванов-Разумник. Россия и Инония. Берлин: Скифы, 1920 — 45 <м.>

Сергей Есенин. Триптих. Берлин: Скифы, 1920. — 30 <м.>»;

— в аналогичном объявлении «Русского универсального издательства»:

«Сергей Есенин. Пугачев. — 120 <м.>»

Сентябрь, 25 ... Ноябрь, 18. В издательстве З.И.Гржебина (Берлин) выходит книга Есенина «Собрание стихов и поэм. Т. I».

Юсов-94, 39.

Содержание. *Радуница*: «Край любимый! Сердцу снятся...»; «Пойду в скуфье смиренным иноком...»; «Шел Господь пытать людей в любови...»; Осень, с посвящением: «Р.В.Иванову»; «Не ветры осыпают пущи...»; В хате; «По селу тропинкой кривенькой...»; «Гой ты, Русь моя родная...»; «Я пастух, мои палаты...»; «Сторона ль моя, сторонка...»; «Сохнет стаявшая глина...»; «Чую радуницу Божью...»; «По дороге идут богомолки...»; «Край ты мой заброшенный...»; «Заглушила засуха засевки...»; «Черная, пóтом пропахшая выть!..»; «Топи да болота...».

Голубень: «За темной прядью перелесиц...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Я снова здесь, в семье родной...»; «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «Нощь и поле, и крик петухов...»; «О край дождей и непогоды...»; Голубень; «Колокольчик среброзвонный...»; «Запели тесаные дроги...»; «Не напрасно дули ветры...»; Корова; «Под красным вязом крыльцо и двор...»; Табун; «О товарищах веселых...»; «Весна на радость не похожа...»; «Алый мрак в небесной черни...»; «Прощай, родная пуща...»; «Покраснела рябина...»; «Твой глас незримый, как дым в избе...»; «В лунном кружеве украдкой...»; «Там, где вечно дремлет тайна...»; «Тучи с ожерёба...»; Лисица, с посвящением: «А.М.Ремизову»; «О Русь, взмахни крылами...»; «Гляну в поле, гляну в небо...»; «То не тучи бродят за овином...».

Преображение: «Разбуди меня завтра рано...»; «Где ты, где ты, отчий дом...»; «О Матерь Божья...»; «О пашни, пашни, пашни...»; «Нивы сжаты, рощи голы...»; «Зеленая прическа...», с посвящением: «Л.И.Кашиной»; «Я по первому снегу бреду...»; «Серебристая дорога...»; «Отвори мне, страж заоблачный...»; «О верю, верю, счастье есть!..»; «Песни, песни, о чем вы кричите?..»; «Вот оно, глупое счастье...»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...»; «О муза, друг мой гибкий...».

Трерядница: «Я последний поэт деревни...», с посвящением: «Мариенгофу»; «Душа грустит о небесах...»; «Устал я жить в родном краю...»; «О Боже, Боже, эта глубь...»; «Я покинул родимый дом...»; «Хорошо под осеннюю свежесть...»; Песнь о собаке; «Закружилась листва золотая...»; «Теперь любовь моя не та...», с посвящением: «Клюеву»; «По-осеннему кычет сова...».

Песни забулдыги: Песнь о хлебе; Хулиган; «Всё живое особой метой...»; «Мир таинственный, мир мой древний...»; «Сторона ль ты моя, сторона!..»; «Не жалею, не зову, не плачу...».

Юношеские поэмы: Марфа Посадница; Микола; Русь; Ус.

Февраль: Певущий зов; Товарищ; Отчарь.

Господи отелись: Октоих, с эпиграфом: «Гласом моим пожру Тя, Господи. Ц. О.»; Пришествие, с посвящением: «А.Белому»; Преображение, с посвящением: «Разумнику Иванову».

Инония: Инония, с посвящением: «Пророку Иеремии»; Пантократор.

Кобыльи корабли: Кобыльи корабли; Сорокоуст, с посвящением: «А.Мариенгофу»; Исповедь хулигана.

Отклики см.: 19 нояб. 1922, первая запись; 24 дек. 1922; до 9 февр. 1923.

См. также: 11 сент. 1922.

См. Приложение.

Сентябрь, 26 и 30. Высылка из России в Германию представителей гуманитарной и технической интеллигенции. Среди депортированных в эти дни — знакомые Есенина Ю.И.Айхенвальд, Ф.А.Степун, М.А.Осоргин.

Галушкин-2005, 2, 538.

Событиям предшествуют заседания Политбюро ЦК РКП (б), где обсуждается подготовка и организация операции (22 мая, 8 июня, 20 июля). 10 авг. Политбюро утверждает списки высылаемых; в тот же день ВЦИК принимает постановление «Об административной высылке». В ночь с 16 на 17 авг. в Москве и Петрограде происходят аресты намеченных к депортации (в т. ч. поименованных выше). 30 и 31 авг. информация об этом публикуется в центральных газетах Советской России.

Подробнее см.: Галушкин-2005, 2, 416, 431–432, 469, 488–489, 493–495, 513–514.

Сентябрь, 27. Парижская газета «L'Intransigeant» сообщает:

«Книга русского поэта Сергея Есенина *Исповедь хулигана* с предисловием Франца Элленса и во французском переводе Франца Элленса и Марии Милославской выйдет через несколько дней у Поволоцкого <см., однако: 23 сент. 1922>.

Мы ознакомились с рукописью. Читатель найдет поэзию свежую, деревенскую, резкую, подобной которой нет у нас».

Вырезка с рукописной пометой о ее источнике и дате — Тетр. ГЛМ.

Перевод Мишеля Никё.

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1941) публикует заметку жителя села Фоминки А.Бальзамова «Наживем и машину (Письмо из России)» с эпиграфом:

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе,
Наша вера — в нас.

Эпиграф — перефразированные финальные строки «Инонии» Есенина без указания авторства.

Возможно, автор письма жил в селе, расположенном в Гороховецком уезде Владимирской губернии.

Московская «Правда» (№ 217) помещает статью председателя ЦК Всероссийского совета Пролеткульта В.Ф.Плетнева «На идеологическом фронте (Цели и задачи Пролеткульта)».

Ею на страницах газеты открывается острая дискуссия о Пролеткультах, на которую может уже тогда обратить внимание Есенин, так как «Правда» поступает за границу.

В обсуждении принимает участие Н.К.Крупская (8 окт.). За ходом дискуссии внимательно следят В.И.Ленин, И.В.Сталин и Н.И.Бухарин. Завершается она 24 и 25 окт. статьей Я.А.Яковлева «О пролетарской культуре в Пролеткульте».

Подробнее см.: Галушкин-2005, 2, 543, 555–556, 565–566.

Сентябрь, до 28. Сибирское бюро ЦК РКСМ выпускает в Новониколаевске (ныне Новосибирск) журнал «Пролетарские побеги» (№ 1) со стихотворением К.Беседина «Синь»:

Небо! Неба без конца разгоны,
и от этой синевы не убежать...
Эх! Бродить бы в голубых поёмах
и серпом стиха колосья-звёзды жать.

И не думать, что Есенин, Клюев
рассказали, может быть, про то давно,
что теперь меня, как эхо-крик, волнует
и еще звено волнений суждено.

Знаю — все слова истерты бесконечно
и нога стихов измяла луг мечты...
Но растут и возрастут извечно
в чутком сердце повторения цветы.

Граница события устанавливается по информации о выходе номера в свет («Красная газета», веч. вып. Пг., 1922, 28 сент. № 3; рубрика «Хроника»).

Отклик см.: сент. (?) 1922.

Сентябрь, не позднее 29. В московском издательстве А.Г.Миронова выходит книга Я.Е.Шапирштейна-Лерса «Общественный смысл русского литературного футуризма: (Неонародничество русской литературы XX века)», где заходит речь о Есенине.

Галушкин-2005, 2, 545.

Автор пишет:

«Мы остановимся на следующих поэтах-футуристах: Е.Гуро, В.Хлебников, А.Крученых, Д.Бурлюк, В.Каменский, С.Есенин, Н.Клюев, А.Мариенгоф, В.Шершеневич <...>.

С.Есенин в выражениях, подобных Каменскому, говорит о своем поэтическом призвании:

Русь моя, деревянная Русь,
Я один твой певец и глашатай.

"Я последний поэт деревни", — заявляет он в другом месте. И именно эту деревянность, эту деревенскость он и любит в России.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину,
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
Приятны мне свиней испачканные морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем детства.
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.

Есенин написал брошюру "Ключи Марии", которую можно считать изложением его эстетическо-общественных взглядов. Это мессианистская вера в мужицкую революцию, Россию и т. д. <...> Есенин противополагает "идолу коммунистов — Карлу Марксу", чуждому, по его мнению, русскому мужику, — корову, верный символ деревни.

И образы Есенина, вызванные революцией, идут по той же полной своеобразным ароматом поля и деревни линии:

Сойди, явись нам, красный конь,
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.

Мы радугу тебе дугой,
Полярный круг на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Недаром же Есенин себя называет наследником Кольцова и Клюева. Суммируя преобладающие мотивы этой народнической поэзии, можно их свести к следующим:

1. Отрицание буржуазно-городского строя и в связи с этим вообще западной цивилизации.
2. Любовь к древнерусскому и, как к его источнику, к Востоку.
3. Увлечение деревней и мужиком.
4. Вера в мессианизм этого мужика, в создание мужицкого социализма, ведущего свое начало с Востока России.
5. Порицание в происходящей революции черт городского западного порядка и жадное желание сквозь октябрьский вихрь увидеть всеспасающего мужика с его истинно чисто русской революционностью».

Сентябрь, 30. Парижский журнал «Современные записки» (№ 12) в «Списке новых книг, поступивших в редакцию» называет книгу Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

Сентябрь. В Иваново-Вознесенске выходит журнал «Новый быт» (№ 1), содержащий материалы о Есенине:

— воспоминания А.Д.Сумарокова «Моя встреча с Блоком» с изложением беседы мемуариста с поэтом:

«— Бунин мне чужд, — сказал Блок, — <...> а как Вы находите Клюева, Есенина?

— Клюева я люблю как единственного истинно народного поэта, но, по моему мнению, "Сосен перезвон" — лучшее, что он дал. <...> Что же касается Есенина, то он еще молод и не определился вполне, хотя заставляет ожидать многого.

— Да, Клюев — большой поэт, но в смысле версификации Есенин выше его. Он владеет стихом значительно лучше Клюева».

Эта беседа, согласно записи А.А.Блока (ЗК, 386), состоялась 27 янв. 1918;

— рецензия Д.Н.Семёновского (подпись: Д. С.) на книгу А.Ильиной (Сеферянц) «Земляная литургия» (1922):

«Александра Ильина носит платье с чужого плеча. Оно взято напрокат у Клюева с Есениным (все церковные настроения, темы и образы: "Земляная литургия", "Преображение", "Вечеровой псалом", "Жертва вечерняя", "Литии", "Отходная" и др.) и у имажинистов.

Своего, нажитого, выношенного, выстраданного у Ильиной пока почти нет. Несамостоятельность ее стихов обнаруживается с первой же страницы сборника:

О земля, я гость случайный
Под твоим шатром...

Но ведь это же Есенин:

Только гость я, гость случайный,
На горах твоих, земля...

У имажинистов Ильина переняла их вычурность, ходульность, витиеватость ("Проклюю я двери в вечность клювами зари...", "Гноится бесцелья струп...", "Тонут в васильковом поле флейты утренних встреч..." и т. д.). Пора понять, что подобный популярный имажинистский винегрет — довольно невкусное и непитательное блюдо. Красота — в простоте. Жаль, если поэтесса думает иначе, так как она бесспорно талантлива...».

Другие отклики на книгу см.: 2 июня 1922, первая запись; до 7 окт. 1922.

В Чите выходит журнал «Наш путь» (орган Дальбюро ЦК РКП; № 2) со статьей Н.Чужака «Через головы критиков. Перед опасностью разложения», где заходит речь о Есенине.

Полемизируя со статьей В.П.Правдухина «Письмо о современной литературе» (см.: июль (?) 1922), критик пишет:

«Говоря о томиках "Истории моего современника" <В.Г.Короленко>, т. Правдухин ухитряется на каких-нибудь 40–50 строках своих писем нагромоздить целую гору наивно-"идеалистических", уютно-дворянских, гимназически-восторженных благоглупостей.

Послушайте:

<...> "Люди, природа, вещи, их внутреннее освещение насыщены ароматом чуть-чуть старомодной *благоуханной гармонии* и красоты, ясной, здоровой простоты и безыскусственности" <...>.

За покойным Короленко тянется "красота" о *Есенине*, "певучесть" которого "*чаровала и нежила*" т. Правдухина раньше, и которого наш критик ныне, после поэмы "Пугачев", горько оплакивает.

Оплакивает он и поэта Клюева, "которого *мы так любили* с его *целостными*, простыми перезвонами сосен <...>".

Любит сибкритик и *Блока* <...>

Добалтывается, конечно, и до *Анны Ахматовой* <...>

И смех, и грех!

Ведь вся эта нутряная потягота на какую-то внеклассовую "красоту", "здоровье", "простоту", "безыскусственность", "целостность" — этот затаенный позыв на "жития святых", "благоуханную гармонию" и "густолиственных кленов аллеи" — наряду с показной болтовней о "ритмах революции", — чем всё это выше вздохов какой-нибудь старушенции из чеховской пьесы:

— Давно уже я, грешница, лапши не ела!

Я понимаю, что Правдухин соскучился по "лапше" из "благоуханного" Короленко, "нежного" Есенина, "любимого" Клюева, "чарующего" Блока и даже "трогательной", "чуть-чуть надушенной" Ахматовой, — всё это так, но... при чем же здесь заботы о пролетариате и его поэзии, при чем здесь коммунистическая фирма журнала?»

Курсив в тексте — авторский.

См. также отдельный оттиск этой статьи: Чужак Н. Через головы критиков... Чита: Типография Областного союза Заб<айкальских> Кооперативов, 1922.

Журнал «Россия» (М.-Пг.; № 2, за сентябрь) печатает пародии Н.Адуева и Арго на современных поэтов (в том числе на Есенина) под общим заглавием «Серенький козлик»:

«Сергей Есенин

Говорят, что я скоро буду
Знаменитый русский поэт.

Сброшу облака в груду —
Час настоящий пришел —
Говорят, что я скоро буду
Знаменитый русский козел.
У опушки лесной, замшелой,
Подле хаты, где жил мой дед, —
Совершилось лихое дело, —
Волк задрал козла на обед.
Заморил червяка немножко,
Приторкнулся задом к сосне.
Покатились козии рожки
И взметнулись к сивой луне.
Што, луна, идешь на попятный —
Испужалась, старая карга?
Я тебя об... сосал когда-то,
А теперь — наставлю рога».

Выходящий в Словакии журнал «Slovenske pohl'ady» (№ 9) печатает статью переводчика Рудольфа Клячко «Slovanstvo» («Славянство»), где упоминается Есенин:

«...большевикам с самого начала симпатизировали В.Я.Брюсов, А.М.Горький, С.М.Городецкий, С.А.Есенин, Р.В.Иванов-Разумник и др.»

Пер. М.Горковича.

Сентябрь, конец ... Октябрь, начало (?). В недатированном письме из Берлина В.Я.Брюсову, характеризуя штрихи жизни русской литературной эмиграции, А.Б.Кусиков замечает:

«Есенин всё дунканится».

Маквей-2006, 207, примеч. 141, цитата из письма. О времени его написания там же говорится: «...очевидно, первая половина 1923 г.».

Между тем 25 апр. 1923 В.Я.Брюсов начинает свой ответ Кусикову на это его письмо со слов: «Дорогой Сандро! Давно, пожалуй, *около года назад* Ты мне писал. Тогда я не собрался ответить...» (журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1974, t. XV, f. 1/2, p. 203; публ. Ж.Нива́, выделено сост.). Это означает, что письмо, о котором идет речь, получено адресатом не в 1923, а в 1922 г. В нем Кусиков, в частности, упоминает, что ему «уже 26 лет» (РГБ, ф. 386, карт. 91, ед. хр. 30, л. 4 об.).

Нижняя граница события устанавливается в соответствии с этими словами, поскольку дата рождения Кусикова — 30 сент. (н. ст.) 1896. Верхняя граница определяется предположительно на основе сведений из того же письма: «В настоящее время работаю за <так!> большой поэмой строк так в 2000» (там же, л. 4), ибо в третьей декаде октября 1922 г. Кусиков публикует стихотворный фрагмент «На посту» с подзаголовком: «Из *поэмы* "Война и Мир"» (Нак. 1922, 22 окт. № 166, лит. прилож. № 23, с. 1; выделено сост.).

Сентябрь (?). В Новониколаевске (ныне Новосибирск) выходит журнал «Сибирские огни» (№ 3, за июль-август) с материалами, в которых говорится о Есенине:

— рецензией И.Калигина (подпись: И. К.) на книгу И.Ерошина «Перекли́к» (Сибирское областное государственное издательство, 1922):

«Мотивы творчества Ерошина сродственны мотивам Клюева, отчасти Есенина, только более опрощены и субъективированы своеобразной узорной образностью, свойственной Ерошину, — любовь ко всему, что от земли, к простому, примитивному — основной мотив творчества Ерошина»;

— рецензией В.П.Правдухина на первый номер журнала «Таежные зори», вышедший в Новониколаевске:

«Стихотворение Берникова В. <текст см.: июль (?) 1922> своим посвящением С.Есенину правильно устанавливает своего учителя и "школу", только, к сожалению, на этот раз образы талантливого поэта не рождают отблесков содержания и остаются лишь образами»;

— рецензией В.А.Итина на первый номер новониколаевского журнала «Пролетарские побеги»:

«В подражательности поэты из "Пролетарских побегов" сознаются сами:

Эх, бродить бы в голубых поёмах
И серпом стиха колосья-звёзды жать
И не думать, что Есенин, Клюев
Рассказали, может быть, про то давно!!»

Полный текст этого стихотворения К.Беседина см.: до 28 сент. 1922.

Сентябрь (?) — Октябрь (?). В берлинском журнале «Театр» (№ 14; рубрика «Театр в советской России: Петербург») помещается информация:

«ЦЭКУПУ <ЦЕКУБУ> рассмотрены и утверждены списки художников, артистов, музыкантов и литераторов, имеющих право на академическое обеспечение. <...>

В третью группу, самую малочисленную, вошли: Качалов, Москвин, Лилина, Бахрушин, Малявин, Кончаловский, Машков, Сабанеев, Шумков, Гольденвейзер, Коган, Есенин и др.».

Ср.: до 28 июня 1922; 28 июня 1922; 1 сент. 1922.

См. также: 22 февр. 1923.

Октябрь, 1. В Москве выходит № 1 (за ноябрь) журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (подзаголовок: «Русский журнал») со стихотворением Есенина «Прощание с Мариенгофом» и с его письмами А.Б.Мариенгофу и А.М.Сахарову (в извлечениях).

Время события определяется по объявлению, в котором указан день выхода номера («Красная газета», 1922, 3 окт., № 7, веч. вып.).

В номере также публикуются:

— рецензия А.Б.Мариенгофа на книгу Есенина «Пугачев» (М., 1922):

«Наша критика, к сожалению, уподобляется не портному, а родне: она в восторге, если взлелеянные ими питомцы до седых волос говорят ребячьими голосами и носят коротенькие штанишки. Рост и возмужание они не хотят замечать. А если оно прет в глаза, то это приводит их в совершенное отчаяние.

Есенин начал "Радуницей". "Радуница" была его детским костюмчиком. Скромненькая лирика, многочисленные атрибуты наполовину раскольничьей, наполовину православной церкви, стилизованная Расея. Если бы поэт остановился на этом, то уже сегодня имя его помнили бы и чтили одни Львовы-Рогачевские. Вторая книга "Голубень" уже доставила немало забот его литературным опекунам. Голос его стихов мужал, божки превращались в богов, Расея в Русь.

Но всё же это были цветочки. Дальнейшие метаморфозы поэта были еще катастрофичнее: крестьянский поэт превращался в имажиниста, богам и божкам он уже больше не молился, а лаялся с ними. Критика вздыхала о голубоглазом отроке Сереже и привыкала к тону не весьма любезному, когда приходилось обращаться по адресу члена ЦК Ордена Имажинистов.

Наконец, в 1921 году Сергей Есенин напечатал свое первое совершенно зрелое произведение. Мы говорим о "Пугачеве", после которого даже самому тонкому и наблюдательному портному искусства не придется менять столь резко мерки.

Его фигура сформировалась. Его Русь стала Россией. Бунтарство — крестьянской революцией. Мировоззрение уложилось в стихи, сделанные с настоящим мастерством и хорошим вкусом. Как видите, причин было достаточно, чтобы счесть вещь не удавшейся, российская критика с редким единодушием не замедлила это сделать.

Спешим принести оной критике свои поздравления: она поумнела и выросла»;

— анонс о выпуске книги Есенина «Исповедь хулигана» издательством «Вольница».

Книга не выходила (см. также: Есенин, VII (3), 90).

В номер вошли также стихотворения Н.Эрдмана, Р.Ивнева, О.Мандельштама, Н.Савкина, А.Мариенгофа, статьи А.Мариенгофа, О.Мандельштама, Б.Глубоковского, А.Топоркова, Н.Павлович и др.

Из редакционной статьи:

«Граждане, бросьте ваши номенклатуры: левый фронт, etc, etc. Бросьте: где правые? где левые? где революция? где контрреволюция? Применительно к поэзии эти определения — нуль. <...> Мы ищем и находим подлинную сущность прекрасного в катастрофических сотрясениях современного духа, в опасности Колумбова плавания к берегам нового миросознания (так мы понимаем революцию), в изобретательстве по-

рядка космического. Не в строении однодневного быта, не в канонах поэтических программ... видим мы путь художника и его большую тему».

См.: до 15 окт. 1922.

Отклики см.: 23 нояб. 1922, вторая запись; 4 дек. 1922; 16 дек. 1922, вторая запись; 22 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922; 11 ... 31 янв. 1923.

В московской «Правде» (№ 221) начинается публикация статьи Л.Д.Троцкого «Внеоктябрьская литература».

Примечание от редакции:

«Мы печатаем отдельные главы книги тов. Троцкого, посвященной вопросам нынешней нашей литературы. Очерком об Андрее Белом заканчивается первая глава о внеоктябрьской литературе. Далее следуют главы: А.Блок; Литературные попутчики революции (Пильняк, Всеволод Иванов, Клюев, Есенин); Футуризм и революция; Пролетарская поэзия и грядущее искусство».

Из вводной части статьи:

«Между буржуазным искусством, которое изживает себя в перепевах или в молчании, и новым искусством, которого еще нет, создается переходное искусство, более или менее органически связанное с революцией, но не являющееся в то же время искусством революции. 1) Борис Пильняк; 2) Всеволод Иванов; 3) Николай Тихонов и "Серапионовы братья"; 4) Есенин с группой имажинистов; 5) отчасти Клюев — были бы невозможны — все вместе и каждый в отдельности — без революции».

См. также: 5 окт. 1922, вторая запись; 10 окт. 1922, вторая запись.

В Белграде выходит журнал «Мисао» (тетрадь 67) с заключительной третьей частью статьи Е.В.Аничкова «Новейшие явления в русской поэзии» (на сербском языке), где говорится о Есенине.

Предыдущий текст работы критика см. в тетрадях 65 и 66 журнала (сообщено Н.В.Арсеньевым и А.П.Шишкиным).

В ней цитируются в сербском переводе отрывки из стихотворений Есенина «Табун» и «Исповедь хулигана».

О русском варианте труда см.: до 3 июня 1923.

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1945) помещает информацию без подписи «Айседора Дункан»:

«Антрепренер С.Юрок объявляет ряд выступлений известной танцовщицы Айседоры Дункан и ее учениц, набранных и обученных ею в России.

Первое ее выступление состоится в субботу днем, 7 октября, в Карнеги Голл. В программу входят: увертюра Чайковского "1812 год", его же Шестая Симфония, "Славянский марш".

Последующие гастроли талантливой артистки состоятся в том же Карнеги Голл в среду вечером, 11 окт. и в субботу днем, 14 окт. Затем она уезжает в обширное турне по всей стране и вернется в Нью-Йорк не ранее конца января месяца. Во время отсутствия Айседоры Дункан <...> балетная школа там ведется ее дочерью Ирмой Дункан».

Октябрь, 1, около 2 часов дня. Есенин и А.Дункан прибывают в Нью-Йорк.

Из очерка Есенина «Железный Миргород» (1923):

«На шестой день <см.: 25 сент. — 1 окт. 1922>, около полудня, показалась земля. Через час глазам моим предстал Нью-Йорк.

Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке! Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов. Рассказать ее будет ничтожно. Милые, глупые, смешные российские доморощенные урбанисты и электрификаторы в поэзии! Ваши "кузницы" и ваши "лефы" как Тула перед Берлином или Парижем.

Здания, заслонившие горизонт, почти упираются в небо. Над всем этим проходят громаднейшие железобетонные арки. Небо в свинце от дымящихся фабричных труб. Дым навевает что-то таинственное, кажется, что за этими зданиями происходит что-то такое великое и громадное, что дух захватывает».

Есенин, V, 163.

Октябрь, 1, после 2 часов дня. Чета Есениных задерживается иммиграционными властями на борту парохода.

«Итак, в воскресное утро в октябре 1922 года Айседора и ее муж, поэт, в сопровождении нескольких русских секретарей прибыли из Гавра в Америку на лайнере "Париж". Они ожидали, что их встретит большой комитет, но оказалось, что комитет состоит из единственного члена — менеджера Айседоры, который встретил их в сопровождении огромной армии фотографов и репортеров. Все набились в ее каюту, где, к их общему удивлению, иммиграционный инспектор сообщил Айседоре, что всей группе придется остаться на ночь на борту "Парижа", где будет произведен досмотр, а утром их перевезут на остров Эллис для встречи с представителем специального бюро расследования. Никаких объяснений о причине ее задержания дано не было, но подразумевалось, что инструкции поступили из Вашингтона из-за просоветских взглядов Айседоры.

А ведь это была одна из самых знаменитых в мире артисток, перед которой все страны распахивали двери, считая, что нет короны, которая была бы достойна этой удивительной американки. Перед ней склонялись художники всего мира, ученые и мыслители всех стран единодушно считали, что она несет высочайшее выражение искусства наших дней. Но вопреки этому на пороге своей родной страны, за свободу которой боролись и умирали ее предки и которая с распростертыми объятиями встречала самого паршивенького иностранца с весьма посредственным талантом, Айседора оказалось перед захлопнутой дверью.

Великое дитя Америки, эта истинная американка по духу, чья неумирающая любовь к Америке была самой ярко выраженной чертой ее характера, артистка, снова и снова возвращавшаяся в свою страну, несмотря на явно плохое к ней отношение, умоляла разрешить ей обучать американских детей. Она готовилась к этому всю жизнь. А теперь ее, как самого опасного преступника и подозрительную личность, отправляют на остров Эллис. Прелестная женщина в мягкой круглой белой шляпке, в красных сафьяновых русских сапожках и длинной накидке являла собой картину, которую с удовольствием бы приняли в любой стране».

Дести, 272–273.

«В первый день октября 1922 года, когда пароход "Париж" медленно шел по Нью-Йоркскому заливу мимо статуи Свободы, чиновник иммиграционной службы сообщил Айседоре Дункан, что ей не разрешено сойти на берег. Ни ее мужу, ни их секретарю Владимиру Ветлугину также не было разрешено ступить ногой на землю, о которой Айседора так много им рассказывала. Чиновник был очень вежлив, но не слишком разговорчив. <...>

Когда пароход подошел к причалу французской линии, Айседора смогла увидеть своих родственников и своего менеджера и сообщить им о своем затруднительном положении. Галантный капитан "Парижа" месье Морá поручился за всю группу перед иммиграционными властями и пригласил их остаться на борту в качестве его гостей. Таким образом, они были избавлены от унижения провести ночь в помещениях для иммигрантов на Эллис-Айленде. <...>

Естественно, что тема прибытия танцовщицы со своим новым супругом-поэтом и их задержания иммиграционными властями заполнила страницы всех газет. Некоторые журналисты даже обвиняли Айседору в том, что всё это было ею подстроено с тем, чтобы ее американское турне имело хорошую прессу!»

И.Дункан и Макдугалл, 104–105.

Октябрь, 1, около 4 часов дня. Корреспонденты американских газет фотографируют Есенина и А.Дункан на борту парохода «Paris» и берут у них интервью.

Есенин, VII (3), [168–169], фото № 71 и 72.

Из «Железного Миргорода»:

«Мы выходим на палубу. Сотни кинематографистов и журналистов бегают по палубе, щелкают аппаратами, чертят карандашами и всё спрашивают, спрашивают и спрашивают. Это было приблизительно около 4 часов дня...».

Есенин, V, 164.

См. Приложение.

А.Дункан показывает журналистам книгу Есенина «Confession d'un Voyou», вышедшую во Франции.

Событие отмечается в репортаже, опубликованном газетой «The New York Herald» (2 окт. 1922):

«Айседора объявила, что она считает своего мужа величайшим из ныне живущих русских поэтов, именуемых "имажистами". Она продемонстрировала книгу его стихов, переведенную на французский язык».

Цит. по: IE, 107.

См.: 23 сент. 1922.

Октябрь, 2. Газета «Русский голос» (№ 1946) дает анонс «Айседора Дункан выступает с русской программой»:

«Айседора Дункан снова появилась на американском горизонте. Она покажет классические танцы в исполнении привезенной ею из Москвы группы русских детей на сцене Карнеги-Голл (57 ул., угол 7 Аве) в субботу 7 октября в 3 часа дня <дети в Америку не приехали>. Всемирно известная танцовщица провела в советской столице весь прошлый сезон. Также несколько месяцев тому назад она вышла замуж за русского молодого поэта Александра <так!> Есенина, который с ней вместе прибыл в Америку».

Прибытие А.Дункан и Есенина в Нью-Йорк освещается и комментируется американской прессой.

На первых страницах газет «The New York Herald», «The New York Tribune», «The New York Times» публикуется (в извлечениях) заявление новоприбывших, составленное Есениным и А.Ветлугиным для американской печати.

IE, 105–106; см. также: 25 сент.–1 окт. 1922.

Его полный текст (в обратном пер. с англ.):

«Итак, мы на американской территории. Благодарность — такова наша первая мысль. Мы — представители молодой России. Мы работаем только в сфере искусства. Мы верим, что душа России и душа Америки скоро поймут друг друга.

Мы прибыли в Америку с одной лишь мыслью — рассказать о сознании России и работать для сближения двух великих стран. Никакой политики, никакой пропаганды!

После восьми лет войны и революции Россия окружена китайской стеной. Европа, сама истерзанная войной, не обладает достаточной силой, чтобы снести эту китайскую стену. Россия во мгле, но нам помогло ее бедствие. Именно во время голода в России Америка сделала щедрый жест. Гувер разрушил китайскую стену. Работа Организации американской помощи незабываема.

Прежде всего хотим подчеркнуть тот факт, что сейчас в мире есть только две великих страны — Россия и Америка.

В России налицо сильная жажда изучать Америку и ее добрых людей. Разве не может быть так, что искусство станет средством для развития новой русско-американской дружбы? Пусть американская женщина с ее острым умом поможет нам в решении нашей задачи!

Во время путешествия сюда мы пересекли всю Европу. В Берлине, Риме, Париже и Лондоне мы не нашли ничего, кроме музеев, смерти и разочарования. Америка — наша последняя, но великая надежда!

Приветствуем и благодарим американский народ!».

Дести, 274.

См. также: Есенин, VII (1), 348, 556.

Из материалов газеты «The New York Herald»:

«<...чиновник> бюро иммиграции сказал прошлой ночью, что о задержании Айседоры Дункан и ее мужа <см.: после 2 ч. дня 1 окт. 1922> приказа из Вашингтона не было <...> и что в этих действиях не было ничего необычного».

Цит. по: IE, 279, примеч. 3;

«Ее <А.Дункан> муж, Сергей Есенин, светловолосый молодой русский поэт, похоже, воспринял инцидент как событие достаточно обыденное, которое можно быстро уладить. <...>

Молодой поэт и его жена <...> поклялись, что им соответственно 27 и 38 <лет>. Стройный, атлетически сложенный, широкоплечий, с тонкой талией, муж Айседоры говорил с ней в основном через секретаря <А.Ветлугина>. Супруг выглядит моложе своих 27 <лет>; его одежда из простого серого твида не отличалась от одежды обычного американского бизнесмена. Хотя Есенин не знает английского, он, склонившись над своей женой, одобрительно улыбался всему, что она говорила репортерам. Казалось, что супруги искренне влюблены друг в друга и не прилагали усилий, чтобы скрывать взаимное обожание. <...>

Молодой русский был восхищен панорамой Манхеттена на фоне неба и заявил, что хотел бы написать об этом. <...> Он предпочитает воспевать “мерзавцев и бродяг”, хотя сам нисколько не похож на них. Он сказал, что к тому же его прекрасно понимают

бандиты и нищие, собаки, коровы и другие домашние животные. Внимание к нему прессы пробуждает у него уныние, но выглядит он самым жизнерадостным большевиком из тех, кто когда-либо пересекал Атлантику...».

Цит. по: IE, 107–108 (перевод С.И.Субботина).

Из материалов газеты «The New York Times»:

«Мисс Дункан и сопровождающие ее лица путешествовали с русскими паспортами. Она сказала, что визы были должным образом оформлены в консульстве Соединенных Штатов в Париже, и консул заверил ее, что по прибытии в Нью-Йорк у нее не должно возникнуть никаких проблем с иммиграционными властями».

Цит. по: IE, 106–107 (перевод С.И.Субботина);

«<Дункан> полулежала на кушетке, изящно обвив левой рукой шею своего светловолосого мужа, напудрившего волосы <...>. Иногда во время интервью она ласково поглаживала его круглое мальчишеское лицо и по-французски говорила ему, чтобы он успокоился, ибо ее муж понимает только французский. <...> Перед тем, как им вместе позировать фотографам, она смахнула пудру с его волос. <...> Склонив его кудрявую голову к себе на плечо, мисс Дункан сказала, что он — молодой поэт-"имажинист". <...> "Его называют величайшим поэтом после Пушкина", — продолжала она. <...> Этому молодому русскому <...> (хотя и было объявлено, что ему 27 лет) не дашь больше семнадцати...».

Цит. по: IE, 107.

Из материалов газеты «The New York Tribune»:

«Танцовщица одета в русское шерстяное пальто коричневого цвета, отделанное по вороту, рукавам и по краям белым ангорским мехом...».

Цит. по: IE, 106 (в переводе по: Есенин, VII (3), 241).

Эта характеристика сопровождает публикацию фотографии Есенина и А.Дункан, сделанную на борту парохода «Paris» (см.: около 4 ч. дня 1 окт. 1922);

«Пока "Париж" входил под парами в залив, мистер Есенин <...> восхищался красотой очертаний Нью-Йорка на фоне неба. Он увидел его впервые сквозь послеполуденную дымку и, будучи поэтом, пришел в восторг».

Цит. по: IE, 105–106 (в переводе по: Есенин, V, 399–400).

Из материалов газеты «The New York World»:

«Муж m-me Дункан <...> говорит по-французски <так!>; парень мальчишеского вида, который, однако же, подошел бы любой футбольной команде как прекрасный полузащитник, — ростом 5 футов 10 дюймов, с белокурой, хорошо посаженной головой на широких плечах, с узкими бедрами и ногами, способными покрыть сто ярдов примерно за десять секунд. <...> Mr. Есенин ухмыльнулся как студент-второкурсник, когда его попросили позировать <перед фотокамерами> в обнимку с женой. Его смущение было чрезвычайно приятно m-me Дункан. Она поцеловала его для съемки. <...> Муж улыбнулся и закурил американскую сигарету, очень глубоко затягиваясь. <...> Они надеялись пробыть здесь до февраля, а потом вернуться в Россию и заняться школой <танца>.

<...> Репортер спросил, имеет ли она <А.Дункан> хоть какую-то связь с Советским правительством, а ее супруг — с режимом Ленина.

"Нет, я никогда не видела ни Ленина, ни Троцкого за всё время работы в школе танца для русских детей в Москве, — сказала она. — И мой муж — всего лишь молодой русский поэт. Он не политик, он гений. <...>.

Я связана не с политикой или правительствами, но лишь с русскими детьми. Они удивительные. <...>

Они говорят мне: "Мы голодаем, но мы свободны"».

Цит. по: IE, 108–109 (перевод С.И.Субботина).

Из очерка Есенина «Железный Миргород»:

«...нам принесли около 20 газет с нашими портретами и огромными статьями о нас. Говорилось в них немного об Айседоре Дункан, о том, что я поэт, но больше всего о моих ботинках и о том, что у меня прекрасное сложение для легкой атлетики и что я наверняка был бы лучшим спортсменом в Америке».

Есенин, V, 164.

Иммиграционная служба допрашивает Есенина и А.Дункан и проверяет их багаж.

Из воспоминаний С. Юрока:

«Иммиграционные инспекторы отозвали меня в сторону. Они очень сожалели. Закон, по которому американка, вышедшая замуж за иностранца, автоматически лишалась своего гражданства, вступил в силу два месяца назад. Женщина с русским паспортом и мужем-большевиком представляла для них такую проблему, которую они не могли решить сами прямо на месте. Айседора с мужем должны были отправиться на Эллис-Айленд».

Hurok S. Impresario: A Memoir in collaboration with Ruth Goode, London: MacDonald, 1947, p. 98 (цит. по: IE, 279, примеч. 3).

И.Дункан и Макдугалл напишут:

«Наутро 2 октября задержанные пассажиры "Парижа" в сопровождении двух гвардейцев были отведены в таможенный офис на пирсе линии Кюнар. Там весь их багаж был открыт и подвергнут тщательной проверке старшими чиновниками. Каждая статья была просмотрена; вся одежда вывернута наизнанку и все карманы обшарены; даже белье не избежало ощупывания и перетряхивания. Все рукописи были просмотрены через микроскоп; все печатные материалы на русском языке, в основном книги стихов и произведений русской классики, были конфискованы для последующего более детального просмотра. И, страница за страницей, все оркестровые и фортепианные ноты были перелистаны, причем у танцовщицы требовали объяснений насчет содержания ее пометок на полях некоторых партитур.

В завершение медлительного, но безрезультатного осмотра группа, все еще в сопровождении гвардейцев, вернулась на пирс французской линии, где была встречена секретарем. Оттуда их всех отвезли на такси в грузовую контору, а затем на Эллис-Айленд. После некоторого ожидания они наконец были отведены в отдел осмотра. Здесь после беседы в совещательном кабинете с комиссаром по иммиграции Робертом Е.Тоддом и его помощником Х.Р.Лэндисом Айседора и ее спутники заулыбались. Своим менеджеру и адвокату, которые ждали снаружи, она крикнула:

— Признаны невиновными!

Репортерам, сопровождавшим ее на катере обратно в город, она сказала:

— Я чувствую себя так, как будто меня оправдали от обвинения в убийстве. Они, кажется, решили, что годичное пребывание в Москве сделало из меня кровожадную преступницу, готовую бросать бомбы по любому поводу. Они там задавали мне дурацкие вопросы, вроде: "Классическая ли вы танцовщица?" Я сказала им, что я не знаю, потому что мой танец слишком личный. Они хотели знать, как я выгляжу, когда танцую! Откуда мне знать? Я никогда не видела свой танец со стороны. <...> Среди прочего вздора они желали знать, что Сергей и я думаем о французской революции!

До того как я ступила ногой на Эллис-Айленд, я и в мыслях не держала, что человеческий разум способен мучить себя разгадками всех тех вопросов, которыми меня с такой скоростью обстреливали сегодня. Я никогда не имела ничего общего с политикой.

Всё мое время в России я тратила на заботу о маленьких сиротах и обучение их моему искусству. Говорить или даже намекать, что я большевичка, — это чушь! Чушь! Чушь!

У причала они были встречены толпой друзей, которые сопровождали их до отеля "Уолдорф-Астория". <...>

Заключительное слово о гротескной ситуации было сказано на следующий день в "Нью-Йорк Уорлд" остроумным Хейвудом Брауном:

"Никто, кроме чиновника иммиграционных властей, не додумался бы до того, что Айседора Дункан была и будет чем-либо, кроме как танцовщицей.

Мы знать не хотим, какие у нее политические взгляды, и не можем представить себе ничего менее существенного. Она — первоклассная артистка, которая революционизировала танец не только в Америке, но и во всем мире. Она заслуживает сердечного приема в своей собственной стране, а отнюдь не тупого хамства"».

И.Дункан и Макдугалл, 106–108.

Из очерка Есенина «Железный Миргород»:

«Утром <2-го октября> нас отправили на Элис-Аленд. Садясь на маленький пароход в сопровождении полицейских и журналистов, мы взглянули на статую свободы и прыснули со смеху. "Бедная, старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!" — сказал я. Журналисты стали спрашивать нас, чему мы так громко смеемся. Спутник мой перевел им, и они тоже засмеялись.

На Элис-Аленде нас по бесчисленным комнатам провели в комнату политических экзаменов. Когда мы сели на скамьи, из боковой двери вышел тучный, с круглой головой господин, волосы которого были вздернуты со лба челкой кверху и почему-то напомнили мне рисунки Пичугина в сытинском издании Гоголя.

— Смотри, — сказал я спутнику, — это Миргород! Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены!

— Мистер Есенин, — сказал господин. Я встал. — Подойдите к столу! — вдруг твердо сказал он по-русски. Я ошалел.

— Подымите правую руку и отвечайте на вопросы.

Я стал отвечать, но первый вопрос сбил меня с толку:

— В бога верите?

Что мне было сказать? Я поглядел на спутника, тот мне кивнул головой, и я сказал:

— Да.

— Какую признаете власть?

Еще не легче. Сбивчиво я стал говорить, что я поэт и что в политике ничего не смыслю. Помирились мы с ним, помню, на народной власти. Потом он, не глядя на меня, сказал:

— Повторяйте за мной: "Именем господа нашего Иисуса Христа обещаюсь говорить чистую правду и не делать никому зла. Обещаюсь ни в каких политических делах не принимать участия".

Я повторял за ним каждое слово, потом расписался, и нас выпустили. (После мы узнали, что друзья Дункан дали телеграмму Гардингу. Он дал распоряжение по легком опросе впустить меня в Штаты). Взяли с меня подписку не петь "Интернационала", как это сделал я в Берлине».

Есенин, V, 164–166.

Есенин и А.Дункан переправляются в Нью-Йорк, где останавливаются в гостинице «Waldorf-Astoria».

«У причала они были встречены толпой друзей, которые сопровождали их до отеля "Уолдорф-Астория".

Поскольку после всех этих изнурительных переживаний оставалось только четыре дня до первого появления перед американской публикой после почти пятилетнего отсутствия, Айседора нуждалась в максимальном отдыхе, комфорте и уходе, которые только могло предоставить ей это знаменитое пристанище».

И.Дункан и Макдугалл, 108.

«Прямо с парома они поехали в свой номер в "Уолдорф Астории". Была проведена большая подготовка к торжественному пиру. Повидаться с Айседорой собрались ее родные и сотни друзей. Айседора горела энтузиазмом и счастьем, но ей очень хотелось поделиться с друзьями и массами тем, что она узнала в России. Она ни о чем не могла говорить, кроме как о коммунистической России, и к моменту ее первого выступления о ней уже столько наговорили, что у ее менеджера тряслись поджилки при мысли, какая публика соберется на ее концерты».

Дести, 276.

См. Приложение.

Газета «Новое русское слово» (№ 3536) печатает стихи Ф.Сологуба в сопровождении заметки (подпись: Б. Е.), где проводится параллель с творчеством Есенина:

«Его <Сологуба> темы — не кровь, не призывы, не есенинский перегар черноземного навоза, не грубый красноармейский хохот и не возвеличивание хаоса. Его темы — небо голубое, <...> утешительные ночи, милая Волга...».

Октябрь, 3. Американские газеты продолжают писать об обстоятельствах прибытия А.Дункан и Есенина в Соединенные Штаты.

Газета «The New York Tribune» в статье «Въезд Есениных» («Enter the Essenines») отмечает:

«Давно уже Америка показывает себя не с лучшей стороны как раз в тот момент, когда иностранец или ее гражданин ступает на американский берег. <...> В Вашингтоне понятия не имели, почему ее <А.Дункан> и ее мужа, здоровяка-славянина, задержали на Эллис Айленде. Иммиграционные власти также не могли дать никаких объяснений. <...>

Каким бы горьким ни был этот опыт для мисс Дункан (или, скорее, миссис Есениной) лично, ее рекламный агент вряд ли пролил слезу по этому поводу...».

Цит. по: IE, 112 (перевод А.П.Шишкина).

Из сообщения газеты «The New York Herald»:

«На пути к Эллис-Айленду поэт поприветствовал Статую Свободы, воскликнув по-русски (позднее пресс-секретарь вольно перескажет его слова по-английски): "Восхищаюсь тобой, старая девушка, хотя должен сказать: обстоятельства сейчас мешают мне приветствовать тебя".

<...> При возвращении оттуда с Айседорой он поклоном выразил свою благодарность бронзовой богине и, окинув пристальным взглядом горизонт, заявил, что непременно напишет стихотворение об этом».

Цит. по: IE, 110, 111, 280, примеч. 21 и 27 (перевод А.П.Шишкина).

Ср. с ретроспективным изложением этого эпизода самим Есениным (с. 186 наст. книги).

Газета «The New York Times» пишет:

«Кудрявый мальчик-муж явно наслаждался переездом на Эллис-Айленд и был в центре внимания. Фотографы каждые три минуты делали снимки всей компании. Мисс Дункан жеманно отказалась позировать в солнечном свете.

"Слишком много морщин", — сказала она.

Ее муж заявил, что он, конечно, напишет стихотворение обо всем, что видел, в том числе о небоскребах и о прославленной Статуе Свободы».

Цит. по: IE, 110 (перевод А.П.Шишкина).

Намерение Есенина не осуществилось.

А.Ярмолинский обращается к издателю антологии «Modern Russian Poetry» (1921) с просьбой послать экземпляр книги Есенину, о чем сообщает тому письмом.

О событии и его дате см.: 1 нояб. 1922.

О переводах стихов Есенина, вошедших в эту антологию, см.: Летопись, 3 (1), 241.

В 1957 г. А.Ярмолинский вспомнит:

«В 1921 году вышла составленная мной в сотрудничестве с моей женой, Бабет Дейч, антология русской поэзии в английском переводе. Несколькими стихотворениями в ней был представлен и Сергей Есенин. Когда осенью следующего года я узнал из газет, что Есенин приехал в Нью-Йорк с Айседорой Дункан, я попросил издателя выслать ему экземпляр книги и написал об этом Есенину. В ответ я получил от него следующую записку <см.: до 12 нояб. 1922>».

РЗЕ, 1, 229.

См. также: 27 окт. 1922, первая запись; 1 нояб. 1922; до 12 нояб. 1922; 12 нояб. 1922, первая запись.

В Москве Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Сегодня год, как он <Есенин> увидел А<йседору>. “Как искусство”, “не трогает”. Сейчас они там, на другом берегу. “А душа моя той же любовью полна / И минуты с другими отравлены мне” (А. Бл<ок>).

Завтра “его рождение”. “Спасибо за д<еньги>” <см.: 5 окт. 1921, первая запись>. 27 лет.

А сегодня после осени вдруг вечером весна — аромат деревьев, и земля дышит, влажная от дождя. Хорошо, хорошо. В такой вечер пойти провожать лето. Ну, желаю ему всего того, что только есть на свете хорошего. А он ведь и не вспомнит о том, что в далекой Москве праздную день его рождения».

Материалы, 110.

В записи цитируется стихотворение А.А.Блока «Протекли за годами года...» (1915).

Вскоре Есенин напишет А.Мариенгофу (см.: 12 нояб. 1922):

«Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня».

Среди тех, кому он просит поклониться «в первую очередь», — Галя, т. е. Бениславская.

Октябрь, 3 ... 6. Корреспондент «Нового русского слова» беседует с Есениным и А.Дункан в гостинице «Waldorf-Astoria».

Рамки события определяются временем высадки четы Есениных на американский берег и днем публикации рассказа о встрече с ними (см.: 7 окт. 1922, первая запись).

Октябрь, 3 (?) ... 6 (?). Д.Д.Бурлюк и литератор М.О.Мендельсон посещают Есенина в той же гостинице.

Событие устанавливается по воспоминаниям М.О.Мендельсона:

«Это происходило на рубеже 1922 и 1923 годов. <...> Постояв минутку, а то и две перед дверью есенинского номера, Давид Давидович тихонько постучал. Кто-то открыл дверь. Мы очутились в очень большой комнате, из окон которой открывался знакомый вид на площадь у 34-й улицы.

И тут навстречу нам не спеша вышел молодой, очень молодой человек. Сначала мне даже показалось, что это мой ровесник. Молодой человек был хорошо одет и изящен. Его русые, переходящие в золото волосы, его лицо, освещенное светом синих глаз, — все казалось знакомым. Это, конечно, был Есенин. На его лице не было и тени улыбки, а я почему-то ожидал иного — веселого лукавства. В нем, как мне казалось, должно было запечатлеться превосходство советского поэта над миром, в котором он очутился.

<...> Мы провели в отеле чуть больше двух часов. За это время Дункан несколько раз забегала в комнату, в которой мы находились (видимо, номер состоял из нескольких комнат), но не обменялась с поэтом ни единым словом. Ни слова не произнес и Ветлугин. <...>

Разговор с Есениным, как и следовало ожидать, начал Бурлюк. И сразу беседа эта стала какой-то вымученной и явно нерадостной для обоих участников. В речи Давида Давидовича появились заискивающие нотки. И сидел он очень напряженно, на самом кончике стула. Неужто на нем сказывалось тягостное бремя жизни эмигранта? И он словно опасается, что Есенин просто не захочет иметь с ним дело?

А потом Бурлюк стал предлагать советскому поэту свои услуги. Он делал это очень настойчиво, даже, пожалуй, назойливо, точно от того, примет ли Есенин его предложение, зависела вся его судьба. Слова Давида Давидовича я хорошо запомнил, ибо они очень больно, всё больнее и больнее, меня ранили. <...>

Мне стало невыносимо тяжело. Мучил стыд за немолодого человека, продолжавшего сидеть на кончике стула, — словно по первому слову Есенина он готов был вскочить на ноги. Было очень неловко и за самого себя: ничего подобного я не ожидал. Ведь я присутствовал при чем-то не очень-то пристойном.

Мелькнула мысль, что Есенин видит в Бурлюке просто белоэмигранта, с которым ему просто-напросто не хочется разговаривать. Но ведь, согласившись встретиться с Давидом Давидовичем, Есенин знал, конечно, что тот всячески подчеркивает свои симпатии к Советской стране. Неужели Есенин увидел в Бурлюке подобие типичного американского коммивояжера? Нет, все-таки здесь было дело, вероятно, в чем-то другом. <...>

В ответ на неизменно любезные пожелания, советы и приглашения Давида Давидовича, как бы взявшего на себя обязанности полномочного представителя Америки, который хотел бы очаровать приезжего гостя широтой гостеприимства, Есенин всё явственнее давал волю раздражению.

И наконец вопрос Бурлюка, повторенный бог знает в который раз ("Так что же желал бы Сергей Александрович увидеть в своеобразнейшем городе Нью-Йорке?"), вызвал у Есенина особенно резкую вспышку. Он вскочил с места, пробежал по комнате, а затем в неожиданно категорической форме — от первоначальной куртуазности не осталось почти следа — объявил: никуда он здесь не хочет идти, ничего не намерен смотреть, вообще не интересуется в Америке решительно ничем. <...>

Только позднее, много позднее мне удалось понять, что за есенинскими словами о полном отсутствии у него интереса ко всему, что он увидел в Америке, таилось нечто иное. Однако у поэта не возникало желания раскрыть душу перед незнакомыми людьми. Да, он вдруг подобрел, и на лице его сохранилась обрадовавшая меня улыбка. Но затем, обращаясь ко мне, повторил, что ему нет дела до того, что творится там... И он показал рукой на окна.

На этом встреча пришла к концу. Бурлюк и я попрощались и ушли».

Восп., 2, 24, 27–31.

Октябрь, 4. Газета «Новое русское слово» (№ 3538) помещает анонимную заметку «Приезд Дункан и Есенина»:

«Они были задержаны на Эллис-Айленде

Третьего дня на пароходе "Париж" знаменитая танцовщица Айседора Дункан и ее муж 27-летний русский поэт Сергей Есенин были задержаны на Эллис-Айленде.

Особая комиссия рассматривала вопрос о пропуске их на берег.

Вместе с ними прибыл и русский писатель Владимир Ветлугин, который служит в качестве переводчика, танцовщица привезла с собой и своих двух детей <так!>.

Задержание на Эллис-Айленде было для Дункан и ее свиты полной неожиданностью. Ее импресарио С.Юрок и ее брат Августус Дункан послали в Вашингтон соответствующую телеграмму.

Нет сомнения, что задержаны они были по инструкциям из Вашингтона. Как полагают, здесь главным образом играют роль симпатии Айседоры Дункан к Сов<етской> России, откуда она и ее свита приезжают. Это-то ее отношение к России доставило ей ряд неприятностей и в Париже.

О цели своего приезда Айседора Дункан выразилась так:

— Мы приезжаем в Америку с одной целью: помочь скорейшему сближению России и Америки. Эти две великие страны должны сойтись. Никакой политики, никакой пропаганды.

Вчера после обеда Дункан и ее муж были освобождены, и им было разрешено пребывание в Америке.

Есенин отрицает то, что он является агентом сов<етского> правительства. Он и его жена прибыли сюда по французскому паспорту.

С.Юрок обыскан

"Менеджер" Айседоры Дункан С.Юрок, посетивший танцовщицу на пароходе "Париж", был обыскан иммиграционными властями. Они, по-видимому, опасались, что Дункан передала через С.Юрока "крамольные бумаги". При С.Юроке, однако, ничего "красного" не было обнаружено.

Согласно официально<му> заявлени<ю> иммиграционных властей, Айседора Дункан была задержана по распоряжению Департамента юстиции, ввиду продолжительного пребывания Дункан в России и распространения слухов о том, что она близко состояла к сов<етскому> правительству, Департамент юстиции опасался того, что Айседора Дункан — упаси Боже — привезла с собой в Америку нежелательные "бумаги" сов<етского> правительства. Но эти опасения, по-видимому, рассеялись после 2-часового допроса танцовщицы специальным иммиграционным комитетом на Эллис-Айленде.

На берегу

Оставляя Эллис-Айленд, Айседора Дункан и ее муж Сергей Есенин были окружены толпой репортеров, которые осыпали их разными вопросами, в числе которых фигурировал вопрос, коммунисты ли они. Айседора Дункан ответила и за себя, и за мужа, что они ничего общего не имеют с коммунизмом.

"Мой муж главным образом интересуется поэзией, а я — танцами и судьбой русских сирот", — был ответ Дункан.

Сергей Есенин заявил репортерам, что он напишет поэму о нью-йоркских небоскребах и знаменитой статуе Свободы».

См. также: 1 окт. 1922, после 2 часов дня; 1 окт. 1922, около 4 часов дня; 2 окт. 1922, вторая и третья записи; 3 окт. 1922, первая запись.

Газеты «The New York Times» и «The New York Tribune» публикуют письмо оперной певицы А.Фицью (Anna Fitziu) с протестом против методов обращения американских иммиграционных властей с А.Дункан и Есениным:

«Айседора Дункан на Эллис-Айленде! Боги могут вволю посмеяться. Айседора Дункан, <кому> школа <классического> танца в Америке обязана своим основанием, отнесена к разряду опасных иммигрантов!

Эта американская артистка подлинно первого ранга, женщина, чье искусство достигло степени утонченности почти сверхъестественной, танцовщица, которая вкладывает в свои выступления не только изысканное совершенство ритма и поэзии движения, но и живое и беспокойное воображение, непревзойденное в области танца, заключена в помещение для арестантов!

Все неприятности, похоже, проистекают из того простого факта, что мисс Дункан воспользовалась привилегией выйти замуж за того, за кого ей было угодно, и что ее муж оказался молодым русским поэтом. Все те, кто знают мисс Дункан, знают, что она — артистка, мало интересующаяся социальными и экономическими проблемами, и ее муж — художник, как и она.

Если мы, американцы, дошли до того, что желаем отречься от нашего достояния — ибо мисс Дункан есть наше достояние и в качестве такового вносит бесценный вклад в наше национальное искусство, — значит, пришло время протестовать. Я не думаю, что мы дошли до этого, однако, поскольку наши иммиграционные власти явно думают именно так, я настоящим заявляю свой посильный протест».

Цит. по: И.Дункан и Макдугалл, 106; конъектуры — по второму источнику (см.: IE, 112).

Сведения о том, где было напечатано письмо, даются по: IE, 280, примеч. 29. В книге, откуда взят его перевод, отмечается еще одна газета, куда оно было направлено, — «Нью Йорк Геральд» (И.Дункан и Макдугалл, 105).

Чикагская «ежедневная рабочая и крестьянская газета» «Свободная Россия» (№ 217) в анонимной заметке «Русский поэт Есенин и жена его, танцовщица Дункан, пропущены в Америку» сообщает:

«НЬЮ-ЙОРК. — После допроса, произведенного иммиграционными властями Эллис-Айланда, в страну впущены молодой русский поэт Есенин и жена его, знаменитая танцовщица Айседора Дункан.

Они раньше были задержаны в Эллис-Айланде и пробыли там сутки.

Передают, что задержаны они были из-за того, что в них подозревали советских агентов.

Получив известие о впуске в страну, Айседора Дункан, смеясь, сказала: "Не задержали ли меня из-за того, что опасались моих танцев, считая их революционными?"»

Берлинская газета «Руль» (№ 562) дает анонимное сообщение «от собственного корреспондента» — «Айседора Дункан и Есенин не допущены в Америку»:

«Париж, 3.10

"Matin" сообщает из Нью-Йорка, что Айседора Дункан со своим супругом С.Есениным прибыла на пароходе в Нью-Йорк. Однако американские власти не разрешили Есенину и Айседоре Дункан сойти на берег ввиду того, что оба они подозреваются в принадлежности к большевистской организации пропаганды».

Парижская газета «Последние новости» (№ 755) помещает сообщение «Дункан и Есенин в Америке: Спуск на берег обоим воспрещен»:

«Представители иммиграционного ведомства запретили Дункан и Есенину сойти на берег и распорядились об отправке путешественников на Эллис-Айленд, где будет произведено дознание в связи с полученными сведениями, что оба прибыли в Америку для коммунистической пропаганды.

Дункан резко протестовала, категорически опровергая слухи о ее близости к Советскому правительству. Танцовщица указывала, что она не раз критиковала коммунистический режим. Она ссылалась на то, что, как урожденная американка, она, согласно недавно принятому Конгрессом закону, сохраняет права американского гражданства и по выходе замуж за иностранца. Айседора категорически отказалась ехать в Эллис-Айленд, заявляя, что предпочитает вернуться во Францию, если ей не разрешено будет высадиться в Нью-Йорке.

Протестовал и Есенин. Чета оставлена была на пароходе, где провела ночь».

Подробнее см.: 1 окт. 1922, после 2 часов дня.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 271; рубрика «Маленький фельетон», подпись: Е. Ш.) печатает заметку Е.С.Шевченко «Министр из Инонии: (Интервью)», где заходит речь о Есенине:

«Инония, как известно, страна чудес, в которой, как уверяет ее пророк Сергей Есенин, “кто-то вывел гуся из яйца звезды”.

Нам посчастливилось видеть министра этой страны. <...> По некоторым признакам сразу можно было догадаться, что министр есть именно тот гусь, о котором пророчествовал Есенин. <...>».

Речь идет о Г.В.Чичерине.

Октябрь, 5. Петроградская «Красная газета» (№ 225) в рубрике «За границей» информирует:

«Американское правительство отказало Айседоре Дункан и ее мужу поэту Есенину в разрешении на въезд в Америку по подозрению их в принадлежности к большевистской организации».

Московская газета «Правда» (№ 224) завершает публикацию серии материалов Л.Д.Троцкого на литературные темы «Внеоктябрьская литература», где идет речь о Есенине.

Из раздела «Н.Клюев»:

«Еще недавно <см.: до 28 янв. 1922; 1 февр. 1922; 24 июня 1922 и др.> Клюев затеял стихотворную перебранку с Есениным, который решил надеть фрак и цилиндр, о чем и сообщил в стихах. Клюев увидел в этом измену мужицкому корню и бранчливо мылил младшему голову — ни дать ни взять богатый братан, выговаривающий брательнику, который вздумал жениться на городской шлюхе и записаться в голоштанники».

Из раздела «С. Есенин»:

«Есенин (и вся группа имажинистов — Мариенгоф, Шершеневич, Кусиков) стоят где-то на пересечении линий Клюева и Маяковского. Корни у Есенина деревенские, но не такие глубокие, как у Клюева. Есенин моложе. Поэтом он стал в эпоху уже развороченной революцией деревни, разворошенной России. Клюев же целиком сложился в довоенные годы, и если на войну и революцию откликался, то в пределах очень замк-

нутого своего консерватизма. Есенин не только моложе, но и гибче, пластичнее, открытее влияниям и возможностям. Уже и мужицкая его подоплека не та, что у Клюева: у Есенина нет клюевской солидности, угрюмой и напыщенной степенности. Есенин хвалится тем, что он озорник и хулиган. Правда, озорство его, даже чисто литературное ("Исповедь <хулигана>"), не столь уж страшно. Но несомненно, что Есенин отразил на себе предреволюционный и революционный дух крестьянской молодежи, которую расшатка деревенского уклада толкала к озорству и к бесшабашности.

Город сказался на Есенине резче и острее, чем на Клюеве. Тут точка приложения для несомненных влияний футуризма. Есенин динамичнее, поскольку нервнее, гибче, восприимчивее к новому. Но имажинизм идет наперерез динамике. Самодовлеющее значение образа покупается за счет целого: части расчленяются и застывают.

Неправильно говорят, будто избыточная образность имажинистов вытекает из индивидуальных склонностей Есенина. На самом деле, мы ту же черту находим и у Клюева. Его стих отягощен образностью еще более замкнутой и неподвижной. В основе своей это не индивидуальная, а крестьянская эстетика. Поэзия повторяющихся форм жизни мало подвижна в своих основах и ищет путей в сгущенной образности.

Так или иначе, но имажинизм до такой степени перегружен образами, что поэзия его кажется вьючной и потому медлительной в движении. Избыточность образов сама по себе вовсе не свидетельствует о творческой силе: наоборот, она может проистекать из технической незрелости поэта, застигнутого врасплох непосильными для него событиями и чувствами. Поэт как бы захлебывается образами, а читатель испытывает то же нервное нетерпение — дотянуть поскорее до конца, — как при слушании заикающегося оратора. Имажинизм во всяком случае не литературная школа, от которой можно ждать серьезного развития. <...> Имажинизм разве лишь этапный пункт для нескольких поэтов молодого поколения, более или менее талантливых, но похожих друг на друга тем, что все они еще не перебродили.

Попытка Есенина построить имажинистским методом крупное произведение оказалась в "Пугачеве" несостоятельной. И это несмотря на то, что автор украдкой изрядно-таки разгрузил свою вьючную образность. Диалогический характер "Пугачева" жестоко подвел поэта. Драма вообще наиболее прозрачная и потому наиболее непримиримая художественная форма: тут нет места для описательно-повествовательных заплат и лирической отсебятины. Диалогом Есенин и вывел себя на чистую воду. Емелька Пугачев, его враги и сподвижники — все сплошь имажинисты. А сам Пугачев с головы до пят Сергей Есенин: хочет быть страшным, но не может. Есенинский Пугачев — сентиментальный романтик. Когда Есенин рекомендует себя почти что кровожадным хулиганом, то это забавно; когда же Пугачев изъясняется как отягощенный образами романтик, то это хуже. Имажинистский Пугачев немножко смехотворен.

Если имажинизм, почти не бывший, весь вышел, то Есенин еще впереди. Заграничным журналистам он объявляет себя левее большевиков. Это в порядке вещей и никого не пугает. Сейчас для Есенина, поэта, от которого, — хоть он и левее нас, грешных, — все-таки попахивает средневековьем, начались "годы странствия". Воротится он не тем, что уехал. Но не будем загадывать: приедет, сам расскажет».

Есенин ответит на это в очерке «Железный Миргород» (14 авг. 1923):

«Я не читал прошлогодней статьи Л.Д.Троцкого о современном искусстве, когда я был за границей. Она попалась мне только теперь, когда я вернулся домой. Прочел о себе и грустно улыбнулся. <...>

Впрочем, он замечательно прав, говоря, что я вернусь не тем, чем был.

Да, я вернулся не тем. Много дано мне, но и много отнято. Перевешивает то, что дано».

Есенин, V, 161.

Из другого раздела статьи Л.Троцкого — «Мужиковствующие»:

«И Пильняк, и Всеволод Иванов, и Есенин как бы стремятся раствориться в водовороте, без размышлений и без ответственности. Растворяются же они не в том смысле, что их не видно — это было бы им не в упрек, а в хвалу, и этой хвалы они не заслужили; наоборот, их слишком видно: Пильняка — в его рисовке и манерности, Всеволода Иванова — в его захлебывающейся лиричности, Есенина — в его перегруженном "озорстве". Беда в том, что между ними и революцией как материей их творчества нет идейной дистанции, обеспечивающей художественную перспективу. И нежелание, и неумение литературных попутчиков охватить революцию, сливаясь с нею, но не растворяясь в ней, взять ее не только как стихию, но и как целевой процесс, — вовсе не индивидуальная, а социальная черта. Большинство попутчиков принадлежит к мужиковствующим интеллигентам. Интеллигентское же приятие революции, с опорой на мужика, без юродства не живет. Оттого попутчики не революционеры, а юродствующие в революции. <...>

Для Блока революция есть возмущающая стихия: "Ветер, ветер — на всем божьем свете!" Всеволод Иванов почти не поднимается над крестьянской стихией. Для Пильняка революция — метель. Для Клюева, для Есенина — пугачевский и разинский бунты. Стихия, вихрь, пламя, водоворот, кружение. <...> Тут целая гамма: от трагедии до буффонады, но в основе все-таки и там и здесь пассивно-созерцательное, обывательски-романтическое отношение к революции как к разъяренной национальной стихии».

Об ошибочности газетного заголовка статьи («Внеоктябрьская литература») см.: 10 окт. 1922, вторая запись.

О других перекличках с этой статьей Л.Д.Троцкого в «Железном Миргороде» см. комментарий С.И.Субботина (Есенин, V, 398–399, 404, 410).

См. также: 1 окт. 1922, вторая запись; 10 окт. 1922.

Московская газета «Известия ВЦИК» (№ 224; рубрика «Критика и библиография») помещает материалы, связанные с именем Есенина:

— информацию:

«Вышла из печати последняя книга стихов Есенина: "Избранное"».

См.: 11 сент. 1922; 7 окт. 1922, вторая и третья записи; 13 окт. 1922, третья запись; 22 окт. 1922, первая запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

— анонимный анонс «Сто поэтов»:

«Тверским издательством (бывш. Губиздат) принята к печати книга Бориса Гусмана "Сто поэтов" (литературные портреты). Книга представляет собой сто литературных этюдов-портретов молодых русских поэтов, в число которых между прочим входят Александровский, Асеев, Большаков, Бурлюк, Гастев, Герасимов, Герман, Гуро, Есенин, Мариенгоф, Иванов Г., Казин, Каменский, Кириллов, Клычков, Клюев, Крученых <...>. Кроме того, к книге приложен библиографический указатель».

См.: до 21 нояб. 1922.

Харбинская газета «Заря» (№ 222) дает (с большим запозданием) информацию под заголовком «Дунька Есенина»:

«В Париж прибыла Айседора Дункан, пробывшая всё время, начиная с 1917 года, за границей. Дункан вернулась в Париж вместе со своим мужем, русским поэтом Есениным».

Харбинская газета «Свет» (№ 1003) под заголовком «Дункан в Париже» помещает заметку с тем же текстом, что и в предыдущей записи.

Октябрь, 6. На первой странице газеты «Новое русское слово» (№ 3541) — анонс содержания следующего номера:

«Кроме обычного материала в завтрашнем номере "Нового русского слова" будут помещены:

1. Есенин и Исидора Дункан — статья художника Д.Бурлюка.
2. Сергей Есенин о самом себе.
3. Сергею Есенину — стихи А.Кусикова.
4. В гостях у Есенина и Дункан — (специальная беседа).
5. Шесть писем В.Г.Короленко к комиссару А.Луначарскому».

См.: 7 окт. 1922, первая запись.

Газета «Русский голос» (№ 1950) помещает заметку А.Лирина «Айседора Дункан (Беседа с знаменитой жрицей Терпсихоры)»:

«Из России только что прибыла А. Дункан, знаменитая танцовщица, создательница новой школы интерпретации музыкальных произведений при помощи мелопластики в древнегреческом стиле. Она приехала вместе со своим мужем, молодым талантливым русским поэтом С.Есениным.

Когда Дункан впервые появилась на сцене со своим новым, смелым, невиданным дотоле искусством, она произвела огромнейшую сенсацию: одни восторженно приветствовали ее, другие жестоко осуждали.

Подлинное искусство новаторши, ее необычайный талант, редкая сила художественного замысла, удивительная способность передачи музыкальных произведений пластикой тела и мимикой лица поставили ее по истечении нескольких лет на высокий пьедестал мировой славы. Весь цивилизованный мир знает Дункан и буквально боготворит ее.

Появилось много подражательниц, часто высоко талантливых, но Дункан продолжает блистать на недосягаемой высоте.

Вечно мятущийся дух этой богато одаренной натуры, ищущий все новых путей, нового вдохновения, привел Айседору Дункан в революционную Россию. Там она пробыла несколько лет, которые, по ее собственному признанию, составили интереснейшую эпоху в ее жизни. Там она создала школу, в которой сейчас обучается около 50 пролетарских детей в возрасте от 6 до 12 лет, — детей, столь восприимчивых и богато одаренных, каких, опять же по ее собственному признанию, она нигде ранее в своей практике не встречала.

"Часто ли вы выступали в России, и какова пролетарская публика?" — спросили мы артистку.

"Сначала, пока все спектакли давались бесплатно, я выступала довольно часто, но в последнее время, когда советскому правительству по экономическим соображениям пришлось большинство театров передать частным антрепризам, а в государственных театрах ввести плату, мои выступления стали более редкими. Что касается пролетарской публики, то скажу, что она удивительно внимательна, поддается неописуемому энтузиазму и к искусству относится с необычайным благоговением. <...>

А посмотрели бы Вы, когда мои маленькие ученицы танцуют Интернационал! Одетые в красные платьица, они врываются на сцену подобно огненному языку, сразу же электризуя публику. Нет, этого нельзя передать словами, это нужно видеть и переживать".

"Намерены ли Вы вернуться опять в Россию?" — вставили мы.

"О, конечно! Но только не ранее, как года через два. Трудно, очень трудно работать там в современных условиях, когда нередко бывает и голодно и холодно. Я хотела бы временно перевести своих учениц сюда, но на это нужны большие средства, которых у меня нет. Нужно серьезно подумать, как бы изыскать эти средства".

На этом наша беседа была прервана появлением новых интервьюеров, и мы поспешили откланяться...».

Литератор (и сотрудница советской военной разведки) Е.К.Феррари в письме М.Горькому из Берлина упоминает Есенина.

Отзываясь о поэзии Е.К.Феррари в своем письме к ней (2 окт. 1922), М.Горький отметил:

«Меня смущает в стихах ваших "щегольство" ассонансами, нарочитая небрежность рифм...».

Та возразила:

«Относительно неточных и небрежных рифм. Неужели вас бьют по слуху и пастернаковские: форма — тормоз, сиреневый — выменивать... и постоянные ассонансы Есенина? У меня это ни в коем случае не щегольство, а единственная возможная форма, так же, как и неточный ритм...»

ЛН, 1963, т. 70, с. 566, 567.

См.: 10 окт. 1922, первая запись.

Иваново-вознесенская газета «Рабочий край» (№ 226) помещает заметку «Америка: "Большевики"» о Есенине и А.Дункан.

Текст аналогичен другой публикации (см.: 5 окт. 1922, первая запись).

Октябрь, до 7. В Петрограде выходит журнал «Книга и революция» (№ 8) с рецензией И.Груздева на книгу А.Ильиной (Сеферянц) «Земляная литургия», где говорится о Есенине.

Галушкин-2005, 2, 557.

Автор пишет:

«На лицевой обложке: "Москва", на обороте: "Н.-Новгород". Последнее более характерно. Для Москвы, столицы поэтического шпагоглотательства, книжка слишком нехитра и провинциальна. Но и с Москвой у нее связь несомненная — подражание имажинизму.

Я не знаю провинциальных стихов последнего времени, но уверен, что едва ли не в каждом губерн<ском> городе Р.С.Ф.С.Р. при каком-нибудь издании Наробраза кроется два-три "каталогизатора образов", подражающих достойному усердию Мариенгофа и Шершеневича... Вероятно, скучнее этого ничего себе нельзя представить, потому что и сама поэтика названных "мэтров" (нагромождение образов при затрудненном синтаксисе и свободном стихе) уже в достаточной мере скучна и неплодотворна.

Более простора дает то течение имажинизма, которое при свободном синтаксисе и каноническом стихе образует поэтику не столько даже образную, сколько лирическую по преимуществу. Это течение представляют Сергей Есенин и Александр Кусиков. То, что А.Ильина тянется именно за ними, было бы ясно и без посланий тому и другому <см.: 2 июня 1922, третья запись>.

Вот разбавленный Есенин:

Зачерпну ковшом зари багрянец,
Разолью в росяные поля.

Я, бредущий в мире оборванец,
Целованье дал тебе, земля.

Вот отголоски Кусикова:

Звездный прах из-под ног вырывается,
Лунный повод влечется чрез дни.
Моим песням осыпаться в завязи,
Моим песням заращивать пни.

И если наивно заимствовать у С.Есенина "отчий дом" и "четверговую свечу", то "в ничто" и "стадо дум", а равно "пни" и всякие "кони", буланые, рыжие, рдяные, небесные, загнанные и прочие, должны быть возвращены А.Кусикову по принадлежности... Бог с ними!

Стихи, собранные в книге "Земляная литургия", написаны в течение одного 1921 г. <...> не слишком ли поторопилась А.Ильина их изданием? Во всяком случае, ее поэтические дни и недели — слишком короткий срок, чтобы даже гадать о том, выработается ли из нее самостоятельная индивидуальность или же навсегда останется она в пределах более или менее искусной переимчивости».

См. также: 2 июня 1922, вторая запись; сент. 1922, первая запись.

Октябрь, 7. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3542) помещает материалы о Есенине:

— стихотворение А.Б.Кусикова «Есенину Сергею» («Кудри день. — Это ты в гранях города гость...»).

См.: до 16 окт. 1920; 22 мая ... 22 июля 1922;

— статью «У С.Есенина и А.Дункан» (подпись: Кто-то):

«Русский поэт, сын крестьянина, женившийся на Дункан, Сергей Александрович Есенин не похож на тот портрет, какой нарисовали с него своим несколько ироническим пером американские репортеры. Это совсем не розовый юнец, краснощекий и "пудрящий свои волосы" (?!). Он бледен, правда, юн, но за этой юностью сквозят тяжелые годы революции, скитаний, глубокие переживания — физические и духовные. Волосы его светло-желты, почти белы, как лен тех полей, сыном которых он является. Пудра в волосах, конечно, померещилась развязным репортерам: уж слишком хочется им видеть в Новой России белый цвет...

Приветливый, простой и деликатный в обращении, Есенин обладает тем, что в Америке называют "персоналити". Он тонок, строен, немного выше среднего роста; у него живые проницательные глаза.

— Разве можно рассказать о России, о том, что там произошло? — начал он. — Нет, рассказать невозможно, сколько бы ни говорить: — Голод? Да. Я видел картины, которых никогда не в силах буду забыть. Ели людей. Иногда, бывало, целые деревни охотились на людей, подстреливая их из ружей. Опасно было показаться: убьют и съедят. Это, конечно, повальное психическое расстройство иногда целой деревни — на почве голода. Были случаи, когда человек в припадке умоисступления отрубал себе руку и съедал ее.

— Ара?

— Что же, Ара делала свою прекрасную работу. Но в глухие углы подлинного голода Ара трудно было дойти. Главным образом от голода терпели кочевники, башкиры, татары. Случилось, что на нужды мобилизации у кочевников отобран был скот. Отобрать-то отобрали, да по дороге он лег. До Оренбурга не дошел: не было подножного

корма. Наступили вьюги, метели... А на другой год случилась засуха, солнце выжгло землю, степь выгорела. Вот и неслыханный голод.

— Ваши переживания?

— Меня судьба бросала во все стороны в эти годы. Я был в Персии, и в Афганистане, и на далеком севере на Новой Земле, и в Сибири, и в Фергане: ничего, выжил, видите.

— Русские писатели?

— Писателям при большевиках жилось неплохо. Лучше других. Их не трогали. Они могли работать. Даже — ругать правительство. Но они испугались, запищали, убежали за границу...

— Поэт Гумилев расстрелян?

— Да. Он держал себя очень вызывающе. Всюду кричал громко: я монархист. У него на квартире собирались контрреволюционеры, были найдены бомбы. Ну и...

— Арцыбашев?

— Совершенно оглох. Ничего не слышит, совершенно.

— Ваши планы?

— Побуду в Америке три месяца. Буду работать, читать лекции о Новой России <см.: 13 нояб. 1922, первая запись>.

В комнату гостиницы, где мы беседовали, вошла жена С.Есенина, известная танцовщица Айседора Дункан. <...>

А.Дункан говорит немного по-русски. Коверкает язык <...> — но всё же ее можно понять. Во всяком случае, С.Есенин ее понимает».

См. Приложение;

— статью Д.Д.Бурлюка «Поэт С.А.Есенин и А.Дункан» (подпись: Художник Давид Бурлюк):

«С Есениным А.Дункан привезла в Америку кусок, и показательный, России, русской души народной.

Имя С.А.Есенина известно русской читающей публике еще с 1914 года. Приехавший поэт любезно поделился данными своей биографии.

Родина С.А.Есенина — Рязанская губерния. Вы помните эту строчку:

Цветочек скромный, как Рязань!

Рязань, где столько белых одуванчиков смотрят в северное разумное небо!

С.А.Есенин родился 21 сентября 1895 года. Он был сыном крестьянина и до 9 лет жил в рязанской деревне. Надо напомнить читателю, что Малявин своих знаменитых красных баб нашел на родине Есенина. Это там заливные луга, где:

Очи Оки
Блещут вдали, —

где столько плачет зеленых ив и гудами плывет Рязанский Кремль.

Поэт уезжает на Белое море, где его дядя имеет рыбные промыслы. 5 лет туманов, 5 лет бледные звезды, отраженные в северных морях, смотрят в поэтовы зрачки.

С.А.Есенин учится в рязанской старообрядческой школе, которую и оканчивает в 1912 году.

С 9 лет мальчик пишет стихи, и в школе преподаватель Клеменов — по образному выражению С.А.Есенина — "произвел установку души".

Клеменов первый давал наставления юному поэту идти колеями здорового влечения к бодрым темам: любить деревню, избы, коров; писать об эпосе земли и вечной поэме

весеннего труда на полях. Талант Есенина развивается. Наставления попадают на добрую почву. Скоро приходит и известность. Надо знать, что в 1914–1915 годах в России поэтов было великое множество, но С.А.Есенин сразу обращает на себя внимание. Стихи Есенина были отмечены статьями А.Блока, С.Городецкого, З.Гиппиус и др. Столько в стихах этих было деревенской свежести, силы и простоты.

В 1918 году в Москве было основано Общество имажинистов. С.А.Есенин и Шершеневич играют здесь главную роль. В это время стихи Есенина исполняются в литературных кабаре Москвы, вызывая общее восхищение.

В последнее время стихи Есенина вышли в свет в Берлине и в Париже. Во Франции стихи С.А.Есенина переведены на язык галлов.

Из Москвы Есенин и Дункан проаэропланили на Берлин в начале мая с. г. С 10 мая до июня прожили в Германии. "Там тесно, — сказал нам Есенин, — вообще от Европы дышит мертвенностью музея — впечатление отвратительное".

С четой Есенин–Дункан прибыл журналист Ветлугин.

Предполагаются устройством поэзо-концерты прибывшего поэта. Стихи Есенина переводятся на английский язык и скоро будут предложены американскому читателю.

Поэт предполагает пробыть в Америке три месяца. Своей внешностью, манерой говорить С.А.Есенин очень располагает к себе. Среднего роста, пушисто-белокур, на вид хрупок.

Курьезно, что американская пресса величает С.А.Есенина украинским поэтом — это его-то — беляка — русака!».

См. Приложение.

См. также: РЗЕ, 1, 235–236;

— фотографию Есенина с А.Дункан, сделанную в Берлине.

См.: Есенин, VII (3), [163], фото № 63;

— объявление дирекции С.Гюрока (т. е. С.Юрока) о предстоящих 11 и 14 октября выступлениях А.Дункан в зале Карнеги-холл.

См.: 2 окт. 1922, первая запись; 7, 11, 14 окт. 1922.

Московская газета «Известия ВЦИК...» (№ 226) помещает объявление Госиздата с информацией о выходе сборника Есенина «Избранное» (М., 1922).

См.: 11 сент. 1922; 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, третья запись; 13 окт. 1922, третья запись; 22 окт. 1922, первая запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

В петроградской «Красной газете» (№ 227) «Избранное» Есенина обозначено в списке «Книги, поступившие в редакцию».

См.: 11 сент. 1922; 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, вторая запись; 13 окт. 1922, третья запись; 22 окт. 1922, первая запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

Парижская газета «L'Intransigeant» помещает рецензию Ф.Дивуара на книгу Есенина «Confession d'un Voyou» (подпись: Les Treize):

«*Исповедь хулигана*, стихотворения Сергея Есенина (изд. Поволоцкого). — В этих стихотворениях русского крестьянина, странных и богатейших, образ изыскивается повсюду: я сказал бы, кстати и некстати, если бы поэт, в конце концов, не имел полного права срывать яблоки, где бы они ни росли во вселенском вертограде, в котором он хозяин.

И всё же мы испытываем удивление, которое не сразу превращается в восхищение, перед сравнениями вроде следующего:

Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Но через несколько страниц мы убеждаемся: это поэт, струящий подлинную поэзию, ту, что исходит из почвы, из обычаев, из зова предков. И по ходу книжечки долго черпаешь стихи совершенно новые, действенные, бьющие ключом, мчащиеся друг за другом, как будто <поток> обильной и мощной крови в артериях здоровой личности.

Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей...

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...

Маленькая пьеса *Пугачев*, которая идет после стихотворений, особенно ценна пылом диалога и (местами) своими светотенями в духе Метерлинка».

Вырезка — Тетр. ГЛМ. Название газеты вписано над печатным текстом рукой неустановленного лица.

Перевод Мишеля Никё.

См.: 23 сент. 1922, первая запись; 8 окт. 1922, вторая запись.

См. Приложение.

Чешская газета «Rudé právo večerník» (Прага, № 236) помещает заметку «Изадора Дункан в Америке» с упоминанием Есенина.

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Октябрь, 7, 11 и 14. Есенин присутствует на выступлениях А.Дункан в Карнеги-холл.

Она танцевала под музыку П.И.Чайковского: Шестая (Патетическая) симфония и «Славянский марш» (7 окт. днем) и Вагнера (11 окт. вечером и 14 окт. днем).

IE, 115–117.

См. Приложение.

Отклики см.: 8 окт. 1922, первая запись; 9 окт. 1922, вторая запись; 11 окт. 1922, первая запись; 14 окт. 1922, первая запись.

И.Дункан и Макдугалл напишут:

«В субботу, 7 октября, Айседора Дункан дала свой первый вечер танца в Нью-Йорке перед переполненным и воодушевленным залом. Трехтысячная ревущая толпа поклонников переполнила Карнеги-холл своими приветствиями и аплодисментами; снаружи стояли сотни других, ожидающих в напрасной надежде достать хотя бы стоячее местечко.

В программе были ее обычные вещи Чайковского, Шестая (Патетическая) симфония и "Славянский марш". В качестве прелюдии к обоим этим номерам программы оркестр под трепетным руководством Натана Франко исполнил несколько более ранних вещей Чайковского, которыми русский композитор дирижировал на открытии Карнеги-холла в 1891 году. Когда программа была закончена, публика стоя приветствовала танцовщицу громкими возгласами и явно не желала покидать зал. Айседора вышла вперед, чтобы говорить. Среди прочего она сказала своей дружелюбной аудитории:

— Зачем мне понадобилось ехать в Москву в погоне за несуществующим миражем, когда вам в Америке тоже нужен танец для ваших детей? Я знаю нервных американских детей, ибо и я из их числа...

Скоро я надеюсь показать вам пятьдесят русских детей, танцующих бетховенскую Девятую симфонию. Это освежит жизнь Нью-Йорка — и сделает это гораздо лучше, чем Бродвей... Отчего Америка не дает мне школы? Отсутствие ответа на этот вопрос и заставило меня принять приглашение из Москвы.

У Америки есть все, чего нет у России! И у России есть то, чего нет в Америке. Почему бы Америке не протянуть руку России, как я протянула ей свою?»

И.Дункан и Макдугалл, 108–109.

Ср.: 9 окт. 1922, вторая запись.

А.Ярмолинский отметит:

«Иногда она <А.Дункан> его <Есенина> выводила на сцену и произносила экспромтом коротенькую речь, в которой он упоминался как "второй Пушкин". Если верить газетной заметке <см.: 8 окт. 1922, первая запись>, на ее первом выступлении (7 октября в Карнеги-холл в Нью-Йорке) Есенин был в высоких сапогах, русской рубашке и шея его была обмотана длиннейшим шарфом. Но вряд ли роль "мужа своей жены" была по душе Есенину. К тому же во время поездки по Америке ему почти не с кем было обменяться словом. Как известно, с женой у него буквально не было общего языка. Это, может быть, тоже способствовало его злоупотреблению спиртными напитками».

РЗЕ, 1, 230.

После поездки Есенин расскажет В.А.Рождественскому:

«Америки я так и не успел увидеть. Остановились в отеле. Выхожу на улицу. Темно, тесно, неба почти не видать. Народ спешит куда-то, и никому до тебя дела нет — даже обидно. Я дальше соседнего угла и не ходил. Думаю — заблудишься тут к дьяволу, и кто тебя потом найдет? Один раз вижу — на углу газетчик, и на каждой газете моя физиономия! У меня даже сердце ёкнуло. Вот это слава! Через океан дошло.

Купил я у него добрый десяток газет, мчусь домой, соображаю — надо дать тому, другому послать. И прошу кого-то перевести подпись под портретом. Мне и переводят:

"Сергей Есенин, русский мужик, муж знаменитой, несравненной, очаровательной танцовщицы Айседоры Дункан, бессмертный талант которой..." и т. д. и т. д.

Злость меня такая взяла, что я эту газету на мелкие клочки изодрал и долго потом успокоиться не мог. Вот тебе и слава! В тот вечер спустился я в ресторан и крепко, помнится, запил. Пью и плачу. Очень уж мне назад, домой, хочется».

Восп., 2, 114–115.

См. также: 12 нояб. 1922, первая запись.

Октябрь, 8. Газета «The New York Times» помещает отчет о первом выступлении А.Дункан в Карнеги-холл с упоминанием Есенина.

Поделившись впечатлениями от танца А.Дункан, репортер продолжил:

«После почти трех часов духоты многочисленные зрители, тем не менее, пожелали вызвать мисс Дункан, чтобы та произнесла речь. Она начала ее с рассказа о последнем приглашении в Россию. Она также представила публике молодого поэта, ныне ее мужа, Сергея Юсенина <так!>, которого легко было узнать в ложе яруса (или в перерывах на променадах) по одежде: высоким сапогам с отворотами, длинной куртке и шарфу в несколько ярдов, ниспадающему с шеи. <...>

Ей устроили овацию, когда она процитировала уитменовское "Я приглашаю вас...", — и продолжила: "Уолт Уитмен — великий символ Америки. У Америки есть всё, чего нет в России, а в России есть вещи, которых Америка не имеет. Почему же Америка не протянет руку России, как я отдала свою руку?" Публика ответила ей криками "ура!", относящимися скорее к России, чем к поэту Юсенину <так!>».

Цит. по: IE, 116; 282. примеч. 15 (перевод С.И.Субботина).

Ср.: 9 окт. 1922, вторая запись.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 275; рубрика «Заметки») с запозданием информирует:

«В Париже выходит на французском языке книга С.Есенина “Confession d’un Voyou” (“Исповедь сорванца <так!>”)».

См.: 23 сент. 1922, первая запись; 7 окт. 1922, четвертая запись.

Октябрь, 8, 22 и 29. Варшавская газета «За свободу!» (№ 275, 288 и 293) помещает объявление польско-русского издательства «ROSSICA» об имеющихся в наличии книгах, в т. ч. о книге Есенина «Пугачев».

Хотя место выхода книги не указано, речь идет, без сомнения, о берлинском издании поэмы.

Октябрь, 9. Берлинская газета «Голос России» (№ 1079) печатает заметку «Мисс Айседора Дункан»:

«Нью-йоркский корреспондент Таймса телеграфирует от 2-го октября:

Мисс Айседоре Дункан с ее супругом, молодым русским поэтом Сержем Есениным, и двумя детьми <так!> иммиграционными властями было запрещено вчера высадиться на территории Соединенных Штатов. <...> Импозантная толпа поклонников с цветами собралась в гавани, чтобы приветствовать танцовщицу. Ее разговор сосредоточивался на <...> супруге, которого она описывала как величайшего русского поэта, находящегося в живых — “последнего поэта лесистой и долинной России”. Ее брак с ним, сказала она, был браком душ, начавшимся во время ее сна, когда “ее душа парила вне ее и повстречалась с его душой”. Они перевенчались <так!> в Москве и прилетели в Берлин на аэроплане».

Газета «The New York Tribune» пишет о речи А.Дункан после ее первого выступления:

«В конце своего представления <...> она <А.Дункан> обратилась к публике. <...> Она также упомянула своего мужа как “Уолта Уитмена России”.

“Я оказала помощь России и призываю вас сделать то же самое, — сказала она. — Любите Россию, ибо в России есть всё, чего нет в Америке, точно так же, как в Америке есть всё, чего нет в России. День, когда Россия и Америка придут к взаимопониманию, станет началом новой эпохи для человечества”».

Цит. по: IE, 115; 282, примеч. 13.

Ср.: 8 окт. 1922, первая запись.

Рижская газета «День» (№ 7) помещает информацию А.П.Тупина «Владимир Маяковский за границей», где приводятся слова В.В.Маяковского из его интервью:

«В литературных течениях еще можно указать на группу так называемых “имажинистов”. Это крошечная группка, имевшая лишь успех в эту эпоху, когда все остальные группы передовые занимались строительством и политической работой. Из всех них останется лишь Есенин».

Цит. по: Катанян, 228–229.

Интервью было взято в Риге, где В.Маяковский находился с 3 по 12 мая 1922 г. (о рамках этого события см.: Катанян, 227–229).

В.М.Левин напишет:

«Когда через год <на самом деле в 1925 г., т. е. почти через три года> в Нью-Йорк приехал Маяковский и выступил на нескольких литературных вечерах, и кто-то подал ему записку с вопросом — какое течение представляет собою в России Есенин? — он,

со свойственной ему грубостью, ответил, что Есенин представляет собою не течение, а "истечение водкой". Он ответил им именно так, как хотелось охранителям диктатуры. Сам Маяковский в своем отеле в Нью-Йорке не расставался с бутылкой вина — он был крепкого сложения, не чета слабому Есенину, и мог выпить много. Но и это ему не помогло. Мы знаем, что он не намного пережил Есенина и также оказался жертвой не только диктатуры, но и собственной грубости».

РЗЕ, 1, 227.

Октябрь, 10. М.Горький отвечает из Саарова Е.К.Феррари, упоминая Есенина:

«Я — поклонник стиха классического <...>

На мой взгляд — плохо, когда человек, поддаваясь нервозной и пошловатой суете будних дней, начинает говорить ее трепаным языком. <...>

Есенин — анархист, он обладает "революционным пафосом", — он талантлив. А — спросите себя: что любит Есенин. Он силен тем, что ничего не любит, ничем не дорожит. Он, как зулус, которому бы француженка сказала: ты — лучше всех мужчин на свете! Он ей поверил, — ему легко верить, — он ничего не знает. Поверил и закричал на всё и начал всё лягать. Лягается он очень сильно, очень талантливо, а кроме того, — что? Есть такая степень опьянения, когда человеку хочется ломать и сокрушать, ныне в таком опьянении живут многие. Ошибочно думать, что это сродственно революции по существу, это настроение соприкасается ей лишь формально, по внешнему сходству».

ЛН, 1963, т. 70, с. 568.

См.: 6 окт. 1922, третья запись.

Московская «Правда» (№ 228) помещает разъяснение Л.Д.Троцкого «"Внеоктябрьская литература" (Необходимая поправка)»:

«Статьи мои под приведенным выше заглавием печатались в "Правде" <см.: 1 окт. 1922, вторая запись; 5 окт. 1922, вторая запись> во время моего отсутствия из Москвы, что лишило меня возможности своевременно исправить досадное недоразумение, которое неизбежно должно сбивать с толку читателя. Все статьи почему-то шли под этим обобщающим заголовком: "Внеоктябрьская литература", — тогда как на самом деле заглавие это относится только к первой главе <...>. Под "внеоктябрьской литературой" я имею в виду ту основную часть нашей официальной предреволюционной литературы, которая, будучи неразрывно связана с дворянской усадьбой и буржуазным салоном, вышла в отставку вместе с буржуазией <...>.

Конечно, Блок принадлежал к этой дореволюционной литературе, но он сделал героическую попытку приобщиться к Октябрю, и эта попытка навсегда вошла в книгу русского художества. Именно поэтому я Блока выделяю в особую главу, не относя его к "внеоктябрьской литературе".

Тем более — так называемых "художественных попутчиков революции". Совершенно же ни на что не похоже относить серапионов, Всеволода Иванова, Тихонова, Пильняка, Есенина, даже Клюева, к "внеоктябрьской литературе"! Все названные, кроме Клюева, порождены Октябрем и, худо ли, хорошо ли, живут Октябрем. Весь вопрос только — в каком объеме, до какого предела, до какой точки. Но потому-то они и названы "попутчиками".

<...> Убедительно прошу читателей, интересующихся вопросом, устранить из своего сознания вопиющее недоразумение, порождаемое распространением названия первой главы на все остальные».

См. также: Есенин, V, 396.

Берлинская газета «Голос России» (№ 1080) дает (с запозданием) информацию «Продолжение эпопеи Айседоры Дункан»:

«Нью-йоркский корреспондент "Таймса" телеграфирует от 3 октября: Танцовщица мисс Айседора Дункан и ее русский поэт-супруг были отпущены с Эллис-Айленда и получили разрешение вступить на почву Соед<иненных> Штатов вчера вечером, после двухчасового перекрестного допроса иммиграционными властями. Власти эти констатировали, что подозрения, имевшиеся у них относительно намерения танцовщицы заняться политической деятельностью в интересах Советского правительства, были совершенно рассеяны ее ответами. Мисс Дункан отдала должное любезности допрашивавших чиновников, хотя ее и очень забавляла их жажда информации. "Мне никогда и не снилось, — сказала она, — чтобы человеческий мозг мог придумывать такие вопросы. Так, например, они желали знать, как я выгляжу, когда танцую, и я была вынуждена ответить им, не знаю этого, потому что никогда не видела себя пляшущей". Во время их возвращения в Нью-Йорк с Эллис-Айленда танцовщица и ее супруг сидели, взяв друг друга за руку. Когда пароход проходил мимо статуи Свободы, поэт торжественно поднялся, снял свою шляпу и отвесил поклон».

См.: 2 окт. 1922, третья запись; 10 дек. 1922, третья запись.

Октябрь, 10 и 15. Берлинская газета «Голос России» (№ 1080 и 1085) помещает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки "Книга для всех"», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 28 мая 1922, четвертая запись; 5 ... 24 июня 1922; 29 окт. 1922, вторая запись; 2, 5, 22 и 26 нояб. 1922; 10, 24 и 31 дек. 1922.

Октябрь, 10 (?) или 12 (?). Есенин и А.Дункан присутствуют на спектакле «Летучая мышь», поставленном в «единственном русском театре в Нью-Йорке» — театре Н.Балиева (адрес: Central Park West 8z 62-nd Street).

Событие устанавливается по отчету о спектакле (см.: 13 окт. 1922, вторая запись), а предположительная его датировка дается с учетом того, что 11 окт. 1922 проходило собственное выступление А.Дункан (см. след. запись).

Октябрь, 11. Второе выступление А.Дункан в Карнеги-холл. В зале — Есенин.

«Через несколько дней <см.: 7, 11 и 14 окт. 1922>, одиннадцатого, Айседора вновь дала сольный концерт в зале, столь же переполненном и восторженном, как и в первый раз. На этом представлении она исполнила свои танцевальные интерпретации нескольких произведений Вагнера, и в ответ на заключительные возгласы одобрения и овации она исполнила свой любимый вальс Брамса. Так как публика и после этого продолжала кричать и аплодировать, танцовщица, как обычно, взяла слово. Она закончила его, воздав должное дирижеру своего оркестра мистеру Франко, и сравнила его с великим Артуром Никишем».

И.Дункан и Макдугалл, 109.

Ср.: 14 окт. 1922, первая запись.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 277) с запозданием сообщает:

«На борту французского парохода “Пари” прибыла в Нью-Йорк Айседора Дункан в сопровождении Есенина».

Октябрь, 13. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1957) печатает заметку А.Лирина «Второе выступление Айседоры Дункан»:

«В среду вечером состоялось в Карнеги Голл второе, после пятилетнего отсутствия из Америки, выступление <см.: 11 окт. 1922> танцовщицы с мировой славой Айседоры Дункан.

Программа была всецело посвящена произведениям Вагнера <...> за отличную передачу “Смерти Изольды” Франко и его оркестр удостоились особой благодарности А.Дункан, заявившей со сцены, что ей не приходилось слышать лучшего исполнения этой гениальной вещи. <...>

Сверх программы дважды был исполнен изящный вальс Брамса. Как уже сказано, музыкальная часть вечера была проведена блестяще. Но центром вечера, конечно, была Дункан. Это удивительная художница, равной которой нам не приходилось видеть. Ошибочно ее искусство называют танцами. Это не танцы, — это передача музыкальных произведений мимикой, пластикой, всем существом человека. Взорам зрителя являются бесчисленные живые изваяния одухотворенного тела, жесты, полные красноречия, выражения лица, отражающие бесконечное богатство движений человеческой души. Красота музыки всецело сливается с красотой иллюстрации, даваемой этой чародейкой-интерпретаторшей.

Нет, это не танцы, — это совокупность целого ряда искусств, это красноречие без слов.

Нет ничего удивительного в том, что зал при ее выступлениях переполнен и что публика неистовствует, выражая свой восторг...».

Газета «Новое русское слово» (№ 3548; подпись: Всезнайка) в заметке «Встречи и разговоры» информирует о спектакле «Летучая мышь» (театр Н.Балиева), в том числе — о присутствии в зале Есенина:

«...в театре находились, кроме “Мери” <Пикфорд> и “Дуг” <Дугласа Фербенкса>, танцовщица Айседора Дункан, поэт Сергей Есенин, скрипач Яша Хейфец, певица София Бреслау с ее отцом, доктором из России, режиссер Роберт Мультон, к слову сказать, влюбленный во всё русское <...>, известный американский журналист Артур Брисбейн, писатель Осип Дымов со своей женой доктором медицины Ириной Дымовой, издатель “НРС” <“Нового русского слова”> В. Шимкин, <...> русский выходец ред<актор> “Форвертс” Эйб Каган, импресарио Г. <так!> Юрок, публицист д-р Я.Коральник, русский журналист Ветлугин, приехавший вместе с Есениным, известный русско-американский журналист Герман Бернштейн и многие другие. Всех и не упомнишь...».

Вечерний выпуск петроградской «Красной газеты» (№ 16; рубрика «Литературный дневник») помещает заметку «Есенинская антология»:

«В Москве Госиздатом выпущен тщательно изданный сборник стихотворений Сергея Есенина “Избранное”, куда вошли избранные стихи из книг “Радуница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница” и “Мреть” <название раздела; книга не выходила>. Кроме того, в антологию вошли две поэмы Есенина — “Русь” и “Пантократор”».

См.: 11 сент. 1922; 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, вторая и третья записи; 22 окт. 1922, первая запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

Октябрь, 14. Третье выступление А.Дункан в Карнеги-холл. В зале — Есенин.

IE, 117; 282, примеч. 19.

«Ее три выступления в Нью-Йорке прошли с колоссальным успехом. Билеты были проданы заранее, а люди требовали еще. Выступления проходили в "Карнеги-холл", и Айседора, окрыленная славой, танцевала в сопровождении великолепного Русского симфонического оркестра под управлением Натана Франко.

Популярность Айседоры была огромной, успехи великолепными, а она вся кипела огромной любовью к России. Куда бы она ни пошла, вокруг нее тут же собирались толпы репортеров, и она говорила им одно и то же:

"Коммунизм — единственное будущее мира!" А Есенин, взбудораженный большой дозой шампанского, собирал большую группу вокруг себя и разражался огненными речами о своей родине».

Дести, 276.

Норвежская газета «Mot dag» (Осло, № 18) публикует статью А.Карнова (A.Karnov) «Новая русская литература», где идет речь о Есенине.

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Октябрь, 14–15. В Москве Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Боже мой, до него, до всего этого я никогда, несмотря ни на что, никогда не знала, что такое одиночество. А как хорошо я знаю это теперь. И именно потому, что период "март — август 1921 г." я была не одна — с Яной. Я теперь хорошо поняла, что могут быть временные попутчики, но что общих дорог нет и не может быть. И если есть в пространстве, то нет во времени — походка разная. Я хорошо помню, как Е<сенин> переделывал и во мне, и в Яне походку, — как будто у нас обеих одинаковая получилась, но... уехал он, и Яна пришла в себя от дурмана и отреклась от всего, что так покорно и безусловно принимала при нем.

Раньше иногда я думала, что мы любим его по-разному, разницу я видела в большей страстности, порывистости, готовности для него и за него на все. Была разница и в нашем отношении к своей репутации и "своей фигуре". Я боялась "за фигуру" только в отношении к Е<сенину>. Здесь я могла бы совсем уйти, если бы знала, что иначе я в его глазах потеряю. Но на всех остальных мне было решительно наплевать, тогда как Яна волновалась, терялась и страдала от всего. Увидит ли ее в "Стойле" какой-нибудь "беднотовец", улыбнется ли Мариенгоф, Кусиков, — все это ей могло даже портить настроение. А мне... мне, хоть все пальцами на меня показывай, лишь <бы> он около был».

Материалы, 110–111.

Октябрь, до 15. В Москве выходит журнал «Авангард» (№ 3, за сентябрь).

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 563.

Имя Есенина упоминается:

— в статье Г.Накатова «Литература в эмиграции»:

«Эмигрантская литература и эмигрантское искусство убоги и худосочны: таково первое и общее впечатление. Жалко смотреть. Оторвались от родной почвы и быстро, как-то сразу стали хиреть и сохнуть. <...>

...обиженные и несчастные очень часто озлоблены. И отсюда это постоянное брюзжание, этот постоянный лай на всё русское и советское. Они вовсе не так невинны и вовсе не так аполитичны, как иногда хотели бы это представить. И как цепко, как тесно они группируются вокруг своего основного ствола — политической контрреволюции. С какой радостью и с каким упоением, с какими надеждами и восторгами подхватывали они недавние выпады Горького. Сколько язвительных стрел выпущено в Алексея Толстого, возвращающегося в Петроград. Айседоре Дункан и поэту Есенину, приехавшим с красным флагом и Интернационалом, все косточки перемыли. <...> Если бы всё лучшее, всё наиболее яркое от них не ушло, если бы они обладали словом, которое могло бы убить, как молния, затопить, как потоп! Но они бедны...»;

— в объявлении:

«1-го октября выходит еженедельный журнал поэзии, живописи и театра:

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ <так!> В ПРЕКРАСНОМ.

Содержание. <...> Стихи: С.Есенина, А.Мариенгофа, Н.Эрдмана, Н.Савкина. Рисунки: Г.Якулова, П.Кузнецова.

Редакторы: Б.Глубоковский, Н.Савкин, Г.Якулов».

См.: 1 окт. 1922, первая запись.

Октябрь, 15. В Париже выходит № 23 журнала «Clarté» с публикацией стихотворений Есенина «Сторона ль ты моя, сторона...» и «Разбуди меня завтра рано...» под общим заголовком «Исповедь хулигана* / Переведено с русского Марией Милославской и Францем Элленсом».

Выявлено и сообщено Мишелем Никё.

Подборка, состоящая из двух колонок, сверстана неверно. В левой колонке к первым пяти строфам стихотворения «Сторона ль ты моя, сторона...» ошибочно подверстана последняя строфа стихотворения «Разбуди меня завтра рано...». Правая же колонка открывается первыми четырьмя строфами «Разбуди меня завтра рано...», за которыми следуют две заключительные строфы из «Сторона ль ты моя, сторона...».

Стихи предваряются редакционным предисловием (перевод Мишеля Никё):

«"Есенин проклял войну, Есенин приветствовал революцию. В революции он увидел весеннее пробуждение, неудержимый ледоход, бурный поток половодья...", – писал Пьер Паскаль о молодом русском крестьянском поэте в статье, посвященной ему в "Clarté" (№ 9; <см.: 15 марта 1922, первая запись>). Сегодня слава Есенина превосходит сами надежды, которые его друзья были вправе возложить на него. Сборник "Исповедь хулигана", куда вошли "Пугачев" и другие поэмы, переведенные нашими друзьями Марией Милославской и Францем Элленсом, выйдет в этом месяце <см., однако: 23 сент. 1922, первая запись> у Поволоцкого. Мы желаем, чтобы зарождающаяся слава молодого русского поэта не убила в нем простоту и доброту, которые создают глубокое обаяние всей его поэзии».

О повторной публикации перевода второго из указанных стихотворений см.: 1 июня 1923, первая запись.

Берлинская газета «Голос России» (№ 1085) дает объявление о новых ценах на книги с 15 октября, в том числе:

Сергей Есенин. «Триптих» — 0, 75.

---

* Здесь в оригинале – Confession de voyou (буквально: «Хулиганья исповедь», т. е. исповедь хулигана вообще); название же сборника Есенина – «Confession d'un voyou» (буквально: «Исповедь одного хулигана»). – *Примеч. М.Никё.*

Октябрь, 16. В Москве Г.А.Бениславская записывает в дневнике:

«Как он мне дорог. Опять и опять чувствую это. И дорого всё, что дорого ему. Сегодня был назначен вечер М<ариенго>фа. Он подошел. Перед тем я от Златого знала, что ему что-то нужно от меня. Мелькнула мысль — а вдруг шестую гл<аву>, но только мелькнула и всё. Сегодня спрашиваю: "В чем дело?" — "Мне нужна одна из глав "Пуг<ачева»>!" — Моментально понимаю: "Какая?" — "Да, знаете, шестая — вариант шестой". — "У меня ее нет!" — "Как нет?" (Я уже оправилась от изумления и возмущения): "Е<сенин> ведь всё взял обратно, у меня ничего нет, а что?" — "Раз нет — ничего!" (хамски, но зато со злостью). — "А что, Вы хотели напечатать?" — "Да".

Сейчас два чувства — одно: на деле доказала, что у меня не выудишь. Я никогда не отвечала так твердо».

Материалы, 112.

«Речь идет о машинописи ранней редакции 6-й главы поэмы "Пугачев" ("Лунный парус над саратовской крепостной стеной"), сохранявшейся у Бениславской, которую Есенин называл "виновницей некоторых глав" поэмы <см.: до 31 янв. 1922>. Впоследствии этот текст оказался у К.Зелинского и поступил в РГАЛИ в 1980-е гг. вместе с его фондом. <...> Машинопись представляет собой пять листов тетрадного формата, сшитых в верхнем углу желтой ниткой. Из текста изъяты (вырезаны ножницами) три больших фрагмента, содержание которых остается неизвестным <...>. Вверху первого листа рукой Бениславской написано красными чернилами: "Гонорар за это — Шурке купить гармонию. Это обязательно. Сергей хотел, чтобы она играла на гармони. 13/IX-26. Г.Бениславская" (ф. 1604, оп. 2, ед. хр. 42).

<...> После смерти Бениславской наследницей ее архива была А.Г.Назарова. К Зелинскому текст главы "Пугачева" перешел от Назаровой во время подготовки Собрания сочинений Есенина (1961–1962), в котором были использованы хранившиеся у нее материалы архива Бениславской, в частности, письма Есенина».

Н.И.Гусева — Материалы, 381–382.

Московская газета «Вечерние известия» (№ 42) помещает анонимные материалы, в которых говорится о Есенине:

— заметку с запоздалой информацией (рубрика «Из зарубежной печати»):

«Парижскому "Матэн" сообщают из Америки, что Айседора Дункан со своим супругом С.Есениным прибыла на пароход в Нью-Йорке <так!>. Однако американские власти не разрешили им сойти на берег ввиду того, что оба они подозреваются в принадлежности к большевистской организации пропаганды.

Ну и хитрые эти большевики — даже из маститых ног прославленной танцовщицы сумеют сделать надлежащее употребление.

Только из заграничных отзывов и узнаешь настоящую себе цену».

См.: 4 окт. 1922, первая — пятая записи;

— отклик «Мастерская Фореггера: Новое "отношение" в новом помещении» (рубрика «Искусство — Наука»):

«10 октября состоялось открытие "Мастфора". Была представлена прошлогодняя постановка "Хорошее отношение к лошадям", несколько измененная и сокращенная в своей последней части — мюзик-холле.

Прошлогоднюю злую пародию на Айседору Дункан заменила теперь еще более злая и остроумная пародия на "Вечер обнаженного тела" Голейзовского. <...>

Тем не менее многие места, напр<имер>, "кафе поэтов" и пародии на Шершеневича и Есенина, теперь явно устарели; и этим, очевидно, объясняется большой процент пустых мест (на следующий после открытия день) в зале, который значительно меньше зрительного зала "Дома печати"».

Октябрь, вторая половина. Есенин посылает из Нью-Йорка пайки АРА А.Б.Мариенгофу, Е.А.Есениной и З.Н.Райх.

Событие устанавливается по письму Есенина А.Б.Мариенгофу (12 нояб. 1922):

«Недели 2–3 назад послал тебе телеграфом 5 пайков "Ара". Получил ли ты? Если нет, то справься. Ту же цифру послал Ек<атерине> и Зинаиде. Зинаиде послал на Орел, Кромская, 57, Н.Райх. Другого адреса я не знал».

Есенин, VI, 151.

Октябрь, 17. В газете «Новое русское слово» (№ 3552) печатается информация без подписи «Сегодня открывается русский театр» с упоминанием Есенина.

Сообщив о предстоящем в этот день открытии в Нью-Йорке русского театра «Комидия», автор заметки продолжает:

«Русская колония теперь стоит на переломе. Она была бедна интеллигентными силами, творцами мысли и искусства.

Сегодня мы — богачи. Среди нашей колонии много интеллигентных сил на всех поприщах русского искусства и просвещения. Мы богаты артистическими силами, художниками, мыслителями, учителями, лекторами, авиаторами… Наша семья увеличилась. Русское снова в ходу и в моде.

Балиев, Кузнецова, Бурлюк, <…> Сикорский, Бубликов, Судейкин, Архангельский, Северский, Ессенин <так!>, Анисфельд, Фокин, Корф, Гест, Юрок, Маневич, Рерих, Рахманинов, Габрилович и мн. другие...»

Октябрь, до 20. Есенин и А.Дункан прибывают в Бостон.

См.: 20 и 21 окт. 1922.

Октябрь, 20. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3555) перепечатывает из журнала «Красная новь» стихотворение Есенина «Сергею Клычкову» <«Не жалею, не зову, не плачу…»>.

См.: до 20 апр. 1922.

Вечер В.В.Маяковского в берлинском «Доме Искусств» (кафе «Леон», Ноллендорфплатц).

Во вступительном слове, говоря об «имажинятах», поэт вряд ли обходится без упоминания Есенина.

Событие устанавливается и датируется по газетному отчету (см.: 24 окт. 1922, первая запись)

Октябрь, 20 и 21. Есенин присутствует на выступлениях А.Дункан в Симфоническом зале Бостона и, возможно (?), публично высказывается перед жителями города.

IE, 118, 121. Вечерняя программа (20 окт.) шла под музыку Р.Вагнера, а дневная (21 окт.) — под музыку П.И.Чайковского; дирижер оркестра — Н.Франко (там же).

См. Приложение.

«Несмотря на то, что в Нью-Йорке были намечены и другие представления, среди множества музыкальных событий заранее расписанного зимнего сезона установить точные даты было довольно затруднительно, и танцовщица смогла дать два концерта в Симфоническом зале в Бостоне. На этих двух концертах, согласно извращенным газетным отчетам о них, американское турне Айседоры Дункан потерпело крах. Как обычно,

она обратилась к публике. Она считала, что представление не завершено, если не сказать хотя бы несколько слов своим друзьям и поклонникам в зале.

— Для танцовщицы, — говорила она обычно со смехом своим близким друзьям, пытавшимся отговорить ее от высказывания своих взглядов после каждого выступления, — для танцовщицы я в самом деле великий оратор!

И действительно, она была наделена замечательным талантом устной речи. Она была прекрасным рассказчиком и обладала счастливой способностью к экспрессии, удачно использовала идиомы, даже на французском языке, особо ими богатом. <...>

В Бостоне, однако, она не столько сказала, сколько сделала. Увлеченная собственной речью и раздосадованная флегматичностью публики и холодной серостью интерьера зрительного зала, она воскликнула в конце представления, размахивая своим красным шелковым шарфом над головой:

— Он — красный! Такова и я! Это цвет жизни и энергии. Вы раньше всегда здесь были страстными.

Не будьте же пассивными!

Тут несколько престарелых леди и джентльменов встали со своих мест и поспешили к выходу. Молодые же студенты из Гарварда и юноши и девушки из Бостонской школы искусства и музыки продолжали громко выражать свое одобрение.

— Слава Богу, что я не по нраву бостонским критикам. Будь это не так, я чувствовала бы себя безнадежной. Им нравятся копии с меня. Я же дала вам частицу своего сердца. Я принесла вам нечто настоящее...

Вы, должно быть, читали Максима Горького. Он сказал, что все люди делятся на три части: черные, серые и красные. Черные люди — вроде бывшего кайзера или экс-царя, это люди, несущие террор, которые любят господствовать. Красные — это те, кто радуется свободе и прогрессу духа.

Серые люди похожи на эти стены, похожи на этот зал. Посмотрите на эти статуи наверху. Они ненастоящие. Разбейте их. Это не статуи настоящих греческих богов. Я едва могла танцевать здесь. Жизнь теряет здесь реальность. Мистер Франко делал все, что мог, но он едва мог играть здесь. Мы — красные люди, мистер Франко и я...

И, пока занавес опускался, она вновь махала своим шарфом; большинство зала шумно приветствовало ее.

Но на следующий день по всей Америке в газетах появились кричащие заголовки:

КРАСНАЯ ТАНЦОВЩИЦА ШОКИРУЕТ БОСТОН
РЕЧЬ АЙСЕДОРЫ ВЫНУДИЛА МНОГИХ ПОКИНУТЬ БОСТОНСКИЙ ЗАЛ
ДУНКАН, В ПЛАМЕНЕЮЩЕМ ШАРФЕ, ГОВОРИТ, ЧТО ОНА — КРАСНАЯ

<...> Репортерам, с готовностью сбежавшимся к ней в отель "Коплей-Плаза" перед ее отъездом в Чикаго, она сказала:

— Если мое искусство что-либо и символизирует, то символизирует оно свободу женщины и ее эмансипацию от ограниченности и предрассудков, которые составляют основу основ пуританства Новой Англии. Демонстрация тела есть искусство; прикрытие есть пошлость. Когда я танцую, моя цель — вызвать благоговение, а отнюдь не нечто вульгарное. Я не взываю к низменным инстинктам самцов, как это делают ваши шеренги полуодетых герлс. По мне, уж лучше танцевать совершенно обнаженной, чем расшагивать непристойно полуодетой, как это делает сегодня множество женщин на улицах Америки. Нагота — это правда, это красота, это искусство. Поэтому она никогда не может быть пошлой; она никогда не может быть аморальной. Я бы никогда не носила одежды, кроме как ради тепла. Мое тело — это храм моего искусства. Я показываю его, как святыню культа красоты. Я хотела освободить бостонскую публику от

сковывающих ее цепей. Я увидела их перед собой скованными тысячью своих привычек. Я увидела их скованными пуританством, связанными их бостонским "браминизмом", порабощенных и ограниченных духом и телом. Они хотели быть свободными; и они возопили, когда кто-то освободил их от цепей.

Они говорят, что я дурно распоряжаюсь своей одеждой. Некоторый беспорядок в одежде ничего не значит. Почему я должна заботиться о том, какую часть своего тела мне открыть? <...> Тело — прекрасно; оно реально, правдиво, неоспоримо. Оно должно вызывать не ужас, а благоговение. Есть разница между пошлостью и искусством, ибо художник находится всем своим искусством, телом, душой и разумом на троне искусства.

Когда я танцую, я использую свое тело, как музыкант использует свой инструмент, как живописец — свою палитру и кисть и как поэт — образы, рождаемые его разумом. Я никогда не опускалась до того, чтобы напяливать на себя одежды, стесняющие мое тело и мои конечности, или задрапировывать шею, потому что я ли не пытаюсь сплавить душу и тело в единый образ красоты?

Многие танцовщицы на сегодняшней сцене пошлы, потому что они прячут, а не открывают. Они выглядели бы гораздо менее непристойно, если бы были обнаженными. И тем не менее им разрешают выступать, ибо они удовлетворяют пуританской инстинктивной тяге к потаенной похоти. Вот та болезнь, которой заражены бостонские пуритане. Они хотят удовлетворять свои низменные инстинкты, не афишируя их.

Они боятся правды. Обнаженное тело претит им. А непристойно одетое тело приводит их в восторг. Они боятся назвать свою моральную немощь ее настоящим именем. Я не знаю, отчего эта пуританская пошлость сосредоточилась в Бостоне, но, кажется, дело обстоит именно так. Другие города не столь подвержены ужасу перед красотой и ухмыляющемуся пристрастию к фарсовой полунаготе.

Из Бостона эти слова были переданы телеграфом и почтой, с большей или меньшей степенью искажения, во все газеты различных штатов. Красная Айседора и пуританский Бостон стали темой множества передовиц и бессчетного количества писем из организаций типа "Патриотический дух", "Американец", "Антикрасный" и "Любитель правды"».

И. Дункан и Макдугалл, 109–113.

См.: 23 окт. 1922; 25 окт. 1922, первая и вторая записи; 26 окт. 1922; 27 (?) окт. 1922; 5 нояб. 1922, первая запись.

По утверждению С.Юрока (1947), своим поведением в Бостоне Есенин не уступал жене:

«<Есенин> открыл окно раздевалки в Симфоническом зале, выставил красный флаг на улицу и кричал: "Да здравствует большевизм!" <...>. И на следующий день <21 окт.> Есенин повторил то же самое».

Цит. по: IE, 121 (перевод А.П.Шишкина). Комментируя эти сведения (там же), Г.Маквей сомневается в их правдивости, назвав также «неправдоподобными» (см.: IE, 283, примеч. 31) и следующие слова М.Дести:

«Во время ее <А.Дункан> выступления в "Симфони-холле" Есенин, раскрыв окна за сценой, собрал огромную толпу и сказал, что Бостон известен во всем мире как центр культуры, искусства и образования, поэтому естественно, что его жители должны познакомиться с идеалами и платформой молодой России и знать их. Но для степенного пуританского Бостона это было слишком. Айседору и Есенина попросили немедленно покинуть Бостон».

Дести, 277.

И.И.Шнейдер в своих более поздних воспоминаниях повторит версию Дести — Юрока:

«В Бостоне ее <А.Дункан> выступление вызвало скандал. В партер была введена конная полиция. Вдобавок ко всему, Есенин, открыв за сценой окно, собрал целую

толпу бостонцев и с помощью какого-то добровольного переводчика рассказывал правду о жизни новой России».

Шнейдер, 66.

Дополнительные сведения об этих эпизодах не выявлены.

Октябрь, 22. Берлинская газеты «Руль» (№ 578, рубрика «Новые книги, вышедшие в России») информирует:

«Вышла последняя книга стихов Есенина "Избранное"».

См.: 11 сент. 1922; 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, вторая и третья записи; 13 окт. 1922, третья запись; 24 окт. 1922, вторая запись; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

В московской «Правде» (№ 239) — статья В.П.Правдухина «Молодая литература Сибири» с упоминанием Есенина:

«Из новых поэтов Сибири выделяются В.Итин и Ив. Ерошин.

Последнего знает и столица.

Это безусловно поэт деревни, поэт стихии Есенина и Клюева, социально меньше их определившийся, но <...> его собственная светлоузорная образность <...> доказывает <...> интересные возможности».

Октябрь, 23. Газета «New York Herald» дает сообщение о выступлении А.Дункан в Бостоне под шапкой:

«Айседора Дункан с огненным шарфом говорит, что она красная. Многие зрители-бостонцы покинули зал, потрясенные ее обнаженным видом».

Цит. по: IE, 118; 282, примеч. 23.

См.: 20 и 21 окт. 1922; 25 окт. 1922, первая и вторая записи; 26 окт. 1922; 27 (?) окт. 1922; 5 нояб. 1922, первая запись.

Октябрь, 24. В берлинской газете «Накануне» (№ 167) публикуется заметка «Маяковский в Берлине» (подпись: Б. Ш.) с упоминанием Есенина:

«Очередная пятница в "Доме Искусств" <см.: 20 окт. 1922, вторая запись> была целиком посвящена московскому гостю В.В.Маяковскому. И снова, как и в вечер Есенина <см.: с 12 на 13 мая 1922; авг. 1922, вторая запись>, прилетевшего в "Дом Искусств" чуть ли не прямо с воздушного корабля, царило оживление. В теоретическом вступлении Маяковский бесцеремонно разделался с несимпатичными ему течениями русской поэзии, особенно яростно обрушившись на "имажинят". Чтение собственных стихов было гораздо более убедительным».

Читинская газета «Дальне-Восточный Путь» (№ 269, рубрика «Книжные новинки в Сов<етской> России») информирует о выходе из печати книги Есенина «Избранное».

См.: 11 сент. 1922; 5 окт. 1922, третья запись; 7 окт. 1922, вторая и третья записи; 13 окт. 1922, третья запись; 22 окт. 1922; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... 8 апр. 1923; 26 марта 1923.

Октябрь, 25. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1969) помещает заметку без подписи «Поход против Айседоры Дункан»:

«ВАШИНГТОН. Министерства труда, юстиции и иностранных дел собирают сведения об изъявлении известной танцовщицей Айседорой Дункан большевистских взглядов, что будто бы имело место при ее выступлении в Бостоне.

Чины названных министерств заявляют, что, хотя и находят "непристойным" выступление танцовщицы в "чрезмерно обнаженном виде", они бессильны бороться с этим; но если она ведет "красную пропаганду" — ее быстро выдворят на Эллис-Айланд для обратной ее высылки в Россию.

Расследование вышеназванными министерствами начато по получении сообщения о том, что Дункан, выступая в Бостоне, сняв единственное свое прикрытие — красный шарф, — взвила его над своей головой и воскликнула: "Я — красная". Власти вновь допытываются, в каких отношениях стоит Дункан с Советским правительством.

БОСТОН. Мэр города и цензурный совет запретили дальнейшие выступления танцовщицы Дункан. Последняя заявила:

"Я надеялась повести бостонцев к новой свободе мысли. Я «красная» в художественном смысле, но не имею ни малейших намерений проповедовать советские идеи в Соединенных Штатах"».

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3560) печатает анонимную заметку «Айседору Дункан обвиняют в большевизме» с упоминанием Есенина:

«Во время выступления в Бостоне танцовщица воскликнула: "Я — красная". Возможно, что Дункан будет депортирована.

Вашингтон. Известная американская танцовщица Айседора Дункан навлекла на себя немилость вашингтонской администрации: в связи с ее выступлением в прошлое воскресенье в Бостоне ей вменяется в вину большевистская пропаганда.

Дело в том, что во время вышеупомянутого выступления в Бостоне Айседора Дункан, развернув красную вуаль, воскликнула: "Я — красная".

Три правительственных департамента — штатный, юстиции и труда — издали распоряжение о том, чтобы немедленно было предпринято расследование о бостонском инциденте. Серьезно поговаривают о возможной депортации танцовщицы из Соед<иненных> Штатов.

Айседора Дункан — урожденная американка. Ее прапрадед сражался в "революционной войне". В бытность свою в Москве Дункан вышла замуж за русского поэта С.Есенина, вследствие чего она лишилась прав американской гражданки».

См.: 20 и 21 окт. 1922; 23 окт. 1922; 26 окт. 1922; 27 (?) окт. 1922; 5 нояб. 1922, первая запись.

В Москве инициативная группа подает официальную заявку на издание газеты «Факт», в которой предполагается участие Есенина.

Галушкин-2005, 2, 574.

К заявке В. Блюма, Э.Бескина и О.Литовского прилагается список предполагаемых авторов издания, среди которых, кроме Есенина, — Л.Троцкий, Н.Бухарин, Н.Мещеряков, Л.Сосновский, С.Ингулов, В.Блюм, Э.Бескин, О.Литовский, К.Новицкий, А.Меньшой, Г.Устинов, О.Л.Д'Ор, М.Кольцов, Х.Херсонский, С.Городецкий, Б.Волин, А.Углов, И.Вардин, Л.Шмидт, Л.Сабанеев, З.Рихтер, Б.Гусман, П.Лебедев-Полянский, А.Луначарский, П.Керженцев, В.Полонский, В.Бебутов, В.Фриче, В.Мейерхольд, В.Александровский, В.Кириллов, М.Герасимов, В.Князев, В.Шершеневич, Д.Бедный, В.Казин, Н.Ашукин, Б.Пильняк, В.Иванов, А.Воронский, Н.Никитин, Ю.Соболев, И.Эренбург, Н.Альтман, Д.Штеренберг, В.Мордвинкин, П.Коган, В.Брюсов, В.Переверзев, В.Маяковский, Н.Асеев, Н.Чужак, Ю.Стеклов, К.Радек, В.Плетнев, Н.Гредескул, О.Брик, Н.Адуев.

Заявка не была удовлетворена.

Октябрь, 26. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1970) публикует заметку без подписи «Поход против красного»:

«Американская "демократия" что-то сильно невзлюбила танцовщицу Дункан.

Ей, видите ли, сильно не понравилось то обстоятельство, что Дункан во время исполнения своего танца произнесла со сцены слово: "я красная".

Так как всё красное, всё, могущее так или иначе говорить о свободе и раскрепощении, — не совсем по душе "демократии", то А.Дункан уже заподозрена и за нею начинают даже следить с той целью, чтобы уяснить и выяснить себе ее "пропаганду большевизма", а затем — депортировать, как "опасную".

Как видите, даже жрецы искусства, чистого и свободного, берутся на учет, как "опасные и нежелательные".

Так поступает "демократия"».

См.: 20 и 21 окт. 1922; 23 окт. 1922; 25 окт. 1922, первая и вторая записи; 27 (?) окт. 1922; 5 нояб. 1922, первая запись.

Октябрь, до 27. Есенин вместе с А.Дункан прибывает в Чикаго.

См.: 27 окт. 1922.

И.Дункан и А.-Р.Макдугалл напишут:

«Когда Айседора приехала в Чикаго, газетная буря в бостонском стакане воды была в зените. Репортеры толпились в ее номере в предвкушении новых сенсаций. Их сопровождали газетные фотографы, они надеялись запечатлеть танцовщицу позирующей для их респектабельных газет, держа над головой свою тунику для танцев, которой якобы она размахивала на глазах у шокированных бостонцев. Но Айседоре уже надоел этот эпизод. Она сказала репортерам:

— Я вовсе не срывала с себя одежду и не кричала: "Я красная! Я красная! Я красная!" Да мне и невозможно было бы сорвать с себя платье. Оно закрепляется у меня поверх плеч и вокруг бедер и талии эластичным бинтом. Я не делала и не говорила того, что мне приписывают критики. Но когда я вспоминаю мертвенное оформление Симфонического зала, отвратительные белые гипсовые статуи греческих богов и общее убожество бостонского идеала жизни и культуры, я думаю, не вошла ли в меня некая телепатическая сила. Ибо, как на сеансах индийских факиров, зрители видели и слышали не то, что я говорила или делала, а возможно, то, что я чувствовала!

Однако шторм продолжал бушевать, и ура-патриоты требовали, чтобы "красная танцовщица" была немедленно выслана».

И.Дункан и Макдугалл, 113.

Октябрь, 27. Есенин находится в Чикаго, где получает письмо от А.Ярмолинского (неизвестно).

Событие устанавливается и датируется по письму Есенина А.Ярмолинскому (см.: 1 нояб. 1922).

См. также: 3 окт. 1922, вторая запись; 1 нояб. 1922; до 12 нояб. 1922; 12 нояб. 1922, первая запись.

Газета «Русское дело» (Белград, № 204) под заголовком «От Пушкина до Маяковского» дает анонимный отклик на книгу «Чтец-декламатор: Сборник русской поэзии» (Берлин, 1922) со стихами Есенина:

«Чем-то теплым, бесконечно хорошим и милым веет от этой книги. Собраны здесь многие наши старые любимцы, есть и новые пришельцы, вчера только взошедшие и заговорившие. Составитель сборника был совсем "вне политики" и всем дал место. Тут и пушкинские "Египетские ночи", и "Двенадцать" Блока, и новоявленный Есенин, и Клюев с его "ратью солнценосцев"...».

См.: до 24 сент. 1922; 28 окт. 1922, вторая запись.

Октябрь, 27 (?). Газета «Правда» (=«Pravda», № 81), выходящая в городке Олифант (американский штат Пенсильвания), печатает анонимную заметку «Грозят департацею <так!> танцовщице», где говорится о Есенине:

«До Соед<иненных> Штатов приехала недавно славна американска танцовщица Айсидора Дункан, яка давшей час жила в России и там выйшла замуж за русского поэта Есенина. Танцовщица начала выступать на американских сценах. В часе своего выступления в Бостоне Дунканова мала воскликнути: "Я красна". Тое так встревожило умы американцев, що в иммиграц<ионный> ДП <департамент> посыпались требования, щобы Дунканову депортировали обратно до России. Снова горожан города Бостона отказались дати ей разрешение на дальнейшие выступления. Дункан родовитая американка, но она утратила право горожанства, выходячи замуж за русского».

Орфография источника сохранена.

Номер газеты вышел под 14 окт. Вероятнее всего, это дата по старому стилю.

См.: 20 и 21 окт. 1922; 23 окт. 1922; 25 окт. 1922, первая и вторая записи; 26 окт. 1922; 5 нояб. 1922, первая запись.

Октябрь, 27 (?) или **около 27 (?).** Есенин надписывает свою фотографию 1922 года литератору Я.Эбергардту:

«т. Эбергардту с приязнью С.Есенин. Чикаго. 1922 г.».

Есенин, VII (1), 209, 472.

См. также: Юсов Н. Американские инскрипты поэта. — Газ. «Новая Мещера», Спас-Клепики, 1994, 13 авг., № 68.

Октябрь, 28. Газета «Новое русское слово» (№ 3563) печатает вторую главку поэмы Есенина «Пришествие» («О Русь, Приснодева...») как отдельное стихотворение.

Газета «Накануне» (Берлин, № 171) помещает рецензию А.П.Вольского на книгу «Чтец-декламатор: Сборник русской поэзии» со словами упрека составителю:

«Саше Черному отведено больше места, чем Пушкину, Фету, Некрасову, Есенину».

См.: до 24 сент. 1922; 27 окт. 1922, вторая запись.

Октябрь, 28 ... 30. Есенин и А.Дункан возвращаются в Нью-Йорк (гостиница «Waldorf-Astoria»).

Рамки события определяются по содержанию и дате письма Есенина А.Ярмолинскому (см.: 1 нояб. 1922).

Октябрь, до 29. В Берлине выходит журнал «Сполохи» (№ 12, за октябрь) с рекламным объявлением издательства З.И.Гржебина, где значится «Собрание стихов и поэм. Т. 1» Есенина.

Граница события определяется по информации о выходе номера в свет (газ. «Дни», Берлин, 1922, 29 окт., № 1).

Там же выходит журнал «Веретёныш» (№ 2) с материалами о Есенине:

— статьей В.А.Амфитеатрова-Кадашева «На перепутьи...: В меньшинстве»:

«Когда И.А.Бунин грозно проклинает "кровавое свиное рыло" современной России — я, всецело и всемерно к нему присоединяясь, понимаю его.

Когда Максимилиан Волошин прозревает в революции Божью кару за грехи Петербурга, я во многом не соглашаюсь с ним, но тоже понимаю его.

Когда, наконец, Сергей Есенин истерически вопит о раскрывающейся в большевизме "Инонии", я ненавижу Есенина и все-таки понимаю его. <...>

В поклоннике Разрушения, в сыне Сатаны, вроде Есенина, есть воля к действию. А пока человек действует, сохраняется надежда, что он вступит на путь в Дамаск. Какой-то поворот, какое-то озарение <...>, — и воля к Злу обрати<тся> в отражение Божественной воли к Добру. Но биологическое приятие жизни безнадежно, ибо в нем нет места воле»;

— рецензией Г.В.Алексеева (подпись: Г. А.) на книгу Есенина «Пугачев» (Берлин):

«Есенин — очень талантливый поэт. Многие вещи его запомнились.

Опять я грустной болью болен
От овсяного ветерка,
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

Один из главарей иммажинизма <так!> в России, сам он, взяв от него в меру, сумел оберечься от гибели и уйти. Бросил последышам. И сейчас он весь еще на пути.

"Пугачев" — поэма о яицком казаке — первое свидетельство этому. В ней чеканный и образный стих Есенина. Его смелость. Музыка. Но охватить большой, и особенно этой — исторической — темы, поэт не смог. Дух Пугачева и дух Петра — в одном народе. Сейчас — нет Петра и есть Пугачев. Поэт и взял Пугачева не в исторической перспективе, а сегодняшнего, проснувшегося. И при том Пугачев вот какой:

Уж давно я, давно скрывал тоску
Перебраться туда, к кочующим странам <так!>,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Встать к преддверью в России Тамерланом <так!>.

Или еще из того же монолога Пугачева:

О, Азия, Азия, голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами как киргиз повозкой.

Ясно, что исторического значения поэма не имеет. Интуитивное прозрение близости "азиатского" периода русской культуры точнее и глубже у "евразийцев". Поэма показывает поэтический рост поэта, но и только».

Граница события устанавливается по информации о выходе номера «Веретёныша» в свет (газ. «Дни», Берлин, 1922, 29 окт., № 1).

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Октябрь, 29. Газета «New York Gerald» помещает рецензию А. Ярмолинского на книгу Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

Выявлено Г. Маквеем. См.: *Маквей Г.* С.А.Есенин в культурной жизни англоязычных стран: Обзор. – «Russian Language Journal», Michigan, 1983, vol. XXXVII, № 128, p. 109, 121. – То же. – Новое о Есенине, 1, 199, 210.

См.: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Берлинская газета «Дни» (№ 1) помещает:

— объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки “Книга для всех”», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 28 мая 1922, четвертая запись; 5 ... 24 июня 1922; 10 и 15 окт. 1922; 2, 5, 22 и 26 нояб. 1922; 10, 24 и 31 дек. 1922;

— объявление РУИ, где в рубрике «Только что вышли в свет» значится: «С.Есенин. Пугачев: Поэма. Цена мар. 1.80. <...> В настоящее время коэффициент 160».

Октябрь, 30. В Москве, в Колонном зале Дома союзов, проходит организованный имажинистами диспут о театре «Разгром левого фронта», где не раз звучит имя Есенина.

Выступают А.Мариенгоф, Б.Глубоковский, Г.Якулов, в прениях — Б.Арватов, Я.Браун и Клепинский.

Галушкин-2005, 2, 579.

Отклики см.: 7 нояб. 1922

Октябрь, 31. Чешская газета «Lidové listy» (Прага, № 246) публикует статью Я.Берака (J. Berák) «Коллективизм в крестьянском социальном искусстве», где говорится о поэме Есенина «Пугачев».

Сообщено Л.Г.Григорьевой.

Октябрь. Есенин фотографируется с А.Дункан.

Есенин, VII (3), [169], фото № 73.

См. также: Есенин, VII (3), 241.

Октябрь, не ранее. Югославский журнал «Зенит=Zenit» (Загреб, № 17–18, за сентябрь-октябрь) публикует стихотворение Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»> в переводе Л.Мицича.

Время выхода номера сообщено Н.В.Злыдневой.

Октябрь ... Декабрь. В Воронеже выходит № 1 (13; рубрика «Критика и библиография») журнала «Железный путь» с откликом П.А.Николаева на «Избранное» Есенина (М., 1922) под заголовком «Без гроша в кармане, или Знаменитый Русский Поэт» (подпись: П. А. Н.):

«Конечно, я разумею Есенина. Ведь это он явился в столицу в лаптях (устное сообщение Нарбута) и смело заявил, когда революция одержала победу:

Мать моя, родина,
Я большевик.

А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках, —

как сам же свидетельствует в "Исповеди хулигана". Подобно сладчайшему Игорю, он уже "взорлил гремящий на престол" и ныне всеми признан, как "Знаменитый русский поэт".

И вот, оказывается (невероятно, а факт), что хотя он и исповедовался публично в большевизме, и ботиночки носит на ранту, и повсесердно утвержден, однако внутри-то, в душе-то он по-прежнему остался без гроша в кармане и знаменитым русским поэтом — выразителем пролетарски-большевистской идеологии — считается по недоразумению.

Есениным выпущено множество стихов, рассеянных по газетам, журналам, имажинистским брошюркам и собственным сборничкам; трудно было разобраться в этом добре: кричит кто-то, здорово кричит, а кто и о чем — неизвестно. Но на днях он напечатал книгу: "Избранное". (Гиз, 1922), в коей сконцентрировал, видимо, лучшее и характернейшее для себя, сгруппировав его по хронологии своих сборников. Чрезвычайно показательным является, — что ни имаженных своих стихов, ни тех, в коих, по мнению высокоавторитетного П.Когана, виден "высокий пафос революции", Есенин не включил в "Избранное": они чужды его душе; нехарактерны для него, навязаны и сделаны. Ошибочно помещенная заключительная поэма "Пантократор" с восклицанием "к черту старое!" также дисгармонирует с общим тоном сборника, как один из "изысканных" образов, пролезших в "Избранное":

Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Четкими чертами рисует "Избранное" путь развития души Есенина от свежей непритязательной "Радуницы" до черной и злобной истасканной "Мрети"; истинный облик поэта оказался совсем не таким, каким мы его видели раньше. Вглядимся.

Все восемь стихотворений, извлеченных Есениным из "Радуницы", имеют темой "край любимый": Русь вообще и ее детали: "Гой, ты, Русь", "Топи да болота", "В хате", "Осень"... <...> Есенин <...> в "Радунице" действительно сливается с русской природой, растворяясь в пейзаже.

Стихи "Голубен<и>" свидетельствуют уже о начале перелома, о вырастании личности над природой, об утере цельности, о распаде органичности; наряду с прежними, незатейно описуемыми (гл. обр. — осенними) пейзажами всё чаще на первый план высовывается "я" — или прямо: "я снова", "часто я", "как я", "и меня", "когда я" и т. д., или скрыто — в одухотворяющей символике природы, то в виде удачных образов <...>

Уже в "Голубени" начинает проглядывать грусть об уходящей молодости и мощности. Влияние Блока, близкого мистичной душе поэта ("Не напрасно" и "друг") доводит до подражательности: ср., напр., "Запели тесаные дроги..." и "Опять, как в годы золотые..." <...>

В стихах, извлеченных из "Преображения", еще сильна символика природы. Но есенинское "я", должно быть, смутно, сознавая неискренность символизирования, уже не знает, куда ему приткнуться, уже скорбит от сознания бессилия, пустости своей: "да не нужен ты". <...>

Из "Трерядницы" взяты и в "Избранное" стихи: "Я последний поэт деревни", "Устал я жить в родном краю", "Теперь любовь моя не та", "Я покинул родимый дом" и др. Как видите, здесь на первый план всецело встало "я". <...> "Душа грустит о небесах" и вновь и вновь пытается самодельной мистикой свести небо на землю и землю перенести на небо, символизируя видимое. Все эти отрок-ветер, солнце-соха, месяц-

щенок и т. д. и т. д. далеко не просто образы для красного словца — в них чудится всё новая и новая (увы — со старыми средствами) попытка осмыслить бессмысленное, внести порядок в хаос, одухотворить бездушное.

Очевидно, попытка опять не удается, ибо потерявшая связь с природой, потерявшая силу животворную и взамен ничего не приобретшая душа Есенина в след<ующем> сборнике, в "Мрети", разражается отчаянием и хулиганской злобой. Но хулиганская маска плохо пристала душе, которая "не здешних нив жилица", спадает, и поэт застывает:

Не жалею, не грущу, не плачу —
Всё пройдет...

Этим тупиком "всё пройдет" и оканчивается пока путь Есенина, как он охарактеризовал его сам, дав нам "Избранное". Поэмы не изменяют дела. Что же начертило именно эту линию эволюции Есенина от наивного молодого несознаваемого растворения в природе, от "всё встречаю, всё приемлю" до отчаяния, хулиганства, злобы и окаменелости тупика в "Мрети", до "не жалею, не зову, не плачу". Проанализируем багаж поэта».

Далее анализируется образность поэта:

«... он заимствует образы для земных пейзажей из мистики и церковного ритуала <и> наоборот, земные вещи переселяет на небеса: хаты — в ризах образа, кашка — риза, солома — риза, небо — ряса, ветер — схимник...».

Уделив затем внимание цветописи и звукописи есенинских стихов, автор заключает:

«С наивной всеодухотворяющей верой, с некоторым талантом, но скудной палитрой и малым кругозором вошел Есенин в литературу наших разрушающих идолы дней и очень скоро, под ударами внешних и внутренних факторов, растерял свою веру, оставшись с прежним малым полем зрения и ничтожным запасом красок. Попытка суррогатировать веру символикой образов не удалась, новой веры в Бога ли, в человека ли или еще во что не выработано, любви к людям нет, хулигански-имаженное ухарство и всеоплевывание, к счастью, почти не вошедшее в "Избранное", также не привилось Есенину, и вот ему осталось одно утешение импотентных старцев: всё проходит. Ни оправдать жизни, ни создать новые ценности Есенину не удалось. Все эти ветры-схимники, ивы-монашки давно уже были выявлены Клюевым:

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря...

и порядком-таки надоели с тех пор. Даст ли Есенин что-нибудь в будущем? Человеческие возможности велики; но немногое сумел приобрести Есенин, а растерял многое».

См. также: 11 сент. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923; 26 марта 1923

В Москве выходит «Сборник литературно-художественных революционных произведений» (на обложке: «Изборник»), отпечатанный в типографии Могубсоюза, с отрывками из поэм Есенина «Пугачев» (строки 1–88) и «Пантократор» (строки 49–68).

Кн. летопись, 1922, № 21–24, 1 нояб. – 31 дек., с. 192, поз. 9904.
См. также: Юсов-94, 96.
См. Приложение.

Октябрь (?) — Декабрь (?). Окончательно оформляется замысел поэмы «Черный человек» (первоначальное заглавие «Человек в черной перчатке»).

Рамки события устанавливаются ориентировочно на основании воспоминаний современников и информации о том, что ко второй половине февр. 1923 поэма (под ее первоначальным названием) была написана.

Подробнее см.: Шубникова-Гусева, 482–494.

См.: март — июль 1923.

Ноябрь, 1. Есенин в Нью-Йорке пишет А.Ярмолинскому:

«Уваж<аемый> т. Ярмолинский.

27 окт<ября> в Чикаго я получил Ваше письмо с пометкой 3 окт<ября> и совершенно не получил книги <"Modern Russian Poetry">, которую должен был послать мне Ваш издатель.

Очень хотел бы поговорить с Вами лично. Если можете, то позвоните. Завтра в 12 часов в отель, ком<ната> № 510».

Есенин, VI, 149.

Об антологии «Modern Russian Poetry» см.: Летопись, 3 (1), 241.

См. также: 3 окт. 1922, вторая запись; 27 окт. 1922, первая запись; до 12 нояб. 1922; 12 нояб. 1922, первая запись.

Ноябрь, после 1. Есенин встречается с А.Ярмолинским в гостинице «Waldorf-Astoria» и передает ему для издания рукопись своего сборника.

В 1957 г. А.Ярмолинский напишет:

«Удивил меня Есенин <не только как издатель и книгопродавец в Москве> и своим предложением издать в Нью-Йорке сборник его стихов в моем переводе. Правда, у него не было на руках его книги, но это не помеха: он по памяти напишет выбранные им для включения в книжку стихи.

Я не принял всерьез это предложение. Но оказалось, что он действительно верил в возможность издания сборника. Через несколько дней я навестил его в гостинице "Валдорф-Астория", которая тогда помещалась на Пятом авеню, угол 34-й улицы. <...> Есенин небрежно сорвал с бювара лист запачканной кляксами промокательной бумаги, согнул его пополам и в эту импровизированную папку вложил тут же пачку листов бумаги. Затем на обложке написал карандашом: "Сергей–Essenin–Russia–Стихи и поэмы — Перевод Ярмолинского".

Рукопись — я ее сохранил — состоит из девятнадцати листов, написанных карандашом. <...> Имеется текст следующих стихотворений: "Исповедь хулигана", "Песнь о собаке", "Хулиган", "Закружилась листва золотая...", "Корова", "В том краю, где желтая крапива...", "Не жалею, не зову, не плачу...", "Кобыльи корабли". <...> Впрочем, дальше составления рукописи Есенин не пошел. Передав ее мне, он, видимо, потерял интерес к своей затее, и мы больше не встречались».

РЗЕ, 1, 229–230.

Мемуарист передал рукопись сборника Есенина в РГАЛИ, где она теперь и хранится.

Ее факсимильное воспроизведение см. в кн. «Сергей Есенин, двадцатые годы: американские находки / Сост. А.А.Севастьянова» (Рязань, 2006, с. [28–47]).

В 1980-е годы М.О.Мендельсон даст такую оценку словам А.Ярмолинского:

«По признанию Ярмолинского, это предложение Есенина он "не принял всерьез". Его просто удивила просьба поэта. И переданные ему Есениным рукописи стихов остались лежать без движения.

Между тем Ярмолинский имел возможность привлечь к работе над стихами Есенина многих американских переводчиков, включая ту же Дейч. Осуществить желание поэта было вполне возможно. Видимо, изданию сборника есенинских стихов на англий-

ском языке помешало прежде всего то, что творчество советского поэта было чуждо супругам Ярмолинским...».

Восп., 2, 33.

Впрочем, не исключено, что Есенин сам не захотел издавать в Америке переводы своих стихов (ср.: 12 нояб. 1922, первая запись).

Ноябрь, 2, 5, 22 и 26. Берлинская газета «Дни» (№ 4, 7, 21 и 24) дает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в продажу выпусков «Общедоступной библиотеки “Книга для всех”», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 28 мая 1922, четвертая запись; 5 ... 24 июня 1922; 10 и 15 окт. 1922; 29 окт. 1922, вторая запись; 10, 24 и 31 дек. 1922.

Ноябрь, 3. Берлинская газета «Накануне» (№ 176) печатает анонимную заметку «С.Есенин в Америке»:

«Судя по американским газетам, С.Есенин пользуется в Америке огромной популярностью. Американские газеты полны статей о поэте-крестьянине Советской России, который изображается “белокурым юношей”, интервью с ним и его портретов. Русская колония в Америке чрезвычайно радушно встретила русского поэта, вечер поэзии которого прошел с огромным успехом. В лице С.Есенина русская американская колония горячо приветствует новую демократическую Россию».

Других, более конкретных сведений о вечере поэзии Есенина, упомянутом в данном материале, не выявлено.

Ноябрь, 4. Газета «Известия ВЦИК» (№ 250; рубрика «Театр и искусство») помещает информацию без подписи «С.Есенин и А.Дункан в Америке»:

«Выходящая на русском языке в Нью-Йорке газета “Новое Русское Слово” (октябрь) посвящает ряд статей приехавшим в Америку С.Есенину и Айседоре Дункан. В интервью с корреспондентами Есенин, между прочим, заявил: “Писателям при большевиках жилось неплохо. Лучше других. Их не трогали, они могли работать, даже ругать правительство. Но они испугались, запищали, убежали за границу...”. Есенин предполагает прочесть ряд лекций “О новой России”.

А. Дункан в интервью говорит, что советское правительство встретило ее очень радушно, и только из-за недостатка помещения ей пришлось организовать школу всего на 50 человек вместо 1000, как было намечено. <...> “Но, однако, я уверена, что американское правительство не разрешит мне устроить школы, как это разрешило мне русское”...».

См.: 7 окт. 1922, первая запись; 7 нояб. 1922, вторая запись; 13 нояб. 1922, первая запись.

Ноябрь, до 5. В Берлине выходит журнал «Сполохи» (№ 13; за ноябрь) с материалами, где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по информации в литературном приложении № 26 к Нак. (1922, 5 нояб., № 178).

В номере публикуются:

— рецензия В.И.Лурье на книгу Есенина «Пугачев» (Берлин):

«Впервые мы услышали отрывки из "Пугачева" на одной из пятниц "Дома Искусства" в чтении Эренбурга, который получил из России ряд только что вышедших книг.

Теперь удалось нам самим прочесть эти драматические сцены Есенина, последнее его произведение, о котором столько говорилось и от которого столько ждали. Построен "Пугачев" по пушкинскому плану "Истории Пугачевского бунта". Отдельные сцены и эпизоды сделаны очень неровно, многие сильно растянуты. Характеры Емельяна и других действующих лиц настолько неисторичны, что даже слова Бурнова:

...вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города Тамбова, —

являются полным историческим абсурдом.

К повторению одних и тех же слов для усиления впечатления поэт прибегает на протяжении 60 страниц 56 раз; конечно, при таком злоупотреблении прием не только теряет свою силу, но и часто портит звучные строфы "Пугачева". Несмотря на всё это, есть у Есенина места, сильные по передаче и образности. Мягко и удивительно музыкально звучат строки:

Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Хорош конец "Пугачева" <приводятся фрагменты монологов Пугачева из заключительной главы поэмы>.

Много встречается свойственных Есенину красочных и живых образов, но известная небрежность поэта и утрировка сказываются и в них. Приятны частые ассонансы вместо чистых рифм, придающие монологам особый ритмический узор, характерный для автора».

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922; март 1923;

— рецензия (за подписью: Л-ъ) на сборник «Деревня в русской поэзии», составленный Г.В.Алексеевым:

«Беленькая книжка, и по ней заглавие зеленым узорным шрифтом. Чистота и надежда или надежда на чистоту. Ведь Кольцов, Никитин, Некрасов знали и любили деревню, но любят ли деревню, знают ли деревню из деревни вышедшие Клюев и Есенин? Это сложный вопрос, который читатель может вывести из собранного Г.Алексеевым материала, обнимающего целое столетье. Книжка ценная и издана превосходно».

См.: после 18 июня ... до 16 июля 1922.

Выходит берлинский журнал «Новости литературы» (№ 2; за октябрь) с материалами о Есенине:

— информацией о книге «Пугачев» (Берлин) в разделе «Указатель книг, вышедших на русском языке вне России (июль-август 1922)»;

— объявлением издательства З.И.Гржебина с позицией: «С.Есенин. Собрание стихов и поэм. Т. 1».

Граница события определяется по информации о выходе номера в свет (Нак., 1922, 5 нояб., № 178).

Ноябрь, 5. Рижская газета «Сегодня» (№ 250) помещает анонимную информацию «Гастроли Дункан»:

«Айседора Дункан выступила в Бостоне на одном из вечеров Symphony-Hall. Вместе с ней находился ее муж, советский поэт Есенин. Во время выступления Дункан присутствовавшие не обращали на нее никакого внимания и начали зевать. Это рассердило Дункан. Она сорвала с себя красный шарф и бросила его на пол, воскликнув: "Этот шарф красный — и я тоже". Демонстрация Дункан вывела публику из себя, и зрителями был устроен по адресу Дункан ряд скандальных манифестаций».

См.: 20 и 21 окт. 1922; 23 окт. 1922; 25 окт. 1922, первая и вторая записи; 26 окт. 1922; 27 (?) окт. 1922.

Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 1980) печатает заметку без подписи «Айседора Дункан»:

«В опровержение газетных слухов о том, что знаменитая танцовщица А.Дункан прекратила свое американское турне и возвращается в Европу, ее антрепренер С.Юрок сообщает, что она остается в Америке до 1 февраля будущего года и что она в Нью-Йорке выступит в ближайшем времени в Карнеги Голле: вечером 14 и 15 ноября.

Вечера эти состоятся при участии русского симфонического оркестра под управлением М.Альтшулера. В программу войдут произведения Бетховена, Моцарта, Шумана, Брамса и Вагнера».

Ноябрь, 5 и 12. Варшавская газета «За свободу!» (№ 298 и 304) помещает объявление польско-русского издательства «ROSSICA» об имеющихся в наличии книгах, в т. ч. о книге Есенина «Пугачев».

Хотя место выхода книги не указано, речь идет, без сомнения, о берлинском издании поэмы.

Ноябрь, 6. Харбинская газета «Заря» (№ 223) публикует заметку «Вояжи жены Есенина».

Ноябрь, 6 ... Декабрь, 9. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 9; за сентябрь) с информацией о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по объявлению о поступлении в продажу ноябрьского номера журнала «Сполохи» (№ 13), помещенному в рассматриваемом номере «Новой русской книги», с учетом времени выхода номера «Сполохов» (Нак., 1922, 5 нояб., № 178; лит. приложение № 26). Верхняя граница определяется по объявлению книжного магазина И.М.Ладыжникова (газ. «Дни», 1922, 10 дек., № 36).

Из журнального обозрения «Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг.»:

«Сергей Есенин, поэт, выехал вместе с танцовщицей Айседорой Дункан и А.Ветлугиным в конце сентября из Парижа в турне по Америке».

Ноябрь, 7. Московский журнал «Театр» (№ 6) помещает отклики на диспут, организованный имажинистами, с упоминанием Есенина:

— статью «Разгром левого фронта (На диспуте в Доме Союзов)» (подпись: М. Бр-де):

«Под таким широковещательным названием был объявлен 30 октября <см.> в Колонном зале Дома Союзов диспут, на котором должны были выступать Мариенгоф, Якулов и неизвестный, скрывшийся под тремя звездочками, так и оставшийся невыяс-

ненным до самого конца диспута вследствие преждевременного окончания такового. <...>

Никогда еще, вероятно, стены Дома не видели такого большого количества публики, стремящейся попасть на этот диспут... бесплатно, что в конце концов ей и удалось. Это были юные и бурнопламенные студенты Гитиса, преодолевшие ряд препятствий и заполнившие зрительный зал задолго до начала диспута <...>.

<Диспут> открыл в десятом часу вечера Мариенгоф.

Указав на революционное происхождение имажинизма, вышедшего из стен "Питтореска" 4 года тому назад, он подсчитывает оставшиеся силы. "Одних уж нет, а те далече".

Шершеневич ушел, а Есенин далече... Остались только Мариенгоф и Якулов, которые выступают под знаменем имажинизма. <...>

Далее Мариенгоф выступает со следующим заявлением:

— 4 года я несу знамя имажинизма и сегодня его склоняю, ибо перестал в него верить. Нам надо делать большое дело, мы выдвигаем принцип новой академии, мы говорим — новаторское искусство может быть академическим, мы выдвигаем новую группу и ищем <в> молодежи опору.

Дружным смехом обещает наполняющая зал молодежь эту опору...

Горячо обсуждая все происшедшее, аудитория расходилась. И у каждого невольно закрадывался в душе вопрос: кто же кого разгромил да и разгромил ли вообще...»;

— статью Я.Брауна «Био... фашизм: (Мысли на диспуте "Разгром левого фронта")»:

«Один <А.Мариенгоф> вышел этаким лирическим Пьеро, встосковал Игорем-Северяниным, взгрустил на тему — "Иных уж нет, а многие далече" (Есенин в Берлине, отсюда не видать; Шершеневич в Гитисе, поправ "имажинизм" и выскочив из "стойла Пегаса" — в стойло Фореггера); за сим, захотев провозгласить смерть маяковщины, попутно признался и в смерти имажинизма; взалкал новой "Академии искусств" (но — не подумайте дурного — не "академической академии" Станиславского–Немировича-Данченко!), свернулся — и умолк».

Московский еженедельник «Зрелища» (№ 11; за 7–12 ноября) публикует заметку «С.Есенин и А.Дункан в Америке».

Текст повторяет одноименную информацию газеты «Известия ВЦИК» (см.: 4 нояб. 1922).

См.: 7 окт. 1922, первая запись.

Газета «Новая Шанхайская жизнь» в рубрике «Книжные новинки в Совроссии» называет сборник Есенина «Избранное» (М., 1922).

Ноябрь, 8. Варшавская газета «За свободу!» (№ 300; рубрика «На лету») помещает анонимную заметку «Два слова о "литературных исключениях"», где упоминается Есенин:

«В Берлине, где, как известно, очень покровительствуют русским искусствам и литературе, имеется русский "Дом искусств". Представлен он был до сих пор главным образом исключенными из других литературных организаций особами — вроде Алексея Толстого и Василевского и прочих "столпов" "Накануне".

Теперь, очевидно, пришел для них "настоящий день", и названные господа исключаются уже из "Дома искусств".

Это, конечно, немножко странно. Неужели для того, чтобы не подавать руки Василевскому, нужно было предварительно впустить его в свой дом?

Однако человек, которому было отказано во всех домах, нашел себе приют в "Доме искусств".

Это было, конечно, верх искусства.

Но... кто тут виноват?

Еще страннее, однако, тот повод, в силу которого "Дом искусств" счел нужным лишиться своих главных украшений.

Оказывается, что Василевский напечатал в газете Толстого ("Накануне") "критическую" статью о 12 книгах Ильи Эренбурга. Рецензия — как рецензия, в стиле, в котором "свистел" (находясь в "Доме искусств") Есенин, в котором пишутся все статьи в "Накануне" и его приложениях.

Пожалуй, об Илье Эренбурге Василевский написал даже (относительно) приличнее, чем о других лицах.

Но вот "Дом искусств" решил, что можно писать о ком угодно и как угодно, можно свистеть по-есенински, можно хрюкать и улюлюкать по-маяковскому, но об Илье Эренбурге надо писать почтительно и в благоговейном тоне.

И так как Василевский на сие способен не оказался, то ему вынесено решение:

— Вон — из "Дома искусств".

— Илья Илье не товарищ».

Ноябрь, 9 и 11. В берлинской газете «Дни» (№ 10 и 12) рекламируется выпущенная книгоиздательством «Аргонавты» книга И.Г.Эренбурга «Портреты русских поэтов» и раскрывается ее содержание с упоминанием имени Есенина.

См.: 8 ... 10 марта 1922.

Ноябрь, 11, 14, 16, 18, 20 и 25. Газета «Новое русское слово» (№ 3576, 3579, 3581, 3583, 3585 и 3590) помещает объявление:

«НОВАЯ КНИГА Рязанского крестьянина Сергея Есенина (поэ<т>а иммажиниста <так!>), мужа танцовщицы Исидоры Дункан, поэма Пугачов. Цена 30 с. с пересылкой 35 сен<тов>. Продается в книжном складе "Новое русское слово". 31 Ист 7-ая ул., Нью-Йорк».

См. также: 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 23 и 25 дек. 1922; 1, 3 и 22 янв. 1923; 8 и 22 февр. 1923; 5, 6, 13, 20 и 22 марта 1923.

См. Приложение.

Ноябрь, до 12. Есенин получает экземпляр сборника «Modern Russian Poetry» с переводами своих стихов.

См. след. запись.

См. также: Летопись, 3 (1), 241; 3 окт. 1922, вторая запись; 27 окт. 1922, первая запись; 1 нояб. 1922; 12 нояб. 1922, первая запись.

Ноябрь, 12. Есенин пишет А.Б.Мариенгофу из Нью-Йорка в Москву:

«Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься.

Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, — вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские "сто тысяч улиц" можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты всё думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то, при всех российских лишениях, что вот, мол, "заграница", а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех, как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое <пение>, а тут хоть помирай с голоду.

Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве.

В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки. <...>

Здесь имеются переводы тебя и меня в изд<ании> "Modern Russian Poetry", но всё это убого очень. Знают больше по имени, и то не америк<анцы>, а приех<авшие> в Амер<ику> евреи. По-види<мо>му, евреи самые лучшие цен<ители> искусства, потому ведь и в Росс<ии>, кроме еврейских дев, никто нас не читал».

Есенин, VI, 149–152.

См. также: 3 окт. 1922, вторая запись; 27 окт. 1922, первая запись; окт. (?) – дек. (?) 1922; 1 нояб. 1922; до 12 нояб. 1922.

Харьковский еженедельник «Наша неделя» (приложение к газете «Пролетарий», № 2) печатает статью П.С.Когана «Литература Октябрьского пятилетия», где говорится о Есенине.

В литературном приложении № 26 к берлинской газете «Накануне» (№ 184) публикуется начало поэмы А.Б.Кусикова «Песочные часы» с упоминанием имени Есенина:

Ну, вот и завтра, и, как вчера, я пьян,
И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя;
И безоглядочный и беспокойный я. —
Мы все плывем в кружень волн и пены.
.....
Что мне Сережа, Толя и Вадим
(Любовь друзей — сокрытая измена)!

Вот так бы плыть, чтоб кольца позади
Сбивали волны перехватом пены.

В Берлине русский книжный магазин «Книжный салон», рекламируя свои книги в газете «Дни» (№ 13, рубрика «Новинки последних дней: Поэзия»), указывает: «С.Есенин. Пугачев: Поэма. Цена мар. 1.80».

Берлинская газета «Руль» (№ 596) дает информацию о наличии на складе издательства «Скифы» книги Есенина «Товарищ. Инония» (т. е. коллективного сборника «Россия и Инония» с участием Есенина).

Ноябрь, 13. Газета «Русский голос» (№ 1988) помещает объявление: «Русская декламация: лекция Сергея Есенина (муж Исидоры Дункан). Предмет лекции — "Россия сегодня"».

Другие сведения об этом выступлении Есенина не выявлены.

Возможно, как раз о нем напишет В.М.Левин:

«Как-то Есенин рассказал мне, что одна русская нью-йоркская газета, "левая", предложила устроить литературное выступление и даже дала ему пятьдесят долларов аванса. Он сначала согласился, а потом отказался, вернув аванс, — он понял несовместимость его связи с партийной газетой, и Изадора была этим тоже довольна. Но где-то чувствовались вокруг них люди, которым нужно было втянуть их в грязную политическую борьбу и сделать их орудием своих страстей. В такой свободной стране, как Америка, именно в те дни трудно объяснить людям, что можно оставаться прогрессивными и все-таки быть против коммунистической политики, пытающейся всё вовлечь в свою сферу, удушить всё, что не подходит под их норму. Что Есенин им не подходил, они это понимали, но он уже имел огромное имя в литературе, а вместе с Дункан он уже представлял символ связи России и Америки в период после русской революции — им это лишь и нужно было использовать. Но Есенин не дался. И они это запомнили».

РЗЕ, 1, 221–222.

Однако речь может идти и о другом приглашении Есенину — выступить на вечере, посвященном 250-летию русского театра (см.: 21 и 22 дек. 1922; 29 дек. 1922).

Еженедельная газета «Время» (Берлин, № 226) публикует заметку «Айседора Дункан в Америке» с упоминанием Есенина.

Ноябрь, 14 и **15.** Есенин присутствует на выступлениях А.Дункан в Карнеги-холл.

IE, 124–125.

Отклики см.: 16 нояб. 1922.

Ноябрь, 15. Пражский еженедельник «Воля России» (№ 5; подпись: М. С.) помещает рецензию М.Л.Слонима на четвертую книгу журнала «Красная новь», где упоминается Есенин:

«"Красную Новь" выпускает Госиздат. Это значит, что публицистический отдел журнала наполнен официальной коммунистической трухой на тему о пролетарской революции. Но другие отделы интересны, и "Красная Новь", пожалуй, содержательнее многих периодических изданий, расплодившихся за последнее время в таком изобилии в России. <...>

В "Красной нови" печатались чуть ли не все молодые писатели и поэты революционной эпохи: от Пильняка до А.Яковлева, от Есенина до Тихонова. И произведения их неизменно говорят о современной действительности, изображают революционный быт, подымают вопросы, связанные с событиями последних лет. И хотя ко всем произведениям приходится сделать поправку на большевистскую цензуру, они достаточно ярко рисуют жизнь новой России».

Газета «Новое русское слово» (№ 3580) печатает статью Д.Бурлюка «Готовится праздник русского художества», где говорится и о чете Есениных.

Анонсируя выставку русских художников и скульпторов, готовящуюся в Бруклинском музее Нью-Йорка, автор замечает:

«Это открытие обещает быть торжеством русской культуры, которой сейчас так богата Америка.

Труппы «Летучей Мыши», Московского Художественного Театра, Ессенины <так!>, Ф.И.Шаляпин, Иза Кремер, Рахманинов и многие другие будут приглашены на праздник русского искусства».

Ноябрь, после 15. Есенин вместе с А.Дункан выезжает в Индианаполис.

«После короткого отдыха в Нью-Йорке Айседора вновь отправилась в западном направлении. У нее была целая серия ангажементов для выступлений, начинающихся с Индианаполиса».

И.Дункан и Макдугалл, 115.

Точное время отъезда четы Есениных из Нью-Йорка и их прибытия в Индианаполис не установлено.

Сразу по приезде в Индианаполис, на платформе железнодорожного вокзала, Есенин обращается к окружающим с речью.

Из воспоминаний С. Юрока:

«Вновь тревожный звонок издалека. Миссис Она Б. Телбот, местный антрепренер, рассказала мне, что как только Айседора и ее муж ступили на землю Индианаполиса, Есенин тут же начал произносить речь прямо на вокзальной платформе...».

Цит. по: IE, 126–127 (перевод А.П. Шишкина).

Других сведений об этом эпизоде не выявлено.

Ноябрь, 16. Газета «New York Times» пишет:

«Полный зал приветствовал Айседору Дункан на ее пятом выступлении в Карнегихолл прошлым вечером <см.: 14 и 15 нояб. 1922>, объявленном как "прощальный" концерт американской танцовщицы, хотя уже сообщается, что она может продлить свое турне, завершив его здесь в январе будущего года <см.: 5 нояб. 1922>. В концерте участвовал Русский симфонический оркестр под управлением Модеста Альтшулера, исполнивший "Неоконченную симфонию" и "Ave Maria" Шуберта, Седьмую симфонию Бетховена и шесть вальсов Брамса».

Цит. по: IE, 125, 284, примеч. 48 (перевод А.П. Шишкина).

Из газеты «New York World»:

«После программы мисс Дункан произнесла речь, усыпанную русскими выражениями, в которой она заявила, что ее идея коммунизма — это когда все поют и танцуют вместе. Она обратилась с просьбой поддержать школу, которую открыла в Москве, затем имели место сборы денег для школы...».

Цит. по: Маквей-2004, 363, 463, примеч. 166.

Московские «Известия ВЦИК» (№ 159; рубрика «Театр и искусство за рубежом») информируют:

«В Праге пользуются также большой популярностью <наряду с "Мистерией-Буфф" В.В.Маяковского> произведения русских поэтов Асеева и Есенина».

Ноябрь, 17. Ф.Элленс пишет из Брюсселя М.Горькому:

«Вся наша литературная молодежь — горячая поклонница Вашего таланта. Присланные Вами страницы могли бы быть переведены на французский язык г-жой Милославской и мной (в нашем переводе в парижском издательстве Поволоцкого вышел недавно сборник стихов Сергея Есенина; мною же, по просьбе автора, написано к нему предисловие)».

Архив А.М.Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 8: Переписка с зарубежными литераторами, с. 90 (перевод с фр. Т.В.Балашовой).

См.: 12–14 июля 1922; 23 сент. 1922.

Ноябрь, 17 (?) ... 20 (?) или 21 (?). А.Дункан выступает в театре Индианаполиса.

Верхняя граница события определяется предположительно с учетом того, что 22 нояб. 1922 (см.) А.Дункан выступила уже в другом городе.

Обстановку, сопутствующую приезду танцовщицы в Индианаполис и ее выступлению там, описывают мемуаристы:

«Прибыв туда, она обнаружила, что ее импресарио нимало не расстроен происшествием в Бостоне месяц назад <см.: 20 и 21 окт. 1922>, но зато мэр города, достопочтенный мистер Лу Шенкс, находится в состоянии полной боевой готовности. "Я не допущу, чтобы на глазах у населения моего города срывали с себя красные платья и подстрекательски размахивали ими!" — кричал он. Он объявил во всеуслышание, что приказал четырем полисменам находиться на сцене и в зале театра в вечер спектакля. Они должны были смотреть за тем, чтобы танцовщица не делала никаких непристойных жестов и не слишком много снимала с себя шарфов или других предметов одежды. И тогда ей можно даже разрешить танцевать босиком и без чулок, держа это в секрете. <...>

— Мерзость! — изрекла Айседора, когда ей прочли мэрово высказывание. — Омерзительная пошлость! Да ведь это даже и не английский язык! Благодарение Богу, что этот Шенкс всего лишь мэр Индианаполиса... Мне кажется, что даже дикари Черной Африки лучше поняли бы мою работу, чем некоторые из уроженцев Среднего Запада!

Но люди в Индианаполисском театре поняли ее искусство, и в услугах четырех полисменов Шенкса не было нужды. Завершив всю объявленную программу, при восторженных криках и овации, устроенной публикой великой артистке, она осталась и безмолвной, и сдержанной».

И.Дункан и Макдугалл, 115–116.

См. также: 22 нояб. 1922, вторая запись.

Однако есть и другое описание этого события:

«Вскоре мистеру Юроку позвонил из Индианаполиса его агент и сообщил, что мэр Индианаполиса не разрешает Айседоре выступать, опасаясь ее обычных большевистских речей. Юрок позвонил самому мэру, обещая, что никаких неприятностей не будет, и говоря, что разочаровывать многочисленную публику Айседоры — преступление. Но на следующий день, несмотря на его обещание и на то, что Айседора дала слово не вызывать неприятностей, она в конце выступления разразилась в высшей степени восторженной речью о коммунистической России. Ей тут же запретили когда бы то ни бы-

ло выступать в Индианаполисе, однако ей было всё равно. Она сказала то, что хотела сказать, и это было главное».

Дести, 277.

Частично цитируя это место, Г. Маквей называет М.Дести «ненадежной» (IE, 284, примеч. 55). Впрочем, версия М.Дести будет позднее повторена И.И.Шнейдером:

«...мэр Индианополя испугался "большевистских речей" Айседоры и запретил ей въезд в город.

Юрок дал мэру от имени Дункан обязательство, что она не будет выступать с речами, но на первом же спектакле Айседора произнесла, как выразились местные газеты, "одну из своих наиболее ярких речей о коммунистической России".

Наутро репортеры сообщили Дункан, что ей навсегда запрещен въезд в Индианополь. И Дункан и Есенин равнодушно выслушали эту "сенсационную" новость.

Но Юрок нервничал и предупредил Айседору, что первый, самый незначительный инцидент приведет к отмене турне».

Шнейдер, 66.

См. также: 22 нояб. 1922, вторая запись.

Ноябрь, 18. Харбинская газета «Свет» (№ 1037) перепечатывает пародию М.К.Первухина на автобиографию Есенина.

Исходный текст см.: 17 сент. 1922, первая запись.

Ноябрь, 19. В литературном приложении № 27 к берлинской газете «Накануне» (№ 190) публикуется рецензия Н.И.Петровской на есенинское «Собрание стихов и поэм. Т. 1»:

«...Есенин, действительно, чудо чудесной эпохи русской жизни, умеющей сочетать в колоссальном размахе и гибель, и возрождение. Он плоть от плоти ее, но не рассудочный теоретик строительства новой жизни, а только поэт ее, запевший утром под немеркнущей лазурью русских полей.

Ее голубая чаша благодатно опускается над поэзией Есенина.

Это "голубое" — стихия его простой, сотканной из музыки души. Оно расплескалось волнами в стихах, и Есенин не боится ни повторности, ни однообразия своих эпитетов; он ими пользуется не от скудости поэтической фантазии, а просто потому, что не хотел бы и не мог бы сказать иначе.

У него все синее и голубое: "синь" во взорах; "синие окна", "синеющий залив", "голубая долина", "голубое поле", "голубая Русь", "голубая осень", "синие звоны", "синяя вьюга", "голубые глаза".

Земная ласковая "синь", образ его вечности, и сама природа, — вторая мать, — для него не бездушна, не косна, не тяжела, а воздушно легка в голубом покрывале.

Через природу, через молитвенно-созерцательное касание к Мировой Душе он приобщается к вечному источнику поэзии.

...Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.<...>

Есенин — певец русской природы в ее прекрасной статике, в ее гармонически напевном покое. Когда он говорит о природе, язык его приобретает совсем особую, символическую, почти религиозную точность:

Черная, пóтом пропахшая выть,
Как мне тебя не ласкать, не любить!

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать. <...>

Природа для него вся высветлена, ее "голубой покой" отражается на всем, что любит и хочет любить душа. Но исчезнуть, раствориться в ее пантеистической безличности <такой> поэт, как Есенин, с обостренными личными началами, не может. Он из природы лишь исходит, он только ее благодарный, нежный сын. <...>

Образы революции в поэзии Есенина не своеобразны. За ними слишком чувствуется торжественно тяжелая поступь Блока последних лет, Блока "Двенадцати", пленившего его нарочитым, мастерским изломом стиха, ритмом, падающим, как свинцовые капли. Эти страницы сборника и юношеские поэмы, — иногда весьма дурного вкуса дерзания, целиком заимствованные от чуждых его таланту футуристических устремлений, — самые слабые в книге.

В сборнике есть самоцветы чистой воды, перлы в будущей короне поэта (...Если он сумеет носить ее!..): "Корова", "Лисица" и "Песнь о собаке" <...>.

Книга Есенина чудесна не по мастерству, не по манере, не по приемам, — ничем уже нельзя удивить людей, вкусивших русской символической поэзии В.Брюсова, А.Белого, А.Блока, она чудесна полевой свежестью своих "голубых" песен, вдруг зазвеневших над "голубой Русью" летним утром.

Пусть где-то там "и крик и стон, и дым пороховой пусть едок" (А. Белый), — С.Есенин не сорвется, не упадет в мрачные бездны совершающейся мистерии. Он сам — цветок, взросший на полях, вспоенных кровью, — лучший образ своей эпохи».

См.: 25 сент. ... 18 нояб. 1922; 24 дек. 1922; до 9 февр. 1923.

См. также: РЗЕ, 2, 24–28.

См. Приложение.

Берлинская газета «Дни» (№ 19) дает объявление о наличии на книжном складе «Грани» книги: «С.Есенин. Пугачев: Поэма. М. 1.80».

В газете «Саратовские известия» (№ 265) публикуется заметка М.А.Зенкевича «Литературная жизнь Москвы» с упоминанием Есенина:

«Затруднения с изданием книг невольно тянут многих писателей в Берлин, который становится третьим, после Москвы и Петербурга, русским литературным центром, и центром не только эмигрантским, даже Госиздат дает туда крупные заказы на печатную книгу. Вслед за уехавшими за границу Горьким, А.Белым уехали имажинисты Есенин, Кусиков, а также Борис Зайцев, поэт Пастернак и недавно даже Маяковский».

Ноябрь, до 21. В издательстве «Октябрь» (Тверь) выходит из печати книга Б.Е.Гусмана «100 поэтов: Литературные портреты» (на тит. л.: 1923) с эссе о Есенине.

Граница события устанавливается по информации в еженедельнике «Кооперативное дело» (М., 1922, 21 нояб., № 25).

Автор пишет:

"...Сергей Есенин прошел мимо "нищей России" (А.Блок), полюбив ее "синь", которая "сосет глаза", ее поля, ее "низенькие околицы", у которых "звонко чахнут тополя", ее церкви, где "пахнет яблоком и медом кроткий Спас", ее луга, где "гудит за корогодом веселый пляс", ее зеленя, ее "гречневые просторы" и "овсяную волю". <...> Сам Есенин уходит от людских "скорбей" к звонким радостям и раздольям природы. Революцию Сергей Есенин встретил "певучим звоном", восприняв ее по-своему, по-"мужичьи",

по-деревенски. В ней, рожденной (по Сергею Есенину) в "мужичьих яслях", он почувствовал новое "утро", новый "свет за горами", "Красного коня", который должен вывезти мир "на колею иную". <...> Но, конечно, он не мог не почувствовать, что эта "колея иная" лежит в стороне от того мира, в котором он жил, что над тем миром уже березы "кадят листвой прощальную обедню", что идет уже "железный гость", который сметет последние листья, "соберет их в свою черную горсть". <...> И понятно, что в поэзии Сергея Есенина появляются новые нотки, такие непохожие на того старого Сергея Есенина, которого "зори вешние в радугу свивали". <...> Победит ли молодого и полного сил Сергея Есенина <...> губительное "увяданья золото" или в нем проснется та могучая жажда жизни, что таким ослепительным звериным сиянием вспыхнула в Бурнове из "Пугачева" перед концом его. <...> И если Сергей Есенин поймет вместе с Бурновым, что "только для живых благословенны рощи, потоки, степи и зеленя", то он будет еще много и долго "звенеть в человечьем саду" своим звонким, крепким, сияющим стихом».

См.: 5 окт. 1922, третья запись.

Ноябрь, 22. Есенин находится в Луисвилле, где А.Дункан выступает в Macauley's Theater.

«22 ноября застало ее в Луисвилле, где она дала представление в сопровождении пианиста Макса Рабиновича».

И.Дункан и Макдугалл, 116.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3588) помещает анонимную заметку «"Блюстители морали" на концерте Дункан»:

«Индианаполис. Здешний мэр, Лю Шанк, показал себя ярким "блюстителем морали". Он отрядил на концерт известной танцовщицы Айседоры Дункан четырех полицейских, которым строго-настрого приказал не допустить никаких вольностей в костюме танцовщицы. Айседора Дункан вынуждена была вследствие этого урезать программу концерта.

— Айседора не может меня провести, — заявил благочестивый мэр Шанк. — Я понимаю в искусстве не меньше всякого другого в Америке... Единственное, что есть артистического в женщине, — это ее скромность».

См.: 17 (?) ... 20 (?) или 21 (?) нояб. 1922.

Берлинская газета «Дни» (№ 21) дает объявление книгоиздательства и книжного магазина «Ялкут» о поступлении в продажу книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

Варшавская газета «За свободу!» (№ 318) помещает объявление книжно-газетного товарищества «Наше слово» о полученных им последних новинках, в т. ч. книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

Ноябрь, 23. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3589):

— начинает перепечатку трактата М.Горького «О русском крестьянстве».

Это произведение впоследствии отзовется в «Железном Миргороде», где, поделившись своими положительными впечатлениями от внешнего и внутреннего устройства парохода «Париж», на котором он плыл в Америку, Есенин заключает:

«Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше. Вспомнил про “Дым отечества”, про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь” как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию. Народ наш мне показался именно тем 150 000 000-ым рогатым скотом, о котором писал когда-то в эпоху буржуазной войны в “Летописи” Горького некий Тальников».

Есенин, V, 266–267 (исходная редакция текста).

В статье Д.Л.Тальникова «При свете культуры», о которой вспоминает Есенин, таких слов нет (подробнее см.: Есенин, V, 407).

«<Однако> Есенин упомянул здесь М.Горького не только потому, что последний редактировал журнал “Летопись”. Более существенно, что в приведенном отрывке отразилась явная солидарность поэта с великим писателем как автором получившей в конце 1922 года шумную известность брошюры “О русском крестьянстве”.

Эта книжечка вышла в Берлине как раз в начале октября 1922 года, когда Есенин и Дункан уже прибыли в Америку. В конце ноября – начале декабря нью-йоркская газета “Новое русское слово” перепечатала ее целиком. Скорее всего, первое знакомство Есенина с этим сочинением состоялось именно по этой газетной публикации.

Не входя в подробности <...>, отметим лишь часть одной фразы из заключительного раздела трактата Горького. В ней говорится о “тяжелом русском народе, лениво, нерадиво и бесталанно лежавшем на своей земле”, о народе, “который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой”. Есенинский “стопятидесятимиллионный рогатый скот” является (в еще более заостренной форме) прямым продолжением горьковской характеристики.

Резкие, осудительные слова Есенина заставляют вспомнить его <обращенные к родине> строки 1917 года: “И горько проклинаю / За то, что ты мне мать” <Есенин, IV, 167>. Но и тогда, и теперь, в 1923 году, шли эти неистово-страстные упреки не от жгучей ненависти, но от безмерной и оттого мучительной любви к России...»

Субботин С. Есенин. Россия. Народ. – Журн. «Российская провинция», М., 1995, № 4, с. 26–27;

— помещает обзор Д.Д.Бурлюка «Русское искусство в Америке: С.Ю.Судейкин», где упоминается Есенин:

«Среди художников, находящихся сейчас в Америке, С.Ю.Судейкин является наружно “самым русским”. Недаром Н.Балиев считает его неотъемлемой собственностью своего единственного в Америке русского театра.

С.Ю.Судейкин, так же как и другие, биографией с 1917 года представляет материал, в котором следует разобраться. Война и революция заставили русских попутешествовать.

Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих плоть,
Из края в край в твоих просторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя гул,
Купая тело в ветре и пыли,
Как будто кто сослал их всех на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.

С.А.Есенин подметил в этом отрывке из “Пугачева” своего, что русские мечутся — по телу земли, не давая ей покой, более других. Одни, правда, без толку, без смысла. А С.Ю.Судейкин с пользой и для себя, и для иноземцев, и для родины, кою он демонстрирует вовсю».

В московской «Правде» (№ 265) — отклик В.И.Блюма «Сменовеховствующие эстеты» на № 1 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» с беглым упоминанием Есенина.

Резюме автора:

«...всё это предприятие с "Гостиницей" — выверт и изыск эпигонов эстетизма. "Господ на капусту потянуло" — захотелось поискать родного свинства, окунуться в самобытную неуместность, повернуться к буйному завтра задом, к собственному заду передом, бросить шикарный отель интернационального типа ради... "гостиницы" — с клопами, паутиной и сморкающимся в салфетку сонным половым. Да исполнится диалектически предустановленное превращение "прекрасного" в собственную противоположность».

См. также: 1 окт., первая запись; 4 дек. 1922; 16 дек. 1922, вторая запись; 22 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922; 11 ... 31 янв. 1923.

Ноябрь, 23 (?) — 30 (?). Есенин вместе с А.Дункан посещает города Милуоки (?), Канзас-сити, Сент-Луис.

«Оттуда <из Луисвилла> она совершила недолгое турне по более крупным городам, куда она была ангажирована и где ангажементы не были затем расторгнуты: Канзас-сити, Сент-Луис, Мемфис, Детройт, Кливленд, Балтимор, Филадельфия».

И.Дункан и Макдугалл, 116.

Хотя в этом перечне нет Милуоки, Г.Маквей всё же склоняется к тому, что указанный здесь маршрут в основном отражает истинное положение дел:

«Такая хронологическая последовательность кажется наиболее правильной. Сол Юрок <в своих мемуарах> упоминает Милуоки после Луисвилла, но раньше Мемфиса — возможно, Айседора из Луисвилла поехала на север в Милуоки, а потом на юг в Канзас-Сити, Сент-Луис и Мемфис, а уж затем далеко на север в Детройт, Кливленд и т. д.? Мери Дести также считает, что Айседора посещала Милуоки <см. ниже>».

IE, 284, примеч. 56.

М.Дести напишет (правда, поставив Милуоки сразу после Индианаполиса):

«Следующим пунктом гастролей Айседоры был Милуоки, и менеджеру пришлось предупредить ее, что если произойдет хотя бы малейшая неприятность, то ее дальнейшее турне прекратится и ей придется самой заниматься своими делами. Он не допускал к ней репортеров и, велев портье отеля отвечать всем, что Айседора нездорова, ухитрился сохранить порядок в течение суток. Затем еще некоторое время всё шло хорошо с небольшими исключениями, ведь для Айседоры так же естественно было говорить о том, что ее волнует, как и дышать, и хотя она немного говорила там, где танцевала, но в коротких беседах с репортерами, на многих частных приемах в ее честь взяла реванш».

Дести, 277.

Позднее И.Шнейдер изложит ту же версию:

«В Милуоки он <импресарио> не допустил к ней корреспондентов и объявил, что Дункан никого не принимает, но на банкете, где чествовали ее и Есенина, она опять высказалась всласть».

Шнейдер, 66.

Ноябрь, 24. В.Я.Брюсов выступает в московском Доме Печати с докладом «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», где упоминается Есенин.

Об этом свидетельствует одноименная статья В.Брюсова (см.: 28 нояб. 1922).

Газета «Накануне» (Берлин; № 193; рубрика «Книжный угол») публикует рецензию А.П.Вольского на берлинское издание поэмы Есенина «Пугачев»:

«"Пугачев" заслуживает не только отдельного издания, но и особого исследования. Это если не самый крупный, то один из самых многогранных алмазов в творчестве Сергея Есенина. Говорят, "Пугачев" — любимое произведение поэта, в создание которого он стремился вложить всю мощь своего блестящего таланта. Действительно, "Пугачев" ярок, грандиозен, неповторимо своеобразен. Здесь меньше всего поэт интересуется исторической правдой, ее реконструкцией или идеализацией. "Пугачев" как бы вне времени: так глубоко он символичен, стихиен, романтичен в титаническом значении этого слова. Вот почему он сильно выигрывает в исполнении с эстрады, особенно в захватывающем чтении самого Есенина. Нужно выявить всю скрытую энергию этого кованого стиха, этого сверхчеловеческого замысла, чего не сделаешь "черным по белому", при помощи мертвых типографских знаков. Вся поэма от начала до конца исполнена сгущенной, рвущейся на простор потенциальной энергией. Здесь важно не то, кто и о чем говорит, а как говорит, как вычеканивает поэт собственный конденсированный замысел, разбитый, как будто только для внешнего удобства, на мозаику действующих лиц. Постоянные повторения (послушайте, послушайте, послушайте; внимание, внимание, внимание, тысячу чертей, тысячу ведьм и тысячу дьяволов; а, Емельян, Емельян, Емельян… и пр.), эти упрямые аллитерации (отгулял, отстегал и отхвастал; экий дождь, экий скверный дождь; о, осень, осень и пр.) — всё это говорит о настойчивом, напряженном, повторном ударе, направленном в одну цель. Здесь слово — не столько способ выражения понятия или образа, столько сложная криптограмма, удар стального бича по напряженному вниманию. А вся поэма — сомкнутое ожерелье. Это бунт, пусть "бессмысленный и жестокий" для трезвого наблюдателя, но величественный, захватывающий и трагический для соучастника, каким невольно становится завороженный слушатель. У "Пугачева" есть недостатки: размах не всегда соответствует художественному достижению, и стремительность действия замедляется рассудочностью. Но разве это "недостаток" урагана, когда он несется неравномерно и сметает на своем пути не всё и не дотла? Если нужны оправдания, то они целиком даны уже в том, что "Пугачев" не имеет предшественников в русской поэзии, а под такой "пробой пера" не откажется подписаться самый крупный художник».

См. также: 24 июля … 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 20 дек. 1922; март 1923.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 314) помещает заметку Ив. Посошкова «Дом терпения» с упоминанием Есенина.

Автор, негативно отзываясь о сотрудничестве руководства «Дома искусств» с советской властью, выразившемся, по мнению И.Посошкова, в частности, в написании и рассылке председателем «Дома искусств» Н.М.Минским письма-протеста против публикации материалов о скандалах, произошедших в организации, цитирует этот документ:

«Мы горячо приветствовали Есенина и Маяковского, но не менее сердечно встречали Шкловского и Немировича-Данченко».

Далее И.Посошков пишет, что советская власть «одной рукой поддерживает в Берлине аполитичную культуру и посылает туда на аэроплане престарелую мессалину с молодым супругом-хулиганом, а другой рукой у себя в Москве душит остатки культуры и этапным порядком высылает в тот же Берлин, как «шпанку», цвет русской культуры».

Ноябрь, 26. В литературном приложении № 28 к берлинской газете «Накануне» (№ 195) печатается рецензия Н.И.Петровской на пятую книгу журнала «Красная новь», где говорится о Есенине:

«...молодой поэт Николай Тихонов ("Красная новь") в прекрасном стихотворении "Отпускной солдат" идет путем С.Есенина, углубляя и утончая эпос до проникновения чистейшей лирики. А тема всё того же порядка, вырванный голый кусок трагической русской современности <...>.

Литературный пейзаж новых русских поэтов весь исходит из пушкинской природы, и это особенно ярко в поэзии С.Есенина. Но когда нарушается ее прекрасное вечноголубое спокойствие, тогда слышится безумное исступленье самых низменных голосов тютчевского хаоса».

Ноябрь, 28. В Москве выходит в свет журнал «Печать и революция» (книга 4 (7) за сентябрь — октябрь) с материалами, где упоминается Есенин:

— обзором В.Брюсова «Вчера, сегодня, завтра русской поэзии»:

«...Дело футуризма за 1917–22 гг. выразилось преимущественно в деятельности Хлебникова, Маяковского, Пастернака, Асеева, Третьякова. Но из них только Маяковский всё время стоял на виду; Хлебникова едва знали вне круга товарищей; Пастернаком интересовались только пишущие стихи; Асеев и Третьяков жили вдали от центров, на дальневосточной окраине. Поэтому внимание критики и читателей концентрировалось вокруг другой группы, правда, вышедшей из футуризма, но резко себя ему противополагавшей. Мы говорим об имажинистах, вся деятельность которых заключена в грани от 17 года, — самого начала этого течения, по 22 год, когда это течение ослабло, неизвестно, с надеждой ли возродиться. К тому же имажинисты были из числа тех, которым и в бескнижные годы — 1919, 1920 — удавалось печатать и распространять не только сборники своих стихов, но даже и книги о себе ("Конница бурь", I и II, 1920; В.Львов-Рогачевский, "Имажинизм", 1921; И.Грузинов, "Имажинизма основное", 1921; В. Шершеневич, "2 x 2 = 5", 1921 и др.)

Отбрасывая <...> намеренные парадоксы (напр., требование, чтобы стихи были таковы, что всё равно читать их с начала к концу или с конца к началу), <...> можно получить главную мысль имажинистов: что поэзия есть искусство образов и ничего другого. Мысль эта была заимствована из теорий Потебни (ныне оспариваемых в науке), но имажинистами истолкована по-своему и доведена до крайности. Во-первых, это положение резко разграничивало имажинизм от футуризма: футуристы брали за основу слово, имажинисты — образ. Во-вторых, имажинисты делали вывод: если сущность поэзии — образ, то для нее второстепенное дело не только звуковой строй (напр., звучность стихов, их "музыка"), не только ритмичность и т. п., но и идейность. "Музыка — композиторам, идеи — философам, политические вопросы — экономистам, — говорили имажинисты, — а поэтам — образы и только образы". Разумеется, на практике осуществить такое разделение было невозможно, но теоретически имажинисты на нем настаивали. Понятно, что, чуждаясь вообще идейности, имажинисты отвергали и связь поэзии с общественной жизнью, в частности — отрицали поэзию, как выразительницу революционных идей. <...>

В общем, имажинисты в некоторых направлениях сделали ту же работу, как и футуристы: разрабатывали новую рифму, новые формы свободного стиха и т. д.; кое в чем продолжали и разработку языка, хотя много осторожнее. Что до самостоятельного

вклада в литературу, то им можно признать лишь одно положение, выставленное имажинистами позднее: необходимость поэта "организовывать" строй образов. Поэты других направлений (в том числе и футуристы) не обращали, сознательно, внимания на единство образов в одном произведении. Имажинисты поставили как принцип, что все образы должны быть подчинены основному стилю стихотворения. Эта мысль, по существу правильная, составляет самое ценное из того, что дали имажинисты, — притом уже не только в теории, но и на практике, в своих стихах. Между прочим, эта мысль была усвоена многими из молодых пролетарских поэтов и ныне входит в их созидающуюся поэтику»;

— обзором Н.Асеева «Художественная литература»:

«Были попытки отразить революцию в драматической форме и помимо Маяковского: "Пугачев" Есенина, "Оливер Кромвель", "Фома Кампанелла" А.Луначарского и другие. Но все такие попытки при большей или меньшей их значительности не вмещали в себе, не концентрировали напряженности современья. <...> Характерно, что большинство этих пьес вуалируют действие историческим отделением, они аллегоризированы или символизированы, они отказываются говорить языком настоящего, осмеливаясь лишь из временнóй перспективы передразнивать в более или менее удачных гримасах мучительные судороги наших дней. <...>

Возьмем ли мы поэзию Есенина или прозу Пильняка — писателей, значительность которых выявилась за эти пять лет, — перед нами развороченное поле языка, стиля идеологических симпатий; еще нет укрепившихся ростков цельного, растущего и убедительного в своем росте миросозерцания. Есть глыбы, межи, увалы глубоко взрытого темперамента, есть отваленные комья свежего, жирно-блестящего, плодородного чернозема»;

— рецензией Б.Арватова на берлинский журнал «Вещь», № 1, 2 и 3:

«"Вещь", хорошо иллюстрированная произведениями левых художников, помещает много стихов (Маяковского, Асеева, Есенина, Вильдрака, Ромена, Ив. Голл<я> и других). Печатается журнал на 3-х языках: русском, немецком и французском <издания на двух последних языках не выявлены>. Его типографский монтаж в соответствии с идеями "Вещи" сработан в стиле новейших технических изданий».

О времени события см.: Галушкин-2005, 2, 604.

В Москве выходит журнал «Театр и музыка» (№ 9) с материалами, где говорится о Есенине:

— заметкой без подписи в рубрике «Московская хроника»:

«Театр революции. Театром приступлено к репетиции "Пугачева" Есенина. Ставит В.Э.Мейерхольд»;

— рецензией на книгу А.Мариенгофа «Заговор дураков: Трагедия» — «Первые революционеры» (подпись: Ун.):

«Оригинален и плодотворен замысел трагедии Мариенгофа: если Есенин в Пугачеве искал первого зачинателя революционных восстаний, то урбанист Мариенгоф первых "бланкистов" — заговорщиков против царизма — находит в шутах-дураках, потешавших самодур-цариц Анну Ивановну и ее приспешников и сопалачей — Остерманов, Бирон, Минихов и Ушаковых...

Трагедия Мариенгофа несомненно знаменует благостный перелом в его творчестве. От кричащей и фокусничающей "Кондитерской солнц" чрез снобистское "стихотворное

чванство" и "развратничаю с вдохновением", когда "руки галстухом" душили большую тему и величаво-простое творческое слово, поэт пришел к интуитивному углублению исторического "вчера" и к лирическому предвосхищению революционного "завтра".

Правда, и сейчас сильно влияние Сергея Есенина, которому, кстати, посвящена трагедия, и, например, такие строки, как —

Приходит осень. Жесткой лапищей
Коричневые косы туч суровый ветер рвет — (стр. 45)

конечно, навеяны "лапкой ветра", дующего из есенинского "Пугачева", — но влияние это можно только приветствовать, поскольку от самоцельного нанизывания образов и надуманного изобретательства "изысков" оно привело поэта к углубленному проникновению в человека и эпоху.

Но Мариенгоф — не только умный ученик и даровитый последователь Есенина, он превзошел своего учителя мастерским воплощением трагедии первых заговорщиков, энергией драматического движения, разнообразием и своеобразием сценических положений. Особенно сильное и яркое впечатление оставляет второе действие, где на поминальном пиршестве по издохшей кляче "дураки"-заговорщики, шутовствуя, бичуют смертельно диктатуру "кучера" и истерички. Здесь смешное вакхически сплетается с трагичным, шутовское с пророческим и "кандальные песни каторжан" — с юмором висельников. В этом двойном отсвете — отчаянного шутовства и шутовского отчаяния — трагедия обретает особенную значительность и тонко сквозящий революционный смысл».

Ноябрь, 29. Литературно-художественный кружок г. Осташкова (Тверская губ.) устраивает литературный суд над имажинизмом, где наряду с произведениями других имажинистов обсуждаются произведения Есенина.

Крусанов, 2, 132.

Из отчета:

«Имажинизм (образность) как одно из новых направлений в современной литературе, левые представители которого изгоняют даже содержание из своих произведений, был признан непонятным и чуждым для широких масс. Разбирались произведения Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа и местных представителей имажинизма».

К. Б. Суд над имажинизмом. — Газ. «Красная волна», Осташков, 1922, 6 дек., № 99.

Ноябрь, 30 (?) ... Декабрь, 1. Есенин и А.Дункан прибывают в Мемфис.

См.: 1–4 дек. 1922.

Ноябрь. В Калуге выходит литературно-художественный двухнедельник «Корабль» (№ 5–6, за ноябрь) с материалами о Есенине:

— статьей Вл. Королева «Русское стихотворчество XX века (Опыт путеводителя по современной русской поэзии)»:

«Футуризм своим бурным разбегом несколько заглушил возникшую в то время неокрестьянскую поэзию в лице Н.Клюева, С.Есенина, П.Орешина, С.Клычкова, А.Ширяевца. <...>

Из всех этих неокрестьянских поэтов Николай Клюев особенно обогатил книжную русскую поэзию многими народностями, получившими новую прелесть среди ветхого обывательского языка.

Пришел в поэзию и рязанский светловолосый отрок Сергей Есенин, который подлинно "из трав сплетает книги, слова трясет с двух пол"; который настолько же буен и задорен, насколько мудр и ласков Николай Клюев. <...>

Бунтарские дни последних великих годов особенно ярко высказали <так!> подлинную силу этих поэтов»;

— объявлением о выходе в берлинском издательстве «Скифы» книг:

«А.Белый и С.Есенин. Россия и Инония. 1922 <так!>.

С.Есенин. Триптих. Поэмы. 1922 <так!>».

Ср.: до 21 нояб. 1920.

Ноябрь (?). В Новониколаевске (ныне — Новосибирск) выходит № 4 журнала «Сибирские огни» (за сентябрь-октябрь) со статьей В.П.Правдухина «Пафос современности и молодые писатели», где о Есенине говорится:

«Будем помнить, что в нарочитом имажинизме, символизме, футуризме мы не найдем спасения и выхода к широким далям искусства, и мы видим, как от них постепенно уходят настоящие художники, наприм<ер>, Есенин, который тремя стихотворениями "Волчья гибель", "Не жалею, не зову, не плачу..." (№ 2 — "Красная новь", 1922), "Всё живое особой метой отмечается с ранних пор" (кн. 3, "Красная новь", 1922), сразу — звериным прыжком, — послав к черту свои прежние камерные упражнения, которые нужны лишь бездарным Шершеневичам, очутился опять на свободе и вновь обрел себя, словно снова родился:

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
"Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет"».

Ноябрь — Декабрь. Переводчик русской поэзии на польский язык (известен лишь под криптонимом P. S.) предлагает варшавскому журналу «Skamander» опубликовать его переводы из П.Орешина, А.Блока и С.Есенина.

Событие устанавливается и датируется по ответу редакции журнала на предложение переводчика (журн. «Skamander», Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXVII, с. 614).

См.: дек. 1922, третья запись.

Декабрь, 1–4. Чета Есениных находится в Мемфисе.

Г.Маквей, опираясь на воспоминания С.Юрока, полагает, что А.Дункан танцевала в Мемфисе 1 дек. (см.: IE, 128, 284, примеч. 57) и оставалась там по 4 дек., согласно нижеследующему сообщению:

«Айседора Дункан, чьи танцы в полуобнаженном виде только что вызвали возмущение в Бостоне и Чикаго, объявила в понедельник <т. е. 4 дек. 1922> в Мемфисе (штат Теннесси), что в сочельник она будет танцевать в епископской церкви Св. Марка в Бувери в Нью-Йорке, а также выступит с проповедью "О благотворном воздействии танца на душу человека". Как сказала мисс Дункан, ее танцевальное представление пройдет под звуки церковного органа. Она добавила, что уже получила приглашение преподобного Уильяма Нормана Гатри, настоятеля храма».

Газ. «The New York Times», 1922, 6 Dec. (цит. по: IE, 128; перевод А.П.Шишкина).

См. также: 9 дек. 1922.

Этот проект не осуществился (см.: 23 дек. 1922).

С.Юрок вспомнит такой эпизод пребывания путешественников в Мемфисе:

«Однажды вечером во время гастролей она, Есенин и Владимир Ветлугин выехали из Мемфиса и поужинали за городом в придорожном ресторане, изрядно выпив запрещенного тогда алкоголя. Есенин, как водится, стал неуправляем, произошла шумная ссора, и Айседора с Ветлугиным взяли единственное такси и уехали назад в город, оставив поэта в смокинге сидеть под проливным дождем. Он вернулся в Мемфис пешком по колено в грязи и приполз в гостиницу утром очень запачканным».

Цит. по: IE, 129 (перевод А.П.Шишкина).

Декабрь, до 2. Польское издательское товарищество «Watra» (Варшава) выпускает сборник «Nowa Poezja Rosyjska» (на тит. л.: 1923), в составе которого — переводы первой части поэмы Есенина «Преображение» и его стихотворений «Табун», «Нивы сжаты, рощи голы...», «Отвори мне, страж заоблачный...».

Событие и его граница устанавливаются по рецензии на сборник (см. след. запись).

Фрагмент «Преображения» переведен В. Денгофом-Чарноцким (см. также: дек. 1922, вторая запись). Им же переведен «Табун», а переводчиком остальных стихотворений является Л. Подгорский-Околув (Пиотровский, 23).

Из неподписанного издательского предисловия (автор — Л. Подгорский-Околув: Пиотровский, 25):

«Настоящая книга является у нас первым опытом изображения в переводах духовного облика прекраснейшей лирики в мире — современной лирики русской.

Большинство авторов, стихотворения которых помещены в книге, за исключением, быть может, Бальмонта и Брюсова, переводимых и ранее на польский Ю.Тувимом, было мало доступно или даже совершенно неизвестно до сих пор широкому кругу польских читателей. Кое-кто слыхал, конечно, кое-что об "апофеозе большевизма" в произведениях Блока, о кощунстве и других ужасах в произведениях Мариенгофа и Есенина, но никто в то же время не слыхал о самом важном, а именно о том, что в этих произведениях рядом с несомненными странностями сверкает чистейшая струя вечной красоты в новых и бесконечно разнообразных образах и формах».

Цит. по рецензии (см. след. запись); перевод Е.С.Шевченко под ред. Ежи Шокальского.

См.: 2 дек. 1922; 31 марта 1923; апр. 1923, вторая запись.

См. Приложение.

Декабрь, 2. Варшавская газета «За свободу!» (№ 321; рубрика «Литературная хроника») помещает отклик Е.С.Шевченко «Созвучья» (с упоминанием Есенина) на сборник «Nowa Poezja Rosyjska» в переводах польских поэтов А.Вертинского, Ю.Тувима, Я.Ивашкевича, В.Денгоф-Чарноцкого, Л.Подгорского-Околува и др.

Автор, положительно оценивая современную ему поэзию «свободной воскресшей Польши», пишет о польских поэтах — переводчиках с русского языка, познакомивших читателей с ранее неизвестными произведениями. По мнению критика, рецензируемый сборник не дает представления о новой русской поэзии:

«И вот переведены на польский стихотворения Брюсова, Бальмонта, А.Белого, Сологуба, Блока ("Двенадцать"), Цветаевой, Ахматовой (наибольшее количество стихотворений). Есть, конечно, Эренбург, Есенин, Шкапская. Переведены Сидоров, Несмелов, Орешин и др., но почему-то нет Северянина, Кузмина и, самое главное, нет Гумилева. И почему это Маяковский представлен этой самой — "Lewa marsz" <"Левый марш">?»

См.: до 2 дек. 1922; 31 марта 1923; апр. 1923, вторая запись.

Декабрь, до 3. В Берлине выходит журнал «Веретёныш» (№ 3, за ноябрь) с анонимной заметкой «У нас в саратовской...», где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по объявлению о поступлении номера на центральный книжный склад «Образование» (Нак., 1922, 3 дек., № 201).

Начало заметки:

«Раньше на Россию принято было валить как на мертвую. У редкого беженца не было "именья у нас в саратовской" и дома на Литейном.

Теперь, когда в Россию и "к нам в саратовскую" идет почта, — начались всякие неожиданности.

Так, в № 3 московского журнала "Рупор" читаем... <далее следует перепечатка отклика из указанного издания (см.: авг. ... сент. 1922) на берлинское интервью Есенина газете «Накануне» (см.: 16 мая 1922, третья запись)>».

Декабрь, до 4. В Петрограде выходит журнал «Современное обозрение: Литература. — Театр. — Искусство. — Жизнь» (№ 2, за ноябрь) с автобиографией Есенина.

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 612.

Перепечатка осуществлена без ведома автора по НРК (1922, № 5). При этом в тексте появились неточности; кроме того, сделаны неоговоренные купюры и дополнения.

См.: 14 мая 1922; 5 ... 24 июня 1922; 30 июля 1922;18 авг. 1922; 17 сент. 1922.

См. также: Есенин, VII (1), 8–10, 377–393.

Декабрь, 4. Вечерний выпуск петроградской «Красной газеты» (№ 58) помещает рецензию Л.М.Василевского на № 1 журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (подпись: Л.Вас-ий):

«...материал журнала в большинстве отрывочный и безответственный какой-то. <...> Очень раздражает обилие семейного материала: стихи Есенина "Прощание с Мариенгофом", интимные письма того же Есенина к тому же Мариенгофу и другим лицам. Все эти Толеньки, Толики, Сашуры и др. — провинциализм дурного тона и почти наглость. <...> Ах, если бы нашлись скупые читатели-покупатели и не поощряли подобной "поэзии"».

См. также: 1 окт., первая запись; 23 нояб. 1922, вторая запись; 16 дек. 1922, вторая запись; 22 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922; 11 ... 31 янв. 1923.

Декабрь, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 23 и 25. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3600, 3601, 3604, 3605, 3607–3610, 3612, 3615, 3619 и 3621) дает объявление о продаже книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922) в своем книжном складе.

Текст объявления см.: 11, 14, 16, 18, 20 и 25 нояб. 1922.

См. также: 1, 3 и 22 янв. 1923; 8 и 22 февр. 1923; 5, 6, 13, 20 и 22 марта 1923.

См. Приложение.

Декабрь, 5 (?) ... 7 (?). Есенин вместе с А.Дункан едет из Мемфиса в Детройт.

См.: 1–4 дек. 1922; 8 дек. 1922.

Декабрь, 8. В 8 часов 30 мин. вечера — выступление А.Дункан в Orchestra Hall Детройта под музыку Ф.Листа и А.Н.Скрябина.

Событие устанавливается по печатной программе выступления, предоставленной Г.Маквеем. См. Приложение.

Декабрь, 9. Есенин и А.Дункан прибывают в Кливленд.

Дата устанавливается по событиям предыдущего и следующего дней (см. соответствующие записи).

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3605) сообщает:

«Известная танцовщица Айседора Дункан выступит с речью в нью-йоркской епископальной церкви, Ст.-Марка-на-Баури (Секонд аве. угол 10-ой ул). Дункан будет говорить на тему "Моральное действие танцев на человеческую душу".

Дункан сейчас находится в Мемфисе, Инд., где ею было получено приглашение от пастора вышеупомянутой церкви, д-ра Виллиама Гутри, выступить с речью накануне Рождества пред прихожанами, Дункан приняла это предложение».

См. также: 1–4 дек. 1922; 23 дек. 1922.

Декабрь, до 10. В Кливленде печатается программа выступления А.Дункан в этом городе (10 декабря).

IE, 129, 285, примеч. 60.

См. Приложение.

Это выступление анонсируется как последнее в Америке. Сопроводительный текст программы заканчивается словами:

«Выйдя замуж за молодого русского поэта, мисс Дункан сама стала "иностранкой" и потому не без труда смогла провести обещанное турне. Нам известно, что муж мисс Дункан, Сери <так! — букв. Seree> Есенин в настоящее время обращается за получением американского гражданства, чтобы они оба могли действительно стать американцами».

Цит. по: IE, 130 (перевод С.И.Субботина).

Г.Маквей ставит эту информацию под серьезное сомнение:

«Кажется совершенно невероятным, чтобы "Сери Есенин" мог даже думать о получении американского гражданства!»

IE, 285, примеч. 60 (перевод С.И.Субботина).

Под маркой издательства «Московский рабочий» в Ростове-на-Дону выпускается сборник «Революционный чтец-декламатор / Сост. Иннокентий Крашенинников и под ред. Зинаиды Чалой» со стихотворениями Есенина «В том краю, где желтая крапива...» и «За темной прядью перелесиц...» и его поэмой «Товарищ».

Граница события устанавливается с учетом рецензии на сборник в журнале «Печать и революция» (№ 8, за нояб.-дек. 1922), редактирование которого было закончено 10 дек. 1922 (Галушкин-2005, 2, 619).

Из предисловия редактора:

«В сборник включаются лучшие из пролетарских поэтов — Герасимов, Кириллов, Александровский, футуристы — Маяковский, имажинисты — Мариенгоф, Есенин, символисты — Брюсов, старые народники прошлого века — Некрасов, Никитин, а также наиболее известные нам революционные поэты других стран <...>.

Редакция в данном случае не примыкала ни к одной из вышеуказанных групп, сохраняя полное беспристрастие и независимость от каких бы то ни было формальных доктрин поэтического творчества. Мы преследовали одну-единственную и главную цель: у каждого из лучших поэтов того или иного толка взять то революционное, что у него имеется, наиболее художественное, яркое».

Ср.: после 19 апр. 1922.

См. также: Юсов-94, 95.

В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 8; за ноябрь-декабрь) с материалами о Есенине:

— статьей Н.Н.Асеева «II. “Избяной обоз” (О “пастушеском” течении в поэзии наших дней»):

«Мы выбираем из всех поэтов “сельской ориентации” наиболее даровитого, дееспособного и не окристаллизовавшегося еще в формах группового “стиля”. Мы говорим о С.Есенине, чьи строфы и строки часто свидетельствуют о подлинно-свежем поэтическом даровании, но еще чаще — о насильственном отклонении от пути современного поэта в дрему и глушь стародавнего, замшенного и заплесневелого быта вчерашнего дня, который С.Есенин атавистическими инстинктами поэта-собственника хочет всеми правдами и неправдами теоретических рассуждений охранить от вторжений новых форм людских взаимоотношений.

Творчество Есенина достаточно популярно в кругах читающих стихи, чтобы характеризовать его детально. Скажем только, что в одной из последних его известн<ых> нам вещ<ей> — “Пугачеве” — его облик затеняется еще облачней тяготением к этому формальному преобладанию “духа” над “материей”, к этой идиотично-хитроватой ухмылке юродивого, бормочущего упрямо и самовлюбленно истины, вычитанные во всевозможных “Триодях” и “Цветниках” и слегка модернизированные под современные. Эта черта работы Есенина сквозит в большинстве сделанного им. Символика природы, быта и чувств по образу загадок и пословиц, злоупотребления книжным “орнаментом”, не переплавленным творческой изобретательностью, и подпадение под аллегорию и условность своеобразного “народного” символизма тяжелят и одервеняют пластичность и гибкость самостоятельных смысловых и мелодийных построений С.Есенина. Но воздержимся от общих укоров и подойдем к поэту вплотную.

Перед нами — выпущенные из<дательст>вом “Скифы” в Берлине поэмы С. Есенина “Триптих”. Может быть, это и не самое характерное из того, что написал Есенин, но характерно, что эти стихи изданы берлинскими “Скифами”. Ведь ни Маяковского, ни Гастева, ни Казина “Скифы” не издадут; не издадут не потому, что считают их менее талантливыми или менее популярными, а именно в силу идеологической враждебности к ним. Что же нашли “Скифы” в есенинских поэмах близкого, что они считают необходимым распространять и популяризовать через свое издательство?

Раскрываем книжку и с первого слова натыкаемся на “Господи, я верую!”

К этому первому “крестьянскому” восклицанию подобран весь словарь трех объединенных в “Триптих” поэм.

Церковно-славянский, великопостный, с поджатыми губами словарь этот весьма отдает священным саном колупаевского дьячка и, очевидно, и приводит в умилительно-издательское настроение “Скифов”. “Попрать”, “чрево”, “воззреть”, “воитель”, “ризы”, “ветхое деньми”, “октоих”, “преполовение”, “узрел”, “прозри”, “вижди”, “вострубит”, “плат”, “среброзлачный”, “ладья”, “лоно” и т. п. “ветхая деньми” псалтырь фольгой золотит усердную иконопись скифского величавого храма, подмалевать стершиеся ризы которого, очевидно, доверено С.Есенину. Но, может быть, словарь этот подходит к общей структуре поэм? Без него, быть может, не обойтись Есенину, как Лескову без его “словечек”? Ничуть. Думаем, даже при условии посвящения поэм А.Белому, С.Есенин мог бы сделать более тщательную “подмалевку” всех введенных в “Триптих” — “приснодев”, “христов”, “Симонов-Петров” и др. не менее византийских опор своего лирического пафоса, особенно принимая во внимание автобиографические подробности московской жизни Есенина с колкой икон на растопку самовара. Мы не раз-

гадыватели чужих мыслей и намерений, и если Есенину нужно было для чего-то связаться со "Скифами", въехав к ним с собственным иконостасом, то мы вправе поставить это в прямую связь с идеологическим credo поэта, как бы он ни уверял заграничных рецензентов, что он "гораздо левее большевиков".

Стихи "Триптиха" ниже среднего уровня: <далее приводятся (как примеры) строфы из "Пришествия" и "Октоиха">

Единственное хорошее стихотворение — "Не потому ль в березовых кустах поет сверчок..." испорчено вялыми строками: "он про глагол судьбы" и "озлатонивить мрак". В общем поэмы "Триптиха" представляют собою ряд ничем не связанных, кроме "священного акцента", стихов — далеко не из лучших достижений Есенина. Мы бы и не останавливались над книжкой так внимательно, если бы она не была подтверждением некоторых теоретических положений того же поэта, собранных в другой его книжке, носящей столь же мистическое название: "Ключи Марии". <...>

Насколько нам известно, "Ключи Марии" не заслужили внимания тт. критиков, а между тем они заслуживают его не в меньшей степени, чем пастушеское происхождение нашего поэта, на которое, главным образом, устремлено внимание критики, больше всего, кажется, жаждущей "чуда" и "явления" внезапно открывшегося дарования.

<...> в "Ключах Марии" талантливый поэт стоит на распутьи, и в зависимости от правильной критики может двинуться или в глушь формального метода, внешней мистики индивидуалистического крохоборства, либо выйти на подлинный путь современья.

В декларации своей С.Есенин исходит от орнамента. Он истолковывает его как данное и закрепленное свидетельство творческого начала быта народного, объединяющего страны и эпохи и просквожающего от далеких времен пастушеского быта до наших дней. Так, образ дерева-"древа" и в начертательном и в словесном образе хранит традицию патриархата (а в современном понимании, очевидно, "патриотизма"), отзываясь и в легенде о дубе Маврикийском, и в скандинавской Иггдразили — поклонении Ясеню и т. д.

Отсюда С.Есенин видит в орнаменте единственный живучий стимул преемственности творчества и для современья. А так как орнамент этот, через который народ осознавал и конкретизировал себя в мире, сохранился — в виде ли коньков на крышах, петухов на ставнях, цветов на постельном белье, или в образах народной словесности, — живет только в том пастушеском быту деревни, который сохранился в России, то из этого делается вывод, что только "пастушеское" миросозерцание, возвращение к истокам народной фантазии — даст силу и крепость искусству будущего».

Далее, анализируя значение, придаваемое Есениным слову «пастух», Н.Н.Асеев замечает, что понятие «орнамента» весьма осторожно ставится здесь на место «символа» и делает вывод:

«"Ключи Марии" остаются теми же "ключами тайн" символизма потебне-беловского уклона. И, исходя из правильного положения о необходимости внимательного изучения приемов народного творчества, С.Есенин, в стремлении своем покончить со всяким иным организующим началом работы, приходит к торжественно-обличительному тону "жреца", мистагога и хранителя ключей храма.

Нельзя сказать, чтобы тон этот удалось ему выдержать. Чаще всего он впадает в фальшиво-пифийскую безапелляционность Мартына Задеки <...>

Смесь "пастушеской" наивности с натягиваемой на лицо миной мистической торжественности проглядывает на каждой странице книги. Вычитанное в старинных "лествицах", заполнившееся из трудов Потебни, Буслаева, Стасова, — всё это, отлакированное в поэтической мастерской бело-блоковского символизма, заварилось кашей в горячей голове талантливого пастушонка, давно уже, впрочем, оставившего стада и предпоч-

тившего для собственного употребления хороший аэроплан системы хотя бы Фоккера. Но по "Ключам Марии" разве можно предположить, чтобы Есенин передвигался иначе как на собственных утомленных ноженьках по тем лугам, где "растут цветы целителя Пантелеймона"? <...>

И мистика начинает походить на мистификацию, когда из-за простоватых черт пастуха начинает проглядывать смышленый и хитроватый взгляд прикидывающегося юродивым парня. <...>

Всё дело в том, что С.Есенин хочет отпихнуться, во что бы то ни стало, от классового самоопределения. Как хитрый деревенский парень, он чует, что борьба еще не кончена. И, не желая терять в своей поэтической дороге ни пяди, он пытается пройти прямиком мимо тягот и черной работы поэтов нашего поколения. Вот потому-то ему:

..."так и противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусства, она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове" <...>

Мы, конечно, далеки как от дружеского захваливания Есенина, так и от огульного осуждения всей работы С.Есенина, но мы должны констатировать огромную опасность для этого талантливого поэта в его пристальном всматривании в "орнамент" древности — испортить свои живые глаза, до потери ими способности улавливать движение жизни.

На примере Есенина, нам думается, отразились все наиболее острые и характерные черты современного тяготения к "пастушеской", крестьянской психологии той группы поэтов, которая склонна противопоставлять себя иному течению современной поэзии, пытающемуся оформить и очистить все виды трудовых процессов до ощущения в них себя человечеством, освобожденным и пронизанным радостью вольного труда»;

— «Списком книг и журналов, полученных редакцией для отзыва», где значится книга Есенина «Избранное» (М.: Госиздат, 1922).

О границе события см.: Галушкин-2005, 2, 619.

Декабрь, 10. В Кливленде Есенин присутствует на выступлении А.Дункан.

Двумя днями позднее поэт Х.Крейн (H.Hart Crane) в письме к другу подробно расскажет о том, как проходило это выступление танцовщицы, и о своих впечатлениях от него (текст письма см.: IE, 130–131).

Берлинская газета «Дни» (№ 36) помещает объявление книготоргового акционерного общества «Логос», где в перечне новых книг издательства З.И.Гржебина значится: «С.Есенин. Книга стихов. 2. — <т. е. 2 марки>».

Харбинская газета «Заря» (№ 277) публикует анонимную заметку «Дункан в Америке» с упоминанием Есенина.

Это — перепечатка (почти без изменений) информации из берлинской газеты «Голос России» (см.: 10 окт. 1922, третья запись).

См. также: Николаев, 55–56.

Декабрь, 10, 24 и 31. Берлинская газета «Дни» (№ 36, 48 и 52) помещает объявление издательства «Мысль» о выходе в свет и поступлении в

продажу выпусков «Общедоступной библиотеки “Книга для всех”», в том числе:

Вып. 2–3. «Поэзия большевистских дней (Блок, Эренбург, Есенин, Каменский, Шершеневич и др.)».

См.: до 19 янв. 1921; 19, 20, 22, 26 и 28 янв. 1921; до 24 февр. 1921; 5, 7, 11, 14, 20 и 27 мая 1921; 4, 11, 18, 20 и 25 авг. 1921; 1, 13, 25 и 28 окт. 1921; 22 и 31 дек. 1921; 11 апр. 1922; 4 и 7 мая 1922; 28 мая 1922, четвертая запись; 5 ... 24 июня 1922; 10 и 15 окт. 1922; 29 окт. 1922, вторая запись; 2, 5, 22 и 26 нояб. 1922.

Декабрь, 11. Американская газета «Cleveland News» печатает беседу Арчи Белла с А.Дункан под шапкой «Айседора и муженек разговаривают друг с другом очень немногими словами. Они не имеют общего языка, но танцовщица восхваляет до небес своего супруга и русские “Советы”»:

«Айседора Дункан <...> прибыла в Кливленд со своим мужем поэтом Сергеем Есениным и танцевала в Public Hall перед 9-тысячной аудиторией прошлым вечером.

Она приняла меня в своих гостиничных апартаментах. “Есенин” — как она его называет — войдя, низко поклонился, в то время как его жена говорила: “Это величайший поэт со времен Пускина <так!> и Гоголя, как считают русские”.

Я готов был ей поверить, поклонился и сел.

— Автомобиль? — спросила мисс Дункан.

— Автомобиль, — ответил Есенин и ушел. Он собирался подышать свежим воздухом. Так, к удивлению, выяснилось, что муж и жена не могут разговаривать друг с другом. Поэт говорит только по-русски, и хотя танцовщица владеет несколькими языками, русский — не из их числа.

— Язык любви универсален? — спросил я.

— Любовь в отношениях между народами гораздо важнее любви между отдельными людьми, — ответила она.

— Но вы женаты?

— Да, Есенин и я поженились, когда решили поехать в Америку, страну свободы. Это нужно было обязательно сделать для совместного путешествия. Он гений. Бедный мальчик, он думал, что приехал сюда, чтобы донести до моей страны послание молодой России <см.: 2 окт. 1922, вторая запись>, но, увы, принимать это послание моя страна не желает. <...>

— Ваш муж пишет стихи здесь, в Америке? — спросил я.

— Да, бедный мальчик (ему двадцать шесть), он пишет, но прячет их от меня и никак не позволяет мне узнать, о чем они. Говорю вам, через пятьдесят лет Есенин, которого вы только что видели, будет самым знаменитым поэтом в мире.

— Вы читаете по-русски?

— Нет.

— И тем не менее знаете, что его поэзия превосходна?

— Да.

И тогда я снова подумал о муже и жене, которые не могут разговаривать друг с другом. Иногда они пытаются делать это, и, когда не получается, зовут русского переводчика, путешествующего вместе с ними.

— Вы верите в институт брака?

— Нет, и никогда не верила. Я презираю бумажку, которая гласит: “Вы женаты”. Всё это — фикция.

Муж Есенин — самый белый из всех белых людей, каких я видел. Лицо его — цвета снега. "И тем не менее, он был солдатом и он очень сильный, — сказала его жена. — Говорю вам, он гений".

Мисс Дункан повторяла: "В моей собственной стране мне не разрешают рассказывать о моей школе, но, пожалуйста, не сможете ли вы попросить тех, кто захочет помочь накормить пятьдесят детишек, которым очень нужна пища, отослать что-нибудь в Школу Айседоры Дункан, Пречистенка, 20, Москва, Россия?"».

Сообщено Г.Маквеем (перевод А.П.Шишкина).

Еженедельник «Факел: Литературный понедельник Царицынского отделения Всерос<сийской> Ассоц<иации> пролет<арских> писателей» (№ 1; рубрика «Литературный блокнот») извещает:

«"Гостиница для путешествующих в прекрасном" — московский журнал-ежемесячник; участвуют Есенин С., Мандельштам, Мариенгоф А. и др.».

Декабрь, 12. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3608) перепечатывает стихотворение Есенина «Песнь о собаке» и дает объявление, что в редакции продается книга поэта «Пугачев» (Берлин, 1922).

А.Дункан выступает в Балтиморе. В зале — Есенин.

IE, 131.

Еженедельник «Художественный Саратов» (№ 3, за 12–17 декабря) публикует статью Б.М.Соколова «Жизнь зовет», где говорится о Есенине:

«Жизнь за эти пять лет — не просто движение, а быстрый беспрерывный бег. Жизнь почти каждого и жизнь всей России. С легкой руки Гоголя будущая жизнь России представлялась быстрой несущейся тройкой, но для нашей эпохи этот образ слишком недостаточный, слабый. Что тройка? Она была уместна тогда, когда было кому слушать однозвучный колокольчик. Теперь его не услышишь — да и нет в буре жизни этой однообразности. Нужны другие сравнения! Наш современный поэт почувствовал, что наше время летит не на тройке, а коней обогнала более быстрая "стальная конница". Есенин обращается к скачущему за поездом жеребенку:

Милый, милый, смешной дуралей!
Ну куда он, куда он гонится?
Разве он не знает, что степных коней <так!>
Победила стальная конница!..

И чувствуем мы, что и этот образ "поезда" слаб для передачи пережитого периода, с его частым темпом, с его быстротой, тем более что невольно может ослабиться ассоциацией с "максимом", так раздражающим нашу жажду быстроты в передвижении...

Не со "стальной конницей" хотелось бы сравнить проносящуюся эпоху, а с лётом "стальной птицы" — аэропланом».

Декабрь, 13–15, 19, 20 и 30. Московские «Известия ВЦИК» (№ 282–284, 287, 288, 297) помещают объявление об издании с 1 января 1923 года иллюстрированного литературно-художественного еженедельного журнала «Красная нива» с участием Есенина.

См.: 20, 25 и 28 февр. 1923; 9, 15 и 18 марта 1923.

Декабрь, 13 (?) ... 18 (?). Есенин и А.Дункан возвращаются в Нью-Йорк.

Предполагаемая нижняя граница события устанавливается на основе второй записи 12 дек. 1922 (см.), а его верхняя граница — в соответствии с ожидаемым появлением Есенина на публичном мероприятии в Нью-Йорке (см.: 19 дек. 1922, первая запись).

Не исключено, что в этот же промежуток времени (но до приезда в Нью-Йорк) А.Дункан выступила еще и в Филадельфии: в маршруте танцовщицы, обозначенном И.Дункан и А.-Р.Макдугаллом, этот пункт назван после Балтимора (см.: 23 (?) — 30 (?) нояб. 1922).

Декабрь, 15. В Москве выходит журнал «Эхо» (№ 4) с поэмой Э.Я.Германа «Орда».

Ее третья глава открывается обращением к Есенину, изображенному здесь же на двух иллюстрациях (художник Г.П.Гольц).

Отклик см.: 11 ... 31 янв. 1923.

См. Приложение.

Декабрь, 16. Парижская газета «Последние новости» (№ 816) под заголовком «Лекция А.Я.Левинсона» информирует:

«Сегодня, в 3 ч. дня, прив<ат>-доц<ент> А.Левинсон возобновляет свои курсы "La littérature russe de nos jours <Современная русская литература>". Тема лекции: Клюев, Есенин — Сорбонна, амфитеатр Кинэ».

Отклики на лекцию не выявлены.

Варшавская газета «За свободу!» (№ 332) помещает материалы с упоминанием Есенина:

— рецензию Д.В.Философова на 1-й и 2-й выпуски берлинского ежемесячника «Эпопея» (рубрика «Литературная хроника»):

«Да, старый мир рушится, да, мы живем в предчувствии великой эпопеи. Но выбор все-таки надо сделать. Только в сумерках все кошки серы. Уж слишком много кошек для Белого стали серыми... О Бухариных и Троцких или, обращаясь к "литературе", о Маяковских, Есениных он молчит, а Кусикова в своей "Эпопее" даже печатает. Может быть, даже "Серапионовы братья" ему стали близкими. А вот на Мережковских, которым он столько обязан, он обрушивается всей силой своего огненного слова.

Тут что-то неблагополучно»;

— анонимную информацию:

«Издательство "Вольница" выпустило в Москве № 1 журнала "Гостиница" с произведениями Есенина, О.Мандельштама и др. Следующий номер после "Гостиницы" будет называться, вероятно, — "Кабак", затем еще как-нибудь в этом же роде — "всё впереди и глубже..."».

См. также: 1 окт., первая запись; 23 нояб. 1922, вторая запись; 4 дек. 1922; 22 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922; 11 ... 31 янв. 1923.

Декабрь, 17. Берлинская газета «Дни» (№ 42) дает объявление о наличии на книжном складе «Грани» книги: «С.Есенин. Пугачев: Поэма. М. 1.80».

Декабрь, 17 и 24. В берлинской газете «Дни» (№ 42 и 48) — объявление магазина «Книжный Салон» о наличии в продаже книги Есенина «Стихи и поэмы» (т. е. «Собрание стихов и поэм. Т. 1»).

Декабрь, 17, 24 и 31. Берлинская газета «Дни» (№ 42, 48 и 52) дает объявление издательства З.И.Гржебина о вышедших книгах, среди которых — «С.А.Есенин. Стихи и поэмы» (т. е. «Собрание стихов и поэм. Т. 1»).

Декабрь, 19. Газета «Новое русское слово» (№ 3615) печатает анонимную заметку «Есенин и Ветлугин на "Ревизоре"»:

«Интерес русской колонии к празднованию 250-летия русского театра растет с каждым часом. Будут представители литературных школ, артистического мира, музыкального и др.

Наши соотечественники поэт Есенин и писатель Ветлугин придут на это торжественное событие 22-го декабря в художественно отделанном помещении Парк Палас 5 Вест 110 ул.».

Есенин на этом вечере не присутствовал (см.: 22 дек. 1922, первая запись; 29 дек. 1922).

Московский журнал «Театр и музыка» (№ 12; рубрика «Московская хроника») помещает анонимный анонс «Вечер Александра Оленина» с упоминанием Есенина:

«В четверг, 21-го декабря, в Малом зале Московского Камерного театра состоится камерный вечер чтения.

В программе исполнителя — артиста Камерного театра Александра Оленина — стихотворения "В грозе и буре" Блока ("Двенадцать" и "Скифы"), Асеева, Есенина, Александровского и Верхарна».

Отклики на это событие как на состоявшееся не выявлены.

Декабрь, 20. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3616; рубрика «Библиография») публикует анонимную рецензию на книгу Есенина «Пугачев» (Берлин):

«"Пугачев" — это одно из последних произведений С.Есенина, написанное под влиянием революционного преклонения пред народным вождем Емельяном. Под гипнозом самого бунтарского народа Емельян превращается в наследника Петра и группирует вокруг себя всю недовольную Волгу и свободолюбивый Урал.

Произошла кровавая борьба между восставшими казаками и императорскими вождями. Емельян-Петр ослабел и попал под топор палача.

Пугачев умер на эшафоте, но не умерли его революционные подвиги. Теперь он — герой наших дней.

"Пугачев" написан красиво и оригинально. Читается с упоением.

Продается в книжном магазине НРС. Цена 30 центов».

Н.Г.Юсов считает, что автором рецензии является А.Ярмолинский (Юсов-94, 34).

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; март 1923.

Декабрь, 21 и 22. В газете «Новое русское слово» (№ 3617 и 3618) анонсируется выступление Есенина (вместе с Д.Д.Бурлюком) на вечере празднования 250-летия русского театра, назначенном на 22 декабря.

См. Приложение.

Судя по содержанию выступления Д.Д.Бурлюка на этом вечере (см.: 29 дек. 1922), Есенин там не присутствовал.

См. также: 13 нояб. 1922.

Декабрь, 22. В Нью-Йорке (по адресу: Парк Палас, 5–7, Вест, 110-я ул.) проходит вечер празднования 250-летия русского театра, где выступает Д.Д.Бурлюк.

В своей речи он упоминает Есенина.

Событие устанавливается по отчету о выступлении художника (см.: 29 дек. 1922).

В берлинской газете «Накануне» (№ 317; подпись: Е. Ш.) публикуется рецензия на первый номер журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном»:

«“Сегодняшние постояльцы: 1) Глубоковский; 2) С.Есенин; 3) П.Кузнецов; 4) А.Мариенгоф; 5) О.Мандельштам; 6) В.Соколов; 7) А.Таиров; 8) А.Топорков; 9) Н.Эрдман и 10) Г.Якулов”.

На следующей странице программная статья, озаглавленная “Не Передовица”, в которой протестуется против “выпячивающейся в три аршина шеи” (намек на Маяковского) и читателю объясняется разница между утилитарным и прекрасным и доказывается, что, ввиду того, что путешественников много, то и гостиницы необходимы.

Затем идут более или менее талантливые стихи Есенина, Ивнева, Эрдмана, Мандельштама, Мариенгофа и др., статья Мариенгофа “Корова и Оранжерея”, пережевывающая всё одну и ту же тему утилитаризма в искусстве. <…> После прочтения журнала возникают три вопроса:

1-й: Неужели в Москве, чтобы привлечь внимание к приличному содержательному журналу, нужно из него обязательно сделать гостиницу или постоялый двор?

2-й: Неужели интимные письменные излияния Есенина к “Толику” Мариенгофу вроде: “Дура моя — ягодка, дюжину писем я изволил отправить Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу”, — могут растрогать и заинтересовать хоть одного обитателя Москвы? и

3-й: Неужели гражданину редактору Н.Савкину обязательно необходимо принимать участие в редактируемом им журнале?»

См. также: 1 окт., первая запись; 23 нояб. 1922, вторая запись; 4 дек. 1922; 16 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922; 11 … 31 янв. 1923.

Декабрь, 23. А.Дункан намеревается выступать в одной из церквей Нью-Йорка.

Выступление не состоялось:

«В сочельник Айседора собиралась танцевать в церкви Св. Марка в Бауэри. Она получила такое предложение от либерально мыслящего пастора, доктора Уильяма Нормана Гатри <см.: 1–4 дек. 1922; 9 дек. 1922>. Она также предполагала сказать несколько слов на тему “Нравственное воздействие танца на человеческую душу”. Что хотела сказать танцовщица по этому поводу, так и осталось неизвестным. Нью-йоркский епископ вмешался в эти планы, сделав следующее заявление для печати:

“Епископ Нью-Йорка получил письма с серьезными протестами из многих частей страны в отношении широко опубликованного в газетах сообщения о том, что танцовщица, чьи выступления вызвали резкую критику во многих наших городах, будет выступать и говорить в церкви Св. Марка в Бауэри, штат Нью-Йорк.

Отвечая на эти письма протеста, епископ Маннинг счел нужным постановить, чтобы танцовщице было сообщено, что она не будет говорить в церкви Св. Марка, а также выступать профессионально в какой бы то ни было связи с церковью или ее службами”».

И.Дункан и Макдугалл, 116–117.

Декабрь, до 24. В Берлине выходит журнал «Сполохи» (№ 14; за декабрь), где в рубрике «Книги, присланные в редакцию для отзыва» — есенинский «Пугачев» (Берлин, 1922).

Граница события определяется по информации книжного магазина «Москва» о поступлении этого номера в продажу (газ. «Дни», Берлин, 1922, 24 дек., № 48).

Декабрь, 24. Берлинская газета «Дни» (№ 48) помещает:

— рецензию А.В.Бахраха на есенинское «Собрание стихов и поэм. Т. 1»:

«Вышедший том стихов и поэм Сергея Есенина обнимает значительнейшую долю его творчества, являясь зигзагообразным путем от тихих и нежных юношеских поэм к вызывающей бунтарской "Инонии".

Подобно тому, как футуризм явился естественной необходимостью для освежения и выявления звука, – имажинизм был такой же насущно необходимой школой для освежения вымиравшего образа. Однако имажинистам не удалось удержаться на высоте положения – они перетянули струну, – и очень скоро их новаторство оказалось не свежей струей в высыхавшее русло русской поэзии, а искусственным и утрированным акробатизмом. Сгруппировавшаяся в Москве кучка имажинистов, имевшая на своем знамени имя Есенина, единственное подлинное дарование во всей группе, поставившая образ краеугольным камнем своего творчества, уткнулась вскоре в тупик <...> Воспользовавшись приемами Есенина, они чисто внешне расширили его манеру, не прибавив, впрочем, к ней ничего нового, стали "более имажинистами, чем он сам", и рикошетом начали влиять на него <...>

Но стихи Есенина, "последнего поэта деревни", как он себя величает, будут еще звучать и чаровать прелестью своей непосредственности, своей образностью и звучностью.

Есенин прежде всего лирик; лирик, впадающий порой даже в сантиментальность. Хотя в его сантиментальности явно просвечивают ноты лукавства. "Хулиганство" его чисто наносное, носит он его сегодня, как костюм: надоест и снимет – просто из озорства. Предоставленный самому себе, он бы прошел спокойной и некрикливой дорогой.

Его надо ценить еще как летописца, летописца последних лет жизни предреволюционной русской деревни. В томике стихов этого взъерошенного эпика найдется больше материалов, чем в десятках диссертаций!

Наедине с собой поет Есенин:

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

В этом равнодушии ко всему – в этом философском безразличии таится его настоящее "я".

Начало его поэтической деятельности – это некое послушничество.

"Пойду в скуфье смиренным иноком", – поет он в "Радунице".

Тишь... Кротость... Непритязательность... Примитивная религиозность... Вот основные ноты его первых вещей. Его любимые пейзажи: тихий вечер, сумерки; любимые краски: нежные, закатные.

Я молюсь на алы зори...

Но уже вскоре начинается преображение. Город начинает влиять. Распознаются моменты накипающей революции и грядущего богоборчества. Западают мысли о новом Назарете. Из-под подрясника келейного послушника выступает буйство, таившаяся удаль.

И чем дальше – тем сильней. Встает самоуверенность, кичливое хвастовство:

Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт...

Городу сыплются проклятия – на нем "цилиндр", но мечты тянутся к деревне. В нем происходит борьба двух начал: деревни – шири, буйства, "хождения босиком" – и города – хулиганства, "лакированных башмаков".

Революция втягивает его в свою центростремительную воронку. В ней ощущает он не доставшую ему в оковах городских стен – ширь и стихийность.

Вера убита:

Но вдруг огни сверкнули,
Залаял медный груз,
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус...

И далеким эхом раскатывается протяжный вопль:

Время мое приспело.
Не страшен мне лязг кнута,
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта...

Вместо Китежа, вместо Радонежа – Инония, своя, самим созданная. И лириком, претворявшим в созвучия закатно-нежные краски, овладевает пророк – и Есенин уже не говорит, а вещает:

Обещаю Вам град Инонию,
Где живет Божество живых.

Но этот вызов немощен – это не безверие, а еретическое заблуждение. Эта буйственная удаль только лишь ради удали, и потому он срывается.

Таков путь Есенина.

Больно было бы думать, что вдохновение его истощается, что краски блёкнут, что он уже в невылазном тупике. Понадеемся же вместе с ним:

Ничего, что споткнулся о камень.
Это к завтраму всё заживет.

Издана книга отлично. Очень жалко лишь, что абсолютно отсутствуют даты, тем более что материал распределен не в хронологическом порядке. И только обложка повергает в уныние».

О публикации другой редакции этой рецензии см.: до 9 февр. 1923. Ее текст см.: РЗЕ, 2, 29–33;

— информацию о наличии книги Есенина «Триптих» на Центральном книжном складе «Образование»;

— объявление генерального представительства «Логос»:

«Новые книги, вышедшие из печати за последние три месяца: <...> Изд. З.И.Гржебина. <...> С. Есенин. Книга стихов и поэм. 2 <марки>».

В московских «Известиях ВЦИК» (№ 292) печатается статья В.В.Маяковского «Париж: (Записки Людогуся)».

Он открывает серию статей поэта о Париже (см. также: 27 дек. 1922, пятая запись; 13 янв. 1923, вторая запись; 2 февр. 1923, пятая запись; 6 февр. 1923, вторая запись; 29 марта 1923, пятая запись).

«Из сопоставления "Железного Миргорода" с текстами и композицией этих статей Маяковского явствует, что рассказ давнего литературного соперника Есенина о парижских впечатлениях, судя по всему, стал для последнего одним из побудительных мотивов к созданию собственных путевых заметок».

С.И.Субботин – Есенин, V, 395. См. также: Есенин, V, 400, 405

Об отражении образа Людогуся в «Черном человеке» Есенина см.: Шубникова-Гусева, 583.

Декабрь, 24 и **31**. Берлинская газета «Дни» (№ 48 и 52) помещает объявление издательства «Скифы» о вышедших книгах, среди которых — есенинский «Триптих».

Декабрь, 25. А. Дункан выступает в Бруклинской Академии музыки (Нью-Йорк). В зале — Есенин.

Программу выступления см. Приложение.

«Ее турне завершилось в Бруклине, где представление было устроено в Музыкальной академии в рождественскую ночь».

И.Дункан и Макдугалл, 116.

Преждевременное прекращение выступления и версии случившегося найдут отражение в прессе (см.: 26 дек. 1922, первая запись; 27 дек. 1922, вторая, третья и четвертая записи; 28 дек. 1922, вторая запись).

Декабрь, 26. На первой полосе газеты «The New York Times» — сообщение о рождественском выступлении А.Дункан под заголовками: «Танец Дункан заканчивается ее исчезновением: <...> Когда сама танцовщица исчезает, оставленный поэт-муж тщетно разыскивает ее».

Репортер, в частности, пишет:

«В то время, когда зрители собрались в фойе, размышляя над тем, что же только что случилось, появился муж танцовщицы Сергей Есенин. Он сновал среди толпы, пока его знакомый не спросил, кого он ищет. Молодой поэт ответил, что ищет свою жену. Когда предположили, что она у выхода на сцену, Есенин ответил, что уже был там, но мисс Дункан не нашел. Он не смог понять внезапность прекращения представления».

Цит. по: IE, 132.

См.: 25 дек. 1922; 27 дек. 1922, вторая, третья и четвертая записи; 28 дек. 1922, вторая запись.

Газета «Toledo Blade» извещает о предстоящем выступлении А.Дункан в Толидо:

«Айседора Дункан, известная исполнительница классических танцев, вторая из трех выдающихся женщин — звезд первой величины, приезжающих в Толидо на Рождество. В Saxon Auditorium в среду вечером мисс Дункан даст единственное представление, устраиваемое Германом Саксоном совместно с Бредфордом Миллсом. На вечере будут представлены ее танцевальные постановки, а также несколько фортепианных номеров в исполнении Макса Рабиновича, ее аккомпаниатора».

Цит. по: IE, 134, 285, примеч. 74 (перевод А.П.Шишкина).

Вечером Есенин вместе с А.Дункан и ее аккомпаниатором М.Рабиновичем выезжает в Толидо (штат Огайо).

IE, 134.

Московский еженедельник «Зрелища» (№ 18; за 26 декабря — 2 января 1923) сообщает:

«На днях Школу Изадоры Дункан посетили представители АРА, во главе с заведующим детским питанием АРА м<истером> Реншоу. Дети школы Дункан спели гостям русские песни Гречанинова, затем сыграли маленькую пьеску-сказку "Страна Радости". Американцы выразили Ирме Дункан свое удивление и восхищение по поводу проделанной работы и достигнутых результатов (часть гостей видела детей год назад при начале занятий в школе). На следующее утро детям школы Дункан был прислан от АРА подарок, состоявший из какао, сахара, молока и масла для варки конфект».

См. также: Маквей-2004, 365.

Декабрь, 27. А.Дункан выступает в Толидо. В зале — Есенин.

По сведениям Г.Маквея, полученным в Dance Collection, вечер открылся фортепианной пьесой А.П.Бородина «В монастыре» в исполнении М.Рабиновича и «танцем А.Дункан на музыку Ф.Листа "Bénédiction de Dieu"» (IE, 134, 285, примеч. 75).

Полное название произведения Ф.Листа — «Bénédiction de Dieu dans la solitude» («Благословение Богу в одиночестве»).

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3623) помещает анонимную заметку «Таинственное исчезновение Айседоры Дункан в самый разгар концерта»:

«Концерт Айседоры Дункан в бруклинском театре "Академия Музыки", данный в понедельник <25 дек.> вечером, был внезапно прерван неожиданным исчезновением танцовщицы и ее аккомпаниатора, пианиста М.Рабиновича.

Случилось это следующим образом: Айседора Дункан открыла концерт краткой речью, в которой заявила, что известная французская актриса Сара Бернар находится при смерти. Окончив свою речь, Айседора Дункан принялась танцевать "похоронный марш" по умирающей актрисе.

Аудитория, хотя и крайне удивленная преждевременными "похоронами" живущей еще актрисы, всё же была глубоко тронута танцем и бурными аплодисментами вызывала Айседору Дункан. Танцовщица явилась на сцену, таща за руку аккомпаниатора. Но последний не выходил на сцену, и второму номеру вовсе отказался аккомпанировать. Айседора Дункан пыталась было исполнить вальс Шуберта без сопровождения музыки. Но дело не клеилось, Дункан удалилась со сцены и больше не показывалась.

Концерт был сорван окончательно. Причина этого странного инцидента так и осталась невыясненной для недоумевавшей аудитории.

На концерте присутствовал также муж танцовщицы, русский поэт Сергей Есенин. Он потом тщетно искал в фойе театра свою так таинственно скрывшуюся жену».

См.: 25 дек. 1922; 26 дек. 1922., первая запись; 28 дек. 1922, вторая запись.

Газета «The New York Herald» приводит слова А.Дункан о случившемся 25 декабря:

«Мы выпили немного шампанского <...> Мы оба, мой муж и я, привыкли к вину. Мы выпили немного и почувствовали себя очень плохо».

Цит. по: IE, 133, 285, примеч. 70.

См.: 25 дек. 1922; 26 дек. 1922., первая запись; 28 дек. 1922, вторая запись.

Газета «The New York Tribune» сообщает:

«Айседора Дункан вчера <26 дек. 1922> уехала из Нью-Йорка на Запад, возлагая вину на некачественное шампанское во время ее рождественского выступления в

Бруклинской Академии музыки, когда, по словам зрителей, она танцевала не так, как положено, исполнив преждевременный похоронный марш для Сары Бернар и под конец исчезла из зала без своего нового русского мужа, оставленная Максом Рабиновичем, ее аккомпаниатором».

Цит. по: IE, 133, 285, примеч. 69.

См.: 25 дек. 1922; 26 дек. 1922, первая запись; 28 дек. 1922, вторая запись.

Московские «Известия ВЦИК» (№ 294) помещают статью В.В.Маяковского «Осенний салон».

Отклик на эту статью обнаруживается в «Железном Миргороде» (Есенин, V, 395, 408).

См. также: 24 дек. 1922, вторая запись; 13 янв. 1923, вторая запись; 2 февр. 1923, пятая запись; 6 февр. 1923, вторая запись; 29 марта 1923, пятая запись.

Декабрь, 28. Есенин и А.Дункан посещают Торонто (штат Огайо).

Сообщено Г.Маквеем.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3624) помещает заметку без подписи «К инциденту на концерте Айседоры Дункан»:

«Айседора Дункан выступила с разъяснением по поводу инцидента, имевшего место на ее концерте в бруклинском театре "Академии Музыки".

Оказывается, что концерт вовсе не был внезапно прерван. Программа была полностью проведена. На настойчивые требования публики Айседора Дункан собралась исполнить сверхпрограммный номер. Но ее аккомпаниатор, пианист М.Рабинович, думая, что концерт закончен, оставил театр.

Айседора Дункан, ее муж Сергей Есенин и пианист М.Рабинович выехали в Толидо, Огайо, где устраивается целый ряд концертов».

См.: 25 дек. 1922; 26 дек. 1922, первая запись; 27 дек. 1922, вторая, третья и четвертая записи.

Декабрь, 29. Газета «Новое русское слово» (№ 3625) публикует приветственное слово Д.Д.Бурлюка на представлении «Ревизора» 22 декабря под заголовком «О русском театре» с упоминанием Есенина:

«Режиссеры Мейерхольд, Евреинов, Таиров проделывают длинный путь творческих исканий. <...>

С. Ессенин <так!>, находящийся сейчас в Нью-Йорке, — автор оригинальнейшей пьесы "Пугачев", и В. Мейерхольд занят сейчас в Москве ее постановкой».

См.: 21 и 22 дек. 1922; 22 дек. 1922, первая запись.

Декабрь, 29 (?). Есенин и Дункан возвращаются в Нью-Йорк после поездки по городам США.

См.: 27 дек. 1922, первая запись; 28 дек. 1922, первая запись.

В «Железном Миргороде» Есенин напишет:

«Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. <...>

Тот, кто знает Америку по Нью-Йорку и Чикаго, тот знает только праздничную или, так сказать, выставочную, Америку.

Нью-Йорк и Чикаго есть не что иное, как достижения в производственном искусстве. Чем дальше вглубь, к Калифорнии, впечатление громоздкости исчезает: перед глазами бегут равнины с жиденькими лесами

и (увы, страшно похоже на Россию!) маленькие деревянные селения негров. Города становятся похожими на европейские, с той лишь разницей, что если в Европе чисто, то в Америке всё взрыто и навалено как попало, как бывает при постройках. Страна всё строит и строит. <...>

Сами американцы — народ тоже весьма примитивный со стороны внутренней культуры.

Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в "Business" и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей ступени развития. <...>

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны, чем Америка».

Есенин, V, 161, 169–170, 172.

Декабрь, 30. Еженедельник «Художественный Саратов» (№ 6, за 30 декабря 1922 — 5 января 1923) публикует статью П.Г.Скосырева «Об имажинистах» (подпись: П. Ск.):

«Недавно еще такие воинствующие и непримиримые, не признающие никого и ничего кроме себя, имажинисты перебродили, смирились, занялись серьезной работой над собой и обещают стать из "первых поэтов на земле" просто культурными русскими поэтами. <...>

С.Есенин сейчас в Нью-Йорке, судя по его последним письмам к "Тольке" (Мариэнгоф), в начале апреля он будет в Москве. Заграница произвела на Есенина отталкивающее впечатление.

"Человека не найти, — пишет он, — всюду ходячий доллар во фраке"».

Пересказывается фрагмент из письма Есенина к А.М.Сахарову (см.: 1 июля 1922).

Декабрь, до 31. В издательстве «Скифы» (Берлин) шестым переработанным изданием выходит книга Иванова-Разумника «Русская литература от семидесятых годов до наших дней», где говорится о Есенине.

Граница события устанавливается по издательскому объявлению о поступлении книги в продажу (газ. «Дни», Берлин, 1922, 31 дек., № 52).

На тит. л. и обл. издания дата: «1923».

Из заключительного десятого раздела гл. XI книги («От "декадентства" к "символизму"»):

«От высших достижений нового символизма, от Андрея Белого — протягивается вдаль путь людей "романтического" мировосприятия и творчества; от высшей точки поворота нового реализма, от "Мелкого беса", от А.Ремизова — идет творческая линия людей мировосприятия "реалистического". Впереди — новые искания, новые достижения по вечным путям; новые силы выходят с новыми словами на эти пути. Первый большой народный поэт, Н.Клюев, подлинно "имеющий право" на символизм, появляется в годы первой русской революции; десятилетием позднее, к годам второй революции, выступает второй подлинный народный поэт С.Есенин, "реалистический" путь которого еще много обещает в будущем. Но всё это — темы уже будущего развития рус-

ской литературы; ее круг XIX века уже завершен; его завершило — четверть века борьбы, победы, торжества и разложения символизма.

И борьба эта — всегда борьба с мещанством духа; и торжество это — всегда торжество идеи и самоценности человеческой личности».

Декабрь, 31. Берлинская газета «Дни» (№ 52) помещает:

— информацию книжной экспедиции «Россия» о продаже книг, в т. ч: «Есенин. "Пугачев"»;

— объявление о книгах издательства З.И.Гржебина, среди которых: «С.А.Есенин. Стихи и поэмы».

Декабрь, 31 или **после 31**. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 10; за октябрь) с рекламным объявлением издательства З.И.Гржебина, где значится книга Есенина «Собрание стихов и поэм. Т. 1».

Время события устанавливается по помещенному в номере объявлению о поступлении в продажу книги Иванова-Разумника «Русская литература от семидесятых годов до наших дней» (о времени выхода в свет этой книги см.: до 31 дек. 1922).

Декабрь. Журнал студенчества рабфака Петроградского университета «Вулкан» (№ 2; рубрика «Критика литературы») помещает статью Б.Соснина «Имажинизм и имажинисты», где заходит речь о Есенине.

Основной критике автор подвергает теоретические установки и творчество В. Шершеневича. Он считает, что Есенин — не имажинист, а лишь временами имажинистичен.

С этим тезисом полемизирует Е.Ливен (см.: до 14 апр. 1923).

Издатель Я.Морткович выпускает в Варшаве книгу С.Жеромского «Снобизм и прогресс» («Snobizm i postęp»; на тит. л.: 1923), где заходит речь и о Есенине.

О времени события см.: Пиотровский, 13, примеч. 13.

Автор, в частности, пишет:

«Выразителями <ответной> реакции на советский кубофутуризм Маяковского стали создатели новой школы, именуемой имажинизмом. Это поэты Вадим Шершеневич, Анатолий Мариенгоф, Александр Кусиков, Рюрик Ивнев и самый талантливый среди них Сергей Есенин. Они, <как и Маяковский,> тоже сторонники и певцы русской революции, но отражают, в некотором смысле, второй ее период. Они с удовольствием пользуются кощунством для того, чтобы вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения, умышленно и, так сказать, партийно, купаются в испражнениях — как, например, Мариенгоф <следует цитата>.

Они, как Вадим Шершеневич, заверяют:

Я молюсь на червонную даму игорную,
А иконы ношу на слом.
И похабную надпись заборную
Обращаю в священный псалом.

Самый гениальный из этих поэтов вещает:

Тело, Христово тело
Выплевываю изо рта.
Не хочу восприять спасения

Через муки Его и крест:
Я иное постиг учение...
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным Тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Но из-за этого словесного хулиганства, которое лишь отчасти представляет собой запугивание сограждан, а прежде всего является последствием мировоззрения "хлыстов" (из среды которых и происходит Есенин), веет ветер иной. Вещает село, обыденный пейзаж, преклонение перед крестьянским трудом, перед выращиванием зерна и претворением его в хлеб насущный, мелькает воспоминание и звучит чарующая речь настоящего поэта, одного из самых гениальных.

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.
Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо...

Притом поэтические произведения Есенина "Товарищ", "Певучий <так!> зов", "Отчарь", "Пришествие", "Октоих", "Преображение", "Инония" наряду с поэмами Александра Блока "Двенадцать" и Андрея Белого "Христос воскрес" составляют совокупность произведений с мистическим замыслом. Эти поэты верят, что Россия — это страна, где в крови и муках революции происходит рождение не идеи, а самого тела нового мира. У этих писателей русская душа, и они дают ей голос.

После крушения царского государства в их русской душе зарождается внутренняя родина, страна духа, из которого, согласно их вере, должна произойти и воплотиться во всем мире идея революции. Они — певцы весенней вести об этой России новой, которую они называют "град Инония, где живет Божество живых". Инония существует не в <какой-то> дали, а пребывает в душах современных людей. Поэтому надо бороться и трудиться, чтобы она не оставалась на одном месте, а распространялась на весь мир.

Не так уж давно это было, когда другой российский пророк, исходя из совсем иных соображений, провозглашал примерно такие же вещие слова:

"Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. <...> Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. <...> стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! <...> <На западе [дополнение

автора. — *Примеч. переводчика.*]> все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды — всё это рухнет в один миг и бесследно — кроме разве жидов, которые и тогда найдутся, как поступить, так что им даже в руку будет работа. Всё это «близко, при дверях». <...> <Всё это приведет [дополнение автора. — *Примеч. переводчика.*]> к огромной, окончательной, разделочной политической войне, в которой все будут замешаны и которая разразится в нынешнем еще столетии, может, даже в наступающем десятилетии. <...> Волны разобьются лишь о наш берег, ибо тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского. <...> <Мужик наш [дополнение автора. — *Примеч. переводчика.*]> назвал себя крестьянином, то есть христианином, и тут не одно только слово, тут идея на всё его будущее".

Несмотря на отчетливые различия между этими двумя концепциями мистического назначения России: первой, основанной на самодержавии, и второй, основанной на подвиге революции, — одно их всё же объединяет: восторженное, притом родственное благоговение перед российским государством и его начинаниями. Андрей Белый, Блок и Есенин, равно как и Достоевский, слепо верят в совершенство того, что над ними и вне их происходит и что уже совершено "властью". Достоевский не знает — или делает вид, что не знает — когда и как Россия обрушилась на Польшу и <...> руками, обагренными невинной кровью, приковала мученицу к престолу своего царя. Он, не запнувшись, говорит, что удел России "и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей". Русского мужика он называет христианином, того самого мужика, который не только совершил это ужасное дело, но и дал этому чудовищному акту собственное название на языках всех народов: "погром", — мужика, который из речи своей почерпнул самое отвратительное на земле ругательство или присловье, сросшееся чуть ли не с каждой фразой, с каждым открытием рта и издаваемым звуком, которое Щедрин называл "упоминовением о матери". Такую именно матерщину новейшие русские поэты восприняли и, за неимением уже иной достойной мишени, направили в адрес божества.

Поэты современной России не видят — или делают вид, что не видят — ужасного кровопролития, которому сторонники одной доктрины подвергают сторонников другой доктрины или других доктрин. Закрывая глаза на ужас преступления, они, тем не менее, видят простой и ясный выход из него:

Так идут державным шагом.
Позади голодный пес,
Впереди с кровавым флагом...
В белом венчике из роз —
Впереди Исус Христос.

Христос стал для них неизбывным противопоставлением, едва ли не стилистической фигурой, украшением стихов, несложной перифразой, и прежде всего — способом отделаться ложью перед судом истины. Мистический энтузиазм у них, так же как у Достоевского, — это вторичное чувство, порождаемое событиями и даже государственной системой. Сергей Есенин экстатически восклицает: "Пою и взываю: «Господи, отелись!»", между тем как государство, из действий которого этот энтузиазм вытекает, — как будто в соответствии с другой существенной мыслью Достоевского, — заключает договор в Рапалло.

Россия,
Страна моя!
Ты — та самая

Облеченная солнцем жена,
К которой
Возносятся взоры...
Вижу явственно я:
Россия
Моя —
Богоносица,
Побеждающая Змия... —

поет в восторге Андрей Белый, не очень озабоченный тем, что "Богоносица" организует огромную армию и угрожает независимости соседей ее мощью. Мы — пережившие так называемое "толстовство" значительно раньше, а именно в арианстве, причем намного правдивее, возвышеннее и смиреннее, породившие в изгнании мистическую веру в Польшу как Христа народов, но в форме неопосредованной, первичной и чистой, — в безгосударственном сиротстве и в изгнании из своей родины мы глядим на метания русского духа с сочувствием и полуулыбкой. Больше смирения, больше культуры, больше правдивости и искренности, а меньше крика и тщеславия пригодилось бы российским духовным начинаниям, поправляющим целый мир. <...> Казалось бы, выбравшись из-под тучного тела России после отражения большевистского нашествия и при всеобщей убежденности, что впредь никогда уже ни Суворов, ни Крыленко в Висле коней не напоят, поскольку всякого врага молодая национальная сила разорвет у племенных рубежей и скорее трупами завалит пути, ведущие вовнутрь страны, чем вновь согнет шею под ярмом, — мы отдохнем от российского влияния и в национальной письменности. Казалось бы, мы уже неплохо знаем все эти перипетии и успели ими вдоволь насытиться. Между тем это не так. Новейшая польская поэзия не может перестать кормиться грудью великой "матушки", оторваться от нее. Футуризм, уже постаревший и уставший от трудов, прикочевал наконец из России и к нам; наш же отечественный снобизм выдает этот сущий кацапизм <так!> за новинку».

В этом фрагменте процитированы (с пропусками, самим автором не обозначенными) суждения из «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского (1880. Август). См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1984, т. 26, с. 147, 148, 167, 168, 170.

Приведя затем десять заключительных строк второй части поэмы Б.Ясенского «Песня о голоде», выпущенной отдельной книгой в Кракове (1922), С.Жеромский продолжает:

«На обороте титульного листа Бруно Ясенский поместил цитату из *Liens* Г.Аполлинера:

Libres de tous liens
Donnons-nous la main

<Свободные от любых уз
Друг другу руки протянем

"Узы" (пер. Н.Стрижевской)> —

но у него с французским поэтом немного общего. Зато, напротив, всё связывает его с поэтами России: уничтожение общепринятого правописания, смакование образов какого-то мира под стенкой, где гимном пульсирует нерв, — да и этот Христос, так необходимый в любом русском произведении рядом с расстрелами, убийствами и тому подобными прелестями маяковщины. Новь, которая якобы ломится уже прикладами маузеров во все окна и двери, — это новинка, являющаяся литературным штампом, который перешел из русских книг в польские вместе с целым оснащением необходимыми аксессуарами, заведомо чужеземными. Это, следовательно, — литературное "направление", уже зачитанное, заигранное, уже заброшенное тамошним снобизмом <так!> и

искореняемое новыми направлениями: имажинизмом, мистицизмом, а также самоновейшим ночным воем Мариенгофа:

Я выхожу площадями орать:
Продается сердце абсолютно лишнее!
Эй, кто хочет пудами тоску покупать?!»

Спустя несколько страниц С.Жеромский вновь возвращается к этой теме, иронизируя:

«Будем надеяться, что после футуризма к нам придет имажинизм, с кощунствами и мистицизмом, с лошадью вместо машины, с культом стократной метафоры и тому подобными рецептами прекрасного. Эти влияния смогут у нас распространяться тем легче, что у нас уже есть литературные лагеря, творящие по неким установленным правилам. Так, во всяком случае, можно судить, исходя из горячности споров, из взаимовосхвалений в одних сборищах и предания противников анафеме в соседствующих с ними <литературных> конфессиях».

И всё же автор «Снобизма и прогресса» сохраняет надежду:

«Кто знает: если художник с увлеченностью и восторгом вглядится в прошлое и в жизнь земли, высвободившейся из-под ярма, в жизнь народа, в его обычаи, столь многоликие на этой широкой ниве, — не расцветет ли в его душе некий новый род, новый способ <так!>, неизвестный миру? И, может быть, наконец, расцветет наше собственное польское искусство, не принесенное из-за рубежа, не почерпнутое из инонационального творчества. Ведь оказалось, что в России, столь явственно определяющей ныне наши “направления”, именно такое новое искусство было выколдовано Есениным и другими из жизни, речи и верований <родного> народа. Быть может, это обстоятельство будет иметь хоть какое-то значение».

Перевод (и пояснения в ломаных скобках) Ежи Шокальского.

В связи с замечанием С.Жеромского о происхождении Есенина из «хлыстов» В. Пиотровский пишет: «Любопытно, на основании каких материалов Жеромский, а до него Заводзинский связывают поэта с сектантами. Из дневника А.Блока и воспоминаний проф. <И.> Розанова явствует, что Есенин действительно рассказывал о своих контактах с сектантами, что могло быть, однако, мистификацией. Между прочим, эти материалы были опубликованы только во второй половине двадцатых годов, так что ни Жеромский, ни Заводзинский не могли их знать» (Пиотровский, 15–16, примеч. 20, перевод Ежи Шокальского).

Возможно, этими польскими авторами была (некритически) воспринята трактовка есенинской образности как «чисто хлыстовской», предложенная А.С.Ященко (подробнее см.: до 31 марта 1921).

Варшавский журнал «Skamander» (т. 3, тетрадь XXVII, раздел «Ответы от редакции»), обращаясь к литератору P. S. (его настоящее имя неизвестно), дает оценку его стихотворным переводам с русского, в т. ч. и из Есенина:

«Одновременно с Вашим переводом стихотворения Орешина нам прислали и другой его перевод, значительно лучше. Это, пожалуй, самый веский аргумент в пользу того, что Ваш перевод нельзя назвать — как это делаете Вы — “безукоризненным”. *Двенадцать* Блока были присланы нам тоже в двух переводах — и оба они столь же неудачны, как и все (четыре!), до сих пор напечатанные в Польше. Переводы из Есенина мы хотели бы использовать. Прочтите фрагмент *Преображения* в переводе Денгофа-Чарноцкого в сборнике переводов из новейшей русской поэзии, недавно выпущенном товариществом “Ватра” <см.: до 2 дек. 1922; 2 дек. 1922>. Перевод слабый, и всё же в нем в немалой степени схвачена суть есенинской лирики. Для перевода такого крупного поэта, как Есенин, необходимо создать новый язык. Вы же, к сожалению, обильно

используете "младопольские"* слова, такие как "szczęsna godzina", "li", "dziewa", "tęsknica"**. Если бы Вам, принимая во внимание вышесказанное, захотелось еще раз пересмотреть свои переводы, мы бы охотно кое-что напечатали. В особенности *Октоих*».

Перевод Ежи Шокальского.

См. также: нояб.-дек. 1922.

Сведения о переводе поэмы Есенина «Октоих» на польский язык, опубликованном при его жизни, не выявлены.

См. Приложение.

Декабрь (?). В московском журнале «Всемирная иллюстрация» (выпуск VI, раздел «Журнал журналов») печатаются материалы с упоминанием Есенина:

— анонимная информация «В России и с Россией»:

«С.Есенин в письмах из Берлина, помещенных в "Гостинице", доказывает, что русскому поэту не к чему экспортировать свои произведения за границу. Вне России они тухнут»;

— анонимная рецензия «Жалобная книга» на журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (№ 1):

«Сегодняшние постояльцы гостиницы Б.Глубоковский, С.Есенин, Павел Кузнецов, А.Мариенгоф, О.Мандельштам, А.Таиров, В.Соколов, А.Топорков, Н.Эрдман, Г.Якулов расписались в "жалобной книге", кто чем недоволен.

<...> Иван Грузинов недоволен Борисом Пастернаком, С.Есенин недоволен заграницей: Мариенгофу он пишет <далее следуют развернутые цитаты из писем Есенина А. Мариенгофу (см.: 9 июля 1922; около 20 (?) июля 1922), опубликованных в журнале>».

См. также: 1 окт., первая запись; 23 нояб. 1922, вторая запись; 4 дек. 1922; 16 дек. 1922, вторая запись; 22 дек. 1922, вторая запись; 11 ... 31 янв. 1923.

1922. Есенин пишет стихотворения:

— «Не ругайтесь! Такое дело!..».

Есенин, I, 161–162. 579.

«Со строкой стихотворения "...в полях забулдыге ветер больше поет, чем кому..." (или с ее замыслом), возможно, связан заголовок раздела в Грж. — "Песни забулдыги". Хотя само стихотворение в этот сборник не вошло, оно, видимо, писалось в период его подготовки. Есенин нередко использовал в качестве заголовков циклов подобные фрагменты строк — "Вечер с метелкой", "Златое затишье", "Мреть", "Рябиновый костер" и т. п.».

А.А.Козловский — Есенин, I, 580;

— «Я обманывать себя не стану...».

Есенин, I, 165–166, 585–586.

Беловой автограф — РГАЛИ, в составе макета сборника «Москва кабацкая».

В строке «Не расстреливал несчастных по темницам...», возможно, сказалась реакция Есенина на обвинения в сотрудничестве с ЧК и прислужничестве властям (о которых он писал А.Мариенгофу; см.: 9 июля 1922, первая запись) и на попытки сблизить его имя с именем Г.Распутина. С именем Г.Распутина давно связывали имя Н.А.Клюева, обвиняя его в «распутинщине», а затем начался перенос этого ярлыка и на Есенина (см.: 17 янв. 1921, вторая запись).

---

* То есть, — декадентские. Польский декаданс получил название (литературы) Молодой Польши. — *Примеч. переводчика.*

** Приблизительные эквиваленты: «блаженная година», «неужли...», «дева», «томление». — *Примеч. переводчика.*

О.Э.Мандельштам (1927) даст такую характеристику этой есенинской строке:

«Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в бессонные ночи, от которого, как от наваждения, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом трещит в замке, он морозом стреляет в комнату: ...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя — смертельного врага литературы».

Мандельштам О.Э. Соч. В 2 т. М.: Худож. литература, 1990, т. 2, с. 93–94;

— «Да! Теперь решено. Без возврата...».

Есенин, I, 167–168, 588.

Беловой автограф — также в составе макета «Москвы кабацкой» (РГАЛИ).

Цикл «Москва кабацкая» начал складываться еще во время зарубежной поездки Есенина. Впервые этот заголовок появится в Ст. ск. (см.: до 10 июня 1923).

И.И.Старцев вспомнит:

«За границей он работал мало, написал несколько стихотворений, вошедших потом в "Москву кабацкую" <...>. Вскоре после приезда читал "Москву кабацкую". Присутствовавший при чтении Я.Блюмкин начал протестовать, обвиняя Есенина в упадочности. Есенин стал ожесточенно говорить, что он внутренне пережил "Москву кабацкую" и не может отказаться от этих стихов. К этому его обязывает звание поэта».

Восп., 1, 416;

— «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...».

Есенин, I, 169–170, 598.

«Г.А.Бениславская, которая узнала и услышала стихотворение только после возвращения Есенина из-за рубежа, т. е. после его публикации, приводит в воспоминаниях текст части стихотворения, существенно отличающийся от печатного:

Защити меня, влага нежная.
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Знаю, если не в далях чугунных
Кров чужой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых, юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина.
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона.

В известных в настоящее время рукописных источниках данная редакция не зафиксирована».

А.А.Козловский — Есенин, I, 599.

Во Львове (Украина) выходит «Сборник современной русской поэзии» (издание «Современной библиотеки», вып. 3), где Есенин представлен фрагментами поэм «Пришествие» (гл. 2, строфа 1 и гл. 7, строфа 1), «Октоих» (гл. 4, строфы 1 и 2) и «Преображение» (гл. 2, строфа 1).

Эти четверостишия напечатаны в книге друг за другом, причем не отмечено, из каких произведений поэта они взяты.

В сборник вошли также стихотворения А.Блока («Скифы»), А. Белого, К.Бальмонта, Н.Клюева («Красная песня») и др.

Сообщено Н.Г.Юсовым.

1922 ... 1923, до 3 авг. (?). Есенин надписывает А. Дункан книгу «Пугачев» (М.: Имажинисты; 1922):

«За всё, за всё, за всё тебя благодарю я...»

Есенин, VII (1), 211, 472–473.

Местонахождение книги с надписью неизвестно. Инскрипт датируется предположительно с учетом времени совместной жизни Есенина и А.Дункан.

Надпись — перефразировка первой строки стихотворения М.Ю.Лермонтова «Благодарность» (1840) — «За всё, за всё тебя благодарю я...»

1922, конец (?) ... 1923, до 3 августа (?). Есенин пишет А.Дункан записку:

«Milaya Isadora
Ia ne mogu bolhce <так!>
hochy <так!> domoi
Sergei».

Есенин, VI, 152, 551.

См. Приложение.

1923

Январь, до 1 ... Январь, до 15. В издательском товариществе «Книга» (Москва–Петроград) выходит сборник «Новый чтец-декламатор» под редакцией И.В.Владиславлева с отрывком из стихотворения Есенина «О верю, верю, счастье есть!..» (строки 6–10: «Звени, звени, златая Русь!..»).

Кн. летопись, 1923, № 1, янв., с. 7, поз. 62.

Отклик см.: 3 февр. 1923, седьмая запись.

Январь, 1, 3 и 22. Газета «Новое русское слово» (№ 3628, 3630 и 3649) дает объявление о продаже книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922) в своем книжном складе.

Текст объявления см.: 11, 14, 16, 18, 20 и 25 нояб. 1922.

См. также: 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 23 и 25 дек. 1922; 8 и 22 февр. 1923; 5, 6, 13, 20 и 22 марта 1923.

См. Приложение.

Январь, 2. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 2) помещает рецензию Б.В.Гиммельфарба на книгу Б.Е.Гусмана «Сто поэтов»:

«И насколько спорен и глубоко субъективен подход тов. Гусмана, видно хотя бы по тому, что все имажинисты <в т. ч. и Есенин> удостоились им быть спортретированными, а между тем, по мнению многих, и отнюдь не закостенелых в своем обскурантизме хулителей “левой поэзии”, именно имажинизм закончил свое существование, и даже на страницах “Известий” был ему написан некролог <см.: 11 июля 1922, третья запись>».

См.: до 21 нояб 1922.

Январь, 2–4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 16, 24, 29 и 31. Газета «Свободная Россия» (Чикаго; № 1–3, 5, 6, 8, 10–13, 20, 24, 26) помещает объявление своего книжного склада о высылке наложенным платежом «всевозможных книг на русском языке, изданных здесь, в Америке, и за границей», в том числе книги Есенина «Триптих» (Берлин, 1921).

См.: 1, 3 и 6 февр. 1923.

Январь, 5. Московский журнал «Театр и музыка» (№ 1–2) помещает статью Я.Брауна «Драма с драматургами», где упоминается Есенин:

«Со стороны формы художественная драма должна представлять художественную самоценность и вне сценической атмосферы. Мы с одинаковой свободой и легкостью

должны выносить драму на площадь и разыгрывать ее же в жестяной коробке своего черепа, не потеряв ничего в художественном волнении. Нам нужны не спецы-драматурги, но драматурги-поэты, виртуозы формы, мастера образа, инструментовщики мыслей, поджигатели чувств. Ведь и сейчас всё прекрасное, всё лучшее, что создано в области современной драмы, принадлежит не спецам-драматургам, а преимущественно поэтам: С.Есенину ("Пугачев"), Ан. Мариенгофу ("Заговор дураков"), Вл. Маяковскому ("Мистерия-Буфф"), отчасти — В.Каменскому ("Стенька Разин")».

Январь, 11 ... 31. В Одессе выходит журнал «Силуэты: Литература. Искусство. Театр. Кино» (№ 3, за январь) с материалами о Есенине.

Нижняя граница события устанавливается по указанной в номере дате его цензурного разрешения.

В журнале публикуются:

— заметка «Орда» (подпись: Д. Мал.) об одноименной поэме Э.Германа:

«...Герман дает поэтам ряд блестящих по краткости, острых, как рапира, характеристик:

В напевах родины почуяв
Азийских песен склад и лад,
Монах и сводник, сводит Клюев
С Ново-Московией Багдад.
Ветрами волжскими взлохмачен,
На строк бумажных поводу
Ведет Есенин с азиатчин
Поэм задорную орду.

Здесь в двух словах и весь Клюев, и весь Есенин.

Напрасно Есенин хочет уйти от азиатчины, от татарщины, напрасно он "заменил российский лапоть — американским башмаком"...

Идешь, Есенин, песни множа.
Вкусив блаженный воздух Мальт,
Ты нынче топчешь, друг Сережа,
Америк мереный асфальт.
Бранишь, дивишься — вижу, слышу.
Ах, эта речь немного в нос!
И птицы мыслей бьются в крышу
Твоих соломенных волос.
Их нынче кроет лавр успехов...
Ты, окунувшись в шум мирской,
Нашел Америку, уехав,
Я — увидал ее с Тверской...

Никуда не уйти русскому поэту от Орды — думает Герман.

Впрочем — дальше он признаётся сам, что Россия уже снимает —

...халаты татарчат.
Тебе, Россия, пулеметы
Одежду новую строчат!..»

См.: 15 дек. 1922.

См. Приложение;

— анонимная статья «"Самоопределившиеся" имажинисты»:

«Недавно в Москве вышел любопытный имажинистский журнальчик под названием "Гостиница для путешествующих в прекрасном" № 1-й. В нем имажинисты, не так

давно подделывающиеся под революцию, прикрывавшиеся дешевой подрумяненной революционной фразой, сбросили, наконец, маски и выявили свое настоящее лицо.

Так, один из столпов имажинизма А.Мариенгоф в статье, которую он с присущей ему талантливостью озаглавил "Корова и оранжерея", вещает:

"Да будет известно... легкомысленной критике, что имажинизм — не формальное учение, а национальное мировоззрение, вытекающее из глубины славянского понимания мертвой и живой природы своей родины". Оказывается, что имажинистам история предопределила раскрытие образа национальной революции, причем путь к этому образу — через загадку, пословицу, через "Слово о полку Игореве" и Державина.

В.Голубков <ошибка; следует: Б.Глубоковский> в статье "Моя вера", в подмогу Мариенгофу, извлекает из архива славянофильские иконы и молится на Киреевского.

Не так давно Мариенгоф провозглашал здравицу революции.

Многая лета, многая лета, многая лета
Здравствовать тебе, Революция.

В настоящее время, устроив со своей братией кабачок в славянском стиле для заезжающих кулачков, он прощается с революцией:

Не поминай нас лихом,
Революция.
Тебя встречали мы,
Как умели, песней.
С поэм снимая
Траурные шляпы,
Провожаем...

("Поэма без шляпы")

Не рано ли начали имажинисты справлять поминки по революции в своей "Гостинице", смахивающей скорее на захолустный постоялый двор, от которого разит затхлым запахом, хотя Есенин и посылает туда письма с буржуазных задворков Европы, преисполненные истерических жалоб: "Такая гадость, однообразие, духовная нищета, что блевать хочется"...

"Такая гадость, такое духовное убожество, — охарактеризуем и мы, воспользовавшись словами Есенина, последние откровения «самоопределившихся» имажинистов, — что блевать хочется"».

См. также: 1 окт., первая запись; 23 нояб. 1922, вторая запись; 4 дек. 1922; 16 дек. 1922, вторая запись; 22 дек. 1922, вторая запись; дек. (?) 1922.

Январь, 13. Есенин присутствует на выступлении А.Дункан в Carnegie Hall.

«Субботним вечером 13 января 1923 года и вечером в понедельник <15 янв.> Айседора Дункан дала два последних своих представления в Нью-Йорке».

И.Дункан и Макдугалл, 117.

В программе первого из них: танцы А.Дункан под музыку П.И.Чайковского (Шестая симфония и «Славянский марш») и А.Н.Скрябина — Скерцо из Первой симфонии (IE, 134).

См. Приложение.

Московские «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 8) помещают статью В.В.Маяковского «Париж: Художественная жизнь города».

Об отклике на эту статью в «Железном Миргороде» см.: Есенин, V, 395.

См. также: 24 дек. 1922, вторая запись; 27 дек. 1922, пятая запись; 2 февр. 1923, пятая запись; 6 февр. 1923, вторая запись; 29 марта 1923, пятая запись.

Январь, 13 или 14. В железнодорожном экспрессе на пути из Канады в США В.М.Левин сочиняет стихи, обращенные к Есенину.

Событие устанавливается и датируется по воспоминаниям В.М.Левина (РЗЕ, 1, 209–210).

Текст стихотворения (РЗЕ, 1, 210):

Опять зима!
По стали черной
В степях Америки несусь.
Кольцо снегов сдавило горы,
А на снегу всё тот же ворон
С тоскою по тебе, о, Русь!

Опять зима!
Седое небо
Накрыло седину земли.
Заплаканная Русь без хлеба
Взыскующе стелет след
И в песне слышится обет.

Обет, обет —
Священной песней
Чертит на высях свой чертог:
В чаще дубов из вечных песен
Поет осанну русский Бог,
И по тропиночке из мхов
Гуляет с Гоголем — Есенин,
Бьет родниками слово-стих,
Рождая звук пресветлой ленью,

Грустит — грустит чернявый ус,
А по плечу их так же треплет
Премудрый юноша — Исус.

Январь, 14. Газета «Известия Одесского губкома КП(б), губ<ернского> исполкома и губ<ернского> профсоюза» (№ 934; рубрика «Литература и искусство») печатает стихотворение «Октябрь» («Подоткнула алый подол...»), обозначив его автором Есенина.

Это произведение не принадлежит поэту.

В газете «Тамбовская правда» (№ 8; подпись: С. Ев.) печатается статья С.Е.Евгенова «Наша деревня в частушках» с упоминанием Есенина:

«Частушки бытовые и любовные, создаваемые непосредственно в деревне на деревенских посиделках, временами оказываются несравненно выразительнее, острее и образнее стихов наших модных печатаемых “крестьянских поэтов”, в большинстве своем (во главе с Серг. Есениным) увлеченных “имажинизмом” (поэтическая школа с лозунгом — “100 проц<ентов> образов в строке”)».

Январь, до 15. Есенин продолжает работать над поэмой «Страна Негодяев».

В.М.Левин вспомнит, что Есенин упомянул об этом уже при первой их встрече в Нью-Йорке (подробнее см.: 15–25 янв. 1923):

«Он <...> рассказал, что <...> теперь пишет "Страну негодяев" — это о России наших дней. Страшное имя, хлещущее точно кнут по израненному телу.

Позже, в 1925 г. он скажет про себя, что "этот человек проживал в стране самых отвратительных громил и шарлатанов".

Сказать о родной стране, что она "Страна негодяев", — только пророк смеет сказать такую жуткую правду о своем народе и своей родине».

РЗЕ, 1, 217.

«...расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил. <...> Есенин рассказывал мне, что он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни и тысячи сделок. "Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков, — говорил Есенин. — Что значат наши маленькие воришки и бандюги в сравнении с ними? Вот где она — страна негодяев"».

С.А.Толстая-Есенина — Восп., 2, 263.

Из записей Э.Я.Германа (конец 1920-х):

«Об Америке <Есенин> говорил мне:

— Это, Миша, большая Марьина Роща.

За московской Марьиной Рощей, как известно, установилась репутация района фальшивомонетчиков и вообще всякого рода грязных дельцов».

Материалы, 161.

Январь, 15. Есенин присутствует на втором выступлении А.Дункан в Carnegie Hall.

О событии см.: 16 янв. 1923.

Программа шла преимущественно под музыку Р.Вагнера. Несколько танцев было исполнено под музыку вальсов И.Брамса и под «Военный марш» Ф.Шуберта.

Газ. «The New York Tribune», 1923, 16 янв. (см.: IE, 135, 286, примеч. 80).

Январь, 15–25. Есенин неоднократно встречается с В.М.Левиным.

Рамки событий устанавливаются в соответствии со сведениями из воспоминаний В.М.Левина:

«В вагоне <см.: 13 или 14 янв. 1923> мы <...> праздновали "русский Новый Год". <...> вот мы уже въехали в Соединенные Штаты, ночью миновали <...> Питсбург <...>. И вот мы уже в Нью-Йорке. <...> Уже назавтра я как-то разузнал имя отеля <...>, где остановились Есенин и Изадора, и Митя <брат мемуариста> соединил меня с ним в телефонном разговоре. Оба мы были счастливы узнать голоса друг друга. <...> И через час мы <...> уже входили в огромную комнату Есенина и Изадоры. Есенин был в шелковом темном халате <...>. Мы горячо обнялись, оба были несказанно рады чудесной встрече в Нью-Йорке, после Москвы 1918 и 1920 годов <см.: Летопись, 2, 33, 109>.

<...> Итак, в январе 1923 года мы оказались снова вместе, но уже в другом мире, в Нью-Йорке, с другими людьми, нам сопутствующими. Он — с Изадорой, я — с Евфалией <женой мемуариста>. Мы сидели в их комнате в отеле "Вашингтон", и он бегло рассказал мне о личных новостях. Зинаида <Райх> разошлась с ним (у них было двое детей) и вышла замуж за режиссера Мейерхольда. Время от времени он посещал своих детей, и с Зинаидой у него сохранились хорошие товарищеские отношения. <...> На мой вопрос, есть ли интерес к поэзии в Москве, он с горечью заметил:

— Кто интересуется поэзией в Москве? Разве только девушки... (И, подумав несколько секунд, добавил) — да и то — еврейские <аналогичные слова — в письме Есенина А.Мариенгофу; см.: 12 нояб. 1922>.

Это было так неожиданно. В его устах это звучало жалобно и нежно.

Он же мне рассказал, что в Берлине Гржебин выпускает томик всех его произведений, как юношеских стихов и поэм, так и уже послеоктябрьских. Он написал пьесу о Пугачеве <...>.

Уже назавтра, после первого нашего визита к Есенину и Изадоре, Сергей Александрович сделал нам ответный визит. Он приехал в русской шубе и высокой собольей шапочке — совсем по-московски, но в Нью-Йорке в этом году была довольно холодная зима. <...> Конечно, я заметил, как вырос Есенин даже в собственных глазах с 1917–1918 годов. Но он продолжал оставаться тем же прежним интимно близким. "Сердцем я всё такой же", — пел он в стихах. Кстати, он их всегда немножко пел, и это придавало его чтению особенную трогательность.

Мы почти каждый день встречались в его отеле и в общей беседе склонялись, что хорошо бы создать свое издательство чистой поэзии и литературы без вмешательства политики — в Москве кричали: "вся власть Советам", а я предложил Есенину лозунг: "вся власть поэтам". Он радостно улыбался, и мы рассказали об этом Изадоре. Она очень обрадовалась такому плану и сказала, что ее бывший муж Зингер обещал ей дать на устройство балетной школы в Америке шестьдесят тысяч долларов — половину этой суммы она определила нам на издательство на русском и английском языках. Мы были полны планов на будущее, и Есенин уже смотрел на меня как на своего друга-компаньона. И понимая, что у меня, как у вновь прибывшего в новую страну, с деньгами не густо, — он выскочил на момент из комнаты и вдруг пришел с бумажкой в сто долларов.

— Это я вам пока... Я ведь вам должен много.

— Вы ничего не должны.

— Нет, должен, вы мне не раз давали.

— Я решительно не помню, чтобы я вам давал, но сто долларов от вас возьму с радостью. Они и нужны, а, кроме того, они от вас, Сергей Александрович.

Он был тронут моим решением и тут же успокоительно сказал:

— Если б у нас ничего не вышло в Америке — вы мне их вернете в виде посылок в Россию.

Из этого я понял, что у него было не так уж много надежд на жизнь в Америке без России. Он был исключительно русским и на мое замечание, почему он не занимается английским языком, ответил, что боится испортить и забыть русский».

РЗЕ, 1, 211–212, 217, 221–222.

Январь, после 15 (?) — Февраль, до 14 (?). Есенин вводит в поэму «Страна Негодяев» новую сюжетную линию (связанную с темой курса Советского правительства на новую экономическую политику) и нового главного персонажа — Никандра Рассветова.

Рамки события устанавливаются предположительно с учетом времени приезда В.М.Левина в Нью-Йорк (см. предыд. запись) и пометы Есенина под монологом Рассветова (вторая часть поэмы), имеющейся в первой его публикации — «Нью-Йорк. 14 февраля 23 года» (подробнее см.: 14 февр. 1923). Эта помета внутренне противоречива, поскольку отъезд Есенина и А.Дункан из Нью-Йорка состоялся 3 февр. 1923 (см.). Возможно, начав этот фрагмент в Нью-Йорке, Есенин продолжал работу над ним на пути в Европу вплоть до приезда в Париж.

Не исключено, что решение об изменении сюжета поэмы возникло в результате бесед Есенина с В.М.Левиным, который в 1920–1921 жил в Дальневосточной республике (ДВР), а его бывшая жена, близкая подруга З.Н.Райх, работала ответственным секретарем на конференциях правительства Дальнего Востока.

Прототипом Рассветова является видный советский деятель 1920-х гг. Александр Михайлович Краснощёков (1880–1937) — председатель правительства и министр иностранных дел ДВР (1921), заместитель наркома финансов РСФСР, член Президиума ВСНХ и председатель правления Промбанка (1922–1923). С 1902 по 1917 А.М.Краснощёков жил в Америке.

Подробнее см.: Есенин, III, 556–557; Шубникова-Гусева, 222–228.

Январь, 16. Газета «The New York Herald» пишет о Есенине и А.Дункан:

«Мисс Дункан сказала, что она и ее супруг, поэт Сергей Есенин, скоро уедут в Москву. И добавила, что они никогда не вернутся в Америку, хотя она и родилась здесь. Есенин сидел за кулисами во время ее концерта <см.: 15 янв. 1923>».

IE, 135, 286, примеч. 81.

Январь, 19. Петроградский «Литературный еженедельник» (№ 3; подпись: М.Алатырцев) помещает статью Б.Д.Четверикова «Косматые», где имя Есенина упоминается в ряду поэтов и критиков — теоретиков искусства:

«...проделана большая работа над формой — образом (<Вяч.> Иванов, Есенин), ритмом (Садофьев, Маяковский). Поставлен вопрос о сюжете (Лунц), накоплено определенное количество, богатство в области техники поэтики...».

Январь, 20. Газета «The New York Tribune» публикует интервью журналиста Босуэлла («Boswell Young») с А.Дункан:

«Китайские вышивки были натянуты на кровати, на которой расположилась Айседора Дункан <...>. Есенин, ее муж, поэт молодой России, сидел рядом с ней, пока она излагала свои теории педагогики. <...>

"Правительство <Советской России> предоставило помещение, но я кормила детей из собственного кармана. Это было абсолютно по-коммунистически. Такая школа невозможна в Америке, потому что в Америке нет демократии. <...> До тех пор пока существует богатое дитя и бедное дитя — не может быть демократии.

<...> Я согласна с Руссо, который говорил, что большой процент детей не развивается свыше 12 лет. Зачем изводить их образованием? Почему бы не дать волю их собственному воображению? Он <Руссо> бы не требовал, чтобы ребенок моложе 12 лет учился читать и писать. Пусть ребенок в этом возрасте научится танцевать и петь. Дайте ему музыку и поэзию.

<...> Я думаю, что каждый ребенок рождается гением. Те, кого мир именует гениями, когда они вырастают, по-моему, просто дети, счастливо избежавшие образования. Вот гений. *(Она повернулась к мужу.)* Вот молодая Россия. Шальной, сильный, полный жизни. Поэтичный!"».

Цит. по: Маквей-2004, 365.

Газета «Русский голос» (№ 2056) помещает анонимную заметку «Исидора Дункан будет танцевать для русских сирот»:

«Друзья Советской России заручились согласием Исидоры Дункан, танцовщицы классических танцев, выступить в пользу русских сирот в театре Лексингтон 2-го февраля.

Это будет ее последнее выступление на американской сцене, после чего она отправляется в Россию.

Преследуем<ой> американскими охранниками, ей очень трудно было согласиться на это выступление.

Программа будет исключительно русская. Играть будет симфонический оркестр М.Альтшулера.

Русский поэт Сергей Есенин, муж Исидоры Дункан, расскажет о своих впечатлениях об Америке и прочтет некоторые свои произведения.

Билеты продаются с понедельника 22 января в "Русском голосе" и других местах».

См.: 27 и 31 янв. 1923; 2 февр. 1923, вторая и третья записи; 4 марта 1923.

Январь, около 26 (?). Есенин получает авторские экземпляры своей книги «Собрание стихов и поэм. Т. 1» (1922).

Датировка ориентировочна. Впрочем, В.М.Левин вспомнит:

«Как раз после истории в Бронксе <см.: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923> Есенин получил пачку авторских экземпляров своей книжки, вышедшей в Берлине в издательстве Гржебина».

РЗЕ, 1, 227–228.

См.: 28 янв. 1923, вторая запись.

См. также: Есенин, VII (1), 215, 216, 475.

Январь, до 26. Есениным написан ныне неизвестный (ранний) вариант первой части поэмы «Страна Негодяев» с сюжетом об ограблении продовольственного вагона.

Граница события устанавливается по воспоминаниям В.М.Левниа, где описывается чтение этого фрагмента на вечеринке у Мани-Лейба (см. след. запись).

Январь, с 26 на 27. По приглашению еврейского поэта Мани-Лейба (М.Л.Брагинского) Есенин приходит к нему на квартиру (район Бронкс) вместе с А.Дункан и В.М.Левиным.

Поэт читает монолог Хлопуши из «Пугачева» и отрывок из «Страны Негодяев», а В.М.Левин — поэму Есенина «Товарищ».

Вечеринка заканчивается инцидентом, в центре которого оказывается Есенин.

Время события определяется в соответствии с датой «27 января», содержащейся в отклике на него (см.: 21 февр. 1923), с учетом свидетельства В.М.Левина, что вечеринка началась в пятницу, т. е. 26 января (см. ниже).

В «Хронологической канве...» (Есенин, VII (3), 331) событие датировано неточно (на сутки позже).

Из воспоминаний В.М.Левина (1952):

«...я пришел к Есенину в отель, и он сказал мне, что собирается на вечеринку к еврейскому поэту Мани-Лейбу, переведшему многие его стихи на еврейский язык. Он собирался туда с Изадорой и просил меня его сопровождать. <...> Я согласился.

<...> сравнительно небольшая квартира еврейского рабочего-поэта была до отказа набита людьми, мужчинами и женщинами разного возраста, хорошо, но просто одетыми. Все собрались поглядеть на танцовщицу Изадору и ее мужа, поэта русской революции. Конечно, Изадора выделялась среди них своим совсем другого тона платьем и каждым поворотом своего тела, но она была исключительно проста и элегантна. Есенин сразу почувствовал, что попал на зрелище. Его не смутила богемная обстановка, выражавшаяся в том, что некоторые из гостей принесли с собой вино, целые колбасы, кондитерские пироги — для всеобщего угощения. Это всё было понятно и ему и, веро-

ятно, видавшей виды Изадоре. Собрались выходцы из России, большей частью из Литвы и Польши, рабочие, как-то связанные интересами с литературой.

Сам Мани-Лейб, высокий, тонкий, бледный, симпатичный, несомненно, даровитый поэт, и жена его, Рашель, тоже поэтесса, встретили гостей добродушно и радостно. Видно было, что все с нетерпением ждали нашего приезда. И как только мы вошли, начался вечер богемы в Бронксе. Какие-то незнакомые мужские фигуры окружили Изадору. Она улыбалась всем мило и радостно. Сразу же пошли по рукам стаканы с дешевым вином и винные пары с запахом человеческого тела скоро смешались. Я слышал фразочки некоторых дам;

— Старуха-то, старуха-то — ревнует!..

Это говорилось по-еврейски, с наивной простотой рабочего народа, к которому они принадлежали, и говорилось это об Изадоре: это она была "старуха" среди них, лет на десять старше, но главное, милостью Божьей великая артистка, и ей нужно было досадить. При всем обществе Рашель обняла Есенина за шею и говорила ему что-то на очень плохом русском языке. Всем было ясно, что всё это лишь игра в богему, совершенно невинная, но просто неразумная. Но в той бездуховной атмосфере, в какой это имело место, иначе и быть не могло.

Скоро раздались голоса с просьбой, чтоб Есенин прочел что-нибудь. Он не заставил себя просить долго и прочел монолог Хлопуши из еще неизвестного мне тогда "Пугачева". Начинался монолог так:

Проведите, проведите меня к нему.
Я хочу видеть этого человека.

Вряд ли в Бронксе поняли Хлопушу из "Пугачева", несмотря на изумительное чтение автора. Но всё же впечатление было большое. Мани-Лейб прочел несколько своих переводов из Есенина на идиш. Я спросил Сергея Александровича, нет ли у него возражения, чтоб я читал его "Товарища". Он одобрил, но, как мне кажется, без особого восторга. И я прочел довольно длинную поэму о мальчике Мартине и о Иисусе, который сидел на иконе "на руках у Матери".

"Товарищ" был принят слушателями хорошо, но и он, конечно, "не дошел" до них, наполовину иностранцев, как не дошел он и до нас — не иностранцев.

Есенина снова просили что-нибудь прочесть из последнего, еще неизвестного. И он начал трагическую сцену из "Страны негодяев". Продовольственный поезд шел на помощь голодающему району, а другой голодающий район решил этот поезд перехватить и для этого разобрал рельсы и спустил поезд под откос. И вот на страже его стоит человек с фамилией Чекистов... Из утреннего тумана кто-то пробирается к продовольствию, и Чекистов кричит, предупреждая, что будет стрелять:

— Стой, стой! Кто идет?

— Это я, я — Замарашкин.

Оказывается, они друг друга знают. Чекистов — охранник, представитель нового государства, порядка, а Замарашкин — забитый революцией и жизнью обыватель, не доверяющий ни на грош ни старому, ни новому государству и живущий по своим неосмысленным традициям и привычным страстям. Между ними завязывается диалог.

Чекистов объясняет всю нелепость акта против поезда помощи голодающим. Замарашкин явно не доверяет идеологии Чекистова, уличая его в личных интересах, и даже в том, что он — не русский, Замарашкин откровенен:

— Ведь я знаю, что ты — жид, жид пархатый, и что в Могилеве твой дом.

— Ха-ха! Ты обозвал меня жидом. Но ведь я пришел, чтоб помочь тебе, Замарашкин, помочь навести справедливый порядок. Ведь вот даже уборных вы не можете построить... Это меня возмущает... Оттого, что хочу в уборную, а уборных в России нет.

Странный и смешной вы народ,
Весь век свой жили нищими,
И строили храмы Божии.
А я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Вряд ли этот диалог был полностью понят всеми или даже меньшинством слушателей. Одно мне было ясно, что несколько фраз, где было "жид", вызвали неприятное раздражение.

А новые люди все прибывали в квартиру, уже невозможно было сидеть — все стояли, чуть-чуть передвигаясь, со стаканами вина в руках. И оказавшись на минуту в стороне от четы Есениных, я услышал, как стоявший у камина человек среднего роста в черном пиджаке повторил несколько раз Файнбергу, угощавшему вином из бутылки:

— Подлейте ему, подлейте еще...

Позже я узнал и имя этого человека, автора нескольких пьес и романов — ему хотелось увидеть Есенина в разгоряченном состоянии. <...>

<...> вдруг он <Есенин>, упорно смотревший на легкое платье Изадоры, схватил ее так, что ткань затрещала, и с матерной бранью не отпускал...

<...> Момент, и я бросился к нему с криком:

— Что вы делаете, Сергей Александрович, что вы делаете? — и я ухватил его за обе руки. Он крикнул мне:

— Болван, вы не знаете, кого вы защищаете!..

<...> Еще момент — и я увидел Есенина, бегущего вниз, в одном пиджачке. За ним неслись Мани-Лейб и еще несколько человек, Есенина втащили обратно, он упирался и кричал. Я не вернулся в квартиру и ушел. <...>

Вечеринка происходила *в пятницу* <т. е. 26 января; выделено составителями>.

<...> вот что случилось <по рассказу Мани-Лейба> после моего ухода.

Есенин вторично бежал из квартиры. Мани-Лейб еще с некоторыми (с ними и Файнберг) нагнали его. <...> Снова пришли на квартиру Мани-Лейба.

Есенин сделал попытку выброситься в окно пятого этажа. Его схватили, он боролся.

— Распинайте меня, распинайте меня! — кричал он. Его связали и уложили на диван. Тогда он стал кричать:

— Жиды, жиды, жиды проклятые! — Мани-Лейб ему говорил:

— Слушай, Сергей, ты ведь знаешь, что это оскорбительное слово, перестань!

Сергей умолк, а потом, повернувшись к Мани-Лейбу, снова сказал настойчиво:

— Жид!

Мани-Лейб сказал:

— Если ты не перестанешь, я тебе сейчас дам пощечину. — Есенин снова повторил вызывающе:

— Жид!

Мани-Лейб подошел к нему и шлепнул его ладонью по щеке. <...>

Есенин в ответ плюнул ему в лицо. Но это разрядило атмосферу. Мани-Лейб выругал его. Есенин полежал некоторое время связанный, успокоился и вдруг почти спокойно заявил:

— Ну, развяжите меня, я поеду домой».

РЗЕ, 1, 222–226, 315.

Поэт и критик Р.Айзланд, также бывший свидетелем инцидента, вскоре расскажет о нем в выходящей на языке идиш нью-йоркской газете «Der Tog» (см.: 1 февр. 1923). Через двадцать дней сокращенный перевод этой статьи будет опубликован в Берлине на русском языке (см.: 21 февр. 1923, первая запись).

См. также: Материалы, 412.

А.Ярмолинский позднее напишет:

«Гребнев свел Есенина с еврейским поэтом Брагинским, тоже выходцем из России, который печатался под псевдонимом Мани-Лейб <...>. Почитатель Есенина, Мани-Лейб перевел несколько его стихотворений на идиш. Несмотря на разницу лет (Брагинскому было под сорок), Есенин довольно близко сошелся с ним и его женой, которая тоже писала стихи.

Как-то раз они пригласили Есенина на вечеринку. Дело было в конце января. Обычно Есенин приезжал к ним один, но на этот раз он приехал в их скромную квартиру (на шестом этаже дома без лифта, в Бронксе) вместе с Айседорой в сопровождении Левина и Гребнева. Русский поэт и знаменитая танцовщица, конечно, немедленно стали центром внимания как хозяев, так и их многочисленных гостей. Спиртные напитки были тогда запрещены, но, как известно, незаконная торговля ими процветала. В тот вечер у Брагинских было много выпито, и чета Есениных в этом усердно участвовала.

До известной степени это был литературный вечер. Хозяин продекламировал свои переводы из Есенина, Левин прочел его "Товарища", а сам Есенин — монолог Хлопуши из "Пугачева" и разговор Чекистова с Замарашкиным, которым открывается "Страна негодяев". Выбор этой сцены для чтения был крайне бестактен. "Я знаю, что ты еврей", — говорит Замарашкин своему собеседнику. Так в печатном тексте. Из воспоминаний Левина <см. выше> явствует, что в прочитанном отрывке фигурировало слово "жид". Легко представить себе впечатление, которое это произвело на публику, состоявшую сплошь из евреев. <...>

Вечеринка с Есениными закончилась скандалом, описанным в упомянутых воспоминаниях Левина. Некоторые подробности этого печального инцидента рассказали мне Леонид Файнберг и его жена».

РЗЕ, 1, 231.

Еще одна свидетельница этого эпизода выступит с рассказом о нем в Москве на товарищеском суде по «делу четырех поэтов» (см.: 10 дек. 1923).

Отклики на событие см.: 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Январь, 27. Петроградский «Литературный еженедельник» (№ 4) публикует статью А.М.Свентицкого «Сморщенный лимон (Ответ на статью И.Груздева "Два апельсина")» с упоминанием Есенина.

Полемизируя с И.Груздевым, А.Свентицкий сравнивает его с «лихим карточным игроком» в связи с тем, что, цитируя статью Г.Ф.Устинова «Очерки новейшей русской литературы: I. Искусство и политика», Груздев убрал имя Есенина из характеристики имажинизма, который, по словам Устинова, «представлен <...> достаточно надоевшей группой поэтов Есенина, Мариенгофа, Кусикова и Шершеневича...» (см.: 23 сент. 1922, вторая запись).

Январь, 27 и 31. В газете «Русский голос» (№ 2063 и 2067) вновь анонсируется выступление Есенина на вечере в пользу русских сирот (Лексингтон-театр):

«Изидора Дункан отложила свою поездку в Сов<етскую> Россию для того, чтобы в пятницу 2-го февраля 1923 в Лексингтон-театре, 51-ая ул. и Лексингтон аве, дать специал<ьное> представление в пользу сирот. Исключительно русская программа, русский симфонический оркестр под упр<авлением> Модеста Альтшулера. Знаменитый рус-

ский поэт Сергей Есенин (муж Изидоры Дункан) будет говорить о своих впечатлениях в С<оединенных> Шт<атах>. Цена билетам: $ 1, $ 1.50 и $ 2. Билеты можно достать в конторе "Русского Голоса". Подробности и полная программа будет опубликована позже».

См.: 20 янв. 1923, вторая запись; 2 февр. 1923, вторая и третья записи; 4 марта 1923.

См. также: Хроника, 2, 71–72.

Январь, 28. М.Л.Брагинский с женой приходят к Есенину в гостиницу «The Great Northern Hotel» на 56-й улице Нью-Йорка.

А.Ярмолинский вспомнит:

«На другой день <см.: с 26 на 27 янв. 1923> Брагинские навестили виновника скандала и восстановили с ним дружеские отношения. Есенин счел нужным также послать им письменное извинение <см.: 29 янв. 1923, первая запись>. Оно без даты и написано на почтовой бумаге гостиницы "The Great Northern Holel" на 56-й улице, в которую Дункан и Есенин перебрались из фешенебельного Waldorf-Astoria».

РЗЕ, 1, 232.

Видимо, о том же дне напишет и В.М.Левин:

«Через некоторое время пришел к нему с визитом Мани-Лейб. Мы мирно беседовали втроем, а по приходе Изадоры распрощались, было уже поздно, Есенин был утомлен. Выйдя с Мани-Лейбом, я поинтересовался концом той вечеринки и с сожалением говорил о появившемся в газете скандале. Он сказал, что избежать гласности в присутствии Изадоры Дункан и Есенина, как хотелось бы, в Америке невозможно. Среди друзей есть журналисты и их профессия — сплетни. Что поделаешь? <...>

...газетный скандал имел свои последствия. Концертные выступления Дункан по Америке стали невозможны. Это она и сама поняла. Зингер, который обещал ей материальную поддержку для устройства студии, — просто смылся и уже не давал о себе знать. Изадора пессимистически говорила мне, что в Америке невозможно создать культурное предприятие. Я видел, что причина трудности лежит не в стране, а в людях. Я так всегда думал. Америка — страна нелегкая для культуры. Но что удивительней всего, так это то, что именно в Америке удалось ошельмовать самого яркого представителя русского антиматериализма, антибольшевизма, ошельмовать до такой степени, что ему стало невозможно самое пребывание здесь. На него приклеили ярлык большевизма и антисемитизма — он возвратился в Советский Союз, где хорошо знали его "как веруеши", все его слабые человеческие места, и на них-то построили "конец Есенина". <...>

Дни пребывания Есенина и Изадоры в Америке были сочтены. После истории в Бронксе им только и оставалось скорей сесть на пароход и ехать в Европу. "Друзья" отвернулись, за исключением очень немногих, газеты тоже. Кто-то сделал свое дело блестяще, причислив Есенина в лагерь большевиков. Какая была бы это сила, если б удалось сохранить ее для борьбы за свободу России! <...>

Почти каждый день я продолжал встречаться с Есениным и с Изадорой. Настроение у них было грустное. Через несколько дней они уже должны были сесть на пароход».

РЗЕ, 1, 226–227.

См. также: 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Есенин дарит свое «Собрание стихов и поэм. Т. 1»:

— В.М.Левину с надписью:

«Дорогому Вениамину Менделевичу с любовью. С.Есенин. 1923 янв. Н.Йорк».

Есенин, VII (1), 215, 475. Факсимиле — Юсов-96, 327.

Из воспоминаний В.М.Левина:

«Одну такую книжку он <Есенин> подарил мне с трогательной надписью — "с любовью"».

РЗЕ, 1, 228;

— М.Л.Брагинскому с надписью:

«Дорогому другу — жиду Мани-Лейбу».

Есенин, VII (1), 216, 475.

В.М.Левин в 1952 г. напишет:

«Другой экземпляр он <Есенин> подарил Мани-Лейбу с надписью <см. выше>. И, многозначительно посмотрев на него, сказал: "Ты меня бил". Значит, он помнил события в Бронксе. Мани-Лейб мне признался, что он молча взял книжку, но, выйдя из отеля, зачеркнул слово "жиду" — не выдержал этой дружеской шутки».

РЗЕ, 1, 228.

Январь, 29. Есенин пишет М.Л.Брагинскому:

«Милый, милый Монилейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель <см.: 28 янв. 1923, первая запись>, мы говорили о чем-то, но о чем, я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сест<ра> милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Монилейб! Ради Бога, простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь.

Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб<ивал> целые дома.

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий вас всех
Ваш С. Есенин.

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты-братья. Душа у нас одна, но по-разному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький, чтобы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо, передайте всем мою просьбу простить меня».

Есенин, VI, 152–153, с датой: «Конец января 1923 г.». День события определяется по сопоставлению содержания письма со свидетельствами о времени предшествующих эпизодов (см. предыд. записи).

См. также: IE, 136–139, 286–287.

Упомянутый Есениным Л.Гребнев (собств. Файнберг), отвечая через сорок пять лет на запрос Г.Маквея по поводу этого эпизода, напишет исследователю (9 янв. 1967):

«Нет, Есенин не был антисемитом в глубоко укорененном "философском" смысле, как считаете Вы. Он был больным, путаным гением. Сегодня он провозглашал свою большую любовь к евреям и к своим еврейским друзьям, а назавтра тех же самых дру-

зей обзывал "грязными жидами". Но это было не антисемитизмом, а вспышками болезненного настроения (sick-minded outbursts)».

IE, 137 (перевод С.И.Субботина).

Согласно Г.Маквею (IE, 287, примеч. 91), в этом письме содержится указание на общественное положение его автора, — в то время Л.Файнберг был президентом еврейского ПЕН-клуба в Нью-Йорке (President, Yiddish P.E.N. Club, Bronx, New York).

Из воспоминаний В.М.Левина (1952):

«...меня вызвала к телефону Изадора и трогательно просила приехать к Есенину — он лежит, болен. Я, конечно, тотчас же обещал. <...>. Через час я уже был у них и нашел Есенина в постели. Изадора ушла к стенографу, и мы были наедине. Есенин был немножко бледней обычного и очень учтив со мною и деликатен. И рассказал, что с ним произошел эпилептический припадок. Я никогда прежде не слышал об этом. Теперь он рассказал, что это у него наследственное, от деда. Деда однажды пороли на конюшне, и с ним приключилась падучая, которая передалась внуку. Я был потрясен. Теперь мне стало понятно его поведение у Мани-Лейба накануне припадка, мрачное и нервное состояние. Мы мирно и дружески беседовали. Он с досадой рассказывал о газетных сплетнях, будто он "большевик и антисемит".

— У меня дети от еврейки, а они обвиняют меня в антисемитизме, — сказал он с горечью».

РЗЕ, 1, 225–226.

См. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 19) помещает объявление:

«Книжный склад Наркоминдела. Розничная продажа:

<...> Есенин. Триптих. Ц. 15 к.

<...> Кусиков. Птица безымянная. Ц. 60 к.».

Январь, конец. В беседе А.Дункан с директором «Школы Элизабет Дункан в Зальцбурге» М.Мерцем возникает имя Есенина.

IE, 140.

М.Мерц вспомнит в 1928 г.:

«Я встретил ее <А.Дункан> на квартире нашего общего друга; она бежала сюда от своего скандального мужа после того, как он позволил себе плохое обращение с ней. Она выглядела смертельно уставшей, как загнанное животное. Я дружески попенял ей, и хотя она сказала, что больше не в состоянии подчиняться такому недостойному обращению, но заметила со свойственной ей мягкой улыбкой: "Вы знаете, ведь Есенин крестьянин, а у русского крестьянина есть обыкновение напиваться по субботам и колотить свою жену!" И затем она сразу же похвалила поэтический гений своего мужа, которому, по ее убеждению, это позволительно».

Цит. по: IE, 140, 287, примеч. 112 (перевод С.И.Субботина).

Январь. В Москве выходит журнал «Трудовая нива» (№ 1), издаваемый Всероссийским союзом крестьянских писателей, со статьей Г.Д.Деева-Хомяковского «Задачи крестьянского поэта и писателя», где говорится о Есенине:

«Назваться крестьянским писателем в наши дни мало. Для того чтобы быть им, нужно самому пережить, перечувствовать то, что переживает и чувствует крестьянин.

За время империал<истической> войны и пролет<арской> революции крестьянином столько передумано и перечувствовано, что едва ли может уложиться в те подчас сентиментально наивные или певуче-высокопарные строки, которые нам преподносят поэты вроде Клычкова, Есенина и порой Третьякова. <...>

В творчестве талант выявляется постепенно. От моральной поддержки зависит то, что иногда весьма слабый поэт, писатель быстро ориентируется и становится не только средней величиной, но и довольно видной фигурой: Есенин, Клюев, Артамонов и др., — вот имена, которые начинали с таких произведений, которых они теперь стыдятся».

В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 1, за январь) с рецензиями, в которых упоминается Есенин:

— на книгу М.Дудорова «Ухабы» (Тверь, 1922; автор — С.П.Бобров, подпись: Э. П. Бик):

«Из книжечки Дудорова очевидно, что в Твери читают Есенина. У всякого свой вкус. Один читает Шекспира и Роланда, а другой — Есенина. Стихов писать т. Дудоров не умеет»;

— на первый сборник «Гермес: ежегодник искусства и гуманитарного знания» (Киев, 1919; автор — Л.В.Розенталь):

«Редактор, Владимир Маккавейский, горюет, что Вячеслав Иванов, Белый и Есенин опоздали своим приездом в Киев и не смогли поместить своих произведений наряду с прочими, доставленными со всех концов России, и вознаграждает читателя quantum satis своих писаний...».

Январь (?). В Ереване выходит № 1 детского журнала «Патком» («Юнком», т. е. «Юный коммунист») со стихотворением Е.Чаренца «Друзья», сюжет которого восходит к поэме Есенина «Товарищ».

На это указывает редакционное примечание к стихотворению:

«...тема приблизительно взята у русского современного поэта С.Есенина».

Цит. по: *Ананян Г.* Чаренц и русская литература. Ереван: Советакан грох, 1983, с. 29.

Г. Ананян также отмечает:

«...в обстановке борьбы против старого мира он <Чаренц> не мог оставаться верным духу стихотворения <"Товарищ">, в котором автор сделал "попытку объединения революции и христианства" <А.А.Волков>. Вот почему у армянского поэта товарищи – Мартин и кошка ("Выбежал, выбежал на улицу маленький ребенок, кошка выбежала вслед за товарищем маленьким"). В силу того, что Чаренцем многое в стихотворении <сравнительно с текстом Есенина> было изменено, в дальнейшем он поместил его в сборнике своих произведений (1932 г.) с пометой "по Сергею Есенину"» (там же, с. 30).

Январь (?) — Февраль. Есенин завершает работу над ранним вариантом поэмы «Черный человек» под названием «Человек в черной перчатке».

Время события определяется с учетом информации в журнале «Россия», из которой явствует, что произведение под таким названием к февр. 1923 уже было написано (см.: апр. 1923, третья запись).

Это косвенно подтверждается и воспоминаниями современников.

В 1940 году С.А.Толстая-Есенина отметит:

«По словам Есенина, он писал поэму за границей в 1922 или 1923 г.».

Восп., 2, 263.

Спустя почти пятнадцать лет в беседе с Ю.Л.Прокушевым С.А.Толстая-Есенина скажет, показывая тому есенинский черновик «Черного человека»:

«Замысел поэмы возник у Сергея в Америке. Его потряс цинизм, бесчеловечность увиденного, незащищенность Человека от черных сил зла. "Ты знаешь, Соня, это ужас-

но. Все эти биржевые дельцы – это не люди, это какие-то могильные черви. Это "черные человеки". <...> Взгляните еще раз на этот черновой автограф. Как жаль, что он сохранился не полностью. Ведь "Черному человеку" Сергей отдал так много сил. Написал несколько вариантов поэмы"».

Цит. по: Прокушев Ю. Они знали Есенина: Из встреч с современниками поэта. — Сб. «День поэзии 1975», М., 1975, с. 200.

В 1926 г. Н.Н.Асеев напишет о встрече с Есениным в ноябре 1925 г.:

«Есенин читал мне "Черного человека". <...> Говоря о самой поэме, он упирал на то, что работал над ней два года, а напечатать нигде не может...».

Восп., 2, 315.

Во время последней встречи с прозаиком А.И.Тарасовым-Родионовым перед отъездом в Ленинград (23 дек. 1925) Есенин, отвечая на упрек: «Смотри, до чего себя довел, до лечебницы, до "Черного человека", — скажет:

«"Черного человека" я давно уже написал. Я после него еще много других вещей написал, и не в этом дело».

Материалы, 252.

«<Текст> раннего варианта неизвестен. Однако известно заглавие "Человек в черной перчатке", которое явно соотносится с текстом "Черного человека". <...> ...нетрудно заметить, что заглавие "Человек в черной перчатке" восходит к типологическому для литературы тех лет образу, популярному среди имажинистов. Одним из источников этого образа является заглавие пьесы В.Г.Шершеневича "Дама в черной перчатке"».

Шубникова-Гусева, 480, 482–483, 564.

См. также: окт. — дек. 1922.

Сведения современников, слышавших поэму в исполнении автора в раннем варианте, лишены конкретики.

В.Ф.Наседкин напишет о «Черном человеке» (1927):

«То, что вошло в собрание сочинений — это один из вариантов. Я слышал от него другой вариант, кажется, сильнее изданного».

Восп., 2, 309.

М.Д.Ройзману (в 1960-е г.) вспомнится:

«Есенин <...> объявил, что прочтет "Черного человека". <...> Поэма была длинней, чем ее окончательный вариант. В конце ее лирический герой как бы освобождался от галлюцинаций, приходил в себя».

Восп., 1, 393.

По словам С.А.Толстой-Есениной, после чтения ей завершенной поэмы (14 нояб. 1925) поэт сказал:

«Он <черный человек> вышел не такой, какой был прежде, не такой страшный <как в раннем варианте>, потому что ему <Есенину> так хорошо со мной было в эти дни».

Журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 68.

Февраль, 1. Газета «Der Tog», выходящая на языке идиш, помещает статью Р.Айзланда об инциденте с Есениным на квартире Мани-Лейба.

Выдержки из статьи см.: 21 февр. 1923, первая запись.

Ее автор, в частности, пишет, что «в нью-йоркских газетах помещен ряд статей о погроме, учиненном русским поэтом Есениным своим еврейским товарищам-поэтам». Упоминания об этих материалах содержатся также в откликах прессы русского зарубежья (см.: 2 февр. 1923, четвертая запись; 3 февр. 1923, вторая запись; 18 февр. 1923). Соответствующие англоязычные печатные источники не были доступны составителям наст. книги.

См. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Февраль, 1, 3 и 6. Газета «Свободная Россия» (Чикаго; № 27, 29, 30) помещает объявление своего книжного склада о высылке наложенным

платежом книг на русском языке, в том числе книги Есенина «Триптих» (Берлин, 1921).

См.: 2–4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 16, 24, 29 и 31 янв. 1923.

Февраль, 2. Генеральное консульство Франции в Нью-Йорке выдает Есенину разрешение на въезд во Францию:

«Виза Генерального Консульства Франции в Нью-Йорке для возвращения во Францию. Нью-Йорк. Фев. 2–1923. В качестве Генерального Консула и по разрешению <подпись>».

Хроника, 2, 71 (пер. с фр.); воспроизведение визового штампа, проставленного на обороте американского паспорта поэта, см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 4. Подпись скреплена круглой печатью с текстом: «Генеральное Консульство Франции. Нью-Йорк».

Газета «Русский голос» (№ 2069) помещает объявление:

«Lexington Theatre. Сегодня прощальное выступление Изидоры Дункан и ее мужа, знаменитого русского поэта Сергея Есенина. <...> Весь доход в пользу русских сирот».

См.: 20 янв. 1923, вторая запись; 27 и 31 янв. 1923; 4 марта 1923; след. запись.

См. Приложение.

А.Дункан (возможно, вместе с Есениным) выступает в Lexington Theatre.

На следующий день А.Дункан перед отплытием в Европу упрекнет репортеров:

«Почему этим утром в газетах не было ничего о моем прощальном появлении прошлым вечером в Лексингтонском оперном театре?»

Газ. «New York Tribune», 1923, 4 февр. (цит. по: IE, 144, 288, примеч. 119).

См.: 20 янв. 1923, вторая запись; 27 и 31 янв. 1923; 4 марта 1923; предыд. запись.

Парижская газета «Последние новости» (№ 855, рубрика «Вести отовсюду») пишет:

«Американские газеты сообщают о любопытном инциденте, происшедшем в Нью-Йорке на интимном вечере Айседоры Дункан и ее молодого супруга Сергея Есенина. Последний читал свои стихи. Во время перерыва, после которого Дункан должна была танцевать, Есенин решил исполнить номер сверх программы: показать свое искусство в боксе. Он предложил всем присутствующим помериться с ним силами. Нашлись охотники. В пылу боя Есенин нечаянно нанес сильный удар Айседоре по лицу. Танцы, конечно, не состоялись. Танцовщица была отвезена домой — и уже несколько дней не показывается, так как у нее образовались внушительные кровоподтеки под глазами».

См.: также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923; 1 февр. 1923; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Московские «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 23) помещают статью В.В.Маяковского «Париж».

Об отклике на эту статью в «Железном Миргороде» см.: Есенин, V, 395.

См. также: 24 дек. 1922, вторая запись; 27 дек. 1922, пятая запись; 13 янв. 1923, вторая запись; 6 февр. 1923, вторая запись; 29 марта 1923, пятая запись.

Февраль, 3. Есенин передает В.М.Левину автограф отрывка из поэмы «Страна Негодяев».

В 1952 г. В.М.Левин напишет:

«...я предложил Есенину, чтоб он написал мне своей рукой тот отрывок о Чекистове и Замарашкине, который он читал в Бронксе <см.: с 26 на 27 янв. 1923> и который,

по моему мнению, и вызвал обвинения в "антисемитизме". Я объяснил ему, что на всякий случай я буду третьим лицом, с документом в руках опровергну этот просто невежественный выпад, основанный на незнании языка и духа его. Он обещал, и обещание свое выполнил. В день отъезда из Нью-Йорка, когда я его провожал, он передал мне эти страницы, исписанные его четким бисерным почерком, точно так, как он читал, но не так, как это место было опубликовано позже в России. Там было кое-что изменено, и место это стало менее ярким. К сожалению, страницы эти погибли через много лет во Франции, в Ницце, где уничтожен был детьми целый чемодан моих рукописей, среди них и эта. Но пред отъездом из Нью-Йорка в 1929 году, предчувствуя, что подобное может произойти, я сделал два фотостата с этих страниц и передал их: 1) в русский отдел нью-йоркской Публичной библиотеки, и 2) в отдел авторских манускриптов той же библиотеки».

РЗЕ, 1, 227.

Фотокопии есенинской рукописи, о которых пишет мемуарист, ныне неизвестны. А.Ярмолинский, который руководил славянским отделом публичной библиотеки Нью-Йорка, опровергает слова В.М.Левина:

«Могу сказать с уверенностью, что снимки эти в библиотеку не поступали».

РЗЕ, 1, 231.

Газета «Новое русское слово» (№ 3661) печатает анонимную заметку о Есенине «Дебоширствующий талант»:

«Кому многое дается, с того многое и взыскивается.

Есть русский поэт Сергей Есенин <здесь и далее по тексту — Ессенин>. Из молодых талантов. Еще совсем не оперившийся и выявивший свои дары. Есенину надо учиться, думать, творить.

Он — сын рязанской деревни. И, может быть, потому в нем нет внутренней глубокой культуры, истинной человечности. В нем, как и в других знаменитостях, по временам проявляется дикость некультивированной натуры.

Порывистый поэт Есенин, работая над собою, изыскивая новые пути собственного творчества, может вырасти в крупную силу, сеющую красоту и мысли.

Слепая судьба, очевидно, позавидовала растущему таланту и решила кинуть его в "большие забияки", из деревенского таланта создать мировую известность. Судьба свела и сроднила Есенина с танцовщицей Дункан. Молодой поэт стал мужем известности и попал в среду знатных и богатых.

Для поэта законы не писаны. Талант выставляется там, где хочет.

Об Есенине сразу заговорили, и не об Есенине, а как о молодом муже вдвое старшей жены. Заговорили и начали прославлять, дивоваться, заискивать. Печать усиленно заговорила. Пошла беспечная и нетрудовая жизнь.

В итоге избалованный и самолюбивый Есенин распоясался во все тяжкие. Пошли пьяные дебоширства, за ними и драки.

Нью-йоркская печать насмешливо описывает дебоширство г-на Есенина на квартире поэта Мани Лейба, 1171 Шекман Авеню, в Бронксе.

Есенин, будучи в гостях у еврейско-американских поэтов и художников, подрался и надебоширил. Оскорбил даже свою жену.

Нам, русским людям, радостно и понятно, когда американская печать воздает должное русским силам и творчеству. Мы рады за русское искусство, поднявшее свое знамя высоко.

Когда прибыл в Америку поэт Есенин с г-жой Дункан, он был полон надежд и обещаний: творить, переводить, издавать.

Не прошло и трех месяцев, как вместо поэзии начались дебоширства, одно за другим. Юный поэт перестал расти. Он погибнет от чрезмерно выросшей славы. И забьется, избушуется. И жаль, что гибнет молодой и не развившийся еще талант.

И лучше будет, если Есенин соберет свои пожитки и уедет в Россию.

А здесь для пропаганды русского творчества и культуры нужны иные люди: сильные, смелые и созидательные».

Перед отъездом из Америки А.Дункан публично высказывается перед журналистами.

«...в конце месяца, утомленная ведущейся против нее кампанией в печати, обеспокоенная состоянием душевного и физического здоровья своего мужа, которого его достойный сожаления опыт с контрабандным спиртным отнюдь не улучшил, издержавшаяся до необходимости взять деньги для оплаты проезда в долг у Лоэнгрина <П.Зингера>, она отплыла в сопровождении Есенина и Жанны, своей верной горничной. Она избрала так называемый сухогруз, пароход "Джордж Вашингтон", и перед тем, как он отчалил, она еще раз высказала свои мысли собравшимся репортерам».

И.Дункан и Макдугалл, 117. Отклики прессы см. ниже.

Есенин и А.Дункан поднимаются на борт парохода «Джордж Вашингтон» и отплывают во Францию.

В.М.Левин отметит:

«Провожающих было всего несколько человек. Изадора жаловалась, что никто даже цветов не прислал. Мы попрощались дружески, но было грустно...».

РЗЕ, 1, 227.

Газета «The New York Sun» публикует репортаж с пирса Хобокен под заголовками «Изадора и ее русский муж отплывают, чтобы никогда не вернуться! Лучше свобода, черный хлеб и водка в России, говорит танцовщица, чем жизнь в капиталистических США»:

«"Ваши газетчики подорвали мой успех. Я возвращаюсь в Россию. <...> В России мы получили свободу. Ваш народ не знает, что это такое. <...> Мой муж и я революционеры. Каждый художник должен быть революционером. Нет, мы не большевики, не нигилисты, а просто революционеры", — <сказала А.Дункан>.

"Вернетесь ли вы?" — спросил капиталистический репортер.

"Я никогда не вернусь", — огрызнулась она».

Цит. по: IE, 141, 288, примеч. 115.

В газете «The New York Globe» — материал на ту же тему с шапкой: «Танцовщица покидает США в отвращении; Изадора Дункан говорит, что подлинным американским искусством являются рекламные вывески — эффектность против красоты; Почему турне провалилось; Пресса и иммиграционные службы обвиняли — она отплывает в Россию с мужем»:

«"Репортеры, посланные интервьюировать меня, <– сказала А.Дункан, –> вместо того чтобы спрашивать об искусстве танца, желали узнать, что я думаю о свободной любви или об обобществлении личной собственности. <...>

Теперь я возвращаюсь в Москву. "Ужасное" Советское правительство по крайней мере ценит искусство. Оно обеспечило детскую школу финансовой поддержкой, и я возобновлю там свое преподавание".

Танцовщицу сопровождал ее муж, Сергей Есенин, русский поэт. Оба были одеты в тяжелую меховую одежду, подготовившись к русской зиме».

Цит. по: IE, 142, 288, примеч. 116. (перевод С.И.Субботина).

Петроградский «Литературный еженедельник» (№ 5; подпись: Димми) помещает статью Б.Д.Четверикова «Синтез или эклектизм» о сборнике «Новый чтец-декламатор» под редакцией И.В.Владиславлева (М.; Пг.: Книга, 1923):

«Есть в книге так постриженные ножницами вещи Есенина, Блока, что лучше бы уж совсем не тревожить этих стихов».

См.: до 1 янв. ... до 15 янв. 1923.

Еженедельник «Новый художественный Саратов» (№ 5, за 3–10 февраля) помещает заметку без подписи «Постановка “Пугачева”»:

«По сведениям из Москвы, В.Э.Мейерхольд приступил к работе по постановке в театре Революции пьесы Есенина “Пугачев”».

См.: 14 янв. 1922; 29 дек. 1922.

Февраль, 4. Последнее данное в Америке интервью А.Дункан с упоминанием Есенина печатается в целом ряде нью-йоркских газет.

Помимо повторения тезисов танцовщицы, появившихся в газетах, вышедших накануне (см.: 3 февр. 1923, четвертая и пятая записи), в этих публикациях приводятся и другие ее высказывания.

Газета «The New York Times» пересказывает мнение А.Дункан о газетном отклике по поводу инцидента на квартире Мани-Лейба с участием Есенина:

«...и вот я читаю в одной из газет историю о том, как мой возлюбленный Сергей (тут она любовно погладила белокурую голову поэта) поставил мне синяк под глазом на квартире в Бронксе. Это ложь, шитая белыми нитками. Я не знаю, где находится Бронкс. Я ни разу в своей жизни там не была.

Что касается “сухого закона”, как они это называют, то для меня нет запретных областей. Некоторые из спиртных напитков, которые я здесь пила, могли бы убить слона. Это могло убить и меня, если бы я осталась здесь подольше».

Цит. по: IE, 145, 288 (примеч. 120); перевод С.И.Субботина (первый абзац), Г.Г.Лахути (второй абзац; см.: И.Дункан и Макдугалл, 118)

Изложение того же высказывания артистки об инциденте в ночь с 26 на 27 февр. 1923 приводит (4 февр. 1923) и газета «New York Herald» (см.: IE, 139, 287, примеч. 107).

В газете «The New York Tribune» те же слова А.Дункан передаются несколько по-иному:

«Однажды мне попалась газета, в которой я прочла интересный отчет о том, как меня избил мой муж. Там говорилось, что он поставил мне синяки под обоими глазами. Если бы это была правда, это было бы любопытно, но это такая глупость — чтобы мой муж ставил мне фонари под глазами! В газете также утверждалось, что скандал или то, что имелось в виду под этим словом, произошел на квартире в Бронксе. Бронкс! Я даже не знаю, где это...»

Цит. по: IE, 139, 287 (примеч. 108); перевод А.П.Шишкина.

См. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, третья запись; 6 февр. 1923, первая запись; 18 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись.

«В течение четырех месяцев, что Айседора провела в Америке, ее имя почти не сходило с первых страниц газет. Помимо ее высказываний и интервью <в центральных газетах> было и много других, печатавшихся и перепечатывавшихся, с редакционными комментариями или без оных, во всех газетах страны, вплоть до небольших еженедельников "зернового пояса"».

И.Дункан и Макдугалл, 118. Авторы замечают также, что в Москву были привезены «целые чемоданы газетных вырезок об американском турне» (там же).

Впрочем, до Москвы доехали далеко не все эти материалы:

«И для полноты этой пестрой картины — корзинка с вырезками из газет, просмотреть которые Айседора из-за отсутствия времени еще не успела после приезда из Америки, но которые всегда за собой таскала. В дороге <речь идет о переезде Есенина и А.Дункан из Германии во Францию; см.: 5–10 апр. 1923> корзинка раскрылась, и тысячи вырезок рассеялись по всему пути от Берлина до Лейпцига. Некоторые из них приклеились к нашим шляпам, обуви и верхней одежде, так что все могли ими полюбоваться. Мы оставили следы из этих вырезок на всем пути до самого Парижа».

Дести, 303.

Газета «Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б) Украины и губпрофсовета» (№ 951; рубрика «Литература и искусство»; подпись: Б. Ф.) помещает заметку «Нэпский проспект», в которой заходит речь о Есенине:

«Поэт Маяковский дал в своей лекции в Москве <около 20 дек. 1922 (Катанян, 237)> рельефную картину жизни берлинской литературной эмиграции, которая обслуживает кварталы, где живет бежавшая буржуазия, кварталы, так и прозванные в Берлине:

— Нэпский проспект.

<...> русским эмигрантам, живущим в Берлине, особенно трудовой интеллигенции, сменяющей вехи, уже надоели эти белые и голубые писатели. Они соскучились уже по новой, русской, московской литературе. И потому с таким пониманием слушают они и Маяковского, ругавшего их, и Есенина, смотрят картины Малявина и Кустодиева, жадно раскупают все новые издания Москвы...»

Февраль, 5. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2072) помещает заметку без подписи «Айседора Дункан покинула Америку навсегда»:

«Вчера <точнее, 3 февр.> Айседора Дункан вместе со своим мужем Сергеем Есениным оставила Америку. Она заявила, что они едут в Россию и что она никогда не вернется в Америку.

"Я предпочитаю жить в России на черном хлебе, — сказала она, — чем здесь в лучшей гостинице. Америка не имеет никакого понятия о еде, любви или же искусстве. В России настоящая свобода. Здесь никто не знает, что такое свобода. Я уезжаю на занятые деньги, ибо капиталистическая пресса настроила публику враждебно против меня и заставила меня прервать свой тур по стране. Если бы я была иностранный банкир, приехавший сюда за займом, меня встретили бы с распростертыми объятиями, но так как я была только известная артистка, то меня послали на Эллис-Айленд"».

См.: 3 февр. 1923, третья – шестая записи; 12 февр. 1923.

См. Приложение.

Февраль, 6. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3664) под заголовком «Дункан и Ессенин <так!> уехали в Россию» сообщает:

«— И навсегда, — сердито заявила на прощанье с Америкой танцовщица Дункан. Она уверяет, что американцы ничего не смыслят в любви, пище и искусстве, что русские люди знают все это. Американцы — слишком большие реалисты и слабые художники и революционеры. Дункан и Есенин — считают себя революционерами. Кроме того, они сердиты на Америку за обязательную трезвость. Они любят попьянствовать. И в России как раз можно пить что угодно и сколько угодно. Исидора Дункан отрицает газетное сообщение о том, что на одном вечере в Бронксе пьяный Есенин побил ее, передрался с гостями и обидел присутствовавших женщин. Дункан заявляет, что она будто бы даже не знает, где находится Бронкс. Танцовщица очень зла на печать, разгласившую о буйстве ее пьяного мужа».

В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 26) печатается статья В.В.Маяковского «Париж».

Отклик на эту статью обнаруживается в «Железном Миргороде» (Есенин, V, 395, 403).

См. также: 24 дек. 1922, вторая запись; 27 дек. 1922, пятая запись; 13 янв. 1923, вторая запись; 2 февр. 1923, пятая запись; 29 марта 1923, пятая запись.

Февраль, 7. На борту парохода «Джордж Вашингтон» Есенин пишет А.Б.Кусикову в Берлин:

«Милый Сандро! Пишу тебе с парохода, на котором возвращаюсь в Париж. Едем вдвоем с Изадорой. Ветлугин остался в Америке. Хочет пытать судьбу по своим «Запискам <мерзавца; см.: 13 … 26 авг. 1922; 27 авг. 1922>», подражая человеку с коронковыми зубами.

Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая, внешне типом сплошное Баку <…>.

Вот что, душа моя! Слышал я, что ты был в Москве. Мне оч<ень> бы хотелось знать кой-что о моих делах. Толя мне писал, что Кожеб<аткин> и Айзенш<тат> из магазина выбыли <это письмо неизвестно>. Мне интересно, на каком полозу теперь в нем я, ибо об этом в письме он по рассеянности забыл сообщить.

Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на всё и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-Богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу.

Теперь, когда от революции остались только хуй да трубка, теперь, когда там жмут руки тем и лижут жопы, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше еще, там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь. Ну да ладно, оставим этот разговор про ТЁтку. Пришли мне, душа моя, лучше, что привез из Москвы нового... И в письме опиши все. Только гадостей, которые говорят обо мне, не пиши. Запиши их лучше у себя «на стенке над кроватью». Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как я матерюсь. Значит, больно и тошно.

Твой Сергей.
Paris Rue de La Pompe 103 (сто три)
Атлантический океан.
7 февраля 1923».

Есенин, VI, 153–155, 555–566.

См. Приложение.

Подводя итог заокеанского турне четы Есениных, М.Дести заметит:

«Во время поездки Изадоры по Америке душевное расстройство Есенина начало проявляться в полную силу. Он обнаружил, что Америка встретила его не так, как он ожидал, и он винил в этом Изадору, оскорбляя ее и ее страну по каждому поводу. Газеты сообщали о множестве скандалов, иногда преувеличивая, но в них было достаточно правды, чтобы сделать жизнь почти невозможной».

Desti M. Isadora Duncan's End, London: Victor Gollancz, 1929, p. 113 (цит. по: IE, 281, примеч. 4).

В 1948 г. А.Б.Мариенгоф напишет:

«...Есенин был невероятно горд и честолюбив; он считал себя первым поэтом России. Но у него не было европейского имени, мировой славы. А у Изадоры Дункан она была. Во время их поездки по Европе и Америке он почувствовал себя "молодым мужем знаменитой Дункан". Надо сказать, что ничтожные журналисты, особенно заокеанские, не очень-то и щадили его.

А тут еще болезненная есенинская мнительность! Он видел этого "молодого мужа" чуть ли не в каждом взгляде и слышал в каждом слове. А слова-то были английские, французские, немецкие — темные, загадочные, враждебные. Языков он не знал.

И поездка превратилась для него в сплошную пытку, муку, оскорбление. Он сломался. Отсюда многое».

Мариенгоф А. К рукописи «Романа без вранья». — В кн.: Mariengof A. Roman bez vranja: Reprint of the 1928 Leningrad edition / Introduction, annotation, appendices by Gordon McVay. Oxford: Willem A.Meewus — Publisher, 1979, p. lxiv — lxv (Appendix III).

Схожее впечатление сложилось у С.Юрока:

«В Москве и везде в России он слыл великим Есениным, юным гением, новым Пушкиным. Даже сама Айседора преклонялась перед его нетленным даром. Однако в Берлине, в Париже, по всей Америке — кто когда-нибудь слышал о Есенине? Там звучало только: Айседора, Айседора, одна Айседора. <...> Эгоист, избалованный обожанием русских, за границей он лишился пьянящего публичного поклонения и становился всё ожесточеннее, ибо, чем дальше от Москвы оказывались они с Айседорой, тем всё более и более значимой из них двоих становилась ее фигура. Он страшно ревновал к известности Айседоры, ревновал настолько, что отказывался вообще признавать ее за артистку».

Hurok S. Impresario: A Memoir in collaboration with Ruth Goode, London: MacDonald, 1947, p. 111, 113 (цит. по: IE, 281, примеч. 7; перевод А.П.Шишкина и С.И.Субботина).

Уже после своего возвращения в Россию Есенин скажет Л.И.Повицкому:

«Да, я скандалил, мне это нужно было. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения — это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава и честь! О, меня они теперь лучше помнят, чем Дункан».

Восп., 2, 243.

Белградская газета «Русское дело» (№ 287) печатает заметку «Похождения Дункан и г. Есенина».

В ней кратко и неточно пересказывается содержание инцидента с 26 на 27 янв. 1923, будто бы произошедшего «в доме Дункан в Бронксе».

Февраль, 8. Чикагская газета «Свободная Россия» (№ 32; раздел «Сегодня») информирует:

«Из Нью-Йорка сообщают, что знаменитая певица <так!> Айседора Дункан покинула Америку и едет в Россию.

С тяжелым сердцем пришлось ей оставить бывшую родину свою.

Здесь она встречена была крайним недружелюбием.

В прежние времена все газеты восторженно отзывались о ней. Теперь все газеты писали о ней так, чтобы повредить ее успеху.

Почему это так?

Да потому, что Дункан осмелилась хорошо отозваться о России и высказала сочувствие Советам.

Не любят этого желтые газеты.

Дорого поплатилась Айседора Дункан за любовь свою к нашей родине».

Парижская газета «Последние новости» (№ 860; рубрика «Вести отовсюду») пишет:

«Айседора Дункан и Сергей Есенин покинули Соед<иненные> Штаты. Перед отъездом из Нью-Йорка Дункан в беседе с представителями печати заявила, что, благодаря травле американской капиталистической прессы, ее гастроли в Соед<иненных> Штатах не дали ей никакого дохода».

О перепечатке заметки см.: 21 февр. 1923, вторая запись.

См. также: 3 февр. 1923, третья – шестая записи; 4 февр. 1923, первая и вторая записи.

В Москве поэт Иван Приблудный пишет стихотворение «Пусть грозят за ударом — удары...», предпослав ему эпиграф из Есенина:

Всё пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

ИМЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 1, л. 47.

Февраль, 8 и 22. Газета «Новое русское слово» (№ 3666 и 3680) дает объявление о продаже книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922) в своем книжном складе.

Текст объявления см.: 11, 14, 16, 18, 20 и 25 нояб. 1922.

См. также: 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 23 и 25 дек. 1922; 1, 3 и 22 янв. 1923; 5, 6, 13, 20 и 22 марта 1923.

См. Приложение.

Февраль, до 9. В берлинском издательстве «Манфред» выходит первая (и единственная) книга альманаха «Струги» с рецензией А.В.Бахраха на есенинское «Собрание стихов и поэм. Т. 1».

Граница события определяется по информации: «Только что вышла <...> книга первая альманаха "Струги"» (Нак., 1923, 9 февр., № 256).

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Текст рецензии (по ее первой публикации) см.: 24 дек. 1922.

См.: 25 сент. ... 18 нояб. 1922; 19 нояб. 1922, первая запись.

См. также: РЗЕ, 2, 29–33, 157–158; 11 сент. 1922; 19 нояб. 1922, первая запись; 24 дек. 1922.

Февраль, 9. В Москве В.Э.Мейерхольд пишет И.Дункан:

«Уважаемая м-ль Ирма Дункан: прошу вас сообщить адрес мадам Айседоры Дункан и Сергея Александровича Есенина. Говорят, они уже в Берлине <ср.: 7 февр. 1923>. Мне необходимо застать их еще там, так как имею кое-какие поручения С.А.Есенину по делам литературным.

С приветом В.Мейерхольд».

Письма, 329. О чьих и о каких поручениях Есенину идет здесь речь, неизвестно.

Февраль, 10 (?) или 11 (?). Пароход «Джордж Вашингтон» с четой Есениных на борту делает остановку в порту Плимут (Великобритания).

Событие и его сроки устанавливаются по корреспонденции из Лондона от 11 февр. 1923 (см.: 16 февр. 1923, четвертая запись).

Февраль, до 11. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 11–12; за ноябрь-декабрь 1922 г.) с материалами, где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по объявлению книжного магазина И.П.Ладыжникова о выходе номера в свет (Нак., 1923, 11 февр., № 258).

В номере публикуются:

— статья А.С.Ященко «Литература за пять истекших лет»:

«Мы не будем здесь перечислять всех старых поэтов и не беремся разбирать и характеризовать новых. Среди этих последних есть, однако, два поэта, возвысившиеся над средним уровнем поэтов, пишущих хорошие стихи. Оба они созданы революцией. Оба приняли ее целиком, с ее грубостью и неистовством. Оба извращены и избалованы, оба, вследствие этого, в большинстве случаев, неприятны и неприемлемы, но всё же нельзя отрицать, у них есть подлинное поэтическое вдохновение и бьются сердца истинных поэтов. Мы разумеем Вл. Маяковского и Серг. Есенина.

Маяковский груб, часто пошл, но с крепким юмором и с полнокровным смехом. Его тон часто может вызывать негодование, но есть у него сила, а в его поэтических построениях — подлинная монументальность.

Сергей Есенин вышел из деревни, из среды деревенских хулиганов, опьянен, возбужден и нервирован революционной жестокостью, и поэзия его часто носит

не то хлыстовский, не то разбойнический характер; но за всеми его неистовствами чувствуется огромная природная песенная сила»;

— заметка без подписи «Письмо из Нью-Йорка» (без даты) со словами: «Сейчас здесь Д.Бурлюк, Есенин»;

— объявление о новых ценах на книги издательства «Скифы», среди которых — «Триптих» Есенина и сборник «А.Белый и С.Есенин. Россия и Инония».

Февраль, 11. Есенин и А.Дункан прибывают на пароходе «Джордж Вашингтон» во французский порт Шербур.

Дата события устанавливается по штампу, поставленному на обороте американского паспорта поэта: «Специальный комиссариат Шербура. Виза на высадку. 11 февр. 1923» (Хроника, 2, 263; пер. с фр.); воспроизведение штампа см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 4).

Февраль, 12. Парижская газета «Звено» (№ 2; рубрика «Хроника литературы и искусства») сообщает:

«Айседора Дункан возвратилась в Европу, направляясь в Россию. На прощанье она сделала следующее заявление: "Я предпочту жить в России и на черном хлебе и воде, нежели в лучших отелях в Нью-Йорке. В России мы имеем свободу. Здесь народ и капиталистическая печать делали всё возможное, чтобы помешать успеху моего турне. Правительство преследует людей, которые говорят свободно, но это не помешает моей мысли остаться свободной"».

См.: 3 февр. 1923, третья – шестая записи; 4 февр. 1923, первая и вторая записи; 5 февр. 1923.

Февраль, 12 или **13.** Есенин и А.Дункан приезжают в Париж и останавливаются в гостинице «Крийон» (Hotel de Crillon).

Предполагаемые дни события определяются с учетом данных о прибытии четы Есениных во Францию (см.: 11 февр. 1923) и о времени инцидента в гостинице (см.: с 14 на 15 февр. 1923).

Ср.: IE, 154, 289 (примеч. 7 и 8).

«"Если сомневаешься, где остановиться, — гласил один из любимых афоризмов Айседоры, — всегда иди в лучший отель". Прибыв в Париж с тем, что осталось от суммы, взятой взаймы у Л<оэнгрина>, она и Есенин отправились прямиком в отель "Крийон". Дом на улице де-ля-Помп был сдан на шесть месяцев одной американке, так что не было возможности въехать туда, по крайней мере, еще месяц».

И.Дункан и Макдугалл, 120–121.

См. Приложение.

«Портье из отеля "Крийон", оказавшийся на нашем пути первым, отвез нас в этот один из самых дорогих отелей Парижа. <...> Айседора заказала восхитительный обед с легким вином. <...> Сергей захрипел: "Шампанского, шампанского!", но Айседора твердо отказалась его заказывать. <...>

Наконец обед подали. Какой же он был веселый и радостный! Сергей читал свои стихи и действительно был похож на молодого бога с Олимпа — оживший, танцующий фавн Донателло. Он ни секунды не сидел на месте, часто убегал куда-то, в экстазе бросался на колени перед Айседорой и, как усталый ребенок, клал свою кудрявую голову на ее колени. А ее прелестные руки ласкали его, и из глаз струился свет, как у Мадонны.

— О, как я счастлива, Мэри! Посмотри, как он прекрасен! Если ты останешься с нами и никогда нас не бросишь, как великолепно мы заживем в Париже! Обещай, Мэри, не расставаться со мной.

Через каждые несколько минут Сергей убегал то за сигаретами, то за спичками, хотя Айседора говорила ему, что официант принесет всё, что нужно. Я заметила, что с каждым возвращением он бледнел всё сильнее, а Айседора нервничала всё больше. В последний раз он довольно долго не появлялся, и Айседора вызвала звонком свою служанку.

Служанка рассказала, что он несколько раз заходил к ней в комнату и заказывал шампанское, но теперь куда-то ушел».

Дести, 281–283.

Февраль, 14. При первой публикации монолога Рассветова из поэмы «Страна Негодяев» (1924) Есенин поставит под его текстом эту дату, предварив ее пометой «Нью-Йорк».

Газ. «Бакинский рабочий», 1924, 29 сент., № 220, с заголовком «“Страна Негодяев” (Отрывок из драматической поэмы)».

О внутренних противоречиях этой датировки и об их возможных причинах см.: после 15 (?) янв. — до 14 (?) февр. 1923.

Февраль, с 14 на 15. В гостинице «Крийон» разыгрывается скандал, в центре которого — Есенин.

В результате поэт оказывается в полицейском участке.

Время события устанавливается по информационной заметке в газ. «Последние новости» (см.: 17 февр. 1923, первая запись). См. также: 16 февр. 1923, третья запись.

Из воспоминаний М.Дести:

«...из холла раздался невероятный шум, будто туда въехал отряд казаков на лошадях. Айседора вскочила. Я схватила ее за руку, затащила к себе в комнату и заперла дверь на ключ. А когда Сергей начал колотить в дверь, я потащила Айседору в холл, и мы помчались вниз по лестнице, как злые духи. В дверях Айседора задержалась, чтобы сказать портье, что муж ее болен, и попросила присмотреть за ним, пока мы не привезем доктора <...>

Айседора позвонила в “Крийон” и услышала от служанки, что в номер вломились шестеро полицейских и забрали месье в полицию, после того как он пригрозил убить их и переломал в комнате всю мебель, высадил туалетный столик и кушетку в окно. Он пытался выломать дверь между нашими номерами, думая, что Айседора в комнате, избил портье отеля, который пытался его утихомирить».

Дести, 284–285.

«Возвращение в Париж, в Европу — это было уже слишком для Есенина. Он сразу же попытался утопить все свои воспоминания об Америке в вине, или, скорее, в водке. Но алкоголь, поглощаемый с его славянской неумеренностью, вместо того чтобы приносить забвение, пробуждал всех его демонов. Подобно маньяку, он ворвался однажды ночью в свою спальню в отеле “Крийон” и сокрушил вдребезги все зеркала, рамы и двери. С трудом он был усмирен полицией и доставлен в ближайший участок».

И.Дункан и Макдугалл, 121.

Рассказ А.Ярмолинского об этом эпизоде (1957; см.: РЗЕ, 1, 233) целиком базируется на сведениях М.Дести, а также И.Дункан и А.-Р.Макдугалла. В свою очередь, Р.Б.Гуль почти слово в слово пересказывает написанное А.Ярмолинским без указания на источник (1979; ср.: РЗЕ, 1, 203).

По просьбе А.Дункан Есенина осматривает доктор.

«Она решила снова поискать доктора, и мы нашли его в отеле “Мажестик”. По дороге в полицейский участок Айседора рассказала врачу, как у Сергея случаются при-

падки. Пока врач осматривал Сергея, тот бесновался и требовал свой портфель, крича, что в нем его стихи.

Врач заявил, что Сергей болен и очень опасен, что его ни под каким предлогом нельзя отпускать. Это был сокрушительный удар для Айседоры. Мы вернулись в отель "Крийон" в четыре утра почти мертвые».

Дести, 285.

Февраль, 15. Распространяется телеграфное сообщение для американской печати:

«Париж, 15 февраля. — Фестиваль «Mardi Gras» провалился по двум причинам. Первой был дождь, второй — исчезновение Айседоры Дункан. <...>

С тех пор, как она отбыла из Вашингтона <так!> в Шербур в воскресенье вечером, она скрывалась "где-то во Франции" и даже пряталась во время переезда через океан, чтобы привести в порядок свои подбитые глаза. Поскольку под глазами ее еще были заметны следы воскресного рукоприкладства ее буйного русского мужа Сергея Есенина, проявившего столь повышенное внимание к ней на прощальном обеде в Нью-Йорке, друзья опасаются, что ее лицу еще требуется воздействие всеисцеляющего времени».

Специальная телеграфная служба «Toledo Blade» и «Philadelphia Public Ledger» (цит. по: IE, 153; перевод А.П.Шишкина).

Газета «Последние новости» (№ 866) помещает заметку без подписи «Айседора Дункан в Париже»:

«Айседора Дункан и супруг ее, Сергей Есенин, прибыли в Париж и остановились в отеле "Крийон". Танцовщица еще не вполне оправилась от повреждения глаз, полученного ею во время сеанса бокса, затеянного ее буйным супругом на интимном вечере в Нью-Йорке, не выходит из номера и никого не принимает».

О перепечатке заметки см.: 25 февр. 1923, третья запись.

Есенина выпускают из полицейского участка при условии, что он покинет страну.

«Придя в номер, Айседора глотнула брэнди и спросила, что же делать. Но тут же решительно заявила, что никогда не позволит засадить Сергея в сумасшедший дом, даже под страхом быть им убитой. <...>

Мы переехали в отель "Резервуар" <так!> в Версале. Там Айседора слегла с высокой температурой. Врач, обследовавший Сергея вторично, приехал к ней, чтобы узнать, согласна ли она поместить его в лечебное учреждение. Но полиция намеревалась выпустить его только при условии, что он немедленно покинет страну.

Мы купили два билета, и Сергей в сопровождении служанки уехал в Берлин, где у него было много друзей и где находилось представительство Советского правительства. Но пока поезд не увез его, Айседора жила в страхе. Сергей получил все свои чемоданы и портфель, в котором оставалось денег только на дорогу до Берлина».

Дести, 286.

«Из "Крийона", где управляющий с холодной вежливостью объявил ей, что присутствие ее печально известного спутника является нежелательным, Айседора и ее подруга миссис Перч перебрались в "Рейнский отель". Затем с помощью нескольких влиятельных друзей им удалось вырвать буйного и несчастного поэта из лап полиции. Освободив Есенина, Айседора решила скрыться от надоедливых репортеров, уехав с ним в Версаль и остановившись там в отеле "Трианон" <так!>. Но американских газетчиков

с их острым нюхом было не так легко сбить со следа, и их газеты всё продолжали заполнять свои страницы возней вокруг танцовщицы и ее мужа.

Наконец было решено, что Есенину лучше вернуться в Россию, чем подвергаться риску попасть в непотребном виде во французскую полицию, которая была не слишком склонна видеть в русском буяне поэта или гражданина. Жанну, горничную, которая кое-как говорила по-русски, отрядили присмотреть за поэтом во время его поездки. С бумагами, выправленными с помощью верных и влиятельных друзей Айседоры, они проехали из Франции в Германию, и, оставив поэта его соотечественникам в Берлине, Жанна вернулась к своей хозяйке».

И.Дункан и Макдугалл, 123.

Вечером Есенин выезжает в Берлин, дав перед отъездом интервью на Северном вокзале в Париже:

«“Я еду в Россию повидать двух моих детей от прежней жены, — заявил он с улыбкой. — Я не видел их с тех пор, как Айседора увезла меня из моей России. Меня обуревают отцовские чувства. Я еду в Москву обнять своих отпрысков. Я всё же отец”.

“Да, Айседора — она посылает меня домой”, — нехотя сказал он, отвечая на вопрос.

Потом он повеселел: “Но моя жена, между нами, я вам скажу, присоединится ко мне в Москве. Я ее знаю. Сейчас она сердится, но это пройдет”.

Поэт не отказывался побеседовать о своем неприличном буйном поведении в “Крийоне”, но затруднялся необходимостью говорить через переводчика.

“Этот случай, — сказал он тоном возражения. — А! Моя жена устроила в гостинице торжество в честь ее возвращения во Францию из вашей дикой Америки, — продолжал он. — Меня вдруг охватила жажда самовыражения. Что тут поделаешь?”

“Я нарушил правила приличия, да? — сказал он, отвечая на вопрос. — Поломал мебель... Но правила — их ведь и надо нарушать. А мебель — подумаешь!”»

Цит. по: IE, 159–160 (перевод А.П.Шишкина). Источник — газетная вырезка, сохранившаяся в Dance Collection с пометой: «Toledo Blade» (IE, 290, примеч. 17).

Чикагская газета «Свободная Россия» (№ 38) пишет:

«Известно ли вам, что:

Знаменитая американская танцовщица Исадора Дункан и ее муж, известный русский поэт Сергей Есенин, в скором времени возвращаются обратно в Россию? Известно ли вам, что любители турецких папирос более 15 лет курят папиросы “Гельмар”? <и т. п.>».

Выходит журнал «Clarté» (№ 31) со статьей Виктора Сержа «Новый писатель и новая литература» («Le nouvel Écrivain et la nouvelle Littérature»; рубрика «Chronique de la vie intellectuelle en Russie»), где говорится о Есенине.

Выявлено и сообщено Мишелем Никё.

Автор замечает:

«В конце 1921 года <...> кроме известных произведений нескольких поэтов (Блок, Белый, Есенин, Маяковский, Клюев) революция еще ничего не дала литературе».

Приводятся также два фрагмента автобиографии Есенина (см.: 14 мая 1922 и др.): перечисление тех мест России, где тот побывал в годы революции и воспоминание о том, как в 1919 г. поэт и его друзья «зиму прожили в 5 градусах комнатного холода». Цитаты предварены ремаркой:

«Есенин, на самом деле совсем не хулиган, пишет “Исповедь хулигана” и отмечает в автобиографии...»

О сокращенном переводе статьи В.Сержа на польский язык, где эта ремарка опущена, см.: 31 марта 1923.

Февраль, 16. Есенин прибывает в Берлин.

Дата события устанавливается с учетом времени отъезда Есенина из Парижа (см.: 15 февр. 1923, четвертая запись).

Служба международных новостей распространяет сообщение:

«Париж, 16 февр. <...> Изадора Дункан, классическая танцовщица, которая только что прибыла из путешествия в Соединенные Штаты, осудила Америку и всех американцев как "страну бандитов". <...>

"Я потеряла четыре месяца жизни на поездку в Америку. Это была мука.

К моему мужу в Америке относились хуже, чем когда-либо в России. Американцы похожи на стаю волков. <...>

Америку основала шайка бандитов, авантюристы, пуритане и первопроходцы. Теперь всем заправляют бандиты. <...>

Американцы сделают что угодно за деньги. Они продадут свои души, своих матерей и своих отцов. Америка больше не моя родина..."».

Цит. по: IE, 155; перевод А.П.Шишкина. Источник — газетная вырезка (Dance Collection), «по-видимому, из *"Toledo Blade"*» (IE, 289, примеч. 9).

Газеты «The New York Herald» и «The New York Times» сообщают о скандале в гостинице «Крийон», вызванном неадекватным поведением Есенина.

О том же пишет и издающееся в Париже европейское издание газеты «Chicago Tribune».

Исходный источник последней статьи не выявлен. Сведения о ее публикации содержатся в письме А.Дункан в редакцию газеты (см.: 23 февр. 1923, третья запись).

Из статьи в «Нью-Йорк Таймс»:

«Париж, 15 февр. — Изадора Дункан не смогла больше выносить необузданный нрав Сергея Есенина и вечером отправила его в Москву в компании двух сопровождающих.

Подробности точно не известны, но, как выясняется, на торжестве, устроенном Изадорой для своих поклонников в гостинице "Крийон" прошлым вечером <т. е. 14 февр.> в честь ее возвращения во Францию, Сергей вдруг был охвачен приступом буйства, повел себя неприлично и поломал в комнате почти всю мебель. <...>

Вызвали полицию, и в сопровождении этого почетного эскорта поэт-акробат был доставлен в участок. <...>

Вечером поэт садился в берлинский поезд. Когда его спросили о подробностях происшедшего, он развернул какую-то рукопись и прочел то, что он назвал стихотворением "на злобу дня" <о каком стихотворении идет речь, неизвестно>, но декламация Сергея на русском языке не помогла прояснить ситуацию».

Цит. по: IE, 157 (перевод А.П.Шишкина). См. также: IE, 290, примеч. 15.

«С каким ликованием американские газеты в Париже ухватились за эту сенсационную новость! Как они изощрялись в фантастических подробностях! Но Айседора выступила как преданная защитница своего мужа. И, поскольку во Франции имеется закон, дающий любому, чье имя было упомянуто в газете или журнале, право ответить в любой форме, с условием последующего опубликования ответа на том же месте и тем же шрифтом, что и в оспариваемой статье или заявлении, то Айседора написала в аме-

риканские газеты, издаваемые в Париже, "<Чикаго> Трибюн" и "<Нью-Йорк> Геральд"».

И.Дункан и Макдугалл, 121.

См.: 17 февр. 1923.

См. также: с 14 на 15 февр. 1923; 17 февр. 1923, третья запись; 23 февр. 1923, третья запись; 11 марта 1923, первая запись.

Выходящая в Сан-Франциско газета «Русская жизнь» (№ 7) под заголовком «Изадора Дункан возвращается в Россию» информирует:

«Лондон. Февраля, 11. — Известная танцовщица Изедора <так!> Дункан уехала из Нью-Йорка обратно в Россию через Англию, где находится в настоящее время. По сообщению корреспондента из Плимута, она заявила, что ей пришлось оставить Америку под давлением америк<анских> властей за то, что она собирала средства для голод<ных> детей в России. Она заявила, что по вопросам о русском большевизме Америка не имеет здравого мышления, тем более при наличии в Соед<иненных> Штатах таких организаций, как Ку-Клукс-клены <так!>, или такого явления как "прогибишон" <"сухой закон">.

Муж ее, поэт Есенин, также возвращается в Россию».

По-видимому, излагаемое здесь интервью А.Дункан было взято в порту Плимут во время промежуточной остановки там парохода «Джордж Вашингтон» с четой Есениных на борту. Другие сведения об этом эпизоде не выявлены.

См.: 10 (?) или 11 (?) февр. 1923.

Февраль, до 17. В Берлине под маркой газеты «Накануне» выходит второе, дополненное издание книги А.Б.Кусикова «Аль-Баррак: Октябрьские поэмы» с поэмой «Песочные часы», где упоминается имя Есенина.

Граница события устанавливается по объявлению о выходе книги (Нак., 1923, 17 февр., № 263).

О первой публикации поэмы см.: 12 нояб. 1922, третья запись.

См. Приложение.

Февраль, 17. Парижская газета «Последние новости» (№ 868) помещает заметку без подписи «Есенин в Париже: Дебош в отеле "Крийон"»:

«В ночь на 15 февраля, в отеле "Крийон", произошла бурная сцена, которую едва ли когда-либо видели стены этой фешенебельной гостиницы, принимавшей у себя коронованных особ и важных дипломатов.

В этом отеле остановились, как мы уже сообщали <см.: 15 февр. 1923, вторая запись>, Айседора Дункан и ее юный супруг поэт Есенин, вернувшиеся из неудачного турне по Америке.

Часов в 11 вечера, в среду, Есенин куда-то ушел и вернулся лишь под утро совершенно пьяным. С помощью швейцара поэт кое-как добрался до своего номера. Вскоре оттуда послышался шум, переполошивший весь отель.

Прислуга гостиницы бросилась в номер, и ее глазам представилась такая картина. Есенин, в совершенно невменяемом состоянии, метался по комнате, ломая всё, что попадалось под руку. На пол летели стаканы, графины, флаконы духов. Окна и зеркала были разбиты вдребезги.

Айседора на каком-то ломаном русско-немецком языке пыталась успокоить буйного супруга, но безуспешно. Поэт не только не унимался, но и приступил уже к взлому дверей, ведущих в соседний номер, занимаемый американским миллионером. Спокой-

ствие наступило лишь тогда, когда прибыли полицейские агенты, без дальних слов отправившие Есенина в комиссариат для вытрезвления.

Айседора Дункан, еще не вполне оправившаяся от побоев, полученных ею на "интимном вечере" в Нью-Йорке, когда ее молодой супруг демонстрировал свое искусство бокса, была страшно расстроена скандалом. По требованию администрации "Крийона" танцовщица рано утром покинула отель.

Есенину предложено немедленно оставить пределы Франции».

Есенин дает интервью корреспонденту газеты «The New York World»:

«Берлин, 17 февр. Сергей Есенин, муж Изадоры Дункан, остановившийся в Берлине на пути в Россию, выплеснул поток русской искренности и открытости. Молодому поэту надоел его брак, надоели жёны, Америка и всё на свете, кроме искусства, найти которое можно только в Москве.

Когда разговор зашел о его темпераментной жене, его нападки стали еще более резкими, и у него вырвались такие слова:

"Я не буду жить с ней даже за все деньги, какие есть в Америке. Как только я приеду в Москву, я подам на развод. Я был дураком. Я женился на Дункан ради ее денег и возможности попутешествовать. Но удовольствия от путешествия я не получил. Я увидел, что Америка — страна, где не уважают искусство, где господствует один тупой материализм. Американцы думают, что они замечательный народ, потому что они богаты, но я предпочитаю бедность в России"».

Цит. по: IE, 165. Об источнике текста см.: IE, 290, примеч. 24.

А.Дункан в Париже пишет открытое письмо в газету «The New York Herald»:

«...я обращаюсь к закону и прошу вас исправить некоторые ошибки в статье, напечатанной на первой странице в "Нью-Йорк Геральд" вчера, 16 февраля.

Вы пишете, что мой муж, Сергей Александрович Есенин, вернулся в наш номер в отеле "Крийон" и затем, перебив всё в номере, швырял предметами в туалетный столик и в меня. Это неправда, как может подтвердить ночной портье в "Крийон<е>". Я вышла из отеля сразу же после прихода Есенина в сопровождении своей подруги мадам Говард Перч с тем, чтобы позвать для оказания помощи Есенину доктора Жюля Маркуса. Припадки бешенства, которыми страдает Есенин, обусловлены не одним лишь алкоголем, но частично являются результатом контузии, полученной во время войны; ужасные лишения и страдания во время революции привели к нынешнему обострению; вдобавок случилось заражение крови, вызванное употреблением подпольного виски в Америке, — о чем у меня есть документ, выданный знаменитым врачом из Нью-Йорка, который лечил Есенина во время нескольких подобных обострений в этом городе и который предупреждал меня о необходимости в случае рецидивов немедленно вызывать врача.

Есенин — одна из многих жертв американского "сухого закона", о которых сообщается ежедневно, — случаи смерти, потери зрения или рассудка.

Когда мадам Перч и я вернулись в "Крийон" с доктором Маркусом, Есенина уже увезли из отеля. Я пишу это из чувства справедливости по отношению к Есенину, в адрес которого вы дважды допустили ложные утверждения, с тем чтобы уязвить меня. Я знаю, что в обычаях американской журналистики делать посмешище из чужих бед и несчастий, но поистине молодой поэт, который с восемнадцати лет знал только ужасы войны, революции и голода, заслуживает скорее слёз, нежели насмешек. Я думаю, все матери согласятся со мной. Сергей Есенин — большой поэт и в своем нормальном состоянии прекраснейший человек, обожаемый всеми своими друзьями. Как сказал мне о

нем Горький, "со времен Гоголя и Пушкина у нас не было такого великого поэта, как Есенин. Увы! Гоголь скончался душевнобольным, и Пушкин был убит в молодом возрасте; судьбы поэтов отмечены печатью трагедии".

Во время нашего прошлого пребывания в Париже Есенин и я обедали с мадам Сесиль Сорель и многими другими друзьями, где обилие хороших французских вин лишь вызвало у Есенина хорошее настроение. Он восхищался Парижем и любил его, и часто восклицал: "Как прекрасно! Вот настоящая культура! Здесь всё — красота!"

Можете себе представить, до какой степени случившееся опечалило и расстроило меня. Я вывезла Есенина из России, где условия его жизни были чудовищно трудными, чтобы сохранить его гений для мира. Он возвращается в Россию, чтобы сохранить свой рассудок, и я знаю, что многие сердца по всему миру будут молиться со мной, чтобы этот великий и наделенный богатым воображением поэт был спасен для своих будущих творений, исполненных той Красоты, в которой мир столь нуждается.

Искренне, Айседора Дункан.

P. S. Между прочим, поскольку имя Джорджа Вашингтона является в Америке символом правдивости, почему вы утверждаете неправду, что на этом судне <имеется в виду пароход "Джордж Вашингтон"> нельзя было достать виски? Есенин получал столько же низкопробного виски на этом судне, сколько он имел в любом другом месте в Америке, в каждом городе, куда бы мы ни попадали, постоянно доставлявшегося ему сотнями продавцов этой отравы.

Да здравствует правда!
Да здравствует французское благоразумие!
И хорошие вина Франции!»

И.Дункан и Макдугалл, 121–123.
См. также: с 14 на 15 февр. 1923; IE, 160–161.

Служба международных новостей сообщает:

«Париж, 17 февр. Брак примы-танцовщицы Изадоры Дункан распался.

Лепестки розы облетели, и Сергей Есенин, ее горластый гениальный муженек, отбыл в Москву по ее предложению после той последней вспышки своего темперамента, которая привела к разгрому номера-люкс танцовщицы в гостинице "Крийон" и повергла в шок фешенебельную клиентуру отеля.

Изадора, возбужденно жестикулируя, изливала свои чувства Службе международных новостей:

"Я никогда особенно не верила в брак, а теперь я верю в него меньше, чем когда-либо, — заявила она. — Я вышла замуж за Сергея лишь для того, чтобы помочь ему получить американский паспорт. Он гений, а брак между артистическими натурами невозможен".

"Сергей любит прах под моими ногами, — продолжала она не без вызова. — Когда он буйствует и готов убить меня, тогда он любит меня намного больше. <...> Он самый достойный любви мальчик в мире, но в то же время — жертва судьбы — как все гении, он надломлен — и я потеряла надежду когда-нибудь вылечить его от внезапного буйства". <...>

"Вы знаете, некоторые русские не уживаются в другой стране. В этом была трагедия Нижинского. Сергей — такой же"».

Цит. по: IE, 157–158 (перевод А.П.Шишкина). Источник — газетная вырезка из Dance Collection с пометой: «Toledo Blade» (IE, 290, примеч. 17).

Позднее А.Дункан признается В.И.Серову:

«Да, я совершила ужасную ошибку, вывезя Есенина из России <...>. Он не мог жить вне России. <...> Здесь, в Париже <...>, у него не было никого из друзей — я имею в виду русских. <...> Он хотел вернуться домой, в Россию, ему было одиноко, бесконечно одиноко».

Seroff V. The Real Isadora. London: Hutchinson of London, 1972; цит. по: IE, 198–199.

Февраль, 17 или **18.** Журналист Л.Хеммонд (Lorimer Hammond) в Версале беседует с А.Дункан о Есенине.

IE, 162.

Изложение беседы см.: 19 февр. 1923, первая запись.

Февраль, 18. Рижская газета «Сегодня» (№ 39; рубрика «Пыль богемы») сообщает:

«Прошло уже несколько месяцев, как Сергей Есенин, в качестве супруга Айседоры Дункан, после больших неприятностей с властями, был спущен на берег в Америке. С тех пор о нем ничего не было слышно.

Теперь нам пишут из Нью-Йорка, что тамошние газеты полны описаний подвигов "сомнительного поэта и несомненного большевика", как называют Есенина американские газеты.

Запрещение спиртных напитков, по-видимому, пришлось не по душе Есенину, и на рауте, устроенном Айседорой Дункан <ср., однако: с 26 на 27 янв. 1923>, он учинил неслыханный скандал. Он неожиданно пришел в бешенство, бросился с кулаками на свою супругу и быстрыми ударами подбил ей оба глаза, после чего стал беспощадно ее избивать. Присутствовавшим стоило огромных усилий увести нервного поэта.

В какой стадии опьянения находился "известный русский писатель", газеты не сообщают, ибо, как известно, в Америке существует трезвый закон».

См. также: 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Февраль, 19. Европейское издание газеты «Chicago Tribune» (Париж) помещает статью Л.Хеммонда под заголовком «"Он сумасшедший", — вот приговор Айседоры беглецу-мужу»:

«— Сергей Есенин больше достоин слёз, чем смеха, — заявила Айседора Дункан о своем молодом муже-поэте в интервью газете "Трибьюн" вчера в гостинице "Резервуар" в Версале, куда она переехала после домашнего скандала в Париже на прошлой неделе.

"Он хотел вернуться, и я отпустила его, — сказала она устало. — Ему лучше быть в России, где его все любят, даже когда он дурачится. В Москве он может дебоширить без помех, ибо он поэт".

Знаменитая танцовщица была облечена в свободно ниспадавшую пурпурную мантию, украшенную золотом. Во время разговора она задумчиво бродила по комнате в домашних туфлях без задников.

"О каких моих деньгах, взятых им, он говорит? — спросила она. — Я отдала их голодным мужикам на Волге, когда была там".

Мисс Дункан — так она зарегистрирована в версальском отеле — очень подавлена скандальным поведением своего мужа. Вчера у нее был доктор, а ее брата Реймонда

Дункана, гуляющего по Парижу босым и в греческой тунике, ожидали с минуты на минуту.

"Безумие Сергея началось на войне, — заявила она, указав на свою прекрасную голову и закатив глаза, — у него бывают также эпилептические припадки и запои".

Она так же резко отзывалась об Америке, как и ее русский супруг. Заявив, что Есенин — одна из жертв сухого закона, влекущего за собой смерть, слепоту и безумие, она рассказывала, как он покупал самогонное виски в каждом городе и на пароходе, на котором они плыли в Европу.

"Американское отравленное виски доконало его, — сочувственно вздохнула она, — когда мы были в последний раз в Париже, то обедали с мадемуазель Сесиль Сорель, и тогда подавались только хорошие французские вина, пробуждавшие в нем прекрасные мысли о культуре и красоте".

Не желая распространяться о поспешном бегстве юного барда, она объяснила его выходки воздействием самогона и вспышками безумия. Она была уверена, что в нормальном состоянии он — само очарование».

Цит. по: IE, 162–163.

См.: 17 или 18 февр. 1923. Ответ А.Дункан см.: 23 февр. 1923, третья запись.

В вечерней газете «8-Uhr Abendblatt» печатается (за подписью: E. Sz.) статья под шапкой «Лучше в Сибирь, чем быть мужем Дункан: Побег супруга от "ужасной" Изадоры»:

«Худощавый и бледный, довольно мечтательный и не гнушающийся алкоголя, он <Есенин> высказывается о великой Айседоре без всякого восторга. <...> "Если она поедет за мной в Москву, я сбегу в Сибирь. Россия огромна, и я всегда найду место, где эта ужасная женщина не сможет до меня добраться". <...> Их счастье было очень кратким. Уже во время медового месяца они непрестанно ссорились. "У меня есть талант, — говорит Есенин, — и у нее тоже. Но она никогда не желала признавать мою индивидуальность и всегда хотела возвышаться надо мной. Я был нужен ей как раб..." <...>

Она била его и царапала ему лицо, но он платил ей полной мерой, и случалось так, что Дункан по нескольку дней не могла показываться. <...>

"Ссоры между нами были только эпизодами, — говорит Есенин, — решающим был духовный конфликт, в котором находились мы оба". <...>

...развод для Есенина не главное. Это для него формальность. Прежде всего, он хочет быть один, без своей жены, которую он, по-видимому, невероятно боится. <...>

Он говорит: "Это был ад, который я терпел шесть <так!> месяцев. Но потом это стало для меня совершенно невыносимым. Я бежал, и теперь, впервые со дня моей свадьбы, я снова чувствую себя хорошо, как свободный человек, не зависимый ни от кого..."

Взволнованный, бледный, совершенно вне себя, он говорит о своем браке, и его юное лицо — лицо Дориана Грея — мрачнеет».

Вырезка — Тетр. ГЛМ.

Цит. по: IE, 165–166 (в переводе с английского).

См. также пересказ этого текста по-русски: 11 марта 1923, первая запись.

Февраль, 20. Газета «Рижский курьер» (№ 637) помещает анонимную заметку «Дункан и Есенин резвятся» об инциденте на квартире Мани-Лейба.

См. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись; 20 марта, вторая запись.

Февраль, 20, 25 и 28. Московские «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 38, 43, 45) помещают объявление об издании с 1 января 1923 года иллюстрированного литературно-художественного еженедельного журнала «Красная нива» с участием Есенина.

См.: 13–15, 19, 20 и 30 дек. 1922; 9, 15 и 18 марта 1923.

Февраль, 21. В газете «Руль» (№ 678; подпись: Н.) публикуется статья «Есенин действует»:

«В нью-йоркской газете "Дер Тог" (от 1 февр.) известный журналист Айзланд рассказывает о том, как первый коммунистический поэт, беднейший крестьянин Сергей Есенин, подымает престиж Красной России в Америке.

Рассказ пространный, живописный и трогательный. К нашему огорчению, мы можем привести из него только выдержки. А в нем, что ни слово, то перл.

* * *

Айзланд начинает так:

— В нью-йоркских газетах помещен ряд статей о погроме, учиненном русским поэтом Есениным своим еврейским товарищам-поэтам. Смешно говорить о погроме одного против двадцати, тем более смешно, что этот один был мертвецки пьян. Но и без погрома инцидент, происшедший в доме поэта Мани-Лейб<а> 27 января, довольно печален, ибо он в тысячный раз доказывает, что хам остается хамом, будь он даже революционер…

* * *

Таково введение. Из дальнейшего легко убедиться, что в доме у Мани-Лейб<а> происходил не только "погром одного против двадцати", но и "погром" двадцати против одного, и что афоризм о хаме относится не только к советскому революционеру, но и к американским сочувствователям, и что чествуемый гость из России был вполне достоин чествующих хозяев, и наоборот. Что только он с ними сотворил, что только сотворили с ним и они!

* * *

Айзланд продолжает:

— Я пришел в дом к Мани-Лейб<у> последним около полуночи. Меня представили Есенину, который уже был мертвецки пьян. Он беспрестанно целовал то хозяина, то кого-либо из гостей. Его жена Дункан вышла в соседнюю комнату, чтоб переодеться к танцу, которым она хотела занять гостей. За ней ушел Есенин, и тотчас же из той комнаты раздался раздирающий крик Дункан. Она вбежала к нам обратно, за ней он в угрожающей позе. Она пряталась от него под нашу защиту. Она объяснила, что с ним происходят регулярные припадки, каждый десятый день… Он на минуту успокоился, но затем бросился на жену вторично. Ее вырвали из его рук. Тогда он стал ломать посуду и хотел прыгнуть в окно. Его оттащили, он бросился в дверь, избивая чествователей своего таланта кулаками. И вырвался на улицу. За ним побежали несколько чело-

век. Час они кружили по улицам, спасая его от ареста или несчастия. Когда они вернулись, только тогда началась настоящая "свадьба". Есенин с таким остервенением набросился на публику, что все присутствующие навалились на него и уложили его на диван. Вот тут-то он и показал себя: он стал ругать всех евреев и проклинать Троцкого. Тогда мы связали его веревками. Есенин стал плакать. По просьбе дам его развязали, и он моментально бросился к выходу и исчез. Дункан за ним не пошла. Она объяснила с гордостью, что рада выносить всё что угодно, потому что Есенин гений...

И Айзланд грустно заканчивает:

— Обсуждая поступки "гения" (кавычки Айзланда), мы поняли многое из того, что происходит в несчастной России...

* * *

Они "поняли", лично испытав кулаки красы и гордости Красной России. Приятно слышать, что поняли. Но пусть кто-нибудь из этих Айзландов, славословящих большевиков, сам от себя проговорился бы звуком правды о "несчастной России". Сами от себя они походя лгут, а глаза им открывают только Есенины и прочие хулиганы в те минуты, когда, напившись, предаются своему естеству. Спасибо Есениным.

* * *

Только что пришло из Москвы известие: Есенин пожалован "академическим обеспечением третьей категории".

Что-то скажет проклятый новым академиком Троцкий?».

См. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 20 марта, вторая запись.

Рижская газета «Сегодня» (№ 41) помещает заметку без подписи «Отъезд Айседоры Дункан и С.Есенина».

Это — снабженная редакционным заголовком перепечатка материала из парижских «Последних новостей» (см.: 8 февр. 1923).

Февраль, 22. Газета «Руль» (№ 679) дает анонимную информацию «Академическое обеспечение», где упоминается Есенин:

«Советская власть установила "академическое обеспечение" разных категорий.

В высшую пятую категорию попали Станиславский, Шаляпин, Ермолова, Васнецов, Глазунов.

В четвертую — Мейерхольд, Гельцер, Южин, Вл. Немирович-Данченко, Кастальский, Гречанинов, Ипполитов-Иванов, Конюс, Коровин, Конёнков, Жолтовский, Брюсов, Демьян Бедный, Луначарский.

В третью: Качалов, Москвин, Лилина, Бахрушин, Малявин, Кончаловский, Машков, Сабанеев, Шумков, Гольденвейзер, Коган, Есенин и др.».

Перепечатки см.: газ. «Сегодня», Рига, 1923, 25 февр., № 44; газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1923, 24 марта, № 3710.

Ср.: до 28 июня 1922; 28 июня 1922; 1 сент. 1922; сент. (?) — окт. (?) 1922.

Февраль, 23. В европейском издании газеты «Chicago Tribune» (Париж) появляется интервью Есенина.

Событие и его дата устанавливаются по сведениям из телеграммы А.Дункан А.Б.Кусикову (см. след. запись) и из статьи «Последнее прости поэта», где излагается содержание рассказа Есенина журналисту «Чикаго Трибьюн» (см.: 25 февр. 1923, первая запись). Исходный текст интервью не выявлен.

А.Дункан посылает из Парижа телеграмму А.Б.Кусикову:

«Необходимо, чтобы Есенин написал в "Chicago Tribune" опровержение интервью, где говорится, что он никогда не любил меня, а оставался со мной из-за моего общественного положения — такая статья показывает его в плохом свете. Телеграфируйте новости = Изадора Дункан».

IE, 167, где отнесено к 24 февр. по берлинскому почтовому штемпелю (24.2.23), т. е. по дате получения.

Первое воспроизведение оригинала телеграммы (по-французски) см.: IE, илл. между с. 252–253 (л. [26]), где, кроме штемпеля с датой получения телеграммы в Берлине, значится и число ее отправки — 23.

См. Приложение.

А.Дункан пишет в редакцию европейского издания газеты «Chicago Tribune» (Париж):

«Дорогой сэр,

в течение прошлой недели на первых страницах газеты "Чикаго Трибьюн" были опубликованы три статьи под заголовками, порочащими мое имя, которые в ложном свете представляют меня перед публикой. Поскольку эпизод, о котором идет речь в статьях, весьма незначителен, чтобы заинтересовать читателей, я сделала вывод, что эти статьи были помещены на первую полосу с целью оскорбить меня, и я настаиваю на своем праве по законам Франции напечатать у вас ответ в той же колонке и на той же странице.

В своей статье от 16 февраля вы заявляете, что между моим мужем Сергеем Александровичем Есениным и мной произошла "еще одна домашняя ссора", тогда как, если бы вы потрудились узнать правду, вам было бы ясно, что объяснением случившегося в гостинице "Крийон" были приступы тоски и бреда, охватывавшие Есенина, что не было никакой ссоры между нами, как может подтвердить моя подруга миссис Ховард Перч, которая была с нами во второй половине дня и весь вечер, и что во время этих приступов меня не было в гостинице, которую я покинула, предчувствуя их приближение.

Я поехала вместе с моей подругой миссис Перч за врачом.

Всё это было известно вашему репортеру мистеру Лоримеру Хеммонду от доктора Ажуле, кавалера Почетного легиона, но мистер Хеммонд, стремившийся написать лишь скандальную и порочащую статью, не обратил внимания на данную информацию.

Вся правда в том, что Сергей Есенин — несчастная жертва сиюминутных приступов сумасшествия, во время которых он не отвечает за свои поступки и слова, но это слишком простое объяснение для вашего репортера, которому был нужен скандал.

Двумя днями позже тот же мистер Хеммонд проник в мое убежище в Версале, где я лежала в постели больная под присмотром врача. Тот запретил мне видеть репортера, которому миссис Перч это передала. На что он заметил, что готовящаяся статья "будет гораздо хуже, если я с ним не встречусь".

Услышав это и желая, насколько возможно, защитить самого Сергея Есенина от порочащих публикаций, я встала и, надев халат, вышла в соседнюю комнату. По виду мистера Хеммонда я сразу заметила, что он пришел с недобрыми намерениями продолжить атаку на меня и моего несчастного мужа.

Я объяснила ему, по возможности мягко, суть случившегося, а также, что я очень устала и в большом горе. Из всего этого он на следующий день состряпал, не без удовольствия, грубую карикатуру в своей гнусной статье. Если подобная журналистика не прекратится, то ваши репортеры будут и дальше превращать чужое горе и слезы в шутку на потребу публике. Они вскроют гроба и насмешливо изобразят лица умерших. Никто не спрячется от их злобы. Бедная публика подвергнется бесконечному одурачиванию, ее будут пичкать грубой пошлятиной.

В надежде, что ваша газета не опустится до подобной недостойной политики, остаюсь ваша

(подпись Айседоры Дункан)

23 февраля 1923 г.».

Цит. по: IE, 163–164. Перевод А.П.Шишкина.

См. также: 16 февр. 1923, третья запись; 28 февр. 1923.

В рижской газете «Сегодня» (№ 42) под заголовком «Погром Есенина» пересказывается статья «Есенин действует» из берлинского «Руля».

См.: 21 февр. 1923, первая запись.

В Москве С.Д.Фомину о Есенине пишет А.В.Ширяевец:

«Есенин в Лондоне, скоро должен вернуться в Россию».

Письма, 330.

Поездка в Лондон планировалась, но не состоялась (см.: 16 мая 1922, третья запись; 18 мая 1922, вторая запись; 31 мая 1922, третья запись).

Февраль, до 24. В Петрограде выходит бюллетень Петроградского отделения Государственного издательства РСФСР «Новая книга» (№ 1–2), где в перечне вышедших из печати поэтических книг значится:

«Есенин Сергей. — Избранное. Ц. 40 к.».

Граница события устанавливается по информации о поступлении номера в редакцию «Литературного еженедельника» (Пг., 1923, № 8, 24 февр.).

Февраль, 24. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3679) печатает анонимную заметку «Айседора Дункан разошлась с поэтом Есениным»:

«*Париж*. Находящаяся здесь танцовщица-босоножка Айседора Дункан в беседе с репортерами газет по поводу “спешного отъезда” ее мужа, русского поэта Сергея Есенина, в Москву заявила следующее:

“Всякий знает, что он сумасброд. Он заслуживает больше слёз, чем смеха. Сергей хотел вернуться в Москву, и я отослала его. Там, в России, ему лучше; там он любим, несмотря на то, что дурачок. Он может дебошировать в Москве безнаказанно, ибо он поэт... Денег у меня он не забрал. Я их отдала голодающим поволжским мужикам. Сергей душевно болен еще с войны. Он страдает эпилепсией (падучей болезнью) и алкоголизмом. Американская самогонка окончательно доконала его.

Последний раз, когда мы вместе были в Париже на обеде у артистки «Французской Комедии» Сорель, хорошее французское вино вдохновило его к прекрасным мыслям о культуре и красоте”.

По словам Айседоры Дункан, танцовщица навряд ли последует за Есениным в Россию».

Ср.: 19 февр. 1923, первая запись.

Корреспондент американской газеты «Toledo Blade» сообщает:

«Берлин, 24 февр. — Сергей Есенин, муж Айседоры Дункан, исполнительницы классических танцев, который находится в Берлине на пути из Парижа в Россию, сделал в субботу <т. е. 23 февр.> заявление <...>.

“Я безумно люблю Айседору, но она так много пила, что я не смог больше это переносить, — сказал Сергей. — Это всё равно, что Соединенные Штаты, где мы недавно

побывали. Я не смог вынести того, что там происходит. Америка подобна пеплу сигар, выкуренных в Европе"».

Цит. по: IE, 166, 290, примеч. 26; перевод С.И.Субботина.

Ср. с началом последней фразы очерка «Железный Миргород»:

«Европа курит и бросает, Америка подбирает окурки...».

Есенин, V, 172.

Февраль, 25. В варшавской газете «За свободу!» (№ 45; подпись: Z) публикуется статья «Последнее прости поэта»:

«Давно ли имена Сергея Есенина и "босоножки" Айседоры Дункан, сочетавшихся браком, были неразлучны, вызывая сенсацию всюду, где бы ни появилась эта — "полуюная" — чета. И вот — увы! — они расстались — причем с большим треском — от поломанных стульев и разбитых тарелок и с "кутузкой" в виде апофеоза. Произошло это в Париже.

Ныне поэт, приехавший в Берлин, отдыхает от пережитых треволнений, окруженный поклонницами, принимает интервьюеров в халате и с мокрым полотенцем на голове и заявляет, что он расстался с "босоножкой" навсегда, что "от этой ужасной женщины он готов бежать хоть в Сибирь, руки на себя наложить, только бы избавиться от этой мегеры, по милости которой он чуть не спился".

— В чем же дело? Что разлучило вас? — спрашивают его. — Ведь брак был по любви. — "Я никогда не любил ее, — отвечает Есенин (см. интервью в "Чикаго Трибьюн"), — но она столько мне дала, что я должен был принять и ее, — этого требовало простое приличие. Не хочу говорить о ней дурно — это было бы не по-джентльменски, но... Я — гений, а Айседора мнит себя гениальной. Кроме того, я терпеть не могу американцев, особенно американок — они ничего не стоят... У нас все время была битва душ. Мог ли я — гений! — допустить себя стать рабом Айседоры? В каждом супружестве один должен подчиниться другому. А у нас — каждый хотел властвовать. Так не годится. И наши духовные конфликты скоро перешли в физические. Она чуть не выцарапала мне глаз... Я, конечно, тоже не остался в долгу и ударил ее.

Кончилось тем, что в Париже я из-за этих духовных конфликтов угодил в тюрьму.

Уже через месяц совместной жизни я убедился, что наши души не созданы одна для другой. И предвидел разрыв. Мы оба добросовестно старались ужиться, но — у Айседоры слишком много темперамента, а я поэт, и непристойно мне позволить женщине командовать собой... И вот начался ад. В Америке все меня ненавидели за то, что я большевик, как будто коммунист непременно должен быть вором и убийцей. На представлениях в нас швыряли всякими гадостями. Один раз какие-то хулиганы вломились в уборную Айседоры и избили меня. Да и вообще, что это за страна — Америка! Или рабочие, или снобы, или воры, при этом узаконенные. В искусствах ровно ничего не смыслят. Надоели мне все эти скитания. Еду в Москву, буду там жить спокойно. Устал я от всего этого!..".

Поэт томно откидывается на спинку кресла, делая вид, что теряет сознание. Поклонницы заботливо помогают ему подняться и почти на руках доносят до кровати.

Разочарованный поэт не скрывает, что, покидая опечаленную супругу, он прихватил с собой ее средства и... француженку-горничную, которая ему в дороге очень пригодилась, ибо он не знает ни слова по-французски. Теперь "гениальный" Есенин побаивается немножко, как бы Айседора не вчинила ему иска за "жалкие гроши", которые она заработала, вдохновленная его гением. О разводе он не помышляет, ибо и брака своего с танцовщицей никогда всамделишным браком не считал.

Друзья настойчиво советуют ему ехать в Совдепию, вместе с Жанной (горничной) <см., однако, след. запись>, говоря, что там Айседора его не достанет, а если вздумает приехать, ей не поздоровится.

Надо отдать справедливость почтенной "босоножке" — она в этой истории держится всё же достойней своего супруга. И ее тоже осаждают интервьюеры, и при ней неотлучно находится врач, уверяющий, что хотя следов побоев он и не нашел на теле "мисс Дункан", но морально супружество с Есениным сделало ее "полною развалиной" (наконец!). Айседора тоже неласково отзывается об Америке и приеме, им там оказанном. Она уверяет, что "Серж" спился в Америке именно благодаря запретительным законам насчет пьянства, ибо на каждом шагу его угощали виски, а виски — это яд. Во Франции "Серж" пил только хорошее вино, и оно вызывало в нем "приливы поэтического вдохновения", а виски — от виски "Серж" начинал ломать стулья и колотить свою супругу. Так что она сама, спасая его от белой горячки, отправила его в Берлин, со своею француженкой-горничной в качестве провожатой. Его бы, собственно, следовало отдать в лечебницу, но ей так жаль, так жаль его!.. Он все-таки хороший... и очень, очень даровитый. Судьба поэтов всегда так трагична...

Теперь Айседора ни жена, ни вдова и не знает, ехать ли ей в Советскую Россию вслед за "Сержем", — если он уедет туда... И уверяет, что никаких денег он у нее взять не мог, ибо доллары, о которых идет речь, она пожертвовала на голодающих "волжских мужиков"».

См.: 23 февр. 1923, первая запись.

О перепечатке материала см.: 1 марта 1923.

А.Б.Кусиков в Берлине получает телеграмму от горничной А.Дункан — Жанны, к тому времени вернувшейся в Париж:

«Пожалуйста, телеграфируйте Изидоре, что у Есенина есть кружева и покрывало <из> "Крийон" = Жанна <...>».

Подлинник телеграммы (*искаж. нем.*):

«Bitte telegrafieren sie isidora dass esenine hat spitee <так; согласно Г.Маквею (IE, 290, примеч. 32), правильно: "Spitze(n)"> und bett tuch crillon = jeanne <...>».

IE, 168.

См. Приложение.

Г.Маквей добавляет здесь же: «В сентябре 1974 г. сам Кусиков пояснял смысл этой телеграммы так: Есенин украл у Айседоры кусок прелестных брюссельских кружев и покрывало, и Жанна просила Есенина вернуть украденные вещи» (перевод С.И.Субботина).

Однако просьба подтвердить наличие этих вещей у Есенина перед А.Дункан была адресована не ему самому, а Кусикову. Это наводит на мысль, что подозрение А.Дункан в том, что вещи исчезли, пало на горничную, и та попросила Кусикова засвидетельствовать, что она здесь ни при чем.

Рижская газета «Сегодня» (№ 44) перепечатывает из парижских «Последних новостей» анонимную заметку «Айседора Дункан в Париже» с упоминанием Есенина.

См.: 15 февр. 1923, вторая запись.

Февраль, 27. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3685) помещает материал Л.Бессонова «Скверный анекдот: Сергей Есенин и Изадора Дункан»:

«Собственно говоря, кому какое дело, если Иван женится на Марье, если Сергей — на Изадоре? Это их частное — а иногда несчастное дело. Только и можно пожелать им "совет да любовь", да прибавить:

— Чтобы это было в последний раз.

Но если парочка сама выносит свою интимную жизнь на всеобщее внимание, а иногда и на суд и обсуждение, то естественно прислушаться и присмотреться.

Сергей Есенин, русский поэт, двадцати семи лет женился на американке, известной танцовщице Изадоре Дункан. Щадя ее женскую природу, не упомянем, сколько ей лет. Скажем только, что она значительно старше Есенина, что брак этот неравен и что, впрочем, еще более диковинные вещи совершались на божьем свете!

Об этом браке протрубили газеты всех стран и языков. Молодой поэт, которому, собственно, надлежало работать и учиться, сразу сделался центром внимания.

Парочка улетела, — да, таки улетела на аэроплане — в Берлин, оттуда в Париж, а затем, пройдя толпы репортеров и интервьюеров, очутилась в Нью-Йорке.

Всюду их сопровождала шумиха, треск, газетная та-ра-ра-бум-бия.

В Нью-Йорке, как, впрочем, и в других городах, Изадора Дункан объявила, что ее муж Сергей Есенин — гений. Он — надежда России, второй Пушкин.

Еще через несколько недель в частном доме у коллеги-поэта произошел отвратительный скандал, который проник в печать. Центром и виновником скандала был "гений", "второй Пушкин" — Есенин. Под пьяную, очень пьяную руку, молодой поэт обидел своих коллег, побил жену, ревел благим матом, сыпал ругательствами.

Вскоре Дункан и Есенин уехали. В Париже — повторение того же скандала. Гения выселяют из отеля, и гений, махнув рукой на свою жену, уезжает в Москву, домой, к своим детям от другой женщины.

Изадора Дункан теперь объясняет репортерам:

— Видите ли, Есенин душевнобольной. Он сошел с ума уже давно, со времени войны. Он страдает эпилепсией. Его надо пожалеть, а не смеяться над ним.

Итак: несколько месяцев тому назад Дункан называла его гением. Теперь — он, по ее объяснению, — сумасшедший, алкоголик.

Мы мало верили прославленной танцовщице, когда она называла Есенина "вторым Пушкиным". Ибо что Дункан знает о Пушкине? Что она, едва лепечущая несколько русских слов, понимает в русской литературе и в поэзии? Откуда она так положительно уверена, что "Сергей" гений, ежели она даже не знает того, о чем он пишет?

Но если Дункан мало знает о поэзии, то она немного больше знает о медицине. Называть человека сумасшедшим алкоголиком перед лицом всего света так же рискованно, как называть его гением. И то, и другое требует доказательств.

Конечно, трудно утверждать, что этот несчастный брак является разумным и логическим. Но, если уж говорить о болезненности, то Дункан не менее повинна в ней, чем Есенин. Более опытная, знающая жизнь, видавшая виды, имеющая позади богатую и тревожную жизнь, Изадора Дункан должна быть, кажется, более ответственной за тот брак, который у всех вызвал удивление и который ныне так плачевно закончился.

Уж если говорить о жалости, то ее заслуживает эта стареющая эксцентричная женщина, которая в разгар страшнейшего голода, неслыханного в истории, поехала в Россию учить русских деревенских детей танцам и там оженила на себе "больного", "эпилептика".

Печальный скверный анекдот! Трагедия, рассказанная в сенсационных газетных заголовках!»

Февраль, 28. Европейское издание газеты «Chicago Tribune» (Париж) под заголовком «Айседора Дункан излагает газете "Трибьюн" свою вер-

сию» помещает письмо танцовщицы в редакцию газеты, связанное с именем Есенина.

О событии и о его дате см.: IE, 290, примеч. 22.

Текст письма см.: 23 февр. 1923, третья запись.

Февраль. Есенин пишет стихотворения «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и дорабатывает стихотворение «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...».

Создание стихотворений отмечается и датируется по времени подготовки книги «Стихи скандалиста» (см.: февр. 1923, первая запись; середина марта 1923; 20 марта 1923; после 30 (?) апр. – июль 1923, вторая запись; до 10 июня 1923), в составе которой они впервые были опубликованы. Последнее из них, возможно, было написано в 1922 г. (см.: 1922), но дорабатывалось вместе с двумя другими при подготовке Ст. ск.

Датировка первых двух стихотворений подкрепляется также свидетельством Е.А.Есениной:

«...считаю необходимым заявить, что стихи "Сыпь, гармоника! Скука... Скука..." и "Пой же, пой. На проклятой гитаре...", якобы посвященные А.Дункан, написаны братом моим в 1923 году и не раз читались им на литературных вечерах. Эти стихотворения входят в цикл "Москвы кабацкой" и никогда никому не посвящались».

Газ. «Правда», М., 1926, 4 апр., № 77.

Стихотворение «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» имеет несколько вариантов. Основной текст см. Есенин, I, 171–172. В сб. «Московские поэты. 1924 г.» (Великий Устюг, 1924) помещена другая редакция:

Сыпь, гармоника, — скука, скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной!

Излюбили тебя, измызгали
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь синими брызгами,
Или в морду хошь!?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон!
До печенок меня замучила
Со всех сторон!

Я с тобою из женщин не с первою —
Много вас!
Но с такою, как ты, стервою
Лишь в первый раз!

Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая,
Пей, выдра, пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую, —
Она глупей.

И чем дальше, тем звонче,
То здесь, то там...
Я с собой не покончу,
Иди к чертям!

К вашей своре собачьей
Пора б простыть!..
Дорогая, я плачу...
Прости, прости!

Есенин, I, 307–308.

В архиве Е.Ф.Никитиной (ГЛМ) сохранился машинописный список еще одного варианта этого стихотворения:

Сыпь, гармонь, скука, скука.
Гармонист, рви волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.
Я с тобой не с первою,
Много я видел красивых глаз,
Но с такою, как ты, стервою,
Первый раз.
Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь синими брызгами
Или в морду хош?
Тебя бы в огород на чучело,
Пугать ворон.
До печёнок ты меня измучила
Со всех сторон.
Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая,
<строка нрзб.>
Мне б не тебя, а вон ту, сисястую,
Она глупей.
Чем глупее, тем звонче,
Что здесь, что там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

Есенин, I, 602.

«Кем и когда выполнена запись — не указано, но, судя по тексту, это, скорее всего, запись с голоса, без авторской проверки. Здесь несколько иначе, чем в варианте наб. экз., выстроен сюжет <...>.

Изначальные черновые рукописи стихотворения неизвестны, нет и фонографических записей авторского чтения. Поэтому в настоящее время невозможно в полной мере восстановить творческую историю стихотворения, реконструировать первоначальный авторский текст и на этой основе доказательно судить о том, является ли указанное изменение в построении сюжета развитием творческого замысла автора или же оно стало следствием случайной, механической перестановки строф в одном из промежуточных списков».

А.А.Козловский — Есенин, I, 602–603.

«В частном собрании (Москва) имеется экземпляр рукописного сборника: “Сергей Есенин. Два ненапечатанных стихотворения 1923 года”. На первой странице, в скобках: “Айседоре Дункан”. Затем переписаны два стихотворения: “Сыпь, гармоника! Скука... Скука...” и “Пой же, пой. На проклятой гитаре...”. В конце сборника пояснение: “Стихи предназначались для сборника «Москва кабацкая» и не были пропущены цензурой. Переписаны с полученного от В.И.Вольпина экземпляра, напечатанного на пишущей машинке и сверенного с подлинником поэта В.Эрлихом. Москва. 16 февраля 1926 года. В.Цвет<н>ов”. Подлинники (автографы?) и машинописные списки, с которыми, по этому сообщению, сверялись тексты, в настоящее время неизвестны. Тексты совпадают с основной редакцией (различия только в пунктуации), за исключением четвертой строфы стихотворения “Пой же, пой. На проклятой гитаре...”, которая представлена в редакции, не зафиксированной в известных автографических и печатных источниках:

Пой, Сандро, навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рать.
Пусть целует она другого
Изжитая, красивая блядь».

А.А.Козловский — Есенин, I, 604–605.

Журнал «Zwrotnica» (Краков, № 4) помещает «Исповедь хулигана» Есенина, переведенную на польский язык Б.Ясенским.

См. Приложение.

Февраль (?). В Калуге выходит журнал «Корабль» (№ 1–2), где говорится о Есенине:

— в информации о книгах, готовящихся к печати издательством «Вольница», в том числе о книге поэта «Исповедь хулигана».

Перепечатано из Гост. (см.: 1 окт. 1922, первая запись). Книга в свет не выходила (Есенин, VII (3), 90);

— в рекламном объявлении журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», среди участников которого значится Есенин.

См.: 1 окт. 1922, первая запись.

Февраль, конец (?) ... Март. В «Книжном салоне» Русского универсального издательства при участии Есенина с запозданием отмечается выход берлинского издания его драматической поэмы «Пугачев».

Есенин читает свои стихи. Знакомится с А.В.Бахрахом.

События устанавливаются по воспоминаниям А.В.Бахраха (см. ниже), а их ориентировочные рамки — с учетом времени выхода книги в свет (см.: 24 июля ... 12 авг. 1922; Есенина до конца 1922 года не было в Берлине) и времени пребывания поэта в Берлине после его отъезда из Парижа (см.: 16 февр. 1923, первая запись; 5–10 апр. 1923).

А.В.Бахрах вспомнит:

«Живя в Берлине, я частенько наведывался в этот "салон", чтобы поглазеть на советские книжные новинки; они тогда были в диковинку и впервые стали появляться заграницей. Однажды, зайдя туда невзначай, я был тотчас приглашен в директорский кабинет, в котором, как выяснилось, — праздновался выход в свет есенинского "Пугачева". Мои юристы <так автор называет издателей> получили права на издание поэмы, и в углу можно было заметить еще пахнущие типографской краской аккуратно сложенные пакеты с этим новым изданием. А на письменном столе "директора" красовалось несколько бутылок шампанского, корзиночка с "птифурами" и тарелка с изящными бутербродами, чуть ли не с икрой. Словом, издатели хотели себя показать.

Около стола, слегка съежившись, сидел в кресле сам виновник чествования. Вблизи я тогда видел его впервые и был чуть озадачен, предполагая, что теперь он ходит в цилиндре и лакированных башмаках. А между тем наряд его отнюдь не был экстравагантен. На нем был добротный костюм, явно сшитый по мерке, такой, что лучше и не придумать. Но все-таки, глядя на него, мне вспомнились обращенные к нему строки одного из его ближайших соратников по имажинизму: "Кудри день, это ты в гранях города гость / Сын полей хлебородной тиши" <см.: до 16 окт. 1920>. Ведь, подлинно, в Берлине, да, вероятно, и в Москве Есенин всегда оставался неким "гостем", в какой бы костюм ни рядился. С городом — с любым — он едва ли был способен ужиться по-настоящему. В городах ему было как-то не по себе, казалось, что стены и потолки его стесняют и он воспринимает их как личную себе угрозу.

Впрочем, тогда его ласковое, такое типичное для деревенского парня из средней полосы России лицо светилось приятной улыбкой, и мне в этот памятный день действительно повезло: после двух-трех произнесенных Есениным фраз можно было определить, что он совершенно трезв (а это было необычно), кроме того, пришел он без

своей "тени", без Кусикова, беззаветно охранявшего его от него самого и от его "дурных повадок". Всё это облегчало общение.

— Пришли полакомиться, — язвительно буркнул он, едва нас познакомили.

— Нет, я до шампанского не охотник.

— Да я вовсе не о том. Ведь я обещал им, — он указал пальцем на своих издателей, — прочесть отрывок из моей поэмы. Дайте книжку, я наизусть не помню.

Читал он негромко, но, как водится, с надрывом, с преувеличенными паузами между отдельными словами, оттеняя запятые и своим чтением стараясь еще больше подчеркнуть то "имажинистское наречие", на котором была написана его — не слишком ему удавшаяся, хоть местами эффектная — драматическая поэма. Горький где-то писал, что от есенинского чтения у него образовывались спазмы в горле и ему хотелось рыдать. Думается, однако, что это было особенностью горьковского восприятия, а не воздействия есенинской читки, потому что некоторая ее нарочитость особенного впечатления ни на кого из присутствующих тогда не произвела.

Обычно — я мог в этом впоследствии убедиться — он считал для себя наиболее выигрышным и бравурным монолог Хлопуши, который декламировал с качаловским пафосом (мне когда-то случилось присутствовать при том, как Качалов читал блоковскую "Незнакомку"). Но в этот день Есенин почему-то предпочел прочесть отрывок из самого конца своей поэмы со строками:

Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
. . . . . .
Всё равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал.

Прочел он эти строки, акцентируя их, почти со слезой в голосе, с нескрываемой горечью, и в камерной обстановке непритязательного кабинета в его чтении чувствовался трагический оттенок.

Может быть, мне это почудилось погодя, но в этих нескольких строчках, обращенных к разбитому Пугачеву, как бы таилось признание того, что он "споткнулся о камень", и предчувствие, что дальнейшее — то есть то, что "это к завтраму все заживет" — уже несбыточно. Это не помешало ему, едва закончив свое недолгое чтение, распространяться о "революционности" своего нового произведения и еще о том, что в нем скрыта полемика с Пушкиным, который, мол, Пугачева не понял и пренебрег историей. Странно было это слышать из уст автора поэмы, лишенной какого бы то ни было исторического правдоподобия и вдобавок нафаршированной анахронизмами. Но вступать с ним в спор было неуместно, тем более что, закончив свою тираду, он повторил в еще более минорной тональности — "всё равно то, что было, назад не вернешь", и добавил: "Да, когда-то я свои стихи читал бандитам и проституткам, и они были лучшими моими слушателями, а вот теперь я их читаю пятерым «джентльменам» и — «дорогие мои... хорошие...» — он произнес эти слова врастяжку, подчеркивая этим, что это еще одна цитата из поэмы, — и они моего Пугача не оценили".

Издатели наперебой пытались протестовать: "Как же так? Ведь мы вашего «Пугачева» печатали не вслепую" — и, чтобы очистить атмосферу, откупорили бутылку. Есенин свой бокал только пригубил и отговорился тем, что спешит на свидание с Андреем Белым, жившим неподалеку.

— Какой гениальный писатель, — добавил он, ставя, к моему удивлению, во главу угла "Котика Летаева" и поясняя при этом, что в романе Белый сумел "душу отделить от тела" и не только почувствовать, но и передать "пролеты в небывшее". Я запомнил его слова и понял тогда, что Есенину импонировало жонглирование абстрактными терминами, не слишком вникая в их содержание. "Вероятно, это самый замечательный из моих современников, — продолжал он, — и все мы, включая Ремизова и Замятина, перед ним подмастерья, только вот подтачивает его пристрастие к какой-то мистике". Очевидно, Есенину было тогда неведомо, что как раз в этот период своей жизни Белый отвернулся от "штейнерианства".

Он еще повертелся по комнате, надписал несколько экземпляров "Пугачева", вполне некстати разразился какой-то колкостью по адресу Клюева и, пожав всем руки, насмешливо посмотрел на меня и промычал: "Все-таки полюбите мои стихи, даже если в них тамбовский фонарщик некстати зажигает керосиновую лампу"».

«Новый журнал», Нью-Йорк, 1992, кн. 189, с. 341–344.

Есенин и А.Б.Кусиков навещают Л.Е.Белозерскую в пансионате на Байрейтерштрассе.

Есенин читает стихи из цикла «Москва кабацкая».

Л.Е.Белозерская вспомнит:

«Шел 1923 год. <...> И вот как-то вечером ко мне приехали Есенин с Кусиковым и с балалайкой. Я сразу поняла, что случилась какая-то беда. Есенин был худ, бледен, весь какой-то раздавленный. Сидел на диване и тренькал, напевая рязанские частушки. Я стала подпевать.

— Откуда вы их знаете?

Я сказала:

— Слышала в детстве. Моя мать — рязанская. Я знаю не только частушки, я знаю, что солнце — это "сонче", а цапля — "чапля".

<...> Ясно было заметно, что Кусиков старается отвлечь своего друга от тяжелых мыслей и вывести из состояния тяжелой депрессии. Потом Есенин сорвался внезапно с места, встал и прочел одно за другим два стихотворения <следует полный текст стихотворения "Сыпь, гармоника. Скука... Скука...">.

Второе стихотворение, прочитанное Есениным у нас на Байрейтерштрассе, с балалайкой и Кусиковым <следует полный текст стихотворения "Пой же, пой. На проклятой гитаре...">.

Когда он читал это стихотворение, отмеченная строка <речь идет о строке "Истекающую суку соком"> звучала по-другому: истекающую кровью суку.

Вообще всё показалось мне чудовищно грубым, и, если бы не его убитый вид — даже больше — страдальческий вид, я бы вступилась за женщину...».

Белозерская-Булгакова, 74–77.

Март, до 1 ... Март, до 15. Петроградский гострест «Центропечать» выпускает книгу Б.М.Эйхенбаума «Анна Ахматова: Опыт анализа», где в качестве одного из примеров современного поэтического синтаксиса взята строка из поэмы Есенина «Пантократор».

Кн. летопись, 1923, № 5, март, с. 245, поз. 2212.

Автор пишет:

«Еще одну синтаксическую особенность необходимо отметить в связи с лаконизмом и энергией Ахматовской <так!> речи. Особенность эта – ослабление глагола как такового, иные формы сказуемости: тенденция, вообще характерная для современной поэзии. Известны безглагольные опыты футуристов <...>. Имажинисты объявляют в своих манифестах "смерть глаголу" <...>. Являются различные способы ослабления или замены глагола. Кроме деепричастных форм, чрезвычайное развитие получает так называемый "творительный отношения" или "творительный сказуемостный". Так, напр<имер>, у Хлебникова: "Устами белый балагур"; у имажинистов: "Он Медведицей с лазури" (Есенин), "В небе осень треугольником" (Кусиков) и т. д. Как видно из приведенных примеров, в современном поэтическом языке есть тенденция прямо заменять глагол этим творительным».

Март, 1. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3687) в рубрике «Новости в 3 строки» извещает:

«Поэт Есенин примирился с Айседорой Дункан, послав ей телеграмму с комплиментами».

Другие сведения об этом событии не выявлены. Телеграмма неизвестна.

Рижская газета «Сегодня» (№ 47) перепечатывает из варшавской газеты «За свободу!» статью «Последнее прости поэта» под другим заголовком — «Есенин возвращается в Москву».

См.: 23 февр. 1923, первая запись; 25 февр. 1923, первая запись. Из исходного текста при перепечатке был исключен начальный абзац, а также упоминание, что интервью поэта опубликовано в газете «Чикаго Трибьюн».

Отклик на эту перепечатку см.: 13 марта 1923, вторая запись.

Март, 4. Московская газета «Правда» (№ 49; рубрика «Театр и музыка») публикует анонимную заметку «Айседора Дункан выехала в Россию» с упоминанием Есенина:

«Как сообщают американские газеты, Айседора Дункан и С.Есенин выехали в начале февраля из Нью-Йорка в Советскую Россию. Айседора Дункан горько разочарована приемом, оказанным ей в Америке. В беседе с сотрудником органа рабочей партии "Воркер" Дункан жаловалась на то, что шпики не давали ей покоя, а буржуазная печать всячески клеветала на нее. От этих нападок у нее накопилось столько раздражения, что она вначале не хотела было разговаривать с репортерами, собравшимися у парохода, на котором она уезжала. Но потом она им кратко заявила: "Я еду в Россию, где умеют ценить искусство; мне приятнее жить на хлебе и воде в России, чем среди роскоши в Америке. В России существует такая свобода творчества, о которой вы здесь и понятия не имеете". Перед отъездом Айседора Дункан выступала на концерте в здании оперы, устроенном "Обществом друзей Советской России" <см.: 20 янв. 1923, вторая запись; 27 и 31 янв. 1923; 2 февр. 1923, вторая и третья записи>. Концерт прошел с большим успехом. Танец "Интернационал" вызвал восторженные овации публики».

Интервью А.Дункан газете «The Worker» не выявлено.

Март, 5. Парижская газета «Звено» (№ 5) помещает материалы о Есенине:

— «маленький фельетон» Л.Г.Мунштейна (подпись: Lolo) «Аполлон и Терпсихора (Не миг, а быль)»:

Дункан Айседора, рабыня страстей,
Утратив под старость рассудок,
Пленилась величьем советских затей —
И стала учить пролетарских детей
Плясать на голодный желудок.

В те дни коммунальный московский содом
Решал роковые проблемы...
И бурно плясала она босиком —
И краденым златом платил Совнарком,
И барды слагали поэмы.

Советские дамы пустились в разгул...
Инстинкт заиграл в Айседоре:
Богиню мятежный поток захлестнул —
И с ней сочетался поэт-богохул,
Есенин в весеннем задоре.

Медовые дни пролетели как сон,
Но счастье земное не вечно:
Увы! — Терпсихору избил Аполлон
(Поэт во хмелю над собой не волён) —
И стала богиня увечной...

Но после удара (один ведь не в счет:
В любви забываются раны)
Чета совершила воздушный полет:
Супруг, мол, свою некультурность поймет,
Увидев культурные страны.

Летят — и улыбка цветет на устах
У пламенно любящей дивы...
Но — ох! — обманулась богиня в мечтах:
И в шумных столицах, и в тихих местах
Поэт ей сулит «рецидивы»!..

Чем выше культура в заморском краю,
Тем гений становится ниже:
И лавры стяжает в кулачном бою,
И больно колотит богиню свою —
В Берлине, в Нью-Йорке, в Париже...;

— отзыв М.А.Осоргина (подпись: М. О.) о книге И.Г.Эренбурга «Портреты русских поэтов» (Берлин, 1922):

«Эта новая хрестоматия современной поэзии задумана и выполнена превосходно. Автор объединил в ней четырнадцать поэтов (Ахматова, Балтрушайтис, Бальмонт, Блок, Брюсов, Белый, Волошин, Есенин, В.Иванов, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Сологуб, Цветаева) разных школ и поколений. Каждый из них представлен пятью-шестью стихотворениями, каждому посвящена краткая характеристика. В выборе поэтического материала автор руководствуется исключительно своим вкусом, и этот вкус безукоризнен. Ни на полноту, ни на систематичность книга Эренбурга не претендует; в списке его отсутствуют такие крупные имена, как, например, Кузмин и Гумилев и фигурируют совсем молодые поэты (Есенин, Пастернак). <...>

"Портреты" поэтов — сжатые, отчетливые психологические этюды. Это — не критика стихов, не обсуждение их эстетической ценности, не исследование стиля. Эренбурга интересует в поэте человек — его характерное неповторимое лицо, его своеобразный жест, его особый голос. Он читает стихи, и воображению его представляется их автор. Нечего и говорить, что это творческое настроение может вовсе и не соответствовать эмпирической действительности. И в то же время художественно может быть правдивее ее.

Никакой "переоценки ценностей" в книге Эренбурга мы не найдем: говоря о старших, канонизированных поэтах, он придерживается уже сложившейся по отношению к ним традиции... Но это "принятое суждение" он вводит в яркие пластические формы: знакомые лица оживают, движутся, подходят совсем близко».

Кратко охарактеризовав оценки И.Эренбургом творчества А.Блока, К.Бальмонта, В.Брюсова, А.Белого, рецензент отмечает:

«Особенно удачно зарисован С. Есенин. Отмечаются мелкие черты: "цилиндр, пестрый галстук, модный пиджак". Не забудьте, что речь идет о стиле поэзии Есенина, этого "светлого, хорошенького паренька, говорящего нараспев, рязанского Леля, Ивана-счастливца наших сказок".

Законченностью и заостренностью рисунк<и> Эренбурга напоминают старый благородный жанр portrait littéraire».

Отклик появился почти через год после выхода книги в свет (см.: 8 ... 10 марта 1922).

Март, 5, 6, 13, 20 и 22. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3691, 3692, 3699, 3706 и 3708) дает объявление о продаже книги Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922) в своем книжном складе.

Текст объявления см.: 11, 14, 16, 18, 20 и 25 нояб. 1922.

См. также: 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 23 и 25 дек. 1922; 1, 3 и 22 янв. 1923; 8 и 22 февр. 1923. См. Приложение.

Март, 6. Московский еженедельник «Зрелища» (№ 27, за 6–12 марта) сообщает:

«Получена телеграмма от Дункан из Нью-Йорка, извещающая, что "Общество Друзей России" в Америке интересуется ее московской школой, намерено ей помочь и просит выслать фотографические и литературные материалы о школе.

Дункан имела ряд "неприятностей" в Америке. На одном из своих спектаклей в Бостоне Дункан взвила над головой красный шарф и заявила: "Я — красная". Это так напугало местного мэра и цензурный городской совет, что они запретили дальнейшие выступления Дункан и завели соответствующую переписку с Вашингтоном. В результате Дункан было предъявлено обвинение в красной пропаганде и три министерства — труда, юстиции и иностранных дел — повели дознание, допытываясь, "в каких отношениях состоит Дункан с Советским Правительством".

В настоящее время Дункан выехала из Америки в Европу, где даст несколько концертов в Англии и Франции, а затем возвратится в Москву».

Март, 9, 15 и 18. Газета «Саратовские известия» (№ 55, 59, 62) помещает объявление о подписке на журнал «Красная нива», где среди авторов издания назван Есенин.

См.: 13–15, 19, 20 и 30 дек. 1922; 20, 25 и 28 февр. 1923.

Март, 10. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2105) печатает анонимную заметку «Исидора Дункан потеряла право гражданства»:

«*Вашингтон*. Исидора Дункан, знаменитая танцовщица, по решению Департамента труда больше не гражданка Соед<иненных> Штатов.

Глава департамента Дейвис искал все время, после ее выступлений против американских учреждений, какого-нибудь способа, чтобы лишить ее гражданства.

Выход для министра нашелся: она вышла замуж за Есенина, русского поэта, и поэтому по закону теряет свое гражданство.

Теперь этот закон изменен, но ее замужество произошло до изменения закона. Таким образом министр отомстил».

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3696) в рубрике «Новости в 3 строки» извещает:

«Айседора Дункан выходом замуж за русского поэта Есенина теряет американское гражданство».

См.: 12 марта 1923, вторая запись; 29 марта 1923, четвертая запись; 2 апр. 1923.

Ср. также: 1 июля 1922, вторая запись.

Март, после 10 ... Апрель, до 8. Выходит журнал «Новая русская книга» (№ 2, за февраль) с рецензией Р.Б.Гуля на книгу Есенина «Избранное» (М., 1922).

Нижняя граница события устанавливается по датированной информации в номере журнала, а верхняя — по объявлению книжного магазина И.П.Ладыжникова о поступлении номера в продажу (Нак., 1923, 8 апр., № 304).

Рецензент пишет:

«О Есенине часто говорят: "какой же он имажинист!" Многие критики пытаются отделить Есенина от имажинизма как поэтического направления. Думаю обратное: "имажинизм" — органическая стихия Есенина, создавшего это направление.

Структура имажинизма не сложна: примат "образа" (image) над остальным поэтическим материалом. Творчество Есенина ничем не согрешит против такой теории. Образ — его стихия. И свой "поэтический глас" он сам изумительно определяет:

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Сергей Есенин безусловный, ярый и яркий имажинист!

Символист Белый воспринимает слово лишь как "звук". Цветовая сторона ему не видна. У имажиниста Есенина "цвет" почти побеждает все. У поющего рязанского поэта в руках еще и кисть. У него, слава Богу, не колоратура, а песенность. У него не "поставлен" голос. Он, как цыган, душой поет. И если колоратура враждебна "живописности", то песенность с живописной образностью в дружбе.

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Вот череда меж песней и живописью образа.

Правда, очень редко у Есенина, но бывает: образ в своей живописной красочности становится настолько тяжел, массивен, что ломает строфу, выпадая из нее.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным,
И целует *на рябиновом кусту*
Язвы красные незримому Христу.

"На рябиновом кусту язвы красные" — кровь, кармин, отстраняя всё, выступают из строфы, гнут ее.

Порой от переобремененности образом строфа мякнет, теряет металл, не звучит.

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины,
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Но это лишь частные неурядицы "живописности" и "песенности". Они редки. Слишком крепко срослись они в Есенине. И о чем бы он ни запел — о полях, о лесах ли, о любви, ветре, о вечере — всегда великолепны узорные песни молодого гусляра.

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде,
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И по музыке своих песен и по темам песен — Есенин не европеец. Он — восточник, из "Евразии". Это многим нравится. И в этом есть прелесть. Но еще лучше, когда вдруг из русского рязанского парня выглянет пращур-язычник. Когда заговорит Есенин языком древнего земляного эроса.

Хороша ты, о, белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная дремучая муть,
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

Эти дивные древние песни пантеистического эротизма пронзают всю лирику Есенина. Они его сила и собственность в музее русской поэзии.

Есенин — могучий русский лирик с исключительным даром чувства. И не надо убегать ему из песенного плена. Не надо искать попытки к освобождению "Инонией" и "Пугачевым" от своей же силы — лирики. Его поэмы — "не тяжелы". Эта же прекрасная книга, — "томов премногих тяжелей"».

Выделено автором.

См. также: 11 сент. 1922; окт. – дек. 1922; 26 марта 1923.
См. также: РЗЕ, 2, 34–36.

Март, 11. Гельсингфорсская газета «Русские вести» (№ 214) публикует анонимную заметку «Тихое семейство», посвященную Есенину и А.Дункан:

«Недавно мы познакомили читателей <(номер газеты с этой публикацией не выявлен)> с нью-йоркскими подвигами 23-летнего <так!> коммунистического “поэта” и “беднейшего крестьянина” Есенина, в обществе его 60-летней <так!> супруги, впавшей в коммунистический транс пресловутой Айседоры Дункан и двух-трех десятков еврейских “поэтов-революционеров”, которым он устроил “форменный погром и настоящую коммунистическую свадьбу” <ср.: 21 февр. 1923, первая запись>.

Как оказывается, эти невинные шалости составили заключительный аккорд, закончивший недолговременное пребывание нежной четы в Америке. После обычных знаков внимания со стороны американской публики к совершавшей пластико-коммунистическое турне паре, знаков, выражавшихся по большей части в тухлых яйцах, гнилых огурцах, свистках и криках “долой”, после свирепого “мордобоя” в доме “поэта Мани-Лейб<а>”, на мило резвящуюся чету, наконец, обратила свое внимание и полиция Штатов.

Турне внезапно прервалось; супруги скоропалительно испарились из Америки и осчастливили своим посещением Париж. Но недолго пришлось им блистать на парижском горизонте. Едва только они приехали туда, как тотчас же, в ночь на 15 февраля в отеле “Крийон” произошла бурная сцена <далее (без отсылки к источнику) слово в слово идет текст заметки из парижских “Последних новостей”; см.: 17 февр. 1923, первая запись>.

Но на этом, как сообщает печать, супружество Айседоры Дункан с ее 23-летним “гением”, “ради которого она готова выносить всё на свете”, “после ряда взволнованных сцен”, по-видимому, скоропостижно закончилось. Воспользовавшись высылкой из Франции, Есенин покинул свою супругу и бежал в Берлин с ее камеристкой, красивой парижанкой m-elle Jeanne.

Есенин, рассказывают газеты, приехал в Берлин почти без средств и остановился у своих русских друзей, которым он совершенно непринужденно рассказывает о своих супружестве и бегстве. Худой и бледный, и совсем не враг алкоголя, Есенин производит впечатление весьма мало восхищенного Айседорой. По его совершенно откровенному заявлению, он весьма рад представившейся возможности избавиться от Айседоры. “Если она поедет со мной в Москву, то я, — восклицал он, — убегу в Сибирь! Россия велика, и я сумею разыскать такое место, где этой ужасной женщине не найти меня...”

С тихим ужасом рассказывал Есенин о несчастных месяцах, пережитых им вместе с Дункан, и о его пребывании в Америке и Париже. “Я талант, — заявил Есенин, — и она тоже. Но она никогда не хотела признать моей индивидуальности и всегда хотела быть моей повелительницей. Она обращалась со мной как с рабом, но я никогда не мог примириться с этим”.

Между обоими супругами происходили самые дикие сцены. Она, если послушать Есенина, била его, царапала ему лицо, но и он не оставался в долгу, и часто случалось, что Дункан по целым дням не могла никуда показаться или не могла носить декольтированных платьев, т. к. тело ее было усеяно яркими доказательствами супружеской

любви, блистающими всеми цветами радуги. Попытки примирения были тщетны; пропасть становилась все глубже и глубже. "Наши ссоры и драки были, однако, — заявил Есенин, — лишь эпизодами, главное же заключалось в охватившем нас душевном разладе".

Так дошел Есенин до своего решения бежать от "подруги жизни" в обществе уже питавшей к нему преданность камеристки. Он бежал к своим друзьям в Берлин с тем, чтобы отправиться оттуда в Москву. Его друзья советовали ему развестись в сов<етской> России, где развод может быть получен легко и быстро, но для Есенина развод не важен. Он для него лишь формальность. Прежде всего, он хочет быть одиноким (но, конечно, не без камеристки <однако последняя вскоре вернулась в Париж; см.: 25 февр. 1923, вторая запись>), вдали от своей супруги, наводящей на него почти невероятный ужас.

"Это был ад, — вспоминает о своем супружестве Есенин, — который мне приходилось выносить в течение целых 6 месяцев. Но потом я уже не мог выдержать. Я бежал, и в первый раз со дня моей свадьбы вновь чувствую себя человеком бодрым и свободным"».

Последние пять абзацев — это пересказ по-русски (очень близкий по смыслу к оригиналу) фрагмента статьи из берлинской газеты «8-Uhr Abendblatt» (см.: 19 февр. 1923, вторая запись).

Есенин читает стихи из цикла «Москва кабацкая» на вечере, посвященном годовщине «Объединения российских студентов в Германии», в помещении германского аэроклуба (Flugverbandhaus, Schönebergerufer 40, Ecke Blumes Hof 17).

Из анонса (Нак., 1923, 11 марта, № 282):

«По случаю годовщины существования Объединения Российских Студентов в Германии состоится большой Вечер-Концерт-Бал. Принять участие в вечере согласились выдающиеся артисты и поэты. Хозяйка вечера М.Ф.Андреева. Вечер состоится в воскресенье 11 сего марта в 7 ч. вечера <...>. Вход по пригласительным билетам».

Отклики см.: 13 марта 1923, первая запись; 14 марта 1923; 1 апр. 1923, первая запись.

Из воспоминаний Р.Б.Гуля (1927):

«В Союзе немецких летчиков <т. е. в германском аэроклубе>, на русском вечере, где впервые читал Есенин "Москву кабацкую" <...>, выступали многие. Последним вышел на эстраду Есенин. Во всем черном — в смокинге, в лакированных туфлях, — с колышащимся золотом ржаных волос. Лицо было страшно от лиловой напудренности. Синие глаза были мутны. Шел Есенин неуверенно, качаясь».

Восп.-95, 338.

Март, с 11 на 12. После выступления Есенина на эстраде, за банкетным столом, происходит его знакомство с Р.Б.Гулем и их общение. Есенин вновь читает свои стихи.

В 1927 г. Р.Б.Гуль вспомнит:

«Литературный стол был чрезмерно обутылен. <...> Рядом был А.Толстой. Напротив — Н.Крандиевская и Есенин, с повисшей со стола рукой. Она что-то говорила Есенину. Но Есенин не слыхал. Он вскидывал головой, чему-то улыбался и синими глазами смотрел в пьяное пространство. Сильно глушил оркестр. Бутылки шли на стол, как солдаты. Было уже поздно. Есенин обводил сидящих взглядом и уставлялся, всматриваясь. <...>

Я сказал Есенину:

— Чего вы уставились?

Дальше должна была быть брань, драка, бутылкой в голову. Но Есенин улыбнулся тихо и жалобно. Качаясь, встал. И сказал, протягивая руку:

— Я — ничего. Я — Есенин, давайте познакомимся.

Средь цветов и бутылок Есенин, облокотившись на стол, стал читать стихи. За столом замолчали, наклонившись к нему. Читал он тихо. Только для сидевших. Он даже не читал. А вполголоса напевал. То вдруг падая головой. То встряхиваясь. Вино качало его и шумело в нем. В "Москве кабацкой" он дважды повторил: "Дорогая, я плачу, прости, прости". И говорил это он очень хорошо.

Когда Есенин читал, я смотрел на его лицо. <...> Есенин был некрасив. Он был такой, как на рисунке Альтмана. Славянское лицо с легкой примесью мордвы в скулах. Лицо было неправильное, с небольшим лбом и мелкими чертами. Такие лица бывают хороши в отрочестве. Сейчас оно было больное, мертвенное, с впалым голубым румянцем. Золотые волосы и синие глаза были словно от другого лица, забытого в Рязани.

Когда Есенин кончил читать, он полуулыбнулся, взял стакан и выпил залпом, как воду. Этого не расскажешь. Во всем: как взял, как пил и как поставил — было в Есенине обреченное, "предпоследнее". Он казался скакуном, потерявшим бровку и бросившимся вскачь целиной ипподрома. Я заказал оркестру трепак. Трепак начался медленно, "с подмывом". Мы стали просить Есенина. Он прошел несколько шагов, качаясь. Остановился. Улыбнулся в пол. Но темп был хорош. И Есенин заплясал. Плясал он, как пляшут в деревне на праздник. С коленцем. С вывертом.

— Вприсядку, Сережа! — кричали мы.

Смокинг легко и низко опустился. Есенин шел присядкой по залу. Оркестр ускорял темп, доходя до невозможного плясуну. Есенина подхватили под руки. Гром аплодисментов. И мы опять пришли к столу <...>.

За столом говорили профессионально. О молодых поэтах. Я хвалил Казина <см. также: после 1 июля 1923>. Но Есенин смеялся, махая рукой:

— Да что вы, да что это за поэты! Да это всё мои ученики! Я же их учил писать! Да нет же, они вовсе не поэты! Они — ученики!

За окном черным пятном лежала берлинская ночь».

Восп.-95, 338–339.

Март, 12. Есенин вместе с Р.Б.Гулем и Г.В.Алексеевым покидает германский аэроклуб.

Из воспоминаний Р.Б.Гуля (редакция 1979 г.):

«...на столе сидел Есенин и сидя спал. Сидел по-турецки, подвернув под себя ноги, как сидят у костра крестьянские мальчики в ночном. Рядом с ним стоял фужер с водкой и сидел Глеб Алексеев.

— Алексеев, — сказал я, — его надо увести.

— Он спит, — сказал Алексеев.

— Ну, разбуди его, ведь скоро же запрут зал...

Есенин не слышал. Лица его не было видно. Висели только волосы. Алексеев разбудил его, Есенин спрыгнул со стола, потянулся и сказал как в просоньи:

— Я не знаю, где мне спать.

— Пойдем ко мне, — сказал Алексеев.

И мы вышли втроем из Дома немецких летчиков. Было часов пять утра. Фонари уж не горели. Берлин был коричнев. Где-то в полях, вероятно, уже рассветало. Мы шли

медленно. Алексеев держал Есенина под руку. Но на воздухе он быстро трезвел, шел тверже и вдруг пробормотал:

— Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн...

— Да что ты, Сережа? Ты что — антисемит? — проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто яростью, закричал на Алексеева:

— Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарежу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн — это совсем другое, он правит Россией, а не должен ей править... Дурак ты, ничего этого не понимаешь...

Алексеев старался всячески успокоить его, и вскоре раж Есенина прошел. Идя, он бормотал:

— Никого я не люблю... только детей своих люблю. Дочь у меня хорошая... — блондинка, топнет ножкой и кричит: я — Есенина!.. Вот какая у меня дочь... Мне бы к детям... а я вот полтора года мотаюсь по этим треклятым заграницам...

— У тебя, Сережа, ведь и сын есть? — сказал я.

— Есть, сына я не люблю... он жид, черный, — мрачно отозвался Есенин.

Такой отзыв о сыне, маленьком мальчике, меня как-то резанул по душе, но я решил "в прения не вступать"... А Есенин всё бормотал:

— Дочь люблю... она хорошая... и Россию люблю... всю люблю... она моя, как дети... и революцию люблю, очень люблю революцию, а вот ты, Алексеев, ничего-то во всем этом не понимаешь... ничего... ни хрена...».

РЗЕ, 1, 205–206.

Чикагская газета «Свободная Россия» (№ 59) помещает информацию «Исадора Дункан лишена гражданских прав»:

«*Вашингтон*. — Исадора Дункан, известная танцовщица, сильно обозлила секретаря труда Дейвиса, и Департамент Труда, во главе которого стоит Дейвис, в своем официальном заявлении сообщает, что Дункан лишена гражданских прав, хотя она и была рождена в Америке.

В своем заявлении Департамент Труда сообщает, что когда Дункан вышла замуж за русского поэта Есенина, она стала гражданкой России и утратила права гражданства в Америке».

См.: 10 марта 1923 (обе записи); 29 марта 1923, четвертая запись; 2 апр. 1923.

Ср. также: 1 июля 1922, вторая запись.

Март, 13. Газета «Накануне» (№ 283; рубрика «Хроника») пишет:

«В воскресенье <см.: 11 марта 1923, вторая запись> в помещении германского аэроклуба состоялся большой концерт-бал по случаю годовщины существования объединения российских студентов в Германии. Хозяйка вечера, М.Ф.Андреева, прочла несколько стихотворений, А.Н.Толстой читал несколько сцен из трагедии "Смерть Дантона". Читали свои стихи А.Б.Кусиков и Сергей Есенин, причем последний произвел неприятное впечатление своим озорством в стихах. <...> Бал затянулся до поздней ночи и прошел весьма оживленно».

См.: 14 марта 1923; 1 апр. 1923, первая запись.

Рижская газета «Сегодня» (№ 53) помещает статью А.А.Яблоновского о Есенине под названием «Морганатический супруг».

Обильно процитировав интервью Есенина в Берлине (см.: 23 февр. 1923, первая запись) по статье «Есенин возвращается в Москву» (см.: 1 марта 1923), А.А.Яблоновский резюмирует:

«Есенин потому и интересен, что он с головы до ног — советский.

Это "советский" гений, "советский" характер, "советский" темперамент и, так сказать, краса и гордость октябрьской революции.

Не русский, а именно "советский" <...>

...Европа знает разницу между словами "русский" и "советский" и мне кажется, что все мы должны поблагодарить г-на Есенина за то, что он так ярко и в таких незабываемых тонах подчеркнул эту разницу. <...>

Этот советский Гомер за два-три месяца "работы" сделал столько, что теперь и в Европе, и в Америке "семь городов" спорят за честь посадить его в свою кутузку».

Март, 14. Газета «Руль» (№ 696) дважды обращается к теме вечера 11 марта с участием Есенина:

— в рубрике «Хроника»:

«По случаю годовщины февральской революции <так!> большевики-студенты устроили большой концерт-бал, на который приглашены были, конечно, все знаменитости и в первую голову, конечно, Сергей Есенин. Однако дело дошло до того, что даже "Накануне" и то не выдержало <см.: 13 марта 1923, первая запись>:

"Есенин произвел неприятное впечатление своим озорством в стихах".

А чего же другого ожидали от него сменовеховцы».

Вырезка — Тетр. ГЛМ;

— в заметке «Ряженые» (подпись: Случайный):

«Заканчивается вечер вакхической мазуркой — в первой паре "представитель литературы" поэт-имажинист в чеченском наряде, с пудреной физиономией и крашеными губами... За ним — другой, прославившийся своими похождениями в Америке...»

См. также: 11 марта 1923, вторая запись; 1 апр. 1923, первая запись.

Март, до 15 ... Апрель, до 1. В московском издательстве «Молодая гвардия» выходит книга «Лава: Рабочий декламатор» (составитель — С.А.Обрадович) с поэмой Есенина «Товарищ».

Кн. летопись, 1923, № 6, март, с. 286, поз. 2572.

Отклик см.: 16 июня 1923, четвертая запись.

В московском издательстве «Первина» выходит книга И.Г.Эренбурга «Портреты современных поэтов», в составе которой — эссе «Сергей Александрович Есенин».

Кн. летопись, 1923, № 6, март, с. 304, поз. 2728.

Является сокращенным переизданием составленной И.Г.Эренбургом антологии под тем же названием (Берлин: Огоньки, 1922), куда вошли не только его эссе о поэтах, но и их произведения, в московскую книгу уже не включенные. Текст И.Г.Эренбурга, посвященный Есенину, см.: 8 ... 10 марта 1922.

Март, середина. Есенин заканчивает подготовку к изданию книги «Стихи скандалиста».

Помимо уже известных произведений, в сборник включаются четыре новых стихотворения — «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и пла-

чут...», «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» — под общим заголовком «Москва кабацкая» и с посвящением А.Кусикову.

См.: февр. 1923, первая запись; 20 марта 1923; до 10 июня 1923.

Март, 18. Рижская газета «Сегодня» (№ 58; рубрика «Пыль богемы») пишет:

«Пресловутый "Дом искусств" в Берлине дошел "до точки": на один из вечеров был приглашен читать стихи поэт Есенин. Есенин отказался, потому-де, что он страшно переутомлен и взволнован своими семейными историями, происшедшими в Америке и Париже, и нуждается в длительном отдыхе для восстановления здоровья и нервов курортным лечением. Тогда Есенин был заменен Анатолием Дуровым, который в продолжение целого вечера показывал своих дрессированных свиней. Публика разошлась с большим удовлетворением».

Другие сведения об этом эпизоде неизвестны.

Литературная группа «Космист» устраивает в Петрограде (Невский пр., 41) устный альманах с обсуждением поэзии Есенина.

Дата вечера устанавливается по его анонсу (журн. «Литературный еженедельник», Пг., 1923, № 11, 17 марта).

Отклик см.: 24 марта 1923.

В литературном приложении № 44 к газете «Накануне» (№ 288) публикуется статья А.Н.Чумакова «Поэзия современности», где идет речь о Есенине.

Из первого раздела статьи «Силы недр»:

«Русская почва — земляные недра — таили в себе сокрытую и задавленную силу. Теперь ее кора разбита, и в поэзии земляной России, Клюева—Есенина, без всякого исторического романтизма можно почувствовать, как неистощима духовными силами эта стародавняя, придушенная, но и в трех погибелях выживающая Русь — тысячелетний чернозем.

<...> В безбрежном океане русской первобытности тонет кораблик прямолинейной и духовно-обескрыленной "цивилизации". И, к счастью для поэзии, голоса этой первобытной стихии зазвучали буйно и певуче, вместе с последним лязгом разбитых цепей <...>.

В поэзии нашего времени эти буйные силы мы видим, с одной стороны, в виде соков земли, бьющих из ее недр бурными, как наше время, струями первобытно-стихийного духа, представителем которого является Сергей Есенин. Другой вид этих сил — огневой — нашел себе выразителя в вихревой поэзии Александра Кусикова».

Последующие два раздела статьи целиком посвящены творчеству А.Кусикова.

Март, 20. Есенин пишет «Вступление» к своему сборнику «Стихи скандалиста»:

«Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе. Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые.

Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия.

Стихи в этой книге не новые. Я выбрал самое характерное и что считаю лучшим. Последние 4 стихотворения "Москва кабацкая" появляются впервые.

20 марта 1923 Берлин».

Есенин, V, 221, 505.
См.: середина марта 1923; до 10 июня 1923.

Газета «Рижский курьер» (№ 656; рубрика «Разные известия») помещает анонимную заметку «"Совгений" Есенин».

Пересказ публикации об инциденте у Мани-Лейба в газете «Дер Тог» (см. также: с 26 на 27 янв. 1923; 28 янв. 1923; 29 янв. 1923, первая запись; 1 февр. 1923; 2 февр. 1923, четвертая запись; 18 февр. 1923; 20 февр. 1923; 21 февр. 1923, первая запись).

Март, 20 или **после 20.** Есенин передает издателю — инженеру И.Т.Благову — рукопись сборника «Стихи скандалиста».

См.: 20 марта 1923, первая запись.

Март, 20, 21 и **25.** Газета «Накануне» (№ 289, 290 и 294) помещает объявление:

«Объединение российск<их> студентов в Германии.
Перед отъездом в Африку
в четверг 29 марта 1923 г. в 7 ½ час. веч.
Klindworth–Scharwenka–Saal, Lützowstr. 76
единств<енный> за этот год и прощальн<ый> вечер
ЕСЕНИНА и КУСИКОВА

Читают: *Есенин* — Страна негодяев, Москва кабацкая, Закрытие Америки и др.
Кусиков — Песочные часы, Когда вишня в цвету, Берлинские стихи и др. –
ПОСЛЕ ОБМЕН ВЕСЕЛЫХ МНЕНИЙ

Билеты: магазины "Москва", Ладыжникова и "Книга", а в день вечера
10–12 и с 6 ч. вечера в кассе зала».

В первой публикации этого объявления (№ 289) в дате допущена опечатка («21» вместо «29»).
Афиша вечера — в Приложении.

Март, 22. Варшавская газета «За свободу!» (№ 66; подпись: С. Ж.) публикует отклик С.Жарина «"Обмен веселых мнений"» на объявление о предстоящем вечере в Берлине с участием Есенина:

«В одном из последних номеров "Накануне" красуется объявление <следует его полный текст; см.: предыд. запись>.

Для непосвященных читателей считаем необходимым дать следующие пояснения: "Объединение российских студентов" — организация студентов, граждан Р.С.Ф.С.Р., обучающихся в Германии. До перехода в стан красных они были пролетариями. После признания советской власти их материальное благосостояние значительно повысилось.

Есенин — российский поэт неоскандалистского направления и образа мыслей. Пьет. Неудачливый супруг Айседоры Дункан. Во хмелю буен. Говорят — гениален. Тем, которые это говорят, верить, однако, не следует.

Во время празднования в Берлине "Комсомольской Татьяны" прочел с эстрады стихотворение, посвященное Айседоре и состоящее, по словам присутствовавшего на торжестве корреспондента "Руля" — из сплошной матерной ругани <ср.: 14 марта 1923>.

Африка — одна из немногих частей света, из которых Есенина не выгоняли.

Кусиков — российский поэт, того же направления, что и Есенин, но с налетом ориентализма; уверяет, что он черкес. Проверить довольно трудно; но есть основание думать, что поэт ошибается. В его стихах часто встречается: "Халат, халат"! По-видимому, из Казани. Оба поэта являются горячими и убежденными сторонниками советской власти, на платформе которой всегда стоят обеими ногами и довольно устойчиво (единственное место. Вне платформы — неустойчивость и ежедневное падение в мировой хаос).

"Страна негодяев" — по-видимому, Р.С.Ф.С.Р.

"Москва Кабацкая" — столица Р.С.Ф.С.Р.

"Закрытие Америки"... один из эпизодов медового месяца Есенина и Айседоры.

"Обмен веселых мнений". Затрудняемся пояснить. Возможно, что тут следует подразумевать сменовеховское игрище. Но какое? Апофеоз приобщения сменовехнувшихся студентов к Комсомолу? Пантомиму: "Развод Есенина, или Поэт, жена и горничная"? — при участии сменовеховского кордебалета во главе с прима-балеринами: Б.Дюшеном, Кирдецовым, Лукьяновым, Садыкером и др.?

Или просто сценку из коммунистического быта: "Наши за границей"?..

Во всех трех случаях в качестве последнего напутствия молодым аргонавтам отлично могли бы подойти строчки Пушкина:

Фауст:
Что там белеет? Говори!
Меф<истофель>:
Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый,
На нем мерзавцев сотни три.
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно нам подарена.
Фауст:
Всё утопить.

Последнее в полной мере применимо и ко всем из вышеуказанных, остающимся в Берлине».

Март, 22 и 25. Газета «Дни» (№ 120 и 123) дает объявление о предстоящем вечере Есенина и Кусикова.

Текст см.: 20, 21 и 25 марта 1923.

Март, 24. В петроградском «Литературном еженедельнике» (№ 12) помещается заметка без подписи «В клубе "Коминтерн"», где говорится о Есенине:

«Литературный вечер — устный альманах космистов <см.: 18 марта 1923> — прошел в полном зале. В своем докладе А.Свентицкий нарисовал картину упадка и умирания последних течений литературы буржуазной, главным образом остановившись на символистах. Коснувшись затем творчества Маяковского и Есенина, докладчик указал на анархичность и чуждость революционности первого — певца "провалившихся носов" — и охарактеризовал творчество второго как изображение кулацкокрестьянских настроений. Затем противопоставил символистам, футуристам и имажинистам пролетарскую литературу, указывая на здоровые созидательные начала в творчестве пролетарских писателей...».

Март, до 25. Есенин посещает квартиру И.Т.Благова, вместе с А.Н.Толстым, А.Б.Кусиковым и другими присутствует при чтении А.П.Каменским его пьесы «Черная месса».

Граница события устанавливается по информации о нем (см. след. запись).

В.А.Кострова, жена А.П.Каменского, вспомнит позднее:

«...Я встретилась с Есениным в Берлине, куда приехала на гастроли. В квартире издателя инженера Благова было устроено чтение новой пьесы Анатолия Каменского "Черная месса". Среди присутствующих были А.Толстой, С.Есенин и другие.

После обмена мнениями мы все поехали в какой-то ресторан, где пели цыгане и играл скрипач-виртуоз Гулеско. Заняли отдельное зало. Каменский и Толстой увлеклись составлением меню, а я с Сережей уселась в отдаленный уголок и вспоминали прошлые, юные годы.

Мы были почти однолетки. Кругом вертелся, всем надоедая, бездарный Кусиков с неизменной гитарой, на которой он плохо играл, вернее, не умел играть. <...>

Милый инженер Благов, который в то время издавал пьесы, рассказы Анатолия Каменского, Алексея Толстого и стихи Сергея Есенина, устроитель этого ужина, благоговейно на всех смотрел и молчал.

Сережа был по-прежнему красив, но волосы его потускнели, глаза не сверкали, как прежде, задором, он был грустен, казался в чем-то разочарованным, угнетенным. Мне подумалось, что виной этому его нелепый брак с немолодой, чуждой ему Айседорой Дункан. Подтверждение этим мыслям я нашла позднее в стихах:

Излюбили тебя. Измызгали
Невтерпеж.
Что же ты смотришь синими брызгами
Иль в морду хошь?
В огород бы тебя на чучело
Пугать ворон
До печенок меня замучили
Со всех сторон.

Конец этих стихов нежен и грустен:

Дорогая, я плачу,
Прости, прости.

Сережа, по его словам, любил Москву больше, чем Петербург. "Я люблю этот город вязевый", — написал он, но в этот вечер говорил с восхищением о Петрограде, вспомнили наши прогулки по набережной Невы и кружок молодых поэтов.

— Вы не забыли — что я называл Вас тогда березкой? — спросил он.

— Конечно, нет, я этим очень гордилась. А знаете ли Вы, Сережа, что Вы сами были похожи на молодую, кудрявую березу?

— Был? — поэт невесело улыбнулся. — Какое печальное, но верное слово. Я вам об этом прочту, но только очень тихо, а то Кусиков услышит, прибежит, а мне он надоел, — и почти шепотом Есенин прочел:

Не жалею, не зову, не плачу.
Всё пройдет, как с белых яблонь дым.

Читал Сережа, как всегда, чудесно, но с такой глубокой печалью, что, я еле сдерживая слезы, пробормотала:

— Сережа, милый, говорят, вы много пьете. Зачем? Ведь вы нам всем нужны, дороги, вы сами, а не только ваши стихи, — чудесная поэма.

— Зачем я пью? Я мог бы снова ответить стихами, но не надо. Вы сами их прочтете, я Вам пришлю.

В этот момент раздался барственный голос Толстого: он спрашивал, хотим ли мы заказать какое-то блюдо. Нам было все равно, и Есенин ответил: "Предоставляем Вашему графскому вкусу выбор яств". Толстой довольно засмеялся и обратился к Каменскому: "Анатолий, не будем больше тревожить молодежь". С этими словами он пренебрежительно оттолкнул подбежавшего Кусикова.

А Есенин и я снова вернулись в наш радостный мир воспоминаний.

— Вы стали совсем другой, на березку больше не похожи, — сказал Сережа.

— Постарела? — задала я неизменный женский вопрос...

— Ерунда. Вы кажетесь даже моложе. Совсем юная, но иная, что-то в вас фантастическое появилось, будто с другой планеты к нам на землю опустились.

Вдруг Толстой, который, как видно, услышал последние слова, заявил:

— Браво, Есенин, именно с другой планеты. Я теперь сценарий обдумываю, фантастику, и форму Вашей прически, Кострова, непременно использую для одного видения из космоса.

От этих слов мне стало весело, мы дружно засмеялись, потом Сережа сказал:

— Теперь я понял, в чем дело. Вы прическу изменили, раньше у Вас были длинные волосы, такая милая курсисточка. Я был тогда тоже студент <...>. Сколько лет прошло с тех пор! Помните, как мы по набережной Невы бродили? Сидели у сфинксов, о поэзии спорили. Я вам стихи читал.

— Конечно, помню, мы восхищались Вашим знанием мировой поэзии.

— Я тогда думал, что за границей люди лучше, образованней нас, ценят поэзию, а вот теперь убедился, что в большинстве они своих поэтов меньше, чем мы, знают. В Англии до сих пор спорят, достоин ли Эдгар По памятника или нет.

Я спросила Сережу, понравилась ли ему Америка; в ответ он пожал плечами:

— Громадные дома, дышать нечем, кругом железобетон и души у них железобетонные.

— А как же вы объяснялись, говорили с ними? Ведь вы английским не владеете?

— Я никаким языком не владею и не хочу, пусть они по-русски учатся, да и говорить не с кем и не о чем. Кругом лица хитрые и все бормочут: "Бизнес, бизнес".

Мы дружно рассмеялись. Потом Сережа опять помрачнел.

— Не хочу вспоминать. Приеду домой, в Россию, и всё и всех забуду, начисто забуду.

Мне показалось, что, говоря: "всех забуду", он подумал о Дункан.

Я спросила, любит ли он зверей, как прежде, и рассказала, что на концертах часто читаю его "Песнь о собаке" и это она особенно нравится детям.

— Детям? — обрадовался Сережа, — я очень детей люблю, сейчас вам своих детишек покажу, Костю и Таню. Говорят, девчушка на меня очень похожа.

Он стал искать по карманам, а потом горько сказал:

— Забыл в другом костюме, обидно, я эту фотографию всегда с собой ношу, не расстаюсь. У Изадоры тоже двое детей было, разбились насмерть. Она о них сильно тоскует.

При этих словах у Сережи жалостно дрогнули губы.

В этот момент запели цыгане, заиграл Гулеско, начался ужин. За столом мы сидели отдельно. Есенин почти не пил, был трезв, согласился прочесть недавно написанные стихи: "Я обманывать себя не стану, залегла забота в сердце мглистом. Отчего прослыл я шарлатаном? Отчего прослыл я скандалистом?"...

Порозовело хмурое берлинское небо, мы разошлись».

Новое о Есенине, 2, 218–222 (публ. Р.Б.Заборовой).

Март, 25. В литературном приложении № 45 к газете «Накануне» (№ 294) публикуется информация:

«На днях в Берлине, в квартире инж<енера> И.Т.Благова состоялось собрание литераторов, на котором А.П.Каменский читал свою новую пьесу "Черная Месса" (по материалам Гюисманса). Присутствовали А.Н.Толстой, С.А.Есенин, А.Б.Кусиков, И.М.Василевский (Не-Буква), А.П.Вольский и др. "Черную Мессу" предполагается поставить в близком будущем в Берлине с участием арт<истки> В.А.Костровой».

Март, 26. Газета «Харьковский понедельник» (№ 14; подпись: Гр. Ван.) публикует рецензию на книгу Есенина «Избранное» (М., 1922):

«Сборник заключает стихотворения из книг "Радуница", "Голубень", "Преображение", "Трерядница", "Мреть" <книги Есенина с таким названием нет> и заканчивается двумя поэмами ("Русь" и "Пантократор").

Выбор надо признать довольно удачным, из каждой книги взяты лучшие стихи, характерные для данного периода.

Большинство книг Есенина давно разошлось, и издание Гос<ударственным> Изд<ательством> "Избранного", дающего достаточно полное представление о творчестве молодого поэта, самого яркого представителя группы "Имажинистов", надо признать вполне своевременным».

См. также: 11 сент. 1922; окт. – дек. 1922; после 10 марта ... до 8 апр. 1923.

Март, 27. Московский еженедельник «Зрелища» (№ 30, за 27 марта — 4 апреля) с запозданием сообщает:

«В беседе с представителями американской прессы в Нью-Йорке, перед своим отъездом в Россию, Дункан подчеркнула, что всем существом своим она рвется в Советскую Республику, что весь буржуазный строй глубоко чужд ей, что работать она может лишь в России и что, по ее твердому убеждению, рано или поздно коммунизм восторжествует во всем мире.

"Я не верю, — заявила Дункан, — в формулу «искусство для искусства». Я считаю, что искусство должно черпать все питающие его соки из подлинной реальной жизни, исходить из нее и основываться только на ней" <...>.

В заключение беседы Дункан заявила:

"На днях я еду обратно в Москву. Я теперь гражданка Советской России и горжусь этой честью"».

Ср.: 3 февр. 1923, четвертая и пятая записи; 5 февр. 1923.

Март, 28. Есенин и А.Кусиков посещают кафе на Ноллендорфплац.

Событие устанавливается на основе воспоминаний В.Л.Андреева, который со своим другом Г.Д.Венусом был свидетелем происходившего в кафе. Датируется на основе описанных событий (см. также: 29 марта 1923, вторая запись).

В.Л.Андреев вспомнит:

«Мы подружились с Юрой (Георгием Давидовичем) Венусом в начале 1923 года. <...>

В Берлине Юра писал стихи и только начинал писать прозу. В стихах он был близок к имажинистам. Однажды в кафе на Ноллендорфплац я застал его в состоянии необыкновенного возбуждения. Он попросил у меня папиросу, хотя обычно не курил, долго не мог разжечь ее и наконец, закашлявшись от дыма, сказал шепотом:

— Знаешь, кто сидит за соседним столиком?

Я оглянулся и увидел молодого человека с нечесаной копной очень светлых волос, с круглым, мягким лицом и странными, красноватыми глазами, какие бывают у людей после бессонницы или выпивки. Молодой человек был одет очень изысканно, но с той небрежностью, когда изысканность уже успела смертельно надоесть. Нечесаная копна золотых волос еще усиливала это впечатление.

— Не узнаёшь? Ведь это же Есенин!

Я всем телом повернулся в сторону соседнего столика, но Есенин уже вставал. Рядом с ним появился Кусиков и, взяв его под руку, направился к двери. Полный живот Кусикова, с трудом охваченный сползающими черными брюками, казался еще выпуклее рядом с мальчишески легкой фигурой Есенина.

— Завтра их вечер. Неужели я доживу до завтра? — Юра даже начал заикаться от волнения».

Андреев В. Возвращение в жизнь. — Андреев В. История одного путешествия: Повести, М., 1971, с. 329, 333–334.

Рижская газета «Сегодня» (№ 66) помещает заметку без подписи «Арест Ветлугина в Чикаго»:

«Знаменитая тройка Дункан–Есенин–Ветлугин, выехавшая в свое время в Америку, — распалась. Первые двое, как известно, в разводе. Ветлугин же недавно был арестован в Чикаго по обвинению в вымогательстве.

Автор "Записок мерзавца" пытался шантажировать одного богатого еврея, выходца из России, написав памфлет, который он решил издать, но предварительно показал его с целью вымогательства герою памфлета. После суда Ветлугин будет выслан из Америки».

Литературно обработанную вариацию этой заметки см. (в сокращении): 5 апр. 1923.

А.Ветлугин опровергнет этот слух открытым письмом в газету «Накануне» (Нак., 1923, 25 июля, № 393, рубрика «Письма в редакцию»).

Март, до 29. Есенин устраивает скандал у З.И.Гржебина. Издатель порывает отношения с поэтом.

См.: 29 марта 1923, третья запись.

Март, 29. Газета «Накануне» (№ 297) помещает заметку без подписи «Вечер Есенина и Кусикова».

По содержанию она совпадает с объявлением об этом мероприятии (см.: 20, 21 и 25 марта 1923).

Есенин и А.Б.Кусиков читают стихи в Klindworth–Scharwenka–Saal (Lützowstrasse, 76).

Отклики см.: 1 апр. 1923, вторая запись; 7 апр. 1923.

Ошибочно назвав место мероприятия («В Шубертзале, <находившемся по другому адресу: Bülowstrasse, 104>, была устроена его <Есенина> лекция»), Р.Б.Гуль вспомнит (1927):

«Есенин вышел на сцену, качаясь, со стаканом вина в руке, плеща из него во все стороны. С эстрады говорил несуразности <ср.: 1 апр. 1923, вторая запись; 7 апр. 1923 (обе записи)>, хохотал, ругал публику. Его пытались увести. Он не уходил. Наконец, бросил об пол стакан и вставшей с мест, кричавшей на него публике стал читать "Исповедь хулигана".

Она кончилась овацией».

Восп.-95, 338.

Ср. с не вполне достоверной (уже и в некоторых других подробностях) второй редакцией этого фрагмента, опубликованной Р.Б.Гулем более чем полвека спустя (1979):

«В Шубертзале был устроен его вечер. Но это его выступление было мрачно. Кусиков рассказывал мне, что Есенин пьет в мертвую, что он "исписался", что написанные им стихи ничего не стоят. Когда Кусиков мне это говорил, я подумал: Моцарт и Сальери. Так оно и было. Ведь среди так называемых "людей искусства" подлинная дружба, да и просто настоящие человеческие отношения очень редки. Публичные мужчины подвержены какой-то душевной "проституции".

Шубертзал был переполнен. Тут уж привлекал не только Есенин — поэт, но и разрыв и скандал с Дункан. Это было размазано в газетах. Когда, встреченный аплодисментами, Есенин вышел на эстраду Шубертзала, — я обмер. Он был вдребезги пьян, качался из стороны в сторону и в правой руке держал фужер с водкой, из которого отпивал. Когда аплодисменты стихли, вместо стихов Есенин вдруг начал ругать публику, говорить какие-то пьяные несуразности и почему-то, указывая пальцем на Марию Федоровну Андрееву, сидевшую в первом ряду, стал ее "крыть" не совсем светскими словами <М.Ф.Андреева вряд ли была тогда в зале; она была организатором другого литературного вечера — 11 марта 1923 (см.), где и мог случиться изложенный здесь эпизод; см. также: 1 апр. 1923, первая запись>. Всё это произвело гнетущее впечатление. В публике поднялся шум, протесты, одни встали с мест, другие кричали: "Перестаньте хулиганить! Читайте стихи!" Какие-то человеки, выйдя на эстраду, пытались Есенина увести, но Есенин уперся, кричал, хохотал, бросил, разбив об пол, свой стакан с водкой. И вдруг закричал: "Хотите стихи?!. Пожалуйста, слушайте!.."

В зале не сразу водворилось спокойствие. Есенин начал "Исповедь хулигана". Читал он криком, "всей душой", очень искренне, и скоро весь зал этой искренностью был взят. А когда он надрывным криком бросил в зал строки об отце и матери:

Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня! —

ему ответил оглушительный взрыв рукоплесканий. Пьяный, несчастный Есенин победил. Публика устроила ему настоящую овацию (вероятно, к вящему неудовольствию Сальери)».

РЗЕ, 1, 203–204.

Из воспоминаний В.Л.Андреева:

«...я был мучительно разочарован. Я не знаю, кто из них был пьянее, Кусиков или Есенин. Есенин читал стихи, словно подражая самому себе, напряженно, срываясь, пропуская невспоминавшиеся строчки, сердясь на себя за срывы.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.
Пой, Сандро...

Впоследствии Есенин эту строчку, посвященную Кусикову, переделал:

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю, буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой, я ее не кляну,
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Горький, цитируя это стихотворение ("Пой же, пой. На проклятой гитаре...") в письме к Ромену Роллану в 1926 году, связывает его с Айседорой Дункан. Других свидетельств о том, что стихотворение посвящено именно Дункан, я не встречал. Есенин прочел "Москву кабацкую", — за давностью времени я не могу, конечно, утверждать, что были прочитаны все стихи цикла, впоследствии даже утерявшего свое название, и тем более — в каком порядке он их читал. Теперь мы знаем, что в этот цикл входили стихи, не имеющие никакого отношения к Дункан, но нам с Юрой <Г.Д.Венусом> казалось, что весь вечер посвящен этой талантливой, наивной, немолодой по сравнению с Есениным женщине. Мы думали, что нам пришлось услышать первые слова, сказанные после разрыва, — Есенин заехал в Берлин по дороге в Москву, оставив Дункан за границей. Ощущение неловкости, как будто я оказался случайным свидетелем чужой семейной драмы, не покидало меня. То, что я сидел близко к эстраде, на которой метался Есенин, усиливало впечатление моей неуместности, а фигура Кусикова, карикатурно подражавшая есенинским жестам, казалась чужеродной и оскорбительной. Мне чудилось, что Есенин бежит в гору, к невидимой и несуществующей вершине, влача за собой неотвязную тень. Уже не хватает дыханья, сердце стучит, отдаваясь нестерпимою болью в висках, на лбу выступает пот, лицо искажается гримасой последнего усилия, но отчаянный и бессмысленный бег на месте продолжается наперекор воле самого бегущего. И с каждой минутой становилось яснее, что горы-то нет и бежать-то некуда, и, перебиваемые тяжелым дыханием, еле доносятся слова, захлебнувшиеся болью:

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

<...> Что могла дать Айседора Есенину? Вероятно, никто из наших поэтов не был так связан с русской жизнью во всем ее национальном многообразии, грубости и нежности. Только с русской жизнью, и ни с какой другой».

Андреев В. Возвращение в жизнь. — Андреев В. История одного путешествия: Повести, М., 1971, с. 334–335.

З.И.Гржебин пишет М.Горькому:

«Если бы к Вам заявился Есенин, я бы очень просил Вас не принимать его. Он был у меня с Кусиковым, устроил скандал, по Вашему адресу позволил себе такую гнусность и вообще вел себя так возмутительно, что дело чуть ли не до драки дошло. Лично я ликвидировал с ним все денежные и литературные дела».

АГ, КГ–П 22–1–37.

Рижская газета «Сегодня» (№ 67) помещает заметку без подписи «Гражданство г-жи Дункан» с упоминанием Есенина:

«Министр юстиции Соединенных Штатов заинтересовался вопросом о том, сохраняет ли еще Айседора Дункан американское гражданство или нет. Дело в том, что она, выходя замуж за русского поэта Есенина, должна была занести себя в соответствующие списки в Америке и после развода с ним ходатайствовать о восстановлении ее в правах американской гражданки, причем успех такого ходатайства зависит в Америке от "хорошего нравственного поведения" просительницы. Министр юстиции полагает, что Айседора Дункан нехорошо себя ведет, так как она, во-первых, вышла замуж за большевика, а во-вторых, она как-то неодобрительно отозвалась о политическом и экономическом строе Соединенных Штатов. Придется знаменитой танцовщице остаться, очевидно, гражданкой Сов<етской> России».

См.: 10 марта 1923 (обе записи); 12 марта 1923, вторая запись; 2 апр. 1923.

Ср. также: 1 июля 1922, вторая запись.

В московских «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 69) печатается статья В.В.Маяковского «Париж».

Об отклике на эту статью в «Железном Миргороде» см.: Есенин, V, 395.

См. также: 24 дек. 1922, вторая запись; 27 дек. 1922, пятая запись; 13 янв. 1923, вторая запись; 2 февр. 1923, пятая запись; 6 февр. 1923, вторая запись.

В Москве выходит журнал «Леф» (№ 1) с тремя передовыми статьями: «За что борется Леф?», «В кого вгрызается Леф?» и «Кого предостерегает Леф?» (не подписаны; автор – В.В.Маяковский).

Катанян, 247.

В «Железном Миргороде» (не в последнюю очередь в связи с этими декларациями) появится такая реплика:

«Милые, глупые, смешные российские доморощенные урбанисты и электрификаторы в поэзии! Ваши "кузницы" и ваши "лефы" как Тула перед Берлином или Парижем».

Есенин, V, 163.

См. также: Есенин, V, 399, 404–405.

Март, 31. В Варшаве выходит журнал «Kultura Robotnicza» (№ 12; на обл. ошибочно: № 11) с материалами, где упоминается Есенин:

– анонимной рецензией на книгу «Nowa poezja rosyjska».

См.: до 2 дек. 1922; 2 дек. 1922; апр. 1923, вторая запись.

См. Приложение;

– переводом (в сокращении) статьи Виктора Сержа «Le nouvel Écrivain et la nouvelle Littérature» из парижского журнала «Clarté» (см.: 15 февр. 1923, шестая запись) под редакционным заголовком «Новая русская литература».

Об этом материале см. также: Пиотровский, 26, примеч. 39.

Март, конец (?) ... Апрель, до 4. Есенин встречается с поэтом Н.А.Оцупом.

Время встречи определяется по содержанию воспоминаний Н.А.Оцупа (1927):

«Я снова встретил Есенина уже в Берлине за месяц до его возвращения в Россию <неточность мемуариста; из дальнейшего следует, что эта встреча могла произойти лишь весной (но никак не летом) 1923 г.>...

Как-то часа в четыре я зашел в один из русских ресторанов на Мотцштрассе поговорить по телефону. В этот час в ресторане не бывает никого, кроме швейцара и двух-трех скучающих кельнеров. Телефон был занят. Пришлось ждать. Из обеденного зала вышел, чуть-чуть спотыкаясь, средних лет человек. Я с трудом узнал Есенина. У него были припухшие глаза и затекшее лицо. Руки его дрожали. Он был одет щеголевато, но держался с какой-то "осанкою заботной". Видно было, что модный костюм и новенький галстук стесняют его не меньше, чем в свое время маскарадная поддёвка и вышитая рубаха с пояском. Он остановился на пороге и стал звать швейцара.

Тот явился на зов.

— Послушай, швейцар, у меня шуба была.

— Так точно, была.

— Тогда посмотри, пожалуйста, нет ли у меня денег в карманах.

Швейцар подал странному клиенту богатую бобровую шубу. Тот принялся выворачивать карманы, наткнулся на бумажник, обрадовался. Встретившись со мной глазами, Есенин молодцевато выпрямился, весело со мной поздоровался и стал звать в ресторан выпить чего-нибудь. Я отговорился.

— Ну, завтра тогда. В то же время. Хорошо?

— Почему же в это время, а не раньше?

— Раньше я не встану. Сплю очень поздно.

Назавтра я прийти не мог, но через несколько дней, обедая позднее обычного в том же ресторане, я увидел Есенина. Он был не один, с ним был его приятель, имажинист Кусиков, тот самый, которого Есенин "за грусть" жаловал больше, чем других имажинистов.

Мы сели за один стол. <...>.

Темнело. В сероватых сумерках, держась руками за голову и раскачиваясь, Есенин читал мне стихи. Мы были одни за столиком. Кусиков ушел куда-то на полчаса.

Почему-то я обратил внимание на стриженую голову Есенина. Она больше не походила "на клен", и поэт больше не мог сказать про себя:

Голова моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Вообще весь тон и вид Есенина говорил о крушениях и разочарованиях. Он читал стихи голосом, задыхавшимся от накипевшей злобы и слёз. Эту странную манеру читать он усвоил себе давно. Иногда она очень гармонировала с горечью его стихов и завывающим тревожным ритмом их. Так было и тогда.

Есенин читал стихи, посвященные Дункан:

Что ты смотришься синими брызгами—
Или в морду хошь?

Есть в этих стихах, нарочито и местами неприлично грубых, настоящее лирическое вдохновение... Я попросил прочесть еще что-нибудь.

Есенин стал читать бесконечные отрывки из "Страны негодяев".

Недавно мне случилось проверить мое тогдашнее впечатление: в третьем томе стихов Есенина, выпущенных "Госиздатом", среди других непомерно больших и по большей части слабых вещей, напечатана и эта. Читая теперь то, что я слышал от автора у Ферстера, я думаю, что не ошибся тогда: стихи вялы, невыразительны, прозаичны и не могут идти в сравнение с лирикой покойного поэта...

Зная самолюбие Есенина, я высказал ему свое мнение в форме достаточно осторожной. Но и это показалось ему оскорбительным. Он вскочил навстречу входившему Кусикову и бросил ему:

— Пойдем, нам пора.

Кусиков, видимо, хорошо знавший своего друга, сразу сообразил, в чем дело, и, вероятно, желая загладить впечатление, ответил:

— Нет, нам еще не пора, останемся.

Тогда Есенин вышел "подышать воздухом", а Кусиков присел к столу.

— Он теперь всё время такой, — начал Кусиков с грустью. — Пьет без просыпу, нервничает, плачет. Сло́ва ему не скажи наперекор.

Кусиков рассказал мне о печальных этапах заграничной жизни Есенина. Начиная от пения, совместно с Дункан, "Интернационала" в русском эмигрантском клубе в Берлине и кончая побоищами в Париже и Америке. Всё это теперь ни для кого не секрет.

— Ну, а как же Дункан, — спросил я: — умела она как-нибудь влиять на Есенина?

Кусиков только рукой махнул:

— Какое. Он избивал ее, а она говорила: "Я прощаю Сереже, потому что он — гений".

Увы, этот припев, жестокий и лживый, до последней минуты следовал за Есениным».

РЗЕ, 1, 162–164.

За год до Н.А.Оцупа А.Б.Кусиков напишет:

«В 1922 году мы встретились с ним <Есениным> за границей. Но запад и заокеанские страны ему не понравились. Вернее, он сам не хотел, чтобы все это, виденное им впервые, понравилось ему. Безграничная, порой слепая, есенинская любовь к России, как бы запрещала ему влюбляться. "А знаешь, здесь, пожалуй, всё лучше, больше, грандиознее... Впрочем, нет! — давит. Деревья подстриженные, и птахе зарыться некуда; улицы, только и знай, что моют, и плюнуть некуда"...

Из Берлина приехали в Париж. Он уехал в Америку, я остался в Париже. Вскоре я получил от него письмо <...>. Целиком его приводить и не к месту и не время:

"...тоска смертельная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию... Не могу! Ей-богу, не могу! Хоть караул кричи, или бери нож, да становись на большую дорогу... Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как матерюсь. Значит, больно и тошно..." <ср.: 7 февр. 1923, первая запись>.

Любовь к России всё заметнее и заметнее претворялась в заболевание. В болезнь страшную, в болезнь почти безнадежную.

Берлин, Париж, Нью-Йорк — затмились.

Есенин увидел "Россию зарубежную", Россию без родины:

Снова пьют здесь, дерутся и плачут,
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.
И я сам, опустясь головою,
Заливаю <глаза> вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином,
Ах, сегодня так весело россам!
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про че-ка.
Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.
Жалко им, что Октябрь суровый
Обманул их в своей пурге
И уж точится удалью новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.
Где ж вы, те... что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.
Нет, таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

Запил Есенин. Пребывание за границей сделалось для него невыносимым».
РЗЕ, 1, 174–175.
См. также воспоминания Г.В.Иванова (РЗЕ, 1, 40–42).

Есенин посылает в Париж телеграмму А.Дункан: «Isadora browning darling Sergei lubich moja darling scurry scurry».

Есенин, VI, 155, 566.
Местонахождение подлинника телеграммы неизвестно.

«Айседора всё еще лежала в постели с высокой температурой, и ни днем, ни ночью ее нельзя было оставлять ни на секунду. Сергей и его берлинские приятели забрасывали ее телеграммами, в которых говорилось, что он покончит с собой, если Айседора к нему не вернется. Телеграммы Сергея обычно гласили: "Айседора браунинг (он считал, что "браунинг" — это "стрелять") дорогого Сергея любишь моя милая скари, скари (это означало "скорее, скорее") — по пять-шесть телеграмм в день, от которых температура у Айседоры немедленно подскакивала».
Дести, 287.

И.И.Шнейдер напишет:

«Никто не понял бы эту телеграмму, текст которой приняли на берлинском почтамте, очевидно, за частный шифр. Но Айседора быстро расшифровала одной ей понятный код: "Изадора! Браунинг убьет твоего дарлинг Сергея! Если любишь меня, моя дарлинг, приезжай скорей, скорей"».
Шнейдер, 68.

Март. Харбинский журнал «Гонг» (№ 2; рубрика «В книжной чаще») публикует отклик на берлинскую книгу Есенина «Пугачев» — статью С.Я.Алымова «Поющий дикаренок» (подпись: Арум):

«“Я из простого рода и сердцем такой степной дикарь”, — говорит есенинский Пугачев.

Это Есенин о себе.

Его “Пугачев” — всё та же есенинская коробушка неравномерных красот, в которой рядом с безвкусными бусами-стекляшками сияют каменья-самоцветы.

К “Пугачеву” нельзя подходить с меркой “исторической поэмы”.

Это — растрепанные лирические выкрики поющего дикаренка, каким является Есенин в русской поэзии.

Кричит, кричит иногда назойливо и вдруг пропоет такое, чего до него никто не пел.

Есенин — самородки, неотшлифованные драгоценные камни, вкрапленные в поэтический шлак.

Такой он в прежних стихах.

Такой он в “Пугачеве”.

Таким пусть останется.

Его “Октоихи” и “Инонии” могут радовать катающихся в берлинских трамваях “скифов”. Только.

Но его безумная собака, которой луна кажется отнятым у нее щенком, нужна всем.

Как и ветер, поднимающий подол у березки.

Как и месяц, роняющий золотые вёсла по озерам.

Как и вся шершавая, сочная степь есенинских образов, подсмотренных зорким глазом дикаренка.

В общее рыхлое и грузное тело “Пугачева” всажены отдельные великолепные строки.

“Луна, ворочающаяся как желтый медведь в мокрой траве”, придает новую прелесть игре лунного света в степных просторах.

Хороши: “челноки огурцов, ныряющие по грядкам, от капусты пенным”...

Хороши: тридцать тысяч калмыцких кибиток, потянувшихся в свою Монголию “стадом деревянных черепах”.

Хороши “ощипанные вербы, стоящие, как скелеты тощих журавлей”.

Диалоги же и разговоры в “Пугачеве” досадно вялы. В них и надуманность нарочито тяжеловесная и меморандумность, только портящая рядом лежащие лирические степи.

И “с Екатериной воюющий султан”, и “придушенная чернь”, и “мятеж свирепый” — все эти персонажи из бумаги сделаны. Никакого в них аромата и живости. Так. Фигурируют.

Не усиливается эта бумажность и свирепыми ругательствами и крепкими “эпитетами”.

Ножи, “проливающиеся железными струями люто”, просто-напросто люто проливаемые поэтом струи чернил.

Для мятежа Есенин не в состоянии подыскать убедительного образа. Есенинский “мятеж” — расплывчатый, грубый ярмарочный лубок. Не захватывает. Не пугает.

Страсть Есенина к словам вроде: “кобель”, “негодяй”, “жулик”, “каторжник”, “арестант” — только огорчает:

И чего ругается мил-человек безо всякой причины?

Не его это дело.

Есенину мальчишкой кувыркаться по золоту трав, сшибать черных галок с крестов голубых колоколен и верить, что звёзды — не звёзды, а желтые бабочки, летящие на лунное пламя.

Азия Есенина — Голубая страна, страна медленных песков и медленной луны.

Мне нравится запах травы, холодом подожжённой,
И сентябрьского листолёта протяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.

Чудные строки, целиком относящиеся к самому Есенину.

Он — единственный дурашливый медвежонок русской поэзии.

Ему — смотреть на луну "как на вьющийся лист" и нам об этом рассказывать.

Но не надо к звериному голосу прибавлять человеческих криков.

Не надо потуг там, где главная чара — естественность».

См. также: 24 июля ... 12 авг. 1922; 9 сент. 1922; 16 сент. 1922; до 29 окт. 1922, вторая запись; 29 окт. 1922, первая запись; до 5 нояб. 1922, первая запись; 24 нояб 1922, вторая запись; 20 дек. 1922.

Март — Июль. Продолжая работать над поэмой «Черный человек», Есенин дает ей окончательное заглавие.

Рамки события определяются с учетом воспоминаний современников, слышавших произведение с таким названием по возвращении Есенина на родину.

В комментариях С.А.Толстой-Есениной и Е.Н.Чеботаревской к поэме отмечено:

«С.С.Виноградская вспоминает, что вскоре после заграничной поездки Есенин читал ей "Черного человека" по рукописи».

Есенин, III, 690.

А.Б.Мариенгоф напишет С.П.Кошечкину (23 окт. 1958):

«Читал мне Есенин "Черного человека" не "в первые же недели по приезде из-за границы", а при первой же встрече. Никритина была при этом».

Письма, 508.

По его же словам (1927), в ранний вариант поэмы Есенин внес поправки «не очень значительные» (Мариенгоф, 142).

Апрель, 1. Рижская газета «Сегодня» (№ 68; рубрика «Пыль богемы», подпись: Юм) откликается на выступление Есенина 11 марта в Берлине:

«В Берлине сезон "красных" балов. Недавно только с большой помпой прошел бал в честь годовщины красной армии; сейчас же вслед за ним последовала "комсомольская Татьяна" — вечер русских студентов-большевиков в Берлине. Боевым номером концерта этого вечера явилось выступление Сергея Есенина. Совершенно пьяный, он взобрался на эстраду и, размахивая руками, стал вслух "честить" рифмованными строчками свою супругу Айседору, от которой он сбежал из Нью-Йорка <так!>. Такой порнографии не выдержала даже сама почтенная хозяйка вечера — М.Ф.Андреева, — с которой сделалось дурно, а наиболее скромные из комиссаров с протестом покинули зал. Но — всё хорошо, что хорошо кончается, вечер, разумеется, имел крупный материальный успех и предстоит повторение его по той же программе, причем находится

много любопытных, жаждущих послушать "стихи" Есенина и раскупающих заранее билеты».

См.: 11 марта 1923, вторая запись; 13 марта 1923, первая запись; 14 марта 1923.

Газета «Накануне» (№ 299) печатает отчет «Вечер Есенина и Кусикова (29 марта с. г.)» (подпись: К. Л.):

«Публика собирается медленно... Приходит с явной надеждой — "не будет ли интересного скандальчика", который приятно пощекочет нервы, одрябшие от монотонности эмигрантского прозябания с его сплетнями и очередными трафаретными кутежами...

Выступает Александр Кусиков с чтением "Песочных часов". — Читает сильно, с подъемом... Награждается неуверенными аплодисментами: "Прочитал хорошо, но ждем не этого... и перед тем, как аплодировать, надо хорошенько разобраться, нет ли какого-нибудь подвоха в этих же самых «Песочных часах»!.."

Вслед за Кусиковым выходит Сергей Есенин. — Это и есть "изюминка"... Нервная восприимчивая натура поэта как бы тянется навстречу схватываемому им желанию и настроению толпы, и он начинает то, что в программе значится "обмен веселых мнений": обрывки импрессий, вперемежку с шуточками и малоудачными репликами, обращенными к публике. — Настроение повышается... — "Кто вы, клоун или поэт", — слышится в одном конце зала. "Довольно, читайте стихи", — кричат в другом.

И, несмотря на всю явно враждебную атмосферу, складывающуюся у публики, стихийные ритмы с нервозно-вдохновенной дикцией покоряют зал и овладевают им настолько, что вызывают дружные аплодисменты, невольно вырывающиеся.

Эти настроения как бы закрепляются "Васильковым маршем" и рядом других произведений Кусикова.

На сцене опять Есенин. Опять наряду с "Пугачевым", с "Москвой кабацкой", наряду с его лучшими стихами — пространные рассуждения вслух на тему "Я хозяин земли русской" и прочее, оставляющее какое-то кислое чувство внутри.

— "Каждому свое, — повторяет Есенин, — мне — культура духа"... — отображенная великолепными стихами, хотелось бы добавить, но не философским прогнозом этого дешевого, бредового митинга... — Каждому свое!..».

См.: 29 марта 1923, вторая запись; 7 апр. 1923 (обе записи).

Московский журнал «Огонек» (№ 1) помещает (под заголовком «Наши за границей») фотографию Есенина и А.Дункан работы Д.Грауденца в сопровождении заметки:

«Поэт Сергей Есенин и знаменитая танцовщица А.Дункан сняты у Бранденбургских ворот, в Берлине. С.Есенин вскоре возвращается в Россию».

Человек на заднем плане снимка назван в заметке неизвестным (возможно, это А.Б.Кусиков).

См.: 11 (?) или после 11 мая — до 21 июня 1922 и Приложение.

См. также: Есенин, VII (3), [163], фото № 64.

Апрель, 2. Московская газета «Вечерние известия» (№ 14; рубрика «Смесь») помещает неподписанную информацию «А.Дункан лишают американского гражданства», в которой говорится о Есенине:

«В Америке прессой поднята полемика о лишении А.Дункан американского гражданства.

Американский министр Дэвис заявил, что с момента выхода А.Дункан замуж за подданного РСФСР Есенина она не может быть американской подданной. Закон же о сохранении подданства в случае брака с иностранцем был принят сенатом после замужества А.Дункан, поэтому он на нее не распространяется».

См.: 10 марта 1923 (обе записи); 12 марта 1923, вторая запись; 29 марта 1923, четвертая запись. Ср. также: 1 июля 1922, вторая запись.

Апрель, начало (?). А.Дункан и М.Дести по зову Есенина едут в Берлин.

Событие устанавливается по свидетельствам мемуаристов (см. ниже).

«Заложив за 60 тысяч франков три принадлежащие ей картины Эжена Каррьера, ценность которых была во много раз выше, она выехала в Берлин».

Шнейдер, 68.

«...Айседора сказала: “Мэри, родная, если ты мне настоящий друг, найди способ отвезти меня к Сергею, не то я умру. Я без него жить не могу. Мысль, что с ним может случиться что-то плохое, сводит меня с ума. Узнай, можно ли найти машину, и мы поедем в Берлин”.

О боже! Денег у нас ни гроша, а она хочет поехать в Берлин на машине! Ничто и никогда не казалось ей невозможным. Она заявила, что не поедет на поезде. <...>

На следующий день мы послали за старым мошенником, который уже ссудил Айседоре небольшую сумму денег под очень ценные картины Каррьера,— она дорожила ими больше всего на свете. После весьма неприятного спора и при условии, что Айседора подпишет какие-то бумаги, он согласился уговорить своего друга очень дешево сдать ей машину с шофером и всем, что нужно, и дать ей 60 тысяч франков.

И произошло чудо: Айседора поправилась. Она телеграфировала Сергею: радуйся, Айседора едет. <...>

Началось наше одно из самых странных путешествий. Айседора, должно быть, вообразила себя Летучим Голландцем, ее обуяла мысль ехать без остановок. Но машина сломалась, едва доехав до Страсбурга, и шофер отказался ехать дальше. Однако это нас не обескуражило. Айседора немедленно наняла другой автомобиль, который сразу же после старта врезался в перила моста и получил повреждения. Нам пришлось остаться на ночь в Страсбурге. <...>

“У меня предчувствие, — продолжала Айседора, — что Сергей умирает, что он застрелился”. <...>

Айседора, разговорившись с милейшим молодым человеком за соседним столом, выяснила, что он едет к себе домой в Лейпциг. Он был гонщиком, и у дверей стоял его великолепный автомобиль мощностью в сто лошадиных сил. Гонщик предложил подвезти нас. Мы распрощались со старой жестянкой, на которой приехали, и в час ночи выехали в Лейпциг. <...> мы прибыли в Лейпциг утром. Вид у нас был ужасный, но молодой человек безумно влюбился в Айседору, которую, как оказалось, часто видел на сцене.

Он оставил нас в прелестном отеле, где после завтрака и ванны мы проспали до полудня, после чего наняли еще один автомобиль и пустились в путь, прибыв в Берлин без новых приключений в 10 часов вечера».

Дести, 288–292.

Апрель, до 4. Есенин встречает А.Дункан и М.Дести по их приезде в Берлин.

После совместного обсуждения положения дел принимается решение перед отъездом в Россию всем вместе вернуться в Париж.

О границе события см.: 4 апр. 1923.

Из воспоминаний М.Дести:

«Когда мы подъехали к отелю "Адлон" в Берлине, Сергей одним прыжком влетел в машину через голову шофера (верх машины был опущен) и очутился в объятиях Айседоры. Они стояли обнявшись. Его приятель, поэт <А.Б.Кусиков>, которого я прежде никогда не видела, вскочил в машину с другой стороны и пылко приветствовал меня: жал руку, целовал в обе щеки, во всю глотку орал слова какого-то стихотворения. <...>

На семейном совете Айседора решила, что мы все должны поехать в Россию. Но сначала крайне необходимо съездить в Париж и сдать или продать ее дом на рю де ля Помп, распорядиться с мебелью и т. п. Затем забрать ее вещи и книги с собой в Москву, куда она решила уехать насовсем и где, несмотря на все трудности, она будет вести свою школу, а Сергей писать великолепные стихи. Мечты, прекрасные мечты!»

Дести, 293, 301.

В Москве выходит журнал «Антракт» (№ 7) со стихотворением Я.Н.Полонского «Пасхальный день», посвященным Есенину:

Граница события (сообщенного В.А.Дроздковым) устанавливается с учетом того, что в номере помещен репертуар московских театров с 4 по 15 апр. 1923.

Текст стихотворения:

На кустах боярышника
Капли повисли.
Красная боярышня
Вынесла коромысла.
Коромысла семицветы
За глухим пригорком.
На крючках надеты
Белые ведёрки.
На пригорке гуси —
А на небе гусли;
Гуси белопёрки —
Белые ведёрки.

Под текстом помета: «Цыганский бугор. Июль 1920 г.».

Апрель, 4. А.Дункан заполняет анкету французского консульства в Берлине для получения визы и подписывает ее: «Isadora Duncan Essenine».

Хроника, 2, 264; IE, 186, 292, примеч. 11. Воспроизведение документа см.: IE, илл. между с. 252–253 (л. [26 об.]).

См. Приложение.

Апрель, 5. Парижская газета «Последние новости» (№ 907) в анонимной заметке «Карьера А.Ветлугина» пишет:

«Знаменитая тройка Дункан–Есенин–Ветлугин, выехавшая в свое время в турне по Америке, как известно, распалась. Первые двое не сошлись во взглядах и расстались, а Ветлугин во второй раз "сменил вехи", да так неудачно, что угодил в тюрьму. Не за политику, а за вымогательство. Так, по крайней мере, уверяет газ. "Сегодня" <ср.: 28 марта 1923, вторая запись>.

<...> И посадили А.Ветлугина в тюрьму. Карьера автора "Записок мерзавца" закончилась. А, впрочем, может быть, только началась...».

Апрель, 5–10. Есенин, А.Дункан, А.Б.Кусиков и М.Дести едут на автомобиле из Берлина (через Лейпциг, Веймар и Страсбург) во Францию. Посещают дома И.-В.Гёте и Ф.Листа в Веймаре.

О нижней границе события см.: 4 апр. 1923; а о верхней — 10 апр. 1923.

Из воспоминаний М.Дести:

«Но как попасть в Париж, ведь Сергею въезд в него запрещен <см.: 15 февр. 1923, третья запись; 17 февр. 1923, первая запись>? Как получить визы по их красным русским паспортам? Но всё это не страшно, сказала Айседора, Мэри всё организует. <...>

Мы заранее оплатили авто, которое должно было довезти нас на следующее утро до Страсбурга. На этом настояла я, иначе я отказывалась делать что бы то ни было. У нас еще оставалась тысячефранковая банкнота с мелочью.<...>

Айседора умоляла меня во имя нашей долгой дружбы не бросать ее, и я сказала: "Я провожу тебя в Париж, где обязательно должна быть тринадцатого, так как в этот день из Америки приезжает мой сын". <...>

На следующее утро наша весьма разношерстная компания совершала автомобильное путешествие. <...>

Погода стояла великолепная, ландшафт — захватывающий. В Лейпциг мы прибыли в час ночи без происшествий и скандалов. <...>

На следующее утро мы встали рано, и, не освободи я Сергея от денег, оставшихся от нашей тысячи франков, мы бы так и не двинулись дальше. Но в тот момент, когда мы выходили из отеля, Сергей спохватился, что у него пропала пачка денег. Он заявил, что украли большую сумму, которую друзья дали ему, чтобы отдать их семьям по возвращении в Россию.

Однако вскоре мы уже снова были в пути и поздно ночью прибыли в прелестный, тихий, старомодный Веймар. <...>

На следующий день, после еще одной ночи чудовищного скандала и неприятностей главным образом из-за "пропавших" денег — сумма к этому времени возросла, по словам Сергея, до многих тысяч долларов, — мы посетили дома Гёте и Листа. Я тихо сидела в саду и молила дух Листа, если он слышит меня, спасти Айседору — Айседору, так обожавшую его музыку.

Должна признать, что в тот день Сергей вел себя прекрасно. Вся обстановка благотворно подействовала на него, и я уверена, что русские вели очень интересные беседы, а Айседора тихонько сидела, улыбаясь, как ангел, довольная, что ее любимый балованный Сереженька счастлив. Такая, как ее, любовь к этому двадцатисемилетнему ребенку просто необъяснима.

Мы уже подъехали к Страсбургу, когда шофер предупредил нас, что не может приблизиться к границе, потому что французы конфискуют его машину. Но не могли же мы идти пешком восемь или десять миль, ведь было уже восемь часов вечера, да к тому же мы не позаботились о визах. Поэтому шофер отвез нас назад в ближайший городок, где находились американский и французский консулы. <...>

Консул знал Айседору; Сергея и поэта <А.Б.Кусикова> мы оставили в машине, а консулу объяснили, что Айседора везет своего мужа во Францию, чтобы проконсультироваться у специалиста. Из-за припадков мы не могли с ним справиться, поэтому везем с собой еще одного русского в качестве санитара. Так мы получили визы».

Дести, 301–304.

Апрель, 7. Берлинская газета «Руль» (№ 715) печатает статью «Заборная поэзия» (подпись: А. Л-р):

«В свое время, когда русское студенчество устраивало в пользу своих неимущих товарищей концерты и литературные вечера, оно приглашало на них популярных артистов и любимых писателей. Большевистский студенческий союз в Берлине также устроил на днях свой вечер <см.: 20, 21 и 25 марта 1923; 29 марта 1923, вторая запись> и выбрал для него наиболее популярных, любимых и соответствующих своему мировоззрению писателей — двух небезызвестных "поэтов" Есенина и Кусикова. Роль второго в этом вечере была весьма незначительна. Он прочел ряд слабых стихотворений, частью уже напечатанных, центр же тяжести был перенесен на Есенина, который выступил в новом роде поэтического творчества — в "обмене веселых мнений", как о том широковещательно было объявлено заранее.

С кружкой пива в руке, с папироской в зубах и весьма нетвердо держась на ногах, вышел на эстраду Есенин.

Трудно передать, о чем говорил сей "гениальный" молодой человек. Да это в конце концов и не важно. Вряд ли он сам мог бы повторить всё то, что он говорил, а так просто, движимый винными парами, он говорил обо всем понемножку, а главным образом о себе и о своем отношении к современности.

Конечно, я большевик, и вы все, говорил он, ничтожные люди здесь в эмиграции, если вы не большевики. Да и то, по правде говоря, и большевички-то у вас здесь разлагаются, но я — я левее большевиков. Я понимаю, что большевикам нужно дойти до Ла Манша и они к этому ведут, чего бы это им не стоило, но я слишком прямолинеен для этого. Я простой русский крестьянин, я соль земли русской, я ее хозяин. Деда моего пороли, бабку мою пороли, мать мою пороли... ("Жалко, что вас не пороли", — прерывает голос из публики автобиографические сообщения Есенина). Я настоящий русский поэт, я не какой-нибудь Маяковский, поэт бездарный, подражающий Демьяну Бедному... (Голос из публики: "Зато из непьющих"). — Вы думаете, что Есенин скандалист, вы не понимаете, кто он — дурак ли, нахал он или хам — нет, я сам по себе. Вот пишут, что от моих стихов в обморок упала сама Андреева, а я плевать хотел на Андрееву...

И в таком духе продолжал весь свой конферанс Есенин. Затем он приступил к чтению своих стихов. Что общего имела эта бульварная ругань с поэзией, сказать трудно. Если бы в помещении находился полицейский, хоть немного понимающий "коренной" русский язык, он бы немедленно отправил бы "великого поэта" туда, куда отправляют всех пьяниц для протрезвления.

Но самое тяжелое впечатление от устроенного вечера оставил все-таки не безобразничающий Есенин, а публика, почти исключительно состоявшая из молодежи. Никто из собравшихся не встал и не сказал, громко и ясно, что пора положить предел этому безобразию. Наоборот, когда, кокетничая своим хулиганством, Есенин, обращаясь "к милым дамам", спрашивал — "со словами" ему читать свои стихи или "без слов", то со всех строн неслось требование читать стихи так, как они написаны. Громкие аплодисменты покрывали всякую безобразную выходку Есенина. Аудитория восприняла всё это весьма благосклонно.

Говорят, что студенчество, что молодежь — надежда и гордость страны. Было бы жаль России, если бы ее пришлось строить в будущем этой молодежи, лишенной чувства стыда и не понимавшей того, что над ней потешались и плевали в физиономию с эстрады.

К счастью, однако, можно быть уверенным, что до этого дело не дойдет и этим неопрятным господам вовремя будет сказано — руки прочь!»

О перепечатке материала см.: 3 июня 1923, вторая запись.

Берлинская газета «Дни» (№ 132) помещает статью «Вечер С.Есенина» (подпись: А.):

«Недавно <см.: 29 марта 1923> в Klindworth–Scharwenka–Saal'е выступил перед довольно многочисленной аудиторией Сергей Есенин.

Выступление не сопровождалось на этот раз скандалом. Скандалы, как заявил поэт, надоели ему: он хочет отдохнуть от них. Начал он своими "веселыми разговорами": об Америке, об Айседоре, о советской власти и, конечно, о себе.

"Америка — это никчемная страна, ничего там нет, ни индустрии, ни культуры; ну ничего. Я удивляюсь, почему это покупают доллары, — патетически восклицает он, — когда доллар решительно ничего не стоит. (В зале общий смех).

Айседора Дункан большой человек, талантливая личность, но ведь я тоже талант... Вы знаете, кто я? — Я хозяин русской литературы!.."

Из поэтов он признает только Клюева, Горького и Андрея Белого. Маяковский "так себе", а настоящий поэт — это он, Есенин.

Довольно долго длилось это испытание терпения публики. Даже "своим" оно пришлось не по вкусу. Они старались как-нибудь остановить "веселого рассказчика", дать ему понять, что надо же знать меру. С места раздается громкий вопрос: "Скажите, вы поэт или клоун?"

Есенин растерялся, не нашел подходящей реплики и растерянно ответил: "Хорошо, мы с вами еще поговорим".

От поэзии он перескакивает к политике.

"Вот ругают советскую власть, а я вот признаю ее, она мне нравится, хотя в партию я не записан, нет. Я когда-то любил и эс-эров, но тоже в партию записан не был... Я и сейчас их люблю... Да и как мне не признавать советской власти? Деда моего драли, отца моего драли, мать тоже, а я вот — поэт, раскатываю по заграницe, путешествую. Как же мне не любить советскую власть".

В том же стиле поэт привел клочки из своей биографии.

"Крестьянин Рязанской губернии. Грамоту знавал еле-еле... Пришел в Москву в косоворотке, а вот сейчас одеваюсь в смокинг, ношу шелтыя <так!> ботинки. Своему образованию обязан Клюеву и Андрею Белому, имел встречи и с Горьким...". Клюев и Белый ему "вставили позвоночник" — и вот он сейчас первый русский поэт — хозяин русской литературы.

Публика стала настойчиво требовать конца этим рассказам, и Есенин прочел несколько своих стихотворений, в том числе известную "Исповедь хулигана".

Кроме Есенина, читал свои стихи А.Кусиков».

Апрель, 10. Есенин с А.Б.Кусиковым и их спутницами пересекают границу Франции.

Датируется по контрольному штампу на паспорте Есенина: «PONT<*нрзб.*> 10 апр. 1923. Въезд» (на фр. яз.).

Хроника, 2, 264; воспроизведение паспорта со штампом см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 5.

А.Дункан, Есенин и их спутники делают неудачную попытку продолжить свою поездку.

М.Дести ночью едет поездом в Париж.

«Теперь денег у нас совсем не осталось, но мы наняли машину до Парижа.

В кредит мы могли нанять только закрытую машину. Когда наконец мы тронулись в путь, было десять часов вечера и лил дождь как из ведра. С огромным трудом нам удалось уговорить Айседору ехать в такой машине. Она терпеть не могла закрытые автомобили, и не успели мы отъехать и две мили, как Айседора заявила, что теряет сознание и должна немедленно вернуться в отель. Ни при каких обстоятельствах она не могла ехать в закрытой машине.

Я стала объяснять ей, что мне необходимо быть в Париже на следующее утро, но она была неумолима. Думаю, действительно она страдала в закрытой машине — в какой-то мере это было связано со смертью ее детей. Айседора неистово била по окнам, и нам пришлось в отчаянии вернуться в отель.

Я сказала Айседоре, что она может добираться до Парижа как угодно, но я обязательно уеду ночью на поезде, а если остальные из нашей компании согласятся ехать со мной, уверена, что смогу упросить портье купить нам билеты, а деньги пришлю ему, как только приеду в Париж».

Дести, 305.

Поэт Е.Чаренц читает студентам Ереванского педагогического института лекцию о современной русской литературе с упоминанием Есенина.

Саакян Р.С., Савченко Т.К. Есенин в Армении: двадцатые годы. — Сб. «Русская литература за рубежом», М.: ИКАР, 2007, с. 120.

Апрель, 11. М.Дести приезжает в Париж.

«Приехав в Париж, я тут же отправилась в "Отель дю Рин" и немедленно получила две тысячи франков. Я отправила их Айседоре телеграфом».

Дести, 305–306.

Апрель, 12–14. А.Дункан показывает Есенину достопримечательности Страсбурга и его окрестностей.

«Получив деньги, она <А.Дункан> решила, что было бы жаль проехать мимо великолепного собора, не показав Сергею его чудес и красот. И эти две тысячи ушли у них на трехдневное автомобильное путешествие».

Дести, 306.

Апрель, 13. Парижская газета «Последние новости» (№ 914) помещает анонимный анонс «Вечер современной русской поэзии»:

«В субботу, 14 апреля в 9 ч. веч. состоится 87-й вечер группы «Арт э Аксион» <«Art et Action» («Искусство и действие»)> (66, рю Лепик), посвященный поэтам А.А.Блоку, С.А.Есенину, В.В.Маяковскому. Характеристика поэтам будет сделана А.Я.Левинсоном. Переводы его будут прочитаны г<оспожа>ми Лара, Виала и г<осподином> Шассеном».

Отклики на вечер не выявлены.

Апрель, до 14. Выходит журнал студенчества рабфака Петроградского университета «Вулкан» (№ 1–2, за январь–февраль) со статьей Е.Ливен «Критик на ковре», где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по рецензии на номер («Литературный еженедельник», Пг., 1923, № 14–15, 14 апр.).

Полемизируя со статьей Б.Соснина «Имажинизм и имажинисты» (см.: дек. 1922, первая запись), Е.Ливен, в частности, пишет:

«В кощунстве также можно упрекнуть очень многих поэтов. Религиозному греку наверно казался кощунственным "Прикованный Прометей" Эсхила, да и "Каин" Байрона вызвал взрыв восторгов и благоговейное изумление с одной стороны и негодование и даже проклятия с другой. Томас Мур так говорит о нем: "Каин глубоко западет в глубь мирового сердца, и если многие дрогнут от его кажущегося богохуления, то все падут ниц пред его величием". Я же в этих произведениях вижу проявление революционного духа, который можно открыть и в "кощунственной" "Инонии" Есенина, а также и имажинистских произведениях.

В поэзии Шершеневича много лирики, исполненной неудовлетворенностью и тоской по прекрасному и оригинальных, не лишенных красоты образов. <…>

Достижения Мариенгофа особенно велики в области ритмических разрешений <…>.

Остальных поэтов критик хвалит главным образом за их грусть, которую он хочет навязать и жизнерадостному кудрявому Сергею Есенину. Я совсем не думаю, что Есенин никогда не грустит. Поэту свойственны всевозможные настроения, но нельзя сказать, что Есенин только "грустит о небесах". И чтобы понять, о каких именно небесах грустит Есенин, надо внимательно прочесть его "Ключи Марии".

Критик, цитируя Есенина, взял совершенно не характерные для его поэзии стихотворения. Впрочем, он, стараясь "удружить" Есенину, стал доказывать, что поэт не имажинист, а только лишь временами имажинистичен. <…> И "особенно" "кощунственными и непристойными" критик считает стихотворения Есенина из сборника "Преображение". Насколько это неверно, доказываю следующими стихотворениями из данного сборника <процитированы стихотворения "Я по первому снегу иду…" и "О муза, друг мой гибкий…">.

Критик лишь упомянул о драматической поэме Есенина "Пугачев", но она заслуживает большего. Это одна из жемчужин поэзии Есенина. Несмотря на свой малый объем, она глубоко содержательна, полна образности, насыщена чувством и настроением.

Всех действующих лиц поэт наградил этим "теплым зверенышем" — душой. И поэтому они все живые, все охвачены неисчерпаемой жаждой жизни. Каждый тип является в то же время и личностью. Только горячо любящий людей мог так по-человечески их изобразить, что даже и их пороки неспособны нас оттолкнуть. Мы сочувствуем и разбойнику Хлопуше, и Творогову, который делается предателем Пугачева, только любя бесконечно жизнь, и всем другим. <Цитируются слова Творогова.>

Той же любовью к жизни проникнуты слова Бубнова, который в конце диалога заявляет:

Научите меня, и я что угодно сделаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть в человечьем саду.

Язык в поэме, как и вообще в творчестве Есенина, вполне народный, ибо он образный, и поэтична она до бесконечности. Вся поэма состоит из отдельных разговорных

отрывков, и это придает ей жизненность. В диалогах всегда ясно ощущается неподдельное участие, которое передается ярко и образно. Вообще Есенин устами героев поэмы умеет влиять на чувство.

Какую истинную тревогу и ужас ощущаем, например, мы в следующих словах Чумакова:

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать.
О, эта ночь! Как могильные плиты
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь — то ли зыбится рожь,
То ли желтые полчища пляшущих скелетов...

(Ветер качает рожь).

Сам герой поэмы Пугачев слишком лиричен, по-моему, и далек, конечно, от того Пугачева, какого рисует привычно нам наше воображение, но и это, наверно, всё потому, что у есенинского Пугачева тоже "ворочается зверенышем теплым душа". Он не играет в прятки с народом <следует цитата из поэмы>.

Поэма динамична. Действие в ней всё растет и заканчивается оглушительным раскатом грома, звук которого постепенно, постепенно замирает в вашей душе, как постепенно замирает и речь Пугачева <следует цитата из поэмы>.

Правда, поэзия имажинистов непривычна еще для большинства, она требует вдумчивого, а не легкомысленного отношения к себе, но изящная литература никогда не была предметом легкого чтения, так и творчество имажинистов дает наслаждение только лишь при участии и чувства, и разума. Зато музыка стихов имажинистов никогда не напоминает шарманку и в них не встретишь обыденных, надоевших нашему слуху рифм: "розы, морозы, грезы, слезы; младость, радость, сладость, гадость". Имажинистам не приходится подогревать себя чувством к призрачной, блаженной жизни в раю или к надуманно-прекрасному, рыцарскому прошлому: их вдохновение живое, здоровое, идущее непосредственно от мира, от того, что мы привыкли называть природой, космосом, жизнью. Критик как-то легкомысленно отождествляет имажинизм с футуризмом. Буду ему возражать словами Есенина, которого он признал самым талантливым из имажинистов <следуют обширные цитаты из "Ключей Марии">».

Апрель, до 15. В берлинском издательстве «Мысль» (серия «Книга для всех»; № 106) выходит книга Г.В.Алексеева «Живые встречи» с очерком «Сергей Есенин».

Граница события устанавливается по объявлению в газ. «Дни» (Берлин, 1923, 15 апр., № 139).

О первой публикации очерка см.: авг. 1922, третья запись; цитаты из него см.: около 12 час. дня 11 мая 1922; с 12 на 13 мая 1922.

Апрель, до 15 ... Май, до 2. В московском издательстве Центрального союза потребительских обществ выходит книга В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (тит. л.: 1922; обл.: 1923) с персональной главой «Новокрестьянский поэт-символист С.Есенин».

Кн. летопись, 1923, № 8, апр., с. 411, поз. 3589.

Содержание главы охарактеризовано ее подзаголовком:

«Деревенский поэт. Символизм под маской имажинизма. Неустойчивость настроений. Поэтика С.Есенина».

Резко противопоставив в начале главы творчество Есенина сочинениям А.Мариенгофа, автор продолжает:

«Для одного <А.Мариенгофа> мир даже не Голгофа, а — "мясорубка", а если и Голгофа, то потому только, что на Голгофе бывают и распинаемые и распинающие, те, которые хлещут нагайкой "хилое тело Христа, вздыбливаемое в чрезвычайке" и для которых "человек — месиво", "человеческая говядина"... Другой <Есенин>, как Франциск Ассизский или Иоанн Дамаскин, вдохновенный творец "Пасхального канона", благословляет леса, долины, горы и "в небе каждую звезду и в поле каждую былинку". У него Микола — "ласковый угодник собирает божьих тварей, кормит просом с подола", у него в райском терему божья мать стоит у окошка, голубей сзывает к дверям "рожь зернистую клевать". Поэт пропел "Песню о собаке", у которой отняли щенят, о корове, у которой зарезали телка, о раненой лисице, о хлебе, который радостно колосится, прежде чем попасть под жернова мельниц. Ведь он недаром родился "с песнями в травном одеяле".

В превосходной деревенской поэме "Сорокоуст" Есенин, "последний деревенский поэт", противопоставил живое мертвому-механическому, рассказал, как "изб древенчатых живот трясет стальная лихорадка" при электрическом восходе стального века. Его песня никак не может сжиться с ремнями и трубами "скверного гостя":

Видели ли вы,
Как бежит по степям
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?..

И поэт ржаного поля служит сорокоуст над бессинным полем, закованным в сталь, над мужиком, пропахшим соломой...

<...> Весенний Есенин всюду видит синий свет, в эту синь даже умереть не жаль. Как и его сродник Кольцов он идет "по голубой долине средь телок и коров". Есении "тает в просини, как снежинка белая". Кудрявый и веселый поэт "кричит в синеву". Он "светлой книгой голубиной напоил свои уста", у него "синь и песня в речах", у него "глаза синее дно", "васильками сердце светится", он радостно-светло, сквозь золотые ресницы смотрит в "голубень", тысячи его образов — "тысячи синеглазых маленьких детей".

Когда младенец Исус уронил золотой колоб, который спекла ему "Мать Пречистая" и колоб покатился месяцем по синему небу, "заму<т>или слёзы душу голубую божью"...

У Есенина тоже голубая душа, да и сам он весь голубой, пришедший приголубить всё живое, он в колокол синий месяцем бьет и славит голубую, звездами вбитую высь и

поет песню о голубях под крышей, о младенце Христе и аисте, забравшем его в люльку, о том, как:

За темной прядью перелесиц
В неколебимой *синеве*
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в *голубой* траве.

<...> Неколебимая синева Есенина светит радостью и кротостью. Как звон голубых крыльев, несется песня рождающейся жизни: "Слава в вышних богу и на земли мир" <...>

Бог Есенина ничего не имеет общего с богом мести, этим библейским седовласым гневным и мстительным стариком, вечно призывающим Израил<ь> к истреблению "по тысяче голов разом". Его бог — "коровий бог", "кроткий Спас", "голодный Спас"; у этого синеглазого поэта кроткая родина с коровьими глазами, "телица-Русь", и он говорит ей:

Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Он обращается к своей родине, "овсяный ветерок" которой нежит его светлые кудри, со своими звездными словами:

Звени, звени, златая Русь!
Волнуйся, нежный <так!> ветер!
Блажен, кто радостно отметил
Твою пастушескую грусть!
Звени, звени, златая Русь!

Бывают моменты, когда "разбойный" Есенин уверяет вас, что у него "нож за голенищем", что он полюбил грустные взоры воров и убийц, у которых "кривятся в почернелых лицах голубые рты"; что сам он — "деревенский озорник", "хулиган", что сам он "разбойник и хам и по крови степной конокрад", которому хотелось бы в ночь "в голубой степи где-нибудь с кистенем стоять".

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

Это "и я кого-нибудь зарежу" вполне национально, в духе и стиле народных песен, в которых так "широк русский человек", этот Саша Погодин — Сашка Жегулев в одно и то же время. Но у Есенина "разбойные" строки скорее поза и жест, чем характерная черта... Никого не зарежет этот светлый улыбающийся поэт, которому "близок скорбью вытерзанный люд". И пастух-поэт, и пахарь, и "люди в кандалах" проходят сквозь Голубень Есенина просветленные и очищенные. Не черным вороном, а касаткой степной глядит у этого озорника каждая песня, даже и "разбойная". Он полюбил и мир и вечность, как родительский очаг. Его всегда тянет "к теплому свету, на отчий порог". <...>

Есенин проклинает религию мести и муки, но он выдвигает религию солнечной радости и всечеловеческой любви, той любви, которая преображает мир и человека <...>.

У Есенина "земля в небо влюблена". Своему Христу, Миколе, "Пречистой Матери", осенившей мир и называющей своего кроткого сына "лебеденочком", поэт сообщает тепло, ласку и близость к человеку.

"Я учился в селе Спас, — рассказывал Есенин, — и, читая молитву богородице в детстве, всегда говорил вместо «яко Спаса родила» около Спаса родила".

Этот инок, странник, захожий богомолец первых книг прислушивается, как вызванивают в четки "ивы, кроткие монашки" и, бродя по лесам своей родины, всё ждет, что там где-нибудь "под кустом голодный Спас". <...>

Внук раскольника, учившийся читать по Библии, привык свои детские сны сплетать с овсяными, деревенскими кроткими образами заступников, целителей и милостников. У него "на сердце лампадка, а в сердце — Иисус". У него "роща — в венчике иконы", "хаты — в ризах образа́". <...>

В поэмах "Марфа Посадница", "Ус", "Товарищ", "Певущий зов", "Отчарь", написанных от 14 по 18 годы, поэт является тем же светлым вестником радостной любви. Его Марфа Посадница узнает от голубей, что "московский царь на кровавой гульбе продал душу свою антихристу". Он застил Новгородскую зарю и за это его род даст ответ через четыреста лет.

Каждая строка революционных песен юного поэта светилась, горела огнем восторга, ликованием пасхального канона.

Радуйтесь! Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели
И земля потеряла жало.

Так поэт радуется — поэт, впитавший в песню и "Волховский звон" и "буслаев загул <так!>". И когда в поэме "Товарищ" шальная пуля убивает рабочего во время красного воскресенья, младенец Исус вместе с своим товарищем, маленьким сыном рабочего, идет заступиться за убитого и вместе с ним идет ложиться в могилу на Марсовом поле. Любовь идет рядом с подвигом революционера.

В другом месте тот же кудрявый синеглазый песенник и благовестник поет те же слова любви.

Кто-то мудрый, несказанный,
Всех себе подобя,
Всё живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.
Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире.
А любить и верить!

<...> Есенин пришел с радугой слов, у него "в сердце радуница божья". Первые его книги — "Радуница" и "Голубень".

Радость первых книг Есенина уступает место его "Преображенью" <так!>, "Инонии", "Исповеди хулигана", "Сорокоусту", "Пугачеву", где слышатся нотки тревожной тоски и боли, порой даже отчаяния... В эти песни порой врываются "нечистые словечки" из лексикона Мариенгофа и Шершеневича, словечки ненужные, безобразящие светлый лик поэзии, как язвы дурной болезни. Но и здесь основной тон — голубой, основное содержание — голубиная нежность, чистая религия лучезарной любви.

Чувствуется, что патриархальному деревенскому нанесен удар, нет стройности мировоззрения, плохо приходится милому жеребенку перед натиском стального паровоза.

<...> Поэту кажется, что "не изменят лик земли напевы", что жизнь пройдет мимо его поэзии.

Синеглазый поэт, принесший людям "Голубень" и "Радуницу", может успокоиться: Мариенгофу, прошедшему по черным ступеням дней, даже те, которым нравится "мясорубка", скажут: "мавр сделал свое дело, мавр может уходить", а голубому весеннему поэту скажут люди, у которых "злобою сердце питаться устало": "Ты, благовеститель любви, нужен"!.. "Скорбью вытерзанный люд" жаждет светлого любовного братского творчества, ждет подлинного преображения.

Ризы и киоты есенинских образóв — óбразов не смутят тех чутких, которые похоронили старых богов, не смутят, ибо их сердце не пустой скворечник и не "гнилое дупло", в их сердце живет новая любовь. А ведь только об этой новой любви говорят поэмы Есенина.

Таково содержание творчества этого поэта, таков смысл его слов. И можно сказать, каждое живое, звездное слово Есенина вопиет против мертвых, гнилых слов Шершеневича и Мариенгофа. Ни сегодня, ни завтра не месить им вместе тесто стихов, хотя и попала случайно в чистое ржаное поле Есенина ядовитая спорынья его друга Мариенгофа.

Форма Есенина, ведущая свое начало от символизма, ничего не имеет общего с футуризмом Маринетти и его учеников, объявивших смертельную борьбу символизму, ничего не имеет общего с футуризмом Маринетти, Маяковского, Шершеневича, Мариенгофа, которым Сергей Есенин объявляет смертельную борьбу в своей книге "Ключи Марии" <...>.

Бессилию футуризма Есенин противопоставил силу символизма с его окнами в вечность, с его мыслимыми подобиями, с его сопоставлениями. Этот символизм Есенин пытается связать с древней народной символикой, с узорами, орнаментами, с мифотворчеством народа-Садко, у которого учился петь и Н.Клюев. Поэт хочет своими прозрачными, одухотворенными, струящимися образами "создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи, хочет опрокинутость неба слить в браке с опрокинутостью земли, хочет услышать снова ответные перезвоны узловой завязи природы с сущностью человека". Поэт, не ведая этого, после 25-тилетней работы символистов, вновь открывает Америку символизма. Разница между ним и представителями русской школы символистов лишь в том, что почвой его творчества является народное коллективное мифотворчество, а не абстрактные построения индивидуалистической мысли. Сергей Есенин так же, как всякий поэт, борется против отвлеченного выцветшего слова и стремится к первосозданному слову, к слову-образу. Но, создавая свои образы, поэт поражает нас богатством своих изобразительных средств. Солнце, луна и звезды, и жизнь человека в поэзии Есенина переплелись золотыми нитями и встают перед нами во множестве ликов. Ведь недаром "по звездам и заре он школу проходил". Во всех полевых его образах "смешалась с думой ковыль-трава". Его словообраз отражает величайший смысл патриархальной крестьянской жизни. Есенин сумел обновить поэтический словарь словами, которые пахнут травами, цветами и медом, как невинные руки его крестьянской девушки. <...> У поэта как "васильки во ржи, цветут в лице глаза", он стелет "стихов золотые <так!> рогожи", но эти метафоры застывших образов бледнеют перед его действительно струящимися образами, передающими импрессионистически жизнь природы, дрожание света, песни лучей, от этих его образов веет изумительной красотой. Приведу несколько примеров: "Осенний холод ласково и кротко крадется мглой к овсяному двору"... "На грядки серые капусты волноватой рожок луны по капле масло льет"... "В тихий час, когда заря на крыше, как котенок, моет

лапкой рот". "Ныне солнце, как кошка с небесной вербы, лапкою золотою трогает мои волоса". "Все мы — яблони и вишни голубого сада". <...>

Наряду с этими образами, передающими движение в жизни природы, у Есенина выдвигаются образы-мифы в поэмах: "Пропавший месяц", "Колоб", "Младенец Иисус", "Товарищ". К области мифа можно отнести и коровьего бога, который любит кроткой любовью свою телицу-Русь. К своему коровьему богу часто поэт взывает: "Господи, отелись!" После грозы, пронесшейся над золотой рожью при красном отблеске солнечного заката, поэту кажется, что "отелившееся небо лижет красного телка". Образ коровы, питающей молоком своим ржаное поле, поэт заимствует из народных сказаний.

Его "Песня о хлебе" является образцом мифотворчества молодого поэта.

В поэмах Есенина 19–20 годов чувствуется перегруженность образами, но никогда он не приходит к тому каталогу образов, о котором пишет Шершеневич. Некоторые образы Есенина последнего времени неубедительны, поэт становится жертвой литературного приема, повторяет и утрирует преднамеренно-сознательно когда-то бессознательно найденный прием. Но никогда он не берет в своем творчестве руководящим принципом нарочитое и постоянное соединение чистого с нечистым, выдвигание "омерзительного и гнилого", как острой приправы к стихам. Талантливый поэт не нуждается в этих приправах.

<...> В своей символике новокрестьянский поэт Есенин, яркий образник, является наследником и хранителем тех несметных сокровищ, которые он мог почерпнуть в хранилищах народного коллективного творчества. И, конечно, он сродник не Шершеневичу и Мариенгофу, а Клюеву, Ширяевцу, Орешину, Тисленко, Клычкову. Основной их прием — метод сопоставления, о котором так блестяще писал Александр Веселовский в своей статье "Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля". <...>

То, что писал Сергей Есенин в своих "Ключах Марии" об узловой завязи природы с сущностью человека, сводится к психологическому параллелизму народного творчества.

Символизм Сергея Есенина, сына рязанского крестьянина, тесно связан с этим психологическим параллелизмом патриархального мировоззрения.

Но между Есениным и его дедом-раскольником современность уже вырыла глубокую пропасть. Бессознательный, стихийный, младенчествующий человек находился во власти слепой стихии, он трепетал перед таинственными существами, которые правят судьбой его ржаного поля. Его земледельческая мысль в объяснение природы то гневной, то милостивой вносила свой особый отпечаток, свои приметы, свой полунамек. Эти объяснения, яркие, полные и сближений, и соответствий между жизнью пахаря и жизнью природы, превращались в легенды и мифы. И Есенину остались от деда в наследие эти легенды и мифы. Но научная мысль, новая жизнь, связанная с кипучей современностью, с железным городом, разрушила цельность патриархального мировоззрения, и вот основа символизма Есенина всё больше и больше уходит в область истории. Последний деревенский поэт переживает переходное время вместе с новой деревней. Не преданья стариков, не легенды далекого прошлого, а новая жизнь, полная необычайно ярких и острых и глубоких переживаний, может выткать новую основу для его творчества. И если на этой новой основе будет построено здание нового реализма, это можно будет только приветствовать. На этом новом пути Есенина ему придется расстаться с урбанистами-упадочниками, придется ближе подойти к новому бытию, к новому быту и не в литературщине, а в жизни получить толчок для своего дальнейшего развития. А пока поэт стоит на пороге как бы двойного бытия, всё больше отрывается от почвы, всё больше отдается литературщине, подчеркиванию приемов и заострению

занозы образа. "Исповедь хулигана" говорит о том, что душой поэта овладевает отчаянье... Он готов сбиться с пути... и учиться у Шершеневичей и Мариенгофов. Такова трагедия современности».

Завершающий абзац главы:

«Поэма Сергея Есенина "Пугачев" поражает своей бедностью и однообразием. Нагромождение образов, уже много раз повторенных, и ни одного живого лица. Не Есенин написал о Пугачеве, а Пугачев об Есенине. Поэма "Пугачев" — это провал имажинизма, провал Сергея Есенина, у которого не хватило сил на большое произведение. Без знаний, без предварительной подготовки, с голыми руками подошел он к огромной теме и захотел отписаться своими кричащими сравнениями».

В издательстве журнала «Сибирские огни» (Новониколаевск) выходит сборник статей В.П.Правдухина «Творец — Общество — Искусство», где говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1923, № 8, апр., с. 423, поз. 3700.

Статья, где идет речь о творчестве Есенина, впервые вышла как журнальная публикация (см.: июнь (?) 1922).

Апрель, 15. Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 83; рубрика «Культура и искусство») дает анонс литературного вечера «Весенний разлив имажинизма» с упоминанием имени Есенина:

«В Киев приехали из Москвы поэт-имажинист Вадим Шершеневич и премьерша Опытно-Героического театра Ю.Дижур.

Во вторник 17 апреля в Пролет<арском> Доме Искусств состоится литературный вечер В.Шершеневича "Весенний разлив имажинизма".

Отд<еление> I. Половодье тезисов: Антиквариат символизма, бум футуризма, веселый парад покойников. Брюсов или каждый сам себе мумия. Блок — зам. Надсона, Маяковский, Каменский — много шуму из ничего или реклама — двигатель торговли. Гром на ясном небе литературы. О Есенине, Мариенгофе и себе. Чуть-чуть теории, что такое имажинизм в области, например, поэзии. Под потоком ругани — в ковчеге мастерства. Легкое пророчество — мы будущему.

Отд<еление> II. Бурелом лирики — В.Шершеневич и Ю.Дижур. — Поэмы и стихи Есенина "Сорокоуст" и "Исповедь хулигана"; Мариенгофа — "Застольная беседа", В.Шершеневич — "Одиночество", стихи из книги "Лошадь, как лошадь" и отрывки из америк<анской> мелодрамы "Дама в черной перчатке"».

Этот анонс имеет разночтения с афишей вечера, в т. ч. в местах, где идет речь о Есенине (ср.: до 17 апр. 1923).

См. также: 17 апр. 1923, вторая запись; 19 апр. 1923, первая запись.

Пражский журнал «Воля России» (№ 6–7) публикует статью М.Слонима «Тяжелая лира», посвященную одноименной книге В.Ф.Ходасевича.

В начале статьи автор дает характеристику состояния современного поэтического творчества, не обойдясь при этом без имени Есенина:

«К сожалению, мы до сих пор не изжили лихих кавалерийских наездов в область поэзии и литературы. Поэтическое озорство сделалось теперь бытовым явлением.

Те, кому нечего сказать, возмещают духовное свое косноязычие криком и вывертами.

А так как дурное заразительно, то хулиганское поветрие одолевает порою не только бездарных честолюбцев типа Кусикова, но и людей талантливых, хотя и порядком испорченных, вроде Есенина.

Серединность, тусклое ремесло, с одной стороны, — гром поэтического там-тама и литература скандала, с другой, — вот общий фон жизни русской поэзии наших дней».

Апрель, 15 ... 16. Есенин и А.Дункан приезжают в Париж.

«Об Айседоре и Есенине я услышала лишь через четыре дня, когда получила послание: "Ради Бога, приезжай и спаси нас". Они находились в отеле "Уэстминстер", администрация которого отказывалась подавать им еду и просила немедленно выехать. А накануне вечером они зарегистрировались как мистер и миссис Есенины. Ночной клерк не имел представления, что это знаменитая Айседора и ее русский муж, нагнавший своими скандалами ужас на многие отели Европы.

Приехав в отель, я застала их за отвратительным спором с шофером. Шофер угрожал, что обратится в полицию, если ему не заплатят за четырехдневную поездку. Айседора позвонила своему секретарю, и тот нашел ей две тысячи франков, чтобы заплатить за дорогу. (Этот неоплаченный счет секретаря вместе со счетом русского врача были причиной печально знаменитой продажи ее студии в Нёйи через несколько лет.)

Я попыталась объяснить управляющему, что мисс Дункан сейчас не может выехать. Она ждет большую сумму денег от ростовщика и, пока ее не получит, не может расплатиться. Ничто не могло смягчить сердце управляющего. Он знал, что будет скандал, и действительной причиной того, что скандала еще не было, был его отказ позволить заказать спиртное, а у Сергея не было денег, чтобы купить его в другом месте. Всё это было крайне унизительно для божественной Айседоры. Теперь у нее было полное основание считать брак злом.

В конце концов, управляющий взял кусок ценных кружев, а я обещала, что за всё заплачу. Я позвонила в отель "Мадрид" на Буа де Булонь и забронировала для мисс Дункан ее обычный номер. Боясь, как бы администрация отеля, из которого Айседора выезжала и которая была, конечно, рада этому, не связалась с администрацией "Мадрида", мы погрузили весь багаж в такси и выехали часов около семи. Но человек предполагает, а Бог располагает!

Айседора была счастлива, что едет в "Мадрид", где в прежние времена она потратила целое состояние. Но в дороге она настояла, чтобы мы остановились пообедать в "Карлтоне". В нем она подписала счет, — у нее еще был там кредит. Но когда мы приехали в "Мадрид", отель оказался запертым на ночь. С большим трудом мы подняли ночного швейцара, который заявил, что ни одной свободной комнаты нет, и наотрез отказался позволить внести наш багаж. "По крайней мере, разрешите мне позвонить", — попросила я. Пока три наших спутника сидели в машине в отчаянном и унизительном положении, я позвонила в отель "Континенталь" и спросила, свободен ли номер, который прежде занимала мисс Дункан. Я сказала, что она приезжает в Париж, и мне ответили, что номер свободен. Затем я велела портье приготовить холодный ужин: цыплят и бутылку шампанского — и предупредила, что Айседора прибудет не позже чем через полчаса. В "Континентале" я оставила Айседору и поехала в свой отель».

Дести, 306–307.

Апрель, после 15. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 3–4, за март-апрель) с материалами, где упоминается Есенин:

— рецензией В.Лурье (подпись: В. Л.) на книгу стихов С.Обрадовича «Город» (1923):

«У пролетарских поэтов есть одно ценное преимущество перед остальными: в их среде не могут возникнуть стихослагатели от нечего делать, для которых поэзия только забава. <...>

Не утомленные тяжелой ношей скуки и безразличия, смело взбираются пролетарские поэты к еще не завоеванной ими поэзии. Обрадович вполне типичен для этого направления. Его стихи страдают несделанностью, неуклюжестью и часто несамостоятельностью. Он подражает имажинистам, в частности Сергею Есенину; но такое подражание не страшно, оно только указывает на то, что поэт еще неопытен и не может технически приготовить необходимую форму для своего переживания»;

— информацией:

«29-го марта Объединением <российских студентов в Германии> был устроен вечер Есенина и Кусикова. В день годовщины на вечере Объединения <см.: 11 марта 1923> А.Н.Толстой читал несколько сцен из трагедии "Смерть Дантона", Есенин и Кусиков — свои стихи».

Граница события устанавливается по упоминанию в рубрике «Книги, присланные в редакцию для отзыва» книги Г.В.Алексеева «Живые встречи» (см.: до 15 апр. 1923).

Апрель, 16. Газета «Звено» (№ 11) в рубрике «Книги, присланные в редакцию для отзыва», называет «Собрание стихов и поэм. Т. 1» Есенина.

Апрель, до 17. В Киеве вывешиваются афиши о предстоящем в зале Пролетарского Дома Искусств (бывш. Купеческого собрания) вечере «Весенний разлив имажинизма», где значится имя Есенина.

Из афиши:

«Вторник 17го апреля

ВЕСЕННИЙ РАЗЛИВ ИМАЖИНИЗМА

Лирикой разольются:

Артистка опытно-героического театра

Юлия **ДИЖУР**

Мастер верховного ордена Имажинистов

Вадим **ШЕРШЕНЕВИЧ**

1. *Половодие тезисов* = Вадим ШЕРШЕНЕВИЧ

Антикварный магазин символизма. — Бум символизма. — Парад покойников. — Брюсов (или каждый сам себе мумия). — Каменский, Маяковский (много шума из ничего). — Гром в ясном небе литературы: Есенин, Мариенгоф и я. — Что такое имажинизм в области, например, поэзии. — Под потоком негодования в ковчеге мастерства. — Рухнувший академизм и строящийся небоскреб. — Почему такие разные и вместе. — Чуть-чуть теории. — Комплименты публике и еще больше себе. — Попытка легкого пророчества: мы в будущем.

2. *Бурелом лирики* = Юлия ДИЖУР — Вадим ШЕРШЕНЕВИЧ

Из Сергея Есенина — Сорокоуст и стихи.

Из Анатолия Мариенгофа — не менее 2-х поэм.

Из Вадима Шершеневича — отрывки из американской мелодрамы "Дама в черной перчатке" (Батистина — Дижур, все остальные — автор) и стихи».

См. Приложение (иллюстрация предоставлена В.А.Дроздковым).

Ср.: 15 апр. 1923, первая запись.

См. также: 17 апр. 1923, вторая запись; 19 апр. 1923, первая запись.

Апрель, 17. Есенина и А.Дункан выставляют из отеля «Континенталь».

«Назавтра в десять часов утра мой сын подозвал меня к окну. “Посмотри, на той стороне Айседора и Сергей, они только что сели на скамейку в Тюильри”. Действительно, это были они, и с ними еще один поэт. Я быстро спустилась к ним, захватив с собой сигареты, которых, как чувствовала, им очень недостает. Айседора сказала мне, что как раз собиралась отправиться за мной. (Она в любое время могла прийти ко мне в отель, но Сергея туда не пускали). Снова с ними случилось то же, что и в “Уэстминстере”. Ночной швейцар, ничего не зная о скандале, предоставил им номер, а днем управляющий известил их, что номер, в котором они находились, уже сдан гостям, прибывающим в два часа.

И они ушли, оставив багаж. Бедная Айседора! Что же делать? Я понимала, что бессмысленно пытаться поселиться еще в каком-нибудь отеле. Мы взяли такси, и все вместе поехали к ростовщику.

От ростовщика мы поехали к торговцу картинами. <...> Мы взяли такси и радостные поехали обедать в отель “Карлтон”».

Дести, 307–308; IE, 187.

В киевском Пролетарском Доме Искусств (пл. 3-го Интернационала) проходит организованный В.Г.Шершеневичем при участии Ю.Дижур вечер «Весенний разлив имажинизма», где говорится о Есенине и читаются его стихи.

См.: 15 апр. 1923, первая запись; до 17 апр. 1923; 19 апр. 1923, первая запись.

Апрель, 17–24. Проходит XII съезд РКП (б), где принимается резолюция, в которой руководство художественной литературой объявляется одной из первоочередных задач.

Из резолюции:

«Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня».

Цит. по кн.: «О партийной и советской печати: Сб. документов», М., 1954, с. 270.

Этот документ наверняка не прошел мимо внимания Есенина. Его оценку более поздней (1925 года) резолюции ЦК РКП(б) о художественной литературе, в которой будет подведен итог литературно-политической борьбы, развернувшейся в первой половине 1920-х годов, см.: Есенин, V, 231–232.

Апрель, 18. На вечере в отеле «Карлтон» Есенин устраивает очередной скандал.

«На следующий день после ланча я, — пишет М.Дести, — поехала к ним. Управляющий отелем, увидев меня, спросил, не может ли он поговорить с мисс Дункан. Я ответила, что мисс Дункан нездорова, что поговорить с ним могу я, и не будет ли он так добр сказать мне, что хочет? Он сказал, что вечером будет большое празднество, и администрация сочла бы за честь, если бы мисс Дункан и сопровождающие ее лица присутствовали на обеде. Я возразила: “Боюсь, что нет. Мисс Дункан всегда обедает у себя в номере”.

— О да, — сказал он, — это я помню, но мы объявили прессе, что будет много выдающихся гостей и что особенно мы хотели бы пригласить мисс Дункан.

Возражать было выше моих сил, и я направилась в салон. Айседора, бледная, изящно возлежала на кушетке. Я передала ей приглашение, и она согласилась принять управляющего. Он был в высшей степени вежлив, красноречив и в конце концов убедил ее принять приглашение.

Она мило предупредила: "Помните, только для вас я нарушаю правило". Можете себе представить, как мы хохотали, оставшись одни: то силой вышвыривают из отеля, то администрация умоляет пообедать за ее счет — ну и дела!

Однако какой это был вечер! Какой вечер! Айседора пригласила пойти с нами нескольких художников. Когда обед приближался к концу и похоже было, что хоть на этот раз всё обойдется, к нашему столу подошел профессиональный танцор и стал упрашивать Айседору протанцевать с ним танго. Сердце у меня замерло: я знала бессмысленную ревность Сергея. И даже если бы он не был ревнив, то Айседора, танцующая танго, могла возбудить ревность даже святого. Лично я всегда хотела сбежать, когда она танцевала танго, несмотря на ее необыкновенную красоту и грацию.

Когда она с триумфальным видом вернулась к столу, Сергей довольно громко крикнул: "Еще шампанского!" Все неистово аплодировали Айседоре, и она снова танцевала с партнером — на этот раз они были одни на площадке. А официант принес еще шампанского, хотя мы с Айседорой не разрешали ему этого делать.

Взгляд у Сергея стал дичать, и Айседора, надеясь, что Есенин последует за ней, попросила меня подняться с ней наверх, приглашая и других, когда захотят, выпить кофе. Но Сергей не пошел за ней. Выходя из зала, Айседора сказала метрдотелю, чтобы ее мужу не подавали больше спиртного, так как он очень нервный человек, а если начнет себя вести несколько странно, то пусть его деликатно отведут в номер.

Примерно полчаса спустя раздался оглушительный шум — это несколько портье пытались деликатно отвести Сергея наверх. С треском открыв дверь в номер, он закричал: "Шампанского, шампанского!" Айседора распорядилась: "Дайте ему столько шампанского, сколько захочет, может, это его успокоит". И начался ужасный скандал. Сергей оскорблял ее за танец, а она, никогда спокойно не переносившая оскорблений, бросала ему ругательства. Все это звучало на их обычном очень живописном жаргоне. Наконец Сергей, взяв шляпу и пальто, ушел, заняв у швейцара денег».

Дести, 308–310.

Апрель, 19. Киевская газета «Пролетарская правда» (№ 83; рубрика «Культура и искусство») откликается на вечер В.Шершеневича статьей Б.Розенцвейга «Пролетарский Дом Искусств. Весенний разлив имажинизма», где упоминается Есенин:

«Современный американизм жизни с его учащенной пульсацией, воплощенной в авантюрном романе, в пленочной одиссее Чаплина, в 15-часовом перелете Нью-Йорк — Париж, создает особый род темпераментной лекции — верхушечной, запальчиво рекламной, до крайности поверхностной.

Блестящей разновидностью отечественного американизма и явился мастер Верховного Ордена имажинистов Шершеневич. Всё, что было в нем от митингового оратора, от бравого литературного вояки, искушенного во многих перепалках, где он преимущественно берет верх не столько силой своей логики, сколько мощностью своих голосовых

данных (вспомните кокетливую ссылку на глотку Есенина), — всё это еще куда ни шло. И хотя Шершеневич, ударяя во многих местах до бесчувствия, твердил всё время имажинистские зады, заезженные в тощих теоретических брошюрах, — он всё же удивлял своей хотя бы физической неутомимостью.

Но когда он отсюда начал устремляться в дали теоретизирования, дело стало принимать скверный оборот. "Мне бы только любви немножечко, — говорил он совсем недавно, — и десятка два папирос", — какой очаровательно скромный, нетребовательный прожиточный минимум для того, кто теперь по-институтски же мечтает о создании, а может быть и создает имажинистскую академию. Только десятки молодых людей с Тверской мало походят на академию, а нелепые по самой сути своей мечты о едином фронте поэзии несбыточны и несуразны. То, что позволительно тургеневским персонажам, ни в коем случае не разрешается автору "Серьезных сыщицких мелодрам" (еще один путь нового театра!). Ведь для каждого должно быть совершенно ясно, что как в идеологии, так в приемах и самом качестве талантов — имажинизм мог иметь весьма непервосортный успех лишь в жестокие годы литературной распутицы. Слабый поэт и проницательный человек — Шершеневич всё это, вероятно, и сам понимает. — Вот откуда горькие жалобы на легкость некоторых лозунгов, вот откуда переоценка ценностей и имажинистская смена вех.

Но что кажется радикальным Шершеневичу, недостаточно для нас: имажинизм, взошедший, и довольно бурно, на дрожжах литературной хлестаковщины, ничего общего с настоящей, пусть еще во многом зеленой, но подлинно современной литературой не имеет. Воспитанный на перегное старой, выродившейся культуры (лапти и деревенская идиллия Есенина не в счет — хотя и он местами тронут имажинистской гнильцей), он уже, как агонизирующее течение, не представляет ровно никакого интереса. И сперминообразными вытяжками из лекции Шершеневича его не воскресить».

См.: 15 апр. 1923, первая запись; до 17 апр. 1923; 17 апр. 1923, вторая запись.

Берлинская газета «Дни» (№ 142) помещает объявление издательства З.И.Гржебина о вышедших книгах, в том числе:

С.А.Есенин. Стихи и поэмы. 6 <м.>

Апрель, 19–30. Есенин и А.Дункан живут в отеле «Резервуар» в Версале.

Верхняя граница события устанавливается с учетом сведений из писем К.Д.Бальмонта Д.Э.Шаховской (см.: 28 апр. 1923; 30 апр. 1923).

«...на следующее утро мы переехали в отель "Резервуар" в Версале. Он располагался в прелестном маленьком павильоне. Там Айседора с Сергеем оставались несколько дней, затем вернулись в Париж, где Айседора получила возможность снова вступить во владение своим домом на рю де-ля Помп, № 103, с его великолепным Бетховенским залом, в котором прежде было проведено так много блаженных счастливых часов, лилась райская музыка, танцевали Айседора и ее прелестные четыре ученицы! В этом зале часто собиралась вся красота и остроумие Парижа».

Дести, 311–312.

Апрель, 19 (?) ... 24. В ресторане на Монмартре происходит стычка Есенина с официантами из русских эмигрантов и с их приятелями.

Верхняя граница события устанавливается с учетом записи 25 апр. 1923, где приведены подробности эпизода.

См. также: 26 апр. 1923.

Апрель, 22. Есенин отправляет письмо Е.А.Есениной из Парижа:

«Совершенно невозможная вещь, чтобы я писал тебе тысячу раз и ты, дура, не отвечала.

Добро бы ты не знала адреса, Мариенгоф пишет же мне. Я получал его письма в Америке, в Париже и вообще везде по тому адресу, кот<орый> ему указывал. Не знаю, почему у тебя нет смекалки отправить мне хоть одно письмо через него или через Ваню и написать, как вы живете.

Адрес парижский. Попроси Толю, чтоб он тебе помог с деньгами. В июне я приеду в Москву.

Когда дам тебе из Ревеля телеграмму, приезжай встречать. Напиши, что тебе нужно купить. Пиши сжато и разумней, потому что письма мои читаются. Жив ли отец? Жива ли мать? Как Шура? Всех вас целую.

Сергей.

Paris, Rue de La Pompe 103. C. E.».

Есенин, VI, 155, 566–567.

Саратовский журнал «Студенческая мысль» (№ 3–4) печатает статью П.Зырянина «К живой поэзии (вместо критического обзора)» с упоминанием Есенина:

«5-летний послеоктябрьский период можно считать закончившимся. Он характеризовался резким и безоговорочным нарушением принципа единства поэзии, дроблением ее на бесконечное количество школ и направлений, почти всегда враждебных и почти всегда претендующих каждое на значение единственно верного пути в будущее.

<...> в результате всей этой борьбы <появились> сотни тоненьких книжечек, с рифмованными и нерифмованными строчками, из которых не запомнилась ни одна. (Счастливые исключения были необычайно редки; отметим отдельные удачные стихи Александровского, Герасимова, Есенина, Маяковского, Зенкевича и некоторых др.) <...>

Всё же значение опыта, проделанного за пять лет в поэзии, необычайно велико.

Вклад в технику стиха богат и разнообразен. Уже невозможно (ну, просто потому невозможно, что никто не станет читать) писать стихи, пользуясь вялыми и бледными образами. После имажинистов (Есенина, Мариенгофа и Шершеневича) уже нельзя так преступно проходить мимо самого благодарного и богатого способа поэтизировать конкретность — мимо образа, как это делали почти все поэты прошлого».

Апрель, 22 и 29. В московском журнале «Огонек» (№ 4 и 5) дается объявление торгового сектора Госиздата РСФСР о наличии в продаже новых книг, в том числе книги Есенина «Избранное» (по цене 40 коп.).

Апрель, 25. Парижская газета «Le Figaro» (№ 115) печатает заметку «Злоключение поэта» («La mésaventure d'un poète»; подпись: G. Ch.), посвященную Есенину:

«Жил-был русский поэт Сергей Есенин. Белокурый и молодой. Коммунизм улыбался ему. И он улыбнулся коммунизму и сумел завоевать расположение Советов. Его двадцать лет придавали ему изящество и немножко беспутства. Вскоре ему довелось шумно в нем поупражняться.

Г-жа Изадора Дункан однажды в самом деле захотела обратить Совдепию в религию танца, которому она посвятила свою жизнь. Она отправилась в Россию, кажется, была хорошо принята и стала танцевать. Она танцевала и понравилась г-ну Сергею Есенину. Эта любовь утешила сердце г-жи Дункан. Короче говоря, последовала свадьба.

Знаменитая танцовщица безоговорочно восхищалась поэтическим гением своего молодого мужа и питала к нему материнскую заботу. Она продемонстрировала вундеркинда в Европе, потом в Соединенных Штатах. Во время пребывания в Париже г-н Сергей Есенин, чувствительный к феериям, возникающим под действием алкоголя, выпил в один из вечеров, может быть, чуть больше, чем требовал разум. И это опьянение вызвало в нем внезапный приступ гнева. Проживая в одной из крупных парижских гостиниц, он стал бранить персонал, не смог удержаться от битья посуды и зеркал, а потом стал наносить сильные удары по всему, что попадало ему под руку. Нам сказали, что досталось и г-же Изадоре Дункан.

Ей не понравилась эта сцена, в которую вмешалась полиция. Некоторое время спустя она развелась со своим поэтом. Но г-н Сергей Есенин не задумался над этим уроком, и у него нет более приятного развлечения, чем пить разнообразные смеси. Так что, войдя недавно вечером в русский ресторан на Монмартре, он стал оскорблять двух бывших гвардейских полковников, нанятых официантами: Есенин издевался над их полнейшим поражением, спрашивал, где же их погоны, словом, грубо глумился над их несчастьем. Оба бывших офицера и глазом не моргнули, но рассказали о случившемся двум русским посетителям, своим приятелям. Те подошли к советскому поэту, насильно вывели его, поколотили, а потом выбросили на улицу, сняв с него пиджак и ботинки.

Сидя в сточной канаве и устремив глаза к звездам, думал ли Сергей Есенин о продолжении сборника своих стихотворений *Исповедь хулигана*?»

Перевод Мишеля Никё.

Вырезка — Тетр. ГЛМ, с пометой над печатным текстом рукой неустановленного лица: «Figaro, 25 avril».

См. Приложение.

Описывая свою первую встречу с Есениным в 1923 г., А.К.Воронский заметит:

«Есенин рассказал, что недавно он возвратился из-за границы. <...> Ему за границей не понравилось, в Париже, в ресторане, его избили русские белогвардейцы, он потерял тогда цилиндр и перчатки...».

Воронский А. Памяти Есенина (Из воспоминаний). – Журн. «Красная новь», 1926, № 2, с. 207.

В марте 1926 г. С.Б.Борисов вспомнит:

«О встречах с соотечественниками в Париже Есенин рассказал такой случай:

— Прихожу после театра в какое-то русское кафе. Сажусь к столу. Подходит ко мне официант — бывший гвардейский офицер — и стал поздравлять меня с тем, что я, наконец, ушел от большевиков... Я его молча слушал и, когда он, показывая на свой наряд лакея, сказал: "Вот до чего меня большевики довели", — я попросил подать мне бокал вина. Офицерик подал, я встал и провозгласил тост за здоровье Советской власти... Тут поднялась кутерьма... Меня чуть не убили...

Есенин показал мне небольшой шрам на ухе.

— Вилкой проткнули...».

Материалы, 140.

В 1940-е годы Л.И.Повицкий опишет, по-видимому, тот же эпизод, но несколько по-иному. По словам мемуариста, Есенин рассказывал:

«— Мы сидели в берлинском ресторане. Прислуживали мужчины. Почти все они были русские, с явно офицерской выправкой. Один из них подошел к нам.

— Вы Есенин? — обратился он ко мне. — Мне сказали, что это вы. Как я рад вас видеть! Как мне хочется по душе поговорить с вами! Вы ведь бежали из этого большевистского пекла, не выдержали? А мы, русские дворяне, бывшие русские офицеры, служим здесь лакеями. Вот наша жизнь, вот до чего довели нас большевики.

Я нежно поглядел на него и ответил:

— Ах, какая грусть! Плакать надо. Но знаете что, дворянин! Подайте мне, мужику, ростбиф по-английски, да смотрите, чтоб кровь сочилась!

Офицер позеленел от злости, отошел и угрожающе посмотрел в нашу сторону. Я видел, как он шептался с двумя рослыми официантами. Я понял, что он собирается взять меня в работу. Я взял Дункан под руку и медленно прошел мимо них к выходу. Он не успел или не посмел меня тронуть».

Восп., 2, 242–243.

Правда, местом происшествия здесь назван Берлин, а не Париж, но возможно, что это ошибка памяти кого-то из собеседников.

См. также след. запись.

Апрель, 26. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3743) помещает анонимную заметку «Поэт Есенин опять накуролесил»:

«Париж. Пролетарский поэт Сергей Есенин, муж танцовщицы-босоножки Айседоры Дункан, снова попал в неприятность.

На днях ночью он отправился в новый русский ресторан на Монмартре. Обнаружив там среди официантов двух бывших русских гвардейских офицеров, он поднял скандал и стал поносить и оскорблять их.

Он был гость, и бывшие офицеры, как официанты, ничего не могли ему сделать.

Вскоре в ресторане появились двое русских, оказавшихся старыми приятелями бывших гвардейцев.

Оскорбленные пожаловались им на Есенина. Пришедшие набросились на полупьяного поэта, потащили в гардеробную, где сняли с него пальто и ботинки, и выбросили его на улицу.

После этой неприятности Есенин опять заболел. За ним ухаживает жена, Айседора Дункан».

См. предыд. запись.

Апрель, 27. В разговоре с К.Д.Бальмонтом в Париже А.Б.Кусиков рассказывает о подробностях своего приезда из Берлина вместе с Есениным и А.Дункан и о первых днях их пребывания в столице Франции.

Событие и его дата устанавливаются по сведениям К.Д. Бальмонта (см. след. запись).

Апрель, 28. К.Д.Бальмонт пишет из Парижа матери своего сына Георгия — Д.Э.Шаховской:

«...вчера, как снег на голову, на меня свалился Сандро Кусиков. <...> Он приехал в Париж весьма оригинально; приглашенный Айседорой Дункан гостить в ее доме, соблазнился возможностью повидаться со мной и увидать Париж, принял приглашение: они поехали беспаспортные, с Есениным в придачу, в автомобиле, благополучно миновали, как контрабандисты, границу, а здесь он выхлопотал себе французскую визу. Этот первый номер предприятия прошел, значит, совсем хорошо и благополучно.

Номер второй был куда хуже. Не пришлось Дункан проникнуть в собственный дом по каким-то осложнениям, и ее туда пустят только после 1-го мая. Они втроем остановились в шикарной гостинице, причем Дункан еще в Берлине заняла у Сандро последние его деньги, 3000 франков. Так как и у Дункан, и у Есенина вкус тратить в кабаках сразу по 2000 франков, а мой Сандро тоже не дурак выпить бутылку старого французского вина в 300 франков, деньги скоро кончились. Их выставили из одной гостиницы, последовательно удерживая их увесистые сундуки, и, наконец, перестали пускать в какую-либо гостиницу, и Дункан со своим любезным поэтом-вором скрылись в Версаль, а Кусиков без денег и без вещей оказался в полном смысле на улице. Он первую ночь провел на бульваре, а вчера я приютил его на одну ночь у себя. Сегодня он, с помощью каких-то будущих надежд на 2000 франков в месяц, переезжает в какой-нибудь недорогой отель. Так путешествуют современные поэты».

«Новый журнал», Нью-Йорк, 1989, кн. 176, с. 228–229 (публ. Ж. Шерона). Републиковано: журн. «Звезда», СПб, 1997, № 9, с. 154–155.

Апрель, 29. А.Б.Кусиков сообщает К.Д.Бальмонту о планах своего дальнейшего общения с Есениным.

Событие и его дата устанавливаются по письму К.Д.Бальмонта (см.: 30 апр. 1923).

Саратовский журнал «Студенческая мысль» (№ 5) печатает статью М.Советова «Поэт деревни — романтик (Сергей Клычков)», в которой упоминается Есенин:

По мнению автора, Клычков «не вышел за пределы интимной лирики и почти прошел мимо творческих тем, поставленных современностью, захвативших Есенина и в особенности Орешина».

Апрель, 30. К.Д.Бальмонт пишет Д.Э.Шаховской из Парижа:

«Кусиков покинул на время мои скромные апартаменты. От брата Дункан он получил, наконец, свои вещи и узнал, что Айседора получила свои деньги, на которые рассчитывала. Однако эта благородная плясунья отнюдь не додумалась до того, чтобы вернуть Сандро его монеты. В первый же вечер пропила со своим разлюбезным Есениным 800 франков — можно подумать, что они лошадей поят шампанским, — и уехала в Версаль. Поехал мой Сандро в Версаль добывать свои улетевшие карбованцы. Боюсь, что карбованцы он не отыщет, а найдет бывалую уже для него радость избить бока Есенину и украсить оба его глаза синими фонарями. Ну и летопись!»

«Новый журнал», Нью-Йорк, 1989, кн. 176, с. 229 (публ. Ж.Шерона). Републиковано: журн. «Звезда», СПб, 1997, № 9, с. 155.

Апрель, вторая половина. Есенин пишет А.Б.Мариенгофу из Версаля (?):

«Милый Рыжий! В июне буду в Москве и прошу тебя пожаться еще на “счет” сестры. После сочтемся.

Напиши, что тебе купить.

Стихи берегу только для твоей “Гостиницы”. Есть чудесные.

Сейчас немного начинаю собираться уже в дорогу. После скандалов (я бил Европу и Америку, как Гришкин вагон) хочется опять к тишине с какой-нибудь Эмилией и Ирмой и нашими Гусаками.

Привет Мартыну, Клопикову, Ваньке, Сашке и Гришкиной милашке <Л. Эрн>.

Скучаю смертно. Есть изумит<ельные> рассказы, специально выносимые за нашим столом (конечно, устные).

Эмилям Кротким тоже передай привет. Извини, голубчик, это вся моя Москва. Включая Жоржа и его рыжую, которым шлю горячий поцелуй. Больше и кланяться некому, а если бы и было, то все равно шляпы не сниму.

Боже! какой оказался маленький Казин. Читал "Май" и поставил 2. При таких обещаниях так не делают. Даже Тихонов, совсем неизв<естный> до него, и тот насовал ему в зубы. В общем, разносить будем, когда приеду. "Мы! мы! мы всюду у самой рампы на авансцене".

Господи! даже повеситься можно от такого одиночества. Ах, какое поганое время, когда Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию.

Это, знаете ли,
"не хотите ль" кое-что
из "Сорокоуста".

До свиданья, милый. Целую и жду встречи,
твой Сергей».

Есенин, VI, 156–157, 567–569.

Продолжаются конфликты Есенина с А.Дункан.

«Дикие сцены Сергея повторялись каждые три-четыре дня, пока не наступил час, когда Айседора не могла оставаться с ним одна, и тогда или Реймонд, или я, или мы оба ночевали у нее. Часто Реймонд, Айседора и я спали на кушетках в большой студии (там были десятки таких кушеток с набросанными на них подушками), а Сергей всю ночь бродил по дому и скандалил. Как-то ночью он выпрыгнул в окно, рыбкой вылетев головой вперед и разбив стекло, но даже не поцарапался.

В один из вечеров Сергей и мы с Айседорой обедали в обществе княгини Голицыной (Ами Гуро). После обеда Айседора танцевала, а Ами спела несколько причудливых гавайских песен, аккомпанируя себе на народном инструменте. Этим песням научил ее старый король, когда она была на Гавайях много лет назад. Они были очень странные и грустные. Сергей и здесь, как обычно, начал одну из своих скандальных сцен, и мы быстро ушли. Не дожидаясь машины, мы пошли домой пешком, и Сергей во всю глотку орал песни и декламировал стихи, как это принято в России, но к большому удивлению парижан, пытавшихся заснуть».

Дести, 312–313.

Апрель, после 30 (?) — Июль. Есенин пишет стихотворения «Эта улица мне знакома...» и «Мне осталась одна забава...».

Рамки события определяются временем пребывания в Париже, где началась подготовка сборника «Москва кабацкая». В наб. экз. на обороте листа с текстом первого из стихотворений стоит дата: «Париж. 1923».

О втором стихотворении говорится в статье П.Жукова:

«Из привезенных его стихов (еще не напечатанных) метнулось одно стихотворение и запомнились строчки “Ах, какая смешная потеря!..” <далее приводятся 5–8 и 23–28 строки стихотворения “Мне осталась одна забава...”>».

Журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 нояб., с. 11.

См. также: Есенин, I, 605, 611.

Есенин готовит книгу «Москва кабацкая».

«История подготовки издания книги “Москва кабацкая” восстанавливается <...> по материалам РГАЛИ (ф. 190, оп. 1, ед. хр. 27). Материалы эти состоят из 14 листов. Начальные три — проекты титульных листов (обложек) для готовившихся изданий книги. Первый лист имеет текст: “Есенин. Москва кабацкая. Имажинисты. Париж. 1923”. <...>.

На всех 14 листах материалов “Москвы кабацкой” запись сделана рукой Есенина. Типографский текст стихотворения *“Пой же, пой...”* содержит также авторскую правку. <...>

Парижский макет (1923 г.) представлен своим титулом-обложкой (листы 1, 14) и, возможно, оглавлением (лист 5) и типографским оттиском стихотворения “Пой же, пой...” (видимо, из книги “Стихи скандалиста”) с авторской правкой (лист 10).

Состав парижского макета книги “Москва кабацкая” предположительно следующий (в скобках указаны номера листов по материалам РГАЛИ): стр. 1, 2 — текст титула (лист 1) и оборот (без текста автора); с. 3, 4 — текст посвящения (не сохранился) и оборот (без текста автора); с. 5, 6 — *“Я обманывать...”*; с. 7, 8 — *“Да, теперь решено...”*; с. 9, 10 — *“Снова пьют здесь...”*; с. 11, 12 — *“Сыпь, гармоника...”*; с. 13, 14 — *“Пой же, пой...”* (лист 10); с. 15, 16 — *“Эта улица...”*; с. 17, 18 — *“Не ругайтесь...”*; с. 19, 20 — *“Мне осталась...”*; с. 21, 22 — текст оглавления (лист 5) и оборот (без авторского текста).

Хроника, 2, 265–267.

Издание «Москвы кабацкой» в Париже в апреле–июле 1923 года не состоялось.

Художник Б.Д.Григорьев пишет портрет Есенина.

О событии и его времени см. свидетельства мемуаристов:

«В один прекрасный день, едва начало смеркаться, один из ее старых друзей, Дужи́ <А.-Р.Макдугалл>, зашел к ней на улицу де-ля-Помп. Он нашел ее там с Есениным, который вернулся из Берлина <см.: 15 ... 16 апр. 1923>. Поэт, по-видимому, был в отличном настроении и ежедневно позировал своему другу, выдающемуся русскому художнику Борису Григорьеву. После сеанса художник собрался уходить, и Айседора спросила его, не желает ли он остаться на обед.

— И вы тоже должны остаться у нас, Дужи́. Я не знаю, что у нас есть. Возможно, что и ничего. Понимаете, я должна кухарке 600 франков. Мы питаемся за ее счет уже целую неделю!»

И.Дункан и Макдугалл, 125;

«Борис Григорьев привез из Парижа и выставил в Нью-Галлери портрет поэта, чьи волосы были цвета спелой ржи, а душа под впечатлением визитов “скверного гостя” — черного человека. Борис Григорьев исполнил портрет трагического С. Есенина в Париже, когда поэт и его жена возвращались в Советский Союз...

По словам Б. Григорьева, он писал С. Есенина по утрам, в течение семи сеансов. “Лицо поэта было бледно... глаза мутно голубели... после недавно завершенной пьяной ночи... ванна, принятая перед сеансом, — мало освежила его!..”».

Бурлюк Д. Русские художники в Америке: Материалы по истории русского искусства 1917–1928. Нью Йорк, [1928], с. 18.

Сам Б.Д.Григорьев напишет Н.Н.Евреинову:

«<Есенин был> после выпитой бутылки коньяку, сонный и весь насквозь несчастный; ну, а на моем холсте он — бодрый крестьянский парень, в красной рубахе, с пуком стихов за пазухой и как раз загорелый и здоровый. Ни блядства, ни бледной немочи, ни пьяных глаз, ни тени злости и отчаяния; всё это было на нем лишь “дунканизм” его случайной Айседуры».

Журн. «Знамя», 1998, № 8, авг., с. 175–176, где цит. по: *Николай Евреинов.* Григорьев-портретист. Машинопись с авторской правкой. 1950. Колумбийский ун-т. Бахметевский архив. Фонд Н.Н.Евреинова. (Сообщено В.Н.Терёхиной). Дата письма художника неизвестна.

В своей статье о Есенине художник отметит:

«Я написал Есенина — хлебным, ржаным. Как спелый колос под истомленным поздним летним небом, в котором где-то уже заломила свои руки жуткая гроза...

Волосы я С.А.Есенину написал цвета светлой соломы, такие они у него и на самом деле были.

В С.А.Есенине я видел так много, до избытка, от иконы старорусской — так и писал.

Особая дерзость отмечена в прожигающей, слегка от падшего ангела (!), улыбке, что сгибала веки его голубых, васильковых глаз».

Григорьев Б. Моя встреча с Сергеем Есениным. — Газ. «Русский голос», Нью-Йорк, 1926, 28 дек., № 4059.

См. Приложение.

Б.Д.Григорьев предлагает Есенину приобрести портрет, но поэт отказывается.

Событие устанавливается по словам художника из его письма к Е.И.Замятину (23 авг. 1924):

«...он <Есенин> не хотел его купить за 3000 fr всего, когда я еще был бедняком».

Журн. «Знамя», 1998, № 8, авг., с. 168 (публ. В.Н.Терёхиной).

Апрель. Варшавский журнал «Skamander» (т. 4, тетрадь XXVIII) помещает стихотворение Есенина «Лисица» в переводе Л.Подгорского-Околува.

Проведя сопоставление этого перевода с оригиналом, исследователь приходит к выводу:

«...перевод Подгорского-Околува нельзя назвать адекватным или равноценным подлиннику. Все уровни текста, включая уровень семантики, в большей или меньшей степени лишились определенных достоинств. Между тем, нельзя не согласиться, что "Лисица" — это очень трудное <для перевода> стихотворение, едва ли вообще поддающееся переводу на художественном уровне подлинника, о чем свидетельствуют многократные и неудачные попытки перевести его. Поэтому, в конечном счете, далеко не безупречная польская версия произведения Есенина может быть причислена к несомненным достижениям переводчика».

Пиотровский, 31 (перевод Ежи Шокальского).

См. Приложение.

В польском журнале «Przegląd Warszawski» (№ 19) публикуется статья К.-В. Заводзинского «Переводы и исследования иностранной литературы: Русская литература» («Przekłady i studia z literatur obcych: Literatura rosyjska») с оценкой переводов, представленных в антологии «Nowa poezja rosyjska», в том числе переводов из Есенина.

«...К.-В.Заводзинский выдвига<ет> на первый план чисто литературные аспекты вопроса. По мнению критика, следует особенно отметить лояльность польских поэтов, выступивших в роли переводчиков, несмотря на то, что их самих заподозрили в эпигонстве, в подражании русским поэтам. Рецензия Заводзинского содержит оценку выбора текстов, основанную на чисто литературных критериях, оценку переводов (в числе лучших названы работы Подгорского-Околува) и, наконец, благосклонную оценку сборника в целом. Есенина критик ставит в один ряд с Блоком и Ахматовой (очень лестное, с точки зрения читающей публики, соседство), а определение "четыре пречудесных произведения Есенина" выражает огношение и к поэту, и к результатам труда переводчиков».

Пиотровский, 27 (перевод Ежи Шокальского).

См.: до 2 дек. 1922; 2 дек. 1922; 31 марта 1923.

Журнал «Россия» (М.; Пг., № 8, рубрика «Литературная хроника») информирует:

«Сергей Есенин вернулся из Нью-Йорка в Берлин <см.: 16 февр. 1923 и след. записи> и сейчас занят вместе с Кусиковым организацией собственного издательства. Им написан цикл лирических стихотворений — "Страна негодяев" и "Человек в черной перчатке"».

Апрель (?). В Москве выходит журнал «Печать и революция» (№ 2, за февраль-март) с рецензией С.П.Боброва (подпись: Э. П. Бик) на книгу И.Эренбурга «Портреты русских поэтов» (Берлин, 1922).

«<Автор пишет> об Есенине: "Ах, как хорошо после Абиссинии и Версаля попасть прямо в Рязанскую", — может быть, оно и недурно, но причем тут Есенин?..»

Май, до 1 ... Май, до 16. Московская губернская комиссия по проведению «Недели помощи школе» выпускает сборник статей «Культурная Москва» под редакцией И.М.Диомидова со статьей П.С.Когана «Литературная Москва», где говорится о Есенине.

Кн. летопись, 1923, № 9, май, с. 485, поз. 4208.

Критик пишет:

«Быть может, наиболее чутким выразителем литературных настроений Москвы является "Дом Печати", во главе которого стоит Вячеслав Полонский. Дом этот был основан группой московских журналистов, по преимуществу коммунистов, во главе с Керженцевым. Цель его — объединение деятелей коммунистической культуры. Но с первых дней цель эта была понята широко, литературе было отведено видное место, и можно сказать, что ни одно сколько-нибудь крупное идейное событие вообще и литературное в частности, не проходило мимо этого дома. Здесь были организованы специальные вечера, посвященные творчеству того или другого писателя, вечера Маяковского, Есенина, Пастернака, Вересаева, Асеева, Брюсова, Блока, Гумилева, Городецкого, Кузмина, Бориса Зайцева, Пантелеймона Романова, Клычкова, Орешина, Герасимова, Ляшко, групповые вечера — пролетарских поэтов, крестьянских, имажинистов, футуристов и т. д. <...> Здесь происходили достопамятные битвы между футуристами и имажинистами, между ними и пролетарскими поэтами. <...> Можно сказать, что "Дом Печати" был живым отражением литературной жизни Москвы».

О членстве Есенина в этой организации см.: после 1 янв. 1922; после 15 марта 1922.

Май, начало. В течение нескольких дней проходит первая Московская губернская сходка Союза крестьянских писателей, выступающие на которой не раз обращаются к имени Есенина.

Журн. «Трудовая нива», 1923, № 3, с. 31.

Из отчета о сходке:

— «... большая заслуга Суриковского кружка как коллектива <в том, что> в нем начали работу Афонин, Шкулев, Есенин, Клюев, Нечаев и целый ряд др<угих>, чьи имена теперь известны...»

Г.Д.Деев-Хомяковский — журн. «Трудовая нива», М., 1923, № 3, с. 31;

— «Я хочу сказать о Львове-Рогачевском. Он пишет, что Суриковский кружок был беспомощен, не дал писателей. А Дрожжин, Суриков, Шкулев и др.? Он закрывает глаза и умышленно умалчивает о живых проявлениях школы Суриковского кружка. Он позабыл про Есенина, Клюева, Обрадовича, Афонина. Для Суриковского кружка прямой обязанностью является ответить пощечиной Львову-Рогачевскому».

В.В.Горшков — журн. «Трудовая нива», М., 1923, № 3, с. 31.

Май, 6. «Саратовские известия» (№ 100) печатают статью В.Михайловича «Литературная Москва», где заходит речь о Есенине:

«В заключение надо сказать два слова о ней, о Европе. Да. О той самой, которая вот уже несколько лет не признаёт нас, хоть и сама, гм...

Сергей Есенин, благодаря какой-то счастливой случайности или сильно<му> тяготени<ю> к Западу, к культурному Западу, попал в Остенде и взвыл:

— Родные мои! Хорошие! <далее следует обширная цитата из письма Есенина к А.М.Сахарову (см.: 1 июля 1922, первая запись>)».

Май, 7. Московская газета «Вечерние известия» (№ 19; рубрика «Литература») помещает неподписанный материал «Весенний юбилей (Годовщина «Рабочей весны»)», где упоминается Есенин:

«Иван Доронин.

Б<ывший> рабочий тульских заводов, б<ывший> красноармеец, автор книги стихов "Гранитный луг", сразу выдвинувшей его в первые ряды поэтов — певцов новой деревни. Будущее Доронина — будущее красочного художника, своей оригинальностью и идеологией ставшего выше прежних поэтов деревни П.Орешина, Н.Клюева, С.Есенина и пр.».

Май, до 8. В петроградском издательстве «Сеятель» (Е.В.Высоцкого) выходит книга В.В.Сиповского «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней», где немало говорится о творчестве Есенина.

Граница события устанавливается в соответствии со след. записью.

В главе «Поэзия народа» автор книги пишет:

«Крестьянская поэзия наших дней возглавляется Клюевым, Клычковым, Есениным, Орешиным, Ширяевцем, Фоминым, Дудоровым и др. Она органически связана и с Кольцовым, и с Никитиным, и с Дрожжиным, и с Суриковым; она связана и с Некрасовым. В этой связи с родным прошлым — гарантия ее жизненности и долговечности».

Из главы «Поэзия земли», одним из эпиграфов к которой взяты стихи Есенина «Край родной! Поля, как святцы!..»:

«Для Клюева земля — "Божий аналой" (Бр<атские> п<есни>, 6), "обитель Отца" (<там же>, 57), для Есенина она — "Божий терем" (Радуница, 28), для Орешина — "Алый храм". <...>

"Схимник-ветер шагом осторожным мнет листву по выступам дорожным и целует на рябиновом кусту язвы красные незримому Христу" (Радуница, 12).

Закадили дымом
Под росою рощи,
В сердце почивают
Тишина и мощи!

(Есенин, Радуница, 38)

Край родной, поля, как святцы!
Рощи в венчиках иконных!
.....
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки (58).

<...> Немудрено, что все эти поэты встречают иногда и Богородицу с младенцем на руках:

... вижу в просиничном плате,
На легкокрылых облаках
Идет возлюбленная Мати
С пречистым Сыном на руках (13).

Все они, эти поэты, часто видят угодника Миколу.

<...> Иногда этот "сочувственник горю мужицкому" является в образе поэта-созерцателя, влюбленного в красу земли.

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник — Микола
Мимо сел и деревень.
.....
— Ой, ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца!
(Есенин, Радуница, 7).

<...> Это религиозное отношение к жизни, к природе, к человеку выражается в поэзии, которую Клюев назвал "заутреней любви" (Братск<ие> песни, 14), — это "евхаристия псалмов" (Медный кит, 89) <...>

Само собою разумеется, что для выражения такой идеологии необходим был и свой стиль, своя "поэтика". Вот почему духовные стихи, легенды, апокрифы, стиль и образы Библии пришли этим поэтам на помощь и, можно сказать, покорили их творчество. <...> О Христе они упоминают очень часто, — для них он — "божий сын", "невидимый учитель", "Пастырь добрый", "буревестник". <...> говорят они об ангелах, архангелах, Архистратиге Михаиле, о Назарете, Генисарете, о Магдалине; о Фаворе, об Арарате, о молитвах Спасу, о причащении из спасовой чаши, о кресте, об иконах, о возженных свечах, о заутренях, обеднях и вечернях. Они говорят о схимниках, об отшельниках, пилигримах-странниках, о монашках и богомолках <...>.

Правда, это "благолепие" нарушается иногда диким чисто-русским "богоборчеством", сущность которого так тонко понял Достоевский. После молитвословий Есенин заявил, что "выщиплет богу бороду осколком своих зубов", себя он сам признал "пророком", решился "тело Христово выплевать изо рта", так как он под влиянием Мариенгофа и К° "постиг иное учение", — "иное узрел пришествие". Этот "сатанизм" Есенина, однако, по существу, остается религией. Он проклинает Радонеж, грозит "клювом своих слов" проклевать все молитвы в часослове.

На реках Вавилонских мы плакали
И кровавый мочил нас дождь,
Ныне же, как Петр Великий, я
Рушу под тобою твердь!
Под гармоники пьяной клики
Заставлю плясать я смерть!
Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох!
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримый, коровий бог <так!>,
И напрасно в пещер<ы> селятся
Те, кому ненавистен рев, —
Всё равно — Он иным отелится
Солнцем в наш русский кров —

Всё равно он спалит телением,
Что ковало реке брега!
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога!
("Инония", 50).

И все-таки религиозным Есенин остается, только скорбного мужицкого Спаса сменил на футуристического "коровьего бога" с золотыми рогами!

<...> Каково же отношение крестьянских поэтов к революции? Клюев прекрасно это отношение определил словами: "уму — революция, сердцу — Китеж-град". В то время, когда почти все поэты-рабочие отдают революции и ум, и "пламенное сердце", поэты крестьянской Руси сердца ей не отдают, оттого и революционного пафоса в их песнях нет. Быть может, один Орешин подымается до этого пафоса. <...>

Есенин революционные настроения свои выразил в изумительной, по силе и яркости, Балладе о Марфе Посаднице, и в целом ряде радостных, ликующих песен, от которых веет миром и любовью. Будущее представляется ему, как золотое лето в голубом саду. Ему чудится, что –

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.
Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить!
Не губить пришли мы в мир,
А любить и верить!
("Красный звон", 38).

Словом, опять какая-то "евхаристия любви", опять "Спасова заутреня"!

В трогательном стихотворении "Товарищ" Есенин рассказывает о мальчике Мартине, у которого только и "были товарищи Христос да кошка". И шальной пулей убит был Христос-малютка, сидевший на руках матери. Казак отправился в поход сражаться за казацкую волю и, сидя на коне, "смотрел Иисусом" — и был убит. Это двойное убийство Христа революцией характерно для Есенина.

<...> Поэзия крестьянских поэтов есть явление самостоятельное, стоящее в стороне от идеологии рабочих поэтов. Правда, в формальном отношении связь с интеллигентскими поэтами у них есть. Так, например, Блок повлиял на стих некоторых поэтов; быть может, и Бальмонт своим обращением к русской мифологии подсказал некоторым поэтам мифологические мотивы; но в отношении миросозерцания между ними нет ничего общего. <...>

Нет общего языка между поэтами двух групп. Одни молятся "образу мужика", другие преклоняются перед рабочим. Одним — деревня, с безграничным простором ржаных полей, другим — город, фабрика с дымящимися трубами. Одним — угодник Микола, другим — бюст Карла Маркса!..»

В «Послесловии» автор резюмирует:

«Неоспоримое торжество марксизма, — этой новой религии, которой суждено сменить все прежние, — вот сущность миросозерцания, воодушевляющего эту <пролетарскую> поэзию. И то обстоятельство, что эта поэзия есть создание трудового народа, — гарантия ее неувядаемой силы».

Май, 8. Московские «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 100; рубрика «Критика и библиография»; подпись: С.) помещают рецензию на книгу

В.В.Сиповского «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней»:

«Автор задался целью "зафиксировать замечательный в истории русской литературы момент появления на литературном поприще пролетариата, окрыленного новой идеологией, богатого силой, верой и надеждой".

Задача серьезная. Справился ли с ней проф. Сиповский? Необходимо признать (правда, с известными оговорками) — справился, и довольно удачно: книжку вполне можно рекомендовать в качестве пособия для новой средней школы. В книжке даны характеристики Филипченко, Гастева, Садофьева, Кириллова, Александровского, Самобытника, Казина, Герасимова, — с одной стороны, и ряда крестьянских поэтов (Клюева, Есенина, Орешина и т. д.), — с другой.

Наиболее закончены, отточены и полны характеристики Филипченко и Садофьева. Характеристики крестьянских поэтов беглы, скомканы и трафаретны».

В нью-йоркской газете «Новое русское слово» (№ 3755) — рецензия Э.Миндлина на книгу В.Казина «Рабочий май» (М., 1923) с упоминанием Есенина:

«Есенинские колдующие русские просторы, медвяные поля и голубые озера, так же, как апрельские солнечные симфонии В.Казина, — свободны от всяких условностей преходящих форм бытия, в них ценность и полнота поэтического абсолюта. <...> Он певец ветра, как Есенин — лазури».

Май, 13. Есенин произносит вступительное слово и читает стихи на вечере в театре Р.Дункана.

Стихи Есенина во французском переводе исполняют артисты театра «Комеди франсез».

IE, 192, 293–294.

Отклики см.: 14 мая 1923; 15 мая 1923, первая запись; 19 мая 1923.

Май, 14. Европейское издание газеты «The New York Herald» помещает анонимный отчет о выступлении Есенина в театре Р.Дункана под заголовком «Поэзия Сергея действительно волнует»:

«Многочисленная и серьезная публика собралась прошлым вечером в театре Раймонда Дункана в Париже послушать, как Сергей Есенин, поэт, муж Айседоры Дункан, читает свои стихи. Пафос молодого поэта, представшего в светящемся ореоле русых кудрей с лицом, достойным кисти Рафаэля, произвел прекрасное впечатление на аудиторию, хотя лишь немногие могли понять русский язык, на котором он говорил, выражая это своими аплодисментами в нужных местах. Среди присутствующих было замечено довольно много американцев. <...>

Русский поэт, одетый в светло-серый двубортный костюм с мягким воротничком и в белые гетры, читал отрывки из своих стихов очень живо, но без нервозности или аффектации. Он предварил свое чтение речью, в которой часто появлялось сопровождавшееся залпом энергичных согласных слово "Америка", вызывая противоречивое выражение на лицах американцев, которые поняли, что он высказывает свои хорошо известные взгляды на американскую цивилизацию. Его вспышка была встречена криком "Браво!" его жены, находившейся на балконе.

Потом m-me Лара из "Комеди франсез" и другие читали стихи из книги сочинений Сергея Есенина во французском переводе».

Текст оригинала — вырезка (Тетр. ГЛМ). Место и дата публикации материала определены с учетом есенинской пометы на этой вырезке (Есенин, VII (2), 178).

Перевод А.П.Шишкина.

См.: 13 мая 1923; 15 мая 1923, первая запись; 19 мая 1923.

См. Приложение.

Май, до 15 ... Июнь, до 2. «Книгоиздательство писателей в Москве» выпускает книгу «Литературные отклики: Статьи» со статьей И.Н.Розанова «Обзор художественной литературы за два года [1921–1922]», где упоминается Есенин.

Кн. летопись, 1923, № 10, май, с. 554, поз. 4789.

Критик пишет:

«В 1920 и <19>21 г. в Москве шумели имажинисты. Главными из них были С.Есенин, А.Мариенгоф, А.Кусиков и В.Шершеневич. В 1922 г. от них ничего не осталось. Кусиков и Есенин уехали за границу. Шершеневич отдался театру. Мариенгоф просто замолчал».

Май, 15. Газета «Последние новости» (№ 939) публикует заметку М.А.Осоргина «На вечере Есенина» (подпись: Мих.):

«Я увидел не мечтательного юношу, неистово жестикулирующего, декламируя свои стихи на уютной сцене театра Раймонда Дункана, а подлинного скифа в стеснительном костюме парижского бульвардье. Самое живописное в нем — прическа: стог соломы на голове. Так причесывают куаферы европейских театров мужичков в пьесах из русской жизни. Самое неприятное — глаза — порочные глаза скифа, познавшего чужие соблазны.

Какой-то критик очень метко сказал об Андрее Белом: "Его присутствие создает атмосферу стихийного неблагополучия". Присутствие Есенина заставляет опасаться публичной непристойности. Недаром он в стихах своих так много говорит о своем цилиндре, лакированных ботинках и пр<очих> атрибутах европейского туалета. Так и кажется, что он сейчас публично разоблачится и выкинет какой-нибудь сногсшибательный трюк...

Оригинальная аудитория была у Есенина: французские снобы — обычные посетители представлений Раймонда Дункана, возрождающего эллинизм в двух шагах от Елисейских полей. Была и горсточка русских. Седая актриса из "Комеди Франсез" старательно декламировала какие-то поэмы с обычной французской аффектацией. И если бы не мелькали такие непривычные слова, как "козак" и пр., можно было подумать, что она читает монолог из "Федры". Сам Есенин хорошо читает свои стихи. Он бросает вызов всему и всем: и Богу, и Америке, и публике — и кому угодно. Особенно хорошо выходит у него "Исповедь хулигана" — смесь сентиментальной нежности с необузданной дикостью. Заключительной части "Исповеди" Есенин не читал, заявив публике, что "жена Горького упала в обморок от последних строф" <см.: 29 марта 1923, вторая запись; 1 апр. 1923, первая запись>. Русская публика расходилась разочарованная: ни одного по-настоящему крепкого словца, никакого скандала...».

См.: 13 мая 1923; 14 мая 1923; 19 мая 1923.

Журнал «La Nouvelle Revue» (т. LXV; подпись: N. Brian Chaninov) печатает статью Н.В.Брянчанинова «Молодые "москвитяне"», где говорится о Есенине:

«Наиболее выдающимся представителем имажинизма безусловно является поэт Сергей Есенин, ставший в настоящее время, после смерти Александра Блока, скончавшегося в 1921 г., неоспоримо знаменитейшим, если не величайшим поэтом России.

Этот молодой человек — какая-то самобытная сила природы.

Вчера еще в своей родной деревне, без знаний, кроме тех, что дало ему небо, он пел окружающие его красоты сельской жизни. Он прославлял в своих звонких стихах, переливающих образами и красками, великую природу и ее многочисленные дары. Истым крестьянином восторгался и умилялся он животными, находя в них невидимые другим красоты и качества. Его искусство было как по форме, так и по содержанию, безусловно, пролетарским. Но вот люди, желая сделать ему (а также себе) добро, привозят его в город, где другие, с не лучшими намерениями, знакомят его с тайнами стихосложения. Тогда он начинает воспевать, к посрамлению другого пролетарского <так!> поэта Клюева, элегантность цилиндра и фрака и, слегка отуманенный всеми воздаваемыми ему похвалами, восклицает:

Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

В то время когда, будучи уже знаменитым и признанным главой группы поэтов, он до абсурда, до отвращения и произвола, насиловал данные ему природой дары художника и ваятеля образа, одно произведение отделяется от остальных и имеет все шансы пережить своего создателя. Это "Пугачев". Всё же это не трагедия, за которую ее хотят выдать чересчур усердные поклонники молодого поэта, ибо муза Есенина не имеет ничего трагического. Это только несколько сцен, соединенных между собою общей идеей и намеком на действие. Эти сцены имеют все качества и все обычные недостатки есенинских произведений. К первым относятся ритм и часто очень удачные по выбору образы, ко вторым — абсолютный недостаток чувства <...> и полнейшее отсутствие искусства обрисовки характеров выявляемых им персонажей. Все действующие лица его "Пугачева" изъясняются на одинаковом ребяческом и напыщенном языке и имеют лишь чувства и мысли, одолженные им автором. Тем не менее, такие строки, как: "Азия, Азия, голубая страна" — и следующие, дают нам совершенные по определенности образы и своей оригинальностью напоминают нам лучшие строки "Инонии", поэмы, созданной задолго до "Пугачева"».

Дается по машинописи перевода, сделанного О.С.Смирновым (Тетр. ГЛМ).

В статье также цитируются французские переводы стихов Есенина, А.Б.Мариенгофа и других поэтов, выполненные Л.А.Савицкой.

См. также: 28 мая 1923, вторая запись.

Май, 19. Газета «Comoedia» (№ 3806) печатает стихотворный отклик писательницы Ж.Валлерэ (Gisèle Vallerey) «Муж танцовщицы» («Le mari de la danseuse»; подпись: Guy-Noël) на выступление Есенина в театре Р.Дункана:

Изадора Дункан недавно показала Парижу
поэта Сергея Есенина,
автора *Исповеди хулигана.*

Меня удивляет, что при Ленине,
Где всё — грязь, разорение и кровь,
Поэзия, воскрешаясь,
Породила Сергея Есенина.
Изадорогая* с постройневшим станом
Говорит: «Я нырнула в красное море

* Попытка воспроизведения игры слов: в оригинале **Isadora**ble (от adorable = обаятельная). — *Примеч. переводчика.*

России при терроре
И нашла этот перл!»

Перл, который она нам показывает,
Перл порочного Востока, —
Это Есенин, привлекательный
Своим молодым и забавным задором.

Артистка шепчет: «I love you!
Darling, я вам отдаю предпочтение», —
Поэту, который принес нам
Исповеди Хулигана,

Но это романтический хулиган,
Бегущий к Парнасу.
Хулиган, сравнивающий себя с ветром,
Который веял над древним Римом.

И, вдали от озлобленных предубеждений,
Счастливый, что он больше не раб
Тяжелого прошлого, этот молодой славянин
Приосанивается в своей серой «тройке».

Из-под пенно-кудрявых волос
Сверкают небольшие, но яркие глаза
С угрозой, неотразимой и бешеной, —
Блеск клинка, ничем не притупленного.

У него — крепкая грудь,
Которая как будто раздается, когда
Отрывистые и отчетливо произнесенные им стихи
Набирают свой могучий подъем.

И когда он мечет эти стихи, —
Голова высоко поднята, а одна из ног чуть согнута, —
Его отчаянная безотчетная удаль
Выражается в разнообразных ритмах.

Тогда, будто Гермес Трисмегист,
Он оживляет неодушевленные
Предметы... тайные гармонии!
Цветущее волшебство Имажиста!

У Цереры он по уши окунается
В высокие травы
Рядом с золотыми трупами снопов,
Уложенных на скошенных полях.

«Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.
Обречен я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Я желал этой муки
И кричу: “Эхо, скорее,
Повтори мой московский крик,
Ибо сам я им измолоченный!”»

Так говорит, белокурый и дикий,
Тот, кого знаменитая босоножка
Удостоила чести быть на ее ложе
В ее простосердечных объятьях.

Кто-то скажет, увидев на коленях
Перед аэдом — о времена! о нравы! —
Дам с грудями кормилиц:
«Мужик укрощает нянь!»

Источник текста и дата его публикации устанавливаются по есенинской помете на вырезке в Тетр. ГЛМ (Есенин, VII (2), 178–179).

Перевод Мишеля Никё.

Две последние строки 11-й строфы — вариация на есенинскую «Песнь о хлебе» (ср.: «Перевязана в снопы солома, // Каждый сноп лежит, как желтый труп»). Вторая половина 12-й строфы представлена здесь (как и первая ее половина) в виде цитаты из Есенина. Впрочем, буквальный перевод этого места французского оригинала несколько отличается от есенинского текста по смыслу, а именно: «В своей каторге насмешливый мир // Обрекает меня вертеть жернова // Моих поэм…» (указано Мишелем Никё).

См.: 13 мая 1923; 14 мая 1923: 15 мая 1923, первая запись.

См. Приложение.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3766; подпись: В.Мечтатель) помещает начало статьи В.М.Левина «В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», где говорится о Есенине.

Это повторная публикация первой части материала, уже печатавшегося автором в Чите (см.: до 7 марта 1922; факсимиле книжного текста (частично) — Летопись, 3 (1), 434–435).

Май, до 20. В Минске вывешивается недатированная афиша с заголовком «Диспут. Весенний разлив имажинизма», где, в частности, анонсируется чтение Юлией Дижур и В.Шершеневичем стихов имажинистов, в т. ч. и Есенина.

Граница события устанавливается в соответствии со след. записью.

Републикацию афиши в виде иллюстрации см.: Русский имажинизм, 332. Оригинал хранится в ГЛМ.

Ее текст представляет собой вариант текста афиши аналогичного мероприятия, прошедшего месяцем раньше в Киеве (см.: до 17 апр. 1923). В минской афише некоторые тезисы выступления В.Шершеневича были заменены (в частности, вместо прежних — «Рухнувший академизм» и «Комплименты публике и еще больше себе» — появились такие: «Блок — заместитель Надсону», «Левый фронт», «Напролом», «Во славу нового канона»), а вместо есенинского «Сорокоуста», стоявшего в киевской афише, здесь была обозначена «Исповедь хулигана».

См.: 20 мая 1923, первая запись; 22 мая 1923; 23 мая 1923.

Май, 20. В клубе имени К.Маркса (Минск, угол ул. Ф.Энгельса и К.Маркса; ранее — Дворянское собрание, угол ул. Петропавловской и Подгорной, 32/47) проходит диспут «Весенний разлив имажинизма».

В своем выступлении В.Шершеневич не раз упоминает имя Есенина, а во втором отделении читаются его стихи.

Дата и место события устанавливаются по анонимному анонсу «Вечер поэта Вадима Шершеневича»:

«Сегодня, на лекции-диспуте об имажинизме, устраиваемом Вадимом Шершеневичем в зале клуба Карла Маркса, кроме доклада артисткой московского театра “Романеск” Юлией Дижур будет прочитан ряд стихотворений имажинистов. Она же прочтет отрывки из американской мелодрамы Шершеневича “Дама в черной перчатке”».

Газ. «Звезда», Минск, 1923, 20 мая, № 116.

См.: до 20 мая 1923; 22 мая 1923; 23 мая 1923.

В московском журнале «Огонек» (№ 7) дается объявление торгового сектора Госиздата РСФСР о наличии в продаже новых книг, в том числе книги Есенина «Избранное» (по цене 40 коп.).

Май, 22. Минская газета «Звезда» (№ 117) публикует статью М.Гришина «Половодье реакции (Вечер имажинизма)» — отклик на выступление В.Г.Шершеневича:

«Весь доклад был облечен в псевдореволюционную тогу: через два слова в третье Шершеневич старательно давал понять, что мы-де — политически народ весьма благонадежный. Поэзия — это, по Шершеневичу, фарфоровая чашка. А раз так, то — по тому же Шершеневичу — "гвозди забивать ею не годится". А потому поэзия не должна играть никакой классовой роли. <...>

Что нельзя забивать имажинизмом гвозди в гроб старой культуры, поэзии и вообще всего старого — это верно. Но что имажинизм далеко не фарфоровая чашка, а самый настоящий молот, которым вполне "можно забивать гвозди", — это тоже верно.

Как бы от этого ни отрекался Шершеневич, но у имажинизма есть своя классовая природа и свое классовое значение. Кто будет отрицать, что вся поэзия Есенина — активная тоска по деревне и крестьянству? Кто слышал, например, "Исповедь хулигана", эту талантливо написанную и самую откровенную вещь Есенина, тот уже не будет отрицать этого. К "каждой корове с вывески мясной лавки" у Есенина самое любовное отношение. И мало ж этого: Есенин активно любит деревню, он не только любит ее, он проклинает технический прогресс, город и весьма недружелюбно относится к пролетариату. Вот извольте: к жеребенку: "Милый, милый смешной дуралей! И куда он, куда он гонится, точно он не знает, что живых коней победила стальная конница!", — и дальше к городу, к технике, к пролетариату: "Черт бы взял тебя, скверный гость, жаль, что в детстве тебя не пришлось утопить, как ведро в колодце!" Это разве не крестьянская реакция? Не классовая сущность? Этим разве "гвозди не забиваются"? А стихи Мариенгофа, Шершеневича? Того, что было прочитано на вечере, уже достаточно, чтобы убедиться в их индивидуалистической, сковывающей волю природе. <...>

Заслуга имажинизма — сильный, умело построенный образ. В идее, даже в форме: в анархической организации образов, в беспорядочности их, в противоречивости — кулацкая, мелкобуржуазная природа имажинизма.

<...> имажинизм (или что еще) стар, буржуазен, реакционен по своей природе — это надо понять, разобрав; но имажинизм дал способ построения образа и несколько талантливых идей о нем — это надо использовать, отобрать; вот это и есть превзойти.

Многое говорит Шершеневич, и тезисы действительно истекали половодьем, но, увы, вся теоретическая часть вечера была половодьем старой, замаскированной кое-как реакции».

См.: до 20 мая 1923, первая запись; 20 мая 1923; 23 мая 1923.

Май, 23. Минская газета «Звезда» (№ 118) помещает материал В.Г.Шершеневича «Весенний разлив желчи (Ответ т. Гришину)», где упоминается Есенин:

«Есть два способа писать отчет о вечере: один — это вульгарная передача мыслей лектора; другой — это чтение за кулисами души лектора. М.Гришин избрал второй метод и, написав отчет о вечере имажинизма, блестяще доказал, что, если не амплуа критика, то амплуа гадалки, угадывательницы "сокровенных тайн" им изучено в совершенстве.

"Это, мол, не важно, что доклад тов. Шершеневича революционен. Внутри у него реакция" — поучает гадалка. <...>

От классовой природы имажинизма я не отрекался, ибо каждый к какому-нибудь классу принадлежит: Есенин — к крестьянскому, Гришин — к приготовительному; но ужели из это-

го явствует, что если Есенин — крестьянин, так у него "недружелюбное отношение к пролетариату"? А где же "смычка"?

<...> Этот ответ т. Гришина после лекции сильно смахивает на горчицу, поданную после ужина».

См.: до 20 мая 1923; 20 мая 1923; 22 мая 1923.

Май, 24. Харбинская газета «Русский голос» (№ 828) публикует первую часть статьи Скитальца «Русская литература и революция (Краткое обозрение)» с упоминанием Есенина:

«Кроме "футуристов", временно обласканных революционным правительством, в первые годы революции с необычной быстротой размножались и другие «новые» школы русского стихотворства: имажинисты, акмеисты, экспрессионисты, "ничевоки" и проч<ие>. Наиболее интересными оказались "имажинисты". Заповеди этой новой школы, в сущности, далеко не новы: известно, что истинные поэты "мыслят образами": ну, так вот — имажинизм исповедует правило не только мыслить, но и писать "образами", только образами и никак иначе. Кружок имажинистов, состоявший всего из нескольких молодых поэтов и поэтесс, имел на Тверской улице в Москве свою маленькую кофейню "Домино" <так!> с эстрадой, на которой они и выступали каждый вечер с декламацией своих стихотворений. Стихи эти мало чем отличались от стихов других новых поэтических кружков: стремление писать образами оказалось вымученностью и нагромождением придуманных образов, только затемнявших смысл их писаний. Но зато они допускали в своих стихотворениях "революционные дерзости" — кощунственные и неприличные выражения, что по тогдашнему времени имело у кофейной публики своеобразный успех. И публика, и поэты, в особенности поэтессы, представляли из себя какую-то нездоровую, новую смесь подонков литературы и легкой эстрады, где царил кокаин, собирались безработные служители уничтоженных шантанов, фарсов, и где бывшие этуали назывались поэтессами.

Для привлечения публики на вечерах этого кокаинно-литературного кабачка танцевали за особую плату полураздетые балетные танцовщицы, выступали среднего сорта скрипачи, мелкие актеры и актрисы, а в заключение декламировали сами поэты-имажинисты.

Из них талантливым был только Сергей Есенин, молодой поэт из крестьян, юноша одаренный, вынесший из деревни еще свежие впечатления от родной природы, деревенских полей и лесов; в его ранних стихах, проникнутых любовью к подлинной, настоящей русской деревне с ее бревенчатыми избами, с ее полями и пастбищами, с пасущимися коровами и пастушеским рожком, на утренней заре — было много свежести, искренности, были красивые, истинно поэтические, иногда очень удачные образы:

По тучам бежит кобылица
Шлея на кобыле —
Синь!
Бубенцы на шлее –
Звёзды!

Конечно, Сергею Есенину, поэту Божиею Милостью, не место было в этом гнилом кабачке и нечему было учиться у "имажинистов", напротив, когда под их влиянием он стал писать, по их понятиям "революционно", т. е. с неприличными и хамскими выходками, с нагромождением придуманных образов, то стал писать хуже, а главное, быстро уверовал в спасительность саморекламы, хулиганства и развязного нахальства, так, в сущности, не идущего к нему, симпатичному, розовому, красивому юноше, напустившему на себя хулиганство в угоду революционному времени и среде прожженных, развращенных городских "имажинистов", переживавших революцию "по-своему".

Между тем, он счел хорошим тоном написать дегтем на стенах Страстного монастыря в Москве кощунственные и неприличные стихи, а на углу Камергерского переулка вместо прежнего названия прибил свою надпись: "улица Есенина". Это деревенское хулиганство прокралось и в книгу его стихов, в сущности, свежую, чистую и поэтическую, неизвестно зачем испачканную кляксами пошлости. Несмотря на эти — "якобы революционные" — выходки, из всех имажинистов именно Есенин не нравился марксистам по духу и содержанию его самых лучших стихотворений, в которых усмотрена была крестьянская "мелкобуржуазность".

В течение первых двух лет революции коммунистическое правительство охладело как к футуристам и "маяковщине", так и ко всем новаторам. Казенное книгоиздательство перестало принимать к изданию стихи имажинистов, но предприимчивые молодые люди начали издаваться сами, и издавались недурно, доставали бумагу таинственными путями. Футуристы, имажинисты и пр<очие> "исты" были все-таки поэтами от интеллигенции, писавши<ми> еще до революции, в буржуазную эпоху. Однако "рабоче-крестьянскому" правительству нужно было создать новую "пролетарскую" литературу, где авторами являлись бы "настоящие" рабочие и крестьяне, но, конечно, проникнутые строгим партийным коммунистическим духом.

С этой целью был создан казенный кружок "пролетарских писателей и поэтов", который вскоре же и провалился, не дав не только ни одного Маяковского или Есенина, н<о> даже ни одного Демьяна Бедного».

Май, 25. «Саратовские известия» (№ 115; подпись: Пролетарий) печатают материал о московском литературно-художественном кружке под заглавием «"Рабочая весна" (Письмо из Москвы)» с упоминанием Есенина.

Имя поэта возникает в связи с оценкой творчества члена «Рабочей весны» И.Доронина:

«По своей оригинальной идеологии Доронин стал выше прежних поэтов деревни Орешина, Клюева, Есенина и др.».

Май, 26. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3773; подпись: В.Мечтатель) продолжает републикацию статьи В.М.Левина «В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», где говорится о Есенине.

О начале републикации см.: 19 мая 1923, вторая запись.

Заглавие статьи снабжено здесь подзаголовком «Имажинизм», отсутствовавшим в читинской публикации, где, кроме того, не было и слов, открывающих данный газетный материал:

«Теперь уже для всех русских художников и поэтов нового поколения ясно, что имажинизм крепко связал свою судьбу с Сергеем Есениным. Никто из них не говорил так проникновенно о Слове, как Сергей Есенин. А писали и говорили из имажинистов все. Но только народному певцу дано познать стихию своего народа».

Далее обильно цитируются и сочувственно комментируются «Ключи Марии» Есенина.

Об окончании републикации статьи см.: 9 июня 1923.

Май, 27. Проходит первое выступление А.Дункан во дворце Трокадеро.

IE, 192–193, 294 (примеч. 35).

Есенин, скорее всего, присутствует в зале.

Из анонимной заметки «Айседора Дункан»:

«Айседора Дункан на своем вечере, устроенном ею на днях в Трокадеро, выкинула очередной трюк. Танцовщица обратилась к публике с призывом жертвовать в пользу голодающих русских детей.

— Меня называют большевичкой, — заявила жена Есенина, — но я была в России и не знаю, что такое большевизм. Ленин — идеалист. Он — ангел. Он строит новую жизнь — то, к чему и я всегда стремилась.

Затем она предложила всем присутствовавшим сложить руки на груди, поднять их затем к небу и вместе с ней, Айседорой Дункан, приобщиться к таинству нового приятия жизни».

Газ. «Последние новости», Париж, 1923, 1 июня, № 953.

Из заметки «Еще одна сказочка о Дункан»:

«Айседора Дункан на своем вечере, устроенном ею на днях в Париже, в Трокадеро, "выкинула очередной трюк" <далее следует (без ссылки на источник) текст предыдущей заметки>.

Так ли это? Вернее всего, новая выдумка досужих писак».

Газ. «Свободная Россия», Чикаго, 1923, 23 июля, № 163, подпись: Хроникер.

Описание вечера парижским журналистом Мишелем-Жоржем-Мишелем см. также в: И.Дункан и Макдугалл, 124–125.

«Вернувшись вновь на улицу де-ля-Помп, Айседора задумалась о своем будущем. Она хотела выступать, но было трудно найти импресарио. Ее секретарь Джо Милуорд и ее брат Рэймонд решили устроить два представления с оркестром в "Трокадеро". Но без хорошей организации даже магического имени Айседоры Дункан было недостаточно, чтобы заполнить огромную сцену знаменитого зала. Поэтому эти два представления, хотя и принесли, словно отзываясь на молитву Айседоры, деньги для голодающих детей России, всё же дали недостаточно для того, чтобы продолжать выступления».

И.Дункан и Макдугалл, 124.

Рижская газета «Сегодня» (№ 110) публикует материал А.Яблоновского «Громовержец», в котором заходит речь о Есенине:

«Вспомните: когда в Европу и Америку пожаловал из Москвы молодой поэт сквернословного направления, г-н Есенин, — разве не кончилось это самой вульгарной каталажкой? Кого г. Есенин удивил, кого поразил? Спокойные американцы даже к суду не привлекали за безобразие и сочли возможным ограничиться простым подзатыльником».

Май, с 27 на 28. На званом вечере после выступления А.Дункан Есенин устраивает скандал, его уводит полиция.

«После своего первого выступления в "Трокадеро" 27 мая Айседора устроила прием для нескольких своих близких друзей — небольшой группы артистов и поэтов. Русскому поэту это общество пришлось не по вкусу, и он удалился наверх в свою комнату. Позже, когда кто-то играл сонату Бетховена, он ворвался туда с дикими глазами и взъерошенными золотыми волосами и заорал по-русски: "Банда надутых рыб, грязные половики для саней, протухшие утробы, солдатское пойло, вы разбудили меня!"

И, схватив канделябр, он швырнул им в зеркало, которое посыпалось на пол. Несколько мужчин постарались справиться с брыкающимся неистовым мужиком, а один из слуг позвонил в ближайший комиссариат. Вскоре прибыли на велосипедах четверо ажанов и вынесли Есенина, тихо бормочущего: "Хорош полиция. Идти с вами!"»

И.Дункан и Макдугалл, 126–127.

Май, 28. По просьбе А.Дункан Есенина помещают в психиатрическую клинику «Maison de Santé» (предместье Парижа St. Mandé).

«На следующее утро Айседора, по совету своих друзей, занялась хлопотами о перевозке своего мужа из полицейского участка в психиатрическую больницу. Друзья Есенина говорили позже, что танцовщица позволила бросить своего несчастного мужа в простой сумасшедший дом. Но, принимая во внимание, что эта психиатрическая больница была чрезвычайно дорогим частным заведением, расположенным в Сен-Мандэ, на окраине Парижа, и что среди многих ее знаменитых пациентов в тот момент был Пьер Луис, автор "Афродиты", такое обвинение следует признать абсурдным и лживым. Поведение Айседоры, при всей сложности ее отношений с Есениным, характеризовалось преданностью, терпимостью и великодушием в любви».

И.Дункан и Макдугалл, 127.

Парижская газета «Звено» (№ 17; раздел «Rossica») сообщает о выходе в свет статьи Н.В.Брянчанинова «Молодые "москвитяне"», где говорится о Есенине.

См.: 15 мая 1923, вторая запись.

Май, 29. Мэтр французской психологии и психиатрии, профессор П.Жане (Pierre Janet) консультирует Есенина в психиатрической клинике «Maison de Santé» и выносит заключение: «Здоров».

В тот же день Есенина выписывают из клиники.

Сообщено Е.В.Черносвитовым по сведениям, предоставленным профессором психиатрии Л. Чертоком (Léon Chertok, Париж).

Май, 30. В парижском издательстве «Я.Поволоцкий и К°» выходит повторный тираж книги Есенина «Confession d'un Voyou».

Дата устанавливается по сведениям в книге:

«Печатание было закончено в типографии издательства "Унион" в Париже 30 мая 1923 года».

О первой части тиража см.: 23 сент. 1922, первая запись.

См. также: Юсов-94, 64.

См. Приложение.

Май (?). Выходящий в Ереване журнал «Пайкар» («Борьба») публикует в № 5 статью Е.Чаренца «Современная русская поэзия», где говорится о Есенине.

Текст статьи восходит к лекции Е.Чаренца (см.: 10 апр. 1923, вторая запись).

Май, конец (?) ... Июль, 13. В Петрограде выпускается № 2 (26) журнала «Книга и революция» с материалами, где заходит речь о Есенине:

— рецензией В.А.Рождественского на книгу Н.А.Клюева «Мать Суббота»:

«...простодушный (вернее, яснодушный) Есенин, "последний поэт деревни", несмотря на весь свой имажинизм, цилиндры, аэропланные полеты, горланит с заразительным весельем, умея быть и задорно-насмешливым и нежным. Клюев, его старший брат по песне, уже давно поет "по-городскому"...»;

— рецензией без подписи на сборник «Камены. I» (Чита, 1922):

«...сборник делится на две части — современную и ретроспективную. Первая довольно слаба, подражательна, истинно провинциальна и сводится к стишкам. Их в Чите пишут по образцам, которые в Забайкалье считаются, может быть, очень свежими.

Кабы вызнать ржаные каноны,
Кабы ведать высот тропари
И дремать под дерновые звоны
До вечерошной алой зари.

Это под Есенина».

Нижняя граница события устанавливается предположительно по сведениям, имеющимся в номере, а верхняя — по информации в «Литературном еженедельнике» (Пг., 1923, № 28, 14 июля).

Июнь, 1. В Гренобле (Франция) выходит журнал «Tentatives» (№ 1) со стихотворением Есенина «Разбуди меня завтра рано...» в переводе М.Милославской и с иллюстрациями художника Жоржа Жимеля.

О первой публикации этого перевода см.: 15 окт. 1922, первая запись.

См. также: 16 июня 1923, первая запись; 9 июля 1923.

См. Приложение.

Московский журнал «Красный перец» (№ 6; подпись: Вродеволоди) помещает подборку «Московские поэты на 1-е мая (Дружеские пародии)», где под № IV идет пародия на Есенина:

Милый май — снеговая плéшина.
Пусть щенятся, щенятся суки.
Даже я ощенился нежно
Первомайским стишонком от скуки.

Саратовский журнал «Студенческая мысль» (№ 6–7) печатает статью П.Зырянина «Литературные края. Штрихи и палочки. О надсоновщине у молодых поэтов» с упоминанием Есенина:

«Отсутствие ритма современности, вялость и бледность — вот поэтические болезни, от которых очень многим из наших поэтов нужно лечиться и лечиться самым решительным образом, принимая внутрь большие дозы В.Маяковского, С.Есенина, В.Александровского, М.Зенкевича и А.Мариенгофа. <...>

Наша литературная молодежь стоит еще на ступени Надсона. Кто хочет писать хорошие стихи, тот должен скорей подниматься выше, от штрихов и палочек переходя к сложным линиям. А для этого все-таки необходимо читать и В.Маяковского, и С.Есенина, и В.Александровского, и М.Зенкевича, и А.Мариенгофа».

Харбинская газета «Русский голос» (№ 834) публикует вторую часть статьи Скитальца «Русская литература и Революция (Краткое обозрение)», где говорится и о Есенине.

Подводя итоги «неудачных попыток создать по приказу свыше вместо старой «буржуазной русской литературы» новую революционно-пролетарскую», автор констатирует:

«Кроме Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного и Луначарского, писавших и сформировавшихся еще до революции, в первый период ее, не появилось в опустошенной русской литературе ни одного нового имени, достойного упоминания».

Июнь, до 3. В берлинском издательстве И.П.Ладыжникова выходит книга Е.В.Аничкова «Новая русская поэзия», где идет речь о Есенине.

Граница события устанавливается по объявлению книжного магазина И.П.Ладыжникова о поступлении издания в продажу (Нак., 1923, 3 июня, № 349).

Автор пишет:

«Есенин, Кусиков, Эренбург, Мариенгоф, Владычина, Сидоров, Оленин, Случановский, Орешин, Пастернак, Грузинов, Заров, Оцуп, Зенкевич, Рождественский, Агнивцев, Тумповская, Цветаева, Лозинский, Нельдихен, Одоевцева, Шкапская — полчище. Все это совсем молодые поэты, появившиеся за время войны и революции. Всем им либо все-таки, несмотря на все внешние и внутренние препятствия, связанные с полным издательским развалом, удалось выпустить свои сборники стихов, либо помещать их в выходивших от времени до времени сводных сборниках. Еще говорливее стала поэзия за эти годы великих испытаний. На неисчислимом количестве бурных вечеров-митингов Дворца Искусств, Дома Писателей, Московского Политехнического Музея и других, новых и прежних, учреждений, при небывалом стечении публики, они читали свои стихи. Нечего и говорить, что тут же и прежние старшие поэты, те, что принадлежали к "цеху", и вся плеяда символистов. В этой взбаламученной и многоголосой оргии разных направлений, толков, самолюбий, расчетов, грез и скандалов вспенился еще один порыв русской поэзии.

И порыв этот судорожный, больной, трагический и, ужаснее, трагически легкомысленный.

Не один Маяковский и его ближайшие сотоварищи по футуризму поддались соблазну и отдали свою музу на прямое служение новой власти. Еще определеннее повел большевистскую пропаганду в стихах Сергей Городецкий. Его стихи — уже прямо статьи-циркуляры. Не один также Александр Блок воспел эти страшные годы и искал образного выражения для их кровавого, надорванного и растерзанного трепета. Чуть не каждый поэт силился найти хоть беглый эпитет или опоэтизированную оценку, чтобы осмыслить переживаемое и самим собою и всею родиной.

Восторженно, хотя и не скрывая трагедии, рвущимся за событиями напряжением воли слагает стихи последняя плеяда. И тогда их музу лучше всего назвать выражением Бальмонта: "мозг умалишенного рассудка".

"Вздыбленной Руси", как назвал ее Кусиков, кричит Есенин:

Звени, звени, златая Русь,

или:

Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь!

И кажутся ему русские люди, втянутые в большевизм, "ловцами вселенной". <...>

Поэты сегодняшнего дня разбились на много школ или групп: акмеисты и неоакмеисты, футуристы, импрессионисты и экспрессионисты, а Шершеневич, Кусиков, Мариенгоф и Есенин на одном поэтическом митинге вскочили вчетвером на стол и хором прочли общее четверостишие — программу еще новой школы: имажинистов. Они основали уже и издательство под этим заглавием. Весьма возможно, что в самую ту минуту, когда я пишу, возникла и еще одна. Но в программах всех этих школ или групп одинаково, совершенно так же, как и у акмеистов, — то, что назвал Гумилев эйдологией, неизменно оказывается на последнем месте. Роль в художественном обиходе, форма, применимость и непосредственное назначение поэзии — вот что интересует, а не то, что их поэзия выражает. Вовсе не новая "весть миру", какою чувствовал Валерий Брюсов свои стихи, волнует всех их.

Однако, не случайно, что упорно, с надрывом, точно сознательно преследуя какую-то неясную цель, богохульствует Есенин. И еще сквернословит, подбирает самые грубые образы, точно сатанинствует, дальше и пуще терзая свои и без того искалеченные души, большинство нынешних поэтов. Эти черты всего ярче именно у имажинистов. Андрей Белый был совершенно прав, когда ссылался на богохульство сегодняшней поэзии, как на показатель того, насколько вовсе не "внерелигиозно" протекает революция. В самом деле, никогда не богохульствует безразличный к вере. Зачем бы он стал? Да и вышло бы бледно, не говоря уже о том, что это не доставило бы ему никакого удовольствия. Богохульствует богоборец; богоборец же всегда носит покаяние в сердце своем. Это не решающееся высказаться покаяние богохульников и вычитываешь из бахвальства стихов о том, как ничем "не выкачать выгребную яму моей души" у Шершеневича, или у Кусикова: "обо мне говорят, что я сволочь, что я хитрый и злой черкес". А Есенин в сборнике, так и названном "Исповедь хулигана", сознаётся: "я нарочно хожу нечесанным". Разве не сказывается во всем этом...

Нет, я просто прерву. Довольно. И закончу этими строфами Есенина:

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.
А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.
Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту».

О версии этого текста на сербском языке см.: 1 окт. 1922, третья запись.
См. Приложение.

Государственное издательство Украины выпускает в Киеве сборник «Революционная поэзия: Чтец-декламатор» (составитель — Л.Н.Войтоловский) с поэмой Есенина «Товарищ» и фрагментом из его поэмы «Пантократор» (строки 49–68).

Граница события устанавливается по рецензии на книгу («Литературный еженедельник», Пг., 1923, № 22, 3 июня).

Из предисловия составителя:

«Появление города в русской жизни разом сдвинуло русскую литературу с тоскливой точки, новой силой и свежими соками наполнило всю поэзию девятисотых годов. <...> Бодрыми, гордыми голосами заговорили поэты <...>

"Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце", — стали твердить они на все лады, и в этом уже чуялось открытое провозглашение свободы, смелый призыв к борьбе, к протесту и непоколебимая вера в свободу. Поэзия вспыхнула мятежом.

Собственно, началом могучей революционной песни была частушка. <...> Искрой она вспыхивала, озаряла на мгновение тьму и уступала место другой, такой же буйной, смелой и беспощадно-революционной припевке.

Вскоре эта припевка разрослась до размеров революционного стихотворения и вынесла на поверхность жизни новых поэтов, солнцепевцев и песенников — Клюева, Есенина, Александровского, Герасимова, Кириллова, Маширова, Орешина, Садофьева, Казина и многих других.

Но нынешние молодые побеги, при всей политической и культурной независимости, оставались и остаются органически связанными с прошлым русской литературы...».

Из «Примечаний»:

«Е с е н и н С. Современный поэт. Получил известность незадолго до Октября». См. Приложение.

Июнь, 3. Второе выступление А.Дункан во дворце Трокадеро.

IE, 294, примеч. 39.

О том, был ли на нем Есенин, сведений не обнаружено.

Харбинская газета «Русский голос» (№ 836) перепечатывает отчет о выступлении Есенина на вечере 29 марта в Берлине «Заборная поэзия» из берлинского «Руля».

Текст см.: 7 апр. 1923. Перепечатка осуществлена без отсылки к исходному источнику и без подписи.

Румынский журнал «Orizontul» (№ 23) публикует статью «Новая литература России», где говорится о Есенине.

Считается, что это первое появление имени поэта в румынской печати (Панцир Д. Некоторые проблемы творчества Есенина в румынском литературоведении. — «Сергей Есенин. Проблемы творчества: Сб. статей», М., [1978], с. 299).

В саратовской газете «Голос труда» (№ 66; подпись: В. С.) печатается статья В.А.Сушицкого «Литературные контуры. 3. Василий Казин», где упоминается Есенин:

«... в 2–3 года о нем заговорила вся литературно-рабочая Москва. Он ныне неотъемлемая часть группы пролетарских писателей и поэтов. Пользуясь выражением Есенина, можно сказать, “время его приспело”. <...> ...его технике мог бы позавидовать любой из шершеневичей».

Июнь, после 3. А.Дункан решает возвратиться в Россию.

«Через некоторое время после ее второго представления 3 июня, которое было менее успешным, чем первое, Айседора решила, что ничего не остается делать, кроме как распродать обстановку на улице де-ля-Помп, сдать дом на длительный срок и вернуться в Россию с Есениным, уже вышедшим из психиатрической лечебницы. Вся мебель была продана с минимальным учетом ее художественной ценности. И продана-то в основном для того, чтобы оплатить счет на три тысячи франков, ежедневно предъявляемый назойливым кредитором-портным, который еще до поездки в Америку сшил кое-что из одежды для поэта, а также несколько платьев и костюмов для нее...».

И.Дункан и Макдугалл, 129–130.

Июнь, 6. Харбинская газета «Русский голос» (№ 838) публикует третью часть статьи Скитальца «Русская литература и Революция: (Краткое обозрение)», где говорится о Есенине в ряду писателей, «которые проживают, путешествуют и пишут за границей».

Июнь, 8. В Salle de Geographie (зал Географического общества) объявлено о чтении А.Б.Кусиковым доклада о современной русской поэзии «Слово не о политике».

Вероятно, докладчик не обошелся без упоминания Есенина.

Газ. «Последние новости», Париж, 1923, 8 июня, № 959.

Июнь, 9. В нью-йоркской газете «Новое русское слово» (№ 3787; подпись: В.Мечтатель) заканчивается републикация статьи В.М. Левина «В борьбе за слово (О новейших течениях в русской поэзии)», где идет речь о Есенине.

См.: 19 мая 1923, вторая запись; 26 мая 1923.

Текст завершается авторским послесловием:

«...Давид Бурлюк в двух словах пытается определить имажинизм, "как не вносящий ничего нового".

Если бы имажинизм внес в русскую литературу С.Есенина, А.Мариенгофа и В.Шершеневича — для меня и этого было бы достаточно. Но словами "ничего нового" — Бурлюк-то уж во всяком случае ничего нового не сказал.

Так и институтки говорят, и литературные младенцы тоже. Художнику не пристало».

Июнь, до 10. В берлинском издательстве И.Т.Благова выходит сборник Есенина «Стихи скандалиста».

Юсов-94, 41.

Содержание: **Вступление**. Сергей Есенин. Берлин, 1923, март 20.

Сорокоуст («Трубит, трубит погибельный рог!..»), с посвящением: «А.Мариенгофу»; «Край любимый! Сердцу снятся...»; «За темной прядью перелесиц...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Разбуди меня завтра рано...»; «О красном вечере задумалась дорога...»; «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «Запели тесаные дроги...»; Корова («Дряхлая, выпали зубы...»); «Я покинул родимый дом...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Я последний поэт деревни...», с посвящением: «А.Мариенгофу»; Песнь о собаке («Утром в ржаном закуте...»); Исповедь хулигана («Не каждый умеет петь...»); Песнь о хлебе («Вот она, суровая жестокость...»); «Всё живое особой метой...»; Хулиган («Дождик мокрыми метлами чистит...»); «Сторона ль ты моя, сторона!..»; «Мир таинственный, мир мой древний...»; «Не жалею, не зову, не плачу...».

Уральский каторжник. Хлопуша («Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!..»; <строки 1—75 из 5-й главы поэмы «Пугачев»>).

Москва кабацкая: «Да! Теперь решено! Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь гармоника! Скука, скука...», «Пой же, пой! На проклятой гитаре...»), с посвящением: «А. Кусикову».

Четыре последних стихотворения (под общим заголовком «Москва кабацкая») публикуются здесь впервые. Кроме того, перепечатаны: монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев» («Уральский каторжник») и двадцать стихотворений.

В оглавлении не указаны стихотворения: «За темной прядью перелесиц...» и «Устал я жить в родном краю...», вошедшие в книгу, а четыре стихотворения из цикла «Москва кабацкая» представлены как одно произведение.

Есенин, VII (3), 376–377.

См.: февр. 1923, первая запись; середина марта 1923; 20 марта 1923.

См. Приложение.

Июнь, 10. Берлинская газета «Дни» (№ 184) дает объявление «Новые книги» книготоргового акционерного общества «Логос», где значится сборник Есенина «Стихи скандалиста».

См. также: Юсов-94, 42.

Июнь, 11. Нью-йоркская газета «Русский голос» (№ 2197) помещает анонимную заметку «Исидора Дункан об убеждениях поэта Есенина»:

«*Париж*. Известная танцовщица Изидора <так!> Дункан выступила в Париже с опровержением слухов о том, будто ее муж, молодой талантливый русский поэт Есенин, — монархист по убеждениям. Она заявила, что Есенин, хотя и не принадлежит ни к какой партии, к монархистам никогда не проявлял никакого сочувствия».

Июнь, 15. Пражский журнал «Воля России» (№ 11) помещает объявление о наличии книги Есенина «Стихи скандалиста» в магазине издательства «Пламя» «под фирмою “Наша речь”».

Июнь, 16. Есенин встречается с Габриэль Мармион, обучавшей поэта французскому языку.

Событие и его время устанавливаются по письму Г.Мармион Есенину от 19 июня 1923 г. (см.), где говорится, что эта встреча состоялась в «прошлую субботу». Этот день приходился в 1923 г. на 16 июня.

Газета «L’Intransigeant» помещает информацию Ф.Дивуара (подпись: Les Treize) под заголовком «Разбуди меня завтра рано...»:

«Первый номер журнала “Tentatives”, редактируемого в Гренобле г-ном Анри Петьё <приводится адрес>, открывается стихотворением Сергея Есенина “Разбуди меня завтра рано...”, переведенным с русского <далее цитируются первая и вторая строфы стихотворения>».

Вырезка заметки — Тетр. ГЛМ. Перевод Мишеля Никё.

См.: 1 июня 1923, первая запись; 9 июля 1923.

Газета «L’Éclair» публикует статью Д.С.Мережковского под шапкой «Когда Россия возродится...: “Ленин — ангел!”» с упоминанием Есенина и А.Дункан.

Автор, в частности, пишет:

«“Ну, хорошо! Когда же, Вы думаете, Россия будет свободной?” — иностранцы часто задают мне этот вопрос. Удивленный, взволнованный, — не знаю, что отвечать. <...>

Прежде всего, признáюсь, что иностранные “большевизаны” для меня — жестокая обида, особенно французские. Я не понимаю глубины их наивного невежества. <...> Я не о политиках типа г-на Эррио, который позволяет себе и поездку в Россию, и постоянное заигрывание с русской шайкой несчастных негодяев. Но, ежели всё взвесить, г-н Эррио не очень-то отличается от той светской дамы, которая, даже никогда не видав России, написала: “О, не будьте так жестоки к этим милым маленьким большевичкáм!” <...>

Большевизм светских дам и журналистов бульварных газет <...> начинает выходить из моды.

К счастью, французское “большевикофильство” имеет по большей части комический характер — как, например, симпатии к Айседоре Дункан и ее мужу, мужику Есенину, в объятия которого она бросилась, приехав в Москву. Я видел этого Есенина во время войны. Тогда это был восемнадцатилетний парень, только что приехавший из деревни. Сейчас его большевизм проявляется в непрерывном пьянстве и скандалах, за которые его вместе с супругой выслали из Америки, а потом и из Франции, после того как он однажды ночью в отеле “Крийон” пытался вломиться в номер одного американского миллиардера <см., напр.: с 14 на 15 февр. 1923; 11 марта 1923, первая запись>.

Но из Берлина верная Айседора (которую ее юный супруг колотит каждый день) всё же добилась разрешения вернуться в Париж <см.: 4 апр. 1923>, где она усталыми ногами всё еще пытается забавлять публику Трокадеро своими танцами с приправой пропаганды и со сцены призывает публику, сложив руки на груди, как на молитву, повторять за ней: "Ленин — ангел!" <см.: 27 мая 1923>.

<...> надеюсь, что Айседора Дункан не приедет в Париж, чтобы его отравить. Экзотика Москвы решительно выходит из моды».

Вырезка — Тетр. ГЛМ (перевод Л.А.Киселевой).

См.: после 16 июня 1923; 4 июля 1923.

Петроградский «Литературный еженедельник» (№ 24) помещает рецензию А.М.Свентицкого (подпись: А. С.) на книгу «Лава: Рабочий декламатор» с упоминанием Есенина среди авторов сборника.

См.: до 15 марта ... до 1 апр. 1923.

Июнь, после 16. А.Дункан обращается в редакцию «L'Éclair» с протестом против выпадов Д.С.Мережковского, в т. ч. в адрес Есенина:

«М. Г.

Сергей Есенин и я протестуем против лжи, опубликованной г-ном Мережковским в "L'Éclair" 16 июня.

Г-н Мережковский пишет:

1-я ложь: "г-н Сергей Есенин и мадам Изадора Дункан были изгнаны из Америки, а затем и из Франции". Это ложь. Не только мы не были изгнаны из Америки, но мои 7 выступлений в "Карнэги-Холл" каждый раз происходили при 4000 посетителей, восторженно принимавших меня и по полчаса вызывавших меня по окончании программы — явление, мало известное в Америке. Какое же это изгнание?

2-я ложь: наше "изгнание" из Франции — в то время как мы преспокойно живем у себя в доме. Дальше г-н Мережковский пишет о моем искусстве и <о том>, что мои усталые ноги забавляли публику в Трокадеро. На это могу ответить, что я никогда не стремилась забавлять публику; мое единственное желание состояло в том, чтобы люди почувствовали то, что я переживала. И иногда это мне удавалось. Мои ноги являются моим наименьшим орудием; и так как я не акробат и не танцовщица, то я претендую быть артисткой. Даже лишенная ног, я могла бы творить свое искусство.

3-я ложь: г-н Мережковский смеет говорить, что я бываю бита моим "молодым мужем". Счастлив г-н Мережковский, что его спасает его преклонный возраст, иначе Есенин заставил бы его расплатиться за эти слова. Есенин говорит: "Старый, старый, был бы моложе, он ответил бы мне за свои оскорбления".

Г-н Мережковский пишет, что во время спектакля в Трокадеро я назвала Ленина ангелом. Говоря правду, я назвала ангелом Есенина, потому что люблю его. Я не говорила о Ленине, а если бы говорила, то сказала бы, что "он гений", но никогда не назвала бы его ангелом. Кроме того, я совершенно не занимаюсь политикой. Во время войны я <танцевала> "Марсельезу", потому что считала это достижением Свободы. Сегодня я танцую под звуки "Интернационала", потому что считаю это гимном Будущего и Человечества. Я поехала в Москву, увлеченная мечтой создать там школу для тысячи детей. Думаю, что после года работы я посеяла там кое-что хорошее, и в своих воспоминаниях я говорила только о Поэте и голодных детях. В "La Nouvelle Revue" от 15 мая 1923 года г-н Брянчанинов написал:

"В настоящее время, со смерти Александра Блока, умершего в 1921 г., Есенин бесспорно наиболее известный, если не величайший поэт России. Этот молодой поэт есть явление природы" <ср.: 15 мая 1923, вторая запись; в другом переводе>. Вот кто этот поэт, которого г-н Мережковский обзывает "пьяным мужиком".

Эдгар Аллан По, слава американской литературы, был алкоголиком. А Поль Верлен, Бодлер, Мусоргский, Достоевский и Гоголь, умерший в сумасшедшем доме? Вполне понимаю, что г-н Мережковский был бы не у места среди таких гениев, так как талант всегда меркнет вблизи гения. Во всяком случае, желаю г-ну Мережковскому мирного доживания до глубокой старости в его буржуазном убежище и приличных похорон со страусовыми перьями и с наемными плакальщиками в черных перчатках. Что касается меня, то я предпочла бы умереть на костре в Москве, в то время как тысячи детей в красных туниках плясали бы кругом меня "Интернационал".

Мережковский пишет: "Россия возродится". Разве он не знает, что Россия только что возродилась, что является первым чудом со времен Иисуса Христа? И что это не только Возрождение России, но всего Мира, Человечества, Будущего.

Айседора Дункан».

Письма, 330–331, где текст воспроизведен по автографу матери С.А.Толстой-Есениной — О.К.Толстой, которой, по-видимому, и принадлежит перевод письма. Ср. с другим переводом: И.Дункан и Макдугалл, 127–129.

Публикация письма в парижской печати не выявлена.

Июнь, 17. Берлинская газета «Накануне» (№ 361) в двух объявлениях — центрального книжного склада «Образование» и издательства И.Т.Благова — извещает о выходе и поступлении в продажу книги Есенина «Стихи скандалиста».

См. также: Юсов-94, 42.

Берлинская газета «Руль» (№ 773; подпись: О.) помещает рецензию на книгу стихов Е.Л.Шкляра «Огни на вершинах» с упоминанием Есенина.

Рецензент усматривает в этих стихах подражание «Есенину первого периода».

Июнь, 19. Есенину из курортного местечка Пурвиль (Pourville sur Mer) в Нормандии пишет Габриэль Мармион, обучавшая поэта французскому языку:

«Господин Есенин.

Меня уверяли перед моим отъездом, что прилагаются все старания к получению виз для Вас и что Вы уедете на этой неделе. Так ли это? Я узнала в субботу, что Лондон отказывает в транзитной визе, это идиотство, но непреодолимое препятствие. А<йседора?> оставила мне несколько строк <записка неизвестна>, что она Вас отправит в путь с друзьями.

Прошлую субботу выражение Вашего лица мне показалось таким жалостно-болезненным, что я пожелала Вам еще горячей вернуться на милую Вашу родину. Вы знаете сами, дорогой господин Есенин, какой заботливостью я Вас окружала, и что низко было предположить, что в моем образе действий крылось другое чувство. Мой идеал не сходится с человеком, который Вы есть; кроме того, Вы умеете иногда становиться достаточно неприятным, чтобы заставить забыть, что Вы — очаровательное существо. Но предо мной был только поэт, только мозг, гибель которого я чувствую, спасти который я хотела; это поэта я хотела вырвать из злополучного для Вас бытия, ко-

торым является обстановка, в которой Вы пребываете в Париже и везде в Европе с тех пор, как Вы уехали из России. Можно ли подумать без грусти, что уже два года Вы ничего не говорили, что все, что красиво и чисто в Вашей душе, стирается каждодневно от <со>прикосновения с пошлым бытием <...>. Как я буду счастлива, когда мне напишут, что Вы, наконец, уехали.

Не мне Вам на это указ<ыв>ать. Однако я подчеркиваю, что для приписываемых мне чувств к Вам странно пожелать это расставание навсегда. Ибо в самом деле я Вас никогда не увижу больше. Это немножечко больно, я так хотела бы знать о Ваших достижениях, может быть, найдутся сколько-нибудь великодушные люди, чтобы рассказать мне, что Вы себя вновь обрели, что у Вас чудные творения и, паче всего, что Вы больше не несчастливы. <...> Чувствуете ли, что я Вам говорю очень искренно и что Вам надо быть немножко разумнее, Вы не имеете права <ни> убить поэта, ни <у>низить человека, каким Вы являетесь.

Вы мне обещали прислать Вашу первую книгу или поэму по возвращении. Это будет одна из моих самых прекрасных радостей, если Вы об этом не забудете. Она будет по-русски, но я дам ее перевести — и пойму, потому что понимаю и люблю русскую душу, — как люблю балованное дитя.

Если бы память обо мне могла достаточно долго сохраниться у Вас, чтобы удержать Вас, когда Вы снова склонитесь выкинуть сумасшедшее коленце, если бы я обладала какой-то душевной силой, которая внедрила бы в Вас одну только мудрость: не пить больше, — я считала б себя благословенной богами.

Увы, не больше как очень преданная Вам Габриэль Мармион».

Письма, 226–227.

См. также: 16 июня 1923, первая запись.

Июнь, 20. Гельсингфорсская газета «Русские вести» (№ 289; раздел «Библиография») помещает статью И.И.Савина «От царского гимна к “Двенадцати”», в которой упоминается Есенин:

«Под таким заглавием в № 155 газ<еты> “Хуфвудстадсбладет” помещена статья Raf. Lindqwist’a. Оставляя на совести автора все спорные утверждения об отсутствии у русских даже в прошлом национального гимна и вообще патриотизма, о большевизме почти всех современных поэтов (даже К.Бальмонт<а>, бежавш<его> из Совдепии) и проч<ее>, представляется интересным поставить вопрос: с каких пор и по чьим биографическим изысканиям Александр Блок превращен в... еврея, о чем г. Линдквист говорит довольно безапелляционно в своей статье, написанной с не совсем понятным стремлением навязать всей новой русской поэзии роль агитпункта коммунистической партии. <...> Ни внутреннее содержание, ни, тем более, впечатление, произведенное в России поэмой Блока “Двенадцать”, совершенно не дают права считать ее восхвалением большевизма, а автора ее — советским “скальдом”.

Известно ли г. Линдквисту, какой бурей негодования была встречена эта поэма советской критикой, довольно верно усмотревшей в ней скрытое издевательство над революцией и всеми ее “завоеваниями”? Известно ли ему, что сейчас же по выходе в свет “Двенадцати” за Александром Блоком в коммунистических кругах (по почину Луначарского и красного критика Когана) прочно установилась кличка “контрреволюционера” и “саботажника”? Известно ли ему, наконец, что спустя несколько дней после смерти Блока в Москве, в одном из очень модных теперь кабаков пролетарских поэтов был устроен вечер памяти Блока, на котором заслуженные певцы советского буйства и

элементы, с советской точки зрения, во всяком случае, вполне благонадежные — Маяковский, Шершеневич, Мариенгоф, Каменский (Василий), Есенин, Орешин, Кусиков и др. — оскорбили свежую могилу поэта такой отборной руганью, такой нецензурной "хвалой" <однако, ср.: 22 авг. 1921; 31 авг. 1921, вторая запись>, обвиняя Блока в "белогвардействе" и "поэтическом" (!) соглашательстве, что даже "Правда" почла за долг возмутиться таким кощунственным хулиганством».

Июнь, 21. В московской «Правде» (№ 136) – «Декларация пролетарских писателей "Кузница"».

Об отзыве Есенина о «Кузнице» (в т. ч. в связи с «Декларацией...») в «Железном Миргороде» см.: 29 марта 1923, шестая запись.

Июнь, 23. Находясь во время своего путешествия по Оке и Волге на пароходе у Рязани, Г.А.Бениславская пишет А.Г.Назаровой:

«11 часов утра. <...>

Я только что из Рязани, из города на пристань. Так просто, так просто — поехала Рязань-город поглядеть, милую, милую Рязань. Ехала по городу и думала: вот здесь ходил златокудрый, голубоглазый мальчик, здесь накипала "удаль без конца", задор того хулигана, которого я так любила! (быть может, люблю даже), который так бесконечно много дал мне. Я даже не представляла, что мне так радостно, так "сладко" будет увидеть, почувствовать этот город. А дальше через три часа Спасск — там он учился. Не могу дождаться, когда увижу этот Спасск. Мне раньше так хотелось увидеть Спасск, Рязань. А ведь когда я выезжала из Москвы, я даже не вспоминала про это. И сегодня приехала в Рязань (на пристань) — на душе пасмурно. Тоска, хоть обратно поезжай. А побыла в городе — как рукой сняло. Я не знаю отчего, но с С. Е<сениным> связано всё радостное, и всё то, что с ним связано, вызывает какую-то юную, светлую радость».

В 7 час. вечера письмо продолжено:

«Поездка во всем выходит исторической. Рязань, Спасск. "Кресты Рязани" (Рюрик Ивнев). А в Спасске он жил, учился. С какой нежной жадностью я всматривалась в этот городок. Здесь первые шаги, здесь первый задор быть "знаменитым русским поэтом". Чувствуешь ли? А я первый раз уехала без авторского "Пугачева", без "пресвятой троицы". Сейчас жалею».

Есенин и Бениславская, 137.

Бениславская миновала тогда город Спасск (с 1929 — Спасск-Рязанский), который она ошибочно отождествляет здесь с селом Спас-Клепики, где юный Есенин учился во второклассной учительской школе (см. об этом: Летопись, 1, 110–111 и др.).

«Авторский "Пугачев"» — это книга Есенина с дарственной надписью Бениславской (см.: до 31 янв. 1922), а «пресвятая троица» — один из снимков Есенина вместе с В.Шершеневичем и А.Мариенгофом.

См. также: 28 июня 1923.

Июнь, 25. В парижской газете «Звено» (№ 21) публикуется статья А.Я.Левинсона о русской иконе «Китеж небесный» с эпиграфом — строками из «Инонии» Есенина.

Июнь, 28. Г.А.Бениславская в письме А.Г.Назаровой из Самары сетует:

«...А я <...> без "Пугачева", без карточки С. Е<сенина>!»

Есенин и Бениславская, 139.

См. также: 23 июня 1923.

Июнь, 30. Московский журнал «Прожектор» (№ 10) помещает шарж Б.Ефимова «Пленарное заседание российской литературы», где есть и изображение Есенина.

В пояснительной подписи обозначено его местоположение:

«На дереве слева: <...> под ветками, на аэроплане Сергей Есенин».

См. Приложение.

Берлинская газета «Дни» (№ 201) помещает объявление «"Логос". Книготорговое акционерное общество. Новинки 1923 года. Книги, вышедшие с 1 января по 1 июля 1923 г.», где фигурирует книга Есенина «Стихи скандалиста».

Июнь. В Берлине выходит журнал «Беседа» (№ 1, за май–июнь) со статьей Андрея Белого «О "России" в России и о "России" в Берлине», где заходит речь о Есенине:

«Скажу откровенно: таланты и продолжалися и рождались лишь там: там творил Сологуб, рос Замятин, рождались Серапионовы братья, явилися: Всеволод Иванов, Пильняк; Ходасевич оказался большущим поэтом, сказалась Марина Цветаева; творчески жили: и Гумилев, и Ахматова; достижения Клюева, Маяковского, Пастернака, Есенина, Шкапской и многих других — не Берлин: здесь явились "талантики", там созревали таланты...».

Июнь (?). В Загребе (Югославия) выходит журнал «Jugoslavenska njiva» (№ 6) со статьей Н.Федорова «Rusko revolucionarno pesništvo» («Русская революционная поэзия»), где идет речь о Есенине.

Журнал «Нова Европа» (Белград, № 6) помещает статью И.И.Соллертинского «Уметность у СССР» («Искусство в СССР») с упоминанием Есенина.

Июнь (?) ... Июль, до 24 (?) или 25 (?). Происходит встреча Есенина с поэтом (впоследствии прозаиком и журналистом), членом группы «Серапионовы братья» В.С.Познером.

В 1926 г. В.С.Познер напишет:

«Есенина я встречал неоднократно, но лишь однажды мне привелось увидать его вблизи. Это было в его последнее путешествие по Европе, он приехал в Париж и остановился в Пасси, в особняке своей жены, Айседоры Дункан.

Я пришел к нему под вечер. Меня встретила одна из последовательниц Рэймонда Дункана, не то гречанка, не то латышка, похожая на мужика, облаченная в наряд сестры милосердия. Испытующе посмотрев мне в глаза, она проводила меня в приемную. Есенин сидел за столом, бледный и, очевидно, навеселе. Перед ним, на краешке стула, какой-то визитер-проситель, "в сущности, всегда чувствовавший влечение к идеалам коммунизма".

Есенин — радушный, слишком радушный хозяин. От его гостеприимства делается не по себе. Впрочем, люди, искренние с незнакомыми, всегда производят не совсем приятное впечатление. Конечно, это дело темперамента.

— Я вам с радостью помогу, — горячился Есенин. — Найди для него работу, — обратился он к сестре милосердия. — Вы понимаете, для талантливого человека я бы палец о палец не ударил, талант сам пробьется. Что же вы не курите?

Гость уныло исповедовался.

— Нет, что в России! Это всё жиды. — Он <Есенин> с опаской посмотрел на нас. — Вы не думайте, я жидов очень люблю, мои лучшие друзья — жиды. Это же не обидно, что "жид". Папиросы все вышли? Пошлите за папиросами. Я дам деньги. Нет, у меня нет денег. Дайте вы, — обратился он к сестре милосердия.

— Хорошо, — ответила она, как отвечают детям, требующим луну, и продолжала сидеть на месте.

Из-за двери раздавалась приглушенная музыка.

— Скажите ей, чтобы она перестала. Она мне мешает. Весь день вот так.

— Хорошо, — тем же тоном.

Проситель угловато совал руку, прощаясь, Есенин отвел в сторону сестру:

— Дай мне сто франков. Я тебе говорю, чтоб ты мне дала! Слышишь? Ну, пятьдесят. Пожалуйста.

В прихожей шуршание кредиток и тихое: "Спасибо".

Есенин исчезает.

В дверях появляется Айседора Дункан. Она предлагает чаю, разливает его, потом говорит мне очень быстро, без всякой иронии:

— Скажите, все русские поэты пьют? — И, как бы спохватившись: — Quand Serge ne boit pas, c'est un ange! Un ange <Когда Сергей не пьет, это ангел! Ангел (*фр.*)>.

И с непередаваемой светской улыбкой:

— Some more tea? <Еще чаю? (*англ.*)>

Потом:

— Позовите его! Где он? Наверху! Я боюсь пойти к нему. У него в чемодане браунинг, он грозился убить меня.

Есенин не возвращается. Зовем, кричим, бегаем, его всё нет. На улице — полицейский, он никого не видел. Наконец, показывается Есенин. Он был на кухне.

С ним обращаются, как с ребенком. Кажется, что иначе и нельзя. У него такой нерешительный, неуверенный вид. Если его хорошенько встряхнуть, он развалится на составные части. Поистине русский человек. В то же время в нем много хитрецы. Но главное, основное, — безволие. Кажется, что из него вынут хребет. Вероятно, он сам сознаёт свою слабость, сознаёт, что с ним обращаются, как с ребенком, но привык к этому, может быть, поверил.

Входит горничная. Есенин к ней:

— Baiser! <Поцелуй! (*фр.*)> — и чмокает губами в воздухе. Она досадливо и небрежно отталкивает его, совсем как ребенка.

Время тянется нестерпимо долго. Есенин громогласно провозглашает Рэймонда Дункана своим лучшим другом, самым гениальным человеком на свете. У гениального человека лицо янки и по-женски длинные немытые волосы. Разговоры о большевиках и о коммунистах, о жидах и о евреях: какой сумбур в голове Есенина!

Меня тянут за руку. Сестра милосердия шепчет на ухо:

— Уходите. Ему пора спать.

Бедное дитя!»

РЗЕ, 1, 237–238, 240.

Июнь (?) ... Август (?). Журнал «Zwrotnica» (Краков, № 5) помещает поэму Есенина «Преображение», переведенную на польский язык Б.Ясенским.

Время события определяется предположительно с учетом сведений, что 4-й номер журнала вышел в феврале, а 6-й – в октябре 1923 г.

См. Приложение.

Июль, 1. Есенин надписывает актрисе Л.Лара (Louise Lara) книгу «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана», 1922):

«M. Lara В знак приязни S. Essenine 1923 1 июль Париж».

Есенин, VII (1), 217, 475.

Рижская газета «Сегодня» (№ 138) дает объявление книжного склада «Культура», где в рубрике «Новые книги» значится: «Есенин С. Стихи скандалиста».

Московская «Правда» (№ 145) помещает статью Л.Д.Троцкого «Эпоха "культурничества" и ее задачи».

Этой статьей началась в печати Советской России дискуссия о «культурничестве», отголоски которой есть в «Железном Миргороде» (см.: Есенин, V, 167, 402).

Июль, после 1. В Берлине выходит журнал «Новая русская книга» (№ 5–6; за май-июнь) с рецензиями Р.Б.Гуля, где заходит речь о Есенине:

— на книгу Н.Тихонова «Брага» (1922):

«Через Тихонова выливается в жизнь стихами революционный быт. До него была "революционно-поэтическая идеология" (Маяковский, Есенин и др.). Но никто не сумел запеть о действительности так, как это сделал Тихонов. Для этого нужно немногое: из кафе поэтов — уйти под пули. Вот под пулями Тихонов и выучился многому»;

— на книгу В.Казина «Рабочий май» (1923) с таким начальным абзацем:

«Сергей Есенин — лирик с надрывом, карамазовским (Мити) драматизмом, доходящим почти до трагического. Василий Казин — лирик чистой воды. Светлый, очень нежный, любит майское солнце, вешний ветер, голубой небосклон. Своеобразная мягкость казинского лиризма отводит обладателю — особое место среди русских поэтов. Его ни с кем не спутаешь...».

Граница события устанавливается по письму на четвертой странице обложки журнала с датой «1-го июля 1923 г.».

Июль, 4. Рижская газета «Сегодня» (№ 140) помещает анонимную заметку «Айседора против Мережковского» с упоминанием Есенина.

В материале излагаются (с цитатами): статья Д.С.Мережковского в газете «L'Éclair» (см.: 16 июня 1923, третья запись) и ответное письмо А. Дункан (см.: после 16 июня 1923).

Июль, 6. Газета «Рижский курьер» (№ 739) публикует неподписанную заметку «Очередной скандал Есенина»:

«Незадачливый супруг Айседоры недавно <на самом деле в конце апреля> снова учинил скандал в одном из литературных кабачков на Монмартре. Напившись пьяным, он стал угощать всех присутствовавших, крича им: "Пей вовсю — за успех советов".

Два находившихся в кабачке бывших царских офицера кинулись на поэта, порвали на нем платье, исколотили его и вышвырнули в окно».

Ср., однако: 25 апр. 1923; 26 апр. 1923.

Июль, 8, 9, 10 и 12. Харбинская газета «Русский голос» (№ 866–868, 870) помещает объявление торгового дома «И.Я.Чурин и К°» — «Книжный отдел: Новые книги», где значится сборник Есенина «Стихи скандалиста».

Июль, 9. Парижская газета «Звено» (№ 23; раздел «Rossica») сообщает о выходе «поэмы С.Есенина» в журнале «Тантатив» <так!>.

Имеется в виду перевод стихотворения Есенина «Разбуди меня завтра рано...» в первом номере гренобльского журнала «Tentatives» (см.: 1 июня 1923, первая запись; 16 июня 1923, вторая запись).

Июль, до 11. Есенин фотографируется на удостоверение личности.

Есенин, VII (3), [170] (фото № 74).

Фотография наклеена на документ, выданный поэту префектурой Парижа (см. след. запись).

На обороте другого экземпляра фотографии: «Работа Живаго» (Музей ИРЛИ).

См. Приложение.

Июль, 11. Префектура полиции Парижа выдает Есенину удостоверение личности № 2005 для проезда в Германию.

Под своей фотографией на документе он ставит подпись: «Essenine».

Есенин, VII (2), 507–509.

Текст удостоверения (в пер. с фр. по: Хроника, 2, 77–78; курсивом обозначено вписанное от руки):

«Французская республика.
Префектура полиции.
Удостоверение личности.

Париж, 11.7.1923.

Действительно для проезда в Германию.

Настоящее удостоверение недействительно для возвращения в страну, его выдавшую, без специального разрешения, записываемого на этом документе. Документ перестает быть действительным, если предъявитель его в какой-либо момент посетит Россию.

Фамилия	*Есенин*
Имя	*Сергей*
Год рождения	*1895*
Место рождения	*Рязань*
Фамилия отца	*Есенин*
Фамилия матери	*Есенина*
(русский по происхождению, не принимавший никакого другого подданства).	
Профессия	*поэт*
Прежнее место жительства в России	*Москва*
Настоящее место жительства	*1<0>3 Rue de la Pompe, Париж*
Описание примет	
Рост	*1* м *68* см
Возраст	*28 лет*
Волосы	*светлые*
Глаза	*голубые*
Лицо	*овальное*

Нос *прямой*
Особые приметы <не заполнено>
Замечания <не заполнено>

Нижеподписавшийся подтверждает, что расположенные напротив фотография и подпись действительно принадлежат предъявителю настоящего документа. Префект полиции: В качестве префекта полиции и по разрешению, руководитель канцелярии <подпись>. № 2005».

Подпись скреплена круглой печатью с текстом:

«Отделение кабинета. 3 канцелярия. Р. Ф. Префектура полиции».

Воспроизведение документа см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 8.

См. Приложение.

Есенин отправляется в Германию через Бельгию.

«Есенину снова приказали в двадцать четыре часа покинуть Францию. Поэтому к семи вечера он упаковал свои вещи и выехал в Берлин дожидаться там Айседору. Она обещала последовать за ним через три дня. <...> Наконец-то мы отправили Есенина, и по дороге домой Айседора сказала: “Слава богу, это кончилось”. Впервые за много дней она спокойно спала ночь».

Дести, 313–314.

Июль, до 12. В Москве выходит журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (№ 2) с перепечаткой стихотворения Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>.

Газ. «Правда», 1923, 12 июля, № 154. См. также: История русской советской литературы. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1967, т. 1, с. 760.

В номере, кроме того, — материалы, связанные с именем Есенина:

— неподписанная «Почти декларация»:

«Два полюса: поэзия, газета.

Первый: культура слова, то есть образность, чистота языка, гармония, идея.

Второй: варварская речь, то есть терминология, безобразность, аритмичность и вместо идеи: ходячие истины.

Всякая культура имеет своего Аттилу. Аттилой пушкинской эпохи был Писарев. Свержение писаревщины — подвиг российских символистов. Трудолюбивые реставраторы убили почти четверть века на отмывание кала гениального варвара с прекрасных мумий пушкинского воображения. Уже в двадцатых годах нашего века “Медный всадник” опять столь дерзко сиял на своем пьедестале, что многим казалось лишь мистической фантасмагорией то безнравственное время, когда ложей ему служила мусорная яма.

Наши дряхлеющие педагоги из “Весов” могли спокойно дремать в кожаных гробах своих многоуважаемых кресел: бурса, студенты и передовая интеллигенция из пивных на Малой Бронной, словом, всё то, что до самозабвения и с чувством гражданского подвига орало и пело:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Собрались мы сюда
Ради вольного труда, —

всё это уже научилось отличать булыжник от мрамора и благородную матовую поверхность червонного золота от хамского блеска чищеной меди.

Казалось, что место окончательно расчищено и подготовлено к приходу великих стихотворцев.

Ждали гениев.

Знали по "истории искусств", что сверхчеловеки действуют сокрушительно и революционно, что "чернь" их оплевывает и что "от гениальности до безумия — один шаг".

В результате, из опаски оплевать гениев, ловких шарлатанов принимали за предтеч и посредственных реформаторов этимологии и синтаксиса — за литературных мессий.

Трудно было не попасться на удочку. Явившиеся действовали по Диогеновым рецептам. Великий циник говорил: "Если кто-нибудь выставляет указательный палец, то это находят в порядке вещей, но если вместо указательного он выставит средний, его сочтут сумасшедшим".

Было лестно прослыть безумцами и так легко.

Декаденты пели сладенькими голосочками:

Я ведь только *облачко* —
Видите, плыву.

Футуристы басили, как христоспасительские протодиаконы:

Хотите, —
Буду безукоризненно нежный,
Не мужчина, а — *облако* в штанах!

Что же это, как не средний палец вместо указательного. Или, говоря языком литературным, не самый обыкновенный плагиатик, только слегка прикрытый от нескромных, но подслеповатых глазок критики фиговым листочком.

Воистину были замечательные времена. Даже в Алексея Крученыха, публично демонстрирующего симфонии своего катарального желудка, начинали веровать наивные Чуковские и апостольствовали о "дыр-бул-щиле", как о новой вере своего поколения.

Десять смутных лет пережило российское искусство. Наконец в 1919 году под арлекинскими масками пришли еще одни. На их знамени было начертано: словесный образ. Знамя требовало оружия для своей защиты. Пришлось извлечь его из цирковых арсеналов.

Опять перед глазами сограждан разыгрывалась буффонада: расписывался Страстной монастырь, переименовывались московские улицы в Есенинские, Ивневские, Мариенгофские, Эрдманские и Шершеневические, организовывались потешные мобилизации в защиту революционного искусства, в литературных кафе звенели пощечины, раздаваемые врагам образа; а за кулисами шла упорная работа по овладению мастерством, чтобы уже без всякого épater <поражать — *фр.*)> через какие-нибудь 5–6 лет, с твердым знанием материала эпох и жизни начать делание большого искусства.

Спрашивается: как же в 1923 году понимают имажинисты свои задания?

Будем говорить о нашей поэзии. Вот краткая программа развития и культуры образа:

а) Слово. Зерно его — образ. Зачаточный.

б) *Сравнение.*

в) Метафора.

г) Метафорическая цепь. Лирическое чувство в круге образных синтаксических единиц-метафор. Выявление себя через преломление в окружающем предметном мире: *стихотворение (образ третьей величины).*

д) Сумма лирических переживаний, то есть характер — образ *человека.* Перемещающееся "я" — действительное и воображаемое, образ второй величины.

е) И, наконец: композиция характеров — *образ эпохи* (трагедия, поэма и т. д.).

Имажинизм до 1923 года, как и вся послепушкинская поэзия, не переходил рубрики "г"; мы должны признать, что значительные по размеру имажинистские произведения, как-то: "Заговор дураков" Мариенгофа и "Пугачев" Есенина — не больше чем хорошие лирические стихотворения.

Пришло время либо уйти и не коптить небо, либо творить человека и эпоху.

В условиях большой работы, усвоенный нами ранее метод расширяется новыми для нас формальными утверждениями. В имажинизм вводятся как канон: психологизм и суровое логическое мышление. Футуристическое разорванное сознание отходит в область "милых" курьезов. Малый образ теряет федеративную свободу, входя в органическое подчинение образу целого.

И еще: как форма, как закон: романтическое осознание настоящей эпохи и перенос современного революционного сознания на прошлые эпохи, если пользуешься ими как материалом.

То, что в нашей статье несколько раз было упомянуто имя великого стихотворца девятнадцатого столетия, отнюдь не означает имажинистского движения вспять. Не назад к Пушкину, а вперед от Пушкина. Мы умышленно принимаем за отправную точку вершину расцвета, а не подошву упадка (Некрасов) российской поэтической культуры (и тут злосчастное подразделение: декаданс, акмеисты и Леф — это цивилизация прекрасного).

1 июня 1923 года, Москва, Петровка, Богословский 3–46».

См. также: Есенин 5 (1962), 224–227, 387–389.

В полное собрание сочинений поэта текст не включен, ибо участие Есенина в его составлении сомнительно. В апреле–июне 1923 г. Есенин находился в Париже. Поэтому он не мог участвовать ни в написании «Почти декларации», ни в согласовании ее текста перед сдачей в печать. Главным (а возможно, и единоличным) автором «Почти декларации», вероятнее всего, является А.Б.Мариенгоф;

— открытое письмо А.Б.Мариенгофа Есенину:

«Мой любезный! Мой любимый!

Известно ли тебе, что все твои письма или почти все, т. е. те, которые величиной хотя бы несколько превосходили куриный нос, напечатаны в "Гостинице" <см.: 1 июля 1922; 9 июля 1922; около 20 (?) июля 1922>.

Думаю, что это не очень тебя рассердит. В конце концов, почему и не предупредить события? Ведь мы же с тобой не двадцатипятилетние подагрики из какого-нибудь литературного "звена", чтобы играть в слащавенькую невинность! Добрая литературная традиция требует от этих "человеческих" документов двадцатипятилетнего лежания — либо в глубоком ящике огромного дубового письменного стола, либо в шкатулке красного дерева со старыми инкрустациями. <...> но подумай сам: четверть века лежать этим человеческим документам и желтеть от нетерпения в ожидании (для них счастливого, а для нас печального) часа, когда их славный отправитель соблаговолит отправиться туда, где

Средь небесных тополей
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

О, эти канальи-письма прекрасно знают свою судьбу! Каждая строка, всякое слово в них, даже самого интимного свойства, не в силах скрыть губительной жажды — типографских красок, плоской машины, острого корректорского карандаша (но, увы! без последней авторской правки).

Вот те соображения, которые и явились виновниками несколько ускоренного появления твоих "эпистолей" на свет.

Милый Сергун, ты ругаешься, что я мало пишу <см.: около 20 (?) июля 1922>. Нелепая стала у меня психология. Понимаешь, я никак не могу победить пространство. Писать в Нью-Йорк? Здесь в Москве не так быстро забываются навыки революции. Не наше ли с тобой странствование от Москвы до Каспия равнялось по числу дней и ночей ветхозаветному дождю, результатом этого явился потоп, и не наши ли с тобой письма катились от Каспийских вод до Москвы вчетверо дольше. А незабываемая гонка в кубанской степи "златогривого" жеребенка с нашим "экспрессом"! Помнишь, ведь был момент, когда твое скифское сердце прыгало от радости в предчувствии победы "тонконогого". Но тут уж было задето урбаническое самолюбие нашего машиниста. Сколько ему, бедняге, стоило усилий, чтобы выйти из этого грозного соревнования победителем. О, как дорога мне эта победа! — ведь она виновница одной из чудеснейших элегий времени революции:

Глупый, глупый, смешной дуралей!
Ну куда он, куда он гонится?
Разве он не знает, что степных коней
Победила стальная конница!..

И после всего этого ты хочешь, чтобы я писал в Нью-Йорк. Да я и по сей час боюсь отправить послание в родную Пензу. Мне всё кажется, что оно придет на другой день после моей смерти.

Ну-с, довольно лирической болтовни. Приготовьтесь, милостивый государь, выслушать нечто весьма важное. Перво-наперво: конкретное предложение о скорейшем окончании путешествия. Довольно тебе, в самом деле, баклуши бить по Америкам и Европам. Не "такое ныне время", чтобы можно было разрешать тебе столь долгосрочный отпуск. Ты вот не хочешь, чтобы я сейчас ехал за границу, потому что некому будет сторожить поля российской поэзии <см.: 9 июля 1922> — видно, там, в буржуазной Америке, ты успел забыть, что в Советской России существует 8-мичасовой рабочий день. Нашего брата сейчас раз-два, и обчелся. <...>

Кстати о полях московской поэзии. Ну, и поганая же литературная скотина пошла. Право же, не стоит она той бумажной травки, которую в таком изобилии отпускает ей наше доброе государство. <...>

Ты пишешь: Европа северянинщинская. Стихов никто не читает. <...> И Россия оттуда тебе мерещится: "до чего прекрасной и богатой в этом смысле" <см.: 9 июля 1922>. А вот я здесь сижу и думаю: сырье, ископаемые, богатства, богатства, ископаемые, сырье... Будя. Не хочу. Довольно. Сил никаких нет: что ни читатель — сырье, что ни критик — ископаемое. А дураков! дураков! до чего же "богато наше отечество в этом смысле". <...>

От искусства не требуется большого, нет настоящих запросов, здорового спроса. В тысячу раз было бы легче, если бы широкие читательские круги и средняя критика не принимали никак новое искусство. Я сам охотно согласился <бы> вновь пережить травлю 18 и 19 годов <см., например: 5 марта 1920>, — если бы они предпочитали нам — Баратынского, Пушкина, Гоголя, Достоевского. Тогда бы, по крайней мере, была уверенность, что их понимание докатится через какое-то время и до того большого, что делается в наши дни! <...>

Я считаю, что Запад находится в лучшем положении, чем мы. Пусть сегодняшние победители там Фокстрот, Мюзик-Хол и Да-Да <ср.: 1 июля 1922> — но ведь там всё

это идет от сытого буржуа, его супруги и потомства. <...> За Чарли Чаплиным там не пойдет лучшая часть молодежи. Да, наконец, Запад еще не пережил коммунистической революции. <...>

То, что мы за этот год почти не показывали носа на литературную улицу <...> — сыграло огромную роль в оздоровлении всего нашего творческого организма. <...>

Я считаю, что это время — время наибольшего роста почти что каждого из нас. Сами собой отвалились гнилые суки формалистики и окрепло понимание общих всечеловеческих задач — поэзии. Уже намечен переход от метафорической живописи событий к образу человека.

Как и в первые дни, так и сегодня нашим лютейшим врагом является футуризм — этот циничнейший осквернитель искусства.

Пиши, любимый,

по-прежнему твой Анатолий Мариенгоф.

P. S. В конце июня я уезжаю в Крым, пробуду там два или три месяца».

Полный текст см.: Письма, 221–226.

Получал ли Есенин это письмо обычной почтой, не установлено;

— статью А.К.Топоркова (подпись: Югурта) «Поэзия и литература» с упоминанием Есенина.

В ней цитируются (неточно) обращенные к А.Мариенгофу слова В.Шершеневича из его книги «Кому я жму руку» (о ней см.: до 16 или до 17 апр. 1921, четвертая запись):

«...ты один непорочен, ты целомудрен. Ивнев и я были очень близко знакомы с футуризмом. Есенин начал свою поэтическую деятельность безымянно. Только ты один родился вместе с имажинизмом».

Июль, 12. Есенин возвращается в Париж.

Из-за отсутствия визы он не был пропущен в Бельгию:

«На следующий день <ср.: 11 июля 1923> мы пошли на ланч в студию Реймонда. Вдруг Айседора воскликнула: “Нервы мои, должно быть, в жутком состоянии. Мне чудится, я слышу голос Сергея”. Но увы! Это была не галлюцинация. Это был сам Сергей, который, приехав к бельгийской границе, обнаружил, что у него нет визы...».

Дести, 314.

Июль, 12–24. Есенин и А.Дункан живут в Париже в ожидании визы для проезда в Германию через Бельгию.

См. предыд запись и запись: 24 июля 1923.

Июль, 13 (?) ... 23 (?). Есенин встречается со своим давним знакомым по Петрограду, поэтом К.Ю.Ляндау.

Событие и его предполагаемые рамки устанавливаются по воспоминаниям К.Ю.Ляндау с учетом упомянутых им сведений о том, что Есенин, только что приехавший в Париж, вновь собирается уехать оттуда (ср.: 12 июля 1923; 24 июля 1923).

К.Ю.Ляндау напишет (1965):

«Париж. Монпарнас. Двадцатые годы — “belle epoque” <лучшие времена — *фр.*> этого центра мировой богемы, где столько дней и ночей я промечтал среди художников, поэтов и бездомных, странствующих по свету универсальных гениев. <...>

Я не могу теперь вспомнить, кто познакомил меня с сумасшедшей, лишенной таланта и ужасно уродливой скульпторшей мисс С. Как бы то ни было, однажды ве-

чером я был приглашен на коктейль в ее студию в отеле "Лютеция" на бульваре Распай.

Хозяйка приняла меня в высшей степени дружелюбно, предложив уже в дверях джин, и повела меня прямиком к бесформенной глиняной глыбе, над которой трудилась. "Это ваш земляк Есенин, — сказала она. — Я его никогда не видела, но разве это нужно, чтобы сделать хороший портрет?.. Вам нравится?" И не дождавшись ответа, добавила, указывая на стоящую в нескольких метрах позади нас французскую кровать: "Go and say hallo to Isadora!" <"Иди и поздоровайся с Айседорой!" — *англ.*>.

Я обернулся и увидел совершенно опустившуюся от злоупотребления алкоголем, одутловатую и бессвязно лепечущую, лежащую одетой на кровати женщину — пятидесятилетнюю <в действительности 46-летнюю> Айседору Дункан. Грим на ее увядших щеках стерся и размазался, у нее были красные, заплаканные глаза, однако толстые губы привычно сложились в отрепетированную улыбку, а слишком белые, широкие, полноватые руки уперлись в бока, став похожими на ручки амфоры. Она предложила мне присесть на край постели, беспрерывно продолжая говорить и пить. Я думаю, что она едва обратила на меня внимание и тотчас же забыла о моем присутствии. Речь ее стала совсем неясной, можно было разобрать только одно слово — "он". Вдруг, как бы осознав мое присутствие, она отчетливо сказала, на этот раз обратившись прямо ко мне: "He was beating me" <"Он меня бил" — *англ.*>, и снова забылась.

Приход других гостей избавил меня от этого мучительного "tête-à-tête" <разговора наедине — *фр.*>. У хозяев я узнал, что Есенина, о приезде которого в Париж я прочел этим утром короткую заметку в журнале "Comédia" <она не выявлена>, можно встретить в только что выставленном на аукцион и освобожденном от мебели доме Айседоры Дункан. "He's drinking day and night with whore" <"Он день и ночь пьет со шлюхами" — *англ.*>, — сказала она.

Есенина я нашел к вечеру следующего дня. Прелестный двухэтажный дом на узкой тихой улице стоял как бы погруженный в глубокий сон. Прошло добрых десять минут, пока мне удалось вызвонить привратницу и убедить ее открыть мне. Следуя ее указаниям, я поднялся на второй этаж и через широкую, раскрытую дверь вошел в совершенно пустой зал. Прямо передо мной у противоположной стены, в окружении бесчисленных пустых бутылок от шампанского, аккуратно расставленных в два или даже в три ряда, я увидел широкий диван и как-то криво лежащего на нем Сергея Есенина.

Он сразу же меня узнал, совсем не удивился (и это после шести лет <см.: Летопись, 1, 217–219> и в такой обстановке!), поздоровался, не вставая. Казалось, ему трудно, но он не хотел, чтобы это было заметно. Я не нашел его особенно изменившимся, только столь хорошо памятная мне улыбка получалась у него теперь вымученной и лицо его больше не светилось. На нем читалось страдание. Я присел рядом на диван, и мы стали беседовать прямо и свободно, как прежде.

С моей стороны было бы нечестно утверждать, что и сегодня <...> я помню все мелочи этой последней встречи. В памяти осталось совсем немного, но, может быть, и эта малость представит определенный интерес.

Я сказал, что в есенинской улыбке проглядывало страдание, внутреннее беспокойство. Изменился и взгляд его голубых глаз — теперь они лихорадочно блестели, а исходившее из самой глубины горячечное возбуждение предвещало опасные вспышки ярости. Куда делся белокурый мальчик прежних лет? Здесь, в Париже, в пустом светлом зале, с безмолвными свидетелями — рядами пустых бутылок, на широком диване, скорчившись, лежал человек, глядя на которого при всем желании нельзя было

представить себе волнующуюся пшеницу на бескрайних русских полях. Но и теперь, в этой парадоксальной ситуации, в нем была Россия: хочу ласкать — ласкаю, хочу побить — побью, хочу напиться — напьюсь... Тогда мне очень хотелось узнать, в чьем обществе этот когда-то такой солнечный, а теперь идущий навстречу тьме поэт осушил все эти бутылки — едва ли только с одними способными ко всему приноровиться парижскими девицами. Но об этом не было сказано ни слова. Айседору мы в нашем разговоре тоже не вспоминали... Хотя нет, это не совсем так, однажды он упомянул ее, но при этом на лице его появилось такое мрачное и мучительное выражение, что я тотчас же переключился на другую тему.

Я спрашивал о наших общих петербургских друзьях, но о них он знал немного, да и то лишь по слухам. Затем он прочел несколько своих последних стихотворений, которые меня (просто по-человечески!) очень взволновали. Мое же новое стихотворение он, напротив, нашел "слишком милым", под чем он, вероятно (не без основания!), подразумевал "без плоти и крови" — ведь я уже больше не жил "на святой Руси", а в чужом, раздражавшем его и непонятном Париже, который он так и не попытался узнать. Мне невольно приходит на ум сравнение с Владимиром Маяковским, который пил красное вино или пиво у парижских стоек, играл в бистро на биллиарде, что не мешало ему вести долгие принципиальные дискуссии (как, например, в моем присутствии с Дягилевым). Для Есенина Париж был духовным инкубатором влияния Запада, враждебной и непонятной страной. Неспособный приспособиться к этому чуждому миру, он загулял. <...>

Я распрощался с Есениным, не пытаясь договориться о новой встрече. Вообще же припоминаю, что на следующий день он собирался уезжать».

СЕГС, 352–354 (пер. с нем. Л.Г.Григорьевой).

Июль, 14. Газета «Рижский курьер» (№ 746, рубрика «Разные известия») печатает анонимную заметку «Советские "литераторы"»:

«Советские "литераторы" за границей окончательно распоясались.

В одном из русских ресторанов Сергей Есенин в обычном для автора "Исповеди хулигана" стиле начал громко отзываться о белом движении и белых руководителях. Компания, сидевшая рядом за столиком, пробовала протестовать, но Есенин, уже достаточно подвыпивший, что называется, "закусил удила"... Тогда три человека из соседней компании, заранее сговорившись, вежливо попросили Есенина пройти с ними в отдельный кабинет и... высекли его там, после чего поэт был отпущен.

В том же Париже посажен на два месяца в тюрьму после очередного скандала "черкес" Кусиков — за то, что проехал во Францию по чужому паспорту.

Если к этому не добавить, что в Америке до сих пор сидит в заключении за ряд мошенничеств автор "Записок мерзавца" Ветлугин — история движения "смены вех" в литературе была бы неполной».

Подлинное содержание этих эпизодов здесь заметно искажено. Ср.: 28 марта 1923, вторая запись; 25 апр. 1923; 26 апр. 1923.

Июль, 15. Саратовская газета «Голос труда» (№ 107; рубрика «Литературные контуры») помещает статью В.А.Сушицкого «Сергей Есенин» (подпись: В. Су-цкий):

«Сережа Есенин, кудрявый, с глазами-васильками, деревенский озорник, впитавший в себя родную своеобразную сельскую культуру, в которой язычество переплелось

с христианством, а капитализм принес крушение старого уклада жизни, Сережа Есенин, выросший на рязанских полях, — ныне в сутолоке городской жизни одевает цилиндр и лакированные башмаки.

Как странно на первый взгляд. Но мы ему не верим. Читаем его стихи и в них видим прежнего Сережу Есенина.

За революцию Есенин проделал громадную внутреннюю работу, работал над внутренним миросозерцанием, разрушил некоторые старые предрассудки, но связь с прошлым, с основным, вопреки, может быть, собственному желанию, не потерял. Однако познакомимся со старым Сережей, когда он отображал, не лукавя, жизнь деревни:

Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

И поэт любит свою деревенскую родину, она для него дороже всего:

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

Ведь здесь "потонула деревня в ухабинах". Здесь "край любимый", где слышится русская грустная песня:

Люблю тебя, родина кроткая!
А за что, разгадать не могу.

И поэт верит с уходящей деревней в христианскую мифологию:

Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

И когда город, промышленная культура, нарушает традиционный покой, врывается в самую толщу жизни, разрушает веками сложившиеся порядки, поэт чувствует, что он псаломщик на панихиде:

Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
.....
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях, —
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной "аллилуйя".

Позже поэт пытался нарисовать картину социального движения в большой поэме "Пугачев", которую хвалили только имажинисты, к группе которых поэт примкнул по глубокому недоразумению. Можно, однако, определенно сказать, что эта вещь Есенину решительно не удалась, ибо он вообще не в силах брать широкие темы. Его область — небольшие лирические стихи из жизни деревни, и по настоящее время, о чем бы он ни говорил — душою он у себя всегда на родине. Все его образы — крестьянские.

Пребывание в группе имажинистов, вредное влияние Шершеневича и Мариенгофа, излишний и намеренный цинизм — характерны для современного Есенина. Но мы ему ответим его же словами:

Ничего, (ты) споткнулся о камень.
Это к завтраму все заживет.

Думается, что это так. Слишком самобытен и ярок поэт, слишком силен его организм, чтобы он не перенес "детской болезни" имажинизма».

Июль, 17. В чикагской газете «Свободная Россия» (№ 158) печатается стихотворение Есенина «Запели тесаные дроги...» (под заглавием «На родине»).

Июль, после 17. В Петрограде выходит журнал «Книга и революция» (№ 3) со статьей И.А.Груздева «Русская поэзия в 1918–1925 гг. (К эволюции поэтических школ)», где говорится о Есенине.

Граница события определяется в соответствии с датой «17 июля 1923» под одним из материалов номера.

В начале статьи критик отмечает:

«Русская поэзия последних пяти лет представляет картину разброда. Символизм завершил свой круг и находится в состоянии глубокого распада. Футуризм не осилил крутого подъема своих теоретических заданий и не достиг канона. Мелкие группировки или эпигонствуют, или не имеют вовсе значения. Внимание сосредоточивается на отдельных поэтах».

Затем следуют главки «Символисты», «Акмеисты...», «Футуристы» и, наконец, «Эпигоны», где И.А.Груздев пишет:

«Принято считать их <имажинистов> эпигонами футуризма. Это справедливо лишь отчасти. Ведь футуризм еще не "заслужил" эпигонства, не дал русской поэзии своего канона. А посему заимствовать у него можно было только его производные элементы — браваду грубоватых метафор и гипербол, которые имажинисты и довели до предела эпатирующего цинизма.

Но если обратиться к основному вопросу поэтического строения — отношению к слову, то здесь будут видны другие корни имажинизма. "Заумное слово" — принцип футуризма — для них не имеет никакого значения. Выдвигается не слово вне смысла, а слово — осмысленный образ. И в этом имажинисты ближе к символизму.

Так бессилие футуризма привело к эпигонству эклектическому.

Но символизм в имажинистике словно сплющился — символ стал аллегорией. Прибавленное к этому нагромождение образов при затрудненном синтаксисе и свободном стихе сделало поэтику Мариенгофа и Шершеневича до крайности скудной и неплодотворной.

Более простора дает то течение имажинизма, которое при свободном синтаксисе и общеканоническом стихе образует поэтику не столько даже образную, сколько лирическую по преимуществу. Это течение представляют Кусиков и Есенин.

Из них Сергей Есенин получил известность едва ли не равную популярности Маяковского.

И значительную долю его популярности нужно отнести не за счет его имажинистической природы (а она несомненна, и отделять его от имажинизма нет основания), а за счет его лиричности, в достаточной мере внешней, но тем более общедоступной.

Когда же Есенин перешел к композиции более сложной, к драматической поэме "Пугачев", тогда наглядно обнаружилась недостаточность таких приемов.

Ложность этого произведения не в том, что казаки Пугачева говорят языком имажинистов, и не в том, что Бурнов, напр<имер>, "имажинирует" луну с керосиновой лампой (в XVIII в.!), а в элементарной неконструктивности.

Диалог, даже не претендующий на сценичность, требует гораздо более сложных форм, чем перманентная образность и привычные Есенину лирические приемы.

Вследствие этого стих развалился, механизировался и, напр<имер>, лирическое повторение, к которому так охотно прибегал Есенин ("Кружися, кружися, кружися, чекань твоих дней серебро!") в "Пугачеве" выглядит так:

Оболяев. Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Пугачев. Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.

Это звучит явной пародией».

Июль, 22. Берлинская газета «Дни» (№ 220; рубрика «В России») помещает информацию:

«При ближайшем участьи Есенина, Шершеневича, Мариенгофа и Ивнева вышел новый журнал. Называется он "Гостиница для путешествующих в прекрасном". <...> В журнале печатаются только имажинисты».

См.: 1 окт. 1922, первая запись (о № 1 журнала); до 12 июля 1923 (о № 2).

Июль, 24. Генеральное Консульство Бельгии в Париже дает Есенину разрешение на проезд через Бельгию без права остановки:

«<Дано> под № 7619 <Генеральным> Консульством <Бельгии> в Париже, чтобы позволить владельцу <проехать через> Бельгию без права там делать <в пути длительную остановку>.

<Примечание>. — Если владелец транзитной визы <в условиях> обстоятельств, от него не зависящих <(или самовольно)> сделает остановку в Бельгии, подвергается <высылке> в страну отправления и должен будет уплатить <пошлину> в двойном размере от той, которая должна была бы быть указана <представителем> внешней службы, ответственной за въезды и <выезды из Бельгии>. — Париж. 24 июля 1923. Генеральный К<онсул> Бельгии в Париже и по распоряжению: <подпись>».

Хроника, 2, 78 (пер. с фр.; с конъектурами взамен утраченных в штампе слов). Этот визовый штамп проставлен на обороте пропуска Есенина и А.Дункан в Бельгию, выданного годом раньше (см.: 2 или 3 июля 1922, вторая запись). Номер разрешения и его дата вписаны в штамп от руки. Подпись скреплена круглой гербовой печатью с текстом: «Генеральное Консульство Бельгии. <Париж?>».

Воспроизведение штампа см.: Хроника, 2, вкл. между с. 64 и 65, рис. 2.

Июль, 24 (?) или 25 (?). Есенин и А.Дункан выезжают поездом из Парижа через Бельгию в Берлин.

Время события устанавливается предположительно в соответствии с предыд. записью.

Июль, 25 (?) или 26 (?) ... Июль, 30. Есенин пишет (а А.Дункан подписывает) письмо З.Г.Гринбергу, полномочному представителю Госиздата в Германии:

«Июль 1923.

Дорогой Захар Григорьевич, очень грустно, что Вы не позвонили.

Если не будет времени (случайно) увидеться, оставляем Вам как знак нашей любви к Вам свои фотографии <см. ниже>.

Привет Бетте Наумовне и Сильвочке.

С.Есенин and
Isadora».

Есенин, VI, 157–158, 569.

Нижняя граница события определяется предположительно с учетом времени приезда четы Есениных в Берлин (см. предыд. запись).

Фото Есенина с дарственной надписью З.Г.Гринбергу:

«Дорогому Захару Григорьевичу. За всё доброе. С.Есенин. Берлин. 1923».

Есенин, VII (1), 219.

Воспроизведение снимка см.: Материалы, 93. Фотография А.Дункан, очевидно, также приложенная к письму, в личном архивном фонде З.Г.Гринберга (РГАЛИ) отсутствует (Есенин, VI, 569).

Июль, 26. В московской «Правде» (№ 166) публикуется статья Л.Д.Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм».

В ней, в частности, говорится:

«Телега русского мужика приспособлена к потребностям его хозяйства, к силам лошаденки и к свойствам проселка. Автомобиль, являющийся бесспорным порождением новой техники, обнаруживает, однако, тот же "сюжет" – четыре колеса на двух осях. И тем не менее каждый раз, когда на русской дороге ночью крестьянская лошаденка шарахается в ужасе перед ослепившим ее прожектором автомобиля, в этом эпизоде находит свое выражение конфликт двух культур. <…> быт человека, в том числе и художника, т. е. условия его воспитания и жизни, находят свое выражение в его творчестве…».

Не называя Троцкого, Есенин так откликнется на его слова в «Железном Миргороде»:

«В нашем литературном строительстве со всеми устоями на советской платформе я предпочитаю везти телегу, которая есть, чтобы не оболгать тот быт, в котором мы живем».

См.: Есенин, V, 168, 404.

Июль, до 28. Издательство Центрального Комитета Коммунистического союза молодежи Украины «Молодой рабочий» выпускает в Харькове «общественно-литературную хрестоматию для школ и самообразования» под заглавием «Освобожденный труд» (составитель — И.С.Рабинович при участии В.М.Крайнего и О.А.Барабашова, предисловие А.В.Луначарского), куда включена бóльшая часть первого действия драматической поэмы Есенина «Пугачев» (строки 1–88).

Граница события устанавливается по информации о поступлении книги в редакцию «Литературного еженедельника» (Пг., 1923, № 30, 28 июля).

Июль, 28. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (№ 3835) перепечатывает стихотворения Есенина «Да, теперь решено! Без возврата…» и «Снова пьют здесь, дерутся и плачут…».

Июль, 29. Московская газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 169) публикует статью Г.Ф.Устинова «Пролетарские поэты», где говорится о Есенине:

«В литературе при появлении нэпа произошло то же самое, что и в "обществе". Мелкобуржуазные идеологи, писатели и поэты, тяготеющие к буржуазии и экономически связанные с ней, до нэпа были классовыми выразителями мелкобуржуазной оппо-

зиционности к пролетарскому государству. Эта мелкобуржуазная оппозиционность ярко сказалась в стихах деревенского поэта С.Есенина ("Кобыльи корабли" и ряд других более мелких стихотворений, написанных в 1918–20 гг.), в стихах Мариенгофа, Шершеневича, в написанных в эти годы произведениях Евг. Замятина, Мих. Пришвина, Б.Пильняка и др., в критиках из среды внутренней эмиграции, окопавшейся в петербургском "Доме литераторов" и пр., и пр.

Очень характерно, что в начале Октябрьской революции мелкобуржуазные поэты (тот же Есенин, Мариенгоф и др.) пели славу революции потому, что еще не понимали, кому и чему она угрожает. Но как только пролетариат победил крупную воинствующую буржуазию и положил на обе лопатки мелкую буржуазию деревни и города, эти поэты принесли ей свое меланхолическое раскаяние. Тот же Есенин одним из первых написал:

Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье, —

т. е. о революции.

Позднее эта меланхолия сменилась мрачным пессимизмом.

Есенин с тоской вопрошал: "Кого же, кого же мне петь в этом бешеном зареве трупов?"

Шершеневич вторил ему: "Ну куда мне, куда мне бежать?" — от революции.

Мариенгоф бессильно издевался над "социалистическим боженькой".

И т. д.

Конечно, ни Есенина, ни Шершеневича, ни Мариенгофа нельзя назвать "белыми" поэтами. Но их поэтическая школа, их творчество этого периода глубоко чужды пролетариату.

Так было при старой экономической политике. С введением же нэпа мелкобуржуазные поэты круто повернули "влево". Они уже недовольны, что "революция завершилась", они оказались в резкой оппозиции к новому нарастающему классу крупной буржуазии.

Случилось то, что случилось и в "обществе". Есенин пишет "Пугачева", а потом улетает за границу. Мы очень хорошо понимаем, что "Пугачев" Есенина — не исторический Пугачев, а современный Пугачев, Есенин, родившийся в начале нэпа, — синоним оппозиции по отношению к пролетарскому государству уже не за "левизну", а за "правизну" его политики. Мелкая буржуазия стала в оппозицию к пролетариату с другого конца. Она недовольна, что пролетарское государство позволило жить крупной буржуазии, что оно не продолжает бить ее по морде, как выразился однажды Бухарин. Здесь мелкая буржуазия стремится заразить своей "оппозиционностью" известную часть наименее выдержанных, наименее стойких рабочих, колеблющихся между синдикализмом и коммунизмом, — заразить для того, чтобы иметь себе хоть какую-нибудь реальную опору. И в этом смысле (с некоторых пор особенно усиленно) замечается поворот в работе мелкобуржуазных писателей и поэтов».

См. также: Есенин, II, 383–384.

В газете «Эхо» (Ковно, ныне Каунас; № 200) печатается окончание статьи Е.Л.Шкляра «Литературный Берлин (Заметки и впечатления)», где говорится о Есенине:

«В прошлом очерке нам пришлось коснуться писательского Берлина в его значительной, прославленной годами и опытом части… Но появляются новые, уже обратившие на себя внимание имена — иные по способности, другие как герои скандалов.

Из корифеев футуризма — Игорь Северянин стал сменовеховцем и удостаивается чести бывать на Бойтштрассе — в "Накануне". Лидеры имажинизма, — пресловутые "черкесы", Сергей Есенин, не столько талантливый, сколько крикун, и неунывающий А.Кусиков, принципиальный буян, — оба тратят большие деньги, занимаются частыми

путешествиями Берлин — Париж — Нью-Йорк и обратно. Откуда у них берутся деньги — никому не ведомо, — известно лишь, что у Есенина состояние его супруги, Айседоры Дункан, приходит к концу, Кусиков же промышляет неведомо чем и часто бьет стекла в ресторанах».

Цит. по: *Мекш Э.* Евгений Шкляр о Сергее Есенине. – «Literatūra. Mokslo darbai». Vilnius, 2002, т. 44 (2): Rusistica Vilnensis, с. 111–112.

Июль, 30 (?) ... 31 (?). Есенин вместе с А.Дункан отправляется поездом из Берлина в Ригу.

Июль, 31 (?) ... Август, 1 (?). Есенин вместе с А.Дункан приезжает через Кенигсберг в Ригу.

Август, 1. Московские «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 171; рубрика «Театр и искусство») сообщают:

«Сегодня в Москву приезжают из Берлина Айседора Дункан и Сергей Есенин».

Эта информация оказалась преждевременной (см.: 3 авг. 1923).

Август, 2. Есенин и А.Дункан отправляются из Риги в Москву.

День отъезда поэта и танцовщицы устанавливается по данным о времени их прибытия в Москву (см.: 3 авг. 1922).

Автобиография Есенина, написанная вскоре после возвращения на родину, завершается словами:

«В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку.

Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию.

Что дальше — будет видно».

Есенин, VII (1), 13.

Из очерка «Железный Миргород»:

«Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение мое переломилось особенно после Америки. <...>

С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам как романтик в моих поэмах, — я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве».

Есенин, V, 163.

Из автобиографии 1924 г.:

«После заграницы я смотрю на страну свою и события по-другому. Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация, но я очень не люблю Америки. Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества.

Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то, что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.».

Есенин, VII (1), 16–17.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Содержание приложения

С.А.Есенин. Рисунок С.А.Залшупина. 1922. 415
С.А.Есенин. Автобиография. 14 мая 1922. Берлин. Первая и последняя страницы автографа. 416
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 11 или после 11 мая 1922. Берлин. Собрание Г.Маквея. 418
С.А.Есенин, А.Дункан и А.Б.Кусиков (на заднем плане). Фото. 11 или после 11 мая 1922. Берлин. У Бранденбургских ворот. Собрание Г.Маквея. 418
Г.В.Алексеев. Рисунок из журнала «Веретёныш» (Берлин, 1922, № 1) 419
Первая страница очерка Г.В.Алексеева о С.А. Есенине (журнал «Сполохи», Берлин, 1922, № 10). 419
Н.М.Минский. Рисунок С.А.Залшупина. 1922. Берлин 420
Граф Г.Кеслер. Фото. 1920-е годы. 421
Граф А.Н.Толстой и Н.В.Крандиевская. Фото. 1920-е годы. Собрание Г.Маквея. 421
М.Горький. Портрет работы Б.Д.Григорьева. Фрагмент. 1926. 422
Граф А.Н.Толстой, И.С.Соколов-Микитов (стоит) и А.С.Ященко. Фрагмент групповой фотографии. 1922. Берлин 422
А.Белый. Офорт С.А.Залшупина. 1922. Берлин 423
А.М.Ремизов. Офорт С.А.Залшупина. 1922. Берлин 423
З.И.Гржебин. Портрет работы Ю.П.Анненкова. 1919. 424
Обложка журнала «Вещь» (Берлин, 1922, № 3) работы Эль Лисицкого со стихотворением С.А.Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>. 425
Анонс книгоиздательства «Россия» о предстоящем выходе книг С.А.Есенина (газета «Руль», 1922, 24 мая, № 461). 426
Объявление о вечере «Нам хочется Вам нежно сказать...» С.А.Есенина, А.Б.Кусикова, А.Ветлугина и А.Н.Толстого 1 июня 1922 г., Блютнер-зал (газета «Руль», 1922, 24 мая, № 461). 426
Афиша того же вечера на немецком языке. 426
Г.Д.Гребенщиков. Рисунок С.А.Залшупина. 1922. Берлин 427
А.Ветлугин. Фрагменты статьи «Нежная болезнь» (Литературное приложение к газете «Накануне», 1922, 4 июня, № 6). 428
С.А.Есенин и А.Ветлугин (?). Фото. 1922. 429
Обложка журнала «Красная новь» (М., 1922, № 3). 430

П.С.Коган. Литературные силуэты: С. Есенин. Начало статьи из журнала «Красная новь» (Москва, 1922, № 3). 430
Журнал «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XX–XXI, май–июнь). Обложка работы В.Боровского. 432
Я.Ивашкевич. Отклик на книгу С.А.Есенина «Пугачев» (Имажинисты, 1922) из журнала «Skamander», Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XX–XXI, май–июнь). 433
Обложка журнала «Сибирские огни» (Новониколаевск, 1922, № 2, май) со статьей В.П.Правдухина «Письма о современной литературе: Письмо первое», где говорится о Есенине. 434
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Май–июнь (?) 1922. Берлин. Собрание Г.Маквея. 435
С.А.Есенин. Письмо М.М.Литвинову. Автограф. 29 июня 1922. Дюссельдорф. 436
Заметка «А.Дункан едет в Америку» (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 1 июля). 436
С.А.Есенин. Фото. Между 29 июня и 3 июля 1922. Дюссельдорф 437
Обложка книги А.Б.Кусикова «Птица безымянная» (Берлин, 1922) работы Эль Лисицкого. 438
Стихотворение А.Б.Кусикова «Есенину Сергею» из его книги «Птица безымянная» (Берлин, 1922). 439
Обложка книги Б.А.Сорокина «Песенный частокол» (Саранск, июнь 1922). 440
Стихотворение Б.А.Сорокина «Это я красногубый и смелый...» из книги «Песенный частокол». 440
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Между 29 июня и 3 июля 1922. Дюссельдорф. Собрание Г.Маквея. 441
Журнал «Lumière» (Антверпен, 1922, № 9–10, июль). Обложка работы Ж.Минне. 442
Титульный лист и страница того же номера журнала «Lumière» с отрывком из поэмы С.А.Есенина «Кобыльи корабли» в переводе Ф.Элленса. 443
С.А.Есенин. Фото. Конец июля (?) или сентябрь (?) 1922. Париж. 445
С.А.Есенин. Фото. Конец июля (?) или сентябрь (?) 1922. Париж. 446
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Общий вид с моря. Фото. 1924. Собрание Г.Маквея. 447
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Сад при гостинице. Фото. 1921. Собрание Г.Маквея. 447
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Гостиная. Фото. 1924. Собрание Г.Маквея. 448
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Обеденный зал / ресторан. Фото. 1914. Собрание Г.Маквея. 448
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 14 августа 1922. На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel». Пометы рукой неустановленного лица. 449
С.А.Есенин. Фото. 14 августа 1922. На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel». 450

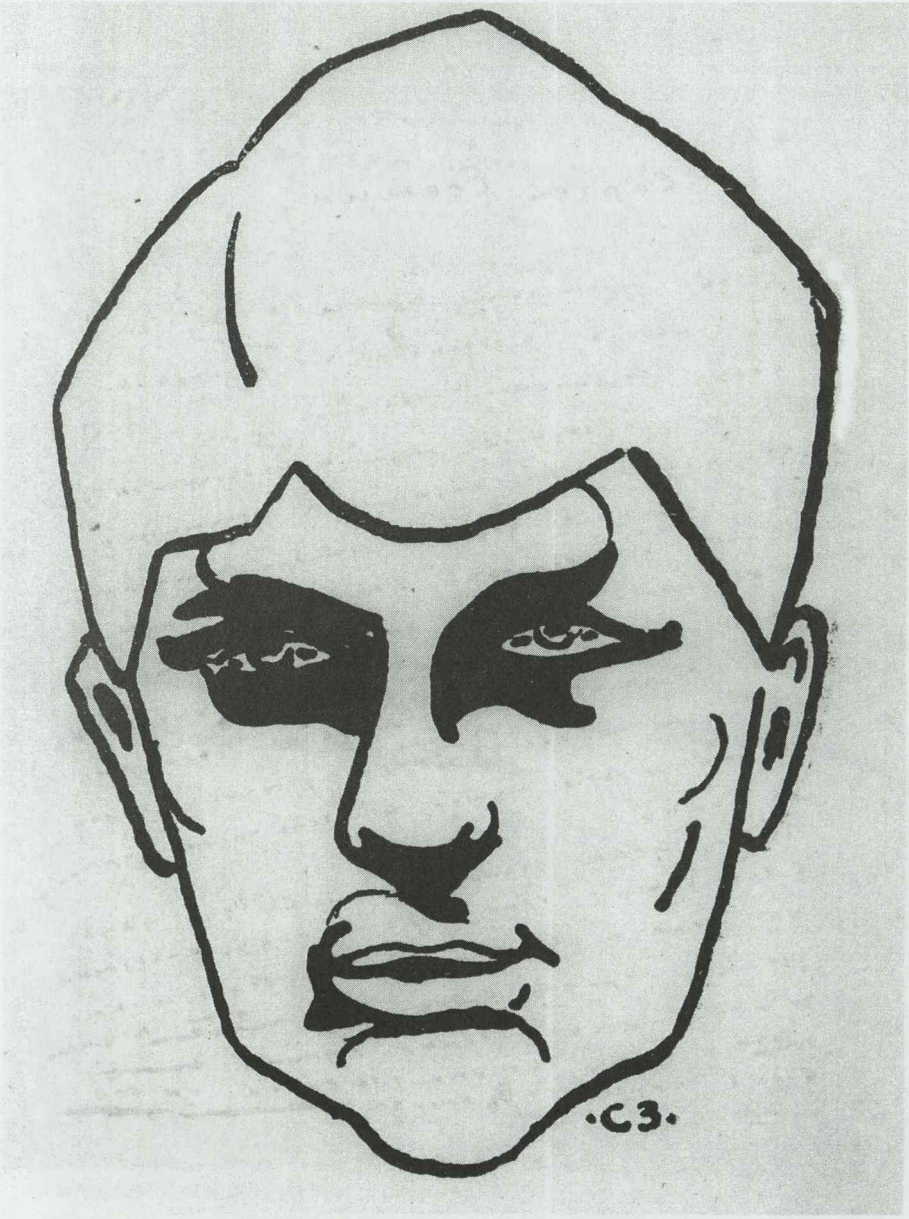
С.А.Есенин. Фото. 14 августа 1922. На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel». 451
Ф.Элленс. Портрет работы А.Модильяни. 1919. 452
Обложка журнала «Le Disque Vert» (Париж–Брюссель, 1922, № 4, август) с поэмой С.А.Есенина «Кобыльи корабли» и статьей Ф.Элленса о поэте. 452
Первая страница статьи Ф.Элленса о С.А.Есенине (журнал «Le Disque vert», Париж–Брюссель, 1922, № 4, август). 453
Вырезки из Тетр. ГЛМ с заметками из парижской печати о выходе журнала «Le Disque Vert» (Париж–Брюссель, 1922, № 4). 454
Обложка журнала «La Bataille Littéraire» (Брюссель, 1922, № VII–VIII, июль–август) со стихотворением С.А.Есенина и материалом о поэте. 455
Стихотворение С.А.Есенина «Устал я жить в родном краю...» в переводе Ф.Элленса и М.Милославской (журнал «La Bataille Littéraire», Брюссель, 1922, № VII–VIII, июль–август). 456
Обложка книги С.А.Есенина «Избранное» (М.: Гос. изд-во, 1922). 457
Обложка книги С.А.Есенина «Пугачев» (Берлин: Русское универсальное издательство, 1922). 457
Обложка книги С.А.Есенина «Собрание стихов и поэм. Т. 1» (Берлин: Изд-во З.И.Гржебина, 1922) работы Н.В.Зарецкого. 458
С.А.Есенин. Фото. Конец августа (?) – до 24 (?) сентября 1922. В доме А.Дункан. Париж, rue de la Pompe, 103. Собрание Г.Маквея. 459
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Конец августа (?) – до 24 (?) сентября 1922. В доме А.Дункан. Париж, rue de la Pompe, 103. Собрание Г.Маквея. 460
Ф.Элленс. Фото. 461
М.Милославская. Фото. 461
Титульный лист книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана», Париж, 1922). 462
Начальная страница поэмы С.А.Есенина «Пугачев», помещенной в книге «Confession d'un voyou». 463
Первая страница предисловия Ф.Элленса к книге С.А.Есенина «Confession d'un voyou». 464
Последняя страница предисловия Ф.Элленса к книге С.А.Есенина «Confession d'un voyou». 465
Вырезка из газеты «L'Intransigeant» (Париж, 7 октября 1922) с информацией о выходе книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Тетр. ГЛМ). 465
Заголовок журнала «Мисао» (Белград, 1922, тетрадь 67, 1 октября) с началом статьи Е.В.Аничкова «Новейшие явления в русской поэзии» и с предисловием редакции к ней. 466
Е.В.Аничков. Статья «Новейшие явления в русской поэзии» (журнал «Мисао, Белград, 1922, тетрадь 67, 1 октября). Фрагмент. 467
Паспорт С.А.Есенина от 13 сентября 1922. 468
Рекламная информация о пароходе «Paris». Собрание Г.Маквея. 468

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея. 469
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея. 470
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея. 471
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея. 472
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея. 473
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 2 октября 1922. После опроса на острове Эллис-Айленд: «НЕВИНОВНЫ!». Собрание Г.Маквея. 474
Объявления о гостинице «Waldorf-Astoria», где поселились С.А.Есенин и А.Дункан (журнал «Vanity Fair», Нью-Йорк, декабрь 1922 и август 1923). Собрание Г.Маквея. 475
Программа выступления А.Дункан. 7 октября 1922. Carnegie Hall. Первое отделение. Собрание Г.Маквея. 476
Программа выступления А.Дункан. 7 октября 1922. Carnegie Hall. Второе отделение. Собрание Г.Маквея. 477
Заголовок газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1922, 7 октября, № 3542) и фрагмент статьи «У С.Есенина и А.Дункан» за подписью «Кто-то» из этого номера. 478
Д.Д.Бурлюк. Статья «Поэт С.А.Есенин и А.Дункан» (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 7 октября, № 3542). 479
Д.Д.Бурлюк. Рисунок Б.Д.Григорьева. 1924. 479
Программа выступления А.Дункан. 20 октября 1922. Бостон. Symphony Hall. Собрание Г.Маквея. 480
Программа выступления А.Дункан. 21 октября 1922. Бостон. Simphony Hall. Собрание Г.Маквея. 481
Заголовок литературного приложения к газете «Накануне» (Берлин, 1922, 19 ноября, № 27) и фрагменты рецензии Н.И.Петровской на «Собрание стихов и поэм» С.А.Есенина из этого номера. 482
Вырезка из газеты (возможно, «Toledo Blade», 25 ноября 1922). Собрание Г. Маквея. 483
Титульный лист сборника «Nowa Poezja Rosyjska» (Варшава; вышел до 2 декабря 1922) и предисловие к нему. 484
Первая часть поэмы С.А.Есенина «Преображение» в переводе В.Денгоф-Чарноцкого (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»). 485
Стихотворение С.А.Есенина «Табун» в переводе В.Денгоф-Чарноцкого (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»). 486
Стихотворение С.А.Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...» в переводе Л.Подгорского-Околува (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»). 488
Стихотворение С.А.Есенина «Отвори мне, страж заоблачный...» в переводе Л.Подгорского-Околува (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»). 489
Программа выступления А.Дункан. 8 декабря 1922. Детройт. Orchestra Hall. Собрание Г.Маквея. 490

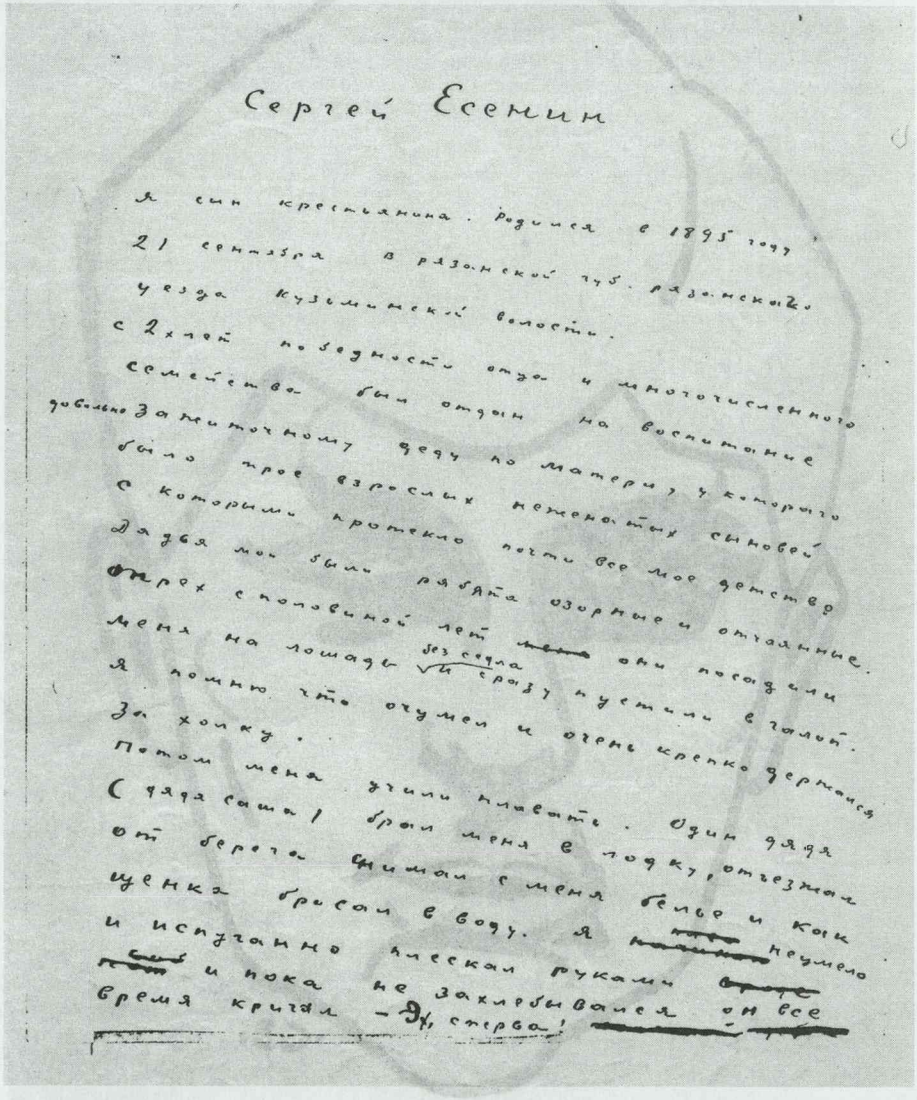
Объявление о выступлении А.Дункан. 10 декабря 1922. Кливленд. Public Auditorium. Собрание Г.Маквея. 490
С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Октябрь 1922 ... январь 1923. Опубликовано 1 января 1926 в американской газете, изданной в Кливленде (название неизвестно). Собрание Г.Маквея. 491
Обложка «Изборника литературно-художественных революционных произведений» (Москва, 1922) с фрагментами поэм С.А.Есенина «Пантократор» и «Пугачев». 492
Э.Я.Герман. Поэма «Орда» с иллюстрациями Г.П.Гольца (журнал «Эхо», М., 1922, № 4, 15 декабря). 493
Объявление книжного склада газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1922, 22 декабря, № 3618) о поступлении в продажу книги С.А.Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922). 497
Объявление о праздновании 250-летия русского театра с анонсом участия С.А.Есенина (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 22 декабря, № 3618). 497
Программа выступления А.Дункан. 25 декабря 1922. Нью-Йорк. Brooklyn Academy of Music. Собрание Г.Маквея. 498
Журнал «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXVII, декабрь). Обложка работы В. Боровского. 499
Письмо редакции журнала «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXVII, декабрь) к литератору P. S. (настоящее имя не выявлено) о его переводах стихов С.А.Есенина, предложенных к публикации. 500
Первый лист программы выступления А.Дункан. 27 декабря 1922. Толидо. Saxon Auditorium. Собрание Г.Маквея. 501
Программа выступления А.Дункан. 13 января 1923. Нью-Йорк. Carnegie Hall. Собрание Г.Маквея. 501
Вырезки из неустановленного японского периодического издания с текстом статьи К.Осэ «Рабоче-крестьянский поэт Есенин» (Тетр. ГЛМ). 502
Поэт Мани-Лейб Брагинский. Фото. Собрание Г.Маквея. 503
Объявление о выступлении А.Дункан и С.А.Есенина в пользу русских сирот. 2 февраля 1923. Нью-Йорк. Lexington Theatre. 504
Рекламное объявление о пароходе «George Washington», на котором С.А.Есенин и А.Дункан отплыли в Европу. Собрание Г.Маквея. 505
Заметка «Айседора Дункан покинула Америку навсегда» (газета «Русский голос», Нью-Йорк, 1923, 5 февраля, № 2072). 505
С.А.Есенин. Письмо к А.Б.Кусикову. Автограф. 7 февраля 1923. Борт парохода «George Washington». Собрание Г.Маквея..... 506
Гостиница «Крийон» («Hotel de Crillon»). Париж. Фото. Общий вид. 1970-е годы. 508
Гостиница «Крийон» («Hotel de Crillon»). Париж. Фото. Гостиная в номере отеля. 1970-е годы. 509
Обложка книги А.Б.Кусикова «Аль-Баррак: Октябрьские поэмы» (2-е изд., Берлин, 1923) работы А.М.Арнштама. 510

Фрагмент поэмы А.Б.Кусикова «Песочные часы» из книги «Аль-Баррак» (1923). 511
Телеграмма А.Дункан к А.Б.Кусикову. 23 февраля 1923. Из Парижа в Берлин. Собрание Г.Маквея. 512
Телеграмма горничной А.Дункан Жанны (Jeanne) к А.Б.Кусикову. 25 февраля 1923. Из Парижа в Берлин. Собрание Г.Маквея. 512
Журнал «Zwrotnica» (Краков, [1923], № 4). Обложка работы А.Замойского. 513
«Исповедь хулигана» С.А.Есенина в переводе Б.Ясенского (журнал «Zwrotnica», Краков, [1923], № 4). 513
Афиша вечера С.А.Есенина и А.Б.Кусикова. 29 марта 1923. Берлин. Klindworth-Scharwenka-Saal. Собрание Г.Маквея. 514
А.Б.Кусиков. Фото. 1920-е годы. Собрание Г.Маквея. 515
Обложка журнала «Kultura Robotnicza» (Варшава, 1923, № 12, 31 марта; на обл. ошибочно: № 11). 516
Анонимная рецензия на книгу «Nowa poezja rosyjska» со стихами С.А.Есенина (журнал «Kultura Robotnicza», Варшава, 1923. № 12, 31 марта; на обл. ошибочно: № 11). 517
Анкета французского консульства в Берлине, заполненная А.Дункан для получения визы во Францию. 4 апреля 1923. Собрание Г.Маквея. 518
Обложка первого издания книги В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923) с отдельной главой о С.А.Есенине. 519
Первая страница посвященной С.А.Есенину главы XIII книги В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923). 520
Афиша вечера В.Г.Шершеневича и Ю.С.Дижур «Весенний разлив имажинизма» (Киев, 17 апреля 1923). Собрание В.А.Дроздкова. 521
С.А.Есенин. Письмо к сестре — Е.А.Есениной. Автограф. 22 апреля 1923. 522
Заметка «Злоключение поэта». Вырезка из газеты «Le Figaro», 1923, 25 апреля, № 115 (Тетр. ГЛМ). 523
Журнал «Skamander» (Варшава, 1923, т. 4, тетрадь XXVIII, апрель). Обложка работы З.Каминского. 524
Стихотворение С.А.Есенина «Лисица» в переводе Л.Подгорского-Околува (журнал «Skamander», Варшава, 1923, т. 4, тетрадь XXVIII, апрель). 525
С.А.Есенин. Портрет работы Б.Д.Григорьева. 1923. 526
Б.Д.Григорьев. Фото. 1924. 527
Стихотворение Ж.Валлерэ «Муж танцовщицы» (подпись: Guy-Noël). Вырезка из газеты «Comoedia», Париж, 1923, 19 мая, № 3806 (Тетр. ГЛМ). 528
Обложка второго издания книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Париж, 1923). 529
Страница с выходными данными книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Париж, 1923). 530

Титульный лист журнала «Tentatives» (Гренобль, 1923, № 1, июнь) работы Ж.Жимеля. 531
Стихотворение С.А.Есенина «Разбуди меня завтра рано...» в переводе М.Милославской (журнал «Tentatives», Гренобль, 1923, № 1; с гравюрами Ж.Жимеля). 532
Е.В.Аничков. Книга «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923). Заключительные страницы. 534
Анонимная заметка «Поэзия Сергея действительно волнует». Вырезка из европейского издания газеты «The New York Herald» от 14 мая 1923 (Тетр. ГЛМ). 538
Обложка сборника «Революционная поэзия: Чтец-декламатор». Т. 1. (Киев, 1923) с произведениями С.А.Есенина. 539
Поэмы С.А.Есенина «Пантократор» и «Товарищ» из сборника «Революционная поэзия: Чтец-декламатор» (Киев, 1923). Фрагменты. 540
Д.С.Мережковский. Статья «Когда Россия возродится...: "Ленин – ангел!"». Вырезка из газеты «L'Éclair» от 16 июня 1923 (Тетр. ГЛМ). 541
Обложка книги С.А.Есенина «Стихи скандалиста» (Берлин, издание И.Т.Благова, 1923). 542
Авторский титульный лист макета книги С.А.Есенина «Москва кабацкая». 1923. 543
Б.Ефимов. Пленарное заседание российской литературы. Дружеский шарж (журнал «Прожектор», М., 1923, 30 июня, № 10). 544
Журнал «Zwrotnica». Краков, [1923], № 5. Обложка работы Т.Несёловского. 546
Поэма С.А.Есенина «Преображение» в переводе Б.Ясенского (журнал «Zwrotnica», Краков, [1923], № 5). 547
Паспорт С.А.Есенина от 11 июля 1923 г. 548
С.А.Есенин. Фото. До 11 июля 1923. 549
С.А.Есенин. Записка к А.Дункан. Автограф. Конец (?) 1922 ... до 3 августа (?) 1923 550



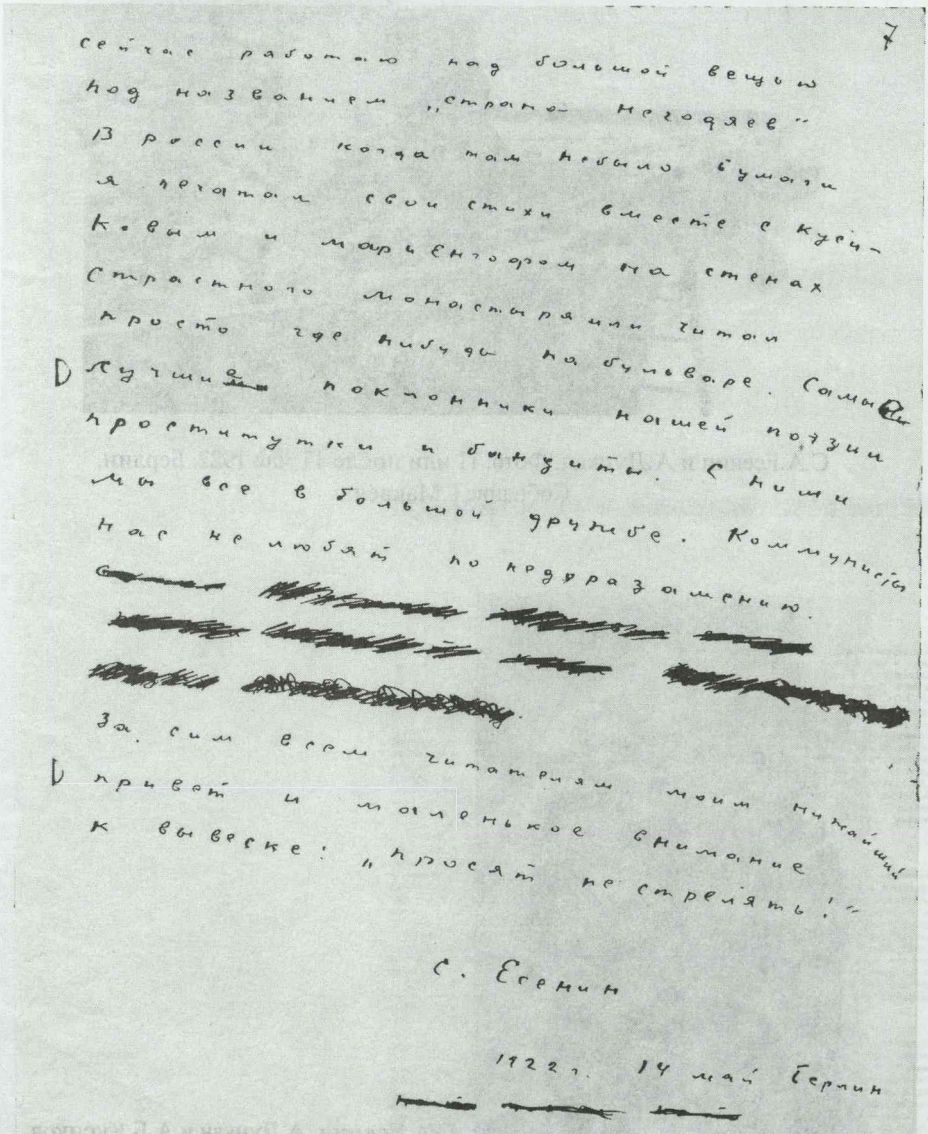
С.А.Есенин. Рисунок С.А.Залшупина. 1922.



Сергей Есенин

Я сын крестьянина. Родился в 1895 году
21 сентября в рязанской губ. рязанского
уезда Кузьминской волости.
С 2х лет по бедности отца и многочисленного
семейства был отдан на воспитание
довольно зажиточному деду по матери, у которого
было трое взрослых неженатых сыновей
с которыми протекло почти все мое детство
Дядья мои были рябята озорные и отчаянные.
Отрех с половиной лет ~~меня~~ они посадили
меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп.
Я помню что очумел и очень крепко держался
за холку.
Потом меня учили плавать. Один дядя
(дядя саша) брал меня в лодку, отъезжал
от берега снимал с меня белье и как
щенка бросал в воду. Я ~~[illegible]~~ неумело
и испуганно плескал руками ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ и пока не захлебывался он все
время кричал — Эх, сперва! ~~[illegible]~~

С.А.Есенин. Автобиография. 14 мая 1922. Берлин.
Первая и последняя страницы автографа.



7

сейчас работаю над большой вещью
под названием „страна негодяев"
В России когда там небыло бумаги
я печатал свои стихи вместе с куси-
ковым и мариенгофом на стенах
страстного монастыря или читал
просто где нибудь на бульваре. Самые
лучшие поклонники нашей поэзии
проститутки и бандиты. С ними
мы все в большой дружбе. Коммунисты
нас не любят по недоразумению.
[redacted]
За сим всем читателям моим нижайший
привет и маленькое внимание
к вывеске: „просят не стрелять!"

С. Есенин

1922 г. 14 май Берлин

[redacted]

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 11 или после 11 мая 1922. Берлин. Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин, А.Дункан и А.Б.Кусиков (на заднем плане). Фото. 11 или после 11 мая 1922. Берлин. У Бранденбургских ворот. Собрание Г.Маквея.

Глѣбъ Алексѣевъ.

Г.В.Алексеев. Рисунок из журнала «Веретёныш» (Берлин, 1922, №1).

ЖИВЫЯ ВСТРѢЧИ

(РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ РЕВОЛЮЦІЮ)

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ

Въ продолговатый корридоръ, похожій на саркофагъ, выдѣланный изнутри мраморомъ тяжелопузыхъ колоннъ, бронзой дверныхъ ручекъ, надписей на тоненькихъ какъ страусова нога цоколяхъ, стрѣльчатыми, раскоряченными лапами часовъ — торопясь, входили люди, озабоченно разговаривали съ людьми, сидѣвшими въ камерахъ, зашнурованныхъ надежной проволокой, похожихъ на клѣтки, шарили въ карманахъ, вытаскивая помятые, шуршащіе документы, укладывали въ портфели деньги, вынимали ихъ зелеными, туго обтитовленными накрестъ пачками, потомъ озабоченно уходили. Нутро большого торговаго города стекалось сюда всѣми своими ручьями — однимъ принося богатство, другимъ разореніе, словно это была станція, а подъѣздъ-биржа — сотней телефоновъ и телеграфовъ связанный съ нутромъ саркофага проносился рядомъ, уловимо близко. На выгнутыхъ съ рѣзными спинками скамейкахъ, дожидались хорошо обряженныя дамы съ открытыми почему то рединюлями, старушки — въ чопорныхъ, немнущихся на колѣняхъ платьяхъ, мимо неторопливо прохаживались мужчины съ портфелями, исподволь слѣдя за стрѣлкой напользавшей къ 1 — въ часъ банкъ закрывался.

Часовъ въ 12, когда движенія спокойныхъ людей, сидѣвшихъ въ камерахъ, вдругъ стали нервными, а у окошекъ выгнулись хвосты боявшихся опоздать — въ банкъ вошелъ человѣкъ въ велосипедномъ шлюпикѣ, насаженномъ на затылокъ, въ широкомъ англійскомъ пальто, обвисшемъ на немъ какъ колоколъ и въ бѣлыхъ парусиновыхъ окаченныхъ автомобильной грязью ботинкахъ. Онъ въ нерѣшительности остановился возлѣ швейцара, снялъ шлюпикъ и, держа его въ рукѣ, пошелъ было ближе, но потомъ раздумалъ, сѣлъ на стулъ и внимательно осмотрѣлся вокругъ. Его волосы, кружкомъ скативъшіеся на лобъ, доставали почти до бровей, безцвѣтныхъ и бѣлесыхъ, вокругъ глазъ набѣжали морщины и, набѣжавъ, затверѣли радугой. Онъ въ нерѣшительности мялъ картузъ, въ бокъ поглядывая на дѣловую толпу, самъ ей чужой, будто испугавшійся ея плавноѣрнаго бѣга, въ которомъ каждому было свое мѣсто, и не было лишь ему. Потомъ онъ досталъ папиросу, закурилъ — широкимъ жестомъ отшвырнулъ спичку на колѣни сидѣвшей напротивъ дамы съ птичьими крыльями на шляпѣ и куря, сталъ выпускать дымъ въ сторону — въ желтое и лысое какъ бильярдный шаръ лицо сосѣда — крѣпкій сидящій дымъ махорки Р.С.Ф.С.Р., купленной только вчера въ Москвѣ. Казалось, что человѣкъ въ шлюпикѣ съ интересомъ наблюдалъ, что произойдетъ дальше. Остановятся стрѣлки часовъ, люди выскочатъ изъ за рѣшетокъ, дама, которой спичка упала на колѣни, скользанетъ со стула въ обморокъ, а нѣмецъ, зачихавшій, въ крѣпкомъ дыму Р.С.Ф.С.Р., подниметъ трость — человѣкъ въ шлюпикѣ улыбнулся, закладывая ногу на ногу, бѣлымъ ботинкомъ на колѣни. Но нѣмецъ, учтиво снявъ шляпу, пробормоталъ:

— Verzeihung

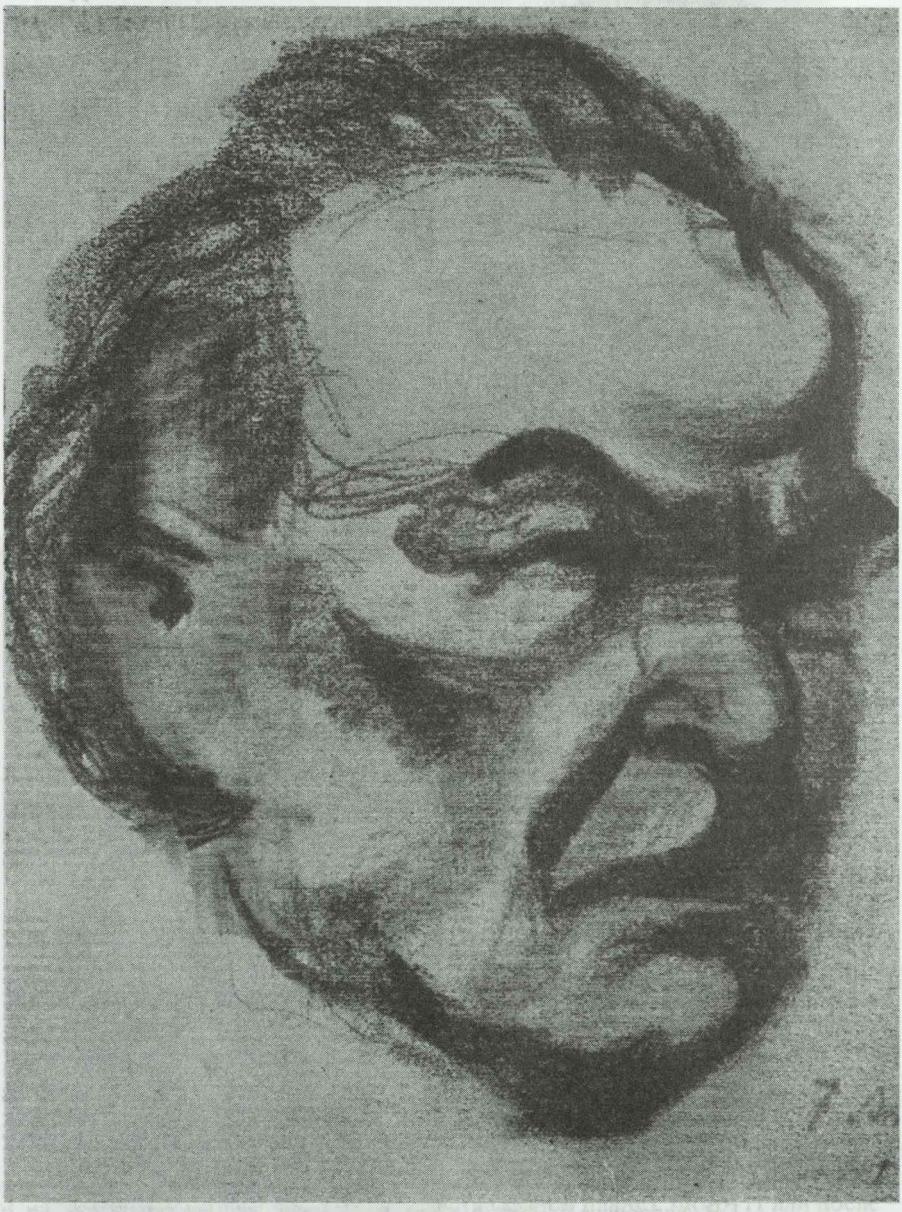
и пересѣлъ на другое мѣсто.

Тогда рядомъ съ человѣкомъ въ шлюпикѣ выросъ сторожъ — въ длиннополомъ мундирѣ, прокрапленномъ начищенной мѣдью пуговицъ, посмотрѣлъ пристально на бѣлые ботинки — и они сами скользанули къ полу, въ надлежащее положеніе. Человѣкъ въ шлюпикѣ застѣнчиво улыбнулся и, вставъ, подошелъ къ кассѣ. Тамъ онъ попробовалъ съ помощью рукъ что то растолковать кассиру, совалъ ему подъ носъ билетъ и кипу какихъ то удостовѣреній, потомъ усталъ и, махнувъ рукой, неловкой походкой пошелъ къ выходу.

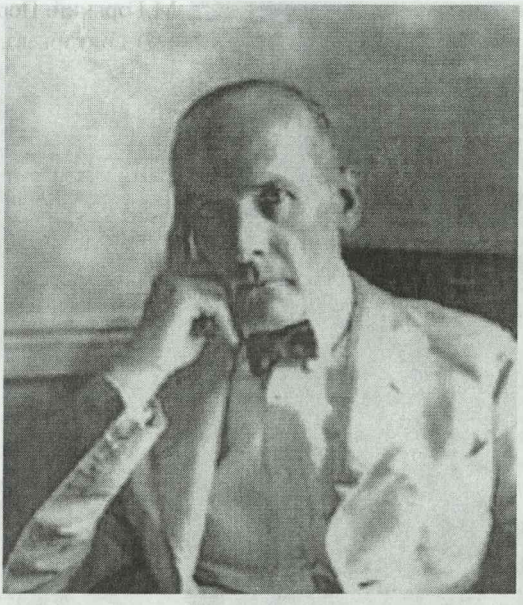
Я узналъ его и нагналъ у дверей.

Онъ все такой же — не выросъ, маленькій, какъ въ Москвѣ лѣтъ семь назадъ, все также удивляются его глаза, и застѣнчива улыбка, сдвигающая къ рѣсницамъ кольца обвѣтренныхъ морщинъ. Если бы снять съ него пальто, да на ладный кружевъ кучерскихъ, непослушливыхъ волосъ насадить картузъ по брови — звонилъ бы онъ у Николы на Посадяхъ, самъ удивляясь какъ изъ подъ мѣдныхъ дылдъ, болтающихся въ рукахъ на веревкахъ, слетаютъ внизъ согласные звуки малиноваго звона. Если бъ снять съ него бѣлые ботинки, да въ опоркахъ на босу ногу съ длиннымъ кнутомъ, обжигающимъ какъ выстрѣлъ, пустить по плотинѣ въ вечерній часъ, когда по надъ рѣкой играетъ бубенцами стадо, а окна деревенскихъ хатъ, что красный макъ на солнцѣ — пѣлъ бы онъ

Первая страница очерка Г.В.Алексеева о С.А.Есенине (журнал «Сполохи», Берлин, 1922, № 10).

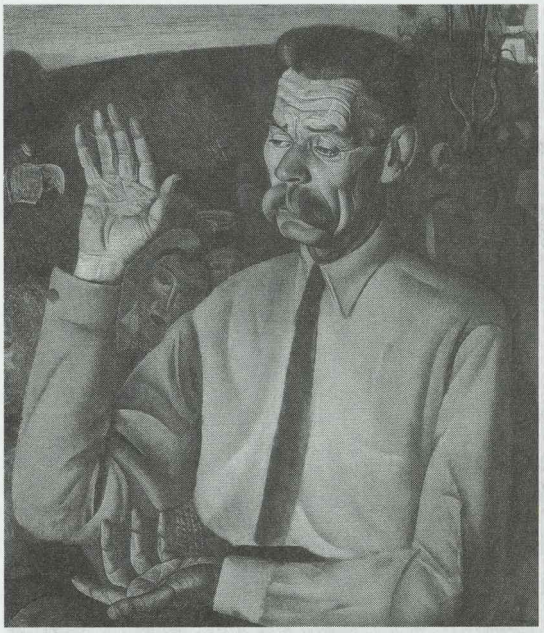


Н.М.Минский. Рисунок С.А.Залшупина. 1922. Берлин.



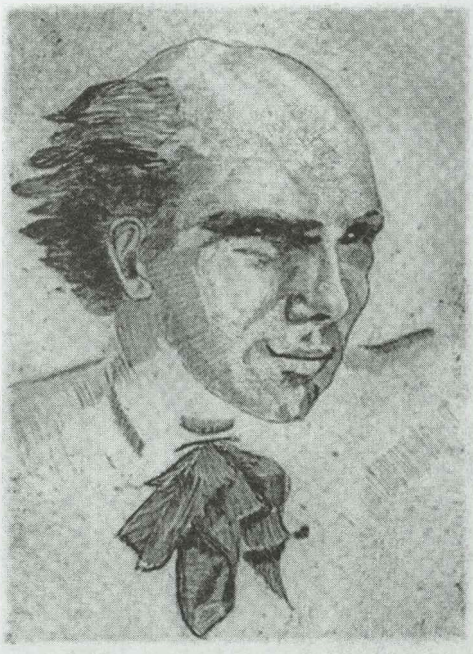
Граф Г.Кеслер. Фото. 1920-е годы.

Граф А.Н.Толстой и Н.В.Крандиевская. Фото. 1920-е годы. Собрание Г.Маквея.



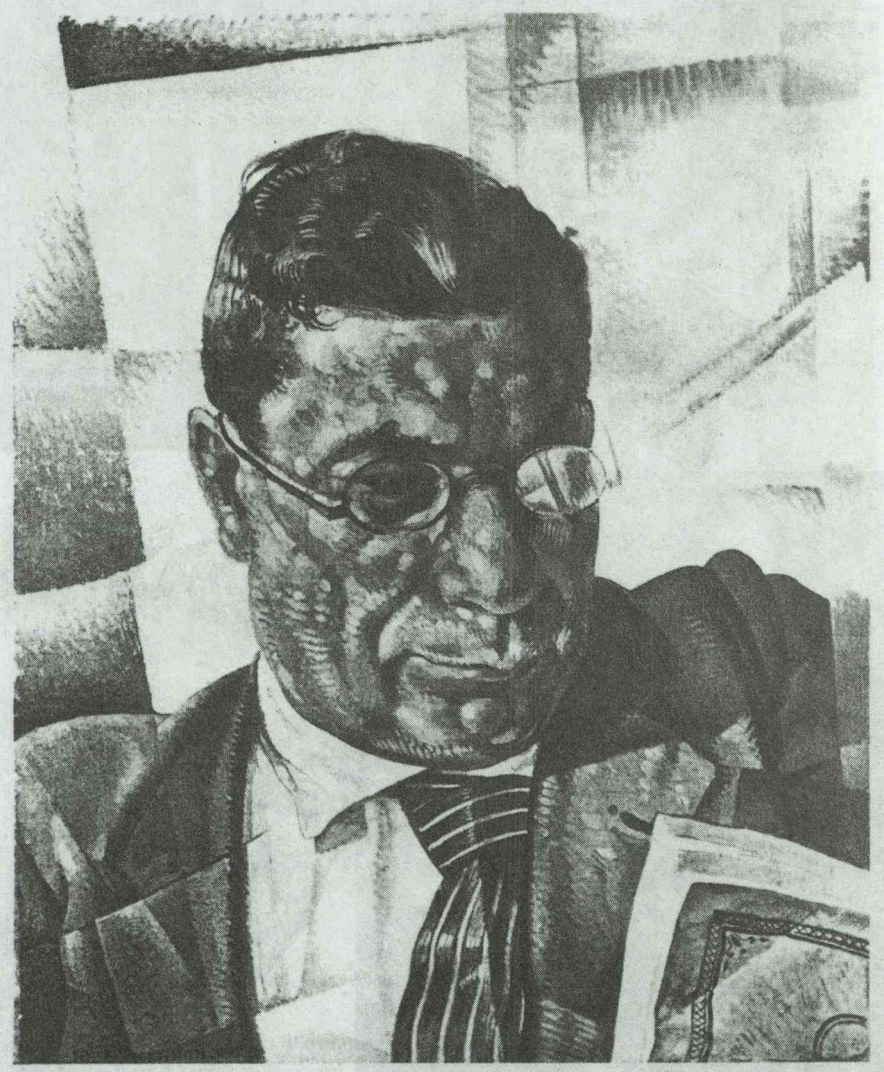
М.Горький. Портрет работы Б.Д.Григорьева. Фрагмент. 1926.

Граф А.Н.Толстой, И.С.Соколов-Микитов (стоит) и А.С.Ященко.Фрагмент групповой фотографии. 1922. Берлин.



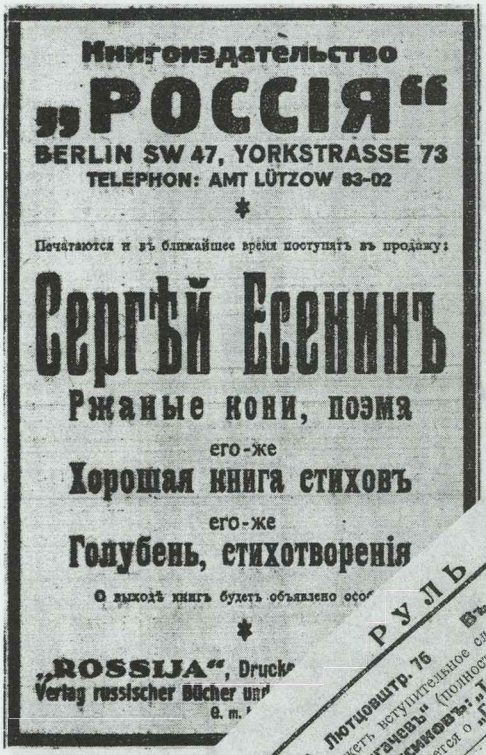
Андрей Белый. Офорт С.А.Залшупина. 1922. Берлин.

А.М.Ремизов. Офорт С.А.Залшупина 1922. Берлин.



З.И.Гржебин. Портрет работы Ю.П.Анненкова. 1919.

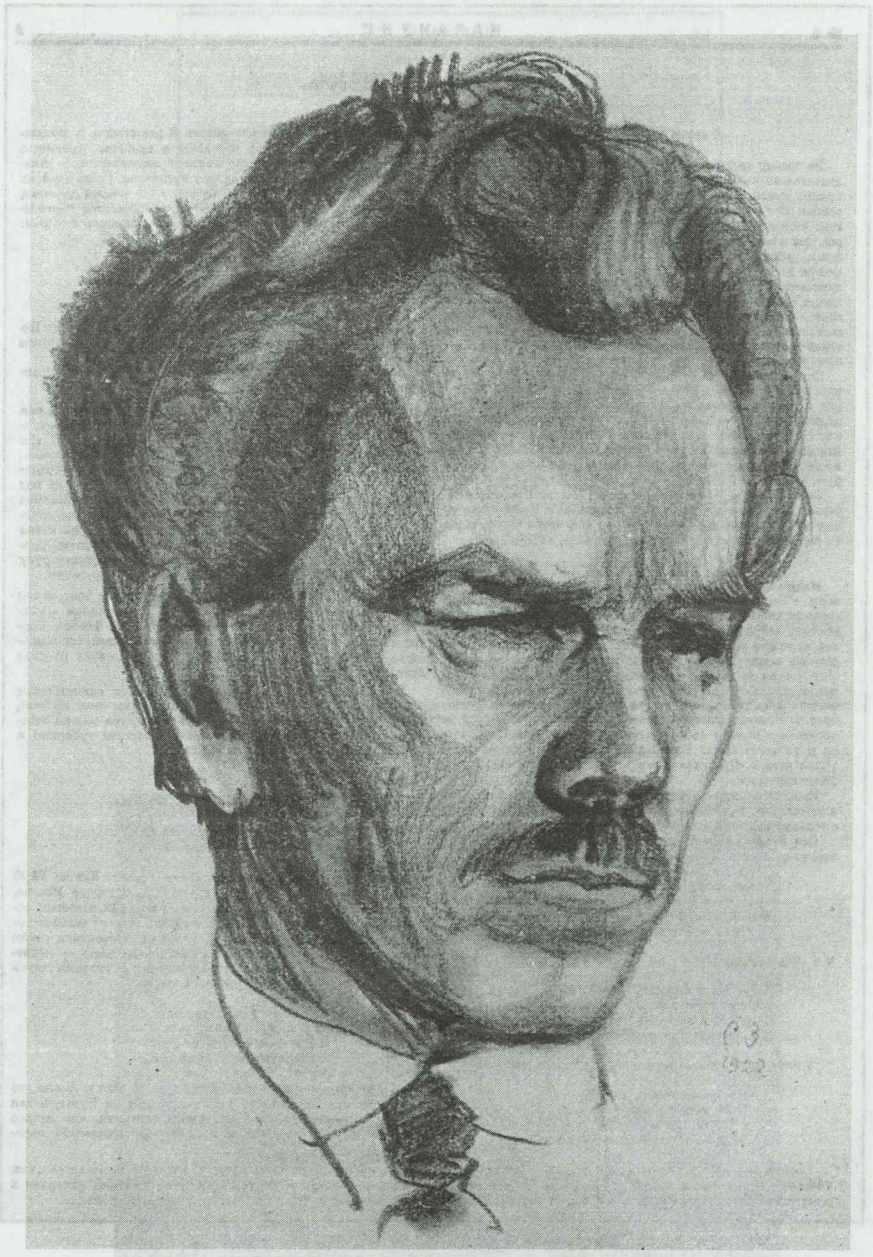
Обложка журнала «Вещь» (Берлин, 1922, № 3) работы Эль Лисицкого со стихотворенем С.А.Есенина «Волчья гибель» <«Мир таинственный, мир мой древний...»>.



Анонс книгоиздательства «Россия» о предстоящем выходе книг С.А.Есенина (газета «Руль», 1922, 24 мая, № 461).

Объявление о вечере «Нам хочется Вам нежно сказать…» С.А.Есенина, А.Б.Кусикова, А.Ветлугина и А.Н.Толстого 1 июня 1922 г., Блютнер-зал (газета «Руль», 1922, 24 мая, № 461).

Афиша того же вечера на немецком языке.



Г.Д.Гребенщиков. Рисунок С.А.Залшупина. 1922. Берлин.

Нежная болезнь.

А. Ветлугин.

Я нежно болен воспоминаньем детства...
(«Исповедь Хулигана»).

Не потому трудно писать об Есенине Сергее, что лицо его значительно и сложно. Все сложные, самые простые. Бойся прямых линий, а кривая всегда вывезет. Разговор (а тем паче статья) об Есенине под вечной угрозой потери об'екта. За три года московского житья и российских шатаний Есенин так вырос, так изменился, что былые его книги «Радуница», «Голубень», «Сельский Часослов», «Преображение» кажутся (несмотря на их определенную яркость) случайными, тусклыми, написанными каким-то другим поэтом, двойником нынешнего автора «Пугачева», «Трерядницы», «Исповеди Хулигана». И кто знает — новая поэма, которую пишет сейчас Есенин («В стране негодяев») — не победит ли она даже «Пугачева» чудовищной силой эмоции, библейской остротой образа, не родит ли она нового, третьего по счету Сергея Есенина.

Если от манеришки к манере, от манеры к личику, от личика к лицу, от лица к Большому Стилю — подымается художник и, смотря по силе его дарования достигает высшей или низшей ступени, то Сергей Есенин уже приобрел лицо, уже очистился от шелухи и случайностей первоначального задора. Его нынешний задор вторичен, плодовит, носит в себе возможности гениальных завоеваний. Его сегодняшняя задача — путь к Большому Стилю.

Так или иначе, — сегодня, говоря о Сергее Есенине, я добавляю для себя и других: Сергей Есенин, т. е. такой, каким он был до вчерашнего вечера, до «Творческой ночи», такой, каким он писал «Пугачева», «Исповедь хулигана», «Трерядница».

2.

Маленькое «чистолюбие» Есенина встречает крупные отпоры. Ему хочется быть «разбойником и хамом и по крови степным конокрадом», а друзья и враги, приятные и отталкивающие, единодушно мурлыкают: «Есенин — тихий, Есенин, как цветущее болото. Есенин — скромный, скромный, Есенин (говорят и такое) — монах, Алеша Карамазов»!..

А совсем на-днях, в гостиницу, осаленную рожами шиберов, пуговицами телефонных мальчиков, щучьими зубами скучающих англосаксов, пришел американский репортер, посмотрел на Есенина, щелкнул кодаком, поговорил сам с собой на непонятном Есенину языке и записал в свой блокнот, что, хотя он и не знает стихов Есенина, но убежден, глядя на белые туфли автора «Пугачева» в его великих тихости, скромности, послушничестве...

Прочти большую часть литературы об Есенине, приходишь к убеждению, что Россия состоит из американских репортеров с кодаком Бродин и вечной ручкой Уотермана...

Сам Есенин, на призывы к скромности и тихости, внутительно отвечал в «Пугачеве:

Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельяновы,
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь заново.

и в «Исповеди хулигана»:

Но не бойся безумный ветр
Плюй спокойно ластвой по лугам.
Не острет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты хулиган...

И наконец в одном из недавних стихотворений:

Все живое особой метой,
Отмечается с ранних пор,
Еслиб не был я поэтом,
То наверно был мошенник и вор...

...Этот спор о свойствах поэтической подпочвы Есенина был бы абсолютно ненужен и для него и для нас, если бы установление поэтической репутации не зависело часто от таких случайных причин, от таких случайных встреч. В революцию, в московском переулке, когда еще поливали в сумерках пулеметы, встретился Есенин с его сегодняшними соратниками, — Анатолем Мариенгофом и Александром Кусиковым. Созданный их трудами, столько раз воспетый одними, [illegible] другими, имажинизм, при осеннем подсчете цынизит оказался благодетелем. Начали дорогою, прошли чрез задор, пришли к отваге:

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась...

Начали тяжбой с Богородицей, прославлением Марфы Посадницы, окончили детский период имажинизма устремлением к исторической трагедии.

Мариенгоф пишет «Заговор дураков» (эпоха Анны Иоанновны), Есенин «Пугачева».

И странная вещь: в трагедии Есенина нет действия, она вся в монологах, ритм Есенина — их «собственный» имажинистский ритм с повторением одних и тех же слов (И три ночи... три ночи. Слушайте, слушайте! Внимание, внимание... Вот всплывает, всплывает) с постоянным возвратом любимых образов («Тяжелее, чем камни, несу мою душу», «Неужель под душой также падаешь, как под ношей»); в трагедии Есенина всегда и везде «я — сам», «я — Сергей Есенин» (кое-что сродное с Кусиковым); и однако и все же и несмотря ни на какие горделивые обособления 1) эпохи, 2) имажинизма, 3) поэта, Сергей Есенин чрез одно и чрез много столетий протягивает руку, творцу «Бориса Годунова», творцам классической трагедии.

В изумительно-мощном выявлении характеров, в построении соответствий меж исторической правдой, критицизмом сегодняшней эпохи, желанным жестом и обязательной фразой, Сергей Есенин — хочет ли он того или не хочет — является возродителем великолепной трагедии, вне которой тоскует русская литература вот уже 97 лет.

В старые меха классической формы влили единственное вино млатом на стекла скованной России. Нужны были 1917—21, чтобы на русскую революцию русская литература смогла ответить. Сергеем Есениным, Крестьянин Рязанской губернии и заправила хулиганов в «Стойле Пегаса».

В «Треряднице»:

Тысячи лет те-же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть,
Не молиться тебе, а лаяться,
Научил ты меня Господь...

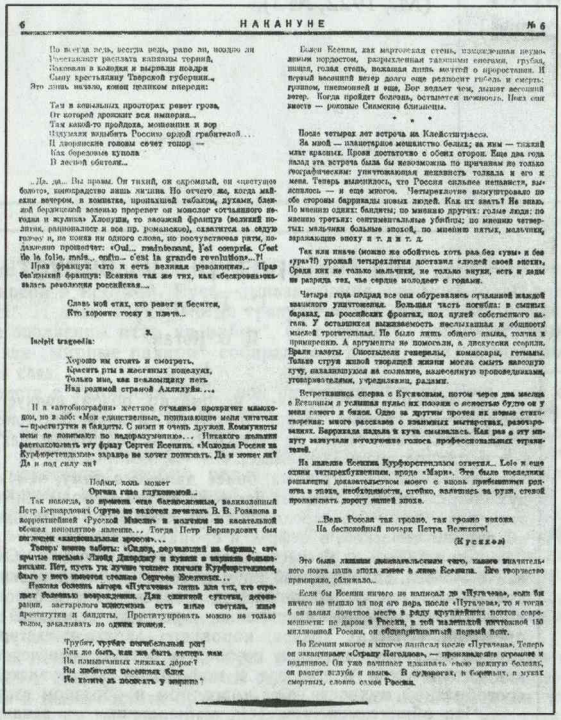
В автобиографии (появится в «Новой Русской Книге» № 5) впический рассказ о том, как в году 1920, в городе Москве, в день именин приятеля, не оказалось щепок для растопки самовара, и пришлось нарубить две иконы. Гость — человек городской и атеист — не вместим в себя изготовленного таким образом чая; Есенин — «монах и Алеша Карамазов» — похлебывал стакан за стаканом и скромными тихими глазами омута недоуменно созерцал растерянность гостя...

За селины твои кудрявые,
За копейки с златых осин,
Я прячу тебе: «к чорту старое»
Непокорный разбойный сын....

Да, он Карамазов, но только не Алеша. А если и Алеша, то не ошибся ли Достоевский и не перехитрила ли Кузьминская волость Рязанского уезда, Рязанской губернии, где возрос этот белокурый, деревянным маслом «гофрированный» паренек?

Да, он тихий, но только тишина его какая-то послегрозовая. От такой тишины и такого спокойствия шатаются материки и верх торомашками летит благоустроенные общества...

А.Ветлугин. Фрагменты статьи «Нежная болезнь»
(Литературное приложение к газете «Накануне», 1922, 4 июня, № 6)



6 НАКАНУНЕ № 6

Но всегда ведь, весна ведь, рано ли, поздно ли
Расклюют расплаты капканы терний,
Выгонят в колодец и вырвали ноздри
Сыну крестьянину Тверской губернии...
Это день начало, конец полком впереди:

Там в сенальных просторах ревет гроза,
От которой дрожит вся империя...
Так какой-то пройдоха, мошенник и вор
Поднялся взнуздать Россию орлой грабителей...
И двуглавые головы сечет топор —
Как березовые куколи
В лесной обители...

...Да, да... Вы правы. Он тихий, он скромный, он «шестунов болото», конокрадство лишь лягушек. Но отчего же, когда майскими ветрами, в комнатах, пропахших табаком, духами, блевотой бездонной зеленью прорвет он поволоки «отчаянного похода и жуликов Хлюшки, то звонкий француз (великий поэтик, анализалист и все пр. романское), сидящий за одним столом и, не понял ни одного слова, но посумасшедшей тяги, подавленно произнес: «Oui... malchanski. Fat compris. C'est de la folie, mais... enfin... c'est la grande revolution»...?!

Прав француз: что и есть великая революция... Прав безумный француз: Есенин так же тих, как «безгромовыскалзь революция российская»...

Слово мой отец, что ревет и бесится,
Кто хороших тоску у плачь...

3.

Incipit tragoedia:

Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жалостных поцелуях,
Только мне, как пеликанцицу петь
Над родимой страной Аллилуйя...

И в «автобиографии» жестное отчаянье прорвется языком, но в злоб: «Мои единственные, понимающие меня читатели — проститутки и бандиты. С ними я очень дружен. Комитеты меня не понимают по недоразумению... Никакого желания расположить эту фразу Сергея Есенина. «Молодая Россия на Куфюрстендамм» задарь не хочет понимать. Да и может ли? Да и под силу ли?

Поймет, кому может
Органа гнев глухонемой...

Так никогда, во времена сего бесноватости, великолепный Петр Бернардович Сергеев не задочел печатать В. В. Розанова в корректнейшей «Русской Мысли» и молчком по касательной обошел монументное явление... Тогда Петр Бернардович был погружен национальным просвет...

Теперь иные заботы: «Пилат, окрашенный во баранье; «отчаянные письма» Лидии Дмитриевны и кушанья и напитки большевиков. Нет, пусть уж лучше читают почитатели Куфюрстендамм, благо у него имеются стопами Сергеев Есенинских...

Никогда болезнь автора «Пугачева» лишь для тех, кто страдает болезнью возрождения. Для сонливой сутолки, дегенерации, застарелого извозчичьего есть живая сметана, живые проститутки и бандиты. Проституировать можно не только телом, зевательность по одним головам.

Трубит, трубит печальный рог!
Как до быть, как это быть теперь нам
На пожелтелых лилах дорог?
Вы любители весенних бань
Не хотите ль поскакать у мерина?

Были Есенин, как мертвецкая степь, изнасилованная первобытным нордостом, разрисованная талыми снегами, трубы, пашня, голая степь, вожатая лишь мотней о прорастании. И ночной весенний ветер долго еще разносит гибель и смерть: грустном, пневмонией и ище. Вот видит тем, знает весенний ветер. Когда пройдет болезнь, останется немногое. Иных сам вместе — роковые Сименове близнецы.

* * *

После четырех лет встреча на Кавказстрасса.

За мной — планетарное мещанство белых; за ним — тихий мат красных. Крови достаточно с обеих сторон. Еще два года назад эта встреча была бы невозможна по причинам не только географическим: уничтожающая ненависть толкала и его и меня. Теперь выяснилось, что Россия сильнее ненависти, выяснилось — и еще многое. Четырехлетие вымутировало по обе стороны баррикады новых людей. Кто их знает? Не знаю. По мнению одних: бандиты; по мнению других: голые люди; по мнению третьих: сентиментальные убийцы; по мнению четвертых: мальчики больше людей, по мнению пятых, мальчики, заражающие эпоху и т. д и т. д.

Так или иначе (можно же обойтись хоть раз без «сумы» и без «тюрьмы!) уроний четырехлетия достигал «глубей своей земли». Среди них не только мальчики, но только звери, есть и дамы из разряда тех, чье сердце молодеет с годами.

Четыре года подряд все они обуревались отчаянной жаждой взаимного уничтожения. Большая часть погибла: в сыпных бараках, на российских фронтах, под пулей собственного штаба. У оставшихся выживаемость несомышлая и общность мыслей трогательная. На было лишь общего языка, только и примирялись. А аргументы не помогали, а действовали сообща. Брали газеты. Описывали генералы, комиссары, гетманы. Только струя живой творящей жизни могла смыть накопную муть, скапливающуюся из солдатни, вышеописную провокациями, утверждениями, учреждениями, разными.

Встретившись спервa с Кусковым, потом через два месяца с Есениным я услышал нулю: их поэзия с детства будто он у меня отняли и били. Одно за другим прочел их новых стихотворения: много рассказов о взаимных мытарствах, разоторжениях. Баррикада падала и вуча смыкалась. Как раз в эту минуту замутили встревоженно голоса профессиональных отравителей.

На имение Есенин Куфюрстендамским отвечал... Lolo и еще одним четырехбуквенным, вроде «Мари». Это было последними рыданиями доканчательством моего с ними прибавления розлива в этике, необходимости, стойко, являемся за руки, стевой произнести дорогу нашей эпохе.

...Ведь Россия так грозно, так громко поэзна
На беспокойный почерк Петра Великого!

(Кусков)

Это были линиями доканчательским чего, какого значительного поэта наша эпоха имеет в лице Есенина. Его творчество примирало, сближало...

Если бы Есенин ничего не написал до «Пугачева», если бы ничего не вышло из под его пера после «Пугачева», то и тогда б он занял почетное место в ряду крупнейших поэтов современности: по даром в России, в той маленькой читальной 130 миллионной России, он обязательный первый поэт.

На Есенин много и много написал после «Пугачева». Теперь он заканчивает «Сорану Наголдова», — произведение огромное и подлинное. Он так начинает изменять свою поэзию болезни, он растет вглубь и вширь. В судорогах, в борениях, в муках смертных, словно самое Россия.

С.А.Есенин и А.Ветлугин (?). Фото. 1922.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1922

КНИГА ТРЕТЬЯ

МАЙ ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Обложка журнала «Красная новь» (М., 1922, № 3).

II. Литературные силуэты.

С. Есенин.

П. С. Коган.

I.

С первого взгляда, как-то непонятно, почему волнует поэзия Есенина, почему звенит звоном простора и дали без конца и предела, зовет к порывам таким же бескрайным и сказочным, как наше бузумное и пьяное время.

Казалось бы, нет поэта, более далекого тому, чем наполнен воздух современности, этим от промышленной Европы занесенным идеям, этой революции без народного лица, без Бога, интернациональной и материалистической, в цифрах и сроках рассчитанной.

Он пришел от беспредельной русской равнины. Он крепко связан с землей, где заросший пруд и хриплый звон ольхи, где бедный крестьянин, как сотни лет назад, боится Бога и болотных недр. В шумный город принес он поэзию народных верований и дедовских преданий, сельских храмов, коровьего запаха и пастушеских песен. Есенин завершает вереницу поэтов, обретших неисчерпаемый источник вдохновения в природе и мифологии крестьянской Руси, в ее своеобразной мудрости, в ее красочном и образном языке.

Что общего между вихрем, вырывающим из земли корни векового уклада, и душою, расцветшей из этих корней, душою, которая жаждет молиться старому Богу, поклониться придорожью, припасть на траву?

Он знает, что ему не уйти от пленительных чар этого мира:

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Горе и тяжесть;—против них верная защита—крест и молитва. От рождения поверил он в „Богородицын покров". Колыбель его охранял Христос и святые, и до сих пор он продолжает их видеть среди родных лесов. Христос мерещится ему „Между сосен, между елок, меж берез кудрявых бус". А ласковый угодник Микола, как и встарь, в лаптях и с котомкой на плечах ходит мимо сел и деревень, ходит „милостник" неспешной стопою, наклонивши лик свой кроткий. В этом эпическом мире, откуда вышел Есенин, неведомы гордые пути организованной человеческой борьбы за свое счастье. Бесконечный край бессилия и невежества, в рабской покорности ждет ограды от бедствий из тех далеких облаков, откуда светит и животворное солнце, откуда приходят и опустошительные грозы. Господь с престола посылает Миколу, своего верного раба, обойти русский край, защитить там „в черных бедах скорбью вытерзанный люд". Всюду, где злые скорби поражают человека, он, жилец страны нездешней, приходит исцелить печаль забот, он, слуга давнишний Бога, молится „в алых ризах кроткому Спасу" за православных христиан.

П.С.Коган. Литературные силуэты: С.А.Есенин. Начало статьи из журнала «Красная новь» (Москва, 1922, № 3).

II.

Вот эту смиренную Русь любит Есенин. К ней прилагает он эпитеты мирной и кроткой. Русь—„милая родина, сладкий отдых в шелку купырей". И даже тогда, когда грянул гром, и „повестили под окнами сотские ополченцы итти на войну", он постигает поэзию покорности в том, как „мирные пахари" собирались в поход—без печали, без жалоб, без слез.

Вместе с Тютчевым и Блоком он любит убогую Русь с ее однообразной природой, „край забытый, край родной", грустную песню—русскую боль, поля как святцы, рощи в венчиках иконных, дрожащую рябину. „Край заброшенный, край—пустырь, сенокос некошеный, лес, да монастырь", любит редкие забоченившиеся избы, их крыши, „запенившиеся в заревую гать", богомолок, идущих по дорогам.

Себя в своих грезах он видит убогим странником, „поющим о Боге с вечерней звездой". Он—светлый инок, бредущий в скуфейке степной дорогой к монастырям, с посохом и с сухим кошелем из хворостинок. Он странствует, как русский странник, в поисках вселенской правды, он хочет „концы земли измерить по отуманенной росе, и в счастье ближнего поверить на взборонённой полосе". Он „все встречает, все приемлет".

Эта „смиренная" Русь, Русь крестьянская, в наши дни стоит страшной и еще не разгаданной загадкой. С этой ли кротостью, молитвами и покорностью брать на себя миссию освобождения человечества! Ведь им, до сих пор не разгаданным русским крестьянином, быть может, решается сегодня дальнейший путь не только русской, но и европейской истории. Ведь здесь, среди этого необъятного темного моря, загорелся светильник последнего восстания, началась первая стычка последней битвы между трудовым и паразитическим человечеством. Зажжется ли это темное море самоярким светом, или зальет и загасит пылающий красный светоч? О чем шумят листья таинственных лесов, что несут революции молчаливые равнины и что происходит там, в глубине души многомиллионной деревенской массы?

Перед тайной крестьянской Руси все еще стоит в недоумении русская революция. Есть где-то пути, где в грозном согласном реве сливаются стихия народная и стихия международного восстания, где в непостижимом единстве сочетаются религиозное чувство народа и атеистический расчет революции. Но есть и такие пути, на которых их встречи враждебны, и тогда что-то неодолимое, страшное и упрямое возникает там, в глубине деревни и враждебными злыми глазами глядит на бунтующие города.

Эта Русь не только смиренная и кроткая. Там рождались стихийные бунты, бессмысленные и неорганизованные, как все стихийное, но к своей неведомой цели стремящиеся непреложно и прямо, как всякая стихия.

Там патриархальные идиллии усадебно-деревенского быта не раз озарялись заревом пылающих поместий. Там шли вместе с городом

Журнал «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XX-XXI, май – июнь). Обложка работы В.Боровского (Wacław Borowski).

„NAIWNA PROSTOLINIJNOŚĆ „psychologji" nowych i najnowszych prądów... musi ustąpić raz przed sumiennem dociekaniem związków myśli narodowej.. czujem[y] związek wszystkich pokoleń naród stwarzających".

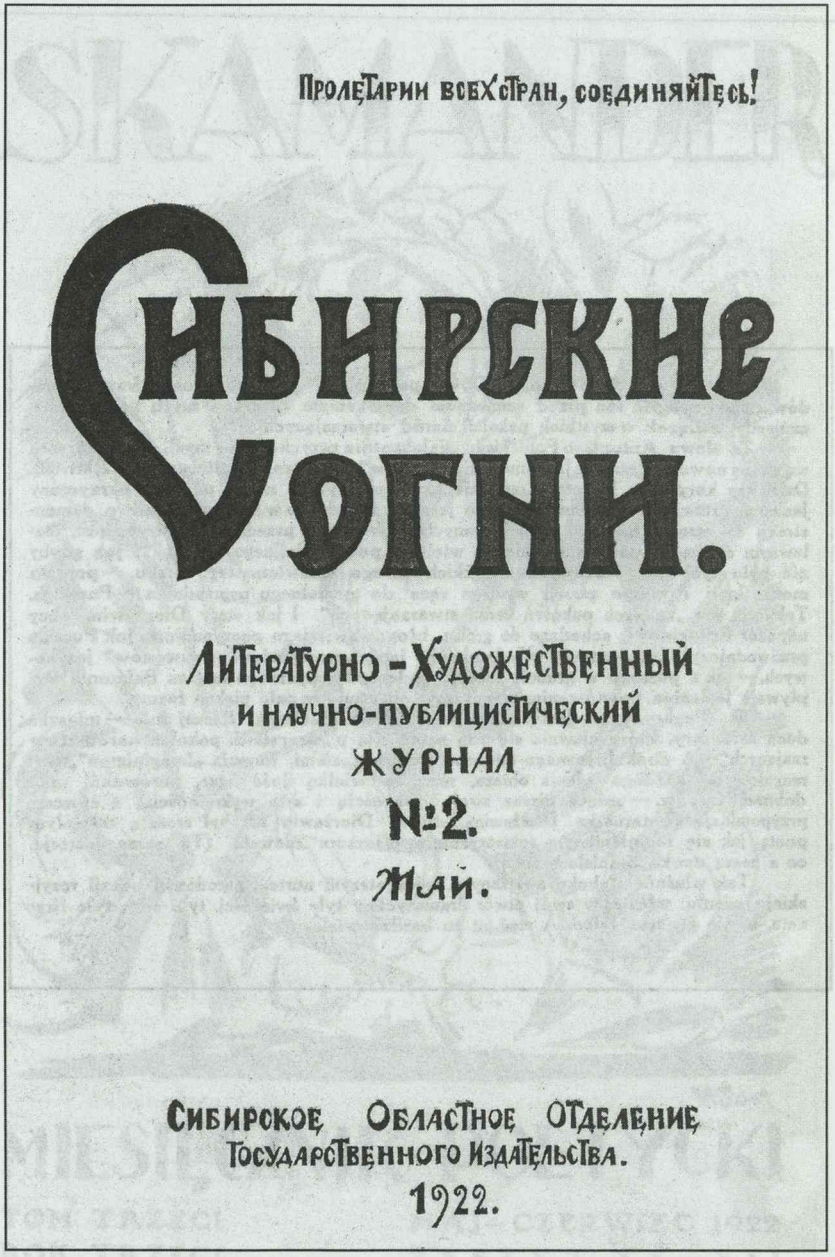
Te słowa Antoniego Potockiego wielokrotnie przychodzą na myśl, gdy przerzuca się strony nowego dramatu Jesienina („Pugaczow", Moskwa, „Imażinisty", 1922; str. 80). Dzisiejszy koryfeusz literatury rosyjskiej, król olbrzymiej rzeszy poetów, okrzyczany Jesienin, przeciwko któremu niedawno jeszcze urządzano w Berlinie burzliwe demonstracji ze strony bardziej umiarkowanych, — w swym przedziwnym lirycznym, rozlewnym dramacie naprawdę staje się wielkim poetą wielkiego narodu. I jak gdyby nie było tych lat burzliwych i ciężkich całego dziewiętnastego wieku, — poprzez morze krwi i morze poezji wyciąga ręce do genjalnego poprzednika — Puszkina. Taki jest ów „związek pokoleń naród stwarzających". I jak stary Dierżawin, obcy napozór Puszkinowi, schodząc do grobu, błogosławił jego poczynaniom, jak Puszkin przewodniczył Balmontowi w odszukaniu jego „przełomów i podzwonów" językowych, — tak z pustego w gruncie rzeczy, nadętego a pysznego talentu Balmonta wypływają Jesienina powtórzenia, pleonazmy, eurytmje — całe piękno formy.

W „Pugaczowie" Jesienina mieszka duch Puszkina. Raczej nie — mieszka duch narodowy, który ujawnia się z tą samą siłą u „wszystkich pokoleń naród stwarzających". A obok lirycznego oddechu stepowej ziemi, formuła „imaginizmu", wymagająca od każdego zdania obrazu, narzuca wielką ilość figur, porównań, upodobnień, tropów, — rażącą nieraz swoją obfitością i swą wykrętnością, a żywcem przypominającą staruszka Dierżawina. Stary Dierżawin nie był zresztą tak złym poetą, jak się to olśnionym romantyzmem pisarzom zdawało. (Ta sama historja, co z naszą epoką Stanisławowską).

Tak właśnie głęboko związany z najczystszym nurtem narodowej poezji rosyjskiej Jesienin wlewa w swój utwór dramatyczny tyle świeżości, tyle siły, tyle liryzmu, na ile go stać tylko. A stać go na bardzo wiele.

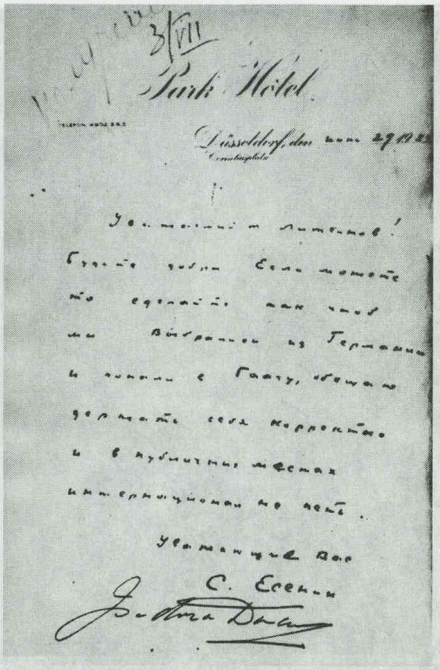
– ji –

Я.Ивашкевич. Отклик на книгу С.А.Есенина «Пугачев» (Имажинисты, 1922) из журнала «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XX-XXI, май – июнь).



Обложка журнала «Сибирские огни» (Новониколаевск, 1922, № 2, май) со статьей В.П.Правдухина «Письма о современной литературе: Письмо первое», где говорится о Есенине.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Май – июнь (?) 1922. Берлин. Собрание Г.Маквея.



С.А.Есенин Письмо М.М.Литвинову. Автограф. 29 июня 1922. Дюссельдорф.

А. Дункан едет в Америку.

С нею и ее муж, „крестьянский сын" Есенин

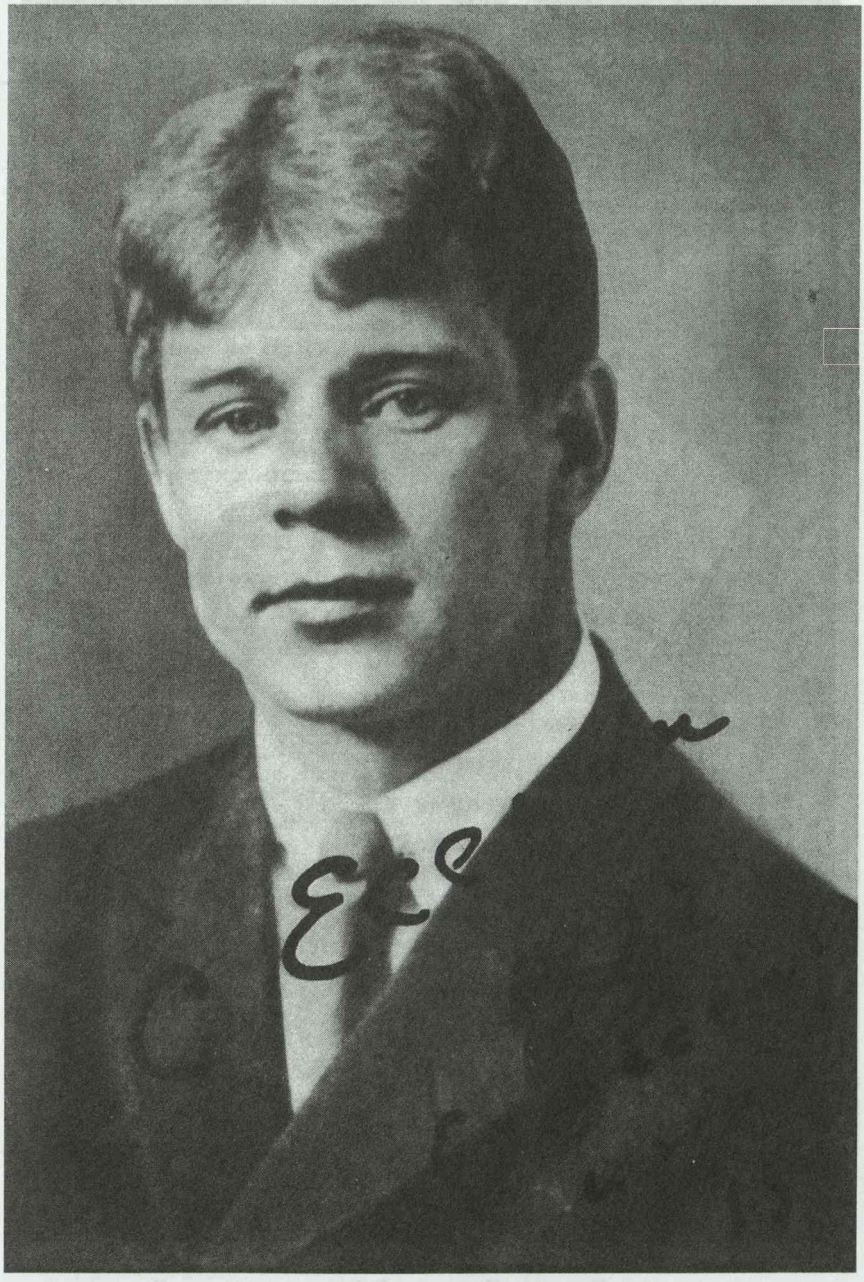
Берлин, 30 июня. „Я хочу открыть школу танцев в каждой стране. Задача правильного воспитания детей лежит в развитии их духа, а не мозгов. Только в таком воспитании залог прочного мира на земле".

Так говорила жена русского поэта, Сергея Есенина, всемирно известная Айседора Дункан.

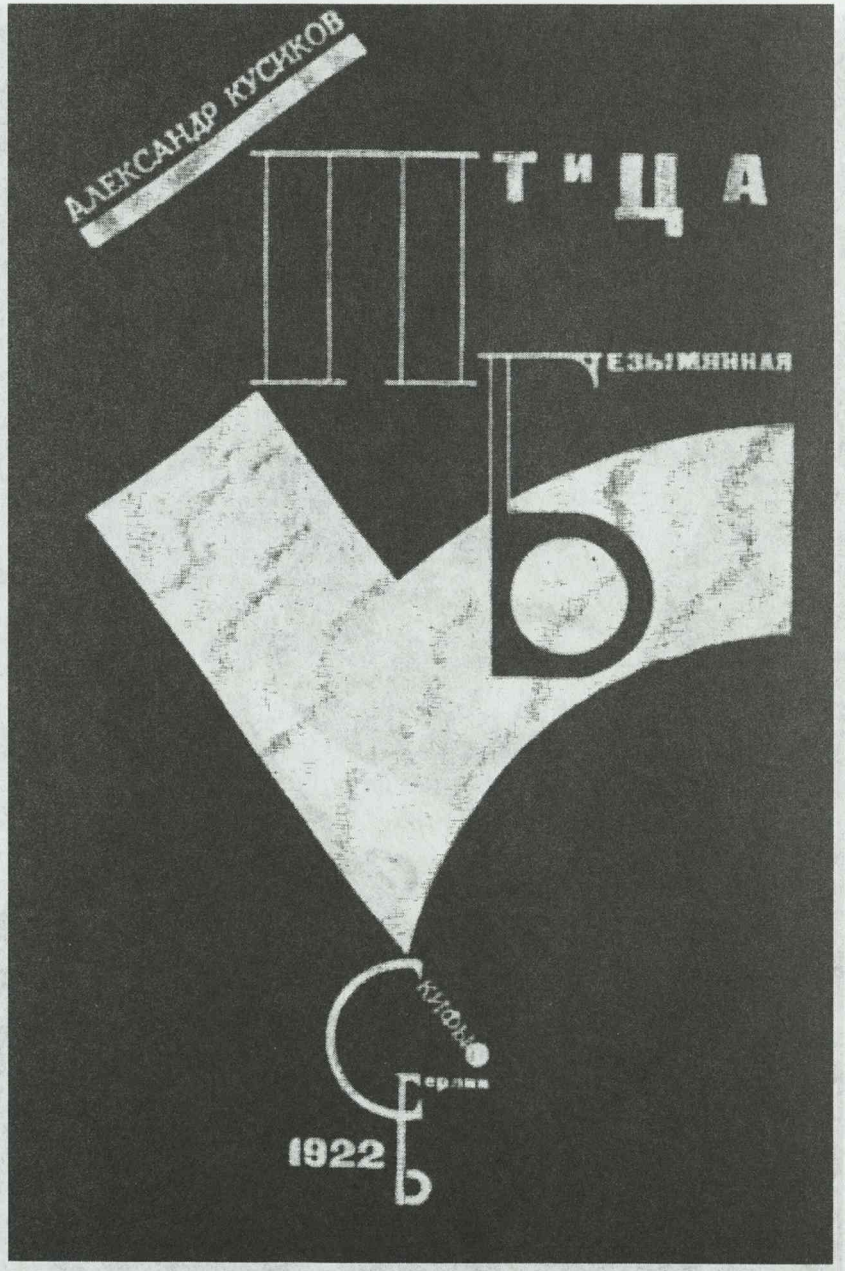
А. Дункан намерена посетить Америку. Ее приезд тормозится паспортными затруднениями.

С выходом замуж за русского она утратила свои права американского гражданства. С ней направляется и ее муж, поэт и скульптор, „крестьянский сын" Есенин.

Заметка «А.Дункан едет в Америку» (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 1 июля).



С.А.Есенин. Фото. Между 29 июня и 3 июля 1922. Дюссельдорф.



Обложка книги А.Б.Кусикова «Птица безымянная» (Берлин, 1922) работы Эль Лисицкого.

31

ЕСЕНИНУ СЕРГЕЮ

Кудри день. — Это ты в гранях города гость
Сын полей хлебородной тиши.
Я люблю твоих дум черноземную горсть,
Золотые колосья души.

Я люблю твои лапти сплетенных стихов,
Деревенскую грусть ресниц.
Мне в оковах асфальта с тобою легко
Среди бледных, раздавленных лиц.

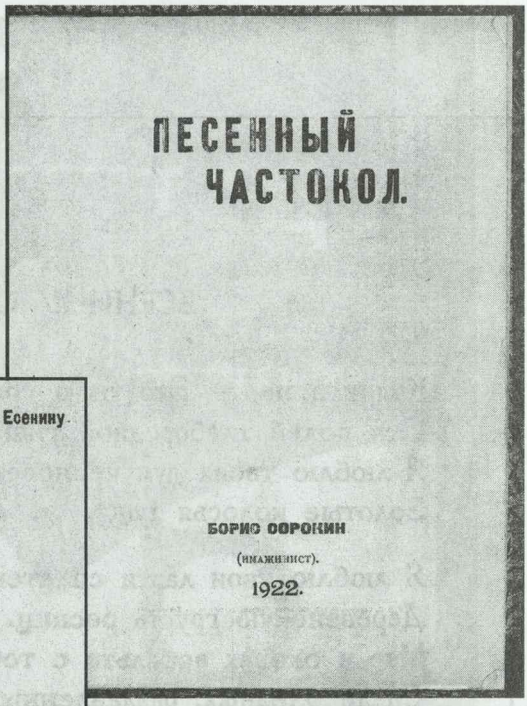
Вот и день, как вчерашний, больней и больней,
Скалясь горлом фабричным хрипит.
О, какими молитвами выцветших дней
Мне страданья свои искупить?

Если сердцу вершинному в муках звонков
Полюбились равнины твои,
Где-то там, по горам, далеко, далеко,
Тари звонкий печаль раздвоит.

1919.

Стихотворение А.Б.Кусикова «Есенину Сергею»
из его книги «Птица безымянная» (Берлин, 1922).

Обложка книги Б.А.Сорокина «Песенный частокол» (Саранск, июнь 1922).



Сергею Есенину.

Это я красногубый и смелый
Куст зари на плечах принес.
Будет песня моя над деревней
По ложбинам где стынет овес.

На заре, по росистым разбегам,
Скоро, скоро не высохнет след.
И не сыпаться звездному снегу
В колеи моих песенных лет.

В рыжем поле зерна-капли
Мои песни будут качать.
И хрустящее жнивье грабли
Без меня не придут целовать.

Будет петь деревенское солнце,
Золотить свой месяц рога.
У родных моих сизых околиц
Прозвенит расписная дуга.

Нашей жизни красное лето,
Серп изогнутый наших бровей.
Все прославится свистом поэта
По ложбинам хрустящих полей.

Наливайся душа облаками,
Хвост зари по лугам распускай.
О, какими, какими серпами
Выжну тихого поля я край?

Август—1921 г.

Стихотворение Б.А.Сорокина «Это я красногубый и смелый...» из книги «Песенный частокол».

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Между 29 июня и 3 июля 1922.
Дюссельдорф. Собрание Г.Маквея.

Журнал «Lumière» (Антверпен, 1922, № 9–10, июль). Обложка работы Ж.Минне.

3e Année. N° 9 15 Juin 1922

LUMIÈRE

Rédaction - Administration : 160, Avenue d'Amérique, Anvers

JORIS MINNE, SECRÉTAIRE — ROGER AVERMAETE, DIRECTEUR — HENRI VAN STRATEN, SECTION GRAPHIQUE

REPRÉSENTANTS RÉGIONAUX :

MARCEL MILLET (France) — L. CHARLES-BAUDOUIN (Suisse) — LIONELLO FIUMI (Italie) — IVAN GOLL (Allemagne) — LEIGH HENRY (Angleterre) — RAPHAËL LASSO DE LA VEGA (Espagne)

SERGE MILLIET (Brésil) — VIKING DAHL (Suède)

SOMMAIRE :

La grande voix de la Russie d'hier :
Mémoire à Boulgakoff (inédit), extrait — Léon Tolstoï

Cinq voix de la Russie d'aujourd'hui :
Le Navire des Cavales — Serge Essenine
Prologue du Mystère-Bouffe — Wladimir Maïakowsky
Poème — Elie Threubourg
Le crépuscule de la liberté — Ossip Mandelstaum
Poème — Marina Tswetaïewa

Voix d'Occident, de révolte et de pitié :
A propos de la famine russe — Charles Vidral
Pauvre et glorieuse Russie — René Arcos
La grande pitié du peuple russe — Philéas Lebesgue
Eloge de la pitié — P. J. Jouve
En souvenir — Fanny Clar
. . . — Frans Hellens
La Rédemption — Jean Tousseul
Nous, les hommes... — Roger Avermaete

L'offrande des Poètes :
Nous ne te verrons pas... — Henriette Roland-Holst
Poème pour un enfant russe — Georges Chennevière
Poème pour les enfants qu'on tue — Marcel Martinet
A mon sein, suspendue... — Henriette Sauret
Souvenir de Karamazov — Marcel Millet
En fuyant le concert de la ville d'eaux — André Savanier
Gens — Henri Bressler
Ode — Henri Poulaille
L'offrande des riches — Marceline Hecquet
Psaume de la pitié — Pierre Broodcoorens
Poème — Robert Goffin
Fête — Georges Linze
La Russie — Bob Claessens
Russie — Frank v. d. Wyngaert

L'offrande des Prosateurs :
La révolution Russe et nous — Jean-Richard Bloch
Un fait divers au lac de Genève — Stefan Zweig
L'hymne funèbre — Jean Lémont
Au bord de la Neva — Jacques Mesnil
De la terrasse — Armand Henneuse

Deux études sur l'âme russe :
L'atmosphère de la prose russe — F. M. Huebner
Le secret de la musique russe — Louis Emié

Deux apports de solidarité :
Entre deux Portraits — Léon Bazalgette
Une page inédite — Georges Duhamel

L'apport des graveurs :
Bois gravé pour illustrer « l'Hymne funèbre » — Lucien-Jacques
» » — Jan Cantré
» » — Frank Mortelmans
2 bois pour illustrer « Un fait divers au lac de Genève » — Joris Minne

Титульный лист и страница того же номера журнала «Lumière»
с отрывком из поэмы С.А.Есенина «Кобыльи корабли» в переводе Ф.Элленса.

«LUMIÈRE»

Cinq voix de la Russie d'aujourd'hui :

Le navire des Cavales

(EXTRAIT).

Je chanterais, je chanterais, je chanterais !
Je n'offenserai ni chèvre, ni lièvre.
S'il y a de quoi s'attrister
N'y a-t-il pas aussi de quoi sourire ?
Tous nous portons une pomme de joie
Et le sifflet des brigands nous est proche.
L'automne, ce sage jardinier,
Coupera les branches mortes de ma tête.
Vers les jardins de l'aube il n'y a qu'un sentier.
Le vent d'octobre va ronger les bosquets.
Tout comprendre et ne rien prendre
C'est pour cela qu'en ce monde est venu le poète.
Pour embrasser les vaches,
Pour écouter avec son cœur le craquement des
[avoines.
Plus profond, plus profond, serpe des poèmes!
Buisson du soleil, verse ta bourdaine.

1920. SERGE ESSENINE.

(Trad. Franz Hellens).

Prologue du Mystère-Bouffe

LES SEPT COUPLES IMPURS :

C'est nous qu'invoquait la terre par le hurlement
[des canons.
C'est par nous que s'enflaient les plaines, gor-
Nous voilà, [gées de sang.
Extorqués des entrailles maternelles
Par l'opération césarienne de la guerre.

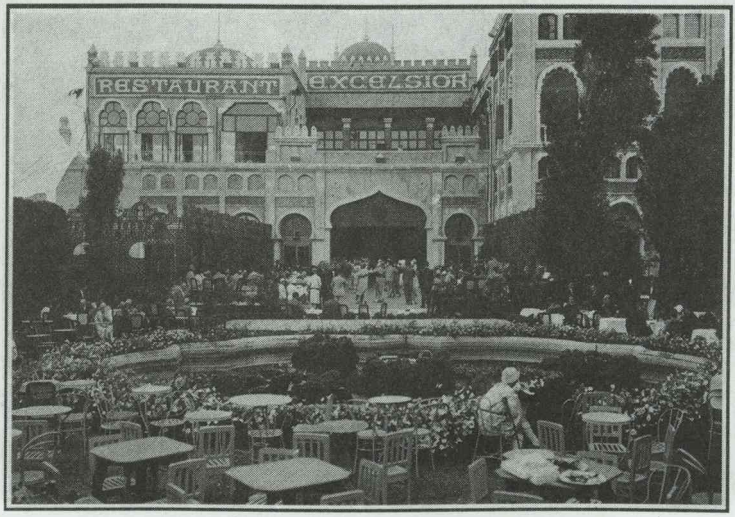
Gloire à toi :
émeute
révolte
Révolution
grand jour
Toi, dont le pas
écrase les crânes.
Jour de notre seconde naissance :
L'univers est viril.

Des fois
Un bateau à vapeur au loin.
Une fumée
Et puis rien, une trace qui passe.
Et pourtant on vit de ces fumées légendaires
C'est ainsi que tu nous échappas jusqu'à présent,
Vie.
On nous fit :
L'évangile,
Le Coran,
Paradis perdu, Paradis retrouvé,
Et tant,
Et tant encore de bouquins.
Et chacun, subtile et rusé, nous promet le doux
C'est ici [au-delà.
Sur terre
Ni plus haut
Ni plus bas
Juste au niveau de tous ces arbres, de ces mai-
[sons, de ces chevaux, de ces herbes,
C'est ici que nous voulons vivre.
Nous en avons assez de ces entremets célestes
Donnez-nous du pain noir, — là !
Nous en avons assez de ces passions écrites
Donnez-nous une femme en chair.
Là-bas —
Dans les garde-robes des théâtres
Les paillettes d'une étoile d'Opéra
Et le manteau de Méphisto. —
C'est tout ce qu'on y trouve !
Ce n'est pas pour nos épaules qu'il peina, le
Eh bien [vieux tailleur !
S'il est gauche notre habit, —
Il est nôtre !

С.А.Есенин. Фото. Конец июля (?) или сентябрь (?) 1922. Париж.

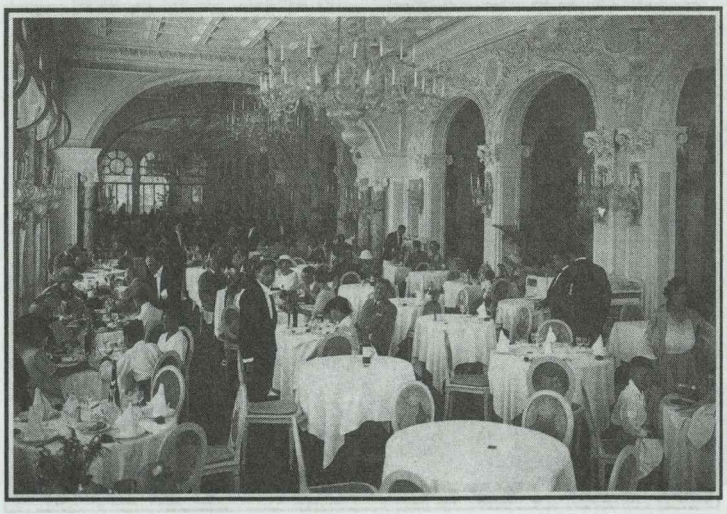
С.А.Есенин. Фото. Конец июля (?) или сентябрь (?) 1922. Париж.

Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Общий вид с моря.
Фото. 1924. Собрание Г.Маквея.



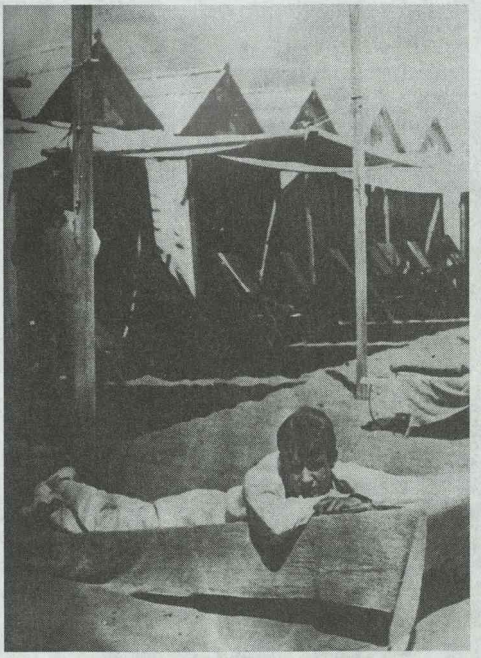
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Сад при гостинице.
Фото. 1921. Собрание Г.Маквея.

Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Гостиная.
Фото. 1924. Собрание Г.Маквея.



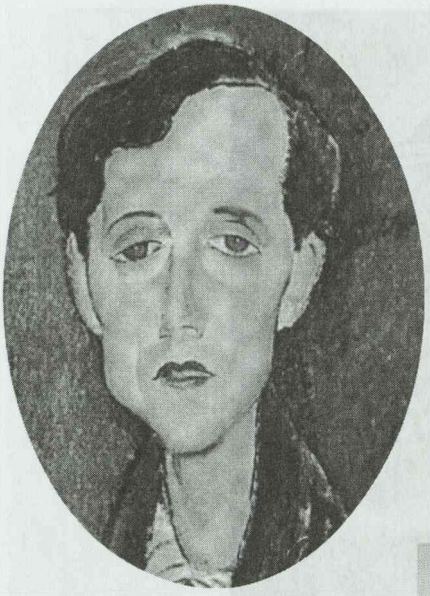
Гостиница «Excelsior Palace Hotel». Обеденный зал / ресторан.
Фото. 1914. Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 14 августа 1922. На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel». Пометы рукой неустановленного лица.

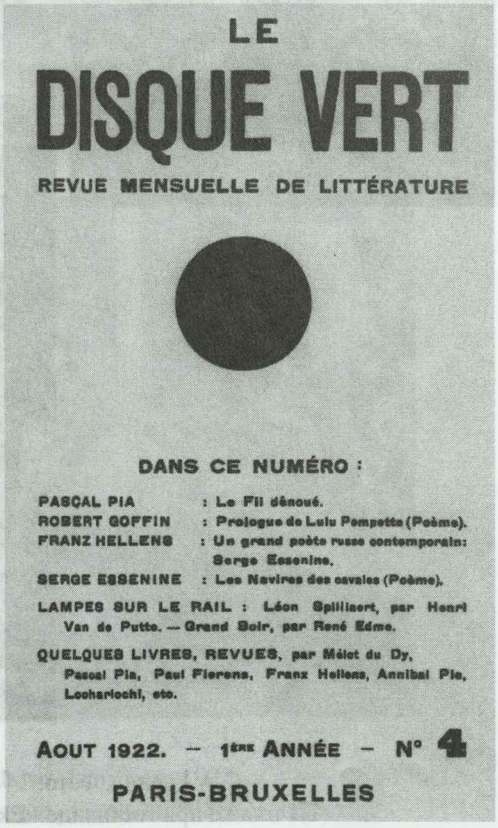


С.А.Есенин. Фото. 14 августа 1922.
На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel».

С.А.Есенин. Фото. 14 августа 1922.
На пляже при гостинице «Excelsior Palace Hotel».



Ф.Элленс.
Портрет работы А.Модильяни. 1919.



Обложка журнала «Le Disque Vert» (Париж–Брюссель, 1922, № 4, август) с поэмой С.А.Есенина «Кобыльи корабли» и статьей Ф.Элленса о поэте.

UN GRAND POÈTE RUSSE CONTEMPORAIN : SERGE ESSENINE

I

Depuis Pouchkine, la Russie ne possède sans doute pas de plus grand poète que Serge Essenine. Jeune encore, à l'âge où disparut Lermontoff il personnifie les forces primitives et éternelles de la Russie, canalisées et recréées par un esprit d'une puissance exceptionnelle.

Fils de paysan, Essenine a vécu la plus grande partie de sa jeunesse en pleines campagnes et de toute la force de son instinct s'est déployé dans le sens des éléments. Il raconte volontiers ses origines rustiques et regarde avec amour les horizons lointains d'un pays dont les hommes, les paysans, ne le comprennent plus :

Pauvres, pauvres, pauvres paysans,
Vous craignez toujours Dieu et les marécages.
Ah, si vous pouviez comprendre que votre fils
Est aujourd'hui le meilleur poète de Russie ?

chante-t-il avec une belle désinvolture dans sa *Confession d'un voyou*. Il n'a été choyé ni par les hommes ni par les choses. A l'âge de trois ans, on l'avait poussé dans les champs et les steppes, et c'est comme un jeune animal qu'il se lança à la conquête de la vie et qu'il eut à se dépêtrer des pièges de la nature. Son oncle, chez qui il vivait la plupart du temps, l'employait à la garde des chevaux. Un jour, il campa le gamin à califourchon sur une jument, monta lui-même à cheval et donna du talon ; la première promenade équestre du poète fut un galop. Accroché à la crinière de la jument, il s'en tira à son honneur. Le jeune Essenine suivait l'oncle dans ses propriétés lointaines ; on campait la nuit en pleins champs. La pêche et la chasse étaient les occupations préférées. S'il arrivait que le chien manquât ou qu'il fût tué, c'est l'enfant qui le remplaçait pour s'élancer dans les bois, traverser la neige ou se jeter à l'eau à la recherche du gibier abattu. « Tu n'es bon à rien », lui dit un jour l'oncle, et il le trempa tout habillé dans la rivière : c'est ainsi que l'enfant apprit à nager.

Essenine n'a pu oublier cette période de sa vie où les forces multiples de la nature convergèrent en lui et soufflèrent leur toubillon, parfois furieux, dans son âme sauvage. Maintenant, « il se promène en haut de forme et en souliers vernis »,

Mais en lui vit toujours la fougue
D'une vieille souche de voyou villageois.
Pour chaque vache, à l'enseigne des boucheries,
Il tire son chapeau,

Первая страница статьи Ф.Элленса о С.А.Есенине
(журнал «Le Disque Vert», Париж–Брюссель, 1922, № 4, август).

Depuis Pouchkine, la Russie ne possède peut-être pas de plus grand poète que Serge Essenine. C'est M. Franz Hellens qui nous le dit. Il nous apprend aussi que ce fils de paysan qui vécut une grande partie de sa jeunesse en pleine campagne fut tout d'un coup célèbre. Un fonctionnaire le présenta à la cour du tsar où il fut admis à lire ses vers. L'impératrice, après une de ces lectures qui l'avaient transportée d'admiration, demanda à Essenine : « La Russie est-elle donc si triste ? » Et ce jeune homme de l'affirmer. Il n'est guère surprenant, ajoute M. Franz Hellens dans sa substantielle étude du « Disque vert », qu'un paysan ait pu ainsi passer de son lointain village à la cour des tsars : la poésie, en Russie, fait de pareils miracles.

Les Revues

Le 4e numéro du *Disque Vert* (août) contient une étude copieuse et documentée de Franz Hellens sur Serge Essenine, qui est l'un des meilleurs poètes russes contemporains, par la santé de l'inspiration et de la forme. L'étude est suivie d'un poème d'Essenine, *Les Navires des Cavales*, adapté du russe par Frantz Hellens et Marie Miloslavsky, page d'une puissance étrange, écrite en strophes de quatre vers, dont voici la dernière :

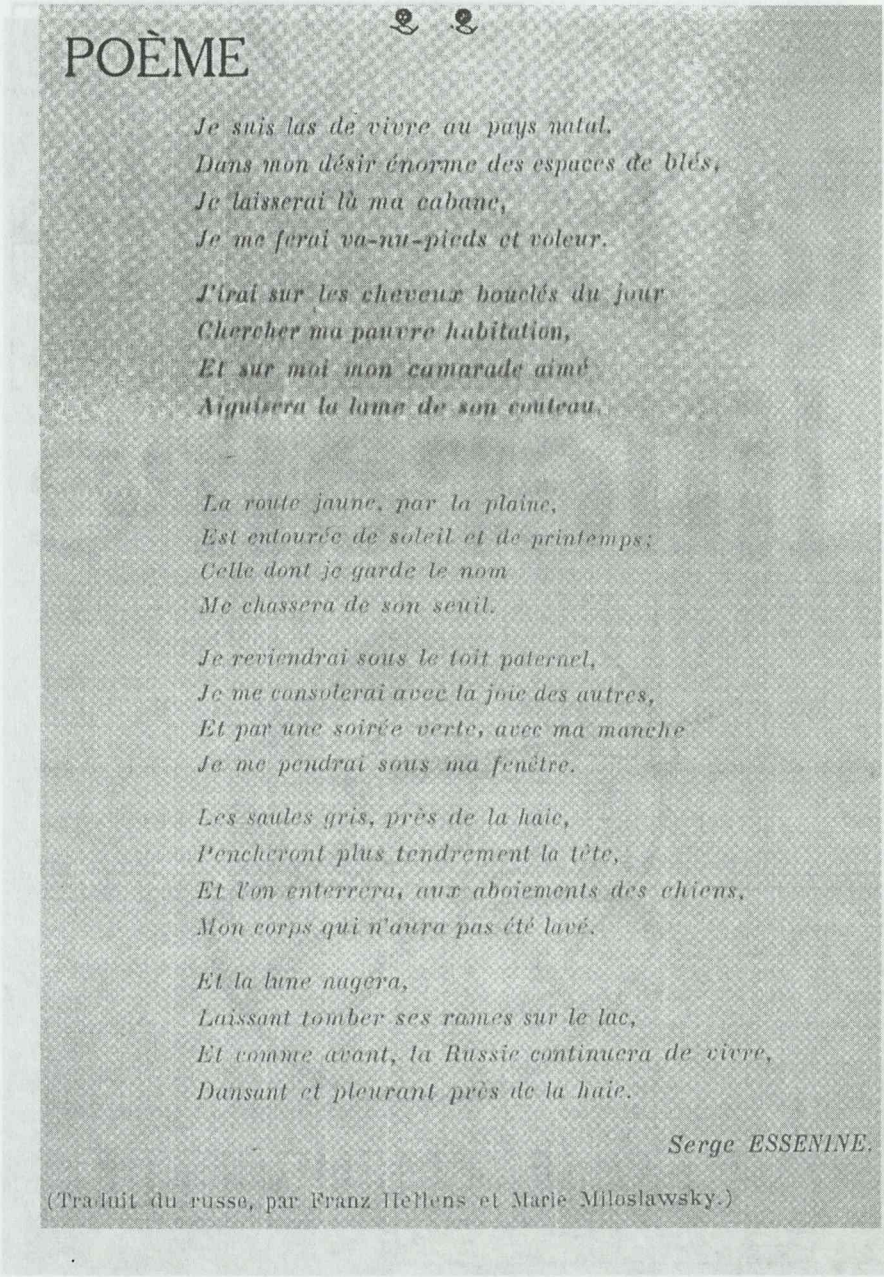
Pour embrasser les vaches, écouter avec son cœur
Le craquement des avoines ;
Plus profond, plus profond, sype des poèmes
Buisson des soleils, verse la bonne !

-o- *Nous disions récemment que nous connaissions mal les littératures étrangères. C'est un fait. Il faut avouer pourtant que l'on accomplit en ce moment de louables efforts pour nous initier aux lettres russes. Les traductions, les études critiques se multiplient. C'est ainsi que M. Franz Hellens consacre dans le* Disque Vert — *jeune et vivace revue franco-belge — un important article au poète Serge Essenine, « qui personnifie, dit-il, les forces primitives et éternelles de la Russie, canalisées par un esprit d'une puissance exceptionnelle ». Un de plus que nous connaîtrons.*

LE COUPE-PAPIER

Вырезки из Тетр. ГЛМ с заметками из парижской печати о выходе журнала «Le Disque Vert» (Париж–Брюссель, 1922, № 4).

Обложка журнала «La Bataille Littéraire» (Брюссель, 1922, № VII–VIII, июль–август) со стихотворением С.А.Есенина и материалом о поэте.



POÈME

Je suis las de vivre au pays natal,
Dans mon désir énorme des espaces de blés,
Je laisserai là ma cabane,
Je me ferai va-nu-pieds et voleur.

J'irai sur les cheveux bouclés du jour
Chercher ma pauvre habitation,
Et sur moi mon camarade aimé
Aiguisera la lame de son couteau.

La route jaune, par la plaine,
Est entourée de soleil et de printemps;
Celle dont je garde le nom
Me chassera de son seuil.

Je reviendrai sous le toit paternel,
Je me consolerai avec la joie des autres,
Et par une soirée verte, avec ma manche
Je me pendrai sous ma fenêtre.

Les saules gris, près de la haie,
Pencheront plus tendrement la tête,
Et l'on enterrera, aux aboiements des chiens,
Mon corps qui n'aura pas été lavé.

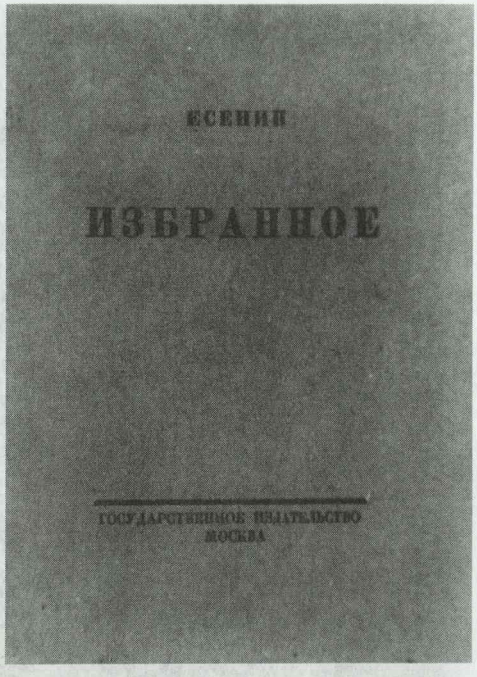
Et la lune nagera,
Laissant tomber ses rames sur le lac,
Et comme avant, la Russie continuera de vivre,
Dansant et pleurant près de la haie.

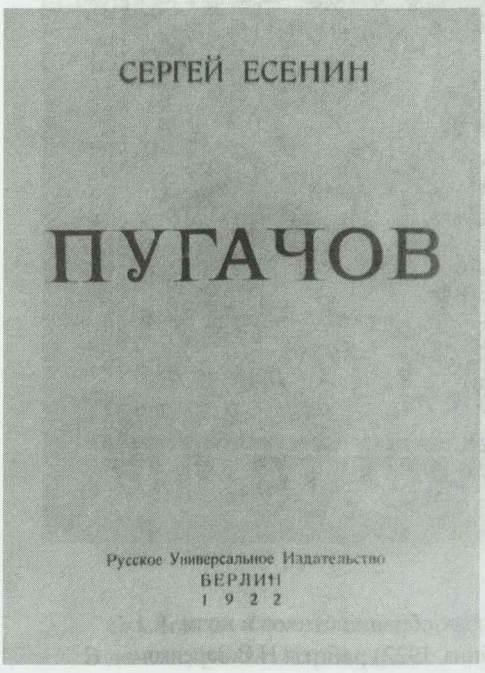
Serge ESSENINE.

(Traduit du russe, par Franz Hellens et Marie Miloslawsky.)

Стихотворение С.А.Есенина «Устал я жить в родном краю…»
в переводе Ф.Элленса и М.Милославской
(журнал «La Bataille Littéraire», Брюссель, 1922, № VII–VIII, июль–август).

Обложка книги С.А.Есенина «Избранное» (М.: Гос. изд-во, 1922).

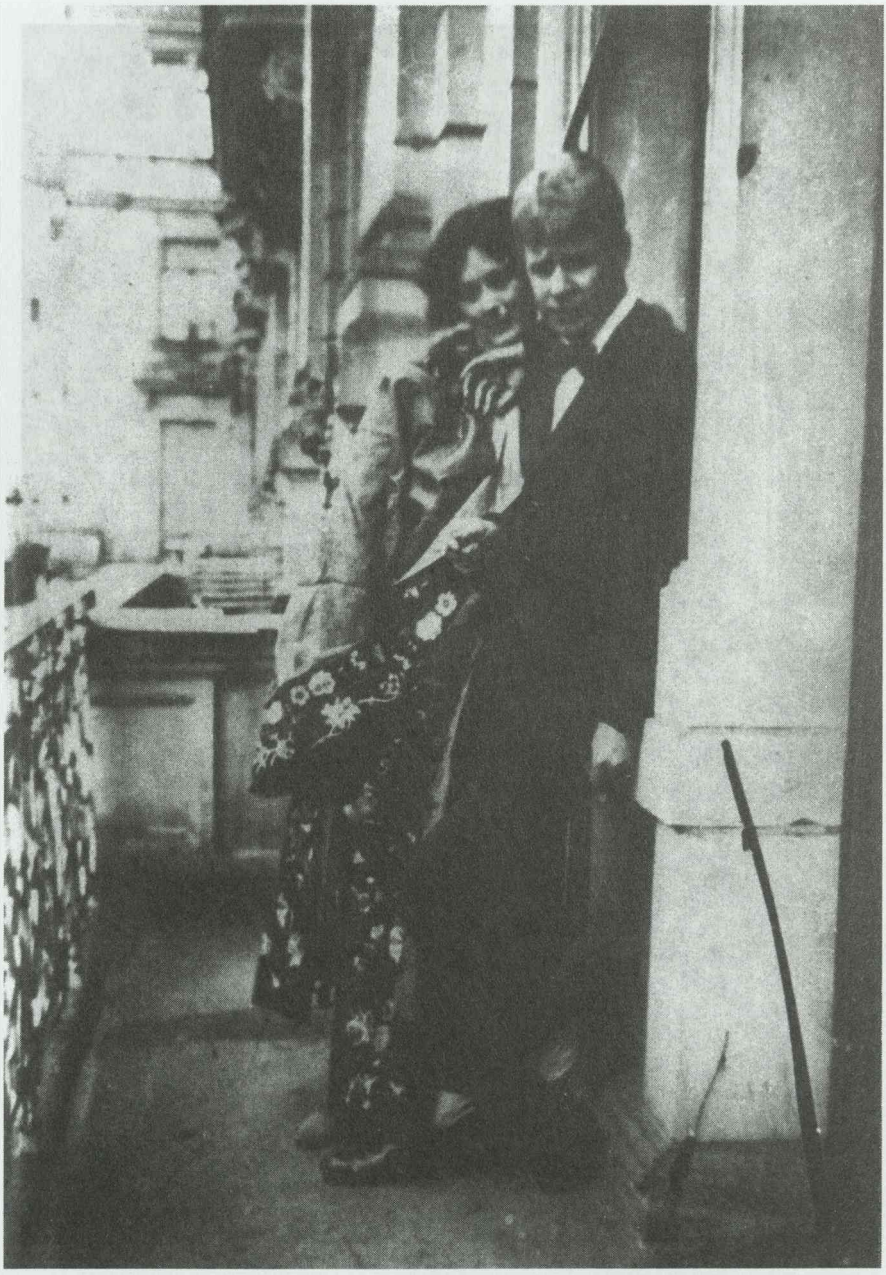




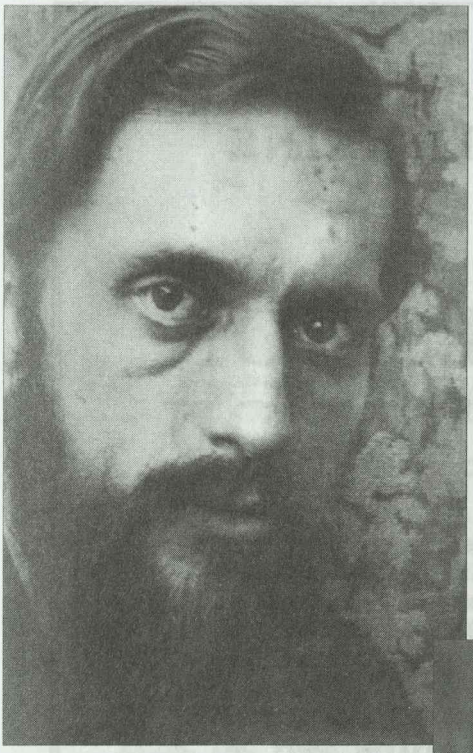
Обложка книги С.А.Есенина «Пугачев» (Берлин: Русское универсальное издательство, 1922).

Обложка книги С.А.Есенина «Собрание стихов и поэм. Т. 1» (Берлин: Изд-во З.И.Гржебина, 1922) работы Н.В.Зарецкого.

С.А.Есенин. Фото. Конец августа (?) – до 24 (?) сентября 1922.
В доме А.Дункан. Париж, rue de la Pompe, 103. Собрание Г.Маквея.

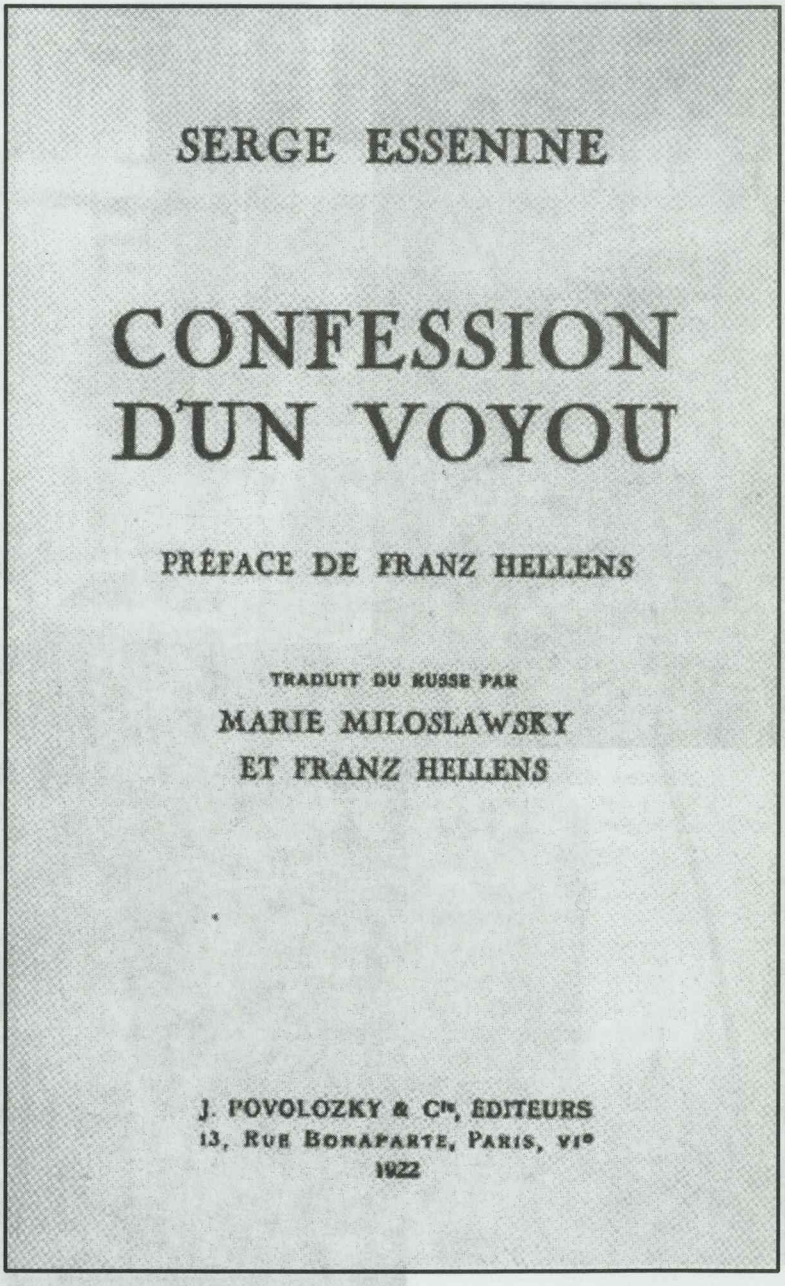


С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Конец августа (?) – до 24 (?) сентября 1922. В доме А.Дункан. Париж, rue de la Pompe, 103. Собрание Г.Маквея.



Ф.Элленс. Фото.

М.Милославская. Фото.


SERGE ESSENINE

CONFESSION D'UN VOYOU

PRÉFACE DE FRANZ HELLENS

TRADUIT DU RUSSE PAR
MARIE MILOSLAWSKY
ET FRANZ HELLENS

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, Rue Bonaparte, Paris, VIe
1922

Титульный лист книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана», Париж, 1922).

POUGATCHEFF

I

APPARTITION DE POUGATCHEFF
DANS LA PETIT VILLE DE YAICK

POUGATCHEFF

Oh ! fatigue, comme les pieds me font mal !
La route hennit dans l'espace inquiétant.
Est-ce toi, est-ce toi, Tchagan des brigands?
Asile des barbares et des va-nu-pieds ?
Il me plaît, le cuivre de tes champs,
Et ton sol imbibé de sel.
La lune, comme un ours jaune,
Se roule dans l'herbe mouillée.
Enfin, me voici arrivé.
Comme une chaîne de vagues,
Les hordes ennemies se sont brisées.
Elles n'ont pu, sur une perche de tremble,
Hisser mon corps comme une voile.
Yaïck, Yaïck, tu m'as appelé
Par les gémissements de ton peuple opprimé.
Les yeux de crapaud de ce village
Triste dans le couchant
Se gonflent dans mon cœur.
Je sais seulement que le vent, avec ses nuées,
A mangé la voix de ces isbas, de ces clochers
[de bois.

43

Начальная страница поэмы С.А.Есенина «Пугачев», помещенной в книге «Confession d'un voyou».

PREFACE

I

La Révolution comme la crise d'une âme, un bouleversement social comme un drame intime, créent du recul, marquent des distances que l'on n'apercevait pas, mettent en relief des personnalités jusque-là effacées et en font disparaître qui ne méritaient pas de briller. Deux ou trois années de révolution comptent plus dans la vie d'un peuple que cent années de paix. Tout s'y accélère, s'y simplifie; le détail, l'accidentel, ne comptent plus, la vie même n'a de valeur qu'en proportion de son étendue et de sa résonance. La Révolution russe a révélé la poésie à ceux qui ne la soupçonnaient même pas avant, éclairé et comme isolé dans le halo de son réflecteur quelques poètes qui, sans elle, ne seraient peut-être pas sortis de l'ombre. C'est un phénomène indéniable et fort curieux que cette hausse du vers et cette baisse de la prose que l'on remarque actuellement en Russie. On ne lit presque plus que des vers à Moscou; les bourgeois ordinairement les plus revêches à cette forme de littérature, non seulement y ont pris goût aujourd'hui mais la réclament et en font leurs délices jusque dans les cafés, où les poèmes imprimés ou manuscrits remplacent les journaux. C'est que la sensibilité d'un peuple, comme celle de l'homme, exaltée par les privations et la souffrance, cherche dans les moments de crise intérieure le trait d'union d'elle à l'infini, et la poésie se propose comme le meilleur, sinon le seul capable d'unir, fût-ce momentanément.

7

Первая страница предисловия Ф. Элленса к книге С.А.Есенина «Confession d'un voyou».

Последняя страница предисловия Ф.Элленса к книге С.А.Есенина «Confession d'un voyou».

comme conduit par le vent, la foudre, la marche des saisons et le renouvellement du sol. Cette parfaite santé de l'inspiration et de la forme rapproche Essenine des grands poètes classiques de toutes les époques. Sa poésie se montre cultivée comme les meilleures terres, et ses parties, dont l'aspect peut paraître barbare à première vue, ressemblent aux steppes de Russie, où tant de pas humains, doux, terribles ou douloureux, se sont succédés. Essenine possède, de plus, une langue à lui, à la fois savante et primitive, très concise, sans ornement inutile, pleine de nerf et de mouvement. Son vers est comme moulé sur nature, mais il rejoint souvent le vers classique et se déploie volontiers largement comme l'alexandrin. Dans les huit chants de « Pougatcheff » passe comme un souffle homérique qui se soutient tout le long du poème. Essenine raconte que le rêve de son père était de faire de lui un instituteur de village... La vie aurait pu faire de lui un bandit ; elle en a fait le plus grand poète actuel de la Russie.

Franz HELLENS.

L'Intransigeant

SAMEDI 7 Octobre 1922

CONFESSION D'UN VOYOU, poèmes par Serge Essenine (Ed. Povolozky). — Etranges et richissimes, ces poèmes d'un paysan russe vont chercher partout l'image : je dirais presque à tort et à travers si, après tout, le poète n'avait pour premier droit de cueillir ses pommes où qu'elles poussent dans le verger universel, qui est sien.

Nous éprouvons cependant un étonnement qui ne se transforme point immédiatement en admiration devant des comparaisons du genre de celle-ci :

Ma tête est comme l'août,
Elle coule par le vin de mes cheveux écumeux.

Mais nous nous rendons à l'évidence au bout de quelques pages. Ce poète ruisselle de poésie naturelle, de celle qui sort du sol, des mœurs et de l'instinct atavique. Et l'on glane longuement au cours du petit livre les vers tout neufs, actifs, jaillis, et qui courent l'un après l'autre comme le sang abondant et puissant dans les artères d'un tempérament sain.

La faulx tranche les épis lourds,
Comme on coupe la gorge aux cygnes.
Qu'il ferait bon, en souriant, sur une meule,
Manger le foin avec la gueule de la lune.

La petite pièce qui suit les poèmes, *Pougatchéff*, vaut surtout par la passion du dialogue et, de place en place, par ses clairs-obscurs à la Maeterlinck. — LES TREIZE.

Вырезка из газеты «L'Intransigeant» (Париж, 7 октября 1922) с информацией о выходе книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Тетр. ГЛМ).

Чувени руски књижевни историчар и естета г. Ев. Ањичков, који је сада професор за упоредну литературу на Београдском универзитету — изволео је послати нашем уредништву три своја оригинална чланка о најновијој руској поезији — са жељом да их на нашем језику публикујемо у часопису. Са великом предусретљивошћу ми то чинимо у част његовог имена и у корист наше књижевне публике.

Песници који су славили револуцију разбили су се на много секта: „акмеисти“ и „нео-акмеисти“, реалистични пролетери, футуристи и неазависни, а Шершењевић, Кусиков, Мариенхоф и Јесењин, некада скупа у „четворци“, на једноме од песничких митинга скочише на сто и гласно објавише да они чине један заједнички „четворостих“, — програм нове школе: школе „имажиниста“. Основаше и издавачко подузеће под тим именом.

Али ако се мало изближе на њих погледа видеће се да је у свију душа изопачена, и без обзира што су подељени на школе, да болују од истих болести. Све њих скупа здружују исте црте, а оне се управо у ових „имажиниста“ јасније виде.

Андреј Бјели сасвим је имао право кад је, у одговор Вјачеславу Иванову, тврдио да револуциони ток никако не иде „ван-религиозно“. И позива се на песнике као што је баш Јесењин. Упорно, са напрезањем, потпуно тако као да сам себе на то приморава, он у читавом низу песама хули на бога и сваку светињу. Богохуљење је омиљена тема овог песничког нараштаја. И хуле ружно, ружним речима, бирају што грубље облике, као да хоће да сатанизирају, и да нарочито сакате своју и иначе болесно осетљиву душу. А баш „богохуљене“ и није „ван-религиозно“, никада. Равнодушни према вери никад не хуле Бога. Зашто ови то чине? Па, иначе, изгледало би све „малокрвно“, да се и не спомиње недостатак сваког интересовања. На Бога хули и сам „богоборац“ јер „богоборац“ већ и онако, баш у својој срџби, носи у себи покајање. Покајање се и нехотице запажа и чита у песмама песника који прослављају револуцију. Јер славећи њене страхоте они нити шта прећуткују нити улепшавају. Нарочито не они најдаровитији. Ништа неће да прикрију

Заголовок журнала «Мисао» (Белград, 1922, тетрадь 67, 1 октября) с началом статьи Е.В.Аничкова «Новейшие явления в русской поэзии» и с предисловием редакции к ней.

ни од себе ни од читаоца. Јест, крв је, глад је, болештина, поживотињеност, дивљаштво. Никакве „узвишене обмане“ у њиховим песмама, и тек само врло мало њих праве већ „сасвим службене похвале“.

Али и ова потоња плејада само што се није отела од онога, како Вјачеслав Иванов каже, „очајног плена“. Хвалише се хаосом и безбожношћу, понижењем своје отаџбине, али жалост нагриза њихова не сасвим окорела срца. Зар ово у Јесењина није нежност:

Згасло сунце. Тихо на рудини.
Чувар песму свира на рожини.

Коњи чело дижу, њуле своје уши:
Чуј, чупави букач шта ли нам певуши?

А обесни ехо им клизне губицама
И мисли им незнаним носи шумицама.

Љубећи ти дане и поноћну тмину, —
Завичају, певам ти песму и милину.

Заједно са завичајем, а не далеко од њега су и његови, завичајни, болешћу нагрђени синови. Отуда, разуме се, и њихово грубо хвалисање само је „обмана што блуди“.

Није ли онда покајање ово као што су и ови стихови од Кусикова, који су још увек такође хвалисање, али ипак кајање:

За мене кажу олош да сам,
Да сам лукав и зао Черкез.

Или код Шершењевића:

Црпкама строфе не црпе се
Ископана јама душе моје,
Молим се црвеној дами у карти
А иконе носим у слом.

А Јесењин у својој збирци названој још и „Хулитељева исповест“ (1921), каже о себи:

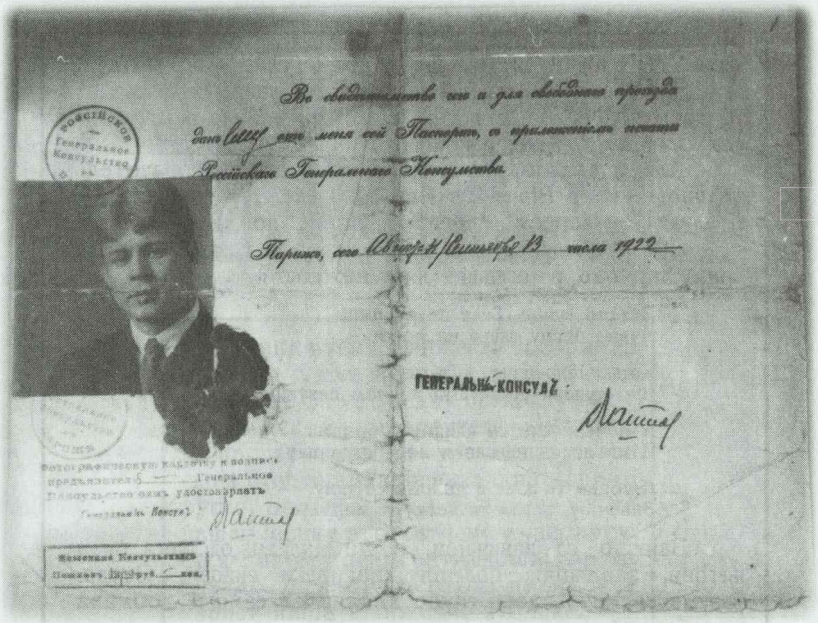
Ја намерно неочешљан идем
С главом као гасна лампа на рамену.

Зар то „намерно“ није карактеристично?

Тужно! Разуме се, тужно! Али зар се о руској садашњици може говорити без туге?

Песници потоње плејаде узајамно се хвале; ту се они и чују као доста млада реч: треба се хвалити, јер само вером у себе, а никако не скромношћу, може се у уметности постићи нешто значајније и од вредности.

Е.В.Аничков. Статья «Новейшие явления в русской поэзии» (журнал «Мисао», Белград, 1922, тетрадь 67, 1 октября). Фрагмент.



Паспорт С.А.Есенина от 13 сентября 1922.

Рекламная информация о пароходе «Paris». Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris».
Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 1 октября 1922. Пароход «Paris». Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. 2 октября 1922.
После опроса на острове Эллис-Айленд: «НЕВИНОВНЫ!». Собрание Г.Маквея.

A Stately Corridor

FAMOUS as the promenade of the elite of New York, the nation, the world. A glorious corridor typical of the open spaces throughout The Waldorf which prevent the slightest discomfort of crowding.

But just as famous for the privacy of its guest rooms where one may rest or entertain with the exclusiveness that so truly marks the Waldorf "a home away from home."

The Waldorf-Astor
Fifth Avenue 33d and 34th Streets. New
Most Famous Hotel in the World
L. M. BOOMER, President
ROY CARRUTHERS, Managing Director

The Waldorf-Astoria
NEW YORK

Fame Attracts Fame

MORE visiting notables stop at The Waldorf-Astoria than at any other New York hotel. It is the one hotel that *everyone* knows and hopes some day to visit.

The Waldorf has earned this fame through thirty years of hotel perfection. There is beauty and spaciousness within its walls, generosity in its service, and distinction in its clientele.

On Fifth Avenue, it is distinctly of Fifth Avenue. Stopping at The Waldorf makes a New York visit a memorable occasion.

Fifth Avenue, 33rd and 34th Streets, New York
L. M. Boomer, President—Roy Carruthers, Managing Director

Объявления о гостинице «Waldorf-Astoria», где поселились С.А.Есенин и А.Дункан (журнал «Vanity Fair», Нью-Йорк, декабрь 1922 и август 1923). Собрание Г.Маквея.

Carnegie Hall Program

FIRE NOTICE

Look around NOW and choose the nearest Exit to your seat. In case of fire walk (not run) to THAT Exit. Do not try to beat your neighbor to the street.

Thomas J. Drennan, Fire Commissioner.

CARNEGIE HALL

Saturday Afternoon, October 7th

at 3.00

Dance Recital by

Isadora Duncan

in an

All Tschaikowsky" Programme

with Symphony Orchestra

NAHAN FRANKO, Conductor

PROGRAMME

I.

1. Overture 1812..Tschaikowsky

Orchestra

2. Symphony No. 6, "Pathetique." .....Tschaikowsky

Miss Duncan

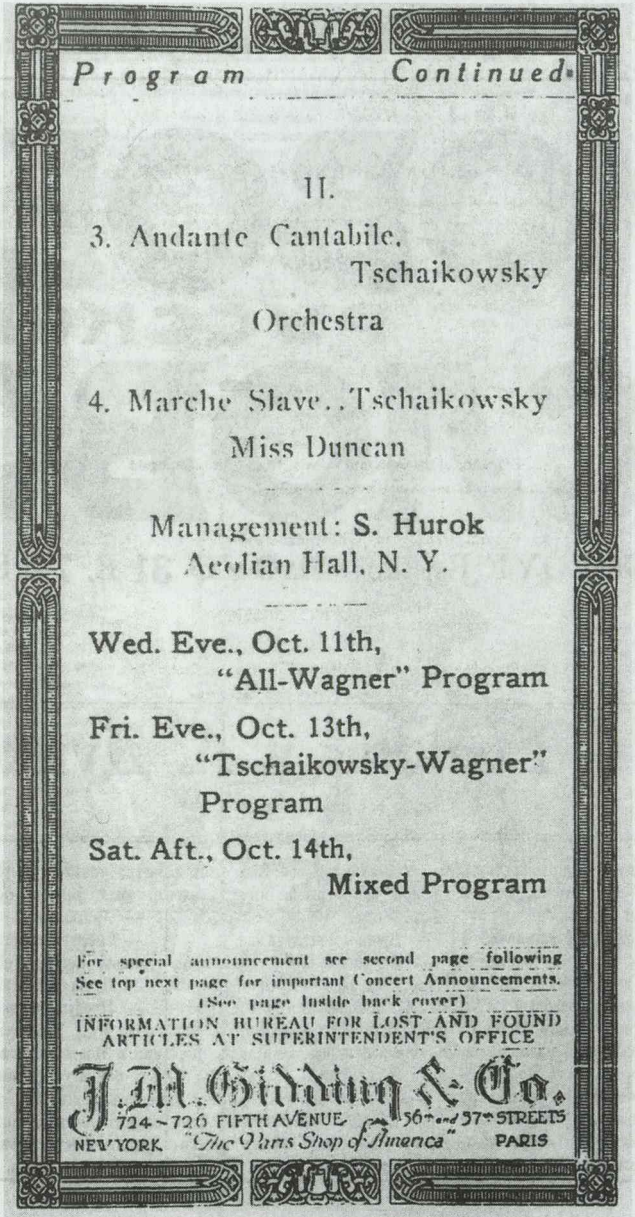
Program continued on second page following

J. M. Gidding & Co.

724-726 FIFTH AVENUE 56th and 57th STREETS

NEW YORK "The Paris Shop of America" PARIS

Программа выступления А.Дункан.
7 октября 1922. Carnegie Hall. Первое отделение. Собрание Г.Маквея.



Program Continued

II.

3. Andante Cantabile,
Tschaikowsky
Orchestra

4. Marche Slave..Tschaikowsky
Miss Duncan

Management: S. Hurok
Aeolian Hall, N. Y.

Wed. Eve., Oct. 11th,
"All-Wagner" Program

Fri. Eve., Oct. 13th,
"Tschaikowsky-Wagner"
Program

Sat. Aft., Oct. 14th,
Mixed Program

For special announcement see second page following
See top next page for important Concert Announcements.
(See page Inside back cover)
INFORMATION BUREAU FOR LOST AND FOUND
ARTICLES AT SUPERINTENDENT'S OFFICE

J. M. Gidding & Co.
724-726 FIFTH AVENUE 56th and 57th STREETS
NEW YORK "The Paris Shop of America" PARIS

Программа выступления А.Дункан.
7 октября 1922. Carnegie Hall. Второе отделение. Собрание Г.Маквея.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE Russkoye SLOVO 31 E. 7th St.

У С. Есенина и А. Дункан

(Беседа сотрудника Нов. Р. Сл.")

Русский поэт, сын крестьянина, женившийся на Дункан, Сергей Александрович Есенин, не похож на тот портрет, какой нарисовали с него своим несколько ироническим пером американские репортеры. Это совсем не розовый юнец, краснощекий и „пудрящий свои волосы" (?!). Он бледен, правда, юн, на за этой юностью сквозят тяжелые годы революции, скитание, глубокие переживания—физические и духовные. Волосы его светло-желты, почти белы, как лен тех по-

ком севере на Новой Земле, и в Сибири, и в Ферганн: ничего, выжил, видите.

— Русские писатели?

— Писателям при большевиках жилось не плохо. Лучше других. Их не трогали. Они могли работать. Даже—ругать правительство. Но они испугались, запищали, убежали за границу..

— Поэт Гумилев расстрелян?

— Да. Он держал себя очень вызывающие.Всюду кричал громко: Я монархист. У него на квартире собирались контр-революционеры, были найдены бомбы. Ну и..

— Арцыбашев?

— Совершенно оглох. Ничего не слышит, совершенно.

— Ваши планы?

— Пробуду в Америке три месяца. Буду работать, читать лекции о Новой России.

В комнату гостиницы, где мы беседовали, вошла жена С. Есенина, известная танцовщица Айседора Дункан. Одета в свободную тунику красного цвета. Несмотря на

Заголовок газеты «Новое русское слово»
(Нью-Йорк, 1922, 7 октября, № 3542) и фрагмент статьи
«У С.Есенина и А.Дункан» за подписью «Кто-то» из этого номера.

Поэт С. А. Есенин и А. Дункан

С Есениным А. Дункан привезла в Америку кусок, и показательный, России, русской души народной.

Имя С. А. Есенина известно русской читающей публике еще с 1914 года. Приехавший поэт любезно поделился данными своей биографии.

Родина С. А. Есенина—Рязанская губ. Вы помните эту строчку:

„Цветочек скромный, как..
Рязань!"

Рязань, где столько белых одуванчиков смотрят в северное разумное небо!

С. А. Есенин родился 21 сент. 1895 года. Он был сыном крестьянина и до 9 лет жил в рязанской деревне. Надо напомнить читателю, что Малявин своих знаменитых красных баб нашел на родине Есенина. Это там заливные дуга, где:

Очи Оки

Блещут вдали—

где столько плачет зеленых ив и гудами плывет Рязанский Кремль.

Поэт уезжает на Белое море, где его дядя имеет рыбные промыслы. 5 лет туманов, 5 лет бледные звезды, отраженные в северных морях, смотрят в поэтовы зрачки.

С. А. Есенин учится в рязанской старообрядческой школе, которую и оканчивает в 1912 году.

С 9 лет мальчик пишет стихи, и в школе преподаватель Клеменов —по образному выражению С. А. Есенина—„произвел установку души".

Клеменов первый давал наставления юному поэту итти колеями здорового влечения к бодрым темам: любить деревню, избы, коров; писать об эпосе земли и вечной поэме весеннего труда в полях. Талант Есенина развивается. Наставления попадают на добрую почву. Скоро приходит и известность. Надо знать, что в 1914-5 г.г. в России поэтов было великое множество, но С. А. Есенин сразу обращает на себя внимание. Стихи Есенина были отмечены статьями А. Блока, С. Городецкого, З. Гиппиус и др. Столько в стихах этих было деревенской свежести, силы и простоты.

В 1918 году в Москве было основано Общество Имажинистов. С. А. Есенин и Шершеневич играют здесь главную роль. В это время стихи Есенина исполняются в литературных кабарэ Москвы, вызывая общее восхищение.

В последнее время стихи Есенина вышли в свет в Берлине и Париже. Во Франции стихи С. А. Есенина переведены на язык галлов.

Из Москвы Есенин и А. Дункан проаэропланили на Берлин в начале мая с. г. С 10 мая до июня прожили в Германии. „Там тесно, —сказал нам Есенин,— вообще от Европы дышет мертвенностью музея—впечатление отвратительное".

С четой Есенин—Дункан прибыл журналист Ветлугин.

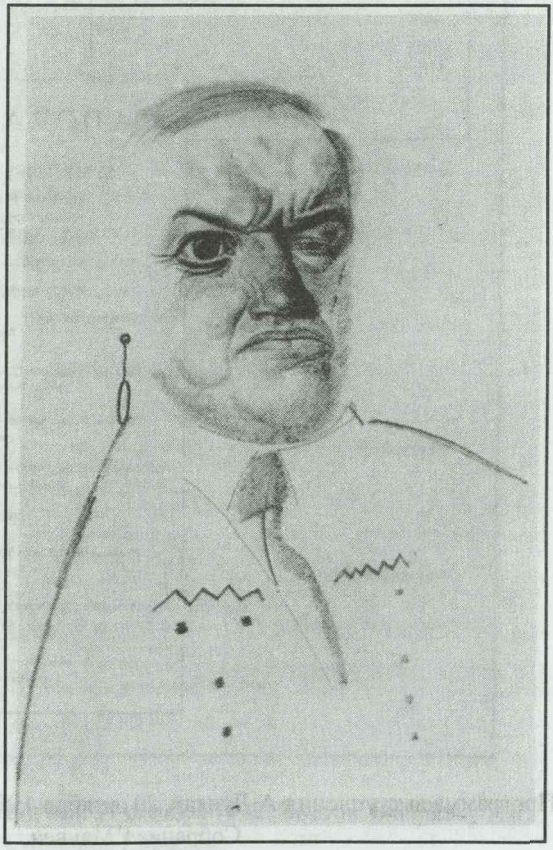
Предполагаются устройством поэзо-концерты прибывшего поэта. Стихи Есенина переводятся на английский язык и скоро будут предложены американскому читателю.

Поэт предполагает пробыть в Америке три месяца. Своей внешностью, манерой говорить С. А. Есенин очень располагает к себе. Среднего роста, пушисто-белокур, на вид хрупок.

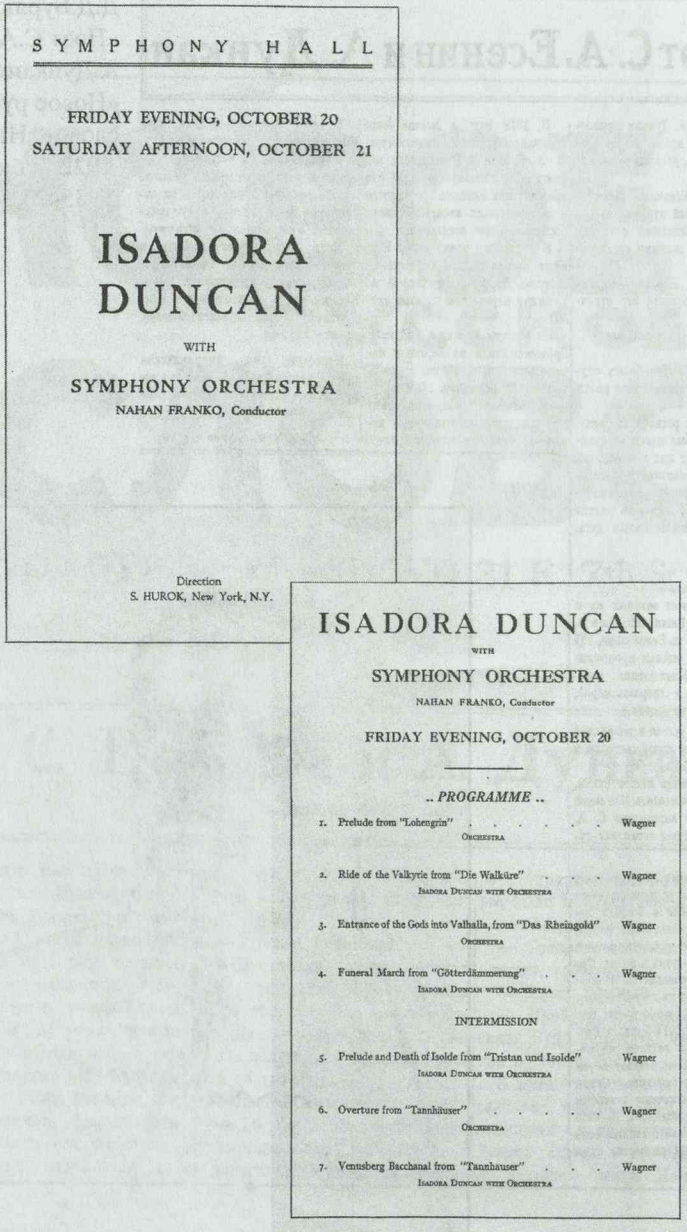
Курьезно, что американская пресса величает С. А. Есенина украинским поэтом—это его-то—беляка-русака!

Художник Давид Бурлюк.

Д.Д.Бурлюк. Статья «Поэт С.А.Есенин и А.Дункан» (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 7 октября, № 3542).



Д.Д.Бурлюк. Рисунок Б.Д.Григорьева. 1924.



SYMPHONY HALL

FRIDAY EVENING, OCTOBER 20
SATURDAY AFTERNOON, OCTOBER 21

ISADORA DUNCAN

WITH

SYMPHONY ORCHESTRA
NAHAN FRANKO, Conductor

Direction
S. HUROK, New York, N.Y.

ISADORA DUNCAN

WITH

SYMPHONY ORCHESTRA

NAHAN FRANKO, Conductor

FRIDAY EVENING, OCTOBER 20

.. *PROGRAMME* ..

1. Prelude from "Lohengrin" . . . . . Wagner
ORCHESTRA

2. Ride of the Valkyrie from "Die Walküre" . . . . Wagner
ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

3. Entrance of the Gods into Valhalla, from "Das Rheingold" Wagner
ORCHESTRA

4. Funeral March from "Götterdämmerung" . . . . Wagner
ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

INTERMISSION

5. Prelude and Death of Isolde from "Tristan und Isolde" Wagner
ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

6. Overture from "Tannhäuser" . . . . . Wagner
ORCHESTRA

7. Venusberg Bacchanal from "Tannhäuser" . . . . Wagner
ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

Программа выступления А.Дункан. 20 октября 1922. Бостон. Symphony Hall. Собрание Г.Маквея.

ISADORA DUNCAN

WITH

SYMPHONY ORCHESTRA

NAHAN FRANKO, Conductor

SYMPHONY HALL

SATURDAY AFTERNOON, OCTOBER 21, at 2.30

.. *PROGRAMME* ..

1. Overture, "1812" . . . . . Tschaikowsky

ORCHESTRA

2. Symphony, No. 6 (Pathetique) . . . . . Tschaikowsky

I. Adagio; Allegro non troppo
II. Allegro con grazia
III. Allegro molto vivace
IV. Finale: Adagio lamentoso

ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

INTERMISSION

3. Andante Cantabile . . . . . Tschaikowsky

ORCHESTRA

4. Marche Slave . . . . . Tschaikowsky

ISADORA DUNCAN WITH ORCHESTRA

Direction S. HUROK

Программа выступления А.Дункан. 21 октября 1922. Бостон. Symphony Hall. Собрание Г.Маквея.

Воскресенье 19 ноября 1922 г. Отдельно не продается.

НАКАНУНЕ

Литературное приложение

под редакцией гр. А. Н. ТОЛСТОГО

№ 27

СОДЕРЖАНИЕ:

Александр Кусиков. Васильковый марш. — Конст. Федин. Чудо. — А. Н. Чумаков. Орел в курятнике (О Георге Брандесе).— И. Василевский (Не-Буква). Поступивший в эмигранты. Библиография. — Литерат. хроника.

Приложение к № 190

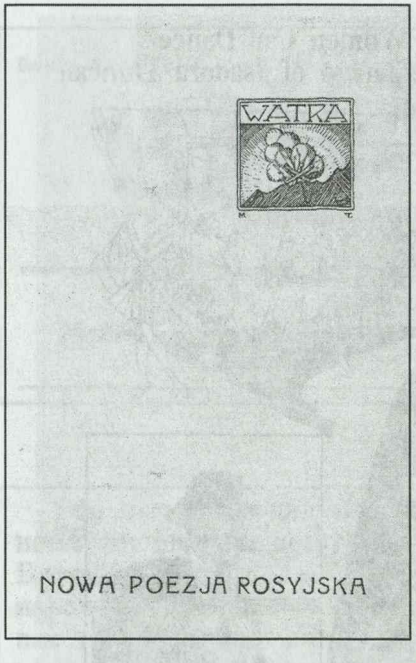
Образы революции в поэзии Есенина не своеобразны. За ними слишком чувствуется торжественно тяжелая поступь Блока последних лет, Блока «Двенадцати», плененного его нарочитым, мастерским изломом стиха, ритмом, падающим, как свинцовые капли. Эти страницы сборника и юношеские поэмы, — иногда весьма дурного вкуса дерзания, целиком заимствованные от чуждых его таланту футуристических устремлений, — самые слабые в книге.

Книга Есенина чудесна не по мастерству, не по манере, не по приемам, — ничем уже нельзя удивить людей, вкусивших русской символической поэзии В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, она чудесна полевой свежестью своих «голубых» песен, вдруг зазвеневших над «голубой Русью» летним утром.

Пусть где то там «и крик и стон и дым пороховой пусть едок» (А. Белый), — С. Есенин не сорвется, не упадет в мрачные бездны совершающейся мистерии. Он сам — цветок, взросший на полях, вспоенных кровью — лучший образ своей эпохи.

Заголовок литературного приложения к газете «Накануне» (Берлин, 1922, 19 ноября, № 27) и фрагменты рецензии Н.И.Петровской на «Собрание стихов и поэм» С.А.Есенина из этого номера.

Вырезка из газеты (возможно, «Toledo Blade», 25 ноября 1922). Собрание Г.Маквея.



SŁOWO WSTĘPNE.

Książka niniejsza jest pierwszą u nas próbą odtworzenia w przekładach oblicza duchowego jednej z najwspanialszych liryk świata — współczesnej liryki rosyjskiej. Większość umieszczonych w niej autorów, z wyjątkiem może Balmonta i Briusowa, tłomaczonych przez J. Tuwima, była dotychczas dla szerszego ogółu czytelników polskich mało dostępna, lub też zgoła nieznana. Ten i ów słyszał coś nie coś o „apoteozie bolszewizmu" w utworach Błoka, o bluźnierstwach i innych okropnościach Marienhofa i Jesienina, nie słyszał natomiast nic o rzeczy najważniejszej, a mianowicie o tym, że w utworach tych poetów, obok wielu niewątpliwych dziwactw, bije przeczysty strumień wiekuistego piękna, ujętego w nowe i nieskończenie rozmaite kształty i formy.

I, mimo wszelkie wady i usterki przekładów, mimo niekompletność i nierównomierność zebranego w tej książce materjału, — śmiało dajemy ją do rąk czytelnikom, w przekonaniu, że właśnie dzięki temu bogactwu nowej liryki rosyjskiej, acz słabo odzwierciedlonemu w naszych przekładach, każdy z rzeczywistych miłośników piękna ulegnie czarowi, jaki tchnie z utworów tych tęgich talentów, i że nikt nie będzie żałował tych kilku chwil, jakie spędzi, pochyliwszy się nad srebrnopiennym i rwącym, a miejscami przedziwnie spokojnym i smutnym strumieniem ich poezji.

5

Титульный лист сборника «Nowa Poezja Rosyjska» (Варшава; вышел до 2 декабря 1922) и предисловие к нему.

SERGJUSZ JESIENIN

Fragment z poematu PRZEOBRAŻENIA

I

Obłoki szczekają dokoła,
I wyje złotozębna głąb...
Śpiewam i wołam:
Panie, z niebiosów zstąp!

Głos rzucam w nieba ciemnicę,
Kołatam w raju próg:
Spowiń Ruś-jałowicę
Chustami mlecznych dróg.

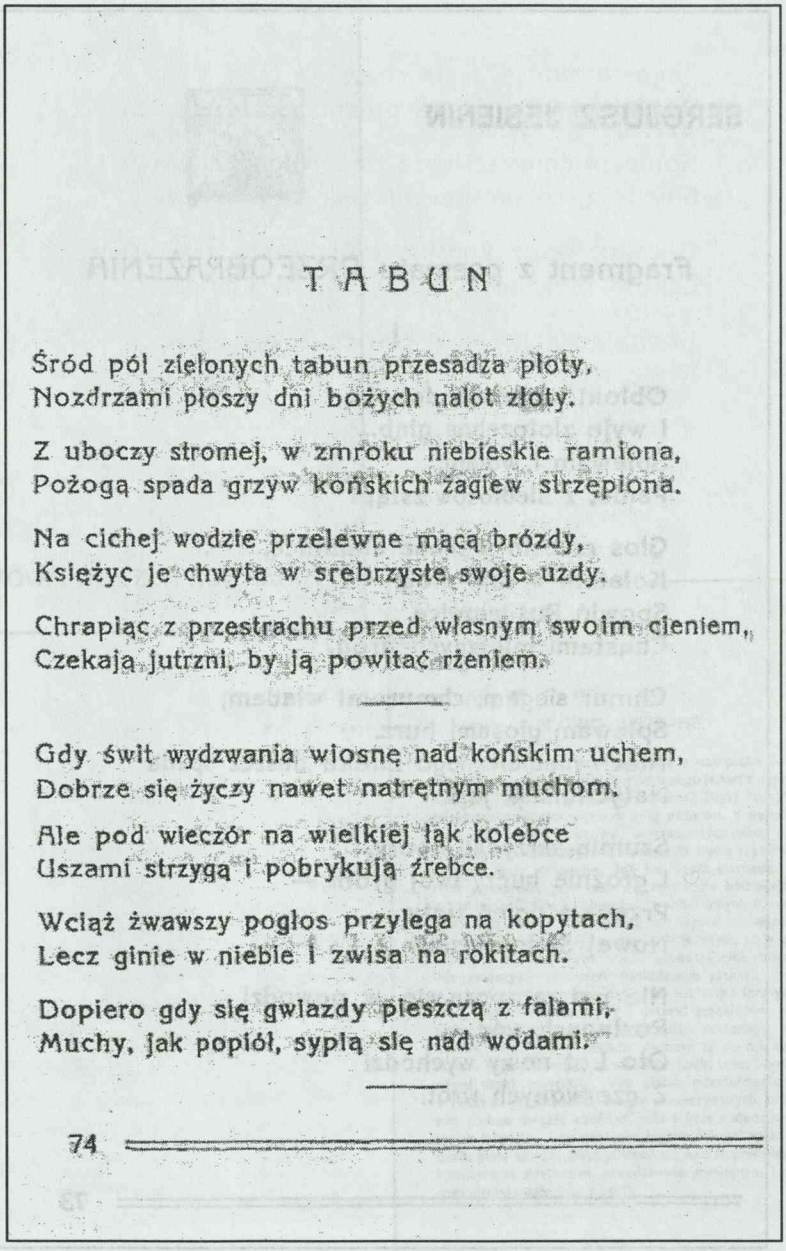
Chmur sięgam, chmurami władam,
Śpiewam głosami burz.
Niech niebiańskiego mleka deszcz spada
Natychmiast, już!

Szumią skrzydeł łopoty,
I groźnie huczy twój grom —
Przepala ogień złoty
Nowej Sodomy srom.

Nie patrząc poza się, w powodzi
Rozlanych wód,
Oto Lot nowy wychodzi
Z czerwonych wrót.

73

Первая часть поэмы С.А.Есенина «Преображение» в переводе В.Денгоф-Чарноцкого (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»).



TABUN

Śród pól zielonych tabun przesadza płoty,
Nozdrzami płoszy dni bożych nalot złoty.

Z uboczy stromej, w zmroku niebieskie ramiona,
Pożogą spada grzyw końskich żagiew strzępiona.

Na cichej wodzie przelewne mącą brózdy,
Księżyc je chwyta w srebrzyste swoje uzdy.

Chrapiąc z przestrachu przed własnym swoim cieniem,
Czekają jutrzni, by ją powitać rżeniem.

Gdy świt wydzwania wiosnę nad końskim uchem,
Dobrze się życzy nawet natrętnym muchom.

Ale pod wieczór na wielkiej łąk kolebce
Uszami strzygą i pobrykują źrebce.

Wciąż żwawszy pogłos przylega na kopytach,
Lecz ginie w niebie i zwisa na rokitach.

Dopiero gdy się gwiazdy pieszczą z falami,
Muchy, jak popiół, sypią się nad wodami.

74

Стихотворение С.А.Есенина «Табун» в переводе В.Денгоф-Чарноцкого (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»).

Zagasło słońce, legła cisza na łące,
Pastuch na rożku gra pieśni zawodzące.

Konie, podnosząc łby z nad wilgotnej trawy,
Słuchają, co im gra chłopak kędzierzawy.

A echo, wargi końskie musnąwszy przelotem,
Łąkom nieznanym zanosi ich tęsknotę.

Kochając dzień twój i nocy twojej ciszę,
Kraju rodzinny, dla ciebie wiersz ten pisze.

75

* * *

Zżęte pola, gaj bezpióry,
Wody tchną wilgocią zgniłą.
Kołem za błękitne góry
Słońce ciche się stoczyło.

Drzemią drogi koleiny,
Im się dzisiaj przywidziało,
Że do przyjścia siwej zimy,
Już tak mało dni zostało.

Ach, i sam widziałem wprzódy,
Z za wieczornej mgły firanek,
Jak źrebakiem księżyc rudy
Wprzęgał się do naszych sanek.

76

Стихотворение С.А.Есенина «Нивы сжаты, рощи голы…» в переводе Л.Подгорского-Околува (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»).

* * *

Otwórz stróżu zaobłoczny
Błękitnego dnia powały.
Konia mego w czas północny
Uprowadził anioł biały.

Bogu krzywdy mej nie trzeba,
Koń mój rwie się do roboty.
Słyszę, rży żałośnie z nieba,
Żując łańcuch szczerozłoty.

Widzę, jak się miota, rżący,
Szarpiąc tęgi sznur arkana,
I w mgły ranne, jak z miesiąca,
Spada jego sierść bulana.

77

Стихотворение С.А.Есенина «Отвори мне, страж заоблачный…» в переводе Л.Подгорского-Околува (сб. «Nowa Poezja Rosyjska»).

Detroit Concert Direction

Incorporated

Isobel J. Hurst, Manager

presents in

JOINT RECITAL

ISADORA DUNCAN

AND

MAX RABINOWITCH

PIANIST

Orchestra Hall

8:30 Friday Evening, December 8th.

Programme

I

1. Au couvent - - - - - - - - *Borodine*
   MAX RABINOWITCH
2. Benediction de Dieu - - - - - - - *Liszt*
   ISADORA DUNCAN
3. Cantique d' Amour - - - - - - - *Liszt*
   MAX RABINOWITCH
4. Funerailles - - - - - - - - *Liszt*
   ISADORA DUNCAN

INTERMISSION

5. The Lark - - - - - - - *Glinka-Balakireff*
   MAX RABINOWITCH
6. Three Etudes - - - - - - - - *Scriabin*
   ISADORA DUNCAN
7. Sonata No. 4, Fis-moll - - - - - - *Scriabin*
   ISADORA DUNCAN

Steinway Piano Used
From Grinnell Bros.

Exclusive Management: S. Hurok, Aeolian Hall, N. Y. C.

Программа выступления А.Дункан. 8 декабря 1922. Детройт. Orchestra Hall. Собрание Г.Маквея.

PUBLIC AUDITORIUM

Sunday Evening, December 10th

At 8:15 P. M.

ISADORA DUNCAN

THE SENSATIONAL RUSSIAN DANCER in person

with a Symphony of 40

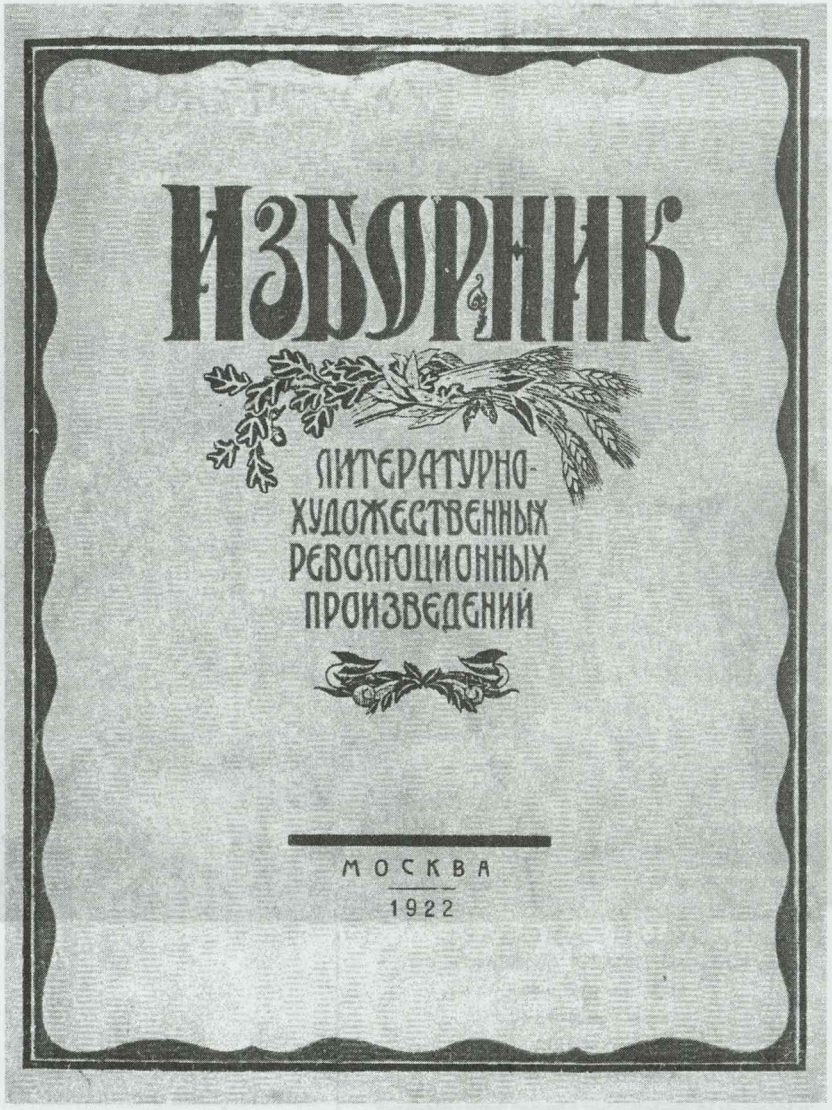
Ivan Francisci, Conductor

This is the final appearance of Miss Duncan in America this season, and we feel that Cleveland is especially fortunate to welcome her this evening

We had hoped that Miss Duncan would be able to bring with her the group of young Russian children with whom she has trained to dance so delightfully, and who would have presented an interesting ballet. It is unfortunate that these young people were not permitted to accompany her; some of them were under the required age, and the laws did not allow them to enter this country. Miss Duncan herself, having married a young Russian poet, had become an "alien" and it was not without difficulty that she has been able to make this promised tour. (Miss Duncan's husband, Serge Yessenin, is applying for American citizenship, we learn, that both of them may become Americans in reality.)

Объявление о выступлении А.Дункан. 10 декабря 1922. Кливленд. Public Auditorium. Собрание Г.Маквея.

С.А.Есенин и А.Дункан. Фото. Октябрь 1922 … Январь 1923.
Опубликовано 1 января 1926 в американской газете,
изданной в Кливленде (название неизвестно). Собрание Г.Маквея.



Обложка «Изборника литературно-художественных революционных произведений» (Москва, 1922) с фрагментами поэм С.А.Есенина «Пантократор» и «Пугачев».

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Тверская ул., 38, кв. 276.

ЭхО

РЕДАКТОР и СЕКРЕТАРЬ
редакции принимают ежедневно с 2 до 4 ч. дня.
Тел. № 1-45-99.

№ 4. ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
Жизнь — Культура. — Запад. — Искусство.
15-го декабря 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Э. Герман—„Орда". ● Ст. Филлипс—„№ 6". ● **В. Парнак**—По Испании. ● Искусство на Западе. ● Кино в Берлине и Праге. ● У мастеров (Архипенко и Шагал). ● Выставка „Красная Москва". ● Центральный дом крестьянина. ● Открытие Казанского вокзала. ● По Москве. ● **Э. Бескин**—Случившееся в театре (летопись третья). ● Юбилей Гауптмана. ● XIII международная художественная выставка в Венеции. ● **Юрий Соболев**—Читая. ● **А. Абрамов**—„Золотое дно". ● Страничка международной карикатуры. ● Передовые умы и деятели Запада. ● Новости техники. ● Смесь.

А. М. Пешкову.

1.

...Вот этот блеск татарских вотчин!
Убог, наряден, пышен, рван,
Немыт, замызган, разволочен
Москвы восточный сарафан.
В трудах, при госте-иноверце
Он покрывал ее... Постой:
Какое путаное сердце
Под этой рваной пестротой?
Гудят соборы, затрезвонив.
Иду. Несет певучий вал.
Куда? В Машков и Харитоньев,
Где Горький некогда живал.
Звонюсь. Откроют, чуть помешкав
(В дверях старушечье «сейчас»),
И Алексей Максимыч Пешков
Струит навстречу дым и бас.
Пожмет застуженную руку,
И сразу—кофий, сразу речь—
О том, что надобно науку
Предусмотрительно беречь.
О том, что дух у нас взлохмачен,
(А быть причесанным—пора),
Что на России—азиатчин
Тысячелетняя кора.
Русь двоедушна. Русь жестока.
В нас гомонит татарский день.
В нас—косоглазого Востока
Великолепнейшая лень.
Нам нужен труд.
Он смотрит мимо,
Сердясь, как точку, ставит: «Вот».
Меж тем улыбка в клубах дыма,
Светясь и радуя, плывет.
Слова сердитые не колки.
Он—друг Европы, враг Орды.
С сим примирившись, смотрят с полки
Монгольских идолов ряды.
В их сонных взорах—зов к безделью...
Меж тем, в прихожей топот ног.
Нервозно сыплет сиплой трелью
Полупростуженный звонок.
Чей это бас, как гром, внезапен?
Сведя с ума концертных дур,
Пришел заласканный Шаляпин,
Мужиковатый балагур.
Он прост—в Россию-недотепу
И вдруг—уж эти простаки! —
Берет смущенную Европу
В свои певучие силки.
Мир уловивший в звуков вершу,
Он забавляет, сев рядком,
Парижа рыжую премьершу
Нижегородским говорком.
Здесь в этот час—Париж и Нижний...
С далеких улиц гул Орды.
Все молчаливей, все недвижней
Монгольских идолов ряды.

...Пришел заласканный Шаляпин...

Э.Я.Герман. Поэма «Орда» с иллюстрациями Г.П.Гольца (журнал «Эхо», М., 1922, № 4, 15 декабря).

Часы. Столетья. Сон их долог.
Меж них, сплошная голова,
Маячит Шкловский, лже-филолог,
Мир разложивший на слова.
Вот, нервно сжав диванный валик,
Струит Чуковский шутки злость.

Вот промелькнул библейский Бялик,
Сих русских строф случайный гость.
Идет в Москву, как в чуждый дом он,
Неся пустынь паляший бред
В нас укачавший русский гомон
Философических бесед.
Он здесь, в снегах чужого быта,
Как в русской песне стих псалма.
В нем пыл тропический семита
Умерен холодом ума.
Сострят—ответит, чуть помешкав.

И всем в ответ—сердитый гуд:
То Алексей Максимыч Пешков
Гудит: «России нужен труд».
Гремит басами. Смотрит мимо —
В провалы окон. в дали лет.
Плывут, качаясь в клубах дыма,
Москва, Россия, кабинет.
И, сонно вслушиваясь в толки,
Нас озирают без вражды
Орде кивающие с полки
Монгольских идолов ряды.
Им этот дым—как некий ладан.
Им по-нутру хозяйский бас.
Монгольской хитростью разгадан
Суровый взгляд хозяйских глаз.
Как не прочесть в сем лике голом:
Ты тайно добр—к своей стране,
К своим фарфоровым монголам

...Ведет Есенин с азиатчин
Поэм задор-ную орду.

И даже, кажется, ко мне.
Ты знаешь мир до всех окраин.
Ты смело топчешь путь любой,
Гордясь вселенной, как хозяин
Умело слаженной избой.

2.

Нам целый мир—как стан Батыев.
Мы чтим былого образа.
Нас чад костров дурманит, выев
Поэтов зоркие глаза.
Бредем татарским пепелищем
И, будто день грядущий нем,
В сору разрушенного—ищем
Великолепия поэм.
В напевах родины почуяв
Азийских песен склад и лад,
Монах и сводник, сводит Клюев
С Ново-Московией Багдад.
Ветрами волжскими взлохмачен,
На строк бумажном поводу
Ведет Есенин с азиатчин
Поэм задорную орду.
И я, славянской славы ради,
Орехи рифм татарских грыз,
Востока русского Саади,
Его лукавящий Гафиз.
Ярмом былого душим души.
И рифмы жесткие торчат,
Как оттопыреные уши
Плоскоголовых татарчат.

3.

Собрат! Есенин! Брось о старом.
Чиня шатров татарских рвань,
Ты все, по старому, татарам.
Стихом и сердцем платишь дань.
Слезам поэм дозволив капать
Над прахом прошлого, тайком
Ты заменил рязанский лапоть
Американским башмаком.
Идешь Европой, песни множа.
Вкусив блаженный воздух Мальт,
Ты нынче топчешь, друг Сережа,
Америк мереный асфальт.
Бранишь, дивишься,—вижу, слышу.
Ах, эта речь—немного в нос!
И птицы мыслей бьются в крышу
Твоих соломенных волос.
Их нынче кроет лавр успехов...
Ты, окунувшись в шум мирской,
Нашел Америку, уехав,

...Ты нынче топчешь, друг Сережа,
Америк мереный асфальт...

ЭХО № 4 3

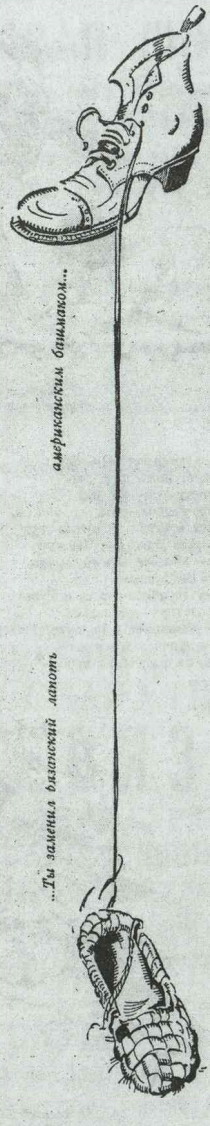
Я—увидал ее с Тверской.
Я понял речь славянских янки.
Ты в шум Америки ль не вник?
В нем пыл Ильинки, гуд Лубянки,
России путаный язык.
Я полюбил ее, охаяв.
Я разгадал, в конце концов,
Ее веселых негодяев
И фантастических дельцов.
Мне — труд и честь воспеть их шайку,
Эпоху похоти к труду,
Сию спешащую к Клондайку,
Руды взыскавшую Орду.
Вот этот люд—их души в шубах.

...В Петрах ничтожных—Петр Великий...

Таких, струящих кровь и пот,
Самоуверенных и грубых,
Сегодня родина зовет.
Их цепких пил взыскуют сосны,
Граниты ждут их молотка...
Россия! Русь! Золотоносны
Твоя земля, твоя строка.
Здесь этих руд—как рыбы в Каме.
О них в неистовстве лихом
Ты ржешь фабричными гудками,
Гремишь восстаньем и стихом.
То гуд единый—гуд работы.
Не нам халаты татарчат!
Тебе, Россия, пулеметы
Одежду новую строчат.

4.

Явись, откройся. Лик стихии
Немногим, избранным, знаком —
И каждый скажет о России
Своим, особым, языком.
Их—тьма. У каждого по краю
В родном, единственном, краю.
Я безошибочно узнаю
В Россиях, в родинах—мою.
Их—тьма. И всем дано растрогать.
И всем—восторги. Всем—стихи.
Смазных сапог чадящий деготь
Иным понятней, чем духи.
В броне Россия, Русь в овчине —
Есть прелесть там, есть прелесть тут.
Нас в книгах радует поныне
Поэтизированный кнут.
Но, друг Нью-Йорку, друг Парижу,
Чужим веселым городам,



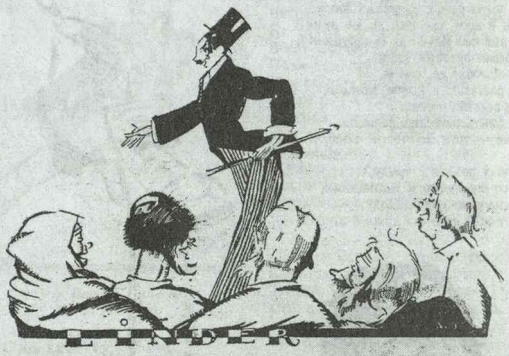
...Ты заменил дикарский лапоть американским башмаком...

Россию новую я вижу
И, раз увидев,—не отдам.
Под вялым солнцем русской лени
Встает, сбиваясь и спеша,
В крови зачатых поколений
Преображенная душа.
Стройна, закончена, одета
В стихи, железо, цифры, медь.
Я знаю: нет еще поэта,
Чтоб эту родину воспеть.
Ей тесно в нас. Ей мало мира.
С ее ль спортсменского плеча
Полярных Цезарей порфира,
Царей истлевшая парча?
Ей, примелькавшиеся лики
Несуществующего дня,
В Петрах ничтожных—Петр Великий,
В Иванах—Грозный—не родня.
Ей по-нутру Верхарнов оды,
В металл одетые до пят.
И пусть Батыевы подводы
В стихах медлительных скрипят.
Что это шум в татарском стане,
Когда рычит таксомотор!
Сковали молоты восстаний
Степей бесформенный простор.
В бетон оправлен лик хаоса.
То не Батыевы возы:
В степях—железные колеса
И гул искусственной грозы.
Учу язык стального гула.
Слежу, взволнованно дрожа,

...В Иванах—Грозный—не родня...

Как ширь Батыеву хлестнула
Дорог железная вожжа.
Пусть сталь хрупка, железо слабо,—
Есть цепи строк. Их крепче—нет
Так Русь, бесформенная баба,
В тугой затянута корсет.
И дерзко вышучу мечту ли,
Турист с котомкой на плече,
Увидев Лондон в сонной Туле,
Американца—в москвиче?
Уже за плугами, над пашней,
Ловлю походки четкой стук—
Оставив лаптю день вчерашний,

Ступает английский каблук.
И тот же пахаря цилиндр
Глядится в Волгу, Дон и Псел.
И потешает тот же Линдер
Аборигенов русских сел.
Где этот быт—наивно-грубый?
В степях заволжья—фабрик гарь.
В их металлические трубы
Трубит уверенно волгарь.
И сеять вымыслов не надо
В степей вместительную ширь,
Когда, кандальная Канада,
Пред взором стелется Сибирь.
Ее лицо пятнают сыпи —
Золотоцветная руда.
Вдоль Оби, русской Миссисипи,
Снуют железные суда.
И, обогнав гагар и чайку,
Несет расчетливый каприз
К Камчатке, русскому Клондайку,
Москвой воспитанную мисс.
Так, извиваясь, строчек рельсы
Ведут к волшебнейшей из стран.
О, Русь! Грядущие Уэльсы
Еще напишут твой роман.



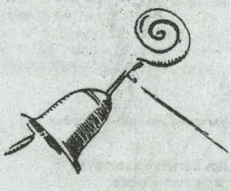
...И потешает тот же Линдер аборигенов русских сел...

5.

Предупреждать его не стану.
Он кровью пишется. Пока —
Встает эпиграфом к роману
Моя нестройная строка.
Верчу, вытачиваю тему,
Верчу Россию вкривь и вкось.
Меж тем, нестройную поэму
Мне дотрезвонить удалось.
Стиха случайность узаконив,
Скрепив строфой певучий вал,
Спешу в Машков и Харитоньев,
Где Горький некогда живал.
Звонюсь. Откроют, чуть помешкав
Дымком пронижет розы фраз
И оборвет нижегородский
Так сочно окающий бас.
Я сыплю рифмы—горсть орешков,
И вновь в ответ сердитый гуд:
То Алексей Максимыч Пешков
Гудит:—«России нужен труд».
Дымлю. Выслушиваю немо
(В дыму табачном грусть и Русь).
Вот этот труд—моя поэма.
Алексей Максимыч, я тружусь!
И я... и прочие... и все мы —
От нив, от фабрик, от пера,
Творцы невиданной поэмы,
Державотворцы, мастера.
Крепим стропила, бьем в подпорки,
Струим чернила, кровь и дым —
России будущей Нью-Йорки
Глыбоподобно громоздим.
Мы не заметили, промешкав:
Ведь тут—Америка... у нас.
И Алексей Максимыч Пешков
Мне басовито вторит: — «Да-с!».

Эммануил Герман.

1919—1922 г.



(Сперва настраивают бас),
И Алексей Максимыч Пешков
Мне басовито скажет: — «Да-с».
Вздохнет. Закурит. Смотрит мимо.
Как этот взгляд не нарочит!
Как бы читая в струйках дыма,
Многозначительно молчит.
Пальнет дымком. Я рифмой брызну.
Сотрет платком надбровный пот.
Ругнет отечески отчизну
И азиатчину ругнет.
Потом, подумав: — «Делен Троцкий»...

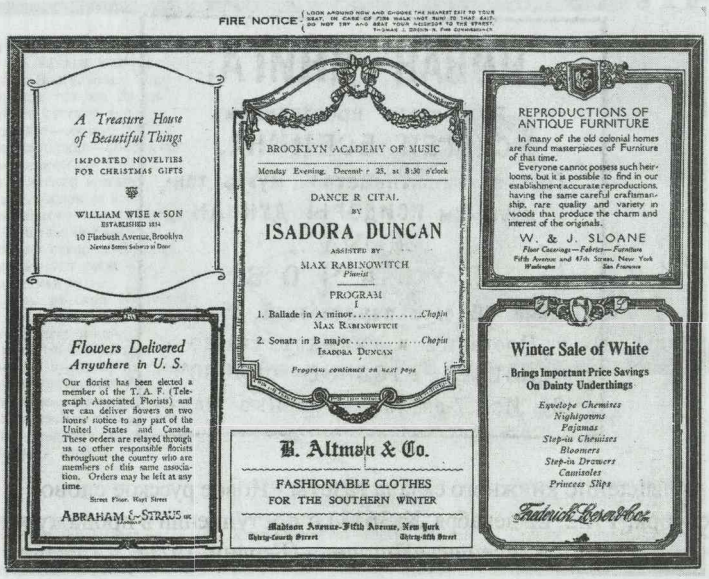
...И Алексей Максимыч Пешков мне басовито вторит:—„Да-с!"...

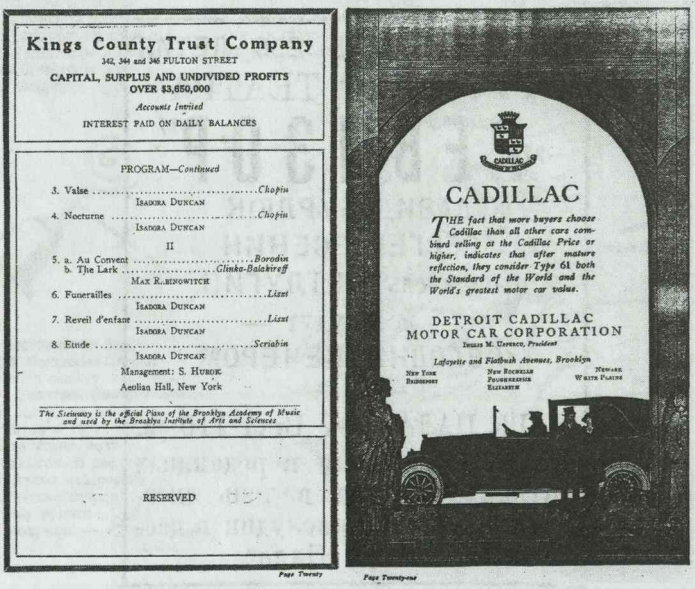
НОВАЯ КНИГА,
Рязанского крестьянина.
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА,
(поэма имажиниста) мужа танцовщицы ИСИДОРЫ ДУНКАН
ПОЭМА
ПУГАЧОВ
Цена 30 с. с пересылкой 35 сен.
Продается в книжном складе
„НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО"
31 Ист 7-ая ул., Нью Йорк.

Объявление книжного склада газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1922, 22 декабря, № 3618) о поступлении в продажу книги С. А. Есенина «Пугачев» (Берлин, 1922).

ПРАЗДНОВАНИЕ 250 ЛЕТИЯ
РУССКАГО ТЕАТРА
„РЕВИЗОР"
ДАВИД БУРЛЮК
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
писатель БЕТЛУГИН
— все будут —
СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
— в —
ПАРК ПАЛАС 5-7 Вест 110 ул.
Билеты продаются в редакциях русских газет, а в день спектакля с 5 час. пополудни в кассе Парк Палас

Объявление о праздновании 250-летия русского театра с анонсом участия С.А.Есенина (газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 22 декабря, № 3618).



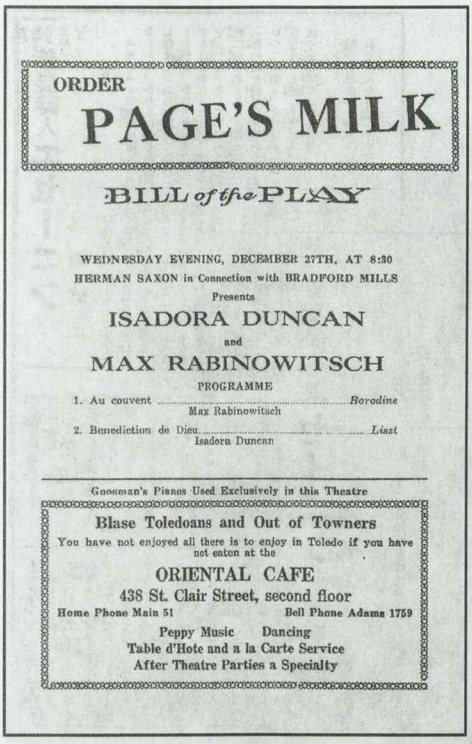


Программа выступления А.Дункан. 25 декабря 1922. Нью-Йорк Brooklyn Academy of Music. Собрание Г.Маквея.

Журнал «Skamander» (Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXVII, декабрь).
Обложка работы В.Боровского.

P. S. Nadesłano nam jednocześnie inny przekład wiersza Orieszina, znacznie lepszy. To chyba najlepszy dowód, że przekład Pana nie jest, jak Pan pisze, „bez zarzutu". Przekładów „Dwunastu" Błoka również nadesłano nam dwa, oba równie niedobre, jak wszystkie dotychczas drukowane w Polsce (cztery!). Z przekładów Jesienina chcielibyśmy skorzystać. Niech Pan sobie przeczyta kawałek „Przeobrażenia" w przekładzie Denhoff-Czarnockiego w zbiorze tłumaczeń znajnowszej liryki rosyjskiej, wydanej niedawno nakładem towarzystwa „Watra". Przekład słaby, a jednak istotniej ujmujący sens liryki Jesienina. Dla przekładów tak wielkiego poety, jakim jest Jesienin, należy stworzyć nowy język. Pan ma, niestety, znaczne zapasy słów ‚młodopolskich', jak „szczęsna godzina", „li", „dziewa" „tęsknica". Gdyby Pan chciał swe przekłady, wziąwszy pod rozwagę powyżej powiedziane, raz jeszcze przepatrzeć, chętniebyśmy coś drukowali. Zwłaszcza „Oktoich". Jeszcze jedno: nazwisk współczesnych poetów zazwyczaj nie należy spolszczać. Pisze się zatem „Orieszin", a nie „Orzeszyn".

Письмо редакции журнала «Skamander»
(Варшава, 1922, т. 3, тетрадь XXVII, декабрь) к литератору
P. S. (настоящее имя не выявлено) о его переводах стихов С.А.Есенина,
предложенных к публикации.



ORDER

PAGE'S MILK

BILL of the PLAY

WEDNESDAY EVENING, DECEMBER 27TH, AT 8:30
HERMAN SAXON in Connection with BRADFORD MILLS
Presents

ISADORA DUNCAN

and

MAX RABINOWITSCH

PROGRAMME

1. Au couvent ..... Borodine
Max Rabinowitsch

2. Benediction de Dieu ..... Liszt
Isadora Duncan

Goosman's Pianos Used Exclusively in this Theatre

Blase Toledoans and Out of Towners

You have not enjoyed all there is to enjoy in Toledo if you have not eaten at the

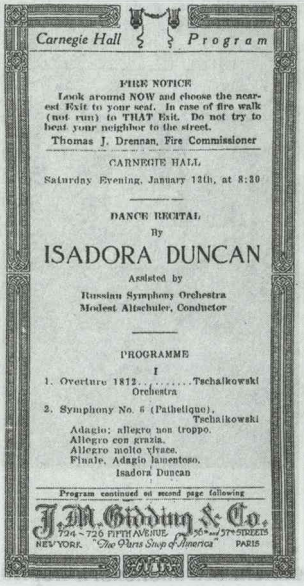
ORIENTAL CAFE

438 St. Clair Street, second floor

Home Phone Main 51 Bell Phone Adams 1759

Peppy Music Dancing
Table d'Hote and a la Carte Service
After Theatre Parties a Specialty

Первый лист программы выступления А.Дункан. 27 декабря 1922. Толидо. Saxon Auditorium. Собрание Г.Маквея.



Carnegie Hall Program

FIRE NOTICE

Look around NOW and choose the nearest Exit to your seat. In case of fire walk (not run) to THAT Exit. Do not try to beat your neighbor to the street.

Thomas J. Drennan, Fire Commissioner

CARNEGIE HALL

Saturday Evening, January 13th, at 8:30

DANCE RECITAL

By

ISADORA DUNCAN

Assisted by

Russian Symphony Orchestra
Modest Altschuler, Conductor

PROGRAMME

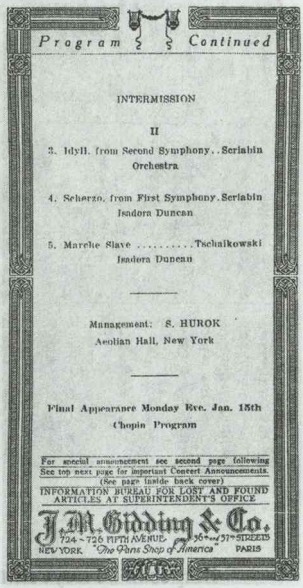
I

1. Overture 1812 ..... Tschaikowski
Orchestra

2. Symphony No. 6 (Pathetique). Tschaikowski
Adagio; allegro non troppo.
Allegro con grazia.
Allegro molto vivace.
Finale, Adagio lamentoso.
Isadora Duncan

Program continued on second page following

J. M. Gidding & Co.
724-726 FIFTH AVENUE 56th and 57th STREETS
NEW YORK "The Paris Shop of America" PARIS



Program Continued

INTERMISSION

II

3. Idyll, from Second Symphony..Scriabin
Orchestra

4. Scherzo, from First Symphony. Scriabin
Isadora Duncan

5. Marche Slave ..... Tschaikowski
Isadora Duncan

Management: S. HUROK
Aeolian Hall, New York

Final Appearance Monday Eve. Jan. 15th
Chopin Program

For special announcement see second page following
See top next page for important Concert Announcements.
(See page inside back cover)

INFORMATION BUREAU FOR LOST AND FOUND ARTICLES AT SUPERINTENDENT'S OFFICE

J. M. Gidding & Co.
724-726 FIFTH AVENUE 56th and 57th STREETS
NEW YORK "The Paris Shop of America" PARIS

Программа выступления А.Дункан. 13 января 1923. Нью-Йорк. Carnegie Hall. Собрание Г.Маквея.

勞農詩人エセーニン

尾瀬敬止

下

エセーニンは農民の歌人である。しかし、かれら農民に縁しめば縁しむほどかれらの愚昧であることを感ぜ、かれらを愛すれば愛するほどかれらの狭隘の憂いの中に陥る。そして、すべてが宗教に束ねられてゐると見た彼は、「神の國を地で救かう」といつて感嘆し、身自らが「後を追ふ」と神に絶叫する。感傷はやがて暗黒にかける。

酔ひどれのハーモニカにつれて歌人をも眩惑せやう。

酔ひどれのハーモニカー——これは何んといふ人の伴奏——これは何んといふ「象徴的表現」であらうしかし、彼の歌の大半はもつと〳〵沈鬱な、又は絶望的なものである。その有名な詩篇「イノーニヤ」は実に悲痛なものだ。

私の時が来た、
私の時が来た。

勞農詩人エセーニン

尾瀬敬止

中

エセーニンは純生を愛する詩人である。その生命は郷土にある。彼は山をうたひ、海をうたひ、雲をうたふ。

新しい種子が野原を歩いてゐる、
そして新しい種子を
地に投げてゐる。

しかし、同じく田園の歌であつても、それは作家の詩人の態度とは非常に相違したものがある。「新しい種子」を蒔く——新しいロシヤに、革命の洗礼をうけたロシヤの職野にまた、こんな詩もあるから、そのおもしろさうな二三節を紹介しやうしかし、そこには同じく少年時代の思ひでがあつても、在来の詩人がおもつたやうに、

いつもの様に、
私は
あらぬ方へ突進してゐる、
いつても〳〵衝動に駆られ

元気も勇気も無くなつた時に、限なく活躍だつた其の時代の力が、私の詩の中に顕れる。

昔のやうに、今でも限なく
私は
あらぬ方へ突進してゐる、
いつても〳〵衝動に駆られ

すべてのものは飛つて消える、
風の裏からしかし
花をさいて誘ひゆくものよ
お前身は永遠に感謝された
……。

そこには「呪ひ」がある。しかし、この呪ひはまた漠然として何を目標にしてゐるか判らな

勞農詩人スエーニン

尾瀬敬止

（上）

今日のロシヤ革命は都会を中心とする。この詩時代的精神や思想をあらはすに文学がそれ以外に出ることは一寸むずかしい。勿論、もつとも例外を基礎的であり、非常に特殊的なものだ。非常に特殊的なものだ。

いま、都会ではなく、農村を中心とする詩人について言ふならば、かれの詩は農村的で、農民的で、郷土的であらうと考へる。しかし、かく

既成してみると、全く驚嘆すべきといふ感さを感ずる。ちやうど、彼によつて現れた詩の数々、たちまち輝かしい光彩を放つやうに大きな感動を示したやうに——。事実、それらの詩は非常に特殊的であり、非常に特殊的なものだ。非常に特殊的なものだ。

が「フルイスト的傾向をもつてゐる」と言つたのは誰つてゐる。フルイストとは、ある詩人の人格の名であれば詩人の人格や思想を現し、すべての人間に絶対的な統一生活を強ひる。

ここにセルゲイ・スエーニンといふ人がある。彼は、短命（卅一）ながらも（ロシヤの詩人）として、都会的のイヤリヂ・グンカンと伺うとかしたとかで詩壇たが、都会的美の詩人ウラヂミル・マヤコウスキーと並んでゐる。すなはち、新しい詩壇に新しい田園の歌をおくる者は彼で、ウェルハーレンがパリーの舞台で紹介するなら、エセーニンはリセザンの詩壇に手を差したから紹介するに——まで言はれる。また三十七〇〇年詩人だが、モスクワの現詩壇に、もつとも勢力ある「イマヂニスト」派を支配してゐるものも彼だ。この派の、ボリシエキー革命後に

散布した言葉は詩の〔illegible〕が、その〔illegible〕興味がない。〔illegible〕へるもの〔illegible〕い」などいふつてゐる。リズムなどいふ、リズムなどを〔illegible〕最大限度の「感情」〔illegible〕といふことをあげる。〔illegible〕ン詩にも、また一九二〇年〔illegible〕表した詩集〔illegible〕これらの人々によつて〔illegible〕るのを認めなければならない。

「イノーニヤ」こそは、一人間の〔illegible〕に〔illegible〕ものである。〔illegible〕吹雪のやうな勢で言はう、私は〔illegible〕よ遠つてやらう自分の言葉の〔illegible〕私はキチョージ（ある物語りの一節）の溜息をのろふ。その過のすべての凹みをも

「イノーニヤ」は、人間の自分の歌をみやぶつて地上に〔illegible〕また白いたみを〔illegible〕ク〔illegible〕家イワノフ〔illegible〕人間的のものでなくて純神的又は人類的のものであり、詩人カーメンスキーに比べれば、そのイノーニヤを支配するものは所謂「農民キリスト」教であればならぬと言ふ。そして、エセーニンは傷害者の口調をもつてかう唄つてゐる。

（第三種郵便物認可）　六十二　ス　イ

Вырезки из неустановленного японского периодического издания с текстом статьи Кэйси Осэ «Рабоче-крестьянский поэт Есенин» (Тетр. ГЛМ).

Поэт Мани-Лейб Брагинский. Фото. Собрание Г.Маквея.

Объявление о выступлении А.Дункан и С.А.Есенина
в пользу русских сирот. 2 февраля 1923. Нью-Йорк. Lexington Theatre.

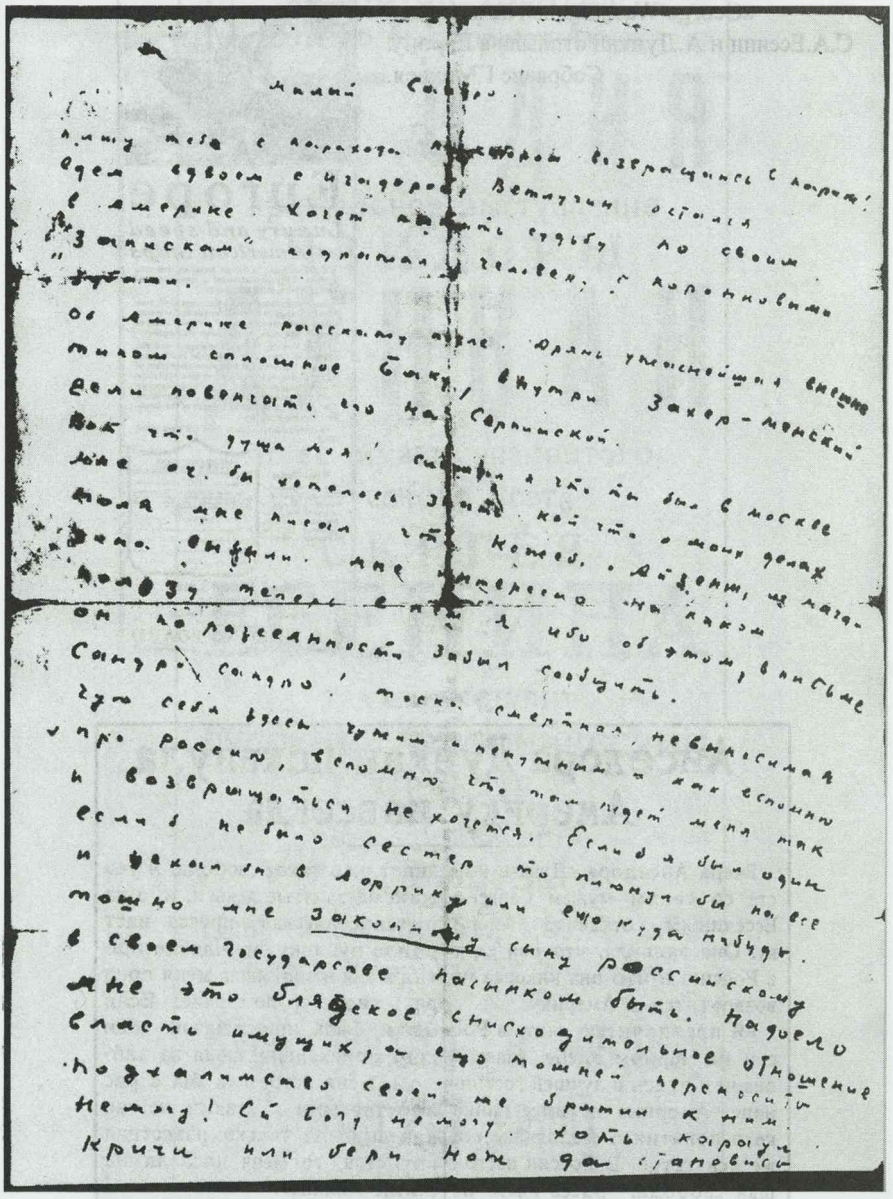
Рекламное объявление о пароходе «George Washington», на котором С.А.Есенин и А.Дункан отплыли в Европу. Собрание Г.Маквея.

Айседора Дункан покинула Америку навсегда

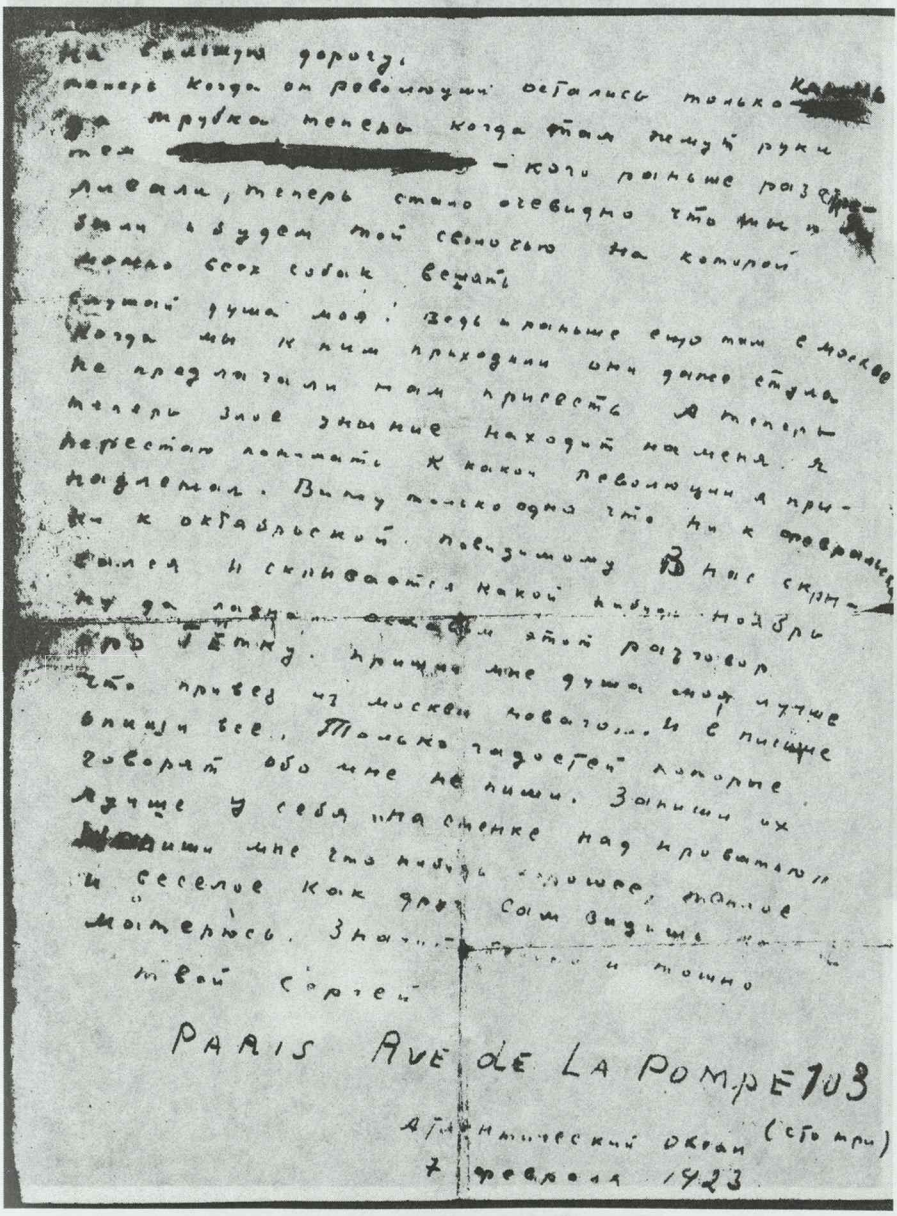
Вчера Айседора Дункан вместе со своим мужем Сергеем Есениным оставила Америку. Она заявила, что они едут в Россию и что она никогда не возвратится в Америку.

«Я предпочитаю жить в России на черном хлебе, сказала она чем здесь в лучшей гостинице. Америка не имеет никакого понятия о еде, любви или же искусстве. В России настоящая свобода. Здесь никто не знает, что такое свобода. Я уезжаю на занятые деньги, ибо капиталистическая пресса настроила публику враждебно против меня и заставила меня прервать свой тур по стране. Если бы я была иностранный банкир, приехавший сюда за займом, меня встретили бы с распростертыми об'ятиями, но так как я была только известная артистка, то меня послали на Эллис Айланд».

Заметка «Айседора Дункан покинула Америку навсегда» (газета «Русский голос», Нью-Йорк, 1923, 5 февраля, № 2072).



С.А.Есенин. Письмо к А.Б.Кусикову. Автограф. 7 февраля 1923. Борт парохода «George Washington». Собрание Г.Маквея.



На большую дорогу.
теперь когда от революции остались только [redacted]
да трубка теперь когда там жмут руки
тем [redacted] — кого раньше разстре-
ливали, теперь стало очевидно что мы и
были и будем той сволочью на которой
можно всех собак вешать
Слушай душа моя! Ведь и раньше ещё там в Москве
когда мы к ним приходили они даже стула
не предлагали нам присесть. А теперь
теперь злое знание находит на меня. Я
перестаю понимать к какой революции я при-
надлежал. Вижу только одно что ни к февральской
ни к октябрьской. Повидимому в нас скрыв-
ался и скрывается какой нибудь ноябрь
ну да ладно. Оставим этот разговор
про тётку. Пришли мне душа моя лучше
что привез из Москвы новаго... и в пищи
опиши все. Только гадостей которые
говорят обо мне не пиши. Запиши их
лучше у себя на стенке над кроватью
[redacted]пиши мне что нибудь хорошее, теплое
и веселое как друг сам видишь как
матерюсь. Значит [illegible] и тошно
твой Сергей

PARIS AVE DE LA POMPE 103

Атлантический океан (сто три)
7 февраля 1923

Гостиница «Крийон» («Hotel de Crillon»). Париж. Фото. Общий вид. 1970-е годы.

Гостиница «Крийон» («Hotel de Crillon»). Париж. Фото.
Гостиная в номере отеля. 1970-е годы.

Обложка книги А.Б.Кусикова «Аль-Баррак: Октябрьские поэмы» (2-е изд., Берлин, 1923) работы А.М.Арнштама.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

ПОЭМА ТРЕХ НОЧЕЙ

НОЧЬ ВТОРАЯ

4

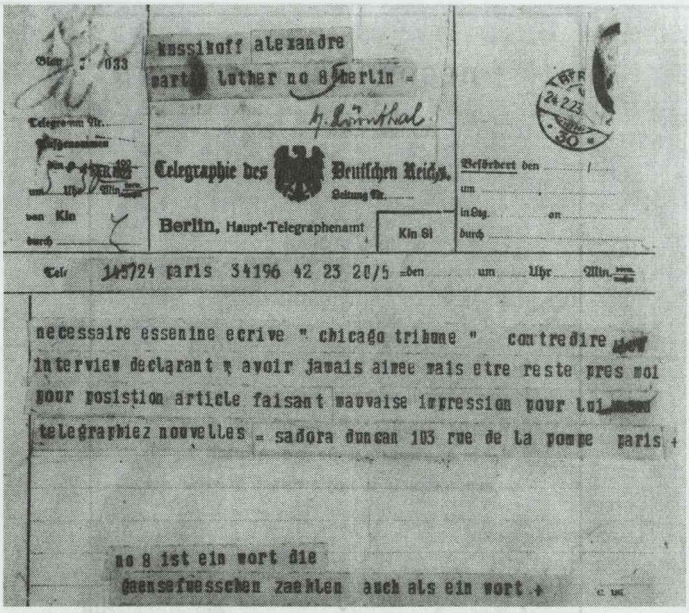
Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян,
И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя,
И безоглядочный и беспокойный я —
Мы все плывем в круженьи волн и пены.

О, как легко без суеты забот,
Когда досада не хрустит на пальцах: —
Пусть на весне линяет тощий скот,
Пусть в осень розы осыпаются.

Что мне Сережа, Толя и Вадим
(Любовь друзей — сокрытая измена)!
Вот так бы плыть, чтоб кольца позади
Сбивали волны перехватом пены.

Но беспокойствие оглядками живет,
Но безоглядочный случайно оглянется;
И пены нет, — и пена лед...
Все на часах размеренно прольется.

Фрагмент поэмы А.Б.Кусикова «Песочные часы» из книги «Аль-Баррак» (1923).



kussikoff alexandre
martin luther no 8 berlin =

Telegraphie des Deutschen Reichs.
Berlin, Haupt-Telegraphenamt
Kin Si

Telegramm Nr.
Aufgenommen den 192
um Uhr Min.
von Kin
durch

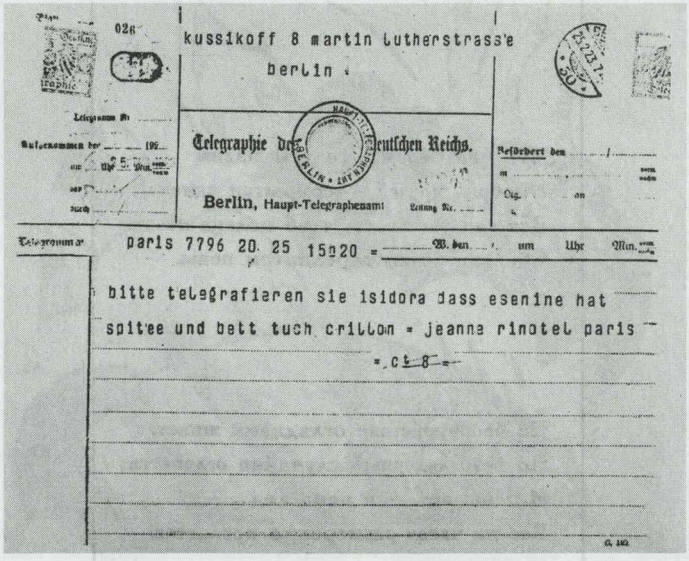
Befördert den
um
in Stg. an
durch

Tel. 145724 paris 34196 42 23 20/5 = den um Uhr Min.

necessaire essenine ecrive " chicago tribune " contredire
interview declarant m avoir jamais aimee mais etre reste pres moi
pour posistion article faisant mauvaise impression pour lui
telegraphiez nouvelles = sadora duncan 103 rue de la pompe paris +

no 8 ist ein wort die
gaensefuesschen zaehlen auch als ein wort +

Телеграмма А.Дункан к А.Б.Кусикову. 23 февраля 1923. Из Парижа в Берлин. Собрание Г.Маквея.



026

kussikoff 8 martin lutherstrasse
berlin +

Telegraphie des Deutschen Reichs.
Berlin, Haupt-Telegraphenamt

Telegramm Nr.
Aufgenommen den 192
um Uhr Min.
von
durch

Befördert den
um
Stg. an

Telegramm Nr. paris 7796 20 25 15 20 = W. den um Uhr Min.

bitte telegrafieren sie isidora dass esenine hat
spitee und bett tuch crillon = jeanne rinotel paris
= ct 8 =

Телеграмма горничной А.Дункан Жанны (Jeanne) к А.Б.Кусикову. 25 февраля 1923. Из Парижа в Берлин. Собрание Г.Маквея.

Журнал «Zwrotnica» (Краков, [1923], № 4). Обложка работы А.Замойского.

SERGIEJ JESSIENIN

SPOWIEDŹ CHULIGANA

Nie każdy mógł się urodzić.
Nie każdemu dana jest fabliktem
Spodlić na cudze kobyła.

Oto jest największa na świecie spowiedź —
Spowiedź ostatniego chuligana.

Ja urodziłem się nigdy nie czasu
I głowy noszę w różnie rozchwiana, jak świeca.
Wszystkich dusz bezlistną jesień
Przyjemnie mi w ciemnościach nam akwarel.
Przyjemnie mi, kiedy przeklętego kamień
Dostęga mnie, jak grad i chce mnie zwalić z nóg.
Ja tylko mocniej ściskam swoim rękami
Rozkołysanych odrodów moich stóg.

Jak dobrze wiedzy wspomnieć tak okrutkim
Zarosły stawu i dni dziecińskau pierwsze,
Że gdzieś w dalekiej wsi są ojciec miły i matka.
Co mają gdzieś najlepsze moje wiersze.
Dla których drogi-m kęp, jak pole i jak las.
Jak wietrzyk, co od pól wiosennym rankiem mrzy.
Oni by przyjęli zuchwałe moje widłami
Za każdy wasz rzucony we mnie krzyk.

Biedni, biedni wieśniacy!
Już napewnicie nic nie wiedzą,
Zawsze jeszcze rzycie się w ziemi jak kret.
O głębyście rozumieli,
Że syn wasz jest w Rosji
Największym może poetą!

Malycia to o życie jego kiedyś nadrobi,
Gdy bagnet nagotni kabałę jestemu wpierwi?
A dziś on chodzi w cylindrze
I w wyciśniętych fakterach.

Ale wieszka w nim wiejski krzyknie,
Co przyczaił się tylko i czeka.
Każdej brawie z wyżdu rzeźnika
On kłania się jeszcze wdzięcznie.
I spotkawszy chrześcijanina na placu,
Wspominając swoi gnoju od pól i drew,
Gotów ogon niskie każdej klaczy.
Jak weselnej sukni tren.

Ja kocham ziemię.
Ja bardzo kocham ziemię!
Choć jest w niej smutek głęboki, jak siwe.
Miłe mi są obrzydzone miarky ludzi i ile mi.

Gdy nie słyszę, jak nocą dzwonią chóry tub.
Jak chory jestem na wspomnienia dziecka,
Kwietniowych stwierdzenia wciąż ssi mi się usta i kwa.

Jakby się pogrzać w kuchi u przyjaciela
Przyczepnął klan przed zrabiną wietrzą zórz.
O ilem fajek na nim w gniewach wrzących,
Wdrapując się po zębach, wsadzał krwił.
Czy taki sam on dziś pozostał i zielony?
I czy, jak dawniej, wieczorami gra?

A ty kochany
Wierny, stary psie?!
Na starość ślepy siedzi się i chory
I grzejesz się na przyjęć całe dnie,
Nie widzisz już gdzie chlew i gdzie obory.
O jak mi drogie są dziś nasze psoty,
Gdy chleb od matki wyżebrany długo
Do wódki jadliśmy pod płotem,
Nie krzyżując się zupełnie jeden drugim.

Jam wciąż ten sam.
Sercem jam wciąż ten sam,
Jak kiedy w życie kwietnej oczy hoże.
Śmiejąc dziś słońcu złocącemu się rogatce,
Chciałbym powiedzieć coś tkliwego wam.

Dobranoc!
Wszystkim wam dobranoc, mili!
Zapomnianę na murowie zmierzchu kosy mokną.
Chce mi się tak bardzo w tej chwili
Odtuślać księżyc przez okna.

Błękitny zmierzch, błękitny w rozpłynie linji.
W taki błękit i umierać łekko.

Więc i cóż, że wyglądam, jak ognik,
Co przyczepił do żodka reflektor.
Stary, dobry Pegazie mój, żyjesz?
Może-ś potrzebny twój miękki kłus?
Ja przyszedłem, surowy mistrz,
Słowić szczury i karpi płaszk.
Głowa moja, jak Sierpień flag
Spływa wina barzłowych odrodów stromień sterny.

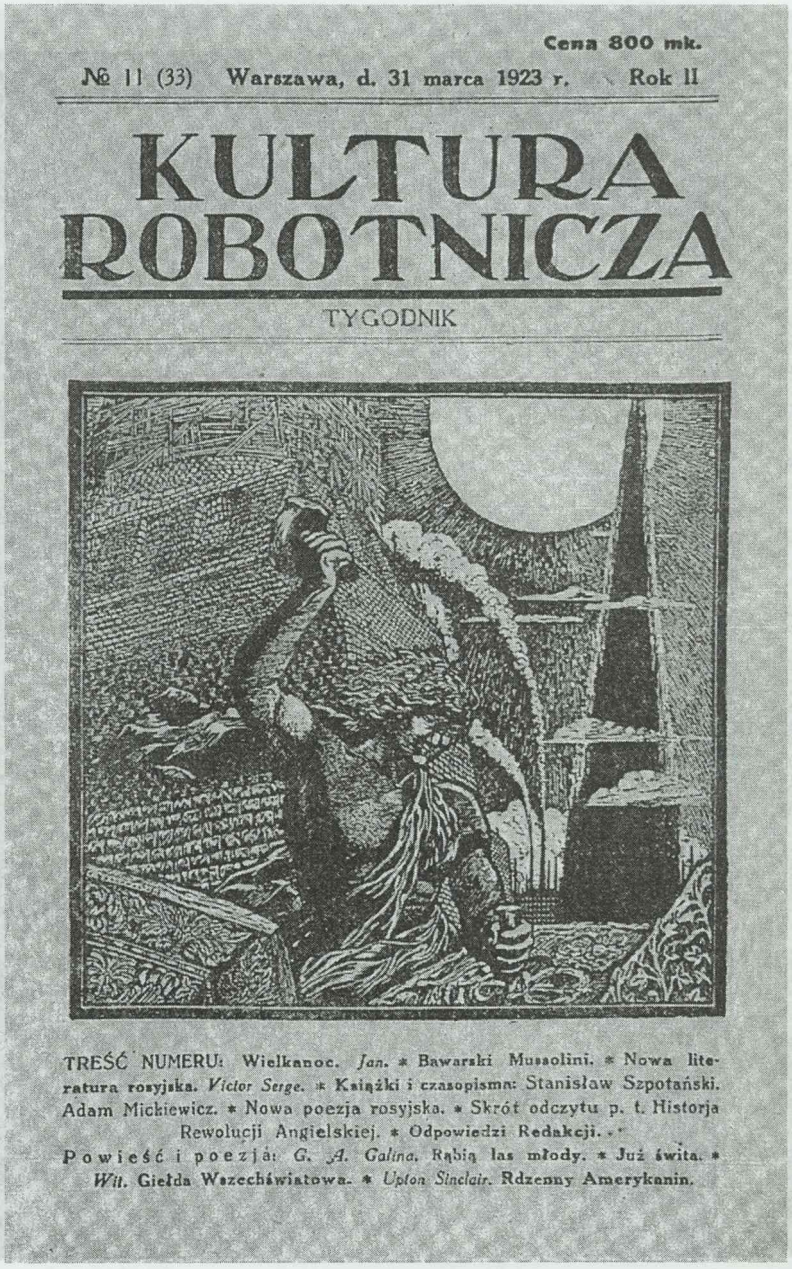
Ja chcę być żółtym żaglem
W tę stronę, dokąd płyniemy.

Przełożył BRUNO JASIEŃSKI.

«Исповедь хулигана» С.А.Есенина в переводе Б.Ясенского (журнал «Zwrotnica», Краков, [1923], № 4).

Афиша вечера С.А.Есенина и А.Б.Кусикова. 29 марта 1923. Берлин. Klindworth-Scharwenka-Saal. Собрание Г.Маквея.

А.Б.Кусиков. Фото. 1920-е годы. Собрание Г.Маквея.



Cena 800 mk.

№ 11 (33) Warszawa, d. 31 marca 1923 r. Rok II

KULTURA ROBOTNICZA

TYGODNIK

TREŚĆ NUMERU: Wielkanoc. *Jan.* * Bawarski Mussolini. * Nowa literatura rosyjska. *Victor Serge.* * Książki i czasopisma: Stanisław Szpotański. Adam Mickiewicz. * Nowa poezja rosyjska. * Skrót odczytu p. t. Historja Rewolucji Angielskiej. * Odpowiedzi Redakcji. *

Powieść i poezja: *G. A. Galina.* Rąbią las młody. * Już świta. * *Wit.* Giełda Wszechświatowa. * *Upton Sinclair.* Rdzenny Amerykanin.

Обложка журнала «Kultura Robotnicza»
(Варшава, 1923, № 12, 31 марта; на обл. ошибочно: № 11).

Nowa Poezja Rosyjska.—W-wa 1923.—Nakład T-wa Wyd-go Watra.—18X13 ctm.—str. 96.

Rosja, będąca postrachem i obrzydzeniem dla dusz mieszczańskich, stała się od czasów rewolucji krainą, od której świat burżuazyjny odgraniczył się tak szczelnie, że oprócz kłamstw, fabrykowanych przez różnych korespondentów i ajencje telegraficzne, niemal nic stamtąd nie dochodzi. — To też niewątpliwie przychylnie przyjęty będzie pierwszy tomik, zatytułowany „Nowa poezja rosyjska". W tomiku tym zebrano w przekładach utwory dwudziestu dwuch poetów rosyjskich. Przekładów dokonali różni poeci polscy.— Niestety nie można powiedzić, aby dobór rzeczy do przekładu był zawsze szczęśliwy. — Przedewszystkiem wydawcy (czy redaktorzy) wyszli z błędnego założenia, jakoby istniała jakaś jednolita literatura rosyjska, i potraktowali poetów przedrewolucyjnych razem z najnowszymi. Jeśli do tego dodamy, że z poetów rewolucyjnych, zgoła nie wybrano rzeczy najznamienniejszych, lecz raczej takie, które najmniej odbiegały od nastrojów ogólnoeuropejskich, będziemy musieli stwierdzić, że dołożono starań, aby ten zbiorek „nowej" poezji rosyjskiej był jak najmniej nowy.—Oczywiście spółredaktorem przy tej pracy była także sławetna cenzura polska, która— wiernie naśladując dawną cenzurę carską — pilnie baczy, aby z poza kordonu granicznego nic dostały się do nas rzeczy — z burżuazyjnego punktu widzenia—nieprawomyślne.

Pomimo to znalazły tu się przynajmniej nazwiska Jesienina, Kusikowa, Orieszyna, Marienshofa, Majakowskiego — no i oczywiście Błoka, którego ładny portret podano na początku.

Oto wiersz Piotra Orieszyna p. t. Powstanie:

Zachód aż siadł z przerażenia —
Na odlew rąbie Wschód.
Ziemi odwieczny bieg zmienia
Stumiljonowy lud.

Z kościołów krzyż zbuntowany,
Księżyc z meczetów zszedł,
Las krzyżowemi rany
Na niebie zalśni wnet.

Śmierć Paryżowi — bez żalu!
Wschód podniósł miecza zręb.
Widzę przez okna Uralu
Zaciętość chińskich gęb.

Indje odświętną swą szatę
Wdziały — i bunt w nich skrzepł.
Nowym już bogom objatę
Składa bezkreśny step.

Londyn zatoczył się w morze,
Legł siwy Berlin już —
Najlepszy jeszcze los może
Twierdz, które legły śród burz.

Oto z Mont Blanc schodzą hufce
Przez Boga strojne w blask...
Kirgiz w swej dzikiej wędrówce
Nowych porządą łask.

Tomik ten polecamy czytelniom robotniczym, ponieważ — jak słusznie mówią redaktorzy w słowie wstępnem, „mimo wszelkie wady i usterki przekładów, mimo niekompletność i nierównomierność zebranego w tej książce materjału... każdy z rzeczywistych miłośników piękna ulegnie czarowi, jaki tchnie z utworów tych tęgich talentów, i nikt nie będzie żałował tych kilku chwil, jakie spędzi, pochyliwszy się nad srebno—piennym i rwącym, a miejscami przedziwnie pogodnym i smutnym strumieniem poezji rosyjskiej.

Анонимная рецензия на книгу «Nowa poezja rosyjska» со стихами С.А.Есенина (журнал «Kultura Robotnicza», Варшава, 1923, № 12, 31 марта; на обл. ошибочно: № 11).

Timbre officiel de l'Ambassade, de la Légation ou du Consulat.

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Emplacement réservé à la photographie du pétitionnaire. Cette photographie doit être la même que celle qui sera apposée sur le passeport.

DEMANDE
DE VISA DE PASSEPORT

1° Nom: Essenine née Duncan
2° Prénoms: Isadora
3° Date et lieu de naissance: 27. V 1884 U. S. A.
4° Nationalité actuelle: Russe
5° Nationalité d'origine: Américaine
6° Nationalité et naturalisation, s'il y a lieu, des père et mère:
7° Motifs du voyage: retour au domicile
8° Durée du voyage:
9° Localités où le pétitionnaire doit se rendre successivement. (Prière de les indiquer dans leur ordre.) Paris
10° Prière d'indiquer deux références précises en France: 103 rue de la Pompe Paris
11° Prière d'indiquer une référence par localité où se rendra le pétitionnaire:
12° Lieux d'entrée en France:
Et de sortie de France:
13° Localités où le demandeur a précédemment séjourné en France:
14° Adresses, dates et durées de ces sejours:

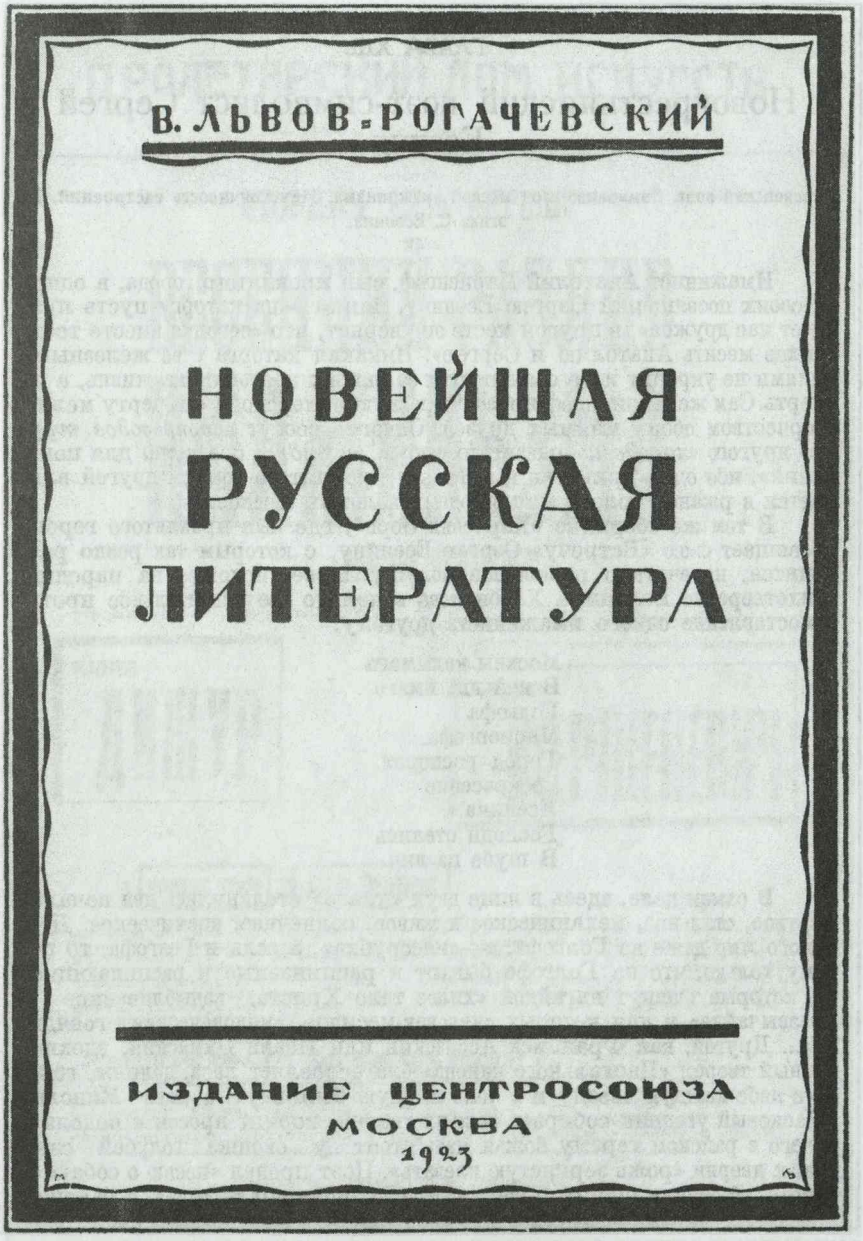
A Berlin, le 4. IV 1923

Signature:
Isadora Duncan Essenine

AVIS IMPORTANT

Ce questionnaire doit être rempli en deux exemplaires par le pétitionnaire et revêtu de sa photographie. Ces deux exemplaires peuvent être retournés par la poste à l'autorité française chargée d'apposer le visa. Toutefois, le pétitionnaire devra se présenter en personne muni de son passeport et de ses papiers d'identité pour obtenir le visa, lorsqu'il sera avisé que celui-ci lui sera délivré.

Анкета французского консульства в Берлине, заполненная А.Дункан для получения визы во Францию. 4 апреля 1923. Собрание Г.Маквея.



Обложка первого издания книги В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923) с отдельной главой о С.А.Есенине.

ГЛАВА XIII.

Новокрестьянский поэт-символист Сергей Есенин.

Деревенский поэт. Символизм под маской имажинизма. Неустойчивость настроений. Поэтика С. Есенина.

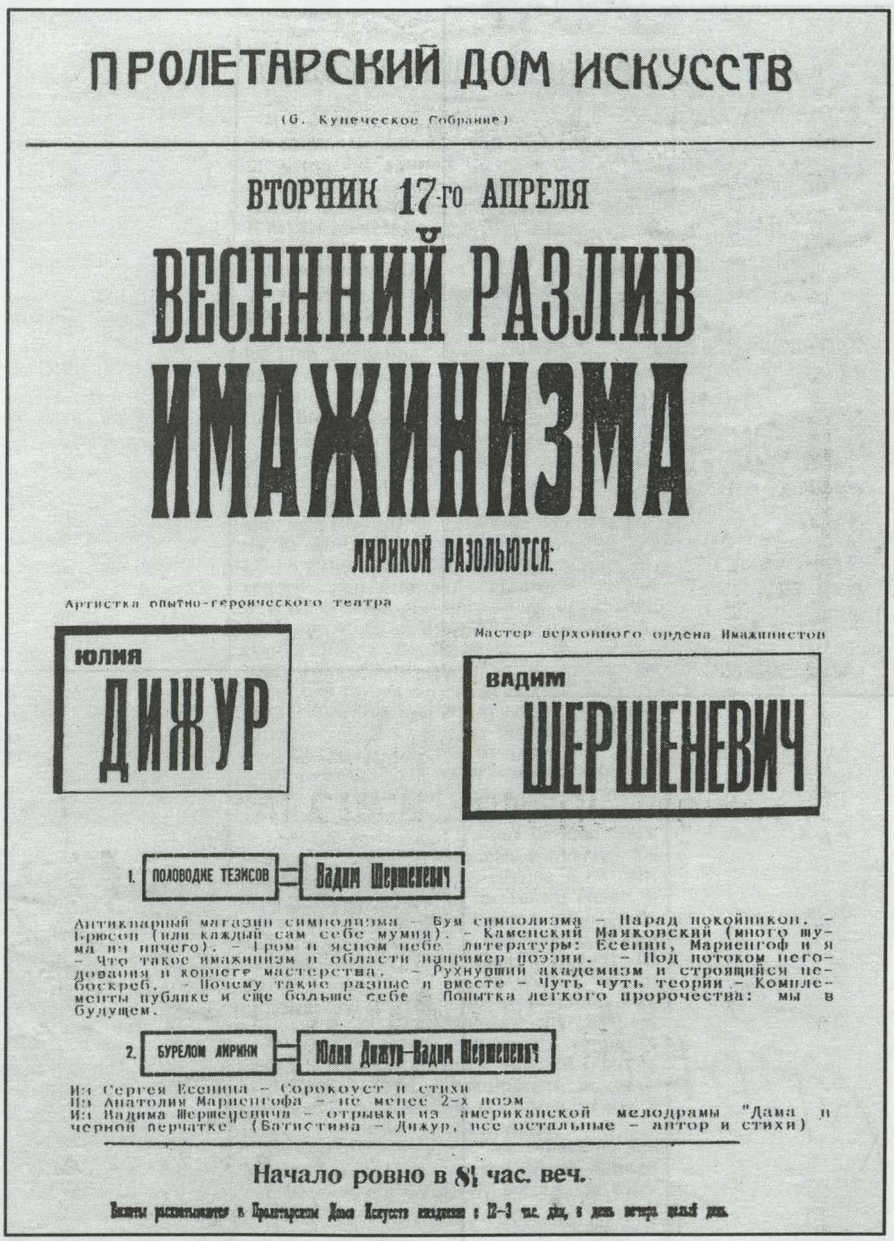
Имажинист Анатолий Мариенгоф, сын проклятого города, в одном из своих посвящений Сергею Есенину, пишет: «на каторгу пусть приведет нас дружба», в другом месте он уверяет, что «сегодня вместе тесто стихов месить Анатолию и Сергею». Никакая каторга с ее железными цепями не укрепит и не свяжет этих заклятых врагов не на жизнь, а на смерть. Сам же Мариенгоф проводит резкую непереходимую черту между творчеством обоих мнимых друзей. Одного «всосут *водопроводов трубы*» другого «*колодези* рязанских изб»... «*и будут два пути* для поколений», ибо один прикован к асфальту проклятого города, другой вливается в ржаное поле с миллиардами золотых языков.

В том же сборнике «Харчевня Зорь», где сын проклятого города посвящает свою «Встречу» Сергею Есенину, с которым так резко расходится, напечатано небольшое полушутливое, похожее на пародию стихотворение Велемира Хлебникова в нем то же решительное противопоставление одного имажиниста другому:

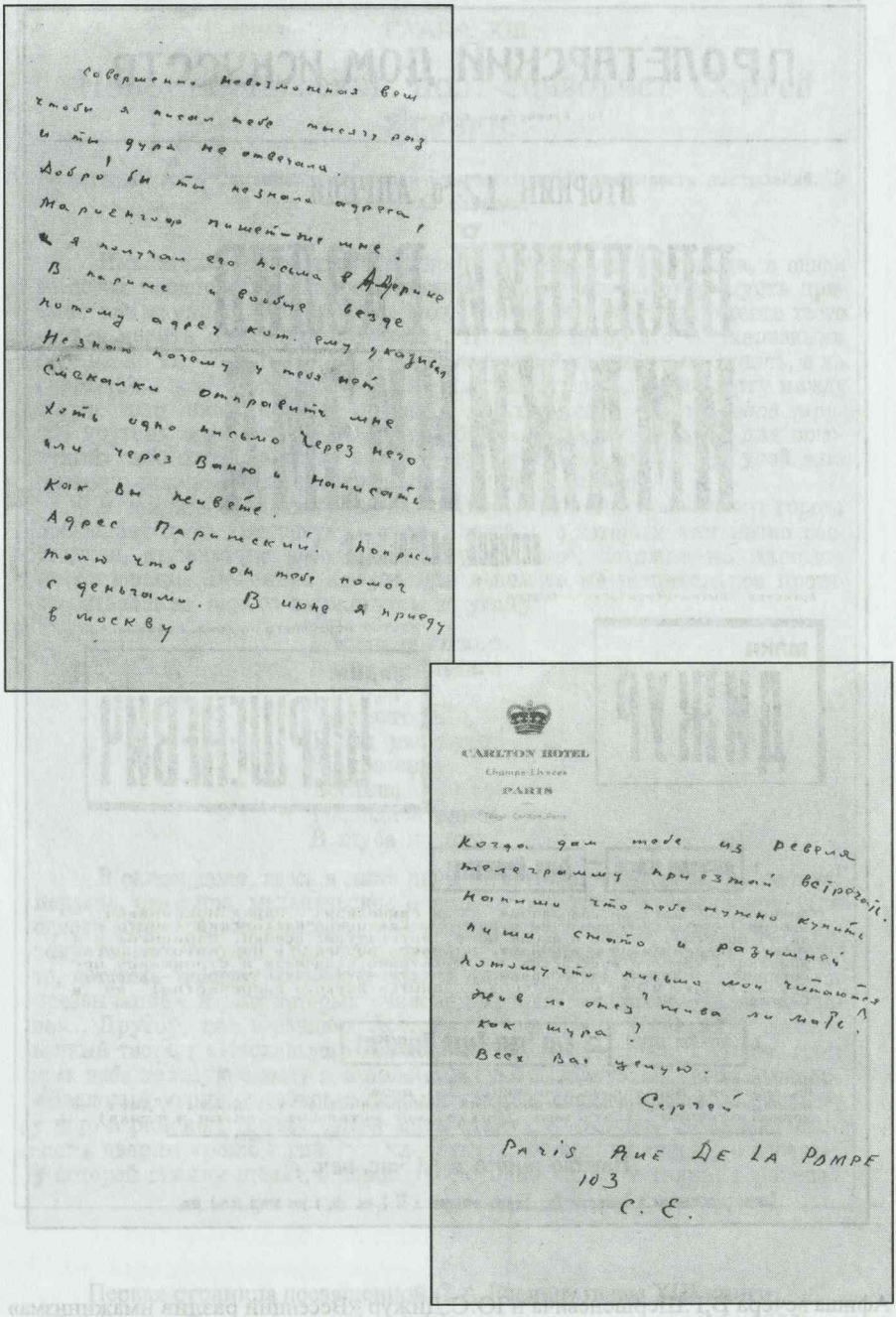
Москвы колымага
В ней два имаго
Голгофа
Мариенгофа.
Город распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи отелись
В шубе из лис.

В самом деле, здесь в лице двух «имаго» столкнулись два начала: мертвое, стальное, механическое и живое, солнечное, космическое. Для одного мир даже не Голгофа, а—«мясорубка», а если и Голгофа, то потому только, что на Голгофе бывают и распинаемые и распинающие, те, которые хлещут нагайкой «хилое тело Христа, вздыбливаемое в чрезвычайке» и для которых «человек-месиво», «человеческая говядина»... Другой, как Франциск Ассизский или Иоанн Дамаскин, вдохновенный творец «Пасхального канона» благословляет леса, долины, горы и «в небе каждую звезду и в поле каждую былинку». У него Микола «Ласковый угодник собирает божьих тварей, кормит просом с подола», у него в райском терему божья мать стоит у окошка голубей сзывает к дверям «рожь зернистую клевать». Поэт пропел «песню о собаке», у которой отняли щенят, о корове, у которой зарезали телка, о раненой

Первая страница посвященной С.А.Есенину главы XIII книги В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература» (М., 1923).



Афиша вечера В.Г.Шершеневича и Ю.С.Дижур «Весенний разлив имажинизма» (Киев, 17 апреля 1923). Собрание В.А.Дроздкова.

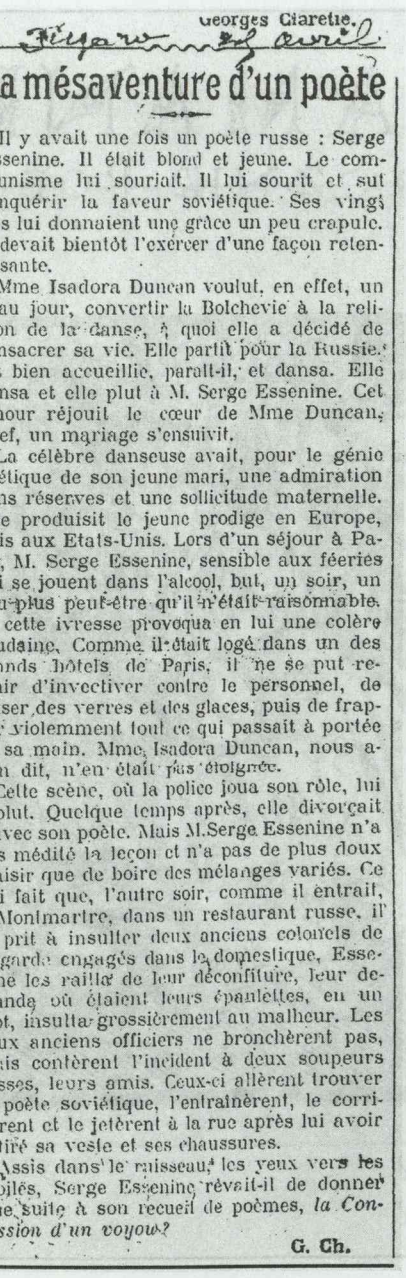


Совершенно невозможная вещ
чтобы я писал тебе тысячу раз
и ты дура не отвечала.
Добро бы ты незнала адреса,
Мариенгоф пишет-же мне.
Я получал его письма в Америке
В Париже и вообще везде
потому адресу кот. ему указывал
Незнаю почему у тебя нет
Смекалки отправить мне
хоть одно письмо через него
или через Ваню и написать
как Вы живете.
Адрес Парижский. Попроси
толю чтоб он тебе помог
с деньгами. В июне я приеду
в Москву

CARLTON HOTEL
Champs-Elysées
PARIS

Когда дам тебе из Ревеля
телеграмму приезжай встречать.
Напиши что тебе нужно купить
пиши сжато и разумней
потому что письма мои читаются
жив ли отец? жива ли мать?
как шура?
Всех Вас целую.
Сергей
Paris Rue De La Pompe
103
С. Е.

С.А.Есенин. Письмо к сестре – Е.А.Есениной. Автограф. 22 апреля 1923.



Georges Claretie.

Figaro 25 avril

La mésaventure d'un poète

Il y avait une fois un poète russe : Serge Essenine. Il était blond et jeune. Le communisme lui souriait. Il lui sourit et sut conquérir la faveur soviétique. Ses vingt ans lui donnaient une grâce un peu crapule. Il devait bientôt l'exercer d'une façon retentissante.

Mme Isadora Duncan voulut, en effet, un beau jour, convertir la Bolchevie à la religion de la danse, à quoi elle a décidé de consacrer sa vie. Elle partit pour la Russie, fut bien accueillie, paraît-il, et dansa. Elle dansa et elle plut à M. Serge Essenine. Cet amour réjouit le cœur de Mme Duncan. Bref, un mariage s'ensuivit.

La célèbre danseuse avait, pour le génie poétique de son jeune mari, une admiration sans réserves et une sollicitude maternelle. Elle produisit le jeune prodige en Europe, puis aux Etats-Unis. Lors d'un séjour à Paris, M. Serge Essenine, sensible aux féeries qui se jouent dans l'alcool, but, un soir, un peu plus peut-être qu'il n'était raisonnable. Et cette ivresse provoqua en lui une colère soudaine. Comme il était logé dans un des grands hôtels de Paris, il ne se put retenir d'invectiver contre le personnel, de briser des verres et des glaces, puis de frapper violemment tout ce qui passait à portée de sa main. Mme Isadora Duncan, nous a-t-on dit, n'en était pas éloignée.

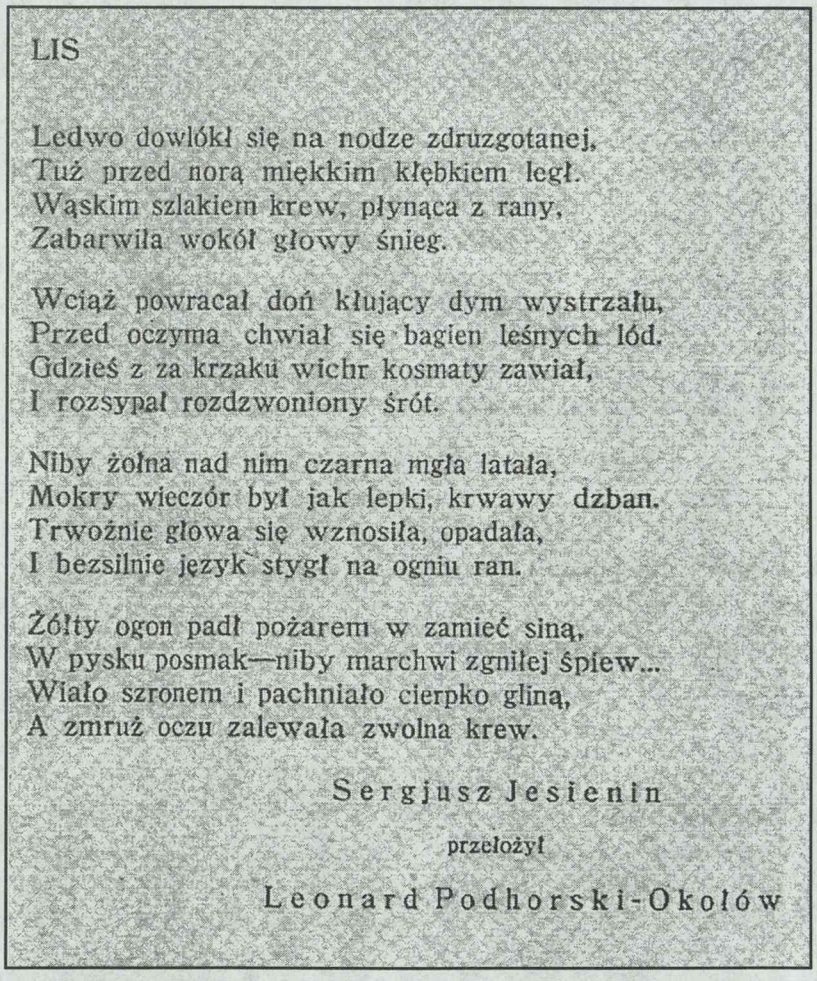
Cette scène, où la police joua son rôle, lui déplut. Quelque temps après, elle divorçait d'avec son poète. Mais M. Serge Essenine n'a pas médité la leçon et n'a pas de plus doux plaisir que de boire des mélanges variés. Ce qui fait que, l'autre soir, comme il entrait, à Montmartre, dans un restaurant russe, il se prit à insulter deux anciens colonels de la garde engagés dans le domestique. Essenine les railla de leur déconfiture, leur demanda où étaient leurs épaulettes, en un mot, insulta grossièrement au malheur. Les deux anciens officiers ne bronchèrent pas, mais contèrent l'incident à deux soupeurs russes, leurs amis. Ceux-ci allèrent trouver le poète soviétique, l'entraînèrent, le corrigèrent et le jetèrent à la rue après lui avoir retiré sa veste et ses chaussures.

Assis dans le ruisseau, les yeux vers les étoiles, Serge Essenine rêvait-il de donner une suite à son recueil de poèmes, *la Confession d'un voyou?*

G. Ch.

Заметка «Злоключение поэта». Вырезка из газеты «Le Figaro», 1923, 25 апреля, № 115 (Тетр. ГЛМ).

Журнал «Skamander» (Варшава, 1923, т. 4, тетрадь XXVIII, апрель). Обложка работы З.Каминского.



LIS

Ledwo dowlókł się na nodze zdruzgotanej,
Tuż przed norą miękkim kłębkiem legł.
Wąskim szlakiem krew, płynąca z rany,
Zabarwiła wokół głowy śnieg.

Wciąż powracał doń kłujący dym wystrzału,
Przed oczyma chwiał się bagien leśnych lód.
Gdzieś z za krzaku wichr kosmaty zawiał,
I rozsypał rozdzwoniony śrót.

Niby żołna nad nim czarna mgła latała,
Mokry wieczór był jak lepki, krwawy dzban.
Trwożnie głowa się wznosiła, opadała,
I bezsilnie język stygł na ogniu ran.

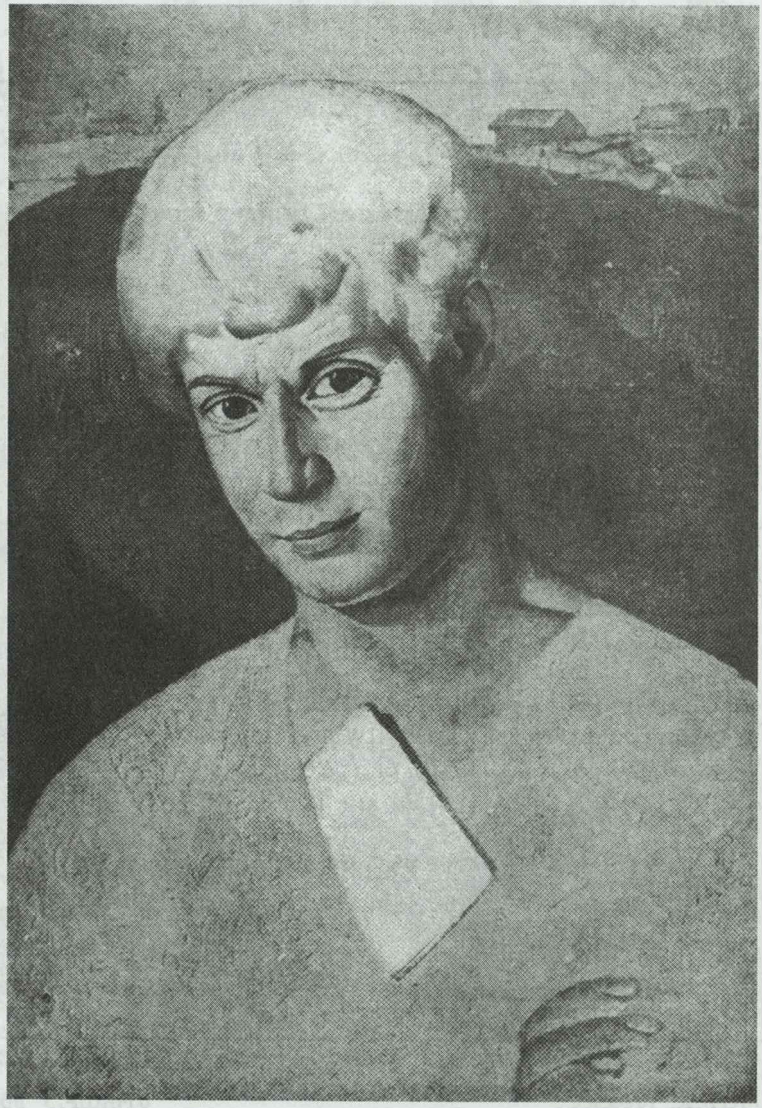
Żółty ogon padł pożarem w zamieć siną,
W pysku posmak—niby marchwi zgniłej śpiew...
Wiało szronem i pachniało cierpko gliną,
A zmruż oczu zalewała zwolna krew.

Sergjusz Jesienin

przełożył

Leonard Podhorski-Okołów

Стихотворение С.А.Есенина «Лисица» в переводе Л.Подгорского-Околува (журнал «Skamander», Варшава, 1923, т. 4, тетрадь XXVIII, апрель).



С.А.Есенин. Портрет работы Б.Д.Григорьева. 1923.

Б.Д.Григорьев. Фото. 1924.

Quatre à quatre

LE MARI DE LA DANSEUSE

Isadora Duncan vient de présenter au Tout-Paris le poète Serge Essenine, auteur des Confessions d'un Voyou.

Je m'étonne que sous Lénine
Où tout est boue et ruine et sang,
La Poésie, en renaissant,
Ait fait surgir Serge Essenine.

L'Isadorable au corps minci
Dit: « J'ai plongé dans la mer rouge
De la Russie en terreur où je
Découvris cette perle-ci ! »

La perle qu'elle nous présente,
Perle d'un impur Orient,
C'est Essenine, souriant
Dans son ardeur jeune et plaisante.

L'artiste murmure : « I love you !
Darling, c'est vous que je préfère »
Au poète qui vient nous faire
Les Confessions d'un Voyou,

Mais c'est un voyou romantique
Vers le Parnasse se sauvant.
Voyou se comparant au vent
Qui souffla sur la Rome antique.

Et, loin des préjugés aigris
Heureux de n'être plus esclave
D'un passé lourd, ce jeune Slave
Se cambre dans son complet gris.

Sous ses cheveux frisés en mousse
Brille un œil petit mais vif où
Menace, irrésistible et fou,
L'éclat d'un fer que rien n'émousse.

Il a de la vigueur au buste
Qui semble s'élargir quand des
Vers saccadés et bien scandés
Y prennent leur essor robuste.

Et lorsqu'il lance [illegible]
Front haut [illegible]
Sa belle audace [illegible]
S'exprime en des [illegible]

Alors, tel l'Hermès [illegible]
Il prête de la vie aux corps
Inanimés... secrets accords
Magie en fleur de l'[illegible]

Il se plonge jusqu'au cou dans
Cérès, parmi les hautes herbes
Pâles des cadavres d'or des gerbes
Aux champs fauchés dans l'ombre.

« Jadis, on me cassait la gueule
On me casse aujourd'hui le cœur!
Dans son bagne, un monde moteur
Me condamne à tourner la meule

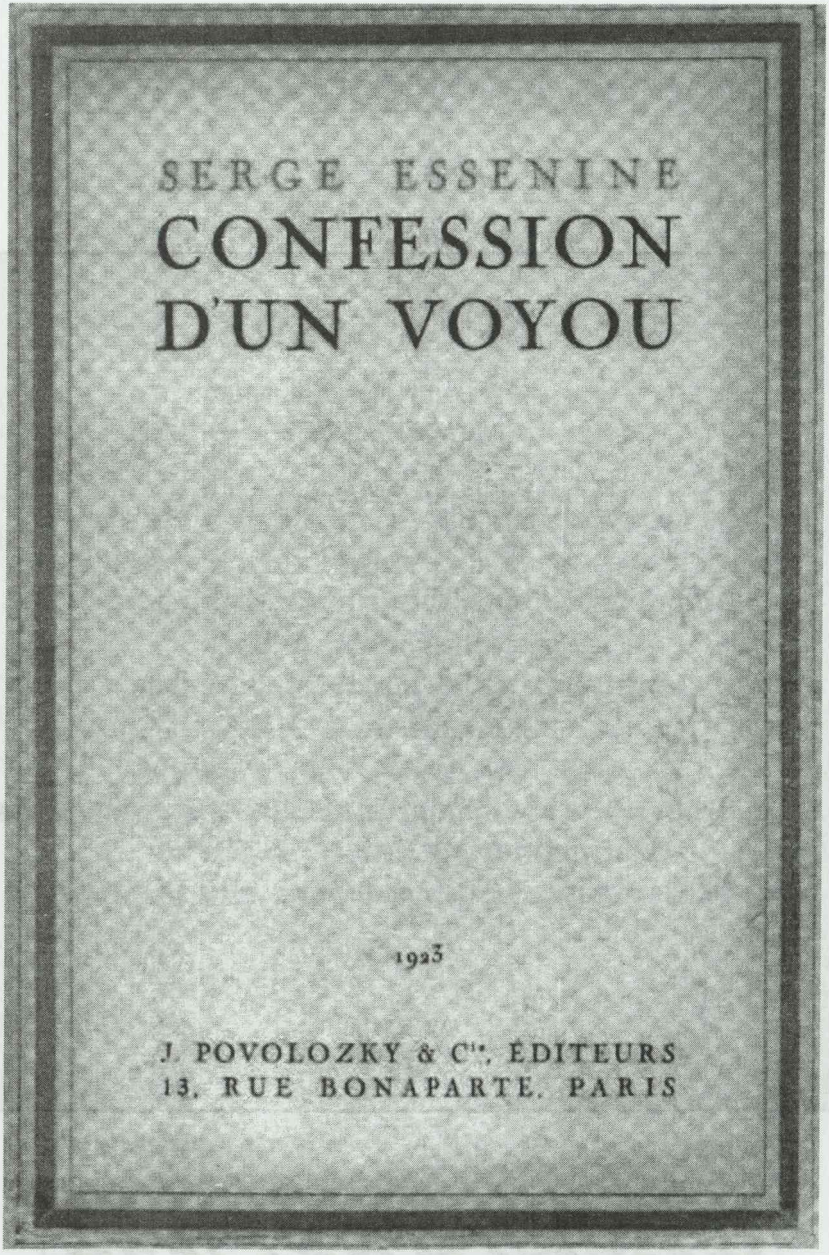
« De mes poèmes, j'ai voulu
Mon supplice et crie : Frère, vite,
Répète mon cri moscovite
Car j'en suis moi-même [illegible] ! »

Ainsi parle, blond et farouche,
Celui qu'en ses bras ingénus
L'illustre danseuse aux pieds nus
Admit à l'honneur de sa couche.

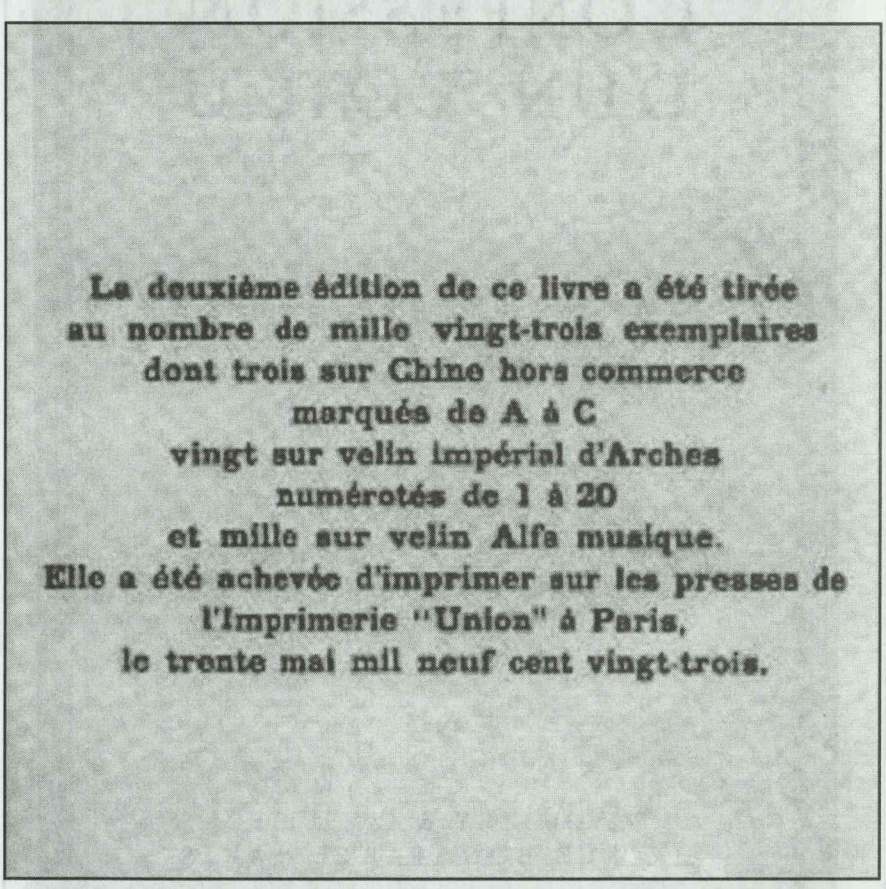
Quelqu'un dit, voyant à genoux
Devant l'aède — ô temps, ô mœurs !
Des dames aux seins de nourrices :
« Le moujik adoucit les mûrs ! »

Guy-Noël

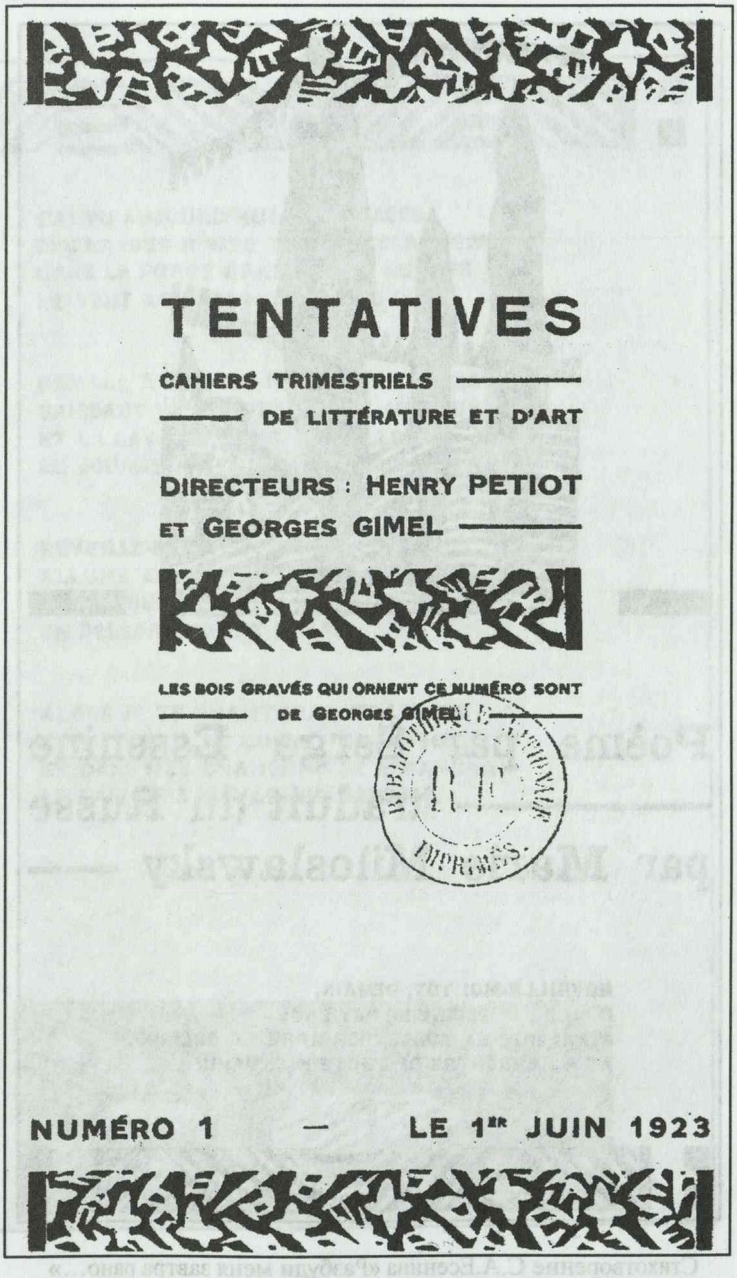
Стихотворение Ж.Валлерэ «Муж танцовщицы» (подпись: Guy-Noël). Вырезка из газеты «Comoedia», Париж, 1923, 19 мая, № 3806 (Тетр. ГЛМ).



Обложка второго издания книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Париж, 1923).


La deuxième édition de ce livre a été tirée
au nombre de mille vingt-trois exemplaires
dont trois sur Chine hors commerce
marqués de A à C
vingt sur velin impérial d'Arches
numérotés de 1 à 20
et mille sur velin Alfa musique.
Elle a été achevée d'imprimer sur les presses de
l'Imprimerie "Union" à Paris,
le trente mai mil neuf cent vingt-trois.

Страница с выходными данными книги С.А.Есенина «Confession d'un voyou» (Париж, 1923).



Титульный лист журнала «Tentatives» (Гренобль, 1923, № 1, июнь) работы Ж.Жимеля.

Стихотворение С.А.Есенина «Разбуди меня завтра рано…»
в переводе М.Милославской (журнал «Tentatives», Гренобль, 1923, № 1;
с гравюрами Ж.Жимеля).

J'AI VU AUJOURD'HUI LES TRACES
DES LARGES ROUES DANS LA CLAIRIÈRE,
DANS LA FORÊT ÉPAISSE DES NUAGES
LE VENT AGITE SON HARNAIS D'OR.

DEMAIN, A L'AUBE, IL PASSERA AU GALOP,
BAISSANT LE CHAPEAU-LUNE AUX BUISSONS,
ET LA CAVALE, DANS LA VALLÉE,
EN JOUANT AGITERA SA QUEUE ROUGE.

RÉVEILLE-MOI TOT, DEMAIN,
ALLUME LA LAMPE DANS NOTRE CHAMBRE ;
ON DIT QUE BIENTOT JE SERAI
UN CÉLÈBRE POÈTE RUSSE.

ALORS JE TE CHANTERAI, ET L'HOTE
ET LE FOYER, LE COQ ET LA MAISON,
ET DANS MES CHANSONS SE RÉPANDRA
LE LAIT DE TES VACHES ROUSSES.

данной страны добивается она, а восхождением. На каждом месте — опять повторяю и свидетельствую — Вефиль и лестница Якова — в каждом центре любого горизонта. Это путь свободы истинной и творчески действенной; но пуста свобода, украденная забвением. И непомнящие родства, — беглые рабы или вольноотпущенники, а не свободно рожденные. Культура — культ предков и, конечно, она смутно «сознает это; даже теперь — воскресение отцов».

Значит, отнюдь и ни в коем случае — не разрушение до тла, и не хаос, и не бахвальство строительством из ничего, и не как то так, само собою, и прежде всего не забвение о Боге отцов. Оттого, вспоминая свои революционные стихи:

Вседневная измена,
Вседневный новый стан,

вовсе не отказывается от них Вячеслав Иванов, но сам комментирует их: «правдивая муза заставляла певца, мятежника, против культурного предания, присовокупить:

Безвыходного плена
Блуждающий обман».

И ведь не одинок тут Вячеслав Иванов, вовсе не «келейно» думает он, что «культура — культ предков». Не так отчетливо, не умея высказать и до оторопи опутанные заблуждениями современной цивилизации, но упася души свои от прикосновения скверны, большинство русских людей всех званий, заголодавшее от невзошедшей нови, разве внутри себя не думает, как он? Соборно, наконец, слово его.

А в области только художества просится под перо это напоминание, что приведенное только что рассуждение Вячеслава Иванова, об'ясняющее то, чего не понял было Андрей Белый, точь в точь применимо к лучшей и высшей представительнице русского футуризма, к этому по своему поэту, только не словом, а красками, проникновенному воссоздателю в новом обличьи и новом совершенстве, для сегодняшней цивилизации, заветного православного византийства — художнице Наталии Гончаровой.

* * *

Е.В.Аничков. Книга «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923). Заключительные страницы.

Последняя плеяда поэтов ни в коем случае не с Вячеславом Ивановым. Между ними и им прежде всего тот водораздел, который называется преодолением символизма. Символизм считается устаревшим. В чем? Не новых идей, не перебоя миросозерцания надо искать в поэзии сегодняшнего дня. Другое. Новый своеобразный эстетизм.

В сборнике «Дракон» (1921 г.), который удалось выпустить в свет «акмеистам», Гумилев в статье «Анатомия стихотворения» разложил поэтическое творчество на четыре составные части: фонетику, стилистику, композицию и эйдологию. Характерно это отнесение «эйдологии» на последнее, четвертое, место. Поэты сегодняшнего дня разбились на много школ или групп: акмеисты и нео-акмеисты, футуристы, импрессионисты и экспрессионисты, а Шершеневич, Кусиков, Мариенгоф и Есенин на одном поэтическом митинге вскочили вчетвером на стол и хором прочли общее четверостишие — программу еще новой школы: имажинистов. Они основали уже и издательство под этим заглавием. Весьма возможно, что в самую ту минуту, когда я пишу, возникла и еще одна. Но в программах всех этих школ или групп одинаково, совершенно так же, как и у акмеистов, то, что назвал Гумилев эйдологией, неизменно оказывается на последнем месте. Роль в художественном обиходе, форма, применимость и непосредственное назначение поэзии, вот что интересует, а не то, что их поэзия выражает. Вовсе не новая «весть миру», какою чувствовал Валерий Брюсов свои стихи, волнует всех их.

Однако, не случайно, что упорно, с надрывом, точно сознательно преследуя какую то неясную цель, богохульствует Есенин. И еще сквернословит, подбирает самые грубые образы, точно сатанинствует, дальше и пуще теребя свои и без того искалеченные души, большинство нынешних поэтов. Эти черты всего ярче именно у имажинистов. Андрей Белый был совершенно прав, когда ссылался на богохульство сегодняшней поэзии, как на показатель того, насколько вовсе не «вне-религиозно» протекает революция. В самом деле, никогда не богохульствует безразличный к вере. Зачем бы он стал? Да и вышло бы бледно, не говоря уже о том, что

это не доставило бы ему никакого удовольствия. Богохульствует богоборец; богоборец же всегда носит покаяние в сердце своем. Это нерешающееся высказаться покаяние богохульников и вычитываешь из бахвальства стихов о том, как ничем «не выкачать выгребную яму моей души» у Шершеневича, или у Кусикова: «обо мне говорят, что я сволочь, что я хитрый и злой черкес». А Есенин в сборнике, так и названном «Исповедь хулигана», сознается: «я нарочно хожу нечесанным». Разве не сказывается во всем этом . . .

Нет, я просто прерву. Довольно. И закончу этими строфами Есенина:

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.
А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.
Любя твой день и ночи темноту
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. «Новые веяния».
Мережковский — Минский — Коневской — Зинаида Гиппиус — Александр Добролюбов 3

Глава II. Первые твердые шаги.
«Весы» — «Новый путь» — Издательство «Скорпион» . . 23

Глава III. На высях.
Вячеслав Иванов и вся плеяда 42

Глава IV. Символизм и прекрасная ясность.
Кузмин — Брюсов — Волошин 59

Глава V. Поэзия Божией милостью.
Бальмонт 68

Глава VI. Лирика и проза.
Федор Сологуб 80

Глава VII. Родное.
Александр Блок и Андрей Белый 90

Глава VIII. Еще новые побеги.
Гумилев и «акмеисты» — Анна Ахматова — Игорь Северянин 108

Глава IX. Футуризм и годы революции.
Каменский — Маяковский — Шершеневич — Есенин — Эренбург — Кирилов и все их великое множество . . . 122

Serge's Poetry Really Rousing

A large and, on the whole, serious-minded audience filled the Théâtre Raymond Duncan in Paris last night to hear Serge Essenin, the poet-husband of Isidora Duncan, recite his works. The fire of the youthful poet, who appeared in the full glory of his joyous blond locks and Raphaelesque face, made a favorable impression on the audience, though only a few registered their comprehension of the Russian language, in which he spoke, by applauding in the right places. A good number of Americans were noticed among the listeners.

Gigglers Get Busy.

Raymond Duncan's remark in his introductory address to the effect that he would like to hang all who are not poets seemed to have impressed the audience, for, in spite of not understanding the show, they preserved decorum in the presence of the Muses, a few gigglers and fidgeters being quickly suppressed by severe looks from the faithful.

The Russian poet, dressed in a light gray, double breasted suit, soft collar and white spats, declaimed portions of his verses in a very enthusiastic and active manner and without nervousness or affectation. He prefaced his recitation with a discourse in which the word "America," followed by a salvo of forceful consonants, frequently appeared and made an ambiguous expression pass over the faces of the Americans, who grasped that he was expressing his well-known opinions upon American civilisation. His outburst was greeted by "Bravos!" from his wife, who was in the gallery.

Mme. Lara, of the Comédie-Française, and others afterwards read from the book of Serge Essenin's works in the French translation.

Анонимная заметка «Поэзия Сергея действительно волнует». Вырезка из европейского издания газеты «The New York Herald» от 14 мая 1923 (Тетр. ГЛМ).

Обложка сборника «Революционная поэзия: Чтец-декламатор». Т.1. (Киев, 1923) с произведениями С.А.Есенина.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

ПАНТОКРАТОР.

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.
Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье.
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Мы радугу тебе—дугой,
Полярный круг—на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Хвостом к земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

О, пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

ТОВАРИЩ.

Он был сыном простого рабочего.
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

137

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею.

Жил Мартын, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом—
Учил его отец распевать Марсельезу.
„Вырастешь—говорил он,—поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи".
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
Окном—
Два ветра взмахнули
Крылом;
То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся Российский
Народ...
Ревут валы
Поет гроза,
Из синей мглы
Горят глаза!

За взмахом взмах,
Над трупом труп,
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет.
Все крик и крик.
В бездонный рот
Бежит родник...

Поэмы С.А.Есенина «Пантократор» и «Товарищ» из сборника «Революционная поэзия: Чтец-декламатор» (Киев, 1923). Фрагменты.

QUAND LA RUSSIE RENAITRA...

"Lénine est un ange!"

La Russie de demain, délivrée de la tyrannie rouge, se souviendra de la France qui ne l'a pas abandonnée

« Eh bien ! quand pensez-vous que la Russie sera délivrée ? ». C'est la question que me posent les étrangers. Surpris, troublé, je ne sais que répondre. Jusqu'à présent, toutes les puissances européennes se sont plus ou moins appliquées, directement ou indirectement, à entraver la libération de la Russie. Combien de temps s'est-il passé depuis que l'Angleterre, dans la personne de son premier ministre, se hâtait aux tentatives les plus impudiques pour entrer en relations avec les oppresseurs de la Russie, affermir leur pouvoir et en tirer matériellement profit ? N'est-ce pas hier que l'Italie leur rendait les honneurs à Gênes et qu'un cardinal romain se mettait en frais pour les déicides, buvant presque dans le même verre et se faisant photographier dans le même groupe ? Je ne parle plus de l'Allemagne, qui importa cette peste en Russie dans un wagon plombé et qui, malgré un châtiment mérité, ne s'est pas encore ressaisie et espère toujours gagner quelque chose à soutenir les bolcheviks.

L'Europe est malade. Elle voudrait guérir ; elle est restée longtemps sans comprendre ce qui l'en empêche. Cette compréhension est lente, très lente à se faire, mais le Nouveau-Monde vient heureusement en aide au Vieux-Monde. La jeune Amérique ne se laisse pas séduire par la mode. Ferme et sage, elle reste inébranlable et voici que l'Europe se retrouve peu à peu et que les yeux fatigués de la bonne vieille distinguent déjà la vérité russe.

Tout d'abord, je l'avoue, les étrangers bolchevisants me blessaient cruellement, les Français surtout. Je ne saisissais pas la profondeur de leur naïve ignorance. Je ne me rendais pas compte que, derrière un voile de mystère, les lointains bolcheviks agissaient sur les imaginations et éveillaient je ne sais quel frisson d'espoir et de douce terreur. Je ne parle pas de politiciens dans le genre de M. Herriot qui se laissa aller jusqu'à un voyage en Russie et à un flirt méthodique avec la bande russe des sinistres gredins. Mais, à tout prendre, M. Herriot ne se distingue guère de telle dame du monde qui, sans avoir jamais rien vu de la Russie, s'écriait dernièrement : « Oh ! ne soyez pas si dur envers ces chers petits bolcheviks ! », ni de telle correspondante à nom allemand de journaux parisiens qui fut l'hôte de Trotsky et se montra ravie de sa réception et de l' « exotisme » des bolcheviks. La journaliste ne savait qu'une phrase de russe : « *Ya nitchevo nie ponimayou* » (Je ne comprends rien). Il semble que M. Herriot ait encore moins avancé. Quoi qu'il en soit, ni l'une ni l'autre n'ont, en effet, rien compris, la correspondante parce que ce n'était pas son affaire et que l' « exotisme » lui suffisait (ajoutez-y les « yeux démoniaques » de Trotsky), M. Herriot parce qu'il poursuivait un but déterminé et s'était décidé d'avance à ne voir que ce qui répondait à ce but.

Si la manœuvre bolchevisante de M. Herriot ne fit pas trop de mal à la France, pas plus qu'à la Russie, c'est qu'elle n'eut pas le moindre succès. Il n'atteignit pas son but et se trouva, par contre, en ridicule posture ; nul n'ignore, à l'heure qu'il est, les gorges chaudes que faisaient, derrière son dos, sur le compte de « ce gros poisson d'Herriot », ses amis rouges. Le bolchevisme des dames du monde et des correspondantes de journaux du boulevard fut encore plus inoffensif. Je m'en suis convaincu avant même que la mode eût commencé à passer.

D'ailleurs, la bolchevikophilie française ne revêtait heureusement qu'un aspect comique. Tel est le cas du célèbre couple d'Isadora Duncan et de son mari, le moujik Essénine, dans les bras duquel elle était allée se jeter à Moscou.

[illegible] était alors un jeune gars de [illegible] ans qui venait d'arriver de son village. Aujourd'hui, son bolchevisme se manifeste en une ivresse ininterrompue et des scandales qui le firent, avec son épouse, expulser d'Amérique. Il le fut aussi de France, pour avoir essayé une nuit, à l'hôtel Crillon, de pénétrer par effraction dans la chambre d'un milliardaire américain. Mais, de Berlin, la fidèle Isadora (habituellement rouée de coups par son jeune mari), obtint l'autorisation de rentrer à Paris, où, les jambes fatiguées, elle essaie encore d'amuser le public du Trocadéro par sa danse agrémentée de propagande et l'invite, du haut de l'estrade, à croiser les mains sur les poitrines en répétant après elle : « Lénine est un ange ! »

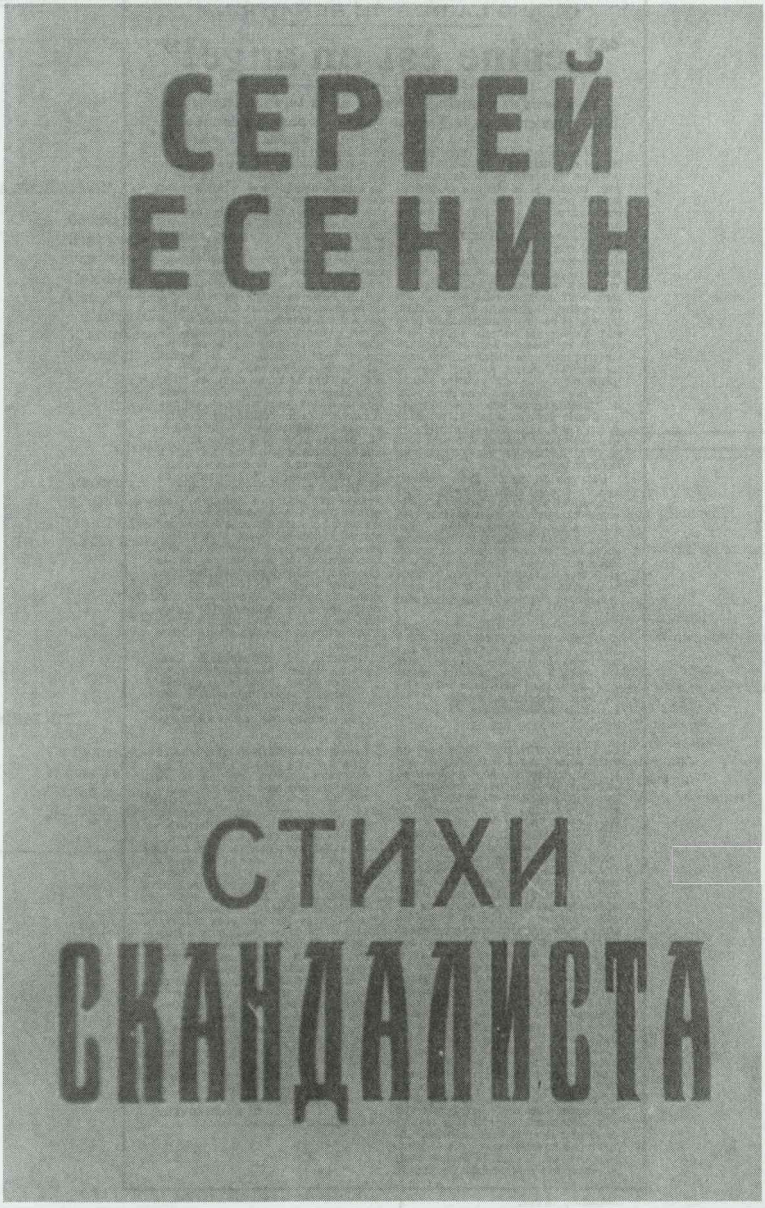
Je ne sais si ce genre de propagande est du goût de l'*Humanité*, mais j'espère qu'Isadora Duncan n'arrivera pas à intoxiquer Paris. L'exotisme de Moscou passe décidément de mode. Il n'en est pas moins vrai que des aromates tels que le « Bouquet de Lénine » et l' « Essence Rouge » ont un relent de cadavre. Ce n'est pas de pâtres embaumés, mais de boue et de sang humain qu'ils ont été extraits. Dieu merci, la France a un organisme assez sain pour l'avoir vite senti. Une santé résistante et le sens de la vérité : là gît la force essentielle de la France, en dépit de ses entraînements momentanés. De fait, la France seule est demeurée irréconciliable à l'égard des représentants de la tyrannie bolchéviste et elle n'a pas fait le moindre geste de nature à la prolonger. Et ce n'est certes pas par hasard que nous autres, membres du groupe des écrivains russes les plus irréconciliables parce que nous connaissons mieux la terrible vérité, avons cherché refuge en France.

Les écrivains ont été de tout temps les plus fidèles porte-voix de leurs nations. Et, quand un peuple gît, muet, à demi étranglé, leur voix est seule à se faire entendre. La Russie n'est pas morte. La Russie fut — et sera. Et, nous aussi, nous fûmes et nous serons en elle. Notre voix est la voix de la Russie future. Et nous nous adressons à la France dont l'oreille est sensible : qu'elle la tende à notre voix.

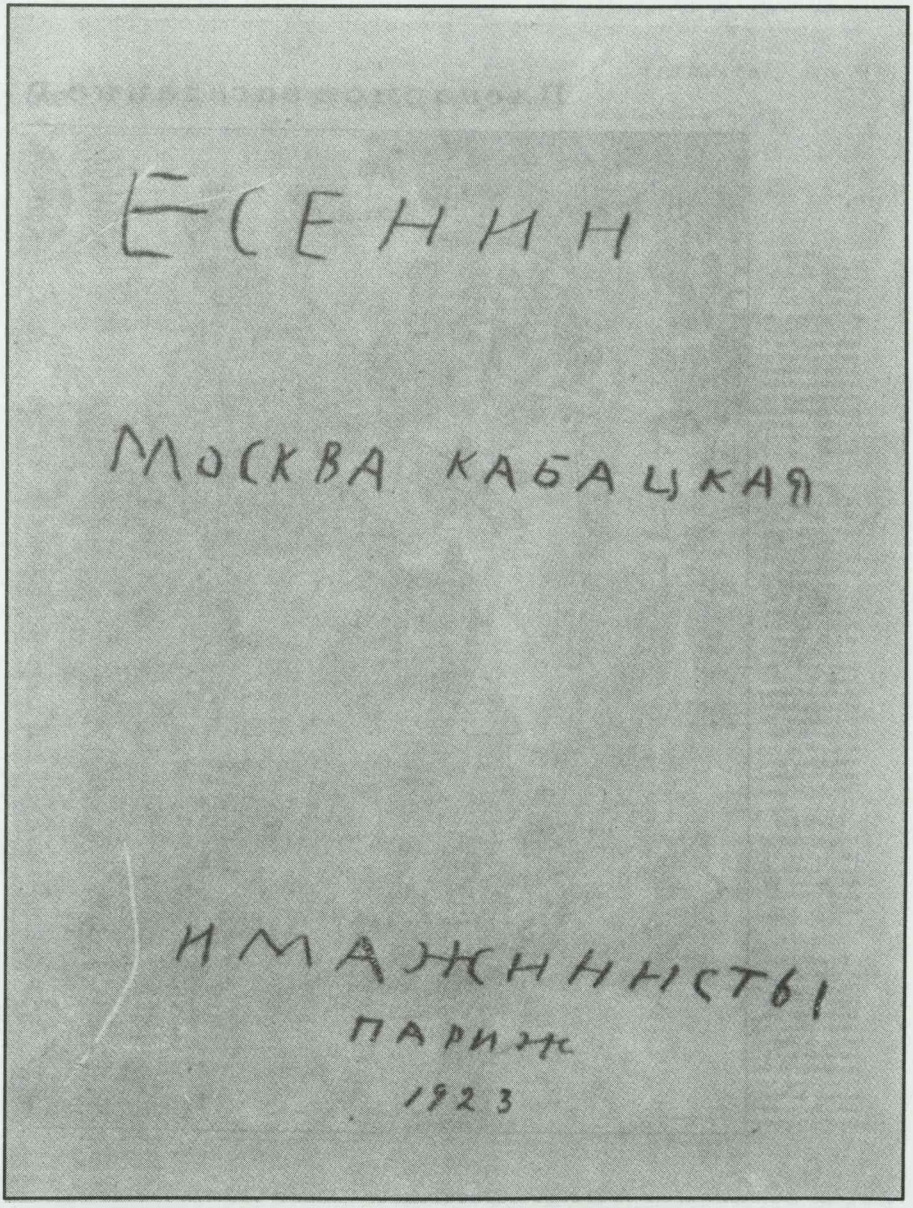
Si nous parlons la langue de la politique vraiment réaliste, nous pourrions dire : hommes sages du Quai d'Orsay, hommes qui aimez la France et savez ce que vaut pour elle une alliance avec la Russie future, la Russie éternelle (j'ai foi en l'existence de tels hommes), écoutez attentivement la voix des écrivains russes, de ceux qui incarnent le sens intime de la Russie, sa conscience profonde.

D. MEREJKOVSKY.

Д.С.Мережковский. Статья «Когда Россия возродится…: “Ленин – ангел!”». Вырезка из газеты «L’Éclair» от 16 июня 1923 (Тетр. ГЛМ).

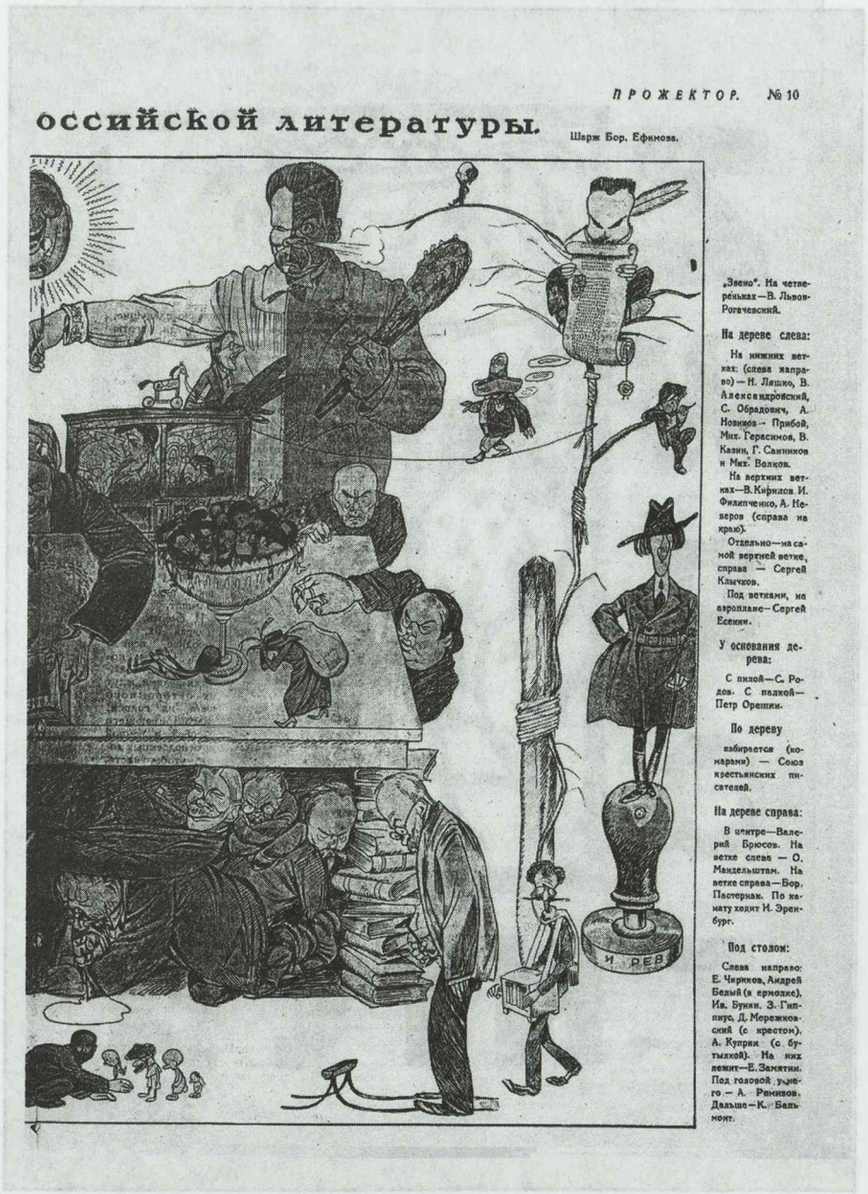


Обложка книги С.А.Есенина «Стихи скандалиста»
(Берлин, издание И.Т.Благова, 1923).

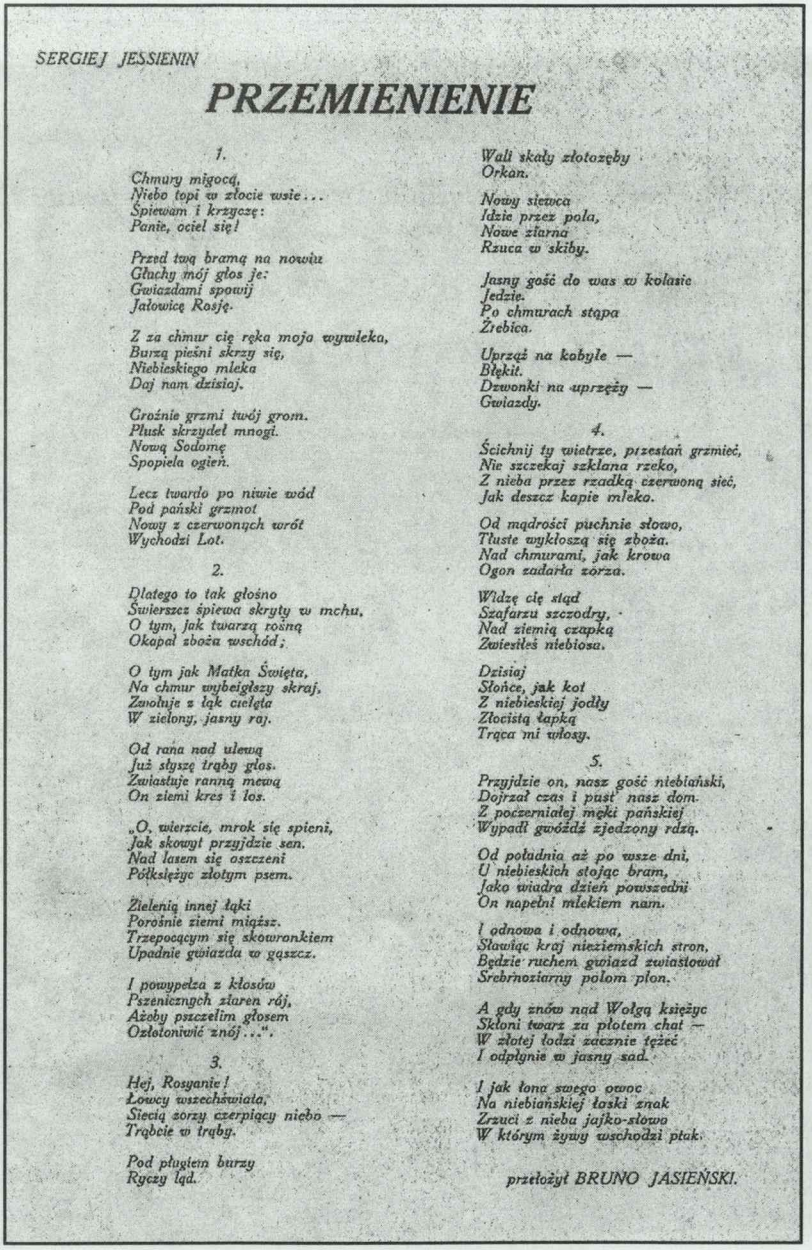


Авторский титульный лист макета книги С.А.Есенина «Москва кабацкая». 1923.

Б.Ефимов. Пленарное заседание российской литературы.
Дружеский шарж (журнал «Прожектор», М., 1923, 30 июня, № 10).



Журнал «Zwrotnica». Краков, [1923], № 5. Обложка работы Т.Несёловского.



SERGIEJ JESSIENIN

PRZEMIENIENIE

1.

Chmury migocą,
Niebo topi w złocie wsie...
Śpiewam i krzyczę:
Panie, ocal się!

Przed twą bramą na nowiu
Głuchy mój głos je:
Gwiazdami spowij
Jałowicę Rosję.

Z za chmur cię ręka moja wywlecka,
Burzą pieśni skrzy się,
Niebieskiego mleka
Daj nam dzisiaj.

Groźnie grzmi twój grom.
Płusk skrzydeł mnogi.
Nową Sodomę
Spopiela ogień.

Lecz twardo po niwie wód
Pod pański grzmot
Nowy z czerwonych wrót
Wychodzi Lot.

2.

Dlatego to tak głośno
Świerszcz śpiewa skryty w mchu,
O tym, jak twarzą rośną
Okopał zboża wschód;

O tym jak Matka Święta,
Na chmur wybeigłszy skraj,
Zwołuje z łąk cielęta
W zielony, jasny raj.

Od rana nad ulewą
Już słyszę trąby głos.
Zwiastuje ranną mewą
On ziemi kres i los.

„O, wierzcie, mrok się spieni,
Jak skowyt przyjdzie sen.
Nad lasem się oszczeni
Półksiężyc złotym psem.

Zielenią innej łąki
Porośnie ziemi miąższ.
Trzepocącym się skowronkiem
Upadnie gwiazda w gąszcz.

I powypełza z kłosów
Pszenicznych złaren ráj,
Ażoby pszczelim głosem
Ozłotonwić znój...".

3.

Hej, Rosyanie!
Łowcy wszechświata,
Siecią zorzy czerpiący niebo —
Trąbcie w trąby.

Pod pługiem burzy
Ryczy ląd.
Wali skały złotozęby
Orkan.

Nowy siewca
Idzie przez pola,
Nowe ziarna
Rzuca w skiby.

Jasny gość do was w kolasie
Jedzie.
Po chmurach stąpa
Źrebica.

Uprząż na kabyle —
Błękit.
Dzwonki na uprzęży —
Gwiazdy.

4.

Ścichnij ty wietrze, przestań grzmieć,
Nie szczekaj szklana rzeko,
Z nieba przez rzadką czerwoną sieć,
Jak deszcz kapie mleko.

Od mądrości puchnie słowo,
Tłuste wykłoszą się zboża.
Nad chmurami, jak krowa
Ogon zadarła zorza.

Widzę cię stąd
Szafarzu szczodry,
Nad ziemią czapką
Zwieszłeś niebiosa.

Dzisiaj
Słońce, jak kot
Z niebieskiej jodły
Złocistą łapką
Trąca mi włosy.

5.

Przyjdzie on, nasz gość niebiański,
Dojrzał czas i pust nasz dom.
Z poczerniałej męki pańskiej
Wypadł gwóźdź zjedzony rdzą.

Od południa aż po wsze dni,
U niebieskich stojąc bram,
Jako wiadra dzień powszedni
On napełni mlekiem nam.

I odnowa i odnowa,
Sławiąc kraj nieziemskich stron,
Będzie ruchem gwiazd zwiastował
Srebrnoziarny polom plon.

A gdy znów nad Wołgą księżyc
Skłoni twarz za płotem chat —
W złotej łodzi zacznie tężeć
I odpłynie w jasny sad.

I jak łona swego owoc
Na niebiańskiej łaski znak
Zrzuci z nieba jajko-słowo
W którym żywy wschodzi ptak.

przełożył BRUNO JASIEŃSKI.

Поэма С.А.Есенина «Преображение» в переводе Б.Ясенского (журнал «Zwrotnica», Краков, [1923], № 5).

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

PRÉFECTURE DE POLICE

CERTIFICAT D'IDENTITÉ

Paris, le 11.7. 1923

Valable ~~jusqu'au~~ pour se rendre en Allemagne

Le présent certificat n'est pas valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré sans une mention spéciale inscrite sur le présent document. Il cessera d'être valable si le porteur pénètre, à un moment quelconque en Russie.

Signalement

Taille 1 m. 68 c.
Age 28 ans
Cheveux blonds
Yeux bleus
Visage ovale
Nez rectil.

Signes particuliers

Observations

Nom de famille Essenine
Prénoms Serge
Date de naissance 1895
Lieu de naissance Riazan
Nom de famille du père Essenine
Nom de famille de la mère Essenine
(D'origine russe n'ayant depuis aucune autre nationalité)
Profession Poète
Ancien domicile en Russie Moscou
Résidence actuelle 133 Rue de la Pompe Paris

Le soussigné certifie que la photographie et la signature apposées ci-contre sont bien celles du porteur du présent document.

LE PRÉFET DE POLICE :

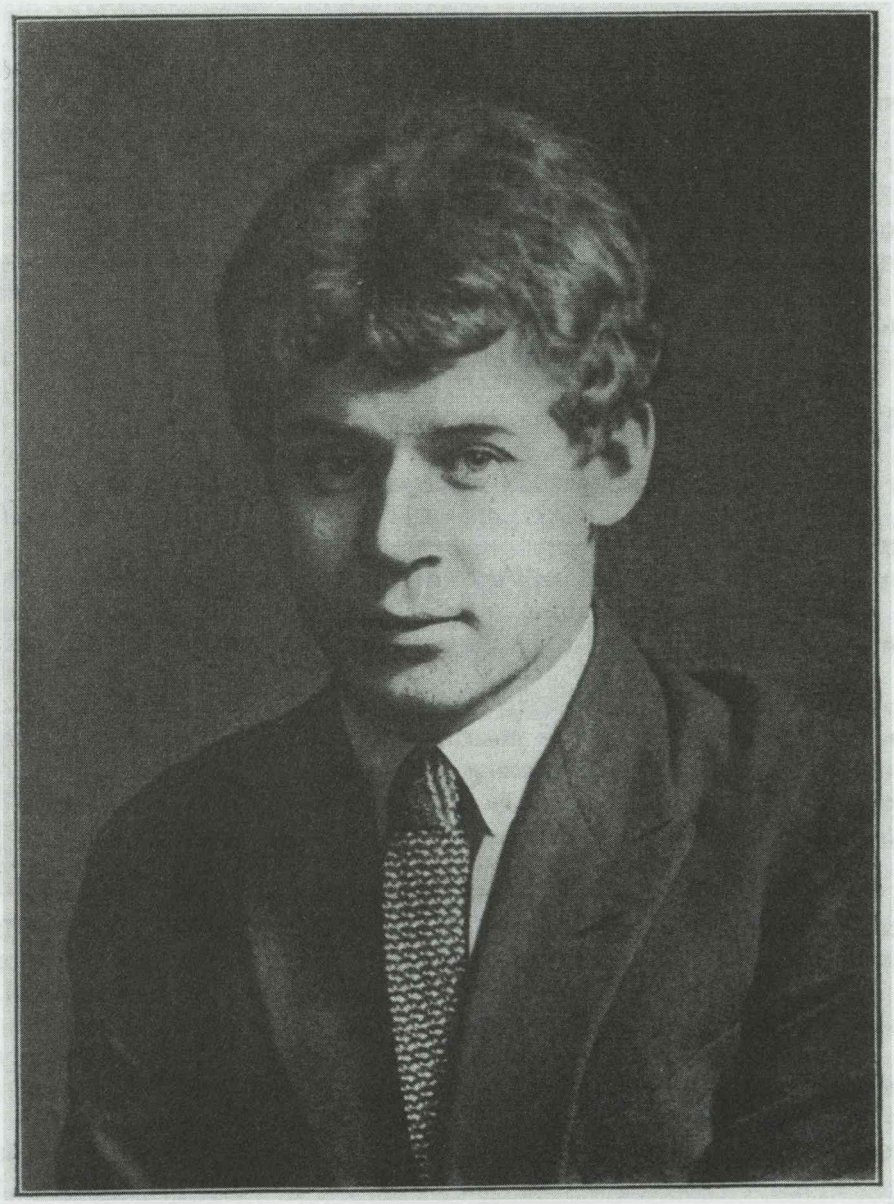
Pour le Préfet de Police et par autorisation,

Le Chef de Bureau,

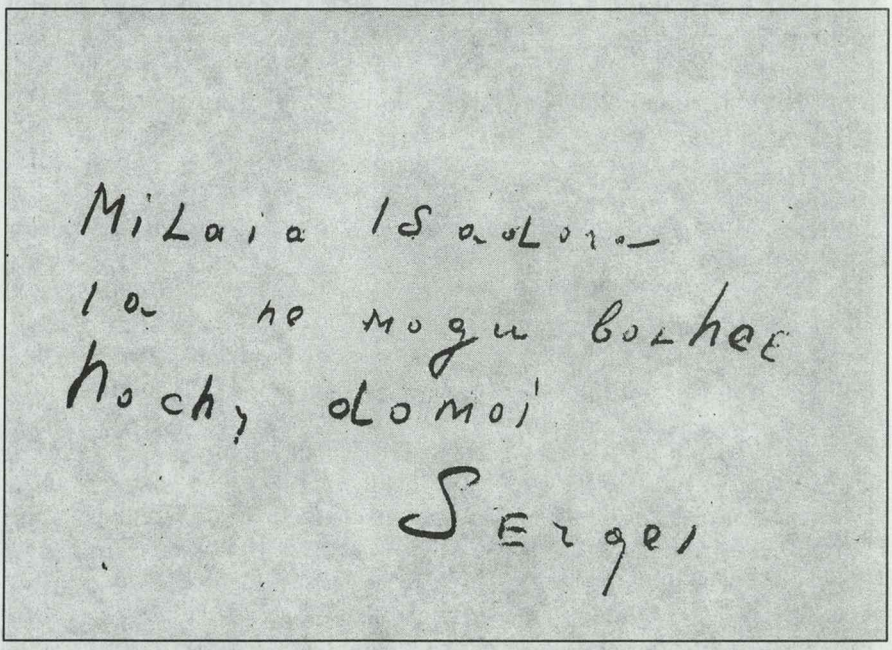
Signature du titulaire

№ 2005

Паспорт С.А.Есенина от 11 июля 1923.



С.А.Есенин. Фото. До 11 июля 1923.



С.А.Есенин. Записка к А.Дункан. Автограф. Конец (?) 1922 … до 3 августа (?) 1923.

Список условных сокращений

Белозерская-Булгакова — *Л.Е.Белозерская-Булгакова.* Воспоминания / Сост. и послесл. И.Е.Белозерского. М.: Худож. литература, 1989.

Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», т. 1–2 / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А.Козловского, М.: Худож. литература, 1986.

Восп.-95 — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников» / Сост. и общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов и коммент. С.П.Кошечкина и др. М.: Республика, 1995.

Галушкин-2005, 2 – Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2.

Гост. — журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922–1924.

Грж. – *Есенин Сергей Александрович.* Собрание стихов и поэм. Том первый. Берлин – Пб. – М.: изд. З.И.Гржебина, 1922.

Дести — *Мэри Дести.* Нерассказанная история / Пер. с англ. З.В.Рахлиной // *Айседора Дункан.* Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин: Воспоминания / Сост. И.М.Краснов. М.: Изд-во полит. литературы, 1992.

ЕиРП — сб. «Есенин и русская поэзия» / Отв. ред. В.Г.Базанов. Л.: Наука, 1967.

Есенин, I–VII (1–3) — *Сергей Есенин.* Полное собрание сочинений в семи томах [девяти книгах] / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред. коллегия: Л.Д.Громова, Н.В.Есенина, С.П.Есенина, С.П.Кошечкин, Ф.Ф.Кузнецов, Г.И.Ломидзе, Л.А.Озеров, Н.Н.Скатов, В.В.Сорокин. — М.: Наука — Голос, 1995–2000 [т. I–VII (2)]; М.: Наука, 2001 [т. VII (3)].

Есенин 5 (1962) — *Сергей Есенин.* Собрание сочинений. В 5 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1962. Т. 5 (подгот. текста и примеч. А.А.Козловского, А.М.Марченко, И.С.Эвентова, В.Ф.Земскова, Е.А.Динерштейна, Н.И.Хомчук).

Есенин и Бениславская — *Н.И.Шубникова-Гусева.* Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008.

ЗК — *А.Блок.* Записные книжки: 1901–1920. М.: Худож. литература, 1963.

И.Дункан и Макдугалл — *Ирма Дункан, Алан Росс Макдугалл.* Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. Г.Г.Лахути. [М.:] Московский рабочий, 1995.

Катанян — *В.Катанян.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985.

Кинел — *Лола Кинел.* Айседора Дункан и Сергей Есенин: (Главы из книги «Под пятью орлами») / Пер. с англ. Л.Девель // Звезда. 1995, № 9.

Кн. летопись — «Книжная летопись» (Пг., с 1908).

Крусанов, 2 — *А.В.Крусанов.* Русский авангард 1907–1932: Ист. обзор. В 3 т. Т. 2: Футуристическая революция 1917–1921. М.: Новое лит. обозрение, 2003. Кн. 2.

Летопись, 1 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 1: 1895–1916 / Гл. ред. Ю.Л.Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Летопись, 2 — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 2: 1917–1920 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Летопись, 3 (1) — Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В 5 т. Т. 3: 1921–1923. Кн. 1: 1921– 10 мая 1922 / Гл. ред. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

ЛН — непериод. сб. «Литературное наследство» (М., с 1931).

Маквей-2004 — *Гордон Маквей.* Московская школа Айседоры Дункан // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 2003. М.: Наука, 2004. С. 326–475.

Маквей-2006 — *Гордон Маквей.* Новое об имажинистах // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 2004. М.: Наука, 2006. С. 98–230.

Мариенгоф — *А.Мариенгоф.* Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927.

Материалы — сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова; сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина. М.: Историческое наследие, 1992 (фактически — 1993).

Наб. экз. — наборная рукопись первого, второго и третьего томов «Собрания стихотворений», подготовленная автором в 1925 г. (ГЛМ).

Набоков — *Николай Набоков.* Багаж: Мемуары русского космополита / Пер. с англ. Е.Большелаповой и М.Шерешевской. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2003.

Нак. — газ. «Накануне», Берлин, 1922–1924.

Николаев — *В.Николаев.* Что писали в русских газетах Китая о Дункан и Есенине // Мир Есенина: Инф. бюлл. № 1 / Русский культурный центр Республики Узбекистан; Есенинское общество «Радуница». Ташкент, 2000.

Новое о Есенине, 1 — «О Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. Вып. I. / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН». / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. М.В.Стахова. М.: Наследие, 1994. (Новое о Есенине; 1).

Новое о Есенине, 2 — «Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания: Есенинский сб. Вып. II / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН» / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Ред.-сост. М.В.Скороходов. М.: Наследие, 1995. (Новое о Есенине; 2).

Новое о Есенине, 4 — «Издания Есенина и о Есенине: Итоги. Открытия. Перспективы: Есенинский сб. Вып. IV: Межд. научн. конференция… 1–2 окт. 1997 г. / ИМЛИ им. А.М.Горького РАН» / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев; Сост. А.Н.Захаров. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2001. (Новое о Есенине; 4).

НРК — журн. «Новая русская книга» (Берлин, 1922–1923).

Пиотровский — *Władisław Piotrowski.* Sergiusz Jesienin w polskej literaturze międzywojennej. Wrocław–Warszawa–Kraków: Widawnictwo Polskej Akademii Nauk, 1967.

Письма — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» / Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой; сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной; коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др.; подгот. текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995.

РЗЕ, 1, 2 — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, очерки, эссе, статьи» / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: ИНКОН, 1993, т. 1 и 2.

РЛ — журн. «Русская литература» (Л., СПб., с 1958).

РУИ — Русское универсальное издательство (Берлин).

СЕГС — сб. «Сергей Есенин глазами современников» / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2006.

$Ст_{24}$ — *С. Есенин.* Стихи (1920–24). М.; Л.: Круг, 1924.

Ст. ск. — *Сергей Есенин.* Стихи скандалиста. Берлин: И.Т.Благов, 1923.

Субботин-2001 — *С.И.Субботин.* К истории деловых отношений Есенина с издательством ВЦИК и Госиздатом РСФСР (1919–1922 годы) // Новое о Есенине, 4.

Тетр. ГЛМ — тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о нем и о его творчестве (ГЛМ).

ТМ — журнал «Театральная Москва».

Хроника, 2 — *В.Белоусов.* Сергей Есенин: Лит. хроника. М.: Сов. Россия, 1970. Ч. 2.

Шнейдер — *Илья Шнейдер.* Встречи с Есениным: Воспоминания. М.: Сов. Россия, 1965.

Шубникова-Гусева — *Н.И.Шубникова-Гусева.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001.

Эренбург. Хроника — *В.Попов, Б.Фрезинский.* Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. СПб.: Лина, 1993. Т. 1: 1891–1923.

Юсов-94 — *Н.Г.Юсов.* Прижизненные издания С.А.Есенина: библиогр. справочник. М.: Златоцвет, 1994.

Юсов-96 — *Н.Г.Юсов.* «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина / Научн. ред. и автор послесл. С.П.Кошечкин, Челябинск: Лит.-изд. артель «Алексей Казаков со товарищи»: Челябинское полиграфич. объединение «Книга», 1996.

IE — *Gordon McVay.* Isadora and Esenin. [Ann Arbor, Michigan]: Ardis, [1980].

RLT — непериод. сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, Michigan, 1971–

АГ — Архив А.М.Горького (Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

Dance Collection — коллекция архивных материалов по истории танца (публичная библиотека при Линкольн-центре, Нью-Йорк).

Указатель произведений и книг С.А.Есенина

Автобиография (1922), Автобиография 14 мая 1922 *см.* Сергей Есенин
Автобиография (1923) 404
Автобиография (1924) 5, 404
«Алый мрак в небесной черни...» 172
«В лунном кружеве украдкой...» 172
В стране негодяев *см.* Страна Негодяев
«В том краю, где желтая крапива...» 158, 172, 220, 242, 347, 382
В хате 158, 172, 218, 399
«Весна на радость не похожа...» 172
Волчья гибель *см.* «Мир таинственный, мир мой древний...»
«Вот оно, глупое счастье...» 159, 173
«Всё живое особой метой...» 32, 60, 78, 82, 124–125, 145, 151, 156, 159, 165, 173, 239, 252, 310, 382, 400
Вступление <к сборнику «Стихи скандалиста»> 322–323, 382
«Где ты, где ты, отчий дом...» 158, 173
«Гляну в поле, гляну в небо...» 172
«Гой ты, Русь, моя родная...» 158, 172, 218, 315, 399
Голубень 32, 88, 158, 170, 172, 349
Голубень, *книга* 55, 59, 71, 179, 205, 218, 327, 348, 349
«Да! Теперь решено! Без возврата...» 263, 321, 325, 362, 382, 402
«Дождик мокрыми метлами чистит...» *см.* Хулиган
«Душа грустит о небесах...» 159, 173
Железный Миргород 11, 171, 180–182, 185, 186, 193–194, 232–233, 253, 255–256, 267, 281, 286, 304, 331, 387, 390, 402, 404
«За темной прядью перелесиц...» 158, 172, 242, 346, 382
«Заглушила засуха засевки...» 172
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» 365
«Закружилась листва золотая...» 141, 159, 165, 173, 200, 220
«Запели тесаные дроги...» 88, 158, 172, 216, 218, 382, 400
«Зеленая прическа...» 158, 173
Избранное, *книга* 75, 129, 135, 158–159, 194, 199, 205, 212, 217–219, 224, 245, 303, 315, 327, 357, 372, 409, 457
Избранные стихи *см.* Избранное
Инок *см.* «Пойду в скуфье смиренным иноком...»
Инония 7, 39, 40, 61, 86, 89, 115, 138, 161, 173, 174, 192, 216, 251, 252, 257–258, 316, 335, 344, 348, 366–367, 370, 387
Иорданская голубица 148, 217
Исповедь хулигана 6, 7, 36, 88, 95, 101, 102, 117, 137, 139, 151, 165, 167, 168, 173, 175, 180, 193, 200, 218, 220, 293, 309, 329, 332, 342, 348, 351, 369, 370, 372, 373, 380, 382, 398, 412, 513
Исповедь хулигана, *книга* 60, 71, 138, 141, 169, 358
Исповедь хулигана, *книга (издательство «Вольница», не выходила)* 179, 309
Клюеву *см.* «Теперь любовь моя не та...»
Ключи Марии 170, 175, 244, 245, 344, 345, 349, 350, 375

Книга стихов, Книга стихов и поэм *см.* Собрание стихов и поэм
Кобыльи корабли 6, 125, 136, 141, 142, 165, 173, 220, 403, 408, 409, 443, 452
«Колокольчик среброзвонный...» 172
Корова 158, 172, 220, 231, 382
«Край любимый! Сердцу снятся...» 158, 172, 218, 251, 365, 382
«Край родной, поля как святцы...» *см.* «Край любимый! Сердцу снятся...»
«Край ты мой заброшенный...» 83, 158, 172
Лисица 7, 172, 231, 363, 412, 525
Марфа Посадница 173, 348, 367
Микола 83, 173, 346, 366
«Мир таинственный, мир мой древний...» 55, 63, 65, 159, 173, 217, 239, 382, 392, 407, 425
«Мне осталась одна забава...» 330, 361, 362
Москва кабацкая, *книга* 9, 10, 262, 263, 308, 361, 362, 413, 543
Мреть, *книга (не выходила)* 205, 218, 327
На родине *см.* «Запели тесаные дроги...»
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 158, 172, 349–350, 382
«Не ветры осыпают пущи...» 172, 366
«Не жалею, не зову, не плачу...» 7, 10, 32, 33, 37, 39, 40, 60, 78, 159, 173, 209, 219, 220, 239, 288, 326, 382
«Не напрасно дули ветры...» 31–32, 158, 172, 218, 315, 350
«Не ругайтесь! Такое дело...» 262, 362
Небесный барабанщик 84
«Нивы сжаты, рощи голы...» 7, 131, 158, 173, 240, 410, 488
«Нощь и поле, и крик петухов...» 158, 172
«О Боже, Боже, эта глубь...» 173
«О верю, верю, счастье есть!..» 159, 173, 265, 347, 379
«О край дождей и непогоды...» 158, 172, 382
«О красном вечере задумалась дорога...» 32, 158, 172, 316, 349
«О Матерь Божья...» 173
«О муза, друг мой гибкий...» 173, 344
«О пашни, пашни, пашни...» 173
О Родина! 233
«О Русь, взмахни крылами...» 89, 172, 239, 379
«О товарищах веселых...» 158, 172
Октоих 31, 57, 88, 89, 173, 244, 258, 262, 263, 335, 347
Осень («Тихо в чаще можжевеля по обрыву...») 31, 158, 172, 218, 316, 365
«Отвори мне, страж заоблачный...» 7, 173, 240, 410, 489
Отчарь 173, 258, 348
Пантократор 159, 173, 175, 205, 218, 219, 311, 312, 327, 380, 401, 411, 413, 492, 540
Певущий зов 173, 258, 348, 350, 367
«Песни, песни, о чем вы кричите?..» 159, 173, 230
Песнь о собаке 6, 45–47, 133, 141, 159, 165, 173, 220, 231, 247, 327, 346, 382
Песнь о хлебе 159, 165, 173, 200, 350, 372, 382
«По дороге идут богомолки...» 172
«По селу тропинкой кривенькой...» 172
«По-осеннему кычет сова...» 159, 173
«Под красным вязом крыльцо и двор...» 172
«Пой же, пой! На проклятой гитаре...» 307, 308, 311, 322, 330, 362, 382
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 83, 170, 172, 251

«Покраснела рябина...» 172
Преображение 7, 31, 38, 39, 56, 57, 62, 86, 161, 173, 240, 244, 258, 259, 261, 263, 348, 350, 374, 389, 410, 413, 485, 547
Преображение, *книга* 53, 71, 205, 218, 327, 344
Пришествие 173, 215, 243, 244, 258, 263
Пришествие. Октоих. Преображение, *книга* см. Триптих
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» 159, 173
«Прощай, родная пуща...» 172
Прощание с Мариенгофом 179, 241
Пугачев 7, 10, 19–21, 30, 31, 45, 46, 57, 59, 61, 63, 68, 69, 71, 72, 74, 78, 81–82, 84, 91, 94, 99, 101–103, 105, 106, 114, 115, 130, 131, 141, 147–149, 152, 154–158, 161–163, 165, 167–169, 179, 193, 200, 207, 208, 216, 217, 219, 222, 232, 233, 235, 237, 238, 243, 249, 255, 266, 270, 272, 273, 275, 284, 310, 316, 335–337, 344, 345, 348, 351, 370, 382, 387, 394, 399, 400, 401–403, 409, 411, 463, 492
Пугачев, *книга (Берлин)*, 10, 21, 118, 120, 136, 144–146, 155, 156, 158, 161, 165, 172, 175, 202, 216, 217, 222, 223, 225, 227, 231, 232, 235, 241, 247–249, 251, 257, 265, 288, 309, 311, 314, 335, 409, 411, 457, 497
Пугачев, *книга (М.)* 7, 20, 43, 44, 63, 74, 90, 99, 101, 105, 116, 131, 152, 179, 264, 387, 408, 433
Пугачев, *книга (Пг.)* 20, 58, 74, 90, 116, 147
Радуница, *книга* 53, 71, 179, 205, 218, 251, 327, 348, 349, 365
«Разбуди меня завтра рано...» 7, 158, 161, 173, 177, 207, 252, 370, 377, 382, 383, 391, 413, 532
Ржаные кони, *книга (не выходила)* 55, 59, 80
Ржаные кони, поэма *см.* Ржаные кони, *книга*
Русь 66, 83, 159, 173, 205, 327, 399
Сельский часослов, *книга* 71
Сергей Есенин (1922) 20, 32, 36, 72–74, 106, 114, 121, 124, 125, 128, 132, 143, 162, 230, 241, 293, 407, 416
«Серебристая дорога...» 173
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 263, 307, 321–322, 334, 362, 382, 402
Собрание стихов и поэм (Стихи и поэмы), *книга* 10, 49, 50, 59, 110, 159, 170, 172–173, 215, 222, 230–231, 245, 248, 249, 251–252, 257, 262, 270, 272, 276, 277, 289, 353, 356, 409, 410, 458, 482, 551
Собрание стихотворений (т. 1–3) 552
Сорокоуст 6, 88, 140–142, 149, 168, 173, 247, 346, 348, 351, 353, 361, 372, 373, 382, 395, 399
«Сохнет стаявшая глина...» 172
Стихи (1920–1924), *книга* 32, 553
Стихи скандалиста, *книга* 10, 307, 321–323, 362, 382, 383, 385, 388, 390, 391, 413, 542, 553
«Сторона ль моя, сторонка...» 172
«Сторона ль ты моя, сторона...» 53, 154, 159, 173, 207, 382
Страна Негодяев 5, 9, 10, 36, 37, 57, 65, 68, 70–72, 103, 167, 268–275, 281–282, 291, 323, 324, 333, 364
«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» 307, 308, 311, 322, 325, 333, 362, 382
Табун 7, 158, 172, 180, 240, 380, 410, 486
«Там, где вечно дремлет тайна...» 172, 176
«Твой глас незримый, как дым в избе...» 172

«Теперь любовь моя не та...» 89, 159, 173, 218
«Тихо в чаще можжевеля по обры-ву...» *см.* Осень
«То не тучи бродят за овином...» 172
Товарищ 173, 242, 252, 258, 272, 273, 275, 279, 321, 348, 350, 367, 380, 413, 540
«Топи да болота...» 158, 172, 218
Трерядница, *книга* 60, 71, 138, 141, 169, 218, 327
Триптих, *книга* 35, 54, 60, 68, 97, 104, 132, 156, 170, 172, 207, 239, 243, 244, 252, 253, 265, 278, 281, 290
«Тучи с ожерёба...» 172
Уезд *см.* «Сторона ль ты моя, сторо-на...»
Ус 173, 348
«Устал я жить в родном краю...» 6, 104, 149, 159, 165, 170, 173, 218, 382, 409, 456
Хорошая книга стихов *(не выходила)* 55
«Хорошо под осеннюю свежесть...» 159, 173
Хулиган 71, 83, 101, 138, 159, 165, 166, 168, 173, 175, 218, 220, 382
Человек в черной перчатке *см.* Чер-ный человек
«Черная, пóтом пропахшая выть!..» 158, 172, 230–231
Черный человек 5, 9, 10, 219, 253, 279, 280, 336, 364
«Чую радуницу Божью...» 82, 83, 172, 399
«Шел Господь пытать людей в любо-ви...» 172
«Эта улица мне знакома...» 361, 362
«Я обманывать себя не стану...» 262, 263, 327, 362
«Я пастух, мои палаты...» 158, 172, 251
«Я по первому снегу бреду...» 158–159, 173, 316, 344
«Я покинул родимый дом...» 131, 159, 173, 218, 316, 382
«Я последний поэт деревни...» 34, 88, 89, 138, 156, 159, 173, 175, 218, 251, 382
«Я снова здесь, в семье родной...» 158, 170, 172, 258

Confession d'un Voyou, *книга* 6, 10, 36, 112, 141, 165–169, 173 (Испо-ведь хулигана), 182, 199, 202, 207, 368, 377, 390, 409, 412, 462–465, 529, 530
Requiem suivi d'autres poèmes, *книга* 142
Russia. Стихи и поэмы, *книга (не вы-ходила)* 220

Указатель имен

А. 342
А. В. *см.* Вольский (Гроним) А.П.
А. О. *см.* Лебедев-Полянский П.И.
Агнивцев Н.Я. 379
Адрианов С.А. 111
Адуев (Рабинович) Н.А. 177, 213
Ажуле 302
Айвазян М.А.12
Айзенштат Д.С. 104, 286
Айзланд Р. 275, 280, 300, 301
Айседора *см.* Дункан А.
Айхенвальд Ю.И. 9, 112, 173
Аксаков И.С. 88
Аксенов И.А. 226
Алатырцев М. *см.* Четвериков Б.Д.
Александровский В.Д. 60, 77, 112, 155, 156, 194, 213, 242, 249, 357, 368, 378, 380
Алексеев Г.В. 17, 22, 88, 89, 143, 151, 216, 222, 319, 320, 345, 353, 407, 419
Алексеева Л.К. 118
Альтман Н.И. 213, 319
Альтшулер М. 223, 228, 272, 275
Алымов С.Я. 335
Амфитеатров А.В. 116
Амфитеатров-Кадашев В.А. 215
Ананян Г.Г. 279
Анатолий *см.* Мариенгоф А.Б.
Андреев В.Л. 328, 330, 331
Андреев Л.Н. 143, 155
Андреева (урожд. Юрковская) М.Ф. 318, 320, 329, 336, 341, 369
Аникина О.Л. 12
Анисфельд Б.И. (Б.С.) 209
Аничков Е.В. 143, 180, 409, 413, 467, 534
Анна Ивановна (Иоанновна), императрица 42, 237
Анненков Ю.П. 407, 424
Антон Крайний *см.* Гиппиус З.Н.
Антонин, еп. (в миру Грановский А.А.) 107
Аполлинер Г. 260
Арватов Б.И. 217, 237
Арго (Гольденберг А.М.) 177
Аркос Р. 126
Арсеньев Н.В. 180
Арский (Афанасьев) П.А. 60
Артамонов М.Д. 279
Арум *см.* Алымов С.Я.
Архангельский А.А. 209
Архипенко А.П. 63
Арцыбашев М.П. 198
Асеев Н.Н. 79, 105, 111, 125, 155, 164, 194, 213, 229, 236, 237, 243, 244, 249, 280, 364
Астахова Е.Н. 12
Аттила 111, 392
Афонин Е.Л. 364
Ахматова (Горенко) А.А. 49, 61, 66, 106, 135, 177, 240, 311–313, 363, 388
Ашукин Н.С. 213

Б. Е. 187
Б. и Н. С. 114
Б. Ф. 285
Б. Ш. 212
Б. Э. 60, 132
Базанов В.Г. 551
Базилевский А.Б. 12
Байрон Д.-Г. 146, 344
Балашова Т.В. 229
Балиев Н.Ф. (Балян М.) 204, 205, 209, 233
Балтрушайтис Ю.К. 313
Бальзамов А.174

Бальмонт К.Д. 59, 99, 155, 240, 263, 313, 314, 359, 360, 367, 386
Барабашов О.А. 402
Баратынский (Боратынский) Е.А. 395
Баркова А.А. 77
Бахрах А.В. 20, 251, 289, 309
Бахрушин А.А. 179, 301
Бебутов В.М. 213
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 154, 213, 301, 341, 375, 378
Бел-Каменский А. 125
Белл А. 246
Белозерская (Белозерская-Булгакова) Л.Е. 30, 31, 79, 311, 551
Белозерский И.Е. 551
Белоусов В.Г. 5, 553
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 22, 32, 35, 54, 61, 66, 68, 72, 79, 97, 107, 116, 123, 138, 143, 147, 156, 172, 173, 180, 231, 239, 240, 243, 248, 256, 258–260, 263, 279, 290, 293, 310, 311, 313–315, 341, 342, 369, 380, 388, 407, 423
Бенисла́вская Г.А. 55, 69, 91, 117, 121, 165, 188, 206, 208, 263, 387, 551
Берак Я. 217
Беранже П.-Ж. 170
Бердянова Н.Н. 12
Березин М. 110
Берлиц М.-Д. 91
Бернар С. 254, 255
Берников В. 126, 178
Бернштейн Г. 205
Беседин К.А.(?) 174, 178
Бескин Э.М. 75, 213
Бессалько (Безсалько) П.К. 60
Бессонов Л. 305
Бетта Наумовна *см.* Гринберг Б.Н.
Бетховен Л. ван 223, 228, 376
Бирон Э.-И. 237
Благов И.Т. 323, 325, 327, 382, 385, 413, 542, 553
Блок А.А. 7, 34, 52, 54, 59, 60, 61, 66, 70, 73, 74, 79, 83, 107, 108, 115, 123, 125, 131, 138, 143, 149, 152, 155, 159, 163, 165, 176, 177, 180, 188, 194, 199, 203, 204, 214, 217, 218, 221, 231, 239, 240, 246, 249, 258, 259, 261, 263, 284, 293, 313, 314, 343, 351, 363, 364, 367, 369, 372, 379, 385, 386, 551
Блок Ж.-Р. 126
Блюм В.И. 111, 213, 234
Блюмкин Я.Г. (Я.-С.Г.) 263
Бобров С.П. 79, 105, 111, 279, 364
Бодлер Ш. 385
Большаков К.А. 194
Большелапова Е. 552
Бонкур (Поль Бонкур) Ж. 91
Борисов (Шерн) С.Б. 358
Боровский В. (Wacław Borowski) 408, 411, 432, 499
Бородин А.П. 254
Босуэлл *см.* Boswell Young
Брагинская Р. 273, 277
Брагинские, семья 276
Брагинский М.-Л. 11, 36, 272–278, 280, 282, 284, 299, 300, 317, 411, 503
Бразуль Д.И. 16
Брамс И. 114, 204, 205, 223, 269
Браун Х. 186, 217, 228
Браун Я.В. (Броун И.В.) 130, 224, 237, 265
Бр-де М. (Бройде М.О.) 223
Бреслау С. 205
Брик О.М. 213
Брисбейн А. 205
Бродский Б. 123
Бронштейн Л. *см.* Троцкий (Бронштейн) Л.Д.
Брюсов В.Я. 59, 61, 66, 79, 105, 110, 130, 166, 177, 178, 213, 231, 234, 236, 240, 242, 301, 313, 314, 351, 364, 379
Брянчанинов Н.В. 6, 369, 384
Бубликов А.А. 209
Бунин И.А. 88, 104, 155, 176, 215
Бурдуковский М.А. 12
Бурлюк Д.Д. 174, 188, 189, 194, 198, 209, 228, 233, 249, 250, 255, 290, 362, 382, 410, 479
Бурцев В.Л. 104
Буслаев Ф.И. 244
Бухарин Н.И. 106, 174, 213, 248, 403
Быстрянский (Ватин) В.А. 99

Вагинов (Вагенгейм) К.К. 149
Вагнер Р. 200, 204, 205, 209, 223, 269
Вадим *см.* Шершеневич В.Г.
Валлерэ Ж. (Gisèle Vallerey) 370, 412, 528
Вандемелебрук К. (Karen Vandemeulebroucke) 12, 126
Ванька *см.* Старцев И.И.
Вардин (Мгеладзе) И.В. 213
Варшер Т.С. 77
Василевский (Не-Буква) И.М. 30, 31, 50, 53, 73, 74, 103, 124, 145, 224, 225, 327
Василевский Л.М. (Я.-Л.М.) 241
Васнецов В.М. 301
Вашингтон Д. 297
Введенский А.И. 108
Венус Г.Д. 328, 330
Вергилий 16
Вересаев (Смидович) В.В. 79, 97, 154, 364
Верлен П. 385
Вернер М.-Р. 46
Вертинский А. 240
Верхарн Э. 38, 139, 140, 169, 249
Веселовский А.Н. 350
Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 36, 53, 57, 61, 65, 66, 69, 70, 71, 73, 96, 112, 135, 143, 145, 146, 153, 172, 181, 183, 189, 190, 198, 205, 223, 240, 249, 277, 328, 339, 340, 398, 407, 426, 428, 429
Ветлугин В. *см.* Ветлугин А.
Виала, парижская актриса 343
Вильдрак Ш. (Мессаже Ш.) 126, 237
Виноградская С.С. 336
Владиславлев (Гульбинский) И.В. 265, 284
Владычина Г.Л. 155, 379
Воеводин П.И. 79
Войтоловский Л.Н. 380
Волин Б.М. (Фрадкин И.Е.) 213
Волков А.А. 279
Волкова Н.Б. 6, 552
Волковыский Н.М. 49
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 89, 216, 313
Волынский А.Л. (Флексер Х.Л.) 49
Волькенштейн В.М. 79
Вольпин В.И. 308
Вольпин Н.Д. 42
Вольские, семья 79
Вольский (Гроним) А.П. 24, 41, 66, 70, 126, 215, 235, 327
Воронова О.Е. 12
Воронский А.К. 98, 156, 213, 358
Воронцов К.П. 12
Вродеволоди (псевд.) 378
Всезнайка (псевд.) 205
Высоцкий Е.В. 365

Г-14 *см.* Гринберг Л.
Габрилович О.С. 209
Галушкин А.Ю. 5, 12, 80, 82, 99, 101, 105, 109, 111, 124, 147, 164, 173, 174, 196, 206, 213, 237, 241, 245, 551
Гардинг У.-Д. 186
Гастев А.К. 60, 97, 194, 243, 368
Гатри У.-Н. 239, 242, 250
Гейне Г. 22
Гельцер Е.В. 301
Георге С. 21
Герасимов М.П. 77, 79, 97, 115, 132, 155, 194, 213, 242, 357, 364, 368, 380
Герман Э.Я. 194, 248, 266, 269, 361, 411, 493
Гест М. 209
Гёте И.-В. 340
Гильбо А. 79
Гиммельфарб Б.В. 55, 265
Гиппиус З.Н. 100, 101, 106, 163, 199
Глазунов А.К. 301
Глубоковский Б.А. 179, 207, 217, 250, 262, 267
Гоголь Н.В. 33, 247, 297, 385, 395
Голейзовский К.Я. 208
Голицына, кн. (Ами Гуро) 361
Голль (Голл) И. (Ланг И.) 61, 66, 237
Головачев С.Д. 42, 104, 119, 208
Голубков В. *см.* Глубоковский Б.А.
Гольденвейзер А.Б. 179, 301
Гольц Г.П. 248, 411, 493
Гомер 169, 321
Горбунов И.Ф. 58

Горкович М.177
Городецкий С.М. 79, 88, 89, 105, 108, 110, 163, 177, 199, 213, 364, 379
Горшков В.В. 364
Горький М. (Пешков А.М.) 21, 44, 45, 47, 48, 63, 73, 105, 110, 112, 143, 155, 177, 196, 203, 207, 210, 229, 231–233, 297, 310, 331, 342, 407, 422
Гофмансталь Г. фон 21
Гофштейн Д.Н. 52
Грауденц Д. 337
Гр. Ван. (псевд.) 327
Гребенщиков Г.Д. 65, 67, 68, 119, 407, 427
Гребнев Л. *см.* Файнберг Л.
Гредескул Н.А. 213
Гречанинов А.Т. 254, 301
Гржебин З.И. (Шиев З.) 50, 110, 159, 170, 172, 222, 245, 249, 252, 257, 270, 272, 328, 331, 356, 407, 409, 424, 458, 551
Григорьев Б.Д. 362, 363, 407, 410, 412, 422, 479, 526, 527
Григорьева Л.Г. 12, 120, 122, 200, 206, 398
Гринберг Б.Н. 402
Гринберг З.Г. 401, 402
Гринберг Л. 11, 81
Гринберг С.З. 402
Гришин М. 373
Громова Л.Д. 551
Груздев И.А. 44, 77, 149, 196, 275, 400
Грузинов И.В. 42, 236, 379
Гувер Г.-К. 183
Гулеско Ж. (И.Т.) 325, 327
Гуль Р.Б. 6, 20, 23, 31, 32, 74, 291, 315, 318, 319, 329, 390
Гумилев Н.С. 23, 33, 43, 108, 198, 240, 313, 364, 379, 388
Гуро Ел.Г. 174, 194
Гуррок *см.* Юрок С. (Гурков С.И.)
Гурштейн А.Ш. 52
Гусева Н.И. *см.* Шубникова-Гусева Н.И.
Гусман Б.Е. 194, 213, 231, 265
Гутнов Е.А. 88
Гутри В. *см.* Гатри У.-Н.
Гюисманс Ж.-К. (Ж.-Ш.-М.) 327
Гюрок С. *см.* Юрок С. (Гурков С.И.)

Д. Бр. *см.* Бразуль Д.И.
Д. Мал. *см.* Флит Б.Д.
Д'Ор О.Л. (Оршер И.Л.) 213
Даль В.И. 96
Данте Алигьери 10, 169
Девель Л. 551
Девятайкина А.В. 12
Деев-Хомяковский (Деев) Г.Д. 278, 364
Дейвис Дж.-Дж. 315, 338
Дейч Б. 188, 220
Денгоф-Чарноцкий В. 7, 240, 261, 410, 485, 486
Державин Г.Р. 99, 267
Дести М. 6, 16, 17, 66, 88, 91, 111, 113, 114, 118, 122, 172, 181, 183, 187, 206, 211, 230, 234, 285, 287, 290–292, 296, 302, 334, 338–340, 343, 352, 354–356, 361, 392, 551
Дзержинский Ф.Э. 107
Дивуар Ф. 144, 199, 383
Дижур Ю.С. 351, 353, 354, 372, 412, 521
Дикун З.М. 12
Димми *см.* Четвериков Б.Д.
Динерштейн Е.А. 551
Диоген 393
Диомидов И.М. 364
Дитякин В.Т. 110
Дозо Б.-О. (Björn-Olav Dozo) 12, 150
Донателло (Донато ди Никколо ди Бетто Барди) 290
Доронин И.И. 365, 375
Достоевский Ф.М. 72, 259, 260, 385, 395, 404
Дрожжин С.Д. 88, 130, 364, 365
Дроздков В.А. 6, 12, 97, 339, 353, 412, 521
Дроздов А.М. 105, 115, 143
Дудоров М.С. 279, 365
Дункан А. 5–10, 11, 12, 15–31, 33–36, 38, 40–42, 44–51, 53–60, 62, 66, 68, 69, 77, 79–81, 84, 85, 89–95, 97, 98, 103–106, 110–123, 126, 127, 130, 132–136, 142, 143, 147, 150, 153, 154, 157, 160, 163, 171, 172, 180–192, 195–199,

201, 202, 204–215, 217, 221, 223–234, 237, 239, 240–242, 245–248, 250, 253–255, 264, 267, 269, 270–273, 275, 276, 278, 281–312, 314, 315, 317, 320, 324–340, 342, 343, 352, 354–356, 358, 359, 360–362, 368, 370, 375–377, 381–385, 388–390, 392, 397, 398, 401–404, 407–413, 418, 435, 436, 441, 449, 459, 460, 469–481, 490, 491, 498, 501, 504, 505, 512, 518, 550–553
Дункан Авг. 190
Дункан (Эрих) И. 6, 9, 15, 16, 40, 41, 90, 113, 116, 119, 142, 160, 180, 182, 185, 187, 191, 200, 201, 204, 211, 214, 228, 229, 232, 234, 248, 250, 253, 254, 267, 283–285, 289–291, 293, 295, 297, 376, 377, 381, 385, 551
Дункан Р. 298, 299, 361, 368–370, 376, 388
Дункан Э. (Е.) 66, 113, 114, 115, 278
Дуров А.А. 322
Дымов О. (Перельман И.И.) 205
Дымова (Перельман) И. 205
Дэвис *см.* Дейвис Дж.-Дж.
Дюамель Ж. 126
Дюшен Б.В. 324
Дягилев С.П. 398

Е. Ш. *см.* Шевченко Е.С. или Ширяев Е.
Евгенов С.Е. 268
Евреинов В.И.12
Евреинов Н.Н. 255, 362, 363
Евфалия *см.* Хатаева Е.И.
Екатерина *см.* Есенина Е.А.
Екатерина II 84, 162, 167
Екшурский М.А. 12
Ермолова М.Н. 301
Ерошин И.Е. 178
Есенин А.Н. 135, 141, 169, 341, 342, 357
Есенин К.С. 327
Есенина А.А. 128, 134, 135, 357
Есенина Е.А. 31, 113, 134, 160, 209, 307, 357, 360, 412, 522
Есенина Н.В. 12, 551
Есенина С.П. 5, 12, 551, 553
Есенина Т.С. 327
Есенина Т.Ф. 135, 341, 342, 357
Ефимов Б. (Фридлянд Б.Е.) 388, 413, 544

Жане П. 377
Жанна, горничная А.Дункан 283, 291, 293, 305, 317, 412, 512
Жарин С. 323
Жеромский С. 7, 257, 260, 261
Живаго В.Р. 391
Жижин И.И. 77
Жимель Ж. 7, 378, 413, 531, 532
Жолтовский И.В. 301
Жордан К. 51
Жорж *см.* Якулов (Якулян) Г.Б.
Жув П.-Ж. 126
Жуков П.Д. 362

Забежинский (Борский) Г.Б. 19–21
Заборова Р.Б. 327
Заводзинский К.-В. 100, 261, 363
Зайцев Б.К. 80, 97, 154, 231, 364
Залшупин С.А. 407, 415, 420, 423, 427
Замойский А. (Andrzej Zamoyski) 412, 513
Замшев М.А. 12
Замятин Е.И. 143, 155, 311, 388, 403
Зарецкий Н.В. 32, 409, 458
Заров С.В. 379
Захаров А.Н. 6, 11, 552, 553
Зборовский З. 100
Зейдлер *см.* Познер В.С.
Зелинский К.Л. 208
Земсков В.Ф. 551
Зенкевич М.А. 96, 231, 378, 379
Зенкевич С.Е. 12, 96
Зименков А.П. 12
Зинаида *см.* Райх З.Н.
Зингер П.-Ю. 270, 276, 283, 290
Зиновьев Г.Е. (Радомысльский О.-Г.А.) 99
Златой *см.* Головачев С.Д.
Злыднева Н.В. 12, 62, 217
Зон И.С. 85
Зотова Т.Я. 12
Зощенко М.М. 42; 77, 111, 155, 170
Зырянин П. (псевд.) 357, 378

И. К. *см.* Калигин И.
И. Э. *см.* Эренбург И.Г.
Иванов Вс.В. 42, 66, 77, 105, 111, 164, 170, 180, 194, 203, 213, 313, 388
Иванов Вяч.И. 271, 279
Иванов Г.В. 194, 334
Иванов Ф.В. 74, 123, 151, 152
Иванова Л.Н. 12
Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 31, 35, 39, 40, 86, 97, 107, 108, 124, 128, 147, 158, 172, 177, 256, 257
Ивашкевич Я. 7, 99, 100, 408, 433
Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 179, 250, 257, 387, 393, 401
Игорь *см.* Северянин И. (Лотарёв И.В.)
Изадора *см.* Дункан А.
Извольская Е.А. 61
Издебская Г. 40
Ильин Н.В. 31
Ильина (по мужу Сеферянц) А.И. 66, 67, 176, 196, 197
Ингулов (Рейзер) С.Б. 213
Индикоплов *см.* Козьма (Косма) Индикоплов
Иоанн Дамаскин 346
Ионов (Бернштейн) И.И. 65, 68, 98, 99, 109, 119
Ипполитов-Иванов (Иванов) М.М. 301
Ирма *см.* Дункан (Эрих) И.
Исайя, управляющий отелем «Metropole» (Брюссель) 115
Итин В.А. 178

К. Б. 238
К. Л. 337
Каган Э. 205
Казаков А.Л. 553
Казин В.В. 77, 106, 112, 164, 194, 213, 243, 319, 361, 368, 380, 381, 390
Калигин И. 178
Калинин М.И. 20
Каменский А.П. 174, 175, 221, 325, 327, 351, 353
Каменский В.В. 39, 40, 42, 52, 54, 59, 70, 74, 80, 159, 194, 204, 217, 246, 266, 387
Каминский З. (Zygmunt Kamiński) 412, 524
Кандинский В.В. 63
Карнов А. 206
Карохин Л.Ф. 12
Карпинский В.А. 80
Карпов П.И. 114
Каррьер Э. 338
Кастальский А.Д. 301
Катанян В.А. 202, 331, 551
Кауфман А.Е. 49
Качалов (Шверубович) В.И. 179, 301, 310
Кашина Л.И. 55, 158, 173
Керженцев (Лебедев) П.М. 213
Кеслер Г., граф 8, 26, 28, 29, 407, 421
Кинел Л. 6, 10, 87, 88, 92, 93, 114, 115, 132–134, 136, 551
Кипренский О.А. 118
Кирдецов (Дворецкий) Г.Л. 324
Киреевский И.В. 267
Кириллов В.Т. 60, 80, 97, 106, 194, 213, 242, 368, 380
Киселев А. 40
Киселева Л.А. 384
Клеменов (возможно, Клейменов И.А.) 198
Клепинский 217
Клодель П. 46
Клопиков *см.* Колобов Г.Р.
Клопотовский В.В. 52, 61
Клычков С.А. 55, 60, 80, 146, 164, 194, 238, 279, 350, 364, 365
Клюев Н.А. 24, 42, 45, 49, 60, 66, 68, 88–90, 95, 96, 107, 117, 123, 130, 131, 135, 159, 161, 164, 173–178, 180, 192–194, 203, 214, 219, 222, 238, 239, 248, 256, 262, 263, 266, 279, 293, 311, 342, 349, 350, 364, 365, 367, 368, 370, 375, 377, 380
Ключников Ю.В. 20, 30, 108
Книголюб А. (псевд.) 151
Князев В.В. 213
Князевская Т.Б. 6
Коган П.С. 82, 84, 88, 179, 213, 218, 226, 301, 364, 386, 408, 430
Кожебаткин А.М. 80, 286
Козловская Я.М. 206

Козловский А.А. 262, 263, 308, 551
Козьма (Косма) Индикоплов 86
Колобов Г.Р. 361
Кольцов А.В. 88, 130, 169, 175, 222, 346
Кольцов М. (Фридлянд М.Е.) 213
Конёнков С.Т. 42, 301
Конопелько Т.М. 63
Кончаловский П.П. 179, 301
Конюс Г.Э. 301
Коральник Д. 205
Корнель П. 162
Корниенко Н.В. 12
Коровин К.А. 301
Королёв В.Л. 135, 155, 238
Королёва А. 155
Короленко В.Г. 176, 195
Корф С.А. 209
Кострова В.А. 325–327
Костя *см.* Есенин К.С.
Котрелёв Н.В. 12
Кошечкин С.П. 336, 551, 553
Крайний В.М. 402
Крандиевская-Толстая (урожд. Крандиевская) Н.В. 17, 21, 30, 47, 48, 79, 84, 89, 90, 318, 407, 421
Красин Л.Б. 113
Краснов И.М. 551
Краснощёков (Краснощёк) А.М. 271
Крашенинников И. 242
Крейн Х. *см.* Hart Crane H.
Кремер И.Я. 226, 228
Кроммелинк Ф. 42
Кроткие *см.* Герман Э.Я. и Стырская Е.Я.
Крупская Н.К. 174
Крусанов А.В. 110, 135, 238, 552
Кручёных А.Е. 42, 80, 174, 194, 393
Крыленко Н.В. 260
Кто-то (псевд.) 197, 410, 478
Куденис В. (Wim Coudenys) 12, 126
Кузмин М.А. 66, 240, 313, 364
Кузнецов П.В. 207, 250, 262
Кузнецов Ф.Ф. 551
Кузнецова М.Н. 209
Куприн А.И. 143, 155
Кусиков (Кусикян) А.Б. 9, 20, 21, 23, 24, 30–33, 41–43, 46, 48, 51, 52, 55, 57, 61, 63, 65–67, 69, 70, 74, 75, 77, 79, 81, 84, 85, 93, 96, 106, 110, 111, 113, 119, 124, 135, 143–145, 147, 150, 153, 155, 169, 178, 192, 195–197, 206, 226, 231, 248, 257, 275, 278, 286, 295, 301, 302, 305, 310–312, 320, 322–330, 332, 333, 337, 339–342, 351, 353, 359–361, 369, 379–381, 387, 398, 400, 403, 407, 408, 411, 412, 418, 438, 439, 510, 511
Кустодиев Б.М. 285
Кушниров А.Д. 52

Лавров А.В. 101
Ладыжников И.П. 73, 156, 170, 223, 289, 315, 323
Лара Л. (Lara L.; собств. Larapidie de L'Isle L.-V.-Ch. de) 343, 368, 369, 390
Лахути Г.Г. 284, 551
Лебедев-Полянский (Лебедев) П.И. 98, 153, 213
Левидов М. (Левит М.Ю.) 144, 154, 155, 269
Левин В.М. 6, 202, 227, 268–270, 272, 275–278, 281–283, 372, 375, 382
Левин Д.М. 269
Левинсон А.Я. 248, 343, 387
Ленин (Ульянов) В.И. 53, 54, 87, 106, 174, 184, 376, 384
Лери *см.* Клопотовский В.В.
Лермонтов М.Ю. 136, 169, 264, 404
Лесков Н.С. 243
Летнев В.А. 152
Ливен Е. 257, 344
Лилина (Перевощикова) М. П. 179, 301
Линдер М. 85
Линдквист *см.* Lindqwist R.
Лирин А. 195, 205
Лисицкий Эль (Лисицкий Л.М.) 55, 150, 407, 408, 425, 438
Лист Ф. 241, 254, 340
Литвин Е.Ю. 12
Литвинов М.М. (Валлах М-Г.М.) 97, 98, 408, 436
Литовский (Каган) О.С. 213
Логинов (Логинов-Лесняк) П.С. 114
Лозинский М.Л. 379

Лоло *см.* Мунштейн Л.Г.
Ломидзе Г.И. 551
Л-р А. (псевд.) 68, 341
Луис П. 20, 377
Лукьянов С.С. 71, 324
Луначарский А.В. 9, 42, 62, 63, 76, 80, 116, 119, 121, 195, 213, 237, 301, 378, 386, 402
Лундберг Е.Г. 11, 22, 23, 30, 35, 107, 108, 163
Лунц Л.Н. 42, 77, 271
Лурье В.И. 222, 352
Львов-Рогачевский (Рогачевский) В.Л. 102, 179, 236, 345, 364, 412, 519, 520
Л-ъ (псевд.) 222
Лэндис Х.-Р. 185
Ляндау К.Ю. 396
Ляшко (Лященко) Н.Н. 80, 164, 165, 170, 364

М. 67
М. Д. 93
Ма-Г (псевд.) 146
Майков А.Н. 88
Маквей Г. 5, 6, 8, 11, 47, 136, 178, 211, 216, 228, 229, 234, 239, 242, 247, 254, 255, 271, 277, 278, 287, 305, 407–412, 418, 421, 435, 441, 447, 448, 459, 460, 468–477, 480, 481, 483, 490, 491, 498, 501, 503, 505, 506, 512, 514, 515, 518, 552, 553
Макдугалл А.-Р. 6, 16, 90, 127, 142, 182, 185–187, 191, 200, 201, 204, 211, 214, 228, 229, 232, 234, 248, 250, 253, 267, 283–285, 290, 291, 293, 295, 297, 362, 376, 377, 381, 385, 551
Макентун В. 16
Маккавейский В.Н. 279
Маккормик Р.-Р. 404
Максимовский В.П. 62
Малявин Ф.А. 179, 198, 285, 301
Маманди С. 80
Мандельштам О.Э. 66, 97, 126, 179, 247, 248, 250, 262, 263, 313
Маневич А.А. 209
Мани-Лейб *см.* Брагинский М.-Л.
Маннинг У.-Т., еп. 250
Мар С. (Чалхушьян С.Г.) 42
Мариенгоф А.Б. 11, 29, 42, 50, 59, 61, 63, 68, 77, 93, 96, 101–106, 109, 111, 113, 116, 118, 119, 121, 124, 134, 144, 152, 157, 159, 160, 169, 171, 173, 174, 179, 188, 192, 194, 206–209, 217, 223–225, 237, 238, 240–242, 247, 250, 256, 257, 261, 262, 266, 267, 269, 275, 287, 336, 344, 346, 350, 351, 353, 357, 360, 369, 370, 373, 378, 379, 382, 387, 393, 394, 396, 400, 401, 403, 552
Маринетти Ф.-Т. 349
Маркс К. 151, 175, 245, 348, 349, 367
Маркус Ж. 296
Мармион Г. 383, 385, 386
Мартын *см.* Никритина А.Б.
Мартын Задека 244
Марченко (Муравьева) А.М. 551
Мать *см.* Есенина Т.Ф.
Маширов-Самобытник (Маширов) А.И. 60, 368, 380
Машков И.И. 179, 301
Маяковский В.В. 31, 32, 35, 38, 42, 61, 63, 66, 72, 75, 76, 80, 86, 91, 97, 101, 105, 111, 112, 115, 124–126, 138, 141, 143–146, 149, 152, 154, 155, 166, 192, 202, 203, 209, 212–214, 229, 235–237, 240, 242, 243, 248, 250, 252, 253, 255, 266, 267, 271, 281, 285, 286, 289, 293, 313, 325, 331, 341, 343, 349, 351, 353, 357, 364, 375, 378, 379, 387, 388, 390, 398, 400, 551
Мейергоф *см.* Мариенгоф А.Б.
Мейерхольд В.Э. 27, 42, 213, 237, 255, 269, 284, 301
Мекш Э.Б. 404
Мендельсон М.О. 188, 220
Меньшой А. *см.* Спасский К.
Мережковские *см.* Мережковский Д.С. и Гиппиус З.Н.
Мережковский Д.С. 59, 104, 248, 383–385, 390, 413, 541
Меркурьев И. *см.* Финкельштейн И.
Мерц М. 278
Метерлинк М. 200

Мещеряков Н.Л. 98, 109, 213
Миллс Б. 253
Милославская М.М. 6, 7, 10, 103, 112, 136, 138, 142, 149, 165, 173, 207, 229, 378, 409, 413, 456, 461, 532
Милуорд Д. 376
Милюков П.Н. 53
Милютин И. 155
Миндлин Э.М. 368
Миних Б.-К. фон 237
Минне Ж. (Joris Minne) 408, 442
Минский (Виленкин) Н.М. 22–26, 54, 85, 235, 407, 420
Миронов А.Г. 174
Митрофанова-Есенина С.П. *см.* Есенина С.П.
Митя *см.* Левин Д.М.
Мих. *см.* Осоргин (Ильин) М. А.
Михайлович В. 365
Михаленко Н.В. 12, 151, 574
Мицич Л. 62, 217
Мишель Ж.-М. 376
Млодоженец С. 126
Модильяни А. 409, 452
Морá, капитан парохода «Paris» 182
Мордвинкин В.Ю. 213
Морткович Я. 257
Москвин И. М. 179, 301
Моцарт В.-А. 223, 329
Мультон Р. 205
Мунштейн Л.Г. 54, 312
Мур Т. 344
Муран К.М. 155
Мусоргский М.П. 385
Мюссе А. де 277

Н. 300
Н. Л. 101
Набоков Н.Д. 6, 24, 26, 27, 552
Надсон С.Я. 351, 372
Наживин И.Ф. 124, 149
Назарова А.Г. 91, 121, 208, 387
Накатов Г. 206
Наполеон III 161
Нарбут В.И. 217
Наседкин В.Ф. 280
Некашин П. 49, 50
Некрасов Н.А. 88, 215, 222, 242, 365, 394
Нельдихен (Нельдихен-Ауслендер) С.Е. 379
Немирович-Данченко Вас.И. 49, 50, 103, 235
Немирович-Данченко Вл.И. 224, 301
Нерон 73
Несёловский Т. (Tymon Niesiołowski) 413, 546
Несмелов (Митропольский) А.И. 240
Нечаев Е.Е. 364
Нивá Ж. 178
Никё М. 6, 12, 29, 80, 103, 112, 115, 141, 142, 144, 150, 169, 173, 178, 200, 207, 293, 358, 372, 383
Никита *см.* Толстой Н.А.
Никитин И.С. 88, 130, 222, 242, 365
Никитин Н.Н. 42, 49, 77, 111, 170, 213
Никитина Е.Ф. 308
Никиш А. 204
Николаев В.И. 147, 245, 552
Николаев П.А. (псевд. П. А. Н.) 217
Николай I 161
Николай II 124
Никритина А.Б. 336, 361
Ницше Ф. 151
Новиков И.А. 97
Новицкий К.П. 213
Ноздрин А.Е. 58, 59

О. 385
Обрадович С.А. 77, 321, 352, 364
Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 77, 379
Озеров (Гольдберг) Л.А. 551
Оленин А.Б. 249, 379
Орешин П.В. 60, 77, 80, 130, 143, 146, 147, 238–240, 350, 364, 365, 367, 368, 375, 379, 380, 387
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 105, 127
Осоргин (Ильин) М.А. 9, 173, 312, 313, 369
Остерман А.И. (Г.-И.-Ф.) 237
Осэ К. 7, 37–40, 411, 502
Отец *см.* Есенин А.Н.
Отрепьев Г.Б. 18, 95
Офросимов Ю.В. 85

Оцуп Н.А. 332, 333, 379

П. Ск. *см.* Скосырев П.Г.
Павел *см.* Петр III
Павлова М.М. 12
Павлович Н.А. (псевд. Павлов М.) 94, 147, 179
Палкин К.П. 22
Панкратова В.И. 12
Пантелеймон, св. 245
Панцир Д. 381
Паркаев Ю.А. 12
Пастернак Б.Л. 80, 97, 125, 138, 145, 154, 155, 236, 262, 313, 364, 379, 388
Первухин М.К. 162, 230
Переверзев В.Ф. 213
Переверзев О.К. 12, 59, 213
Перч, m-me *см.* Дести М.
Петерс Я.Х. 107
Петтерсен Э. 16
Петр I 104
Петр III 63, 84, 131, 162, 216, 249
Петров С.Г. 20
Петровская Н.И. 230, 236, 410, 482
Петьё А. 383
Пильняк Б. (Вогау Б.А.) 32, 58, 72, 73, 77, 80, 98, 111, 116, 143, 154, 155, 164, 170, 180, 194, 203, 213, 228, 237, 388, 403
Пиотровский В. 12, 100, 126, 332, 363, 553
Пиотровский (Корвин-Пиотровский) В.Л. 88, 240, 257, 261
Писарев Д.И. 392
Пичугин З.Е. 186
Платонов С. 49
Плетнев В.Ф. 77, 174, 213
По Э.-А. 170, 277, 326, 385
Повицкий Л.И. 288, 358
Поволоцкий Я.Е. 165, 173, 207, 229
Подгорский-Околув Л. (Podhorski-Okołów L.) 7, 100, 240, 363, 410, 412, 488, 489, 525
Познер В.С. 77, 388
Познер С.В. 147
Покровский М.Н. 62
Покровский Н.Н. 20
Полетаев Н.Г. 112
Полонская (урожд. Мовшенсон) Е.Г. 111
Полонский (Гусин) В.П. 213, 364
Полонский Я.Н. 339
Полоцкий С.А. 110
Попов В.В. 553
Попова Л.С. 42
Посошков И. (псевд.?) 235
Посторонний (псевд.) 34
Потебня А.А. 236, 244
Потемкин П.П. 95
Потехин Ю.Н. 33, 126
Потоцкий А. 99
Пошукайтис (Пашукайтис?), советский дипломат 16
Правдухин В.П. 101, 176, 177, 178, 212, 239, 351, 408, 434
Приблудный И. (Овчаренко Я.П.) 288
Пришвин М.М. 154, 403
Прокушев Ю.Л. 5, 279, 280, 551, 552
Пролетарий (псевд.) 375
Пугачев Е.И. 18, 63, 78, 84, 102, 115, 122, 131, 148, 152, 157, 167, 193, 216, 222, 237, 249, 403
Пушкин А.С. 48, 99, 130, 136, 149, 214, 215, 287, 297, 306, 310, 324, 394, 395, 404

Рабинович И.С. 402
Рабинович М. 232, 253–255
Радван-Рыжинская Н. 91
Радек К. (Собельсон К.Б.) 213
Радимов П.А. 55
Радугин С. *см.* Ражба С.Н.
Раевская-Хьюз О. 32
Ражба С.Н. 63
Разин С.Т. 18
Разумник *см.* Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
Райх З.Н. 55, 209, 269, 270
Райх Н.А. 209
Распутин Г.Е. 124, 262
Рафаэль Санти 19
Рахлина З.В. 551
Рахманинов С.В. 209, 228
Рашель *см.* Брагинская Р.
Реймонд *см.* Дункан Р.

Рейнхардт М. 29
Рейснер М.А. 108
Ремизов А.М. 23, 107, 116, 147, 172, 256, 311, 407, 423
Реншоу Д. 254
Ренэ Санс *см.* Шумлевич К.Я.
Рерих Н.К. 209
Рильке Р.-М. 20, 21
Рихтер З.В. 213
Родов С.А. 156
Родченко А.М. 42
Рождественский В.А. 201, 377, 379
Розанов В.В. 51
Розанов И.Н. 37, 261, 368, 369
Розенталь Л.В. 279
Розенцвейг Б.И. 355
Ройзман М.Д. 96, 97, 171, 280
Рокфеллер Д.-Д. 404
Роллан Р. 330
Романов П.С. 80, 364
Ромен Ж. (Фаригуль Л.) 237
Руссо Ж.-Ж. 271
Рысс П.Я. 106

С., скульптор 396
С. Б. 135
С. Ев. *см.* Евгенов С.Е.
С. Ж. *см.* Жарин С.
Саакян Р.С. 12, 343
Сабанеев Л.Л. 179, 213, 301
Савин (Саволайнен) И.И. 386
Савицкая Л. 7, 370
Савкин Н.П. 179, 207, 250
Савченко Т.К. 6, 12, 343
Садофьев И.И. 60, 271, 368, 380
Садыкер П.А. 324
Саксон Г. 253
Сало Ж. *см.* Эренбург И.Г.
Салтыков М.В. 259
Сальери А. 329
Самобытник *см.* Маширов-Самобытник (Маширов) А.И.
Сандро, Сашка *см.* Кусиков А.Б.
Санников Г.А. 112
Сахаров А.М. 102, 104, 134, 179, 256, 365
Сашка *см.* Сахаров А.М.
Свентицкий А.М. 275, 325, 384
Свойский П. 171
Севастьянова А.А. 32, 220
Северский (Прокофьев) Н.Г. 209
Северянин И. (Лотарёв И.В.) 224, 240, 403
Семёновский Д.Н. 77, 176
Серафимович (Попов) А.С. 97
Сергеев-Ценский (Сергеев) С.Н. 46, 143
Серегина С.А. 12
Серж В. (Кибальчич В.Л.) 115, 293, 294, 332
Серов В.И. 46, 298
Сестра *см.* Есенина Е.А.
Сидоров (Сидоров-Окский) Г.А. 240, 379
Сикорский И.И. 209
Силин А.Д. 160
Сильвочка *см.* Гринберг С.З.
Сиповский В.В. 365, 368
Скатов Н.Н. 551
Скиталец (Петров С.Г.) 381
Скиф *см.* Потехин Ю.Н.
Скороходов М.В. 11, 552
Скосырев П.Г. 256
Скрябин А.Н. 241, 267
Слоним М.Л. 63, 227, 351
Слонимский М.Л. 42, 77
Случайный (псевд.) 321
Случановский А.В. 379
Смирнов О.С. 370
Соболев Ю.В. 213
Соболь А. (Ю.М.) 80
Советов М. 360
Соколов Б.М. 247
Соколов В.А. 250, 262
Соколов-Микитов И.С. 23, 143, 407, 422
Солженицын А.И. 92
Соллертинский И.И. 388
Солобай Н.М. 11
Сологуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 59, 66, 80, 143, 155, 187, 240, 313, 388
Сорель С. 118, 297, 303
Сорокин Б.А. 146, 147, 408, 440
Сорокин В.В. 551
Сорокин П.А. 72
Соснин Б. 257

Сосновский Л.С. 213
Софокл 21
Спасский К. (Меньшой А.) 154
Спасский С.Д. 76, 155, 213
Сталин (Джугашвили) И.В. 9, 105, 174
Станиславский (Алексеев) К.С. 224, 301
Старцев И.И. 160, 263, 357, 361
Стасов В.В. 244
Стахова М.В. 552
Стеклов Ю.М. (Нахамкис О.М.) 213
Степун (Степпун) Ф.А. 9, 173
Стивенсон Р.-Л. 40
Стрижевская Н.И. 260
Стырская Е.Я. 361
Субботин С.И. 5–7, 11, 151, 159, 184, 194, 201, 233, 242, 253, 278, 284, 288, 305, 552, 553
Суворов А.В. 260
Сувчинский П.П. 35
Судейкин С.Ю. 209, 233
Сумароков А.Д. 176
Суриков И.З. 88, 130, 364, 365
Сушицкий В.А. 381, 398

Таиров (Корнблит) А.Я. 250, 255, 262
Тальников (Шпитальников) Д.Л. 233
Таня *см.* Есенина Т.С.
Тарасов-Родионов А.И. 280
Татлин В.Е. 63
Телбот О.-Б. 228
Терехина В.Н. 32, 363
Теруань де Мерикур (Тервань) А. 51
Тисленко Я.М. 155, 350
Тихон, патриарх (в миру Белавин В.И.) 20, 74, 125, 128
Тихонов Н.С. 77, 106, 111, 155, 180, 203, 228, 236, 361, 390
Тодд Р.-Е. 185
Толик *см.* Мариенгоф А.Б.
Толстая О.К. 385
Толстая-Есенина С.А. 33, 36, 37, 269, 279, 280, 336, 385
Толстой А.К. 95
Толстой А.Н. 21, 23, 30, 33, 43–45, 47, 50, 53, 57, 60, 61, 65, 66, 68, 69, 70, 77, 81, 88, 89, 95, 96, 100, 105, 111, 112, 141, 143, 163, 164, 168–170, 207, 224, 318, 320, 325–327, 353, 407, 421, 422, 426
Толстой Л.Н. 404
Толстой Н.А. 21, 22, 44
Толька, Толя *см.* Мариенгоф А.Б.
Топорков А.К. 179, 250, 262, 396
Третьяков С.М. 112, 236, 279
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 9, 98, 105, 109, 180, 184, 192–194, 203, 213, 301, 320, 390, 402
Трубецкой Н.С. 35, 36
Тувим Ю. 240
Тугуш Г. 16
Тумповская М.М. 379
Тупин А.П. 202
Тютчев Ф.И. 83

Уайльд О. 58
Углов А. (Кашинцев Д.А.) 213
Уитмен У. 140, 167, 201, 202
Ун. (псевд.) *см.* Браун Я.В.
Устинов Г.Ф. 60, 78, 140, 141, 156, 169, 213, 275, 402
Ушаков А.И. 237

Файнберг Л. 274, 275, 277
Федин К.А. 77
Федоров А.А. 110
Федоров Н. 388
Федюхин А.А. 12
Феокрит 51
Фербенкс Д. 205
Фердинандов Б.А. 42
Феррари Е.К. (Голубовская О.Ф.) 196, 203
Ферстер, владелец ресторана (Берлин) 333
Фет (Шеншин) А.А. 215
Фиала Ф. 120
Филатова Е.Е. 118
Филипченко И.Г. 77, 106, 368
Философов Д.В. 248
Финкельштейн И. 78
Фиц П. 164
Фицью А. *см.* Fitziu (Fitzhugh) A.
Фишер, владелец пансиона (Берлин) 44
Фламан Ж. 8, 130, 135

Флейшман Л.С. 32
Флит Б.Д. 266
Флор-Есенина Т.П. 553
Фокин М.М. 209
Фоккер А.-Г.-Г. 245
Фомин С.Д. 303, 365
Фор П. 161
Фореггер (Фореггер фон Грейфентурн) Н.М. 208, 224
Франко Н. 200, 204–206, 209, 210
Франциск Ассизский 346
Фрейд З. 151
Фрезинский Б.Я. 553
Фриче В.М. 213

Хаддлстон С. 142, 143
Хатаева Е.И. 269
Хачоян А.В. 7, 12, 38
Хейфец Я. 205
Хеммонд Л. 298, 302
Херсонский Х.Н. (псевд.Хрисанф) 111, 213
Хлебников В. (В.В.) 42, 118, 174, 236, 312
Ходасевич В.Ф. 49, 79, 351, 388
Хомчук Н.И. 551
Хроникер (псевд.) 23
Хрулёва Р.П. 12
Хьюз Р. 32

Царькова Т.С. 12
Цвейг С. 126
Цветаева М.И. 51, 54, 66, 126, 240, 313, 379, 388
Цветнов В.И. 308
Цетлин М.О. 161

Чаадаев Н. *см.* Сорокин П.А.
Чагин (Болдовкин) П.И. 31
Чайковский Н.В. 96
Чайковский П.И. 180, 200, 209, 267
Чалая (Антонова) З.А. 242
Чаплин Ч.-С. 355, 396
Чаренц (Согомонян) Е.А. 279, 343, 377
Чеботаревская Е.Н. 336
Черносвитов Е.В. 377
Черный С. (Гликберг А.М.) 215
Черток Л. 377
Четвериков Б.Д. 271, 284
Чистякова Е.Н. 169
Чичерин Г.В. 192
Чужак Н. (Насимович Н.Ф.) 176, 177, 213
Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 58, 112, 164
Чулков Г.И. 97
Чумаков А.Н. 322
Чурин И.Я. 391

Шагинян М.С. 79, 110
Шаляпин Ф.И. 127, 228, 301
Шамурин Е.И. 152
Шанк Л. *см.* Shank M.L.
Шапирштейн-Лерс Я.Е. 174
Шассен, французский актер 343
Шаховская Д.Э. 359, 360
Шевченко Е.С. 192 («Е. Ш.»), 240
Шекспир У. 10, 169, 279
Шенгели Г.А. 128
Шеневьер Ж. (Дебиль Л.) 126
Шенкс Л. *см.* Shank M.L.
Шерешевская М. 552
Шерон Ж. 360
Шершеневич В.Г. 42, 52, 54, 59, 61, 63, 66, 70, 74, 76, 80, 93, 96, 97, 101, 105, 110, 111, 112, 121, 127, 135, 143, 144, 152, 157, 159, 169, 171, 174, 192, 198, 204, 208, 213, 217, 221, 224, 236, 239, 246, 257, 275, 280, 344, 348–351, 353–357, 369, 372, 373, 379, 380, 382, 387, 393, 396, 400, 401, 403, 412, 521
Шиллер Ф. 47
Шимкин В. 205
Ширяев Е. 250 («Е. Ш.»)
Ширяевец (Абрамов) А.В. 155, 238, 303, 350, 365
Шишкин А.П. 11, 46, 47, 180, 187, 188, 211, 228, 239, 240, 247, 253, 284, 288, 292–294, 297, 303, 369
Шкапская М.М. 36, 240, 379, 388
Шкловский В.Б. 235
Шкляр Е.Л. 155, 385, 403, 404
Шкулев Ф.С. 364
Шмелев И.С. 97, 154, 155

Шмидт Л.Ю. 213
Шнейдер И.И. 10, 29, 41, 66, 90, 94, 110, 112, 113, 116, 211, 212, 229, 230, 234, 334, 338, 553
Шокальский Е. 7, 12, 100, 126, 240, 261, 262, 363
Шпенглер О. 91
Штеренберг Д.П. 213
Шуберт Ф. 228, 254, 269
Шубникова-Гусева Н.И. 5–7, 11, 37, 65, 208, 220, 253, 271, 280, 551–553
Шуман Р. 223
Шумихин С.В. 6, 552
Шумков 179, 301
Шумлевич К.Я. 56, 157
Шура, Шурка *см.* Есенина А.А.

Щедрин *см.* Салтыков М.В.

Эбергардт Я. 215
Эвентов И.С. 551
Эйхенбаум Б.М. 311
Элленс Ф. (Эрменгем Ф. ван) 6, 10, 29, 36, 112, 125, 126, 136, 140–142, 144, 149, 150, 153, 165, 168, 169, 173, 207, 408, 409, 443, 452, 453, 456, 461, 464, 465
Эмигрант (псевд.) 106
Эмилия, экономка 360
Эрдман Б.Р. 42
Эрдман Н.Р. 42, 171, 179, 207, 250, 262, 393
Эренбург И.Г. 6, 22, 23, 29, 32, 36, 40, 52, 54, 59, 61, 63, 65, 66, 70, 74, 80, 103, 105, 125, 126, 138, 144, 152, 155, 159, 168–170, 204, 213, 217, 221, 225, 240, 246, 312, 314, 321, 364, 379, 553
Эрлих В.И. 308
Эрн Л.И. 361
Эррио Э. 383
Эсхил 344

Югурта *см.* Топорков А.К.
Южин (Сумбатов) А.И. 301
Юм (псевд.) 336
Юрок С. (Гурков С.И.) 6, 43, 50, 126, 127, 185, 190, 199, 205, 209, 211, 223, 228–230, 234, 239, 240, 287, 288
Юсов Н.Г. 6, 11, 101, 120, 169, 170, 172, 215, 242, 249, 263, 382, 385, 553

Яблоновский (Яблоновский-Снадзский) А.А. 320, 321, 376
Яковлев (Трифонов-Яковлев) А.С. 77, 228
Яковлев (Эпштейн) Я.А. 9, 105, 109, 174
Яковлева В.Н. 116, 174
Яковчик К. 155
Якулов (Якулян) Г.Б. 42, 207, 217, 223, 224, 250, 262, 361
Яна *см.* Козловская Я.М.
Ярмолинский А. 6, 188, 201, 214–216, 220, 221, 249, 275, 276, 282, 291
Ясенский Б. (Зискинд В.Я., по др. данным Зисман А.) 126, 260, 309, 389, 412, 413, 513, 547
Ященко А.С. 32, 162, 163, 261, 289, 407, 422

Berák J. *см.* Берак Я.
Boswell Young 271
Brian Chaninov N. *см.* Брянчанинов Н.В.

Chertok L. *см.* Черток Л.

Desti M. *см.* Дести М.
Duncan I. *см.* Дункан И.

E. Sz. 299

Fitziu (Fitzhugh) A. 191

G. Ch. 357
Gollancz V. 287
Goode R. 288
Guy-Noël *см.* Валлерэ Ж.

Hammond L. *см.* Хеммонд Л.
Harle 15
Harrap G.-G. 143
Hart Crane H. 245

Hellens F. см. Элленс Ф.
Horák F.S. *см.* Фиала Ф.
Hottois 15
Huddleston S. *см.* Хаддлстон С.
Hurok S. *см.* Юрок С. (Гурков С.И.)

Isadora *см.* Дункан А.

Janet P. *см.* Жане П.
–ji– см. Ивашкевич Я.

Kinel L. *см.* Кинел Л.

L. L. *см.* Лисицкий Эль
Les Treize *см.* Дивуар Ф.
Lindqwist R. 386

MacDonald, издатель 288
McVay G. *см.* Маквей Г.
Meewus W.-A. 287
Mierau F. 151

P. S. 261, 411, 500

Salot J. см. Сало Ж.
Senex (псевд.) 157
Seroff V. *см.* Серов В.И.
Shank M.L. 229, 232

W. 61
Werner M.-R. *см.* Вернер М.-Р.

Z. 304

Содержание

Предисловие 5

Летопись

1922 15
1923 265

Приложение

Содержание приложения 407
Материалы приложения 415

Список условных сокращений 551
Указатель произведений и книг С.А.Есенина 555
Указатель имен 559

Поправка

На обороте титула и в выходных данных первой книги т. 3 «Летописи жизни и творчества С.А.Есенина» (М.: ИМЛИ РАН, 2005) вместо *Н.В.Михайленко* следует читать: *Н.В.Михаленко*.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького

Л 52

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. Т. 3. Кн. 2. 10 мая 1922 – 2 августа 1923.
Главный редактор А.Н.Захаров.
Составление тома А.Н.Захарова, С.И.Субботина. Указатели Н.В.Михаленко, М.В.Скороходова и С.И.Субботина. Ответственный редактор тома С.И.Субботин. Научная редакция тома Н.И.Шубниковой-Гусевой. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 575 с.
ББК 83.3 (Рос-Рус)

Летопись жизни и творчества С.А.Есенина

В пяти томах

Том третий

Книга 2

10 мая 1922 – 2 августа 1923

Редактор *Т.С.Шеханова*
Корректоры *М.В.Скороходов, Т.С.Шеханова*
Изготовление оригинал-макета
Л.В.Владимирской

Подписано к печати 28.07.2008.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 46.44
Печать офсетная. Печ. 36 л. Тираж 1000 экз.

ИМЛИ РАН,
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а.

Тел.: (495) 690-05-61, 291-23-01

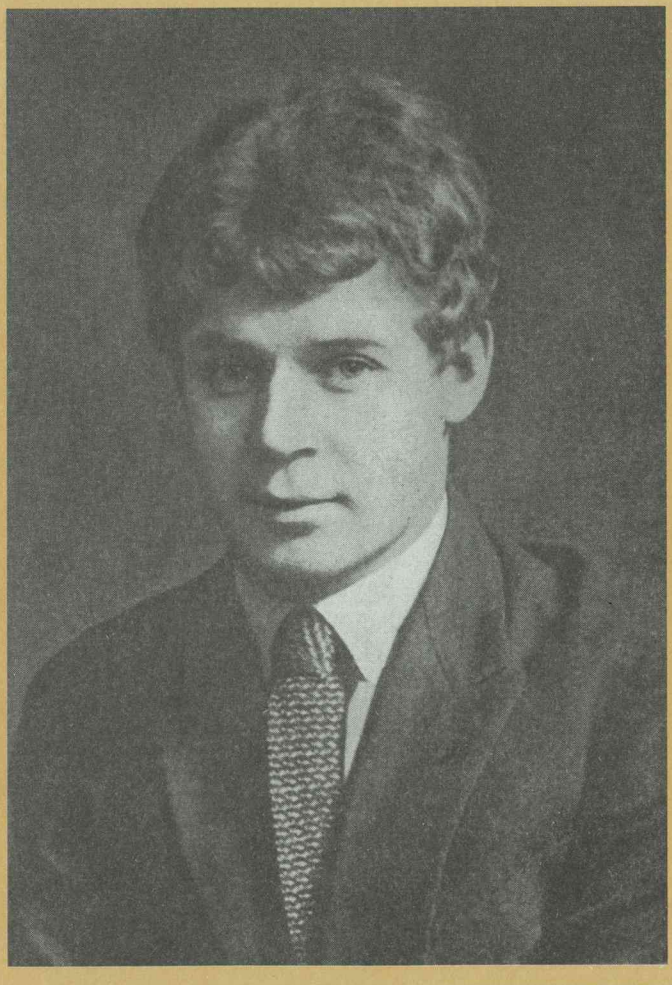
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ № 2552

ISBN 978-5-9208-0308-5

ISBN 978-5-9208-0398-6

Поправка к стр. 544

Подпись под рисунком следует читать:

Б.Ефимов. Пленарное заседание
российской литературы.
Фрагменты дружеского шаржа
(журнал «Прожектор», М., 1923, 30 июня, № 10)